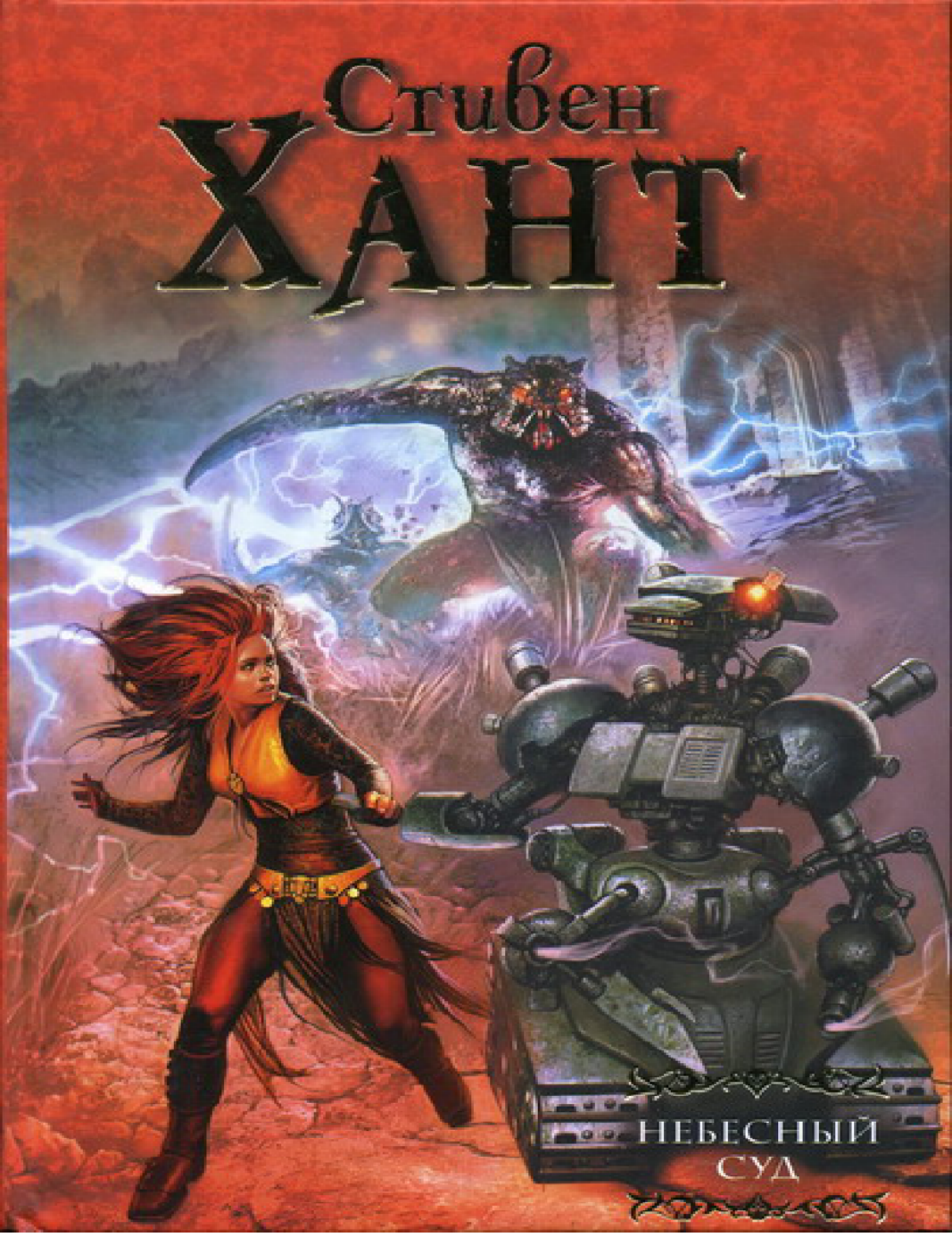
Стивен

ХАНТ



НЕБЕСНЫЙ СУД

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Викторианская Англия?

Не совсем.

На престоле и вправду сидит великая королева, а над Британской империей никогда не заходит солнце — но уютные особняки Лондона соседствуют с небоскребами, над улицами парят аэростаты, людям прислуживают механические слуги, кареты движутся на паровом ходу, а наука и магия имеют равные права.

Здесь судьба человека определена от рождения.

Нищая сирота Молли Темплар прекрасно понимает, что ей предстоит пополнить ряды «ночных бабочек» столицы…

Племянник и воспитанник богатого коммерсанта Оливер Брукс с детства готовится вступить в процветающее дело для дядюшки…

Но внезапно жизнь Молли и Оливера резко меняется. Они встречаются в час грозной опасности — и вынуждены поддерживать друг друга перед лицом верной гибели.

По следам их идут безжалостные наемные убийцы, планомерно уничтожающие всех их близких и знакомых.

В чем же виноваты юноша и девушка, никому не причинившие зла? Кто заказал их? И главное — за что?

Молли и Оливер понимают: разгадку предстоит искать в их происхождении, которое пока что остается тайной для них обоих, — и в магических способностях, которые постепенно в них пробуждаются…

- Стивен Хант
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14

    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
    - Глава 26
- notes
    - 1

Стивен Хант
«Небесный суд»

Спасибо всем, кто достоин моей благодарности. Они сами это знают.

Глава 1

Молли Темплар уныло сидела возле загрузочной платформы в прачечной на Хэндсом-лейн. Рядом стояла причина ее уныния — пустая тележка, чей груз, целый ворох одежды, перекочевал внутрь кадки с пузырящейся мыльной водой. Или скажем так: Молли пыталась представить себе, что это такое — испытывать уныние, и под стать настроению страдальчески морщила веснушчатое личико. Но поскольку в конце концов за ней пришла Рашель, девочка из приюта, а не бидл, то попытки Молли придать лицу унылое выражение так никто и не оценил по достоинству.

Демсон Снелл, хозяйка прачечной, вышла посмотреть, кто пришел, и, увидев, что это еще одна девчонка из работного дома Сан-Гейт, была откровенно разочарована.

— Неужели бидл настолько занят, что у него нет времени следить за лентяйками, которых он против моей воли навязывает мне?

— Бидл приносит свои извинения, — поспешила заверить ее Рашель. — Он действительно ужасно занят.

— Тогда передай ему, что у меня нет места для таких никудышных работниц, как эта. — Демсон Снелл указала на Молли. — Знаешь, за каким занятием я ее застукала?

— Нет, мисс, — ответила Рашель, которая прекрасно обо всем догадывалась.

— За чтением! — От возмущения лицо хозяйки прачечной сделалось пунцовым. — Какой-то джентльмен оставил в кармане куртки трехпенсовую книжонку, и она… — возмущенный перст Демсон Снелл ткнул в Молли, — принялась, черт побери, ее читать! А когда я захлопнула ее книжонку, эта особа вздумала дерзить мне! Вот уж штучка! Скажи бидлу, что у нас тут место для работы, а не библиотека какая-нибудь! Когда нам понадобится дамочка-грамотейка, я попрошу, чтобы мне прислали барышню-клерка с лицензией, а не какую-то шваль из Сан-Гейта!

Рашель закивала головой, как бы выражая понимание, и увела Молли прочь прежде, чем хозяйка прачечной успела закончить свою гневную тираду.

— Прекрасный урок экономики получила я от этой дамочки! — призналась Молли, когда они удалились на почтенное расстояние, на котором их никто не мог подслушать. — Каждый месяц она сует бидлу двадцать шиллингов и получает от него бесплатных прачек из работного дома. Но забывает заплатить достойное вознаграждение тем,

кому нечего продавать, кроме своего труда.

Рашель вздохнула.

— Ты рассуждаешь как юная карлистка, Молли. Удивительно, как это ты еще не попыталась создать рабочий союз. Трехпенсовая книжонка, которую ты нашла в сюртуке этого джентльмена, случайно не экземпляр «Общества и общего дела»?

— В кармане у одного из ее клиентов? — возмущенно фыркнула Молли. — Нет, это роман о морских приключениях. Про славный аэростат «Эффрей», и как на нем охотились за пиратом Самсоном Дарком, который плавал по морям на субмарине.

Рашель понимающе кивнула. Королевство Шакалия было буквально наводнено щелкоперами из издательских концернов Док-Ярда, которые только тем и занимались, что вынюхивали следы героев, бандитов, разбойников и пиратов. Эта колоритная толпа персонажей действовала потом на страницах карманных новостных листков вроде «Миддлстил иллюстрейтед ньюс», а также дешевых, по пенсу за штуку, бульварных романов, в которых причудливо переплетались правда и вымысел. Книжонки издавались сериями; новые выпуски являлись продолжением предыдущих, чтобы подцепить читателей на крючок. Более изобретательные авторы включали в свои истории легенды с участием богов из далекого прошлого, которым молились до того, как подданные Шакалии выбрали для себя круговистские медитации. По страницам их опусов кочевали таинственные Ловцы волков. Облаченные в черные плащи, с острыми хищными зубами, они рыскали по стране в поисках нечестивцев, которых затем похищали, наводя ужас на всех, за кем водились грешки.

Под крышей работного дома эти истории представлялись чрезвычайно увлекательными, поскольку уводили детей из суровой действительности, где царили голод и тяжелая работа, в яркий мир грез. Молли очень хотелось, чтобы они были правдой, чтобы где-то на самом деле существовали и ярко освещенные залы для балов, и красавцы-офицеры на грациозных скакунах. Однако она понимала: Самсон Дарк всего-навсего старый жестокий пьянчуга с мерзким характером, а его страсть к захвату чужих кораблей со всеми их грузами есть лишь свидетельство того, что он слишком ленив и глуп, чтобы честно зарабатывать себе на жизнь. Славный воздушный корабль «Эффрей» отнюдь не одерживал героической победы, а просто по ошибке наткнулся на пиратский флот, пока скармливал рыбам честных рыбаков. Затем, повиснув над субмариной Дарка, он принялся осыпать зажигательными бомбами ее мачты и палубы. Потеряв свое судно, несчастные пираты оказались брошены на милость океанских

стихий и кровожадных хищников острозубое. Несколько дней спустя какой-то наемный писака из Док-Ярда случайно натолкнулся в какой-то таверне на подвыпивших членов экипажа прославленного аэростата. Угостив их бочонком рома, смешанного с патокой, бойкий щелкопер выудил у них историю о замечательной победе и рукопашной схватке с флибустьерами. После чего названный борзописец существенно приукрасил данный рассказ, и издатели с Док-стрит вроде «Торли Смит пресс» заполонили весь город грошовыми бульварными книжонками, воспевавшими доблесть мужественных воздухоплавателей.

— Обо мне уже известно бидлу? — полюбопытствовала Молли. Суровые повседневные заботы быстро вернули ее на землю.

— Неужели ты не знаешь наших порядков? — ответила Рашель. — Я тут ни при чем, я не доносчица. Тебя выгоняют с четвертого места работы за последние несколько месяцев. Он собирался выяснить, что с тобой случилось.

Молли нервным жестом растрепала свои рыжие волосы.

— Билл сильно разозлился?

— Еще как.

— Что же он со мной может сделать?

— Да ты, я смотрю, совсем без ума, Молли Темплар, — ответила Рашель, заметив в глазах Молли огонек неповиновения. — Ты лучше вспомни, чего с тобой *не делали?* Подвергали порке. Лишали выходных дней. Давали меньше еды. Неужели тебе хочется чего-то нового? Похоже, ты сама нарываешься на неприятности.

— Скоро ничего этого больше не будет.

— Тебе еще целый год ждать, прежде чем истечет срок действия бумаг по опеке, — возразила Рашель. — Срок очень долгий, и бидл успеет вволю поглумиться над тобой.

— Всего один год, и я уйду из работного дома.

— И куда же ты уйдешь? — спросила Рашель. — По-твоему, сиротам вроде тебя или меня светит попасть в высшее общество, чтобы лакомиться пирогом с начинкой из мяса куропатки и изысканным кларетом? Можно подумать, нас там ждут с распростертыми объятиями! Сомневаюсь, что тебе удастся найти средства для пропитания, так что скорее всего ты окажешься на улице в самой гуще городского отребья, будешь шарить по чужим карманам и срезать кошельки, а закончишь тем, что тебя поймают полицейские. После этого юную демсон Молли Темплар посадят на один из тех кораблей, что перевозят ссыльных поселенцев в Конкорцию, в тамошние колонии.

— Я не хочу закончить жизнь вон там, — ответила Молли и указала большим пальцем себе за спину в направлении прачечной на Хэндсом-лейн.

— Можно подумать, мне хочется до конца дней вкалывать в проклятой прачечной, — вздохнула подружка Молли. — Но там хотя бы кормят и есть крыша над головой, а это, согласись, лучше, чем подыхать с голоду на улице.

— Вообще-то к голоду мне не привыкать. Вернее, меня постепенно приучили к нему в работном доме, — призналась Молли, — если, правда, только…

Рашель осторожно прикоснулась к ее руке.

— Знаю. Я тоже скучаю по ней, по нашей демсон. Эх, если бы наши желания оборачивались шиллингами, мы бы давно жили не хуже принцесс!

Для сирот существовала лишь одна демсон — демсон Дарней; та, что возглавляла работный дом Сан-Гейт до прихода бидла. С тех пор, как она скончалась от сердечного приступа, прошло уже четыре года. Демсон Дарней была сторонницей реформ и потому убеждена, что богатый район Миддлстила мог позволить себе содержать образцовый работный дом. Приют, в котором детей станут обучать чтению и письму, где бездумный отупляющий труд будет вытеснен образованием и добрым круговистским воспитанием.

Одним холодным хмурым утром викарий Круговистской церкви отвез ее завернутое в плащ бездыханное тело на задке повозки на кладбище, и место славной демсон Дарней занял жестокосердный бидл. Поскольку дети зависели от карманов местных купцов, их содержание теперь оплачивалось в счет тех скудных средств, которые сироты получали за работу в лавках и прочих торговых предприятиях. Так возникла система обучения юных подопечных работных домов для подготовки благодарных сирот к будущей взрослой жизни.

Странно, но рабочие места для сирот почему-то никогда не включали в себя теплый кабинет в одном из новых фешенебельных гидравлических зданий на Гейт-стрит или хотя бы в конторе в одном из домов на Сан-лейн. Чистильщицей канализации? Пожалуйста. Или полоскать белье в прачечной, где стиральные порошки разъедают ногти. Такая работа находилась всегда. Находилась работа и в скудно освещенных мастерских, где приходилось горбиться за ткацким или токарным станком, где ничего не стоило обжечься брызгами расплавленного металла и терять каждый год по пальцу.

Молли была мала ростом для своего возраста, и когда ей было двенадцать-тринадцать лет, девочку использовали в

качестве трубочиста, заставляя забираться в темные вентиляционные шахты миддлстилских пневматических домов, где она щеткой счищала со стенок труб сажу и копоть. Именно в такой шахте она оказались перед тем, как обрушилась башня пятидесятиэтажного Блимбер-Уоттс, первого сооружения подобного рода. В ее резиново-холщовой утробе вмещались тысячи клерков, мраморные атриумы и даже солярий. Однако проектировщики допустили ошибку, и водяные стены лопнули, в результате чего гидравлическое сооружение рухнуло на запруженные людьми улицы.

Молли находилась в шахте на уровне тридцать восьмого этажа, когда башня, потеряв устойчивость, устремилась вниз куда быстрее, чем когда-то росла верх. Девочка очутилась в темноте и целых пять дней пролежала между двумя протекающими водяными клетками, слизывая со стенок затхлую грязную воду, чтобы утолить жажду. От страха ее рвало, а еще она сорвала голос, постоянно, до хрипоты, призывая людей на помощь.

Девочка уже потеряла всякую надежду, по-прежнему оставаясь в тесных объятиях резины, которая сдавливала ее все сильнее и сильнее. Спасение пришло неожиданно: Молли почувствовала, как механический рабочий, паровик, прорезает останки здания как раз у нее над головой. Ее почему-то с самого раннего детства влекло к механической расе. Их полированные бойлерные сердца, их механические устройства, состоящие из шестеренок и силикатных призм, взывали к ней с просьбой посмотреть, повертеть в руках, собрать в сложные модели. Молли крепко зажмурила глаза, стараясь сделать так, чтобы механический рабочий услышал ее мысли — здесь, да, здесь, сюда, ниже, вот *сюда!*

Через несколько минут безмолвный паровик отодрал полоску резины толщиной в фут, и в темницу, в которой была заточена Молли, ворвался яркий, до рези в глазах, дневной свет. Железный исполин стоял молча, и Молли не сразу догадалась, что у него удалена голосовая коробка. Паровик кивнул головой и равнодушно ушел прочь, как будто окровавленные, черные от сажи девочки, выползающие из земли, встречаются механическим людям каждый день.

Как же проклинал ее, как осыпал ударами трости бидл, пытаясь снова загнать в дымоходы! Удалось ему это лишь единственный раз, но потом вслед за ней в трубу пришлось посылать двух других девочек-трубочистов, чтобы вытащить наружу дрожащую и безгласную Молли.

— Ну, пошли! — вернула ее из грез на землю Рашель. — Давай свернем на Блэкгласс-лейн. Когда я шла сюда к тебе, то

заметила, что на проспекте Грамблбэнк будет парад.

— Неужто сам король? — спросила Молли.

— Еще лучше, подружка. Особая Гвардия!

И пусть в работном доме ее ожидали крупные неприятности за очередную потерянную работу, Молли все равно улыбнулась. Все были в восторге от Особой Гвардии, от славных гвардейцев. Какие они бравые! Какими щеголями смотрятся в своих мундирах. Какие они сильные и мускулистые — видно, не один день провели в спортивных залах, упражняя атлетически сложенные тела.

Чтобы срезать путь, подружки прошли через квартал городских трущоб, заваленный кучами зловонных отбросов, прежде чем вышли к широким и чистым проспектам, тянувшимся параллельно Сан-стрит. Там уже теснились толпы зевак, которых удерживала на мостовых цепочка констеблей из ближайших полицейских участков. Черные мундиры, на груди крест-накрест патронташи с блестящими на солнце стеклянными пулями. По главной улице города издали, чеканя шаг, двигалась колонна Особой Гвардии. Подошвы высоких сапог звучно впечатывались в дорожное покрытие. Сама земля, похоже, вибрировала от их приближения.

— Вот и твои гвардейцы! — воскликнула Молли.

— А вот и твой король! — отозвалась Рашель.

Его величество король Юлий, восьмой монарх Восстановленного Трона и король шакалийцев, восседал на мягком красном кресле, установленном на открытой повозке, в которую была запряжена четверка лошадей. С нескрываемой печалью во взоре он взирал на толпы зевак, заполонивших городские улицы.

Молли указала на кронпринца Алфея, сидевшего рядом с королем. Юноша был ненамного старше Рашели и Молли.

— Вид у него не больно счастливый!

— А с чего радоваться, ведь отец его подхватил болезнь лодочника! Теперь его папочка не протянет на троне и двух лет, и тогда принцу самому светит нож.

Молли кивнула. Одежды короля были скроены таким образом, чтобы тотчас бросалось в глаза, что у него ампутированы обе руки, и недолго осталось ждать того часа, когда и юного принца гвардейцы тоже отволокут к костоломному столу.

Такая традиция установилась после того, как Изамбард Киркхилл, пройдя походом через всю страну, залитую кровью и затянутую пороховым дымом, установил право парламента на главенство над только что созданной *армией.* Отныне ни один

монарх не посмеет поднять руку на свой народ.

После той гражданской войны прошло пять веков, но гвардейцы по-прежнему неукоснительно следовали заветам Изамбарда Киркхилла, старого рубаки, как называли его когда-то враги. Каждую неделю на Парламентской площади проводился парад, который брал начало от дворца — этой огромной мраморной тюрьмы для искалеченного монарха. После символического снятия королевской маски-намордника король становился на одно колено и прилюдно подтверждал право Палаты Стражей властвовать над народом. В настоящее время единственными свидетелями церемониала была горсточка скучающих зевак, кучка любознательных иностранных гостей страны и длинная череда безмолвных статуй Почетных Парламентариев.

— Смотри! — произнесла Молли и указала куда-то позади повозки. — Капитан Флейр!

Рашель растолкала стоявших перед ней уличных торговцев фруктами и рыбой, чтобы получше разглядеть того, на кого указывала подружка.

— Это он! Молли, ты только посмотри на его мускулы. Да он задаст жару целому полку кассарабийских всадников!

Молли знала, что Рашель в восторге от пошлых бульварных романов, события в которых развивались под шорох шелков расположенных посреди песчаных дюн гаремов, под звон стальных клинков, доносящихся с полей сражений. Впрочем, Рашель права. Капитан Особой Гвардии был действительно чертовски хорош собой. Никакая книжная обложка, никакая иллюстрация не была способна передать его внешность. Плащ капитана Флейра развевался за его спиной словно некое живое существо и был подобен танцующей тени. Пронзительные голубые глаза, казалось, заглядывали людям прямо в душу.

— Ура Гвардии! — раздался откуда-то из гущи толпы почти истерический крик. Его тотчас подхватили сотни других голосов. Потом в толпе кто-то запел «Льва Шакалии», и вскоре патриотические строчки гимна уже звучали со всех соседних улиц.

Молли стояла рядом с Рашелью, чувствуя, как с каждым мгновением ее охватывает чувство гордости за собственную страну. Действительно, пусть крепнет во веки веков славная Гвардия! Королевство Шакалия, небо над которым оберегает Королевский аэростатический флот, а на земле на страже ее границ стоит героическая Особая Гвардия. Да здравствует самая могучая держава континента!

Другие нации пользовались своей мощью для строительства

империи, запугивания, а то и порабощения соседей. Но только не шакалийцы. Народ Шакалии не страдал ни от тирании безумных королей, ни от охочих до власти калифов или алчных сенаторов. Спокойные и миролюбивые шакалийцы вырвали зубы у своих потенциальных властителей и вот уже несколько веков процветали — торговали, строили и спокойно и упорно внедряли в жизнь новинки науки и техники. Имейся у каждого шакалийца в городе палисадник перед домом, а в сельской местности — площадка для безмятежной игры в четыре шеста, и для полного счастья больше нечего было бы желать.

У других народов короли-узурпаторы, политические убийства, их сердца рвут на части вопли голодных детей, а сельские земли лежат под парами, в то время как крестьянские армии истребляют друг друга по прихоти местных полководцев. Иное дело шакалийцы. Своим излишне амбициозным глупцам они предоставили возможность спорить и всячески поносить друг друга в Палате Стражей.

У других народов недобрые боги и фанатичные пророки с безумными глазами, которые требуют повиновения, расчленения младенцев, рабства и нищеты для простых людей, и при этом богатство рекой течет в руки тех, кто принадлежит к касте жрецов. Шакалийцы и здесь пошли своим путем: свободная от богов круговистская философия, умиротворяющая медитация и широкая сеть молельных домов. Любой круговистский проповедник мог запросто зайти в любой дом и попросить быстро сварить ему каффиля, но никому бы и в голову не пришло требовать у родителей, чтобы те вырвали сердце живьем у своего ребенка-первенца.

Каждые несколько десятилетий какая-нибудь иностранная держава принимала спокойную приверженность шакалийцев к верховенству закона за отсутствие внешнеполитических амбиций. Принимала добровольную склонность к смиренному изоляционизму за признаки слабого и деградирующего общества. Такая держава обычно приходила к мнению, что нацию лавочников стоит заставить служить тем, кого она создала, вырастила и превратила в воинов и забияк. Враги королевства делали ошибочный вывод, что предпочтение не воевать равнозначно неумению воевать и отказу от войны. Все они в свое время жестоко поплатились за свою преступную наивность. Медленные на подъем шакалийцы на деле оказывались отнюдь не нацией увальней-лавочников, скупердяев-мельников и бестолковых батраков. Наивные иностранцы сталкивались с западней, полной свирепых львов — людей с твердым, неуправляемым характером, совершенно нетерпимых к

всевозможным задирам — как иностранным, так и взросшим на нивах своего собственного королевства. Разумеется, не вредило положению королевства на мировой арене и то, что шакалийцы являлись единственной нацией на Земле, обладающей запасами летучего газа. Ни с чем не сравнимый воздушный флот Шакалии был предметом нескрываемой зависти всего мира и являл собой движущуюся стену смерти, готовую в любой момент гарантировать подданным королевства свободы, дарованные им несколько веков назад.

«Лучше быть лакеем в Шакалии, чем принцем в Квотершифте» — так пелось в широко известной застольной песне, и в данную минуту сердце Молли, оказавшейся в самой гуще обезумевшей от шовинистического угара толпы, переполнилось гордостью и восторгом. Затем девочка вспомнила, что в работном доме ее ожидает бидл с безжалостной тростью, и ее сердце упало. Впрочем, к ней довольно быстро вернулась решимость, укрепившаяся при воспоминании об одном из уроков истории в классе покойной демсон Дарней. Эти уроки были сродни драгоценным камням, и Молли их чрезвычайно высоко ценила. Еще бы, ведь они скрашивали безрадостную жизнь. И вот ей вспомнился один из них, вспомнился с удивительной яркостью, как будто не прошло несколько лет со дня смерти женщины, относившейся к Молли с сердечностью родной матери.

Урок проходил в форме изучения письма, написанного много столетий лет назад — это был отчет испуганного квотершифтского посланника в Шакалии своему королю. Дело было задолго до гражданской войны в Шакалии, когда большая часть континента все еще изнывала под тяжким гнетом абсолютистских режимов. Монарх старой королевской династии Шакалии находился в театре, когда публика по неведомой причине неожиданно возмутилась постановкой пьесы и принялась освистывать актеров. Затем, увидев в королевской ложе своего верховного правиле теля, принялась побивать его камнями. Изумленный посланник Квотершифта описывал своему монарху невероятное зрелище: королевская милиция вела на улице арьергардный бой, а разъяренная толпа тем временем гналась за своим дородным августейшим властителем, которому ничего не оставалось, как броситься наутек из подожженного мятежниками театра. Перепуганный посланник страны, где даже покорного раба избили бы до смерти за одно лишь непочтительное обращение к представителю благородного сословия, счел это зрелище возмутительным. Для шакалийцев же в подобном поведении не было ничего необычного.

Молли навсегда запомнила урок. Пусть сама она сирота,

воспитанная не слишком ласковым государством, но она никогда не допустит заносчивого бахвальства. Ведь в глазах закона она такая же полноправная гражданка своей страны, как и любое официальное лицо работного дома или хозяйка миддлстилской прачечной.

Одна беда: не похоже, чтобы бидл разделял ее взгляды на равенство.

Кабинет у главы работного дома на Сан-Гейт удивительно не соответствовал всем прочим помещениям обшарпанных строений, в коих названный работный дом располагался. Внушительных размеров письменный стол из тикового дерева, на стенах прекрасной работы ковры. Еще одним украшением кабинета был обязательный, писанный маслом портрет Первого Стража Хоггстона. Прежде чем Молли поняла, что бидл не собирается обрушить на нее гневную и оскорбительную тираду, она успела отметить про себя спокойное присутствие незнакомой элегантной дамы, сидевшей в шезлонге. Красота. Изящество. Платье чересчур дорогое, школьные инспекторши таких не носят. Молли бросила на бидла недоверчивый взгляд.

— Садись вот сюда, Молли, — начал бидл, моргнув ленивыми глазами записного пройдохи. — Я познакомлю тебя с нашей гостьей.

Молли тотчас постаралась придать лицу покорно-равнодушное выражение.

— Да, сэр.

— Молли, это демсон Эмма Фейрборн, одна из наиболее знаменитых работодателей, дарующих работу нашим воспитанницам.

Гостья ласково улыбнулась девочке и отбросила назад локон светлых волос, поседевших от времени и перекрашенных в оттенок платины.

— Здравствуй, Молли. Как твоя фамилия?

— Темплар,[1] — ответил за девочку бидл. — Видите ли…

Гостья предупреждающе согнула палец. Жест этот, по всей видимости, означал неудовольствие, и неожиданно для Молли бидл умолк.

— Молли, я уверена, что ты сама можешь высказаться без посторонней помощи…

— Это из-за круговистского храма на Ламп-стрит, где меня нашел олдермен. Меня подбросили к ступеням храма, я была завернута в шелковые пеленки, — ответила Молли.

— Шелковые? — улыбнулась демсон Фейрборн. — Должно быть, твоя мать принадлежала к благородному сословию, иначе

она не стала бы разбрасываться шелковой тканью. Легкий флирт с каким-то человеком из низшего сословия или, возможно, самый настоящий роман?

Молли состроила недовольную гримаску и промолчала.

— Понимаю. Ты, должно быть, уже давно размышляешь о том, кем были твои родители. Тем более о чем еще можно размышлять в таком месте, как это?

Мысль, неожиданно посетившая Молли, видимо, отразилась на ее лице, потому что демсон Фейрборн поспешила отрицательно покачать головой.

— Нет, Молли. Я не твоя мать, хотя, насколько я понимаю, мой возраст дает основания предполагать, что ты могла бы быть моей дочерью.

Бидл прочистил горло.

— Должен предупредить вас, что Молли у нас девушка с характером, демсон. Я бы даже осмелился сказать, с темпераментом.

— Под стать ее непокорным рыжим волосам, вы хотите сказать? — улыбнулась дама. — А кто не стал бы проявлять свой истинный характер, окажись он волей судьбы в таком унылом месте, как ваше? Где ты лишён хорошей одежды, доброго вина, галантного общества и карточных игр? Окажись я сама в таких условиях, мой характер тоже не слишком улучшился бы.

Бидл смерил Молли недобрым взглядом, после чего посмотрел на гостью.

— Я не…

— Полагаю, я услышала от вас все, что мне нужно, бидл, — отрезала Эмма Фейрборн. — Ну что ж, Молли. Не окажешь ли ты мне любезность принести вон ту книгу?

Молли увидела переплетенный в кожу том, на который указывала гостья. Книга стояла на самой верхней книжной полке библиотеки. Девочка пожала плечами, подошла к полке, сняла нужную книгу и стряхнула с нее пыль. Старая, ни разу не читанная книга, какой-то философский труд — такие обычно хранят в кабинете лишь за тем, чтобы производить впечатление на посетителей. Девочка подошла к шезлонгу, в котором восседала Эмма Фейрборн, и протянула ей указанный томик.

Демсон Фейрборн нежно взяла руку Молли в свою, подержала какое-то мгновение, после чего, перевернув девичью ладошку тыльной стороной вверх, взглянула на нее так, как делают цыганки, промышляющие гаданием.

— Спасибо, Молли. Я рада, что твоя работа у женщины по имени Снелл оказалась такой недолгой. У тебя слишком красивые руки, чтобы погубить их едким раствором в стиральной

лохани. — С этими словами гостья положила книгу на стоящий рядом столик. — А еще у тебя прекрасная осанка, что удивительно для юной особы твоего роста. Кстати, он составляет, пожалуй, чуть больше пяти с половиной футов.

Молли утвердительно кивнула.

— Моя милая, ты даже не представляешь себе, сколько смазливых барышень топали передо мной тяжелой походной, как те тяжеловозы на сельской ярмарке, или важно расхаживали вокруг, словно пава, которую злой рок заковал в свинцовый корсет. Думаю, с тобой можно поработать. Скажи-ка, Молли, ты довольна своей жизнью в работном доме?

— Я нахожу ее… несколько тоскливой, демсон, — смело ответила Молли.

Эмму Фейрборн, ее слова, похоже, сильно позабавили.

— В самом деле? Для девочки, воспитанной в этих стенах, ты удивительно грамотно строишь фразы.

— Последний директор, то есть дама-директор, была круговисткой, демсон Фейрборн, — вступил в разговор бидл. — В ее классах имелись дети, которые в нарушение закона о бедняках были старше предусмотренного законодательством возраста.

— Ум это то, что труднее всего поддается усовершенствованию и легче всего утрачивается, — выразила свое мнение его гостья. — А ты, Молли, насколько я понимаю, не получала никакого жалования за выполняемую тобой работу? Или я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаетесь, демсон, — ответила Молли. — Все заработанные нами деньги идут в Совет по делам бедных.

Демсон Фейрборн понимающе кивнула.

— Да, страшно подумать, за какие огромные деньги Опекунский совет закупает провизию в самых дешевых харчевнях. Впрочем… — Эмма Фейрборн посмотрела бидлу прямо в глаза, — должны же поставщики окупать накладные расходы, а они у них, как я понимаю, немалые.

Сидевший за письменным столом бидл беспокойно заерзал в кресле.

— Ну что ж, моя дорогая. — Эмма Фейрборн поправила лежавшую у нее на плечах короткую шаль из набивного шелка. — Ты мне подходишь. Думается, что я смогу выплачивать тебе приличное жалование при условии, что Опекунский совет будет ежемесячно отчитываться за свои траты.

Молли была потрясена услышанным. Если и есть на свете наниматель, который оплачивает пособие работному дому и выдает дополнительные деньги пансионерам, то в работном доме Сан-Гейт такой появился впервые. Ведь для чего созданы

работные дома, как не для того, чтобы служить источником дешевой рабочей силы для опекунов.

— Не забывайте о том, что она сирота, — напомнил гостье бидл. — Через год она достигнет совершеннолетия и обретет право голоса. Я могу переслать вам ее опекунские документы на двенадцать месяцев.

Эмма Фейрборн улыбнулась.

— Думаю, что через год ваша подопечная разовьет в себе вкус к роскошной жизни и вряд ли захочет возвращаться к вам.

Молли вышла вслед за своей новой нанимательницей на улицу, оставив работный дом во власть бидла и его присных.

Эмму Фейрборн ожидала собственная, черного цвета карета, запряженная воронымиими лошадьми. Неподалеку стоял крепко сбитый, облаченный в черную ливрею лакей.

— Демсон Фейрборн, — вежливо кашлянула Молли, когда слуга открыл дверцу кареты.

— Да, моя милая.

Молли указала на оставшиеся у нее за спиной высокие стены работного дома, очень похожего на тюрьму.

— В таких местах, как это, домашнюю прислугу обычно не нанимают.

На лице новой хозяйки появилось удивленное выражение.

— А я. Молли, беру тебя не в кухарки и не в посудомойки. Мне показалось, что ты узнала мое имя и вспомнила, кто я такая.

— Ваше имя?

— Я леди Фейрборн, Молли. А мое заведение называется «Фейрборн и Джарндайс».

Молли почувствовала, как в ее жилах застыла кровь.

— Поезжай, — произнесла леди Фейрборн и подмигнула своему коренастому слуге. — К несчастью, лорд Джарндайс покинул нас, отойдя в мир иной, верно я говорю, Альфред?

— Увы, миледи, так оно и есть, — ответил слуга. — Говорят, что милорд задохнулся во время ужина, подавившись кусочком панциря омара.

— Верно, Альфред. Как, однако, неосмотрительно с его стороны. Один из тех редких случаев, когда хорошая жизнь оказывается вредной для здоровья.

Глаза Молли все еще оставались круглыми от удивления.

— Но «Фейрборн и Джарндайс» это…

— Верно, моя милая, это публичный дом. Ну а я, давай не будем проявлять излишней чувствительности, широко известна как Королева Блудниц.

За спиной Молли, отрезая ей пути к отступлению, тут же вырос лакей по имени Альфред.

— А ты, Молли, надеюсь, станешь одной из лучших девушек моего заведения.

А тем временем в кабинете бидла Смотрящая слилась с реальностью работного дома. Ей было дозволено только одно вмешательство, и оно оказалось одним из самых удачных. Небольшое. Каким ему и полагалось быть. Его даже трудно назвать настоящим вмешательством.

Первоначально бидл намеревался отдать опекунские документы Молли на большую бойню близ Крингли-Корнер, но на этой тропе реальности было видно, как буквально через месяц с небольшим Молли возвращается обратно — ее отсылают назад в работный дом за неповиновение. Что было бы не слишком выгодно для Смотрящей и ее замыслов.

Оказалось удивительно легко заставить мысли бидла отклониться на самую малость в сторону, чтобы в его голове сформировался новый замысел. Куда сложнее было повлиять на *волевое, стальное* сознание Эммы Фейрборн, однако и это стало возможным в пределах допусков вмешательства, дозволенных Смотрящей. В данный момент бидл сидел за письменным столом, подсчитывая, какое количество денег осядет к концу недели в его карманах.

Смотрящая сделала все для того, чтобы в густом химическом супе мыслей этого хапуги все было четко и объяснимо. Нечто непонятное, возможно, шестое чувство, заставило бидла почесать затылок и глянуть прямо туда, где стояла Смотрящая.

Увеличив мощность инфильтрации в его оптический нерв, она стерла даже фоновое свое присутствие, чем вернула его крошечный обезьяний мозг в состояние покоя. Серебро и золото, мысли о деньгах. Бидл сложил бумаги в аккуратную стопку и запер их в ящике письменного стола. На нынешней неделе выручка снова будет вполне приличной.

Смотрящая вздохнула и покинула реальность. К сожалению, бидл проживет недолго. Он не успеет купить двенадцатый домик на взморье, который еще больше увеличил бы его растущую империю недвижимости. В принципе, ей ничего не стоило его спасти. К счастью, вмешательство такого рода не входило в ее обязанности.

Глава 2

Поле для посадки и взлета аэростатов в Хандред-Локс медленно заполнялось пассажирами, ожидавшими прибытия «Леди Хоклайт». Оливер проверил карман брюк. Скомканный листок с описанием внешности гостя его дядюшки был на месте.

— Оливер! — прозвучал голос Таддиуса, чем отвлек юношу от мыслей о дядюшкином поручении. Таддиус — его школьный приятель. Вернее, приятель по тем временам, когда Оливеру еще было разрешено ходить в школу.

Как повсеместно водится среди мальчишек, паренек получил прозвище от противного — его называли Слим, Худыш. Прозвище было на редкость удачным, потому как резко контрастировало с его внешностью. Толстяк Таддиус имел в Хандред-Локс массу знакомых вроде Оливера. По крайней мере столько, сколько осталось приятелей у самого Оливера, после того как распространилась молва о том, кто он такой… или кем, возможно, станет.

— Следишь за хвостом? — поинтересовался Оливер.

— Слежу за хвостом, — подтвердил Таддиус, и его круглая физиономия расплылась в улыбке.

Он показал Оливеру открытую записную книжку, аккуратно расчерченную карандашом на квадратики.

— Смотри, на прошлой неделе я засек хвостовой код «Леди Даркмур». Обычно она летает на маршруте Медфолк-Калгнесс, но торговый флот для полетов на юг переходит на новые суда класса «Страж Каннингем», так что некоторые аэростаты, которые раньше летали на север, сейчас переводятся сюда.

Оливер вежливо кивнул, изображая понимание. Таддиус отчаянно мечтал попасть в ряды Королевского аэростатического флота. Увы, у его семьи было слишком мало денег, чтобы купить ему офицерский чин, но чуть-чуть многовато для того, чтобы одобрить его желание поступить на службу в качестве рядового авиатора. А посему толстяк Таддиус собирался следовать семейной традиции и стать мясником, как отец и братья, и в то же время проводил вчера *на* аэродроме, наблюдая за полетами воздушных кораблей. Мечтая о том, что может произойти сейчас и в будущем. Оставалось всего три месяца до того дня, когда Таддиус и его одноклассники в последний раз выйдут из ворот местной государственной школы.

— Персоналу летного поля построиться! — крикнул офицер, одетый в зеленую летную форму, и группа крепких, спортивного телосложения авиаторов заняла свои места, образовав вытянутый

эллипс в форме сигары.

К голове строя подвели двух мощных тяжеловозов, и те встали рядом с похожим на тягач паровиком, обслуживавшим летное поле. Паровик не утруждал себя никакими приготовлениями. Прозвище его было Ржавый Болт, а трудился он на взлетном поле еще с тех времен, когда дядюшка Оливера сам был мальчишкой. Огромный, ростом с два вагона, с брюхом-котлом, на котором крепились шесть колес. Несмотря на преклонные годы, паровик все еще был способен любой из четырех своих рук подтянуть аэростат и вновь поставить его во взлетное положение.

— Пассажиры, ожидающие рейса, проверьте свои билеты! — обратился к присутствующим служащий.

Оливер вздохнул. Путешествия.

Таддиус посмотрел на него и как будто прочитал мысли товарища.

— Тебя не будут заставлять регистрироваться постоянно. Им придется или отпустить тебя, или, ну, ты сам знаешь… — Голос юного толстяка предательски дрогнул.

— Меня никогда не выпустят отсюда, — отрезал Оливер. — Им доставляет удовольствие держать меня здесь и видеть своим невольником.

Таддиус ничего не ответил. Перед ним маячило несчастье обучения семейной профессии, но что это по сравнению с тем, что ждало в будущем его друга. С перспективой навсегда оставаться изгоем. Нести на себе печать позора. Быть предметом обсуждений и сплетен. Не иметь возможности путешествовать дальше разрешенных государственными учреждениями расстояний и каждую неделю отмечаться в полиции. Таддиус бросил на Оливера полный сочувствия взгляд, после чего отправился к ангару, где возле дверей уже собралась группа таких же, как он, собирателей регистрационных кодов.

С юга донесся свистящий звук, сопровождавший рывок и падение четырех детандеров, в котором потонул шум толпы встречающих. Из-за леса близ дальнего края взлетного поля вынырнул воздушный корабль — точнее, верхняя часть его корпуса, выкрашенная зеленой краской, в отличие от брюха в яркую черно-желтую клетку.

«Леди Хоклайт» шла на снижение; распахнув люки вдоль боков гондолы, ее экипаж сбросил на землю канаты, утяжеленные на концах массивными свинцовыми грузилами. Их тут же перехватила аэродромная обслуга, и массивную оболочку воздушного корабля потянули к посадочной башне. Вскоре, соединив нос аэростата с башней, громко щелкнуло страховочное

кольцо. Теперь аэростат был прочно закреплен; намотав канаты на специальные катушки, воздушное судно опустили на высоту десяти футов над поверхностью поля.

Посадочная башня покоилась на одной лишь металлической перекладине. Если полетный план воздушного корабля включал в себя остановку на ночь, то и саму башню, и корабль в конечном итоге затягивали обратно в ангар на дальнем краю поля, где их уже с нетерпением ожидали Таддиус и другие дети. К дверям гондолы подкатывали трап, а к правому борту судна подводили повозки, груженные водяным балластом и бесценными цилиндрами с летучим газом.

На землю начали сходить пассажиры, прилетевшие в Хандред-Локс по коммерческим делам. Половина путешественников были иностранцы из-за пределов Шакалии, одни — в белых тогах городов-государств Катосианской Лиги, другие — в ярких разноцветных пончо Священной империи Киккосико. Ни та, ни другая страна не позволяла воздушным кораблям Шакалии, обладавшей монополией на воздушные полеты, пролетать над своей территорией, подозревая их в возможной шпионской деятельности. Иностранцы обычно добирались до места на борту одного из судов, курсировавших по каналу к началу дамбы Тоби-Фолл-Райз, а оттуда возвращались домой на борту шхуны и парома по водам моря Сепии. В числе пассажиров были археологи одного из восьми знаменитых университетов — их было легко узнать по кожаным чемоданам, которые они брали в качестве ручной клади, не рискуя сдавать в багажный отсек из боязни повредить лежащие в них инструменты. Археологи продолжали спорить о том, является ли высившаяся над городом колоссальная дамба причудой природы или же это грандиозное сооружение — дело рук какой-то древней цивилизации.

Оливер засунул замерзшие руки в карманы и, нащупав записку, вспомнил о причине своего прихода на взлетное поле. Он должен встретить дядюшкиного гостя.

Большинство пассажиров уже успели разойтись. Очередь тех, кто прилетел на борту «Леди Хоклайт», уменьшилась до нескольких человек, высадившихся позже других. Местные мальчишки затеяли на взлетном поле игру в четыре шеста — некое подобие боулинга; за ними с улыбкой наблюдали офицеры аэростата, ожидавшие, пока закончится погрузка водяного балласта и запаса летучего газа.

К оставшимся пассажирам из Священной империи Киккосико прилип розничный торговец со стеклянной бутылкой на шее, заполненной дымом, предлагая всего за полпенса по шесть

затяжек мамбла. Ряды ландо, запряженных четверкой лошадей, также опустели. Пожелавшие воспользоваться их услугами пассажиры последовали через небольшой оживленный городок к каналу «Ста шлюзов», Хандред-Локс, по имени которого и был назван сам город.

Среди отставших был лишь один человек, который подходил под описание, которым Оливера снабдил его дядюшка, когда утром передал ему лежавший на письменном столе листок. Человек этот был худым, чуть ниже Оливеровых шести футов. Волосы русые, коротко и неровно подстриженные. Единственное, что не совпадало с описанием — очки в темной металлической оправе у него на носу. Модель дешевая, фабричного производства, явно не с полки дорогого столичного магазина оптики.

Оливер давно привык провожать гостей с летного поля до дядюшкиного дома в Севенти-Стар-Холле, но, как правило, то бывали преуспевающие торговцы вроде самого Титуса Брукса. Его склад в Шипмен-Тауне был доверху набит бочонками заморского вина, хитроумными товарами из городов-государств и — по слухам — бренди, который все еще контрабандно ввозили из Квотершифта. Раньше, на протяжении четырехсот лет, этот вид торговли был законным, но ныне, по окончании Двухлетней войны, запрещен как в Квотершифте, так и в Шакалии.

Человек, на которого был устремлен взгляд Оливера, скорее выглядел как скверно одетый клерк из приходского совета. Оливер подошел к нему ближе.

— Мистер Стейв?

— Гарри, — произнес человек с внешностью клерка и протянул Оливеру руку. — Гарри Стейв. — В последний раз меня называли мистером, было… э-э-э… — Он посмотрел на Оливера и задумался. — Короче говоря, давно. Лучше называй меня Гарри.

— Мой дядя ждет вас, Гарри. — Мальчик указал в направлении города.

— Не сомневаюсь, что он ждет меня, приятель. Но мой багаж, если его можно назвать багажом, еще не выгрузили с борта «Леди Хоклайт».

Под люком грузового отсека гондолы была натянута частая сеть из пеньковых веревок; в нее сбрасывали мешки с королевской почтой. Эти алого цвета мешки украшала государственной печать королевства Шакалия с изображением льва, возлежащего под подъемной решеткой Палаты Стражей. От воздушного корабля паровик тянул тележку, доверху заваленную ящиками, свертками и дорожными сундуками.

— Смотрю, вы путешествует явно не налегке.

— У меня лишь это, — сказал Гарри и поднял видавший виды дорожный сундучок с ручкой из слоновой кости. — Ну что, пошли?

Все слова дядюшкиного гостя были тщательно интонированы, как будто Гарри, прежде чем их произнести, оттачивал каждый звук, что резко контрастировало с его грубоватой наружностью. Оливер предложил поднести сундучок, но Гарри отрицательно покачал головой.

— Ты работаешь на Титуса?

— Он мой дядя. Вообще-то, пожалуй, да, на него.

— Понятно. — Как только они покинули взлетное поле, Гарри остановился и посмотрел на Оливера. — Молодой мастер Брукс. Пожалуй, мне бы следовало узнать тебя. Хотя сейчас ты нисколько не похож на того ребенка, которого я когда-то видел.

Слова Гарри заставили Оливера встрепенуться.

— Вы знали моих родителей?

— Знал, Оливер. Род моих занятий был таков, что мои пути и пути твоего отца и матери пересекались. Как-то раз, лежа в пеленках, ты чуть не вывернул на меня содержимое своего крохотного желудка. Ты что же, совсем их не помнишь?

— Нет, совсем не помню, — Оливеру не удалось скрыть боль в голосе. — Мой дядя никогда не говорит о них.

— Потерять брата так же тяжело, как отца, приятель, — задумчиво произнес Гарри, однако, заметив, какое впечатление разговор произвел на Оливера, остановился. — Тогда давай и мы не будем говорить о них. Пусть те, кто отправился в движение по Великому Кругу, найдут успокоение в новой жизни.

Интересно, известно ли Гарри, что мальчишка, пришедший встретить его в летном поле, внесен в список меченых, подумал Оливер. Наверное, известно. Если он действительно, как говорит, знал его родителей, то скорее всего в курсе того, что с ними произошло. И с самим Оливером. Если этот факт и вызывал у Гарри обеспокоенность, то он искусно его скрывал и не показывал виду.

Вскоре они добрались до города. Севенти-Стар-Холл, Дом Семидесяти Звезд, куда они держали путь, располагался дальше, за городской чертой, у подножья холмов, что тянулись до Тоби-Фолл-Райз. Какая-то собака, привязанная к столбу возле рыбного рынка, заливистым лаем встречала докеров из Шипмен-Тауна, прибывавших сюда в надежде найти ночлег в дешевой гостинице и провести вечер в таверне. Их тяжелые, со стальными подковами сапоги звонко лязгали о брусчатку мостовой.

Упоминание о родителях сильно расстроило Оливера. Эх, вот какую жизнь уготовила ему его злосчастная судьба! Он не может

сам выбрать себе ремесло по душе. Ему приходится раз в неделю отмечаться в регистрационной книге полицейского управления. Он наводит страх на большинство обитателей городка. Он вынужден выполнять несложные поручения дяди. Он не смеет покинуть пределы прихода, не будучи объявленным преступником. Не имеет даже тех простых свобод, которыми обладает обитающая в норе лисица или свившая на дереве гнездо ласточка. Для кого-то он предмет жалости; для дядюшки Титуса — объект благотворительности. Предмет отвращения для тех, кто когда-то считался его товарищами и друзьями.

Предаваясь скорбным размышлениям, мальчик наконец привел гостя в Севенти-Стар-Холл; на пороге дома их встретила демсон Григгс, служанка и великая мастерица на все руки. Она смерила пристальным взглядом Гарри Стейва — и его видавший виды дорожный сундучок, и дешевую одежду — и неодобрительно сморщила нос, как будто Оливер был котом, вернувшимся домой с дохлой мышью в зубах и положившим добычу на пол кладовой.

Демсон Григгс была особой крайне резкой и неуживчивой. И либо не находилось желающих работать рядом с такой, как она, либо жить под одной крышей с поднадзорным парнем вроде Оливера — так или иначе, но она была единственной постоянной прислугой в Севенти-Стар-Холле. Любой другой дом подобных размеров в Хандред-Локсе имел по меньшей мере пять или шесть слуг. Увы, Титус Брукс был кем-то вроде паршивой овцы в славном стаде, хотя существующее положение вещей его, возможно, вполне устраивало. Демсон Григгс считала предубеждение горожан против Оливера чушью и сущей бессмыслицей. Она знала его еще с младенчества, и даже будь в нем хотя бы унция гиблого тумана, за последние одиннадцать лет проклятие ни разу ничем не проявило себя.

Сам Оливер придерживался того же мнения, однако никогда не рассказывал ни дяде, ни домоправительнице о своих холодных, мрачных снах.

— Каким недобрым ветром тебя принесло к нашему порогу, Гарольд Стейв? — поинтересовалась демсон Григгс.

— Называйте меня просто Гарри, демсон Григгс, — попросил гость.

— Ну что ж, раз ты все-таки снова оказался здесь, то я лучше закрою на ключ хозяйский шкафчик с бренди. Не удивлюсь, если ты еще не покончил со своими грязными привычками, пьянками да гулянками по всему королевству и другим странам.

— Кто же это так усердно чернит мою репутацию? — поинтересовался Гарри, озадаченно почесав голову. — За

последние две недели моих губ не коснулась ни одна капля старой доброй веселящей жидкости, демсон Григгс.

— Твои выходки просто невыносимы. Не удивительно, что во флоте не стали с тобой церемониться и быстро выставили вон. — Демсон Григгс ткнула в Гарри Стейва толстым как сосиска пальцем. — Так что даже не надейся встретить под этой крышей более радушный прием.

Вопреки суровым словам домоправительница распахнула дверь, впуская Стейва в дом. Приняв у гостя летний дорожный плащ, она повесила его в прихожей на похожую на бычьи рога вешалку. Просторный вестибюль был залит ярким солнечным светом. Ближе к вечеру, солнце скрывалось за гребнем Тоби-Фолл-Райз, тень исполинской дамбы падала на их дом, и тогда северный край Хандред-Локс соответствовал своему названию — Темный Угол. В это время суток демсон Григгс обычно начинала зажигать по всему дому масляные лампы, наполненные жирной кровью массивных морских чудовищ — острозубое. Этих тварей сотнями отлавливали в море Сепии и отправляли на переработку в расположенный на возвышенности Шипмен-Таун.

— Сердечно вам благодарен, демсон, — поблагодарил Гарри и заговорщически подмигнул Оливеру.

Откуда-то сверху послышался шум. Титус Брукс все еще находился в своем кабинете — похожем на купол просторном помещении, где прежний обитатель, отставной морской офицер, некогда установил телескоп. Ныне от сего мощного оптического инструмента осталась лишь бронзовая подставка в центре комнаты, поскольку сам телескоп после смерти любителя астрономии был снят и продан его наследниками.

Демсон Григгс отвела гостя наверх и спустилась вниз по лестнице уже одна.

— Помяни мое слово, Оливер Брукс. Держись от этого человека подальше. Он самый что ни на есть растленный тип.

— Он авиатор, демсон Григгс? — полюбопытствовал Оливер.

— Единственный воздушный корабль, на котором он летает, это «Леди Беда», — презрительно ответила домоправительница.

— А раньше он был моряком? Вы сказали, что…

— Запомните, молодой мастер Брукс, то, что я вам скажу. Единственное, на что был способен этот тип — беззастенчиво вылакать порцию рома из морского пайка. Когда-то давно, еще до того, как ты появился на свет, Гарри Стейв служил во флотской Продуктовой комиссии. Занимался закупками продовольствия, летучего газа и прочих припасов для Королевского аэростатического флота. Он знаком с твоим дядей еще с тех времен, когда заключал контракты на эти закупки. Но в один

прекрасный день мистеру Стейву указали на дверь. Его застукали в тот момент, когда он слишком глубоко запустил руку в государственный карман.

— Так он теперь работает на дядю Титуса?

— Нет, молодой хозяин. Скорее всего нет. Он работает сам на себя, как и раньше.

— Тогда какое же дело могло привести его к нам?

— Неплохой вопрос. Если ты прямо задаешь его этому плуту, он вряд ли даст тебе честный ответ. Начнет плести лживые разговоры про то, что ему нужно что-то купить подешевле и продать подороже. Ничего другого ты от него не услышишь.

Оливер посмотрел на лестницу, что вела в кабинет дяди Титуса.

— Нет, молодой мастер Брукс, вам лучше избегать этого человека. Ваша шея слишком дорога мне, и я не хотела бы увидеть, как ваша голова будет украшать стены Боунгейта среди голов настоящих разбойников. И если вы будете слишком долго водить знакомство с этим проходимцем, то непременно ступите на преступную дорожку, это я вам точно говорю!

Разубедить демсон Григгс, коль она решительно против кого-то настроилась, было немыслимо, и Оливеру ничего не оставалось, как согласно кивнуть. Хотя, сказать по правде, преступная дорожка обещала в этой жизни ему куда больше, чем перспектива остаться мальчиком на побегушках, дарованная ему дядей из жалости и семейного сходства с покойным братом.

— Не путайся больше у меня под ногами с такими вопросами, молодой мастер Брукс! — скомандовала домоправительница. — Сегодня утром Миллвардс прислал муки и масла, и мне нужно испечь на ужин пирог. Не пирог даже, а пирожище, если пройдоха, что сейчас находится наверху у твоего дяди, собрался заночевать у нас.

Вернувшись в Севенти-Стар-Холл от операторов кристаллической связи уже в сумерки, зато с кожаной сумкой, до отказа набитой миддлстилскими посланиями-перфокартами, адресованными дяде — цены торговых домов с Гейт-стрит и сводки курсов на бирже Сан-лейн, — Оливер почувствовал себя смертельно усталым.

Демсон Григгс вернулась в свой городской дом, предварительно оставив на кухне пирог и холодный вареный картофель, который накрыла перевернутыми тарелками. По двум пустым винным бокалам Оливер определил, что дядя и его гость уже отужинали. Поднявшись вверх по лестнице, он увидел, что из-под двери дядиного кабинета пробивается свет. До его слуха

донеслись звуки приглушенного разговора.

Мальчику тотчас вспомнились предостережения домоправительницы. Зачем же вороватый маркитант пожаловал в гости к дядюшке Титусу? Неужели дядюшка собрался ввязаться в какие-то махинации сомнительного характера? И хотя Оливер не был ловким коммерсантом, чья контора располагалась на одной из центральных улиц столицы, однако коммерческие дела дяди, насколько он мог судить своим детским умом, представлялись ему вполне надежными.

Оливер неслышно спустился по лестнице вниз, вытащил из-под нижней ступеньки ключ, после чего тихонько отомкнул дверь гостиной. Тепло расположенного там камина поднималось вверх сквозь решетку в потолке. Это было единственное средство обогрева дядюшкиного кабинета в холодные зимние ночи. Как обнаружил в свое время Оливер, через решетку можно было услышать эхо ведущихся на верхнем этаже разговоров. Мальчик приблизил ухо к отверстию. За стенами домов на небе уже появились первые звезды. После полуночи станут видны все семьдесят звезд, давших название этому дому, сложенному из серого известняка. Дядя Титус и его гость говорили довольно тихо, не повышая голоса, и Оливеру приходилось напрягать слух, чтобы уловить хотя бы обрывки разговора.

— Беда… полагались на план обще… не вышло… — Это были слова Титуса Брукса.

— Если все так… как они считают… враждебная служба… — произнес голос пройдохи Стейва.

— На сей раз… до… в темноте…

Оливер приблизился к отверстию ближе, насколько возможно. До его слуха донеслось знакомое постукивание — дядя выбивал о столешницу трубку, из которой курил мамбл.

— Они придут… — Снова Гарри Стейв.

— Наши друзья на востоке?.. — Дядя Титус.

Восток? Глаза Оливера удивленно расширились. К северо-востоку от королевства раскинулась Священная империя Киккосико. А прямо на восток от него лежит Квотершифт, но никаких друзей там нет и быть не может. Какие же друзья после Двухлетней войны?

После поражения в войне Содружество Общей Доли Квотершифта, наколдовав между двумя странами проклятую стену, полностью запечатало свои сухопутные границы. С одной стороны, это было сделано для того, чтобы отбить у своих подданных всякое желание покинуть пылавший в огне революции Квотершифт, с другой — чтобы отражать военные вторжения со стороны Шакалии. Хотя официально никакой торговли с

Квотершифтом с тех пор не велось, контрабандисты по-прежнему высаживались с грузом бренди на морской берег, где им не слишком докучали своим присутствием таможенники. Подобно всем прочим детям из Хандред-Локс, Оливеру было строго-настрого велено не забредать слишком далеко на восток от города. Там можно было увидеть разве что тени патрульных аэростатов, да кое-где по овеваемым ветрами торфяникам гарнизон красномундирников или пограничного пехотного полка.

— Грязная игра… — Снова Гарри Стейв.

— Уже… на ветру. — Дядя Титус. Раздался скрип оттаскиваемого в сторону кресла. — Двое моих людей мертвы…

Мертвы! У Оливера перехватило дыхание. Что это такое за грязное дело, в которое Гарри Стейв втянул дядю Титуса? Неужели на его складе в Шипмен-Тауне спрятаны бочонки с контрабандным бренди? Неужели где-то в заброшенной скалистой бухте убиты таможенники?

До Оливера неожиданно дошло истинное положение вещей. Дядя никогда не откровенничал с ним в отношении своих коммерческих сделок. Оливер выполнял его несложные поручения и потому имел о делах дяди лишь смутное представление. А то, что знал, обычно узнавал из немногочисленных дядиных рассказов о том, кому можно доверять, капитан какого клипера ненадежен и мог соблазниться легкой поживой и украсть груз. В центре этих рассказов был только сам дядя Титус и никто из его подручных. Даже Оливер без особого труда уяснил себе, что интересы тех, кто работал на складе, никогда не простирались далее — или им не позволялось простираться далее — верфей Шипмен-Тауна. Было ли это нечто большее, нежели элементарная осторожность? Или же неведение левой руки дяди о деяниях правой проистекло из необходимости держаться подальше от болтающегося конца веревки в руках палача Боунгейтской тюрьмы?

Сверху снова донеслись звуки отодвигаемых кресел. Оливер бесшумно закрыл дверь гостиной, и, на цыпочках прокравшись к себе в спальню, расположенную здесь же, на первом этаже, быстро юркнул в постель. Похоже, демсон Григгс права насчет Гарри Стейва. Но насколько глубоко увяз в его махинациях дядя Титус? Оливер представил, как дядю бросают в тюрьму, и тотчас устыдился своих мыслей. Ведь он подумал не об ужасной участи своего единственного родственника, а озаботился лишь своей собственной судьбой. Его дядя и без того постоянно рискует быть отправленным в ссылку. И все потому, что держит в своем доме поднадзорного мальчишку, а он, недостойный Оливер Брукс, печется лишь о том, что может случиться с его собственной шеей.

«А как же я? — подумал Оливер. — Если дядю Титуса посадят в тюрьму, кто возьмет меня на работу здесь, в Хандред-Локс? Какое будущее ждет меня здесь — разве что холодные, неприветливые ворота местного Совета по делам бедных». От этой мысли мальчик даже передернулся от отвращения. В их небогатом графстве Лайтшир работные дома и без того забиты беднотой. Не хватало им еще поднадзорного мальчишки. Не проще ли устроить ночью несчастный случай? На его лицо, перекрывая дыхание, скользнет подушка, и нежелательного человечка можно спокойно вычеркнуть из списков обитателей работного дома.

К счастью, вскоре Оливера сморил сон, и безрадостные мысли о будущем в ставшем для него тюрьмой городке под названием Хандред-Локс на время оставили его в покое.

Глава 3

Наблюдатель Номер Сорок Шесть при помощи педали повернул телескоп немного влево. Потребовалась пара секунд, чтобы транзакционное устройство сбалансировало комплект зеркал. Изображение на короткое мгновение утратило фокус, затем с легким щелчком обрело прежнюю резкость. Краем глаза Наблюдатель Номер Сорок Шесть видел других Наблюдателей, сидевших на красных мягких подушках за установленными на консолях массивными медными трубами, похожими на телескопы.

Наблюдательные приборы скользили по дуге мониторария, изгибавшейся вдоль внутренней стены сферы. Позади каждого телескопа располагалась платформа с ограждением. По металлическим пластинам пола расхаживали дежурные, одетые в серые шинели казенного образца. Холод, царивший в мониторарии, был почти зримым — никакого тепла, способного помешать наблюдениям.

— Ваш отчет, пожалуйста! — Это была дежурная по станции Номер Восемьдесят Один. Как всегда прямолинейная и деловитая. Проводки ее наушников уходили вниз, к помосту, вернее, к голосовой трубе, к которой Восемьдесят Первая наклонялась, когда возникала необходимость что-то сказать.

Дежурная работала здесь относительно недавно. Она только что получила профессиональную подготовку и была одной из тех, кто считал, что передать отчет через все равно что передать его кому-то. Наблюдатель многозначительно прочистил горло. Дежурной недоставало даже зачатков мастерства уорлдсингера, которыми обладали Наблюдатели. Она не могла согреться силой воображения и потому постоянно постукивала по платформе ногами, обутыми во избежание обморожений в меховые сапожки. Надень она кожаный костюм Наблюдателя, как превратилась бы в ледышку еще до окончания своей первой смены. Да что там! Она не способна даже модифицировать собственную кровь, и это после того, как перепробовала с десяток эликсиров, к которым Наблюдатели вынуждены прибегать, дабы оставаться в бодром, работоспособном состоянии всю смену, которая, как известно, порой длится несколько недель подряд.

— Прибор слегка отклоняется влево, — пожаловался Наблюдатель Номер Сорок Шесть. — А я-то думал, мехомант наконец отремонтировал телескоп!

— Прекратите скулить! — прошипела дежурная. — Это срочное наблюдение, и нас могут подслушивать! Похоже, оно

проводится по требованию самой начальницы! Сорвете график работ, и тогда нам всем не поздоровится. На нас со всех сторон наползут эти чертовы аналитики. Просто отдайте мне ваш отчет!

Наблюдатель поспешил прикусить язык. Задание, может быть, действительно срочное, но не до такой степени, чтобы его телескоп выносили из мониторария, а затем передавали ремонтной службе.

— Наблюдаемый аэростат приземлился на летном поле Хандред-Локс в соответствии с расписанием. Наблюдаемого, как и предполагалось, проводили до дома контактного лица. Наблюдаемый остается там в течение последних семи часов. Имеются ли у вас какие-либо прогнозы и указания аналитиков?

— Существует восьмидесятисемипроцентная вероятность того, что наблюдаемый проведет в этом доме следующие шестнадцать часов. Продолжайте наблюдение.

Наблюдатель Номер Сорок Шесть вздохнул.

— Готовлюсь к ночному наблюдению.

С этими словами он подтянул к себе трубочку для питья и сделал несколько глотков оранжевой жидкости. Снадобье приятно ударило в голову; перед глазами вспыхнул фейерверк искр. Оранжевое варево снабдит его повышенным ночным видением до самого рассвета. Стоило чудодейственной жидкости разлиться по кровеносным сосудам, как Наблюдатель при помощи одного из уорлдсингерских заклинаний проник внутрь самого себя. Нужно было лишить снадобье активности, пока оно не попало в печень; в противном случае этот жизненно важный внутренний орган превратится в кашу.

Наблюдатель снова заглянул в окаймленный резиной стеклянный окуляр и сфокусировал изображение дымовой трубы Севенти-Стар-Холла, из которой не шел дым. Как и следовало ожидать, телескоп скользнул влево. Наблюдатель чертыхнулся в адрес бюрократов Суда. Естественно, про себя.

Глава 4

Оливер никогда не мог предсказать, когда в его сны придет Шептун. Иногда проходила целая неделя, а тот ни разу не появлялся. В иных случаях он мог посещать его сны четыре ночи подряд.

Оливер находился в каком-то дворце. Его дядя Титус, демсон Григгс и другие люди бегали по коридорам, пытаясь найти пропавшее кресло. Очевидно, кресло имело огромное значение. Оливер понимал, что это сон, потому что никогда не встречал короля. Не слишком веселый монарх заявил, что если они отыщут кресло, то парламент согласится пришить ему руки обратно. А потом в сон мальчика ворвался Шептун.

— Оливер, я тебя вижу. А ты меня видишь?

— Яне вижу тебя, Шептун, ступай прочь!

— Значит, все-таки видишь, Оливер! — прошипело бесформенное существо, появившееся перед мальчиком. — Я могу проникнуть в твое сознание. Я могу проникнуть в сознание почти к любому из таких, как мы с тобой.

— Я не такой, как ты, Шептун, — проговорил Оливер.

— Верно, не такой. Я понимаю тебя, Оливер. Ты самый лучший из нас. Я всю жизнь ждал твоего появления. Остальные считают себя совершенными, те, кто в отличие от меня и моих друзей, не заперт в темницу. Но они не встречались с тобой, Оливер. Потому что стоит им увидеть тебя, и куда только денется их гордость, тщеславие и самодовольство.

Оливеру было известно лишь то, что Шептуна держат взаперти где-то в темноте, глубоко под землей. Что он скован заклинаниями, а от мира его отделяют проклятые стены и мощные уорлдсингерские ворота. Его уродливое бугристое лицо не поддавалось описанию и казалось пародией на человеческую внешность. Когда Шептун появился на свет, его перепуганные родители, должно быть, бросились прочь от своего чада и пробежали не меньше трех миль.

— Ну почему не желаешь оставить в покое мое сознание? — умолял его Оливер. — Убраться навсегда из моей жизни?

— Ты — моя жизнь, Оливер! — прошипело жуткое создание. — Ты и те другие, с которыми я общаюсь. Неужели ты думаешь, что моя жизнь стоит того, чтобы жить? Меня держат одного в темнице, Оливер, в которой нет ни лучика света. Там нельзя выпрямиться во весь рост. Я даже не смогу броситься на моих тюремщиков, если те вдруг вздумают проверить, жив ли я. Ко мне приходят лишь крысы, их привлекает запах моего

немытого тела и моих экскрементов. Иногда я ломаю зубы об их кости, когда мои стражи забывают принести мне еду.

Оливер почувствовал, что его сейчас стошнит.

— Какой же у них вкус?

Шептун рассмеялся. Смех его был похож на шипение воздуха, вырывающегося из детандера.

— Какой у них вкус, Оливер? Как у нежной курятины. Я позаимствовал определение этого вкуса из твоего сознания. Надеюсь, ты не имеешь ничего против. Потому что мне не с чем было сравнивать.

Оливер еле сдержал рвоту, и довольный Шептун сплясал перед ним джигу.

— Я старюсь не есть ту пищу, которую они мне приносят, Оливер. В нее добавляют разные снадобья, чтобы размягчить мой мозг, чтобы меня сморил сон и взяла усталость.

И снова во сне появился дворец, а в нем король. Бросив короткий взгляд на Шептуна, монарх поспешил отвернуться.

— Как печально, Оливер. Даже призраки, что приходят ко мне во сне, и те не могут смотреть на меня без омерзения. Кстати, напомни мне, что сейчас происходит — это ты мне снишься, или я снюсь тебе?

— Какая разница?! — крикнул мальчик. — Оставь меня в покое!

— Приближается твое время, мой великолепный друг! — произнес Шептун. — Скоро ты поймешь, насколько удивительна, гибка и подвижна жизнь. Стоит тебе это узнать, и ты обрадуешься тому, что я заползаю в твою голову. Да-да, ты будешь рад, обещаю тебе.

— Этого никогда не будет! — крикнул Оливер.

— Я бы не советовал тебе торопиться с подобными заявлениями, Оливер. Первые изменения уже начались. Возьмем, к примеру, вашего гостя, Гарри Стейва. Что ты о нем думаешь, мой мальчик? До известной степени его можно назвать темной лошадкой. И, наверно, еще сводником и бабником, верно я говорю?

— Я не…

— Ш-ш-ш! Тихо! — шикнул на него Шептун. — Через пару секунд ты проснешься.

Так и случилось.

Встать пришлось рано, чтобы успеть расписаться в регистрационной книге графства. Как обычно, Оливер оказался у входа в полицейский участок Хандред-Локс вовремя и стал свидетелем того, как арестованных ночью заключенных, прежде

чем расселить по камерам, ведут по Райнерс-стрит в небольшую контору магистрата. Среди обычной ватаги выпивох из числа завсегдатаев таверн затесалась горстка беженцев из Квотершифта — двое мужчин и женщина, по всей видимости, их сестра.

Их одежда была в самом жалком состоянии. Оливер сделал вывод, что они бежали из своей страны морем, обогнув проклятую стену, отделявшую мятежный Квотершифт от королевства Шакалия. Одного из мужчин сотрясала дрожь, которую он никак не мог унять. Его соотечественники молчали. Было видно, что они ошеломлены. Какие же сказки рассказывал им квотершифтский комитет пропаганды? Что Двухлетнюю войну выиграл Квотершифт? Что Шакалия превратилась в истинный образец карлизма? Что ее жители также пострадали от голода, потому что заменили фермерские хозяйства Комитетами Аграрного Равенства, а своих образованных йоменов колоннами погнали прямиком к Гидеонову Воротнику, к этим работающим на силе пара машинам смерти, что в последнее время украшали собой все городские площади городов Содружества Общей Доли?

Сколь лживы ни были эти измышления, их оказалось явно недостаточно, раз эти трое бежали от великого террора, свирепствовавшего в Квотершифте. С тех пор как уорлдсингеры Сообщества Общей Доли возвели магическую стену, до Шакалии живыми добирались лишь немногочисленные беженцы. Их было так мало, что магистраты стали автоматически давать им политическое убежище. К оказанию им материальной помощи призвали одно из многочисленных эмигрантских благотворительных обществ. Теперь в Шакалии квотершифтских дворян было даже больше, чем у себя на родине. В основном это те, кому посчастливилось бежать вместе со своим золотом еще до того, как была возведена проклятая стена. Менее удачливые все еще томились в лагерях Содружества Общей Доли в ожидании того момента, когда им вручат листок бумаги с начертанной на нем красной цифрой… после чего выстрелят в затылок железной стрелой.

Как только вереница заключенных исчезла за углом улицы, Оливер постучал в дверь полицейского участка и вошел внутрь.

— Оливер! — удивился сержант Кадбен, закрывавший дверь одной из камер. — Что, уже настал твой день?

— Боюсь, что уже настал, — подтвердил юноша.

— Ну заходи, паренек! Будь проще. Твой коротышка фокусник сейчас придет. Не желаешь чашечку каффиля? Молодой Уоттл только что сварил.

Оливер кивнул в знак согласия. Сержант Кадбен — бесцеремонный, прямолинейный житель нагорья; он не терпел

уорлдсингеров и в еще меньшей степени жаловал личного мучителя Оливера, высокомерного Эдвина Пуллингера, королевского инспектора, представлявшего в графстве интересы Государственного департамента по делам феев.

— Тяжелая ночь была? — поинтересовался Оливер.

— Как обычно. Хотя вчера здесь был проповедник. Кто-то развлекался тем, что засовывал листовки политического характера в книгу Законов Круга.

— Листовки. Это ж надо! — рассмеялся Оливер.

— Ты бы видел лицо проповедника! Это были выдержки из «Общества и общего дела». Вряд ли он когда-либо раньше их читал. Бедняга так перепугался, что карлисты пробрались в его славную Круговистскую церковь, что его едва не хватил удар. Мальчик равнодушно пожал плечами.

— Вообще-то, я тоже никогда их не читал. Мне они как-то не попадались в руки.

Сержант заговорщически подмигнул ему.

— Я как-нибудь втихаря дам их тебе почитать, компатриот. Как-то мне не по душе это занятие — жечь книги. Может, иностранцы всякие и привыкли к таким вещам, но никак не мы, шакалийцы. Бенджамина Карла с восемьдесят первого уже нет в живых, и сдается мне, после того как восстание было подавлено, большая часть его революционеров последние пятнадцать лет занимается тем, что пекут хлеб и варят сталь.

— И печатают листовки, — ехидно добавил Оливер.

Сержант Кадбен прикрепил кнопкой к стене объявление о вознаграждении за поимку беглого преступника.

— Ворчим, паренек. Вас хлебом не корми, дай только поворчать. Скажи-ка лучше, дружище, а ты счастлив? Доволен ты тем, что тебе приходится каждую неделю таскаться сюда, чтобы отметиться у нас к вящей радости этого идиота в красном одеянии? А я? Неужели ты думаешь, что я тоже счастлив? Всего три коротышки констебля следят за конституционным порядком в Хандред-Локс, тогда как в Шипмен-Тауне их в десять раз больше. Чем они, скажи на милость, там занимаются? Допрашивают треску? Арестовывают чаек? Отправляют моряков, напившихся пива, проламывать друг другу головы в наших тавернах.

Дверь приоткрылась, и в комнату просунулась голова констебля Уоттла.

— Инспектор Пуллингер желает знать, почему ему приходится так долго ждать.

— Вот видишь, паренек, и этот ворчит. — Сержант повернулся к констеблю. — Департаменту по делам феев не нравится отвечать на такой вопрос, молодой Уоттл.

Оливера проводили в кабинет. Кадбен бесцеремонно уселся под оружейной полкой и принялся чистить висевшие в верхнем ряду кортики и смазывать маслом винтовки нижнего ряда. При этом он не переставал вслушиваться в происходящее. Для департамента обычное дело — прибегать для получения желаемых результатов к уорлдсингеровским трюкам, давить на сознание несчастных феев; но здесь такому не бывать, по крайне мере пока надзором за Хандред-Локс занимается он, сержант Кадбен, а не кто-то другой.

Рядом с хитрым чародеем сидел еще один, тоже представитель Департамента по делам феев, по возрасту не старше Оливера. Помощник Пуллингер потер лоб, на котором красовалась татуировка — четыре небольших пурпурных цветка, символ его уорлдсингерского чина.

Эдвин Пуллингер перевернул лежащую на столе регистрационную книгу и пододвинул ее к Оливеру.

— Оставьте вашу официальную подпись, мастер Брукс. Мой коллега рядом с вами распишется от имени нашего департамента.

Оливер взял перо и обмакнул его в чернильницу.

— Собираетесь на пенсию, инспектор Пуллингер?

— Собираюсь, но еще не скоро, мастер Брукс, — ответил Пуллингер, после чего вытащил небольшую деревянную табакерку, взял из нее щепотку перплтвиста, насыпал на тыльную сторону ладони и нюхнул. При вдыхании содержимое табакерки усиливало способности уорлдсингера. Помощник извлек плоский зеленый кристалл и сделал несколько пассов, означавших знаки правды.

Оливер покорно положил правую руку на кристалл правды, после чего Пуллингер приступил к ритуальному допросу.

— Проявлял ли ты какие-либо из нижеследующих извращений? Телекинез, способность к полету, сверхъестественные силы, ментальный контроль над животными, способность становиться невидимым, способность создавать тепло или огонь… — Пуллингер принялся перечислять весь список.

— Нет, — ответил Оливер, когда волшебник закончил. — А вы? Сержант Кадбен удивленно хмыкнул.

Пуллингер подался вперед.

— Если бы я проявил подобные способности, молодой мастер Брукс, это произошло бы в результате упорного изучения уорлдсонга и моего врожденного мастерства черпать энергию из животворных жил нашего мира.

— Естественно.

— Именно, — парировал Пуллингер. — Благодаря природе.

Естественно. Я мог бы взять самого бесталанного констебля в полицейском участке и, имея в своем распоряжении достаточно времени, какое для этого требуется, научил бы его передвигать предметы при помощи уорлдсонга. — В подтверждении его слов перо выскользнуло из пальцев Оливера и поплыло по воздуху прямо к уорлдсингеру.

— Не беспокойтесь на мой счет, — пробормотал сержант Кадбен.

Пуллингер откинулся на спинку кресло и обратился к своему юному коллеге.

— Как вы понимаете, молодой мастер Брукс — моя величайшая головная боль. Загадка. Как долго в среднем нужно соприкасаться с гиблым туманом, чтобы дали о себе знать все эти мерзости?

— От двух минут до часа, — ответил ученик.

— Верно, — подтвердил Пуллингер. — Можно спокойно спать в своей постели, как вдруг из земли поднимется гиблый туман, но вы сами узнаете об этом лишь в тот момент, когда ваше тело начнет менять очертания.

Юноша согласно кивнул.

— Две минуты, — повторил Пуллингер. — А вот аэростат нашего Брукса врезался в занавес гиблого тумана, когда ему был всего год. Его, единственного, кто тогда спасся, нашли четыре года спустя. Четыре года он подвергался воздействию заразы. К тому же он был слишком юн, чтобы самому находить себе пищу. И потом объявляется снова — ни противоестественных способностей, ни уродств, ни воспоминаний о том, что случилось с ним по ту сторону занавеса…

— Возможно, меня воспитали волки, — предложил объяснение Оливер.

— С момента нашей последней встречи ты что-нибудь вспомнил о времени, проведенном за проклятым занавесом?

— Нет, — солгал мальчик. Как обычно, кристалл правды никак не отреагировал на его ответ.

— Тебе снились сны, которые можно было бы назвать необычными?

— Нет, — снова солгал Оливер.

— Беседовал ли ты мысленно со своими родственниками, которых все считают погибшими?

— Нет, — ответил мальчик. — Хотя если бы такое и случилось, я не стал бы возражать.

Пуллингер не поверил ни единому слову Оливера. Четыре года подряд ребенок был подвержен воздействию гиблого тумана, и в результате никаких противоестественных способностей.

Просто неслыханно! Оливер стал его навязчивой идеей, делом всей его жизни.

— Только не пытайся меня обмануть. Я вижу, ты что-то утаиваешь, мальчик, — произнес уорлдсингер. — Ты можешь обмануть кристалл, но мне-то ты расскажешь все. Я тебя нутром чувствую.

— Вы ведь остановились в «Трех колоколах», верно? — полюбопытствовал сержант. — Эх, придется все-таки разобраться с их кухней.

Пуллингер пропустил его шутку мимо ушей.

— Чего ты боишься, Оливер? Ведь физически ты вполне нормален. Тебе не грозит возможность закончить жизнь в Хоклэмском приюте, обещаю тебе.

— Я бы предпочел военную службу.

— Верно, Оливер. Ты предпочел бы военную службу. В рядах Особой Гвардии твои способности будут поставлены на службу народу. Ты станешь героем, Оливер. В твоей жизни больше не будет ничего непонятного. Тебе не придется ничего бояться. Ты станешь любимцем всей страны, защитником отечества от внешних и внутренних врагов.

— С торком на шее, — подсказал Оливер. — Чтобы за каждым моим шагом следил кто-то вроде вас.

— Несмотря на все наше могущество, Оливер, мы всего лишь люди, которым доверено следить за теми, кто доверия не заслуживают. Торк — гарантия на тот случай, если кто-то из меченых гиблым туманом решит испробовать свои способности… или сойдет с ума. Скольких феев казнили при помощи торка? В этом году пока ни одного.

Оливер покачал головой.

— Я в большей степени человек, чем ваши друзья из Департамента по делам феев.

— Я знаю, что ты думаешь: будто с тобой плохо обходились, Оливер. Эгоистический взгляд молодого человека, который совершенно не знает жизни. Это делается ради твоей безопасности, да и нашей тоже. Ты еще не видел того, что видели мы в департаменте. Однажды ночью ты станешь феем и, проснувшись утром, обнаружишь, что у тебя с нами не больше общего, чем с насекомыми из твоего сада. Тебе, возможно, захочется вывернуть тело твоего дяди наизнанку, чтобы посмотреть, каково оно внутри. Ты отправишься гулять по улицам Хандред-Локс и начнешь поджигать людей силой мысли только для того, чтобы услышать, какими голосами они будут кричать. Я уже не раз видел такие вещи, Оливер.

— Я никогда не стану этого делать.

— Люди боятся гиблого тумана, Оливер. Боятся того, что нечто, что прячется посреди него, просачивается сквозь занавес в Шакалию, уродуя своих жертв. Они боятся неестественных способностей, которые не изучены и не поставлены под контроль людей.

— Но я нормален! — едва не сорвался на крик мальчик. — Я такой же, как другие.

— Ты не можешь быть таким, как все, Оливер, после того, как четыре года пробыл за занавесом гиблого тумана. Ты единственный, кто прожил там столько времени и вернулся оттуда живым.

— Я ничего не помню о том времени.

— Что за жизнь у тебя здесь, Оливер? Соседи и друзья напуганы твоей лишенной торка шеи, напуганы тем, что в один прекрасный день ты проснешься уродом. Покажи мне свою истинную сущность и позволь зачислить тебя в ряды Особой Гвардии!

— Хандред-Локс — мой родной дом.

— Это твоя тюрьма. Оливер. Ты будешь счастлив оказаться среди себе подобных. Капитан Флейр пригласит тебя в свой легион и примет как брата. Бонфайр и другие воины нашей славной Особой Гвардии сделают из тебя настоящего героя.

Оливер оставил слова чародея без ответа.

— Простолюдины обожают Гвардию, Оливер. Во всем королевстве не будет такой таверны, зайдя в которую, шакалийцы не поднимутся с мест и не выпьют за твое здоровье. И еще женщины, Оливер. Ты не видел, как женщины увиваются за гвардейцами? Борзописцы с Док-стрит будут строчить книжки о твоих подвигах и превратят приключения твоего легиона в легенду. А что тебя ждет здесь, ты думал об этом?

— Моя личная свобода, — тихо ответил Оливер.

— Забавная у тебя свобода, — усмехнулся чародей. — Пока что она обходилась тебе очень недорого, юноша. Но очень скоро ты сам увидишь, что цена за нее начнет стремительно повышаться.

— Я нормален, — упрямо проговорил юноша. — Нормален.

Пуллингер и его помощник направились к выходу.

— Когда-нибудь ты не выдержишь и проявишь свою настоящую суть, Оливер. Когда это произойдет, мы будем рядом и свяжем тебя. Или положим тебе конец.

Когда оба чародея покинули полицейский участок, сержант Кадбен покачал головой. Перед ним на столе лежал ряд отполированных кортиков и вычищенных винтовок.

— Я восхищен твоим мужеством, паренек. Вот только не

поступаешь ли ты себе во вред, а?

— Вы думаете, что я сделаю то, чего он хочет?

Кадбен пожал плечами.

— Я не знаю, сколько в тебе чертова тумана, парень, но четыре года за занавесом это почитай пожизненное заключение. Они до седых волос продержат тебя в звании поднадзорного. Ну и жизнь.

— Это несправедливо.

— Я знал одного детектива из Хэм-Ярда. Если уж он вбил себе в голову, что ты виновен, тебе ни за что не отвертеться. Ты мог бы сделать признание в том, что ты фей и получить короткий срок, и не важно, невиновен ты или нет. Тебя в любом случае посадят.

— Даже если я никакой не фей? Никакой не меченый?

— Особенно если ты никакой не меченый, паренек. Ты просто скажи им, что старина Изамбард Киркхилл из могилы посылает тебе указания — и пусть они наденут тебе на шею торк и запишут в Особую Гвардию. В этом отношении он тебе не врал. В Миддлстиле они живут не хуже членов парламента. Легкая служба, никаких забот, знай себе защищай народ от короля. А если парламент отдаст приказ, то основную работу за тебя сделают силачи вроде капитана Флейра. Настанет день, и я уже в самом начале зимы прочитаю в «Миддлстил иллюстрейтед» о том, каким славным защитником отечества ты стал.

Однако мысли Оливера были не об Особой Гвардии. Он думал о Хоклэмском приюте, о зловещих словах Шептуна, о том, что такое провести остаток жизни в темной, лишенной воздуха камере рядом с жутким монстром, нагло вторгающимся в твои сны.

* * *

Возможно, это было шестое чувство — нечто такое в нем, что наконец стало оправдывать ожидания Департамента по делам феев, — но Оливер почему-то сразу, как только открыл дверь черного хода в Севенти-Стар-Холл, понял: что-то случилось. В чулане все было на своих обычных местах — глиняные горшки, садовый инвентарь, старые сапоги, круглый стол, покрытый пыльной скатертью.

И все же волоски у него на шее почему-то встали дыбом. Необъяснимое ощущение того, что в доме что-то не так. Оливер осторожно приоткрыл дверь и заглянул в кухню. Демсон Григгс лежала лицом вниз на плитках пола. Вокруг ее головы растеклась

большая лужа крови. В затылке у нее торчал кухонный нож с деревянной ручкой. И это случилось с практичной и предусмотрительной демсон Григгс, за которой не водилось никаких грехов! Оливеру показалось, будто ее как жука раздавили огромной, обутой в сапог ногой.

Мальчик с трудом сдержал готовый вырваться из горла крик. Неожиданно он почувствовал себя слабым и беспомощным, как будто душа его улетела в небеса, а тело мощным вихрем смерти подбросило вверх. В следующее мгновение животный инстинкт самосохранения снова вернул его в реальность. Неужели демсон Григгс тоже вошла с черного хода и вспугнула вора, забравшегося в дом, чтобы поживиться столовым серебром? А где же дядя Титус? Что с ним?

Оливер почувствовал, что еще мгновение, и на него накатит волна паники. Дядя должен быть дома. Тогда почему он не услышал криков домоправительницы? Мальчик взял большой нож, лежавший на точильной колоде возле фаянсовой мойки — ощущение тяжелой рукоятки на какой-то момент вселило в него уверенность. Затем до его слуха донесся чей-то кашель. Стараясь не поскользнуться в луже крови — невообразимо бурой при том, что она должна была иметь красный цвет, — Оливер приблизился к приоткрытой двери, ведущей в прихожую.

Там он увидел незнакомого человека, нет, сразу двух, которые быстро перебирали содержимое шкатулки для писем. На них была черная одежда незнакомого Оливеру покроя. Где же дядя? Мальчик еще крепче сжал нож и собрался сделать шаг вперед, когда чья-то рука зажала ему рот и стиснула руку с ножом так, что он не смог ею пошевелить.

Это был Гарри Стейв.

«Оливер».

Голос прозвучал в голове мальчика. Губы Гарри были плотно сжаты.

(Молчи, Оливер. Не произноси ни звука. В доме чужие люди. Убийцы. Говори, не раскрывая рта. Я все прочту по твоим губам).

«Как вы это делаете? — беззвучно спросил Оливер. — Вы — уорлдсингер? Где мой дядя?»

«Утром, когда я уходил, Титус был дом. Мысленное эхо — обычный прием уорлдсингеров, но на мне ты не увидишь никаких красных татуировок, старина».

«Кто они? Что они делают здесь?» — спросил мальчик.

«Кто они такие, я сам очень хотел бы знать. И что они здесь делают тоже».

«Они вооружены?» — задал новый вопрос Оливер.

«Было бы чудом, если бы у них не было оружия. Я хочу, чтобы

ты как можно быстрее вернулся в полицейский участок, Оливер, и как можно быстрее привел сюда констебля».

«Но вы…»

«Пока еще остается вероятность того, что Титус жив. Я останусь здесь. Буду драться с ними, если придется. Или убегу, если буду вынужден это сделать. А теперь БЕГИ!»

Оливер примчался в полицейский участок, тяжело дыша и весь в поту. Казалось, сердце вот-вот выскочит у него из груди. Всю дорогу он отчаянно желал, чтобы полицейские были на месте. Толкнув дверь, он влетел внутрь, чем не на шутку перепугал сержанта Кадбена.

— Сержант! — задыхаясь, проговорил мальчик. — Демсон Григгс убита. Убийцы все еще находятся в нашем доме!

Только сейчас Оливер заметил двух элегантно одетых мужчин в дальней части комнаты.

— Вот видите, сержант. Что я вам говорил? Похоже, мои слова оказались пророческими.

Кадбен кивнул на незнакомцев.

— Оливер, это бригадир Морган и капитан Бейтс из Хэм-Ярда.

— Я не совершу никаких чудес сыскного ремесла, если назову главаря убийц, — произнес тот из незнакомцев, которого Оливер посчитал бригадиром.

— Гарри Стейв! — отчеканил тот, кто, по идее, был Бейтсом.

Глаза мальчика удивленно расширились.

— Но он же!..

— Гарри Стейв пятнадцать лет назад бежал с виселицы Боунгейтской тюрьмы, — сообщил бригадир Морган. — С тех пор он оставил по всей Шакалии немало кровавых следов и целую гору трупов.

— Тебе здорово повезло, дружок! — вступил в разговор сержант Кадбен. — Так значит, этот громила и его головорезы все еще находятся в твоем доме?

Оливер негромко простонал. Дядя Титус. Его дядя в руках банды убийц и мошенников. А он бросил его на произвол судьбы в Севенти-Стар-Холле. Оливер посмотрел на ордер, который держал в руках сержант Кадбен. На нем красовался рисунок, изображавший Гарри Стейва, а выше — строчка значков кода крови. Эту информацию можно было прочесть лишь при помощи транзакционного устройства. Буквы и значки заплясали пред глазами Оливера. Гарри Стейв. Бежал из Боунгейтской тюрьмы. Длинный список фальшивых имен. Внизу две набранные крупным шрифтом буквы — К.П. Королевское прощение нашедшему, если

будет передан властям мертвым.

Сержант Кадбен снял с оружейной полки винтовку, перегнул ствол и осторожно заложил в него стеклянный заряд.

— Значит, он убил демсон Григгс, паренек? Кровавый убийца и подонок. На сей раз ему не уйти от петли. Даже если решит добровольно сдаться в руки закона.

— Но он отпустил меня, — возразил Оливер. — А ведь мог бы и убить.

— Это, он тешил свое эго, — включился в разговор капитан из Хэм-Ярда. — Какой прок оставлять следы преступления, если дешевые бульварные издания припишут твои подвиги соперничающей шайке.

Бригадир взял со стола кортик.

— А где остальные констебли?

— Один на летном поле. Второй отправился куда-то к дамбе и к навигационному каналу Хандред-Локс, — недовольным тоном ответил Кадбен. — Пока я дождусь их, Стейв и его шайка уже будут на полпути к Хамблфолку.

— Плохи дела, — произнес бригадир.

— Сколько раз я говорил в совете графства, что нам не хватает людей, — пояснил сержант. — Может, теперь они прислушаются к моим словам, после того как у нас произошло убийство?

— Нет, — возразил бригадир. — Я имел в виду, что плохи дела для тебя.

С этими словами он вскинул руку с кортиком, и, вонзив его Кадбену в живот, несколько раз повернул. Сержант отпрянул назад. Изо рта у него выплеснулась струйка крови. В следующее мгновение согнутая в локте рука Бейтса замком сжала мальчику горло. Ударив второй рукой его в спину, он заставил Оливера упасть на колени.

— Как ужасно, — процедил Морган, внимательно и бесстрастно наблюдая за предсмертными судорогами Кадбена, — когда молодой человек неожиданно становится феем и убивает всех, кто оказался в этот момент в доме.

Его коллега несокрушимой стеной навис над Оливером, придавив его к полу.

— И убивает надзирающего за ним полицейского.

Оливер почувствовал, что у него больше нет сил сопротивляться. Бригадир тем временем извлек откуда из-под кителя веревку с петлей.

— После чего мальчик, терзаемый стыдом и раскаянием, вешается прямо в помещении полицейского участка.

Опустившись вниз, петля легла на шею Оливера, и начала

затягиваться, врезаясь в горло.

— Как ты думаешь, капитан, сколько он протянет? — поинтересовался Морган.

— С его весом? — ответил Бейтс. — Минуты три.

— Нет, так дело не пойдет. Маловато, — посетовал Морган. — Спорим, что дрянной мальчишка проболтается в петле шесть минут, прежде чем сдохнет.

— Нет. Он окочурится куда быстрей. Слишком тощий.

— Ставлю гинею, что выдержит. Идет, капитан?

— Договорились, старый негодник.

Оливера поставили сначала на ноги, затем на стул, а веревку, перебросили через потолочную перекладину.

— Ну давай, сынок! — мерзко ухмыльнулся бригадир. — Постарайся продержаться подольше, не меньше шести минут!

Оливер как во сне почувствовал, как у него из-под ног выбили стул. Веревка дернулась и натянулась. Мальчику показалось, будто ему в горло плеснули раскаленного металла. Дергая ногами и раскачиваясь в воздухе, он попытался закричать от пронзительной боли, однако голос не повиновался ему. Затем пол начал медленно надвигаться на него. Или это под ним разверзаются врата подземного царства?

«Ныряй под стол!»

Грохнул винтовочный выстрел, и бригадира отбросило к стене. Пистолет, к которому он потянулся, повис в воздухе. Второй полицейский из Хэм-Ярда пытался что-то вытащить из-под мундира, однако Гарри Стейв не стал перезаряжать винтовку сержанта Кадбена. Глаза Оливера на мгновение погрузились во тьму. Гарри молнией перелетел на другой край комнаты. Разве возможно, чтобы кто-то двигался с такой быстротой? Видимо, он просто теряет сознание — петля на его шее перекрывает приток кислорода в мозг.

Гарри врезал второму в живот прикладом винтовки, и Бейтс согнулся пополам. Еще шаг вперед, и шея капитана полиции из Хэм-Ярда хрустнула, а его обмякшее тело рухнуло на пол.

Закашлявшись, Оливер потянул веревку, которая тугой петлей по-прежнему стягивала ему горло. Подняв голову, он увидел, что в стене все еще подрагивает нож, которым Гарри перебил веревку и спас его от мучительной смерти.

— Что с дядей Титусом? — прохрипел мальчик.

Гарри Стейв печально покачал головой.

— О Великий Круг! — До Оливера только сейчас начала доходить чудовищность случившегося. Трое убитых. Кадбен мертв. Демсон Григгс мертва. Дядя Титус мертв. — Они пытались убить меня!

— Они хотели списать на тебя эти убийства. Свалить вину на поднадзорного мальчишку. Им нужны были я и Титус.

— Они же полицейские!

Гарри Стейв пнул ногой тело Бейтса.

— Может быть. Но будь они и в самом деле полицейскими, они явно не из тех увальней, что целыми днями бьют баклуши в Хэм-Ярде.

Оливер попытался заговорить, но Гарри прижал палец к его губам.

— Я убил двоих в Севенти-Стар-Холле, Оливер. Двоих здесь. Все вопросы потом. Нам нужно поскорее убираться отсюда.

Окружающий мир удивительным образом перевернулся с ног на голову. Полицейские, убивающие невинных людей. Убийца, который защитил его от других убийц. Те немногие обитатели Хандред-Локс, которые были ему дороги, мертвы. Оливер словно лунатик вышел из здания полицейского участка, закрыв за собой дверь, за которой лежали мертвые тела.

Закрыв за собой дверь всей своей жизни.

Глава 5

Все уроки демсон Дарней, полученные Молли за несколько лет пребывания в работном доме, по своей интенсивности не шли ни в какое сравнение с месяцем обучения, проведенного леди Эммой Фейрборн и другими наставницами. Уроки этикета проводились в пустых комнатах размером со склад. Кроме ученицы и учительниц здесь не было никого, если не считать облаченных во все черное охранников, застывших в дверях. Светский протокол, умение держать правильную осанку, ходить, разговаривать, думать. Понимание разницы между колкостью и ответной репликой — а эта разница могла быть ох как велика! Различия между фракциями Дома Стражей — хартлендерами, пуристами, левеллерами, роарерами и круговистами — впрочем, на поверку эти были не столь велики.

Молли пока что не разрешалось бродить по всему огромному дому и огороженному высокими стенами двору, включая и небольшой водоем, по которому можно было кататься на лодке, поэтому она была ограничена пространством комнаты, которую ей приходилось делить с другой девушкой, вульгарной особой по имени Джустина. В воздухе явственно витали ожидание и какая-то угроза. Угроза того, что может произойти с Молли, если она разочарует свою наставницу — например, споткнется в присутствии учительницы танца, философии или хороших манер.

— Мы не грошовые потаскухи, что обитают на задворках Халк-сквер, — презрительным тоном сообщила ей леди Фейрборн, когда Молли попыталась уклониться от необходимости знакомиться с новыми текущими событиями. — Клиенты, переступающие порог заведения «Фейрборн и Джарндайс», даже если и не правят королевством, в подавляющем своем большинстве являются крупными землевладельцами или очень богатыми коммерсантами.

Молли недовольно сморщила носик.

— Успокойся, моя дорогая, — произнесла леди Фейрборн. — Не надо прикидываться передо мной скромницей. Я знаю, каково оно — провести детство в работном доме. Ты думаешь, что, отдавая тело мужчине или женщине, ты лишь доставляешь им удовольствие. Но это, скажу я тебе, лишь одна десятая умения быть хорошей любовницей. — Леди Фейрборн легонько похлопала себя по лбу. — Остальное делается при помощи этого органа.

— Значит, вы родились… — начала было Молли.

— Я не могу сказать, где я родилась, Молли. Это и не важно

для того, кто желает провести остаток своих дней в другом месте. Ну хорошо, я подобно тебе выросла в детском приюте миддлстилского работного дома. Обрати внимание, не в стенах твоего ухоженного Сан-Гейта, а в Джанглсе, среди непролазной грязи и городских подонков.

— Но ведь у вас есть титул… — пролепетала Молли.

Ее слова вызвали у леди Фейрборн искренний смех.

— Ах, Молли, самые удачливые потаскухи Миддлстила — те, кого чаще увидишь в Палате Стражей, чем в любом другом месте. Мой титул — самое дешевое из всего, что только можно купить в Шакалии, были бы деньги.

Молли почувствовала, что ее мысли окончательно запутались.

— Твое обучение здесь, Молли, состоит не в том, чтобы ты запомнила какие-нибудь факты или узнала, где должна лежать на столе суповая ложка. Главное для тебя — умение правильно воспринимать окружающий мир. Умение приподнять над ним завесу лицемерия и распознать лживые слова, которые мы произносим каждый день. Неужели ты до сих пор полагаешь, что работа в моем заведении окажется неприятной? Ответь мне, пожалуйста, честно, если можешь…

Молли кивнула.

— Это потому, что тебе продали паутину лжи, предназначенную для того, чтобы удержать тебя в рабстве, Молли. Чтобы ты знала свое место, не задавала никаких вопросов, была покорной и нерассуждающей. Твоя красота, твоя привлекательность в глазах мужчин — сильное оружие, Молли. Научись правильно пользоваться ими и достигни того, чего достигла я. Наверняка кто-то постарается уверить тебя в том, что я жертва обстоятельств, Молли. Но когда клиенты входят в дверь моего заведения, они не что иное, как бараны, с которых сдерут шкуры. Сделки, которые заключаются здесь, ничуть не отличаются от тех, что заключаются где-нибудь на балу или перед Круговистским алтарем.

Гениальные писатели с Док-стрит могут с удовольствием живописать мою деятельность на страницах бульварных изданий и называть меня Королевой Блудниц, однако единственное отличие между мной и какой-нибудь купеческой дочерью, за которой на балах увиваются будущие женихи, состоит в том, что я сразу называю свою цену. — С этими словами леди Фейрборн наклонилась к Молли и быстро поцеловала ее в щеку. — В отличие от этих респектабельных замужних дам Миддлстила у меня больше возможностей для повторных торгов.

— А как же любовь? — робко поинтересовалась Молли.

— Величайшая в мире ложь, — парировала леди Фейрборн. — Биологическая потребность, напоминающая о том, что настала пора произвести на свет крошечные подобия самой себя. Но они лишь ослабляют твое здоровье и портят красоту. Поверь мне, я знаю, что говорю. Если где-нибудь и есть красавец-принц на коне, ожидающий нас, то он точно свернул не в том направлении, в котором следовало. Любовь — это что-то вроде зимней эпидемии гриппа, Молли. Наступает новое время года, и она бесследно проходит. Лучше научись искусно владеть ею, научись заворачивать в броскую упаковку, назначать хорошую цену и начинай с ее помощью строить для себя надежное будущее.

Настало время представить Молли ее первому клиенту. Вернее, наставнику-покровителю, так его завуалированно называли, который поможет ей сориентироваться в ремесле продажной любви столичного качества. Молли сидела на обтянутой красным бархатом постели. Сидевшая рядом Джустина расчесывала ей волосы.

— Тебе не стоит ни о чем беспокоиться, Молли. Я видела твоего клиента. Это почтенный джентльмен. Одет как настоящий щеголь, хотя слегка староват. У него серебристо-седая бородка.

— Давай, расхваливай его дальше, — не удержавшись, съязвила Молли.

— Он никогда у нас не бывал раньше, но сюда можно попасть только по самой надежной рекомендации. Но все равно, почтенный возраст клиента это хорошо. Больше пары минут дело не продлится.

— Я не смогу! — покачала головой Молли.

— У тебя нет выбора, Молли. Если ты откажешься, тебя заставят заниматься уборкой дома, и в один прекрасный день ты свалишься с лестницы или тебя придавит тяжелым шкафом. Выбраться отсюда можно только одним способом — выкупить свой контракт. — Джустина протянула Молли квадратик жевательной резинки зеленого цвета. — На, пожуй. Это тебя немного успокоит.

Молли подозрительно посмотрела на жевательную резинку. На вид та была совершенно безвкусной и похожа на влажную глину.

— Что это?

— Леааф, — ответила Джустина.

Молли едва не поперхнулась.

— Она же стоит целое состояние!

— Семьдесят соверенов за унцию. Если у тебя ее найдут, тебе

не миновать плахи. Любимая штучка наших девушек. Как ты думаешь, сколько мне лет?

— Ты, пожалуй, на пару лет меня старше. Восемнадцать?

— Тридцать шесть, — с гордостью сообщила Джустина. — Говорят, в Кассарабии живет калиф, которому пятьсот лет. Там тебе сразу вынесут смертный приговор, когда поймают на границе, если ты попытаешься незаконно вывезти леааф. Так что не все твои покровители, Молли, дружат с законом.

Молли покатала в руках похожее на глину вещество. Его уличное название — «вечная жизнь». Из чего именно изготавливалось снадобье, обещавшее долгую жизнь, никто не знал. Кассарабийские маги никогда и никому не раскрывали секрета. То ли его делали из какого-то редкого растения, то ли из человеческой плоти, выраставшей в чреве рабынь.

— Я могла бы выкупить свой контракт еще шестнадцать лет назад, — призналась Джустина. — Но когда у тебя оказывается много денег, очень трудно вернуться в то состояние, когда у тебя не было ничего. Это гораздо труднее, чем всю жизнь оставаться бедным и даже не ведать, что такое богатство. Кроме того, пластиночку леаафа ни за что не купить на прилавках Гатти и Пирса.

Звякнул бронзовый дверной колокольчик, и в следующее мгновение слуга открыл дверь комнаты.

— Проходите сюда, сэр, — произнесла Джустина, пропуская клиента внутрь. Она наклонилась, чтобы принять у него трость, но тот коротким жестом отверг ее услуги. Молли он показался похожим на пожилого художника. У него была раздвоенная серебристая бородка, острые кончики которой находились прямо над краями вычурно завязанного шейного платка.

— Я с вашего позволения слегка переведу дыхание, — учтиво произнес клиент. — В этом доме ступенек больше, чем в Музее естественной философии.

В его голосе слышался легкий акцент, происхождение которого Молли установить не смогла.

— Как вы и просили, сэр, это новая девушка, — сообщила Джустина. — Хотя, если я не ошибаюсь, вы частый гость в нашем заведении?

— Мое свободное время я обычно провожу, ухаживая за орхидеями в домашней оранжерее или слушая камерную музыку в приличном исполнении, — признался незнакомец. — Насколько я понимаю, эта девушка предназначена для меня.

Джустина шагнула к двери.

— Позвоните в колокольчик, сэр, когда закончите. Или я, или другая девушка проводит вас к отдельному выходу. Гарантируем,

что вы не столкнетесь ни с кем из ваших знакомых.

— Да, да, я понимаю, сколь щекотливой может оказаться подобная ситуация, — согласился человек с седой бородкой. — Хотя лично я бы предпочел, чтобы вы остались здесь вместе со мной и Молли.

— Если вы желаете дополнительную девушку, сэр, я могу легко все устроить… — удивленная Джустина остановилась. — Кстати, я ведь сказала, что эту девушку зовут Магдалина…

— Вы не поняли меня, милочка. Мне не нужна еще одна девушка, — проговорил незнакомец. Раздался негромкий щелчок, и из трости выскользнуло стальное лезвие. Холодный металл молниеносно полоснул Джустину по горлу. — Мне не нужна свидетельница, которая ненароком увидит мое лицо.

Захлебываясь кровью, Джустина сделала неуверенный шаг вперед и тут же повалилась на пол возле зеленого бархатного шнурка от колокольчика, за который девушки дергали в тех случаях, когда клиенты применяли насилие. Дверь стремительно распахнулась, и в комнату ворвался охранник. В толстенной, как окорок руке у него была налитая свинцом дубинка полицейского образца. Молли не стала дожидаться начала схватки с клиентом-убийцей, и, стремительно скатившись с бархатных простыней, бросилась к выходу. Подъемное окно было закрыто на засов. Дверь оставалась открытой, но проход был перекрыт двумя людьми. Взгляд Молли упал на давно остывший камин. В свое время ей приходилось чистить точно такие же дымоходы — еще до того трагического происшествия с башней Блимбер-Уоттс. На нее тотчас нахлынули тяжкие воспоминания о пережитом ужасе. Неужели ей придется испытать его снова?

До слуха девушки донесся вопль охранника. Одна из его рук была отсечена ниже локтя. Из безобразного обрубка фонтаном хлынула кровь. Трость седобородого старичка раскололась на два клинка, которые перед лицом потрясенного охранника принялись рассекать воздух в невообразимом танце.

Трудно сказать, что это было, — то ли воздействие леаафа на нервную систему, то ли острое осознание того, что она может через несколько секунд умереть, но Молли юркнула в дымоход камина со скоростью лисы, метнувшейся в нору от своры собак. Страх перед тесной темнотой куда-то исчез, осталось лишь желание спастись любой ценой. Как будто вопреки законам всемирного тяготения, Молли принялась быстро подниматься вверх по дымоходу, цепляясь за кирпичи, быстро-быстро перебирая руками и подтягиваясь все выше и выше. А что за звуки доносятся снизу — будто кто-то задумчиво цокнул языком возле камина? Поймет ли старик-убийца, куда она скрылась?

Воздух, холод, вечер. Молли стоит на крыше, на высоте трех этажей. Силуэт вечернего города узнаваем — западный Сан-Гейт. Один из самых больших особняков с собственными садами. Со сверхчеловеческой скоростью она соскользнула вниз по железной водосточной трубе. Затем перескочила через заборы, обежала небольшой водоем и оглянулась. Последняя стена, которую она преодолела, оказалась в два раза выше ее роста. В обычном состоянии ей ни за что бы не перепрыгнуть через нее. Это все действие леаафа.

Кто, во имя святого Круга, старик с седой бородой? Нет, неправильный вопрос. Он — это ясно как день — лучший из профессиональных убийц королевства. Наемный убийца. Правильнее было бы сформулировать вопрос другим образом — почему он пришел именно в ее комнату? Неужели она, Молли, и есть главная его цель? Не может такого быть. Демсон Снелл, владелица паршивой прачечной, не стала бы выкладывать кучу гиней за удовольствие увидеть, как юную Молли Темплар режут на части. Неужели он убил кого-то в соседней комнате и решил зачистить всех возможных свидетелей злодеяния? Однако ни она, ни Джустина ничего не слышали и не видели. И откуда он узнал, что ее зовут Молли, если ему обещали девушку с другим именем? Может быть, Джустина стала свидетельницей чего-то такого, за что ее решили убить, а она, Молли Темплар, тут совершенно ни при чем? Ведь не мог же убийца придти специально за ней?

Но ведь ей ничего не известно ни о каких преступлениях, кроме взяток бидла. Может, он решил отомстить ей, вот и продал ее опекунские документы заведению «Фейрборн и Джарндайс». И все же убийца знал ее имя. Спросил именно про нее. Уж слишком дорогой способ покончить с дешевой жизнь сироты.

Вскоре Молли оказалась у дверей работного дома Сан-Гейт. Ноги сами, против воли, привели девушку сюда. Света в холле не было. Похоже, что все безмятежно спали. Молли, трепеща от страха, вошла внутрь. Интересно, поверит ли бидл ее истории? После того, что совсем недавно случилось в заведении леди Фейрборн, он просто не сможет не поверить. Не исключено, что Эмма Фейрборн урежет расходы и выбросит ее вон, как личность, приносящую одни лишь убытки и несчастья. Она не принесет барышей публичному дому так же, как когда-то не принесла удачи башне Блимбер-Уоттс.

Огромные двойные двери прихожей были немного приоткрыты, и, судя по всему, ночной дежурный отсутствовал. Застукай бидл кого-нибудь из юных питомцев работного дома за подобным нарушением, несчастному сироте не поздоровилось бы. Молли повернула налево и спустилась по шаткой деревянной

лестнице в подвал, где располагалась спальня для девочек.

Странно. Десяти часов вечера еще не было и после комендантского часа прошло совсем немного времени. В спальне должны были гореть дешевые сальные свечи. Девочки-сироты читают в их неровном свете дешевые бульварные романы, болтают, едят фрукты, найденные в баках для отбросов на рынке Магнет-Маркет. В комнате же было абсолютно темно. Молли на ощупь потянулась к свече, чиркнула спичкой и зажгла ее.

Дешевые фанерные рамы кроватей были перевернуты, грубые пеньковые одеяла разбросаны по всему полу. Впрочем, здесь были не только одеяла. Молли подошла к одному из бесформенных свертков, и, набравшись мужества, все-таки перевернула его. Перед ее взглядом предстали мертвые остекленевшие глаза Рашели.

— Рашель! — попыталась растолкать ее Молли. — Рашель, просыпайся!

Ее подруга спала вечным сном.

Кто же это сделал? Мир сошел с ума. В публичные дома врываются хладнокровные убийцы. Теперь их руки дотянулись и до сиротского приюта.

— Молли! — неожиданно прозвучал голос из сундука с постельным бельем. Под одеялами что-то зашевелилось. Это была Верфей, девушка-крабианка. Она была ранена — одна из оранжевых пластин ее панциря, похожего на панцирь краба, выше плеча была раздроблена.

— Верфей! Твое плечо… — воскликнула Молли и бросилась к раненой. — Во имя любви к Кругу, что здесь у вас случилось?

— Люди… — закашлялась крабианка. — Они были одеты в мундиры полицейских из девятого участка. Только это были не констебли, я сразу поняла.

Что ж, кому, как не ей, это знать. Половину миддлстилских полицейских составляли крабианцы — панцири-экзоскелеты делали их прирожденными солдатами и хранителями парламентского мира.

— Зачем они это сделали?

— Они искали тебя, Молли.

— Меня?

Верфей наконец с трудом уселась на сундук.

— Рашель сказала им, что бидл тебя куда-то отдал, но никому из нас не сказал, куда именно. Просто сообщил, что ты наконец получила работу, которую давно заслуживала. Один из этих людей решил, что Рашель лжет, и начал избивать ее своим Спящим Генри. Они забили ее насмерть у нас на глазах. Мы пытались остановить их, и тогда они сделали со мной вот что. —

Верфей показала на свою разбитую плечевую пластину.

— А где все остальные? — спросила Молли, обведя взглядом спальню.

— Они увели их с собой, — зарыдала юная крабианка. — Всех до единой. И мальчиков тоже.

— Зачем? — спросила Молли. — Что им от нас нужно?

— Лучше спроси, что им нужно от тебя, Молли. Они искали тебя. Что ты натворила?

— Ничего такого, за что могли бы пострадать остальные. Я ничего не понимаю.

— Может быть, это связано с твоей семьей?

— Какая такая семья? Моя семья, черт побери, это вы.

— Твоя семья. Твои чертовы родственники. Они могут быть очень богаты, Молли. Богаты и могущественны настолько, что наняли банду убийц. Может, твой отец узнал о тебе, о том, что ты его незаконная дочь, и решил упростить дело наследования.

Молли состроила гримаску. Упростить дело наследования на языке Шакалии означало подбросить незаконнорожденного ребенка к дверям работного дома. Предположение Верфей было не слишком далеко от истины. Всю жизнь Молли ощущала себя никому не нужной, но что тут странного? Вполне возможно, что мать подбросила ее к дверям Сан-Гейт из любви, из страха перед тем, что может случиться с младенцем, если отец вдруг узнает о существовании внебрачного ребенка.

— Пойдем, старая скорлупка! — сказала Молли, помогая Верфей встать на ноги. — Они убрались отсюда. Но и нам тоже нужно поскорее убираться, пока они не надумали вернуться.

— Можешь пойти вместе со мной в Шелл-Таун, — предложила Верфей. — Спрячешься там.

— Не раньше, чем ты нарастишь мне броню и приделаешь еще одну пару рук. Рядом со мной ты будешь каждую минуту в опасности.

— Куда же ты тогда пойдешь? — спросила Верфей.

— Бидл всегда говорил, что я закончу жизнь среди всякого уличного отребья. Докажу его правоту и отправлюсь в подземный город. Попытаюсь добраться до Гримхоупа и тамошних изгоев.

— Это опасно, Молли, — предостерегла ее Верфей. — Ты ведь даже не знаешь, как добраться до подземного города.

— Знаю, — возразила Молли. — Разве ты забыла, что Рашель работала на пневматической станции?

— Верно! На станции «Гардиан Рэтбоун».

Пневматическая станция «Гардиан Рэтбоун» была главным терминалом пневматической подземки для рабочих Сан-Гейт. Тысячи клерков и простого рабочего люда каждый день ездили в

транспортных капсулах по туннелям, приводившимся в движение мощными паровыми машинами, которые создавали вакуум.

Из пневматической системы имеются выходы в подземный город. Рашель их знала. Через них под землю проникнуть легче, чем через канализационные люки.

Верфей согласилась. В систему миддлстилской канализации в одиночку было лучше не соваться. Городские ассенизаторы спускались туда только группами по пять-шесть человек и обязательно с оружием.

— Прошу тебя, Молли, пойдем со мной к нам в Шелл-Таун. Ничего хорошего в подземном городе тебя не ждет. Там живут одни нищие, бунтовщики и прочее отребье. Если до тебя не доберется какой-нибудь уголовник, то уж политическая полиция — обязательно. Ты же знаешь, что полицейские закачивают под землю мусорный газ, чтобы выкурить из туннелей изгоев.

Молли покачала головой и опустилась на колени рядом с бездыханным телом Рашели.

— Она всегда была такой разумной, наша Рашель. Хотела найти спокойную, безопасную работу. Старалась всегда соблюдать чистоту. Не отвечать грубостью на грубость.

Верфей попыталась оттащить Молли в сторону.

— Ты права, нам пора идти.

— И посмотри, что с ней стало, Верфей. Ее больше нет. Она умерла в этой куче дерьма.

— Прошу тебя, Молли!

Молли взяла свечу и швырнула ее прямо в кучу старых газет и бульварных книжонок. Те моментально загорелись. Пламя стремительно перебросилось на одеяла, которые тут же затрещали, будто опаливаемая свиная щетина.

— Вот твой погребальный костер воина, Рашель. Если я найду негодяев, которые сделали это с тобой, с нами, я сожгу их самих и все, что им дорого.

— Молли! — испуганно дрожа, воскликнула крабианка. — Молли, что ты наделала!

— Пусть горит, — неожиданно усталым тоном промолвила Молли и вывела Верфей из спальни вниз по шаткой лестнице, прежде чем ступеньки вспыхнули огнем. — Пусть все здесь сгорит дотла!

Первый Страж Хоггстон нетерпеливо постукивал ногой по огромной фарфоровой вазе рядом с письменным столом, поверхность которого украшали изображения победных сцен гражданской войны. Еженедельная встреча с королем Юлием была утомительной формальностью — скорее предлогом для

получения новых сведений от капитана Особой Гвардии. Тем не менее парламент придерживался давно установленных ритуалов. По обе стороны двери, ведущей в кабинет Первого Стража, безмолвно застыли два уорлдсингера. Хоггстон улыбнулся собственным мыслям. Особая Гвардия не сводила глаз с короля. Уорлдсингеры не сводили глаз с Особой Гвардии. Он не сводил глаз с уорлдсингеров. А кто не сводил глаз с Первого Стража? Конечно же, избиратели! Безымянное аморфное стадо, вопящая толпа. В комнату вошел капитан Флейр. Без короля, но с этим щенком, кронпринцем Алфеем.

— Где Юлий? — резким, неприятным голосом спросил Хоггстон.

— У него очередной приступ болезни лодочника, — пояснил капитан. — Он безвылазно проведет во дворце по меньшей мере неделю.

Хоггстон вздохнул и посмотрел на щенка. Мальчишка всегда заставлял нервничать. Впрочем, на его месте нервничал бы любой.

— Ответьте мне, сэр, почему на лице юноши нет маски?

— Виной тому астма, — ответил капитан Флейр. — На жаре он порой начинает задыхаться.

— Ненавижу эту маску, — пожаловался принц. — Железо сильно натирает уши, и они начинают кровоточить.

Хоггстон снова вздохнул.

— Мы найдем тебе какую-нибудь сучку монарших кровей, щенок. Чтобы ты смог произвести для нас следующее королевское отродье. А я, со своей стороны, попытаюсь убедить парламент, чтобы его не учили разговаривать. Спрашивается, зачем мы потратили на тебя чертову прорву времени? Неужели лишь затем, чтобы ты раз в неделю как попугай повторял свою клятву?

— Ненавижу тебя!

Хоггстон встал и со всей силы ударил принца кулаком в живот. Юноша согнулся пополам и упал на пол. Первый Страж пнул его ногой, попав в голову.

— Так и будет, ваше величество! А теперь заткнись, или мы отрежем тебе руки раньше времени, покроем их позолотой и выставим в Народном Зале рядом с руками твоего венценосного папаши!

Капитан Флейр поднял задыхающегося, захлебывающегося рыданиями малолетнего принца и посадил его в кресло.

— Неужели в этом была необходимость, Первый Страж?

— Для меня — да, — ответил Хоггстон. Пастух, так называли за глаза капитана Флейра. Он и был пастухом, точнее мальчишкой-пастушонком, когда на торфяниках поднялся гиблый

туман и сделал из Флейра фея, меченого, наделив его силой, о которой полубоги классической истории могли лишь мечтать. Однако бывший пастушок оказался мягковат — полезный дурак, защищавший свое новое стадо. Народ. Верно. Все для народа.

— Мы не столь современны, как Содружество Общей Доли, сэр, — ответил Хоггстон. — Мы не прогоняем всех наших аристократов сквозь Гидеонов Воротник. Что ж, время от времени приходится полагаться на старый добрый сапог из прочной шакалийской кожи.

— И с кем вы собираетесь разговаривать с помощью старого доброго сапога? — поинтересовался Флейр. — С карлистами?

— Я даже не знаю, капитан, можем ли мы еще называть тех, с кем нам приходится иметь дело, карлистами, — ответил Хоггстон. — Местная толпа, похоже, зашла дальше обычных коммьюнистских банальностей, которые в последнее время произносят наши компатриоты в Квотершифте.

— Вы что-то подозреваете?

— На улицах затевается какая-то мерзость. И главное, обратите внимание, как широко она распространилась. Из чего следует, что она организована и за ней кто-то стоит.

— Вот для того и существует Управление Расследований Палаты Стражи, — сказал Флейр.

— Наши агенты раскалывали обычные черепа мятежников, ловили в свои сети обычных подозреваемых. Того, что творится сейчас на улицах, карлисты старого времени боятся так же, как и мы. Их вожаки наконец исчезают — все те, кто противостоит новым поколениям подстрекателей. Речная полиция вот уже целый год вылавливает тела карлистских комитетчиков из вод Гэмблфлауэрса.

— Вы кого-то подозреваете? Хотите бросить на них силы Особой Гвардии?

В словах Хоггстона прозвучало нескрываемое неудовольствие.

— Это вам не громить войска кассарабийского шейха или пиратскую флотилию роялистов. Здесь требуется тонкий подход.

— Я могу разрывать голыми руками стальные плиты, — заявил Флейр. — От меня отскакивают пули. О мою кожу способны затупиться фехтовальные рапиры. Я не уверен, что Особая Гвардия готова на тонкий подход.

— Но есть другие, кто может его проявить, — заметил Хоггстон.

Глаза Флейра презрительно сузились.

— Вы имеете в виду меченых из Хоклэмского приюта?

Один из стоящих у двери уорлдсингеров шагнул вперед.

— Первый Страж!

— Встань на место! — рявкнул на него Хоггстон. — Черт побери твои глаза, но можно подумать, будто я не знаю, как орден относится к тем, кого мы содержим в Хоклэме.

— Их нахождение там вполне обоснованно, — стоял на своем уорлдсингер. — Соприкосновение с гиблым туманом в большей степени изменило их разум, нежели тело. У нас с ними не больше сходства, чем с чердачными жуками, а дай им волю, то они отнесутся к нам, как к жукам.

— Меня в большей степени интересует их разум. Нам нужны будут всего несколько особей. Всего пара таких, кто обладает талантом искоренять врагов, затесавшихся в наши ряды.

— Вынюхиватели душ, — еле слышно выдохнул уорлдсингер. — Вы верите в то, что орден выпустит на свободу вынюхивателей душ?

— Народу такое не понравится, — заявил Флейр.

— Народ — это я, сэр. Да будет вам это известно! — взревел Хоггстон. — Я глас народа, я выразитель народа. И я не допущу, чтобы народ пал жертвой орды коммьюнистских демагогов! Я не допущу, чтобы талант и процветание нашего народа пропустили через Гидеонов Воротник, как фарш через мясорубку! Не допущу!

Хоггстон ударил кулаком по письменному столу и ткнул пальцем в капитана Флейра.

— Ты думаешь, что если люди увидят бесформенные куски человеческой плоти в Хоклэмском приюте, толпа перестанет боготворить землю, по которой ступает Гвардия? Пора, капитан, видеть в своих гвардейцах меченых, а не красавчиков со страниц мерзкой «Миддлстил иллюстрейтед», где, что не номер, на обложке улыбается твое лицо.

— Что ж, возможно, — согласился Флейр.

— Искусство руководства страной состоит в знании того, когда рукоплескания толпы превращаются в эхо саморазрушения, — проговорил Хоггстон. — Если возникает выбор — сорвать завесу с твоей прекрасной персоны или позволить стране скатиться в хаос и анархию, то лично я предпочту первое. Не беспокойся, мы будем держать феев на коротком поводке, так сказать, выводить на прогулку только по ночам. В конце концов, это вряд напугает избирателей.

— Нам придется разработать для них специальную одежду с торком, — произнес один из уорлдсингеров. — И создать специальные команды, которые бы следили за тем, чтобы эти уроды от нас не сбежали.

Хоггстон устало взмахнул рукой.

— Тогда берись за дело. Нам нужно знать, кто стоит за беспорядками, и когда они намереваются приступить к серьезным

действиям.

— Как прикажете.

— Как прикажет народ, сэр. И ради великого Круга, прежде чем уйдете из палаты, наденьте снова маску на королевского щенка. Я не хочу, чтобы «Миддлстил иллюстрейтед» опубликовала историю о том, что его видели голым в стенах парламента.

Глава 6

Верфей легонько похлопала Молли конечностью-манипулятором — короткой, расположенной под большой рукой с костью-клинком.

— Молли, за нами следят.

Крабианка никогда не видела ползучих растений в Лионгели, однако обладала чутьем истинного обитателя джунглей.

— Где началась слежка?

— Когда мы свернули на Уотеркорс-авеню.

Молли выругалась про себя. Получается, что убийцы расставили своих шпионов рядом с приютом. Черт бы побрал ее семью! Одно дело — с ранних лет знать о своей ненужности, понимать, что тебя выбросили на улицу, выплеснули как ведро кухонных помоев. И совсем другое — выяснить, что ближайшие родственники хотят избавиться от тебя при помощи наемных убийц, которые без всякой жалости зарежут тебя как цыпленка.

— Сколько их?

— Двое.

Молли на мгновение задумалась.

— Если они охотятся за мной и если они наконец выследили меня, то их точно будет больше, никак не двое. Наверное, та самая шайка, которая убила Рашель и увела наших детей.

Верфей указала рукой-клинком в направлении ближайшей улицы.

— Мы могли бы устроить засаду и разделаться с ними.

Молли отрицательно покачала головой.

— Ты славная пташка, Вер-Вер, но нам вдвоем ни за что не одолеть целую банду опытных убийц. Давай дойдем до конца улицы и простимся. Ты свернешь налево и пойдешь в сторону Шелл-Тауна. Я сверну направо и постараюсь оторваться от них в «Коже Ангела».

Верфей издала звук; означавший высшую степень отвращения. Подобно всем ее соотечественникам, увидеть крабианку в пивной можно было только в одном случае — в буквальном смысле мертвой. Напиток розового цвета оказывал на крабианцев только одно воздействие — вызывал безудержную рвоту, далее происходило существенное замедление сердечной деятельности, которое могло привести к фатальному исходу.

— Да посетит нас удача! — произнесла Верфей.

— Будь осторожна, Вер-Вер! — наказала ей подруга.

Как только они дошли до конца улицы, Молли рванула к Шэмблс-лейн, тогда как крабианка нырнула в один узких

переулков пинчфилдских трущоб. Для того чтобы попасть в «Кожу Ангела» нужно было дойти до конца Шэмблс-лейн и свернуть налево, к трехэтажному храму миддлстилских грешников. Это была дешевая местная разновидность заведения «Фейрборн и Джарндайс». Два этажа предназначались для неотесанных грубых пьяниц, тогда как третий с номерами-спальнями — для неприхотливых плотских утех, которые здесь за деньги дарили женщины с низкими вырезами на платьях и с еще более низкой моралью. Ускорив шаг в направлении освещенных окон заведения, Молли успела заметить, как следом за ней метнулись две тени. Девушка мысленно похвалила себя за то, что решила идти одна, посоветовав Верфей свернуть в другую сторону. Крабианка могла быстро пройти лишь короткое расстояние, а вот перейти на марафонский забег массивный панцирь ей не позволил бы. Теперь никаких сомнений у Молли не оставалась — кто-то решил во что бы то ни стало лишить ее жизни. Перескочив через тела пьяниц, безмятежно храпевших перед входом в трактир, Молли юркнула в дверной проем. Двери в «Коже Ангела» не было. Девушка натолкнулась на какого-то любителя выпивки, и тот выплеснул джин на посыпанный опилками пол.

— Легавые! — безумным голосом закричала Молли. — Убегайте, это облава!

На первом этаже моментально возникла паника. Послышался скрип отодвигаемых стульев, в дверном проходе образовалась давка. Если и были среди посетителей «Кожи Ангела» честные люди, они явно забрели сюда по ошибке. Подобно многим девочкам из работного дома Сан-Гейт, Молли порой зарабатывала несколько пенсов, стоя на страже у входа в трактир.

Где-то возле выхода грохнул пистолетный выстрел, и с потолочного перекрытия что-то полетело вниз, и без того усилив нешуточную неразбериху. Оба преследователя находились в баре, и Молли поспешила пригнуться, пытаясь остаться незамеченной в бушующем потоке обезумевшей толпы. Один из барменов проскочил мимо нее, сжимая в руках старинный черный мушкетон. Нырнув под барную стойку, Молли бросилась через открытый люк в погреб и помчалась вперед мимо рядов с бочонками джина, на которых красовалось тавро кассарабийского поставщика.

Слава Великому Кругу! Старый спускной желоб оказался на прежнем месте, за изрядно потрепанной занавеской. Это был запасной выход, сделанный на тот случай, если какое-нибудь отребье из кабака-соперника неожиданно решило бы взять «Кожу Ангела» приступом. Молли осторожно вернула занавеску на прежнее место, и лишь затем соскользнула вниз и приземлилась в

луже грязной воды и раскисших бутылочных пробок.

Лабиринт коридоров постоянно менялся по мере того, как обитатели этих убогих трущоб добавляли новые проходы или возводили новые стены, отгораживая себе новые закутки. Здесь ее вряд ли поймают. Молли ловко маневрировала в закоулках среди чудовищно перенаселенных домов, держа курс на дальний конец пневматической станции «Гардиан Рэтбоун». Молли почувствовала станцию раньше, чем увидела — две огромные выхлопные трубы, изрыгавшие в небо темный дым сжигаемого угля, благодаря чему в пневматических туннелях силой пара достигался вакуум.

Станция «Гардиан Рэтбоун» являла собой подобие замка из белого мрамора, испещренного черными пятнами сажи. Увенчанная куполами из стекла и стали над главным вестибюлем вокзала, она считалась одной из самых красивых станций пневматической подземки и была способна даже затмить величие станции «Гардиан Ферфакс» и, пожалуй, даже «Гардиан Кельвин», расположенную близ Палаты Стражей. Правда, сейчас здесь находиться опасно, подумала Молли, ей уже не влиться в толпу клерков, возвращающихся домой с работы. В этот час на станции было слишком малолюдно, всего несколько запоздалых гуляк, только что покинувших фешенебельные кафе и салоны, которые в изобилии разбросаны по всему Голдфиш-Парку.

Станционный вестибюль убирали три великана-паровика, которые собирали мусор и полировали мозаичный пол, изображавший битву при Клофут-Муре, последнюю победу парламента в гражданской войне. Молли нужно было как можно скорее убираться отсюда. Если ее засекут на станции пневматической подземки, вычислить варианты ее бегства будет проще простого. Девушка проверила, сколько у нее денег. Не хватало ровно одного пенса на поездку по самому дешевому тарифу. Черт побери, зря она не пересчитала деньги раньше — глядишь, еще успела бы запустить руку в карман к кому-нибудь из посетителей «Кожи Ангела». На дальнем конце огромного вестибюля замаячили две фигуры в темных сюртуках. Молли мгновенно юркнула в тень одного из паровиков, железной бадьи на двух толстых коротеньких ножках. Рассчитывать на то, чтобы проскользнуть через турникет и броситься к подземным платформам, не приходилось. Преследователи непременно заметят ее и тут же схватят. Впрочем, не исключено, что эти двое обычные пассажиры, ночные сторожа одной из башен Сан-Гейта. Украдкой выглянув из-за массивного корпуса паровика, Молли увидела, что незнакомцы разделились и принялись внимательно разглядывать жиденькую очередь запоздалых пассажиров. Нет,

точно не ночные сторожа.

Девушка встала вплотную к краю бадьи, и, перевалившись через него, соскользнула на мешки с мусором. Голова паровика медленно повернулась и смерила ее пристальным взглядом.

— Ага, маленькая мягкотелая! Что ты делаешь среди моих побрякушек?

— Сделай тише свою голосовую трубку! — взмолилась Молли. — Меня ищут вон те двое. Они хотят причинить мне вред.

Железное веко паровика удивленно приподнялось над стеклом окуляра.

— Вред, говоришь? Этого не может быть.

— Может. Они обязательно причинят мне вред, если ты не будешь говорить тише!

Голос паровика понизился до еле слышного шепота.

— Мне кажется, я тебя откуда-то знаю, малышка мягкотелая.

— Не в этой жизни, — ответила Молли. — В работном доме Сан-Гейт паровиков не было.

Паровик начал двигаться на всех своих восьми коротких ногах, которые направлялись расположенным спереди колесом; Молли ехала в металлическом чреве его бадьи.

— Железные люди не отправляют своих собратьев в работные дома. Они никогда так не поступают.

— Мне нужно попасть в подземный город. Ты можешь спустить меня в пневматическую систему?

— В подземном городе очень высокий уровень физической опасности, — ответил паровик. — Под землей не соблюдают правил, принятых в обществе.

— Я знаю, это другое общество, общество изгоев, — прошептала Молли, — но мне больше некуда бежать.

— Спрячься под моими мешками, — скомандовал паровик. — Сюда идут твои преследователи.

Молли нырнула под мешки с мусором и в следующее мгновение услышала, как чей-то грубый голос обратился к какому-то пассажиру с вопросом, не видел ли тот пропавшую девушку-беглянку. Правда, негодяй не стал упоминать о том, откуда именно она сбежала. Вскоре голос остался позади, и теперь до слуха Молли доносилось лишь железное топанье паровика по мраморному полу вестибюля.

Девушка приподняла голову и осторожно выглянула наружу. Вестибюль закончился. Паровик зашел в закопченную кабину огромного служебного лифта.

— Теперь ты во власти всемилостивого Стилбала-Уолдо. Те, кто желали тебе зла, остались позади.

Стилбала-Уолдо? Понятно. Спаситель Молли имел в виду

религию Гиэр-Джи-Цу. Паровики поклонялись предкам и пантеону машинных духов, которым приносили в жертву кокс для паровых котлов, машинное масло и мазут.

Молли выбралась из-под груды мешков.

— Спасибо за помощь, старый паровик. Пожалуй, ты спас мне жизнь.

— Меня зовут Слоукогс, — представился паровик. — Можешь называть меня этим именем.

Молли кивнула. Настоящее имя Слоукогса было кодом, серией цифр, известных только ему самому и владыке машинной расы, Королю-Пару. Ей было необязательно его знать. Старый лифт сильно вибрировал, спускаясь вниз.

— Ты можешь показать мне дорогу в подземный город, Слоукогс? Мне нужно попасть в Гримхоуп.

— Дорога эта известна железным людям, юная мягкотелая. Но это полный опасностей путь. Не знаю, имею ли я право подвергать тебя такому риску.

— В Миддлстиле мне оставаться опасно, Слоукогс. За мной гонится наемный убийца. Несколько моих друзей поплатились жизнями только потому, что были знакомы со мной. Мне больше некуда бежать. Лучше рискнуть и попытаться спастись, уйдя под землю.

— Ты такая молодая, — пробасила старая паровая машина. — Почему представители расы мягкотелых хотят твоей смерти?

— Сама не знаю, — призналась Молли. — Думаю, это как-то связано с моей семьей. Наверное, кто-то из родственников решил убить меня. Самый простой способ избавиться от нежеланной наследницы.

— Такое поведение особей, имеющих биологическое родство с тобой, бесчестно и позорно. Но все может оказаться совсем не так, как ты думаешь. Потому что существует много видов наследования.

Двери лифта распахнулась. Молли и ее железный спутник вышли в огромное помещение со сводчатым потолком. Прямо перед ними располагался ряд пустых металлических контейнеров вроде того, из которого состоял корпус Слоукогса. С громким скрежетом — словно кто-то разрывал на части металлический лист — передняя часть паровика отделилась от установленной на нескольких парах ног бадьи, и Слоукогс стал похож на черепаху, сбросившую панцирь. Новый маленький Слоукогс оказался ростом с Молли. Передвигался он на трех железных колесах, словно трехколесный велосипед.

— Наш путь пролегает по платформам пневматической системы. Воины без хозяина, которые желают твоей смерти,

несомненно, прекратят поиски наверху и обязательно начнут искать тебя под землей.

— Я не стану мешкать, — пообещала Молли.

Вслед за паровиком она вошла в небольшой, освещаемый газовым светом туннель, в дальнем конце которого находилась запертая дверь, выходящая в главный коммутационный зал станции «Гардиан Рэтбоун». В центре огромного круглого помещения располагались несколько поворотных кругов, при помощи которых пневматические капсульные поезда направлялись на нужную линию. Огромные движущиеся рукоятки, заканчивавшиеся буферами, проталкивали вагоны без окон сквозь кожаные занавеси к платформам. Молли отчетливо слышала гул толпы пассажиров, усаживающихся в транспортные капсулы с другой стороны занавеса, затем до ее слуха донесся приглушенный хлопок, сопровождающий прохождение капсул через резиновый шлюз и отправочный клапан прежде, чем они заскользят под сильным давлением в вакууме пневматической системы.

Слоукогс провел свою спутницу через коммутационный зал. Затем по приподнятому вверх коридору они прошли в меньших размеров ремонтный зал, где рядами, словно дрова в поленнице, в специальных отсеках лежали капсулы.

— Это здесь находится вход в подземный город? — спросила Молли.

— Сначала мы должны посоветоваться с Редрастом, — ответил Слоукогс. — Он контролер станции и мастер Гиэр-Джи-Цу. Он узнает самый безопасный путь.

Они поднялись вверх по шаткой лестнице и оказались в кабинке, из окон которой открывался вид на ремонтный отсек. Внутри кабинки, следя за залом сквозь грязное окно, сидел паровик с огромной головой, из которой, напоминая украшенные бисером пряди волос, в разные стороны торчали резиновые трубки. Чуть ниже шеи располагались три голосовые трубы, расширяющиеся на конце.

— Контролер! — обратился к нему Слоукогс. — Мне требуется твое содействие. Нужно помочь этой юной мягкотелой.

Голос у Редраста был неприятный, похожий на скрежет проволоки по школьной грифельной доске.

— Скажи, Слоукогс, когда нам не бывают нужны советы тех, кто уже вернулся к великой модели?

— Сегодня мне особенно нужна помощь, контролер! — обратилась к нему Молли.

Редраст повернул массивную голову, чтобы лучше разглядеть девушку, и резиновые трубки пришли в движение.

— Особенно нужна, говоришь? Слышу в твоих словах воистину немалую спешку. Тебе лучше немного подождать и задуматься о своей роли в великой модели.

— События диктуют иное, старый паровик.

— Ну что ж, тогда давай бросим шестеренки и посмотрим, что откроет нам сегодня ночью Гиэр-Джи-Цу.

Слоукогс принес контролеру фарфоровую чашку, наполненную маленькими металлическими деталями самых разных размеров и форм. Редраст вылил из своих клапанов прямо на пол небольшую лужицу машинного масла. Бросив в нее шестеренки, он принялся водить по кучке железным пальцем.

— Я вижу девушку. Она выбирается из-под развалин рухнувшей башни.

— Пожалуй, это я, — согласилась Молли.

— Я вижу тени. Они движутся по всему городу. Смерть. Преследователь.

— В Миддлстиле умирает очень много людей, — откликнулась Молли.

— Я вижу твое желание отправиться в путешествие во чрево земли в надежде скрыться там от опасностей, что следуют за тобой по пятам, — сообщил Редраст.

— Таково мое желание, сэр, — призналась Молли.

— Понимаю… — Редраст остановился. — Ясно. Великая сложность. Много колес. Ты правильно сделал, что привел к нам мягкотелую, Слоукогс.

— Она известна нам, — произнес Слоукогс.

— Верно. Шестерни легли сначала так, а затем повернулись вот этак. — Контролер посмотрел на девушку. — Что ты видишь, юная мягкотелая? О чем говорят тебе шестеренки?

— Это ты мастер Гиэр-Джи-Цу, контролер, а не я.

— Не важно. Посмотри на эти шестеренки. Ощути модель своим разумом. Скажи мне, что ты здесь видишь.

Молли опустилась на колени, чтобы лучше рассмотреть расположение упавших в масляную лужу шестеренок. От крепкого запаха темного масла у нее слегка закружилась голова.

— История. Я вижу историю. Она вращается, крутится и возвращается к своему началу.

Редраст, похоже, остался доволен услышанным.

— Я прожил много лет. Видел не одно поколение мягкотелых, пролетавших мимо на своем собственном колесе, они спешили и были полны свойственного вашему роду честолюбия, но еще ни разу не видел такого из них, кто умел бы читать будущее по расположению шестеренок.

— Поразительно! — согласился с контролером Слоукогс.

— Но и не беспрецедентно, — поправил его Редраст.

— Ты видишь и кое-что еще, — заметила Молли. — Что-то такое, о чем ты не договариваешь…

— Верно, — согласился Редраст. — Часто бывает так, что, если ты что-то недоговариваешь, это означает, что порой лучше чего-то не знать. Зная нечто о будущем, ты можешь изменить его. Есть вещи, о которых я не стану ничего говорить.

— Значит, ты поможешь мне пробраться в подземный город, в Гримхоуп? — спросила старого паровика Молли.

— К сожалению, мы поможем тебе, — проскрежетал контролер. — Ваши пути и пути нашего народа часто пересекаются. Я лишь хочу, чтобы тебя сопровождал в этом опасном путешествии настоящий герой. Но наши рыцари-паровики находятся в пределах Свободного Государства Паровиков, и если послать за одним из них, то ждать придется слишком долго.

— Контролер, с ней пойду я. — заявил Слоукогс. — Это ведь я нашел ее.

— Ты, Слоукогс? — Легкий хрип, вырвавшийся из бойлерного сердца Редраста, можно было истолковать как смех. — Подобная задача под силу лишь молодому металлу. Твоя конструкция была создана Королем-Паром даже раньше, чем моя, а я — старейший паровик из всех, кто обслуживает пневматическую линию.

— Ты правильно сказал, контролер. Наши пути сплетены воедино великой моделью.

— Ты — неподходящая замена рыцарю, Слоукогс. Но пусть будет по-твоему. Старый металл сопровождает юную мягкотелую. Пойдем со мной!

Слоукогс приблизился к Редрасту. Из корпуса контролера высунулся тонкий хрустальный стержень, который скользнул в отверстие в торсе Слоукогса. Примерно минуту они оставались в сцепленном состоянии, после чего спаситель Молли с негромким хрустом высвободился.

— Спасибо тебе за твою мудрость, контролер.

— Спасибо тебе за твое мужество, Слоукогс.

Старый паровик взял девушку за руку, и они вместе покинули кабину контролера.

— Чем он с тобой поделился? — полюбопытствовала Молли.

— Теми знаниями, которыми мы располагаем о дорогах и переходах подземного города, — ответил Слоукогс. — Но туннели, по которым нам придется пройти, часто меняются. Изгои из Гримхоупа замуровывают пещеры, чтобы сбить с толку политическую полицию и солдат из форта Дерьмоу. Политическая полиция постоянно отправляет саперов уничтожать

туннели. В таких случаях нередки выбросы огромных масс земли наружу. Это происходит под действием такой же мощной энергии, как и энергия силовых линий, вызывающая землетрясения.

Последняя фраза заставила Молли испуганно вздрогнуть.

Огромные участки поверхности, целые области, вырванные под действием мощных планетарных катаклизмов, взлетали в воздух вместе с теми, кто имел несчастье там в этот момент оказаться. Если судьба проявляла к этим бедолагам благосклонность, то воздушные островки зависали на довольно низкой высоте над землей, и тогда суда Королевского аэростатического флота еще могли их спасти. Если же фортуна обходила их стороной, то они взмывали ввысь и быстро пропадали из поля зрения, исчезая во тьме безвоздушного пространства, куда аэростаты не могли добраться. Там они превращались в обледеневшие могильники, чьи тени иногда проплывали над землей.

Геомантия была первой обязанностью ордена уорлдсингеров и состояла в бурении дыр и выпускании наружу смертоносных сил, бурлящих под поверхностью земли, раньше, чем те выходили из-под контроля и уничтожали значительные участки территории Шакалии.

— Мы сможем добраться туда пешком? — поинтересовалась Молли, пытаясь не думать о подобных несчастьях.

— В подземный город? Да, часть пути нам придется проделать пешком, — ответил Слоукогс. — Но первый отрезок мы преодолеем в капсуле пневматической системы.

Он приблизился к небольшой служебной капсуле и открыл круглую дверь на ее заднем торце. Внутри она оказалась гораздо скромнее транспортных пассажирских капсул — никаких мягких сидений, обтянутых бархатом, никакого газового освещения. Взгляду Молли предстали скромная деревянная скамья и кожаные ремни на стенах, на которых висели связки инструментов непонятного назначения. Слоукогс вошел в капсулу следом за девушкой, захлопнул дверь и крутанул колесо запора.

На какое-то мгновение в капсуле стало темно, однако вскоре она осветилась зеленоватым светом.

— Садись! — посоветовал паровик. — И возьмись покрепче вот за этот ремень.

После мощного рывка капсула проскользнула сквозь резиновый шлюз в отправочный клапан. Клапан захлопнулся, открылся другой край камеры, и капсула устремилась вперед. Этому предшествовал секундная пауза. Затем лишенное мотора транспортное средство начало набирать скорость, все быстрее и

быстрее двигаясь по служебному туннелю под действием мощного давления.

Молли редко пользовалась пневматическим общественным транспортом, о чем особенно не жалела. А все потому, что путешествие в лишенной окон капсуле представлялось ей малоинтересным. Различие в скорости было незначительно и возникало лишь в тех случаях, когда капсула проходила через нагнетательные станции.

После получаса безмолвного путешествия служебная капсула неожиданно остановилась, и Слоукогс вытащил из ячейки в стене маску с застекленными отверстиями для глаз и при помощи ремней, что болтались впереди, подсоединил к бронзовому цилиндру, наполненному кислородом.

— Снаружи царит абсолютный вакуум. Надень это на лицо, а я помогу тебе надеть цилиндр.

Кислородный баллон оказался тяжелее, чем представлялось с первого взгляда, и спина Молли едва не прогнулась под его тяжестью. Слоукогс поправил ремни и равномерно распределил вес. Поле зрения Молли уменьшилось до размеров, которые допускали окуляры, однако через пару секунд она привыкла к маске. Правда, теперь все представлялось ей более далеким, чем на самом деле.

Удостоверившись в том, что его спутница может нормально двигаться и дышать, Слоукогс сравнял давление в капсуле с внешним давлением, и они с Молли шагнули на каменную платформу внутри одного из принимающих клапанов пневматической линии, заваленную всевозможным оборудованием, свинцовым припоем и мешками с песком. Платформа была залита тем же зеленоватым светом, что и внутренности самой капсулы. Казалось, весь туннель сияет этим светом. Молли прошла мимо буферов, которые остановили служебную капсулу, и провела рукой по холодной стене. Кончик ее большого пальца засветился, измазавшись обо что-то вроде лишайника.

Слоукогс повел Молли по платформе, и вскоре они очутились перед высеченной в толще камня дверью, которая, в свою очередь, привела их в небольшое помещение, где также имелась дверь. Дернув за цепочку какой-то машины, стоявшей в углу, паровик вернулся к ожидавшей его Молли. Послышалось непонятное шипение, и у девушки на мгновение заложило уши.

— Ты можешь дышать, — сообщил Слоукогс и снял с ее спины баллон с кислородом. — За этой дверью начинаются туннели подземного города.

От этих его слов с плеч Молли тотчас свалился тяжкий груз

напряжения последних часов.

— Здесь им меня ни за что не найти. Мы свободны.

— Свобода от правил не означает полную безопасность, — отозвался паровик. — Я замечал, что с мягкотелыми очень часто происходит противоположное.

Слоукогс отворил вторую дверь, и Молли ахнула от восторга.

Перед ней внизу, куда вели ступени лестницы, простиралось огромное пространство, подобное исполинскому храму с подпирающими потолок колоннами. В гигантских нишах, подсвечиваемые слабым свечением фосфоресцирующих лишайников, стояли статуи размером с миддлстилские дома.

— Ничего не понимаю, — отозвалась Молли, ошеломленная представшей ее взору картиной.

— Теперь здесь живут изгои, подземные люди, — пояснил Слоукогс. — Но все это построили не они. Тысячи лет назад Шакалией правила могучая древняя империя чимеков. Перед нами руины возведенных ими сооружений.

Чимеки. Название их империи было связано с глубокой древностью. Молли смутно припомнила уроки, на которых им рассказывали о богах-насекомых, о жрецах культа саранчи и человеческих жертвоприношениях.

— Я думала, что подземный город это лишь старые развалины, на которых построили Миддлстил, развалины на уровне канализационных систем.

Слоукогс медленно покачал головой.

— Нет, ты не права. Так было всегда. В древние времена настала эра великого холода, и для того, чтобы выжить, чимеки построили города глубоко под землей. Говорят, что в эту эпоху появились первые священные машины, первые паровики Лоа.

Молли внимательно разглядывала летучих мышей, порхавших под сводами гигантского храма. Отсюда они казались крошечными черными точками.

— Я всегда удивлялась, почему политической полиции не удается газами выкурить здешних обитателей-изгоев. Теперь мне все понятно, полицейские понесли бы здесь неисчислимые потери.

— Нам, паровикам, известна лишь ничтожно малая часть проходов, — признался Слоукогс. — Большая их часть давно обрушилась. То, что ты видишь, уходит под землю очень глубоко и далеко. Целые подземные города погибали, когда земля вспучивалась и обрушивалась, пускаясь в путешествие по одной лишь ей ведомой великой модели бытия.

Молли посмотрела, на огромный кусок стены, когда-то свалившийся на лестницу внизу, примерно в полумиле от того

места, где она стояла.

— Будем надеяться, что нас не засыплет камнями и землей, пока мы находимся здесь.

— Этот выход Редраст выбрал по двум причинам. Во-первых, он отличается устойчивостью, во-вторых, расположен на внушительном расстоянии от Гримхоупа, — сделал еще одно признание паровик. — Здесь не должно быть никакой стражи. О его существовании известно лишь работникам пневматической системы.

— Надеюсь, город изгоев стоит на своем прежнем месте? — уточнила Молли.

— Насколько мне известно, на прежнем. То есть, в материальном смысле, если не в духовном, — ответил Слоукогс. Его колеса стали перескакивать со ступеньки на ступеньку, и вскоре паровик и девушка оказались возле меньшей по размеру лестницы, скрытой нишей со статуей. — Этот коридор ведет к окрестностям гигантской пещеры Глубин Дуицилопочтли. Гримхоуп стоит посреди грибного леса. Путешествие от того места, где мы с тобой сейчас находимся, будет продолжаться целый день и целую ночь.

Молли и ее спутник начали долгий спуск вниз по боковому коридору. Час шел за часом. Местами путь им освещал фосфоресцирующий мох, однако чаще всего они двигались в кромешной тьме. Иногда ноги сами приводили их в некое подобие комнат для отдыха, где можно было полежать на вытесанных из камня плитах. Если бы они поднимались вверх, а не спускались, то возможность получить передышку наверняка бы их обрадовала. Однако Слоукогс уже заявил, что на отдых они остановятся только в грибном лесу. Наконец путники очутились в том месте, где тропинка разветвлялась в четырех направлениях. Паровик свернул на дальнюю развилку, ведущую влево.

Вдали яркой точкой блеснул выход, до которого оставалось не меньше двух часов пути. От бесконечного спуска вниз по лестнице у Молли уже сильно болели икры. Наконец они вышли из туннеля.

На мгновение девушке показалось, что произошла ошибка, вызванная силой притяжения, что они вновь вернулись на поверхность земли, и призрачное свечение лишайников сменилось ярким дневным светом.

Глаза, успевшие привыкнуть к темноте туннеля, заслезились. Смахнув слезы, Молли поняла, что стоит у подножия утеса, каменной стены, уходящей ввысь по меньшей мере на тысячу футов, вершина которой исчезала в тумане. Туман пронизывали лучи розового света — он буквально струился энергией,

удивительно похожей на грозовую.

Под пеленой тумана тянулся, насколько хватало глаз, настоящий грибной лес. Грибы были высокими и кряжистыми, как дубы. В основном заросли были почти черными, однако кое-где перемежались пятнами более ярких оттенков. Многие грибы были покрыты красными, золотистыми и зеленовато-желтыми разводами.

— Клянусь Великим Кругом! — не удержалась от радостного восклицания Молли. — Как красиво! Как будто сюда опустилось солнышко!

— Смотри! — Слоукогс указал на прогалину в полосе тумана, стелившегося под сводами исполинской пещеры. — Не одно солнце, а несколько. Это кристаллы, оставленные колдунами империи чимеков. Они пользовались хрустальными машинами подобно тому, как в Шакалии пользуются уорлдсингерами, чтобы направлять и выпускать наружу поток энергии, возникающей вдоль силовых линий напряжения, чтобы их подземные города не раздавило силами, определяющими вращение планеты. Искры, которые ты видишь, это насилие мира, преобразованное в свет.

— Нам нужно поспешить? — спросила Молли, указав в сторону грибного леса.

— Сначала мы поспим, — ответил Слоукогс. — Мы сейчас на самом северном краю Глубин Дуицилопочтли. Город изгоев тщательнее всего охраняет свои южные окраины, где находятся самые легкие входы со стороны Миддлстила — канализационные стоки.

Слоукогс направился вперед мимо каменной громады утеса, и вскоре они с Молли очутились перед фасадом старого храма, высеченного в толще скалы. Возле входа с одной стороны застыла каменная скульптура — сидящая фигура человека с уродливой головой жука. С другой — такая же статуя, с той лишь разницей, что у сидящего человека была голова гигантского паука.

— Что-то не по душе мне это место, — призналась Молли. — Мне здесь совсем не нравится.

— После падения империи чимеков старые боги утратили былое могущество, — пояснил паровик. — Храмы и силы древних Уайлдкайотлей не представляют никакой угрозы таким, как ты. Лучше остановиться на ночлег в этих стенах. В лесу опаснее — там водятся стаи остроклювов.

Несмотря на недобрые предчувствия, Молли приняла предложение паровика. Однако стоило девушке войти под своды храма, как на нее нахлынула волна усталости. Молли невольно вздрогнула. Жрецы культа саранчи когда-то проводили здесь свои зловещие ритуалы… Молли едва ли не кожей чувствовала их

ужас. В памяти остались отрывки сведений, полученных на уроках в приюте. Пантеон уродливых богов Уайлдкайотлей еще не скоро изгладится из памяти людей. Каждое последующее божество было еще хуже своего предшественника — от малых богов, таких как Хемчиутлик Кровопийца и Скоруэтеотля Сжигающего Заживо до самого Ксам-ку, старого Отца-Паука.

Когда Молли наконец погрузилась в насыщенный самыми невероятными сновидениями сон, наверху, в Миддлстиле, уже наступила полночь. Поговорить с девушкой пришел призрак Рашели; погибшая подруга предостерегла Молли, утверждая, что Гримхоуп — неподходящее место для приличной девушки из Сан-Гейта, и посоветовала выбрать всеми уважаемую профессию швеи. Затем к ней в сновидения явился бидл. Тело его было все в шрамах — дело рук бандитов, напавших на работный дом. Бидл кричал на Молли, предрекая ей эшафот возле Боунгейта. После чего ему отрубили голову. Это сделал благородного вида старый убийца из публичного дома, из трости которого, как у фокусника, ловко выскользнуло острое стальное лезвие.

— Где мой отец? — требовательно обратилась к убийце Молли.

— Я твой отец, — ответил убийца. — Ты — самая главная беда моей семьи. Я больше не могу терпеть твое существование.

— Только не убивайте меня! — взмолилась Молли. — Я хочу поговорить с моей матерью!

— Она умерла от стыда, — ответил убийца. — Сразу после того, как родила тебя.

— Это неправда!

Седобородый злодей толкнул ее на землю и схватил за волосы.

— Настал твой последний час, Молли Темплар!

— Не надо, прошу вас! — снова взмолилась девушка. — Я хочу увидеть лицо матери, прежде чем вы убьете меня!

— Стой здесь! Я сейчас скажу ей, чтобы она пришла к тебе.

В следующее мгновение вместо холодной стали она почувствовала прикосновение металлической руки разбудившего ее паровика. Молли застонала.

— В верхнем мире сейчас полдень, мягкотелая Молли. Пора отправляться в путь.

Первые заросли грибного леса представляли собой высокие белые грибные деревья с многочисленными шляпками в красную крапинку. Дальше путникам стали все чаще и чаще встречаться темные грибы всего с одной шляпкой. Временами приходилось идти след в след, чтобы Слоукогс мог протиснуться сквозь чащу

леса.

Вскоре Молли увидела какого-то грызуна — тот сидел на огромном пне и что-то жевал.

— Ты мог бы свободно жить здесь, Слоукогс. Если, конечно, ничего не имеешь против грибной пищи.

— В Гримхоупе безопаснее, — ответил паровик и тут же поправился: — Относительно безопаснее.

— Там по-прежнему так, как говорится в легендах о Зеленом Человеке?

— Я сомневаюсь, что там когда-то было так, как рассказывается в легендах, мягкотелая Молли, — ответил Слоукогс и немного подумав, добавил: — Гримхоуп — город изгоев.

— Они ведь, надеюсь, не станут чинить нам препятствий?

— Мои соплеменники уже давно не получали новых известий о Гримхоупе. Изгоев среди паровиков совсем немного, хотя один из представителей нашего народа живет там. Сильвер Уанстэк. Он самый настоящий позор для нашего народа.

— Ты хочешь сказать, он перестал исправно работать?

— А с кем такое не случается после долгого времени? — ответил вопросом на вопрос паровик. — Нет. Просто он гибрид, существо, которое один из ваших людей-мехомантов составил из останков нескольких паровиков. Его исходная модель была нарушена, в его структуру, заложенную Королем-Паром, внесены изменения. Три души наших умерших собратьев покоятся в корпусах, из которых составлено тело Уанстэка, Однотрубника, который самолюбиво отказался выйти из строя действующих паровиков. Какое великое бесчестье он навлек на себя!

Молли вспомнился недавний сон.

— Бедный Сильвер Уанстэк.

— Вот он и прячется от всех в подземном городе. Но он все равно остается паровиком. Контролер отправил ему слово, так что если Уанстэк еще жив, то непременно встретит нас на окраине города.

— Слово? — удивилась Молли. — Выходит, здесь нет сети кристаллической связи?

Слоукогс указал на клубящийся в вышине туман, где в восходящих потоках теплого воздуха парили черные точки.

— Существуют довольно архаичные способы передачи сообщений, юная мягкотелая. В подземных глубинах для этой цели используют пернатых летучих мышей. К их лапкам прикрепляются особые кольца.

Остаток дня путешественники шли размеренным шагом. Никаких приключений с ними не случилось, если не принимать

во внимание одно небольшое происшествие: грибное дерево осыпало их настоящим дождем спор, когда они проходили мимо него. Глаза Молли тут же опухли и сделались похожи на красные шарики для игры в четыре шеста. Две следующие мили пути девушка продолжала мучительно чихать. Если не считать необычных вспышек подземных молний, яркий красный свет кристаллов, висящих у них высоко над головой, ни разу не поменял оттенка и нисколько не потускнел. В Глубинах Дуицилопочтли день никогда не сменялся ночью.

Под конец дня дно исполинской пещеры начало подниматься вверх и грибной лес заметно поредел. Большие открытые пространства, из которых торчали бесчисленные пни, свидетельствовали о том, что обитатели подземного города активно вырубают леса для своих нужд. Перед выступом скалы путники натолкнулись на поле иного рода — огромное кладбище с могильными плитами, которое тянулась до самого края грибного леса.

— Здесь нас должен встретить Сильвер Уанстэк, если он все еще в добром здравии, — сообщил Слоукогс.

С этими словами паровик, оставив Молли одну, направился по тропинке, ведущей к храму в углу кладбища. Святилище казалось давно заброшенным, подобно чимекскому храму, в котором Молли спала минувшей ночью. Никаких уродливых статуй полулюдей-полунасекомых возле него не было. Молли почему-то решила, что храм сооружен жителями подземного города, а не строителями давно исчезнувшей империи. Девушка последовала за Слоукогсом, и, заглянув внутрь темного помещения, увидела сидевшую на полу фигуру — паровик, такой же безмолвный, как и статуи Стражей на Парламентской площади.

— Разве ты не приготовил нам приветствия, Сильвер Уанстэк? — поинтересовался Слоукогс.

Установленное на треноге огромное шарообразное тело повернулось, и из его радужной оболочки появилась серебристая куполообразная голова.

— Я надеялся, что никакого приветствия не понадобится, Слоукогс. Неужели контролер не получил моего послания?

— Мы не ожидали, что ты ответишь, — признался Слоукогс. — Были брошены шестеренки Гиэр-Джи-Цу.

— Значит, он плохо их прочитал, Слоукогс. Гримхоуп теперь уже не тот, что раньше. Какая бы опасность ни грозила мягкотелой в Миддлстиле, это не идет ни в какое сравнение с тем беспорядком, что творится теперь в подземном городе.

— Я не понимаю тебя, — недоуменно произнес Слоукогс.

— Тогда, давай я покажу тебе, — ответил Уанстэк, и, семеня тремя своими ногами, вышел из храма. Они поднялись на вершину холма и посмотрели на раскинувшуюся внизу долину.

Древние чимекские зиккураты, разбросанные по всему ложу долины, соседствовали с еще более высокими строениями нового города; здесь из труб мастерских и фабрик поднимались клубы дыма. Город был как близнец похож на миддлстилский район Джангле, вид на который открывается с вершины холма Роттонбоу.

— Где древесный город? — спросил Слоукогс. — Где частокол и озеро Чалчиутлик?

— Вырублен. Перестроен. Осушено, — ответил Сильвер Уанстэк. — Совет Анархии прекратил существование три года назад. То, что осталось от его членов, покоится в этих могилах.

— Ты ничего не сообщал нам об этом, — укоризненно заметил Слоукогс.

— Напротив, я сообщал, но вы не получили мои послания. Новый режим привез с собой эти летающие штуки, зубастые и с острыми когтями. Буквально за одну неделю я потерял весь мой выводок пернатых летучих мышей. Вам крупно повезло, что послание контролера вообще дошло до меня. Это первое слово от металлических людей, которое я получил за последние годы.

— Странно, что нам ничего не сообщали, — ответил спутник Молли. Он искренне недоумевал. Где это видано, чтобы знания о таких масштабных переменах оставались вне сферы внимания всезнающей сети сообщества металлических людей.

— Еще более странно то, что новый режим теперь почти мгновенно выявляет всех местных осведомителей политической полиции, — сообщил Сильвер Уанстэк. — Те осведомители, которым подарили жизнь, сообщают своим хозяевам на поверхности, Стражам, то, что им укажет новый режим.

Молли с нескрываемым разочарованием посмотрела на раскинувшийся внизу Гримхоуп. Она ожидала, что свобода будет выглядеть иначе, не так, как Миддлстил. Но каким бы неблаговидным ни был подземным город, кровожадным родственникам в нем ее ни за что не найти.

Сильвер Уанстэк протянул девушке зеленый плащ с капюшоном.

— Надень его, мягкотелая Молли. Если кто-нибудь заговорит с тобой прежде, чем мы доберемся до моего жилища, помни, к нему следует обращаться «компатриот», а не «сэр» или «демсон».

— Неужели они сторонники полного равенства? — удивилась Молли.

— Если бы! — ответил Уанстэк, бросив взгляд на

ослепительно белые могильные плиты Совета Анархии. — Нет, они уже давно забыли, что это такое.

Глава 7

Оливер никак не мог взять в толк: если Гарри Стейв — закоренелый преступник, то почему его не поймали еще несколько лет назад? После бегства из полицейского участка в Хандред-Локс они успели лишь добраться до леса, раскинувшегося к югу от города, выйти на поляну и вывесить странный желтый флаг с черным кругом посередине.

— И что дальше? — спросил Оливер, наблюдая за тем, как флаг намокает под мелким моросящим дождем.

— Будем ждать, — коротко ответил Гарри Стейв.

— Чего?

— Трех часов, дружище, — последовал ответ.

— Я не то имел в виду.

— Знаю.

Больше мальчик ничего от него не добился. Прекратив дальнейшие расспросы, он стал ждать. К этому времени тела убитых в полицейском участке уже наверняка обнаружены. А вот убитых в Севенти-Стар-Холле найдут еще не скоро. Может быть, через несколько недель. Отсутствие демсон Григгс заметят ее шумные соседи, на которых она так часто жаловалась. Или же кто-то из компаньонов дяди Титуса пошлет посыльного, чтобы узнать, почему от него нет вестей.

Прошло три часа. Неожиданно на другой стороне поляны, окутанная пеленой дождя, который к этому времени сделался еще сильнее, появилась какая-то фигура.

— Кто это? — шепотом поинтересовался Оливер.

— Если нам повезет, то это наш спаситель. Он выведет нас отсюда, — ответил Гарри.

— Гарри! — воскликнула фигура.

Гарри Стейв остался стоять на месте, под кроной дерева, укрывавшей его от дождя.

— Монкс! Тебя же не должно быть здесь! Где Лэндлисс?

— Он получил другое задание, — ответил Монкс. — Что это за мальчик?

— Племянник свистуна. Нас нужно спрятать, Монкс. Мы спасаемся от погони.

Оливер собрался было спросить, почему его дядю назвали свистуном, но Гарри сделать ему знак молчать.

— Удалось тебе встретиться со связным, Гарри?

— Связной так и не появился. Вот я и был вынужден выставить сигнал. Прибыла группа противника и чуть не сцапала нас. Они следуют за нами по пятам, так что нужно поскорее

выбираться отсюда.

— Вот потому-то я здесь, Гарри. Пошли!

Стейв закрыл глаза и остался на месте. Оливеру показалось, что от него отделилась тень и двинулась под дождем вперед через всю поляну. К изумлению мальчика, точно такая же тень отделилась и от его собственного тела и зашагала вслед за призрачной тенью Гарри.

«Спокойно! — предостерег Оливера Гарри. — Мы замаскировались под деревом. Здесь он нас не видит».

В центре поляны громыхнули два взрыва. Языки огня, лизнув призраков, перекинулись на деревья слева.

— Черт! — произнес Гарри. — Меткий стрелок. Не люблю те случаи, когда я оказываюсь прав.

Они бросились назад в лес. Человек по имени Монкс что-то крикнул им вдогонку.

— Это был ваш друг? — тяжело дыша, спросил Оливер, когда они очутились в чаще леса.

— Скорее партнер, — ответил Гарри. — Это была ловушка. Мои же люди пытались меня в нее заманить.

Рядом что-то громко хрустнуло. Кем бы ни был стрелок, сейчас он вел огонь вслепую.

Оливер метнулся к поваленному дубу и спрятался за ним.

— Похоже, вас это не слишком-то удивило.

— Скажем так, у меня имелись кое-какие подозрения.

Оливер указал на север.

— По-моему, город вон там.

— Теперь все подходы к нему перекрыты, — ответил Гарри, жестом показывая спутнику, что надо спешить. — Кроме того, я никогда не прихожу на новое место, не убедившись, что там имеется запасной выход.

Они зашагали по влажной лесной тропинке на запад, петляя и путая следы на случай возможной погони. Выстрелы прекратись.

— Похоже, они не стали нас преследовать, — произнес мальчик, пытаясь отдышаться.

— Это не в их стиле, — ответил его спутник. — Моим партнерам нравится держаться в тени. Они не любят спешки. Они рассчитывали на легкую поживу и вряд ли станут прочесывать из-за нас леса в половине графства.

Вскоре на пути беглецов стали встречаться следы, а также завалы из сучьев и листьев, и им пришлось замедлить шаг. Среди прочих были и следы лошадиных копыт. Оливер попытался отыскать в плотном пологе леса солнце. Судя по всему, близился вечер. Затем на фоне быстро движущихся облаков он разглядел

нечто. Черный шар, взмывающий в небо.

— Смотрите. Гарри! Я еще никогда не видел таких воздушных кораблей.

Гарри закинул голову вверх.

— Чертов Монкс! Этот корабль должен был забрать нас отсюда.

— Но у него нет детандеров.

— Они не нужны для вертикальных взлетов и посадок, Оливер. А он преимущественно этим и занимается.

— Ничего не понимаю.

— Позже объясню. Сейчас самое главное — поскорее выбраться из леса.

Вскоре Гарри привел Оливера к воде, что на первый взгляд показалась похожей на реку. Приглядевшись внимательнее, Оливер заметил бечевник и понял: это дальний конец навигационного канала Хандред-Локс. Если они отправятся по каналу на север, то непременно доберутся до пресловутой сотни шлюзов, высеченных в дамбе Тоби-Фолл-Райз.

— Старайся не выходить из-под деревьев, — предостерег мальчика Гарри. — Нам нужно оставаться в темноте. Видишь вон тот туннель в горе? Мы отправимся к нему, все время оставаясь среди деревьев. Бечевник идет прямо в туннель. Мы попадем в канал; он находится вон за тем кустом слева.

Оливера поразила идеальная точность, с какой Гарри Стейв давал указания.

— Вы думаете, за нами могут следить?

— Доверься мне, — ответил Гарри. — Кто-то постоянно за нами присматривает. Глаз с нас не сводит. Пошли.

Они шли лесом до тех пор, пока не очутились перед входом в туннель. Вдоль ведущей в гору тропинки тянулись заросли кустарника. Пока Оливер шел, колючие ветки с небольшими оранжевыми цветками оцарапали ему шею. В туннеле оказалось прохладно. Впрочем, не только прохладно, но и сыро.

Гарри сел прямо напротив ниши, высеченной в стене землекопами, и свесил ноги вниз над водным потоком. Оливер опустился на землю рядом с ним.

— Будем ждать?

— Догадливый парнишка. Далеко пойдешь.

Через полчаса, когда в устье туннеля стало совсем темно, появились три яхты, почти как две капли воды похожие друг на друга. У каждой на корме находилось по одному гребному колесу.

— Когда под нами будет проплывать средняя лодка, — дал указание Гарри, — прыгай прямо на рубку.

Оливер поступил так, как ему было велено. Сделать это было легко: канал в туннеле был узок, а яхта проплывала медленно. Даже если сторож канала и заметил, что на яхте появилось два новых пассажира, он не подал виду.

Гарри затолкнул мальчика в крошечную каюту. Внутри она напоминала цыганскую кибитку, вроде тех, что приезжали в Хандред-Локс на праздник зимнего солнцестояния.

— Верно. Мы проведем здесь остаток дня. Даже не мечтай выйти отсюда до завтрашнего утра.

Неожиданно Оливер почувствовал, как в нем поднимается неприязнь к загадочному спасителю.

— Но почему, Гарри? Вы и впрямь считаете, что этот странный аэростат будет повсюду выискивать нас? Чушь собачья! Разве мыслимо — с такой высоты разглядеть нас на земле или на воде?

Гарри вздохнул.

— Хотел бы я ошибиться, дружище. Хотел бы, что ты оказался прав. Нам следует опасаться не обычных человеческих глаз. Тут дело куда более серьезное. Там, в воздухе, у тех, кто ищет нас, имеются транзакционные двигатели, но они могут фокусировать за один раз только один участок поверхности. Завтра мы скроемся из поля их зрения.

Оливер осторожно сел на трехногий табурет.

— Гарри, вам не кажется, что все это попахивает паранойей?

— Хотел бы я услышать, что ты скажешь, когда они поймают тебя, дружище. Судя по тому, какой прием нам оказали в лесу, они настроены очень серьезно.

— Кто такие они?

Гарри снова вздохнул и подтянул к себе свободную табуретку.

— И я, и мои партнеры из леса известны в народе под названием «Ловцы волков».

Оливер недоверчиво хмыкнул.

— Ловцы волков? Так, значит, вы демон, который…

— …ловит непослушных детишек, я правильно тебя понял, Оливер? Каждый миф имеет в своей основе нечто реальное. Эта сказка — лишь искаженная разновидность правды.

— Вы беглый каторжник, Гарри. В полицейском участке я видел плакат, на котором было ваше изображение.

— Что в известной степени соответствует истине, — согласился Стейв. — Хотя я бы предпочел, чтобы меня считали независимым, свободным предпринимателем, который не сходится во вкусах с морским ведомством в отношении всевозможных бюрократических формальностей.

— Тогда при чем здесь эта чепуха о Ловцах волков? Не удивлюсь, если дальше вы скажете мне, что в каждый праздник зимнего солнцестояния мне придется помогать Белой Кобылице раздавать детям подарки.

— Ловцы волков — такие же люди, как и все остальные, — произнес Гарри. — Послушай меня, Оливер. Когда Изамбард Киркхилл от имени парламента взял власть в свои руки, у него осталось лишь одно опасение — королевский трон. Армия и флот хотели видеть его королем. Старому Изамбарду пришлось отбиваться от их настойчивого желания сделать его новым монархом. Наши собственные роялисты-контрреволюционеры находились в изгнании в Квотершифте, лелея планы восстановления старого строя. Киркхилл знал: если правлению парламента суждено продлиться, он будет вынужден дать отпор заговорщикам из двух лагерей.

— Но какое отношение это имеет к детским сказкам? — спросил Оливер.

— Самое непосредственное, — ответил Гарри. — Киркхилл учредил в качестве последней линии обороны некий зловещий Суд, учреждение, которое наделялось правами верховной власти и главного гаранта народа. Но ему суждено было стать незримым судом. Палата Стражей знает о существовании Суда, но ей ничего не известно о его местонахождении, составе, методах или действиях. Как только какой-нибудь Первый Страж рискнет позариться на трон и пожелает его узурпировать, Суд тотчас даст наглецу возможность хорошенько поразмыслить над последствиями его действий.

— А как же эти истории про демонов?

— В глазах тех, кто желает зла шакалийцам, — последовал ответ, — мы — демоны. Если вдруг Стражи замыслят заговор и государственный переворот, то одним прекрасным утром они проснутся и узнают, что их главарь бесследно исчез. Если какой-нибудь купец начнет брать золото у кассарабийцев за контрабандный провоз летучего газа, то обнаружит, что в его палатке, разбитой среди песков, пусто, и весь товар пропал. Политическая полиция получает приказ сфальсифицировать результаты голосования, и в один прекрасный день яхту генерала полиции находят одиноко покачивающейся на волнах. Ее хозяина нигде нет — он тоже бесследно исчез. Это становится серьезным предупреждением. Мы призраки-невидимки, Оливер, мы поддерживаем правила справедливой игры и сохраняем чистые сердца. Единственное, что о нас известно — это название, данное нам Киркхиллом. Небесный Суд. Высший Суд на всей земле.

— Но те люди, что пытались убить нас, которые убили дядю

Титуса?..

— Твой дядя был свистуном, Оливер. То есть сотрудником агентурной сети, работающей на Небесный Суд. Он обнаружил нечто такое, за что поплатился жизнью.

— Дядя Титус?

— Один из лучших наших агентов. Его люди были повсюду: команды моряков на клиперах и торговцы в Кассарабии, Квотершифте, Конкорции, в Катосианской Лиге и в Священной империи Киккосико, во всех графствах Шакалии от Чилтоншира до Фернитиана.

— Он ничего не рассказывал мне. Значит, все время…

— Это было частью его работы, Оливер. Его завербовал тот же человек, что спас мою шею от виселицы Боунгейтской тюрьмы, величайших Ловец волков всех времен, родной брат нашего Титуса.

— Вы хотите сказать?..

— Да, Оливер, твой отец. Он был Ловцом волков. Именно он обучил меня своему ремеслу. Он разглядел мои скромные таланты и направил их на нужную стезю. Чем помешал флотским галетам перекочевать из корабельных трюмов в лавки купцов на Пенни-стрит.

— Если вы работаете на этот суд, то почему они хотят вас убить? — удивился Оливер.

— Давнее недоразумение. Кто наблюдает за наблюдателями? Пару лет назад я наткнулся на свидетельства того, что кто-то в Суде работает, так сказать, на два фронта. Твой дядя тоже заподозрил измену. Когда мы с тобой при попытке эвакуации чуть не угодили в ловушку, эти подозрения подтвердились.

— Что такое эвакуация?

— Это такое слово на нашем профессиональном языке. Вывесить флаг — значит подать сигнал. Сигнал вызова воздушного корабля, который должен был переправить нас в безопасное место.

— А что, агенты Суда живут на воздушном корабле?

— Не на корабле, Оливер. Сейчас в небе над землей у нас висит целый город. Причем очень высоко, там, куда, не могут подняться аэростаты Королевского воздушного флота.

— И они хотят убить вас?

— Не все, только некоторые. Они, должно быть, расправились с Лэндлиссом и вместо него отправили сюда Монкса. Никогда не доверяй Монксу. Да и кому в наши дни можно верить, Оливер?! В этой грандиозной игре обязательно таится какой-нибудь подвох. Дай-ка подумать. Если они уже начали действовать открыто, то, по всей видимости, объявили меня изменником. Они не смогли

осуществить эвакуацию и теперь надеются каким-то образом скрыть свой промах. Это означает вмешательство на уровне регулятора. О Великий Круг, измена в Суде даже серьезнее, чем я предполагал!

— А те ряженые полицейские в участке Хандред-Локс? — задал новый вопрос Оливер.

— Просто цепные псы какого-то неизвестного негодяя, — ответил Гарри. — Эти люди не из Суда. У нас есть военная организация для особых заданий. Настоящие убийцы. Если изменники задействовали именно их, нам с тобой несдобровать. Кому же тогда можно верить в этом мире?

— Могу я доверять вам, Гарри?

— Доверяй ему свою жизнь, но только не кошелек, малыш! — прозвучал в дверях каюты чей-то голос.

Посмотрев на незнакомца, Оливер решил, что тот похож на корабельного рулевого из былых времен. Безухий коротышка, ростом Оливеру по грудь. Продубленная морскими ветрами загорелая кожа, огромные бакенбарды. На вид настоящий граспер.

— Армирал, старый негодник! — Гарри встал, чтобы поприветствовать владельца яхты. — Найдется местечко для пары безбилетников?

— Он свистун? — шепотом поинтересовался мальчик.

— Армирал? О Великий Круг, нет. Он один из моих знакомых. Я в свое время не стал сдавать его Суду. Берегу его, так сказать, на черный день. Мало ли кто еще пригодится мне, если я надумаю удалиться на покой.

— Мы держим путь к каналу Джалкин-Уэй, — сообщил Армирал. — Завтра будем неподалеку от Тернхауса. Ты скажешь мне, куда после этого следует отправиться?

— Пожалуй, — коротко ответил Гарри.

Хозяин яхты как будто собрался что-то сказать, но, видимо передумав, покачал головой и вышел из каюты.

— За яхту «Утренняя песня», на борту которой мы сейчас находимся, было заплачено деньгами, полученными от продажи украденного флотского продовольствия. Разумеется, платеж был осуществлен сложным, запутанным образом.

— Кто-то пустил украденные галеты налево, — понимающе произнес Оливер.

— Точно. Ты сообразительный парень, Оливер Брукс. Впрочем, чему удивляться. Ты сын своего отца.

— Все это время я думал, что мой отец занимался торговлей, так же как и дядя Титус.

— Вообще-то, именно так оно и было, — подтвердил Гарри.

— Он был хорошим человеком? — спросил мальчик.

— Вполне, насколько я помню, — ответил его собеседник. — Не стану лгать тебе, Оливер. Филеас Брукс порой бывал очень жесток. Если он считал, что его обманывают, или видел, что перед ним настоящий враг, он забывал о том, что такое жалость. Но мы с ним ладили. У нас были лучшие отношения, которые только могут быть между Ловцами волков.

— Как много он всего видел, как много всего сделал, служа королевству Шакалия! — вздохнул Оливер. — И тут эта нелепая гибель при крушении аэростата, бессмысленный несчастный случай.

— Несчастный случай? Может быть, — задумчиво произнес Гарри. — У меня всегда имелись сомнения на сей счет.

— Что? Неужели вы думаете?..

— Это не более чем подозрения, Оливер. Ваш воздушный корабль разбился в самом начале бесславной революции 1566 года, за которой последовала Двухлетняя война с Содружеством Общей Доли. Небесный Суд был занят исключительно выяснением судьбы членов комитета Бенджамина Карла. Теперь мои отношения с флотом скорее всего ограничивались бы сотрудничеством с Продуктовой комиссией, но я все-таки кое-что смыслю в обязанностях аэромастера, и мне не нужно объяснять, что, если у вас в детандере есть огонь, вы вряд ли станете прокладывать курс рядом с проклятым занавесом.

— И я единственный, кто остался в живых?

— Ты единственный, кого тогда нашли, дружище. Или тебе известны иные факты?

— Я ничего не помню, Гарри.

— Давай проверим твою память, — предложил Гарри. — Титус никогда не рассказывал мне, что ему удалось выяснить про смерть брата и крушение аэростата. Прежде чем дать мне задание, он ожидал встречи с каким-то человеком с юга. Но вместо него дождался двух убийц, наряженных в форму полицейских из Хэм-Ярда. Мне кажется, того, кого он ждал, перехватила эта же самая шайка, которая охотилась и за Титусом, и за мной. У тебя нет соображений, кем мог быть гость твоего дяди?

Оливер задумался.

— Дядя еще на прошлой неделе попросил меня встретить вас на летном поле, но он не упоминал ни о каком другом госте. Следующий воздушный корабль должен был прилететь в Хандред-Локс только через четыре дня.

— Давай попробуем подойти к вопросу с другой стороны, — предложил Гарри, вернув на нос сползшие к самому кончику

очки. — Это как если бы я разговаривал с моим внутренним голосом. Только в противоположном направлении. Тогда я смог бы немного покопаться в твоей памяти. Не возражаешь?

— Один их фокусов уорлдсингеров?

— Что-то вроде того. Хотя те, кто учили нас, не состоят в ордене. Там вряд ли бы обрадовались, узнай они об этом. Одна из тех причин, почему орден так не любит меченых — элементарная зависть. Там боятся любого соперничества.

С этими словами Гарри прижал левую руку ко лбу мальчика и закрыл глаза, пытаясь установить контакт с его мыслями. Оливер предполагал что-то почувствовать, давление, щекотку, может быть даже головную боль, но никаких ощущений не испытал.

— Впервые с таким сталкиваюсь, — признался соратник его отца и дяди. — Мне не удается установить сцепление с тобой. Но ведь ты слышишь эхо моих мыслей, верно?

— Мне кажется, будто вы говорите в дюйме от моего уха, Гарри.

Оливеру вспомнился бездействующий кристалл истины в полицейском участке. Похоже, что-то защищает его сознание от уорлдсингерских вторжений. Неужели в нем уже сидит какое-то уродство, опасное и агрессивное? Что, если оно вызревает в нем, словно опухоль, готовое взорваться и искривить его тело? Тогда прав старый Пуллингер: ему больше пристало носить на шее торк и постоянно находиться под самым пристальным наблюдением ордена.

— Чертовски странно, Оливер. Возможно, и существуют люди, способные сопротивляться колдовству, ноты первый, кого я встретил в реальной жизни. Значит, придется прибегнуть к старому испытанному способу. Тебе запомнился кто-нибудь из гостей твоего дяди, что приходили к вам в дом за последние несколько месяцев?

— Кое-кого помню, — ответил мальчик. — Например, шкипера из Священной империи Киккосико. Приходили посыльные со станции кристаллической связи. В начале месяца, как обычно, приезжал главный клерк из дядиной миддлстилской счетной конторы.

— Может, какой-нибудь необычный гость?

Оливер сделал над собой усилие и попытался вспомнить.

— В месяц Амбара к нам дважды приходил какой-то граспер. Первый раз в самом начале месяца, второй — в конце.

— Старый? Старше Армирала?

— Куда как старше! Волосы на лице белые, щеки похожи на снежное поле, правда, на правой щеке была отметина.

— Татуировка? — уточнил Гарри.

— Нет. Больше похоже на клеймо.

— Армирал! — позвал Стейв, и тот вскоре снова сунул нос в тесную каюту. — Дай мальчику карандаш. Оливер, нарисуй отметину, которую ты видел у него на лице.

Оливер нарисовал крут, перечеркнутый тремя наклонными линиями.

— Как ты думаешь, что это? — спросил Гарри у хозяина яхты.

— Горняк из Шэдоуклока. Работает на шахте, где добывают летучий газ.

— Я тоже так подумал, — признался Стейв.

Армирал встал в дверном проеме и задумчиво поскреб толстую щекастую физиономию.

— Каждая линия означает спасшегося из завала рудокопа. Три линии у наших люди встречается редко. Значит, парень у них за старшего, Гарри.

Оливеру вспомнилось, как человек с клеймом на щеке вошел в Севенти-Стар-Холл. Вернее, юркнул, как будто был рад вновь, наконец, оказаться в закрытом помещении.

— У дяди Титуса не было контрактов с шахтами, где добывают летучий газ. С какой стати ему было встречаться с представителем горняков?

— Здесь ни у кого нет прямых контактов с Шэдоуклоком, Оливер. Ими занимается только Государственная продуктовая комиссия. Это практически закрытый город — только здесь вместо избираемого горожанами мэра правит военный губернатор, которого назначает парламент. Сколько людей погибло, пытаясь добыть богатства, таящиеся в глубине гор Шэдоуклока! Контрабандисты, агенты практически всех великих держав континента и прочие. Если Титус узнал что-то о непорядках, творящихся в Шэдоуклоке, я не удивлюсь, что какие-нибудь мерзавцы вынесли ему смертный приговор, опасаясь, что их гнусные делишки выплывут на поверхность.

— Тебе доводилось бывать по делам в Шэдоуклоке, Гарри? — полюбопытствовал Армирал. — Я мог бы подкинуть тебя на юг как можно дальше, до канала в Юхеде. Но там понадобятся особые документы, чтобы войти в тамошние воды.

— Мне нужно по пути сделать остановку в Тернхаусе. После этого, если ты довезешь нас до границы в Медфолке, остаток пути до Шэдоуклока я проделаю пешком.

— Скажи, Гарри, тебе на самом деле нужно в Шэдоуклок? — спросил хозяин яхты. — Цитадель к северу от него — самая крупная крепость военно-воздушных сил королевства. Твои старые друзья могут тебя узнать. А даже если они не доберутся до тебя, это сделает полиция, охраняющая рудники. Не забывай о

регулярной армии и гарнизоне Особой Гвардии.

— Королевство Шакалия знает, как защитить свою монополию на добычу летучего газа, Армирал. Даже от меня.

— Да будет так, — вздохнул Армирал. — Смотрю, ты любитель рисковать собственной шкурой, Гарри Стейв.

— Если не рисковать, то какой смысл вообще жить, старина? — парировал Гарри и, заметив выражение лица Оливера, добавил: — Не волнуйся, парень. После того, что мы с тобой пережили, путешествие в Шэдоуклок все равно, что приятная прогулка по парку.

Наблюдатель Номер Восемьдесят Один не ожидала, что ее дежурство в мониторарии будет прервано, но по тому, с какой торопливостью остальные наблюдатели освободили пространство для новоприбывшего, поняла, что перед ней птица высокого полета.

— Наблюдатель Номер Восемьдесят Один?

Наблюдатель утвердительно кивнула. Голос благоразумия удержал ее от вопроса, почему на черной коже облегающей летной формы у новоприбывшего, точнее новоприбывшей, нет знаков различия Небесного Суда за исключением тонкой желтой полоски лампасов.

— Меня интересует ваш отчет по Лайтширу, Номер Восемьдесят Один. Происшествие в Хандред-Локс.

— Передан аналитикам, мадам, — ответила наблюдатель.

— Разумеется. Все правильно, — согласилась посетительница. — Тем не менее я с интересом выслушаю ваши личные впечатления от увиденного.

Наблюдатель Номер Восемьдесят Один уже собралась было ответить, но тут заметила регулировщика, нервно переминавшегося с ноги на ногу у входа в большой мониторарии — зеленый уровень. Ожидали только одного человека. *Ее. Гостью.* Номеру Восемьдесят Один тотчас вспомнились все сплетни, услышанные в кафетерии.

Любовница Изамбарда Киркхилла. Ей более шестисот лет. Колдунья, которой подвластна погода. Благодаря ей, точнее, мощи ее разума, Небесный Суд висит в тропосфере. Имеет давнее и крепкое пристрастие к леаафу. Несостоявшаяся революционерка. Наделена способностью менять облик и физическую форму. Меченая, бежавшая из приюта Хоклэм. Она была… Нет, в данный момент она стояла прямо перед ней. Наблюдатель Номер Восемьдесят Один вспомнила ее имя. Леди Риддл. Генеральный адвокат. Глава Небесного Суда. Она самая. В этом не было никаких сомнений.

— Продолжайте! — велела ей леди Риддл.

— Это случилось утром, — начала Наблюдатель Номер Восемьдесят Один. — Мой обычный дозорный закончил смену и находился на отдыхе после того, как его телескоп был снят для проведения ремонта.

— Это что, обычная практика? — поинтересовалась леди Риддл. — Убирать телескоп и отпускать дозорного на самой середине наблюдения?

Наблюдатель Номер Восемьдесят Один подумала, прежде чем ответить. Несмотря на окружающий холод, по ее лбу скатилась бисеринка пота.

— Это не противоречит протоколу, мадам.

— Верно, — согласилась леди Риддл. — Не противоречит. А какой отчет предоставил резервный наблюдатель, имевший в своем распоряжении запасной телескоп?

— Похоже, что наш Ловец волков устранил участок местного свистуна, затем попытался убить членов ликвидационной команды и захватить их воздушный корабль. Названный Ловец волков в настоящее время скрылся, и его местонахождения неизвестно. В данный момент четверо наблюдателей с воздуха ведут тщательный осмотр окрестностей Хандред-Локс.

— Названный Ловец волков — Гарри Стейв, — сообщила леди Риддл. — Удачной вам охоты, потому что тщательный осмотр окрестностей будет продолжаться до конца года.

Наблюдатель Номер Восемьдесят Один ойкнула и тут же пожалела о своей несдержанности.

— Если бы вас попросили отметить один элемент ликвидации, то что бы вы выбрали?

Наблюдатель почувствовала, как на ее спине выступил пот. Символическая логика всегда была ее слабым местом.

— Того пилота, который выполнял обычное задание, включили в другой список.

— Простое совпадение? — поинтересовалась леди Риддл.

— Модели превосходят все совпадения, мадам.

— Верно, — согласилась глава Небесного Суда. — Большинство людей сказало бы: самое главное, что Гарри Стейв прибегнул к модели.

— К сожалению, для меня это все относительно ново, — призналась Наблюдатель Номер Восемьдесят Один. — И я еще не все до конца понимаю.

Глаза леди Риддл сузились.

— Вы ошибаетесь. Окажите мне одну любезность, милая. Когда ваши коллеги спросят вас, о чем я с вами говорила, скажите им, что я интересовалась наблюдением за

квотершифтской границей.

В такой «незначительной любезности» было отказать нелегко. Наблюдатель Номер Восемьдесят Один кивнула, но леди Риддл уже развернулась к ней спиной и зашагала к выходу. Затевается какая-то игра, как говаривал ее старый инструктор. Пространство мониторария показалась ей намного холоднее обычного.

Глава 8

Гримхоупское жилище Уанстэка состояло из нескольких маленьких комнатушек над мастерской, где отверженный паровик ремонтировал механизмы, которые ему приносило местное население.

— Послушать их, я должен распотрошить собственное тело, лишь бы отремонтировать рухлядь, которую они мне приносят, — вот и все, что он сказал в адрес своих клиентов-изгоев.

От Молли не скрылось, как мало людей на улицах Гримхоупа. Да и те немногие, кого можно было встретить за пределами домов, казались унылыми и испуганными.

— Ты все поймешь сама, мягкотелая Молли. Все поймешь сама.

Всю следующую неделю Уанстэк не выпускал Молли из мастерской. Он велел ей присмотреться к людям, что приходили к нему, чтобы, прежде чем выйти на улицу, побыстрее освоиться, привыкнуть к местным обычаям. То же самое касалось и Слоукогса. Паровик явно не спешил делиться новостями через кристаллическую связь, как бывало раньше, когда он общался с контролером на станции «Гардиан Рэтбоун». Похоже, статус осквернителя сделал Уанстэка нечистым для соплеменников во многих отношениях. Слоукогс относился к нему ровно, без видимого презрения, однако отношение паровика к своему злосчастному собрату отчётливо проявлялось в том, что он предпочитал как можно больше времени проводить в другой комнате, отдельно от Уанстэка. Слоукогс упорно занимался натиркой пола и всех поверхностей в комнатах над мастерской; вскоре те начали блестеть редкой для Гримхоупа чистотой.

Все клиенты Уанстэка были какими-то нервными. У Молли возникло ощущение, будто они изо всех сил стараются ничем не выделяться из толпы. Именно такое запуганное выражение ей часто доводилось видеть в глазах самых слабых детей из работного дома. Тех, кого окончательно сломили суровые жизненные обстоятельства. Страстное желание ничем не выделяться, слиться с улицами Миддлстила, стать невидимкой, призраком, лишь бы остаться незамеченным, избежать наказаний и насмешек. Гримхоуп — город изгоев, свободы и необузданного веселья — превратился в печальное, невыразительное место, где все старательно отводят взгляды, не желая быть узнанными.

Находясь в жилище Уанстэка, Молли ощущала нескончаемый шум и сильные запахи Гримхоупа. Лязг станков и машин на фабриках, гудение бесчисленных дымовых труб. Слоукогс

выразил страстное желание осмотреть ближайшую фабрику, чтобы понять, что там производят, однако Уанстэк запретил ему покидать мастерскую, а в качестве предостережения указал на группу рабочих в зеленых плащах. Низко опустив головы, они время от времени проходили по улице, скованные цепью. Их охраняли солдаты в красных плащах — надежда и опора нового режима, которых граждане Гримхоупа прозывали «неустрашимыми».

Молли помогала Уанстэку по мастерской, удивляя его прирожденной ловкостью в обращении с механизмами и техническими приспособлениями.

— Скажи, ты никогда не училась у какого-нибудь мехоманта, мягкотелая Молли? — поинтересовался паровик.

Молли рассмеялась в ответ.

— В Миддлстиле семьи платят мастеру за то, чтобы их дети научились у него тому или иному ремеслу и получили хорошую профессию. Там не берут в ученики детей из работного дома.

— Жаль, что мехоманты не проявляют такой избирательности, когда проводят опыты над моими соплеменниками, мягкотелая Молли.

Молли никогда не обсуждала статус Уанстэка — нечестивца в глазах других паровиков. Она не осмеливалась обсуждать подобные вещи из опасения нарушить табу механической расы.

— Именно поэтому ты и живешь здесь?

— Я не такой, как остальные, мягкотелая Молли, — ответил механический изгой. — Король-Пар использует мою зрительную пластину и слуховой орган, когда ему нужно, однако моя модель не соответствует ни одному из исходных чертежей, созданных королевскими архитекторами в Свободном Государстве Паровиков. Там, наверху, ни один мой собрат ни за что не поделится со мной даже жалкой горстью кокса.

— Тебя построили в Миддлстиле? — спросила Молли.

— Я не был построен с нуля, мягкотелая Молли. Меня склепали из частей других паровиков, — ответил Сильвер Уанстэк. — Ваши мехоманты не могут строить нас, хотя и надеются, что когда-нибудь поймут наше устройство, оскверняя тела умерших. Во мне таятся души скончавшихся паровиков, слитые воедино и составляющие мою душу. Предаваясь размышлениям, я слышу их крики. Мольбу выпустить их на волю.

— Но для этого тебе придется умереть.

— Верно, мягкотелая Молли, — согласился Уанстэк. — Вернуться к великой модели. Я ношу в себе собственных предков, и каждый мой шаг увеличивает их бесчестье, но мне страшно умирать. Ведь жизнь так прекрасна, даже жизнь здесь, под

землей. Здесь так красивы потолочные бури. Я восторгаюсь полнотой существования. Мне нравятся запахи леса, когда из грибных деревьев вылетают споры и осыпают землю подобно снегопаду. Поэтому я не умираю, а трусливо и одиноко влачу существование, забившись во чрево земли, опасаясь показаться перед своими металлическими собратьями.

Молли зажгла печку в углу комнаты.

— Как же мехоманту удалось отыскать такое количество железных тел?

— Случилось так, что рухнула одна башня, — ответил Уанстэк. — В башне Блимбер-Уоттс отказала пневматика.

Молли чуть не выронила из рук лопатку для угля.

— Сильвер Уанстэк, я там была! Я застряла в башне, и какой-то паровик спас меня.

— Тогда ты все понимаешь, мягкотелая Молли.

— Да, да, теперь понимаю.

— Паровик, который тебя спас, видимо, искал там останки своих железных собратьев, а также тех из них, кто мог остаться в живых, чтобы дать успокоение их душам, прежде чем мародеры разберут на части тела погибших. Клянусь Стилбала-Уолдо, мы как брат и сестра под одним панцирем. Ты должна увидеть мою работу. Тогда ты все поймешь.

Сильвер Уанстэк приблизился к занавеске — за ней оказалась деревянная дверь.

— Пошли!

Вслед за паровиком Молли поднялась по узкой лестнице на чердак. Расположенная там комната была заставлена холстами картин — все работы были черно-белыми и изображали неземные сюжеты. На них можно было увидеть лес, пронизанный хрустальным светом, и одинокую фигуру со скрещенными ногами, сидевшую под огромным грибом. Эта одинокая фигура присутствовала на всех картинах — возле окна, нарисованного снаружи, на фоне дома или на берегу подземного озера.

Молли провела рукой по поверхности одною из холстов.

— Ты всегда используешь одну и ту же модель.

— Она не модель, — отозвался Сильвер Уанстэк. — Я часто вижу ее, правда, с порядочного расстояния. Я даже не знаю, кто она такая. Может быть, тень какого-нибудь создания, погибшего в башне Блимбер-Уоттс. Или призрачный образ мягкотелого мехоманта, который собрал меня, сохранившийся в моей зрительной памяти.

— Эти картины прекрасны, — с искренним восхищением похвалила Молли.

— Насколько мне известно, я единственный паровик,

который когда-либо брался рисовать картины, — сообщил ей Уанстэк. — Если мне когда-нибудь хватит мужества расстаться с жизнью, какие-нибудь из этих работ, возможно, переживут меня. Останется какая-то малая часть меня, которая не была похищена из душ моих соплеменников.

Молли поставила последнюю из просмотренных картин на прежнее место.

— Нет ничего позорного в желании жить, Сильвер Уанстэк.

— Моя жизнь не дает покоя трем мятущимся душам, так что у меня нет иллюзий относительно ее цены.

— Судя по всему, ни тебя, ни меня, Уанстэк, родственники не слишком-то жалуют.

— Верно, — согласился металлический живописец. — Тебе, наверно, тяжело приходилось жить в работном доме, без тех, чья модель соответствует твоей.

Молли вздохнула.

— В Сан-Гейте мы старались относиться друг другу так, будто мы одна семья. Но я не могу обманывать саму себя и не стану утверждать, что это было подобно настоящей семье, где тебя любят, а отец и мать готовы все для тебя сделать. Когда я гуляла по улицам Миддлстила, мне нравилось наблюдать за семьями, в которых есть дети. Я наблюдала за тем, как они прогуливаются, держась за руки, как обмениваются любящими взглядами, смеются. Я всегда задавала себе вопрос, почему у меня нет родителей, почему я такая несчастная. Наверно, со мной что-то не в порядке, раз от меня отказались. А почему ты рисуешь только одним черным цветом, старый паровик?

Сильвер Уанстэк указал на свою серебристую, куполообразную голову.

— Мехомант, который собрал меня, был не очень опытным и сделал что-то с моим зрением. Хотя благодаря частям старых тел я помню, что такое распознавать цвета. Иногда мне вспоминаются некоторые цвета, особенно красный. Яблоки ведь бывают красными, правда?

Молли кивнула. Сильвер Уанстэк открыл железную дверцу в своем сферическом теле, и взгляду Молли предстала мешанина кристаллов, пластинок, силиката и часовых механизмов.

— Я ходил к Королю-Пару и умолял его вернуть мне мой былой облик, но он не захотел. Мол, закон запрещает металлическим людям лишать меня жизни, но при этом он не потерпит, чтобы такому, как я, оказали помощь или ремонт.

Молли подумала, что ей понятно, что же не так внутри паровика. Эту его неправильность она ощущала подобно боли. Засунув руку в разверстые внутренности Уанстэка, она быстро

поменяла местами несколько пластинок и переключила пару клапанных систем.

— Молли Мягкотелая, что ты делаешь? Остановись! — запротестовал паровик. — Посторонним запрещено менять что-либо во внутреннем устройстве металлических людей!

— Что ты делаешь, Молли?! — поддержал его Слоукогс, появившийся на пороге комнаты. — Это величайшее оскорбление в глазах Стилбала-Уолдо! Немедленно прекрати это возмутительное вмешательство в его жизнь!

Молли быстро вытащила руку и захлопнула дверцу.

— У него была поломка. Я не могла не помочь ему.

— Пол коричневый! — раздался изумленный голос Уанстэка. — Он сделан из высушенной древесины грибного дерева. А твои волосы, мягкотелая Молли, они рыжие, почти такие же, как красные яблоки. Я снова различаю цвета! Клянусь всеми святыми Паро-Лоа, ты восстановила мне зрение! Я снова различаю цвета!

— Не может быть! — удивился Слоукогс. — Молли мягкотелая, ты ведь не мехомант и не архитектор.

— Я просто заметила, что у него что-то не так, — пояснила Молли. — Мои руки сами знали, что нужно делать.

Сильвер Уанстэк повернул голову и посмотрел на Слоукогса.

— Скажи мне, Слоукогс, Молли мягкотелая умеет читать язык колес и шестеренок?

— Она сделала это в присутствии контролера, — признался паровик. — Модель Гиэр-Джи-Цу открылась перед Редрастом.

— Я просто знала, что мне делать, — произнесла Молли. — Меня всегда привлекали такие вещи.

— Какая-то странная привлекательность, мягкотелая Молли! — воскликнул Сильвер Уанстэк. — Эх, Слоукогс, бестолковый ты старый паровой котел! Нашел, куда привести мягкотелую! В гнездо злодейства и хаоса. Тебе следовало отправить ее к Королю-Пару под охраной рыцарей паровиков для защиты ее бесценной души.

— О чем вы говорите, два старых паровика? — удивилась Молли.

Три ноги Уанстэка разъехались, и его шарообразное тело упало на пол.

— Какой удивительный поворот модели! Бестолковый старый котел и ходячий металлический корпус вынуждены защищать юную мягкотелую!

— Я сама в состоянии защитить себя! — с обидой в голосе произнесла Молли. — Я только этим и занимаюсь, с тех пор как научилась ходить.

Молли собралась потребовать объяснений у своих собеседников, но тут раздался громкий стук в дверь. Уанстэк выпрямился, сделавшись похожим на паука, и, открыв световой люк в крыше, выглянул на улицу.

— Кто там? — спросил Слоукогс приглушенным голосом.

— Комитетчица с нашей улицы. Политический информатор. По улице прохаживалось еще несколько мужчин и женщин в красных плащах и стучали в двери всех соседних домов.

— Проснитесь, соотечественники! — снова крикнула стоявшая на улице женщина. — На главной площади сейчас состоится обязательное выражение лояльности. Выбрали наш район. Для нас это радостный день.

— Ничего не поделаешь, нужно идти, — вздохнул Уанстэк. — Солдаты обыщут все дома. Всех, кто не подчинится приказу, казнят.

На улицу высыпало несколько десятков местных жителей. С каждой минутой людей становилось все больше и больше, и они все как один были в зеленых плащах с надвинутыми на глаза капюшонами. Никто не произнес ни звука. Тишину нарушал лишь глухой стук станков, доносившийся с соседней улицы.

— Идемте! — позвала комитетчица.

Везде, где они проходили, можно было увидеть одну и ту же картину. Фигуры в красных плащах с капюшонами выгоняли жителей Гримхоупа из домов на улицу. Комитетчица привела своих подопечных по улицам подземного города прямо к центральной площади, способной потягаться размерами с миддлстилским Хоуп-Парком. Отличие состояло в том, что здесь, под землей, на главной городской площади, в глаза бросалось состояние вечной незавершенности. Повсюду лежала пыль от бесконечных строительных работ. Появилось несколько знаменосцев с красными флагами, на которых красовался золотистый треугольник. Вскоре явственная подавленность собравшихся сменилась тягостным, наэлектризованным ожиданием. Площадь заполняли все новые и новые горожане. Вскоре на ней стало настолько тесно, что, казалось, яблоку негде было упасть.

Чтобы не потеряться в толпе, Молли пришлось ухватиться за стальную руку Слоукогса. Сильвер Уанстэк сидел перед ними, частично втянув свои три ноги в корпус, и оттого напоминал выброшенного на берег острозуба.

— Он уже здесь? — спросила у Молли какая-то женщина из толпы.

— Кто?

— Тцлайлок, — пояснила женщина. — Кто же еще?

— Вот он! — послышался чей-то крик.

— Вот он! — крикнул еще кто-то. На возвышение в центре площади взошел какой-то человек и сбросил капюшон красного плаща. Затем он медленно воздел руки, и толпа тут же затихла.

— Мой народ! — прозвучал над площадью громкий голос. — Я смотрю на всех вас, собравшихся здесь, и вижу целую армию людей таких, как я, — братьев и сестер — моих соотечественников, объединенных общей целью. Посмотрите на того, кто стоит рядом с вами. Среди нас нет владельцев фабрик. Нет ни землевладельцев, ни королей, ни Стражей. Здесь нет никого, кто назвал бы вас своими работниками, батраками или рабами. Почему это так?

— Потому что мы равны! — разом закричала толпа.

— Здесь все принадлежит горожанам, то есть вам! — пророкотал человек по имени Тцлайлок. — И ты, соотечественник, тоже принадлежишь горожанам!

Толпа разразилась одобрительными криками. Молли не могла поверить, с какой быстротой собравшиеся на площади горожане из покорного стада превратились в полубезумную толпу готовых на все людей. Это было удивительно, как будто их околдовали какими-то чарами.

— Когда кто-то, будь то мужчина или женщина, предоставляет вам право голосовать, говоря при этом, что он или она дарит вам свободу, они преподносят вам подарок, который у вас уже есть, которым вы обладаете с рождения. Таким образом они превращают вас в благодарных рабов!

— Мы не рабы! — взревела толпа.

— Верно. Мы не рабы, компатриоты, мы — единый народ. Мы — прекрасное сообщество. Мы не потерпим, чтобы кто-то затмевал нам солнце, выкачивал богатства из наших недр, оставляя нам лишь одно право — умирать. Ведь мы все равны, я правильно говорю?

— Равны! — в унисон проревела толпа.

— Компатриоты! Позвольте мне представить героев нашего общества, с которых следует брать пример!

По его сигналу на помост поднялся какой-то человек. В красноватом свете подземного мира одна из его ног сверкнула сталью.

— Многие из вас знают меня, — произнес он. — Я — Айки Соломон, некогда самый проворный и ловкий карманник Миддлстила. Когда полицейские поймали меня, чтобы отправить в конкорцианские колонии, я сбежал в Гримхоуп.

Толпа разразилась одобрительными криками.

— Но я не имел равных прав с остальными. Я мог пробежать

наши пещеры из конца в конец за восемь часов, а потом выпить прорву эля. Ни один из вас не смог бы сравниться со мной.

Толпа недовольно загудела, высказывая неодобрение подобным бахвальством.

— Поэтому я попросил, чтобы мне уравняли левую ногу. Смотрите! — Он поднял металлическую конечность. — Кости зафиксировали стальными штифтами. Теперь я равен с вами в скорости. Я такой, как вы, а вы — это я! Теперь, когда мы побежим, то побежим вместе, никого не обгоняя. Ни с кем не соперничая!

Толпа радостно загудела, выражая одобрение героическим поступком Соломона.

— Компатриот, ты показал славный пример! — похвалил бывшего карманника Тцлайлок. — Но он не одинок в своих славных устремлениях. Покажись нам, сестра Пегготи!

Какая-то низкорослая женщина прошествовала мимо обряженного в красные плащи караула, держа за руку мальчика лет десяти.

— Среди вас, наверно, немало тех, кто бывал в игровых домах в Стелсайде, — начала она. Толпа встретила ее слова оживленным смехом. — Те, кто там бывали, видели, как мой сын играл в настольные игры… в шашки, шахматы, рулетку. В давние времена владельцы игровых домов использовали моего мальчика как приманку для того, чтобы опустошать карманы азартных игроков. Они называли его вундеркиндом, способным обыграть любого в любой игре. Эксплуатировали его, как могли, использовали как приманку. Но вы только посмотрите на него теперь!..

Мальчик смотрел перед собой бессмысленным взглядом. По его подбородку стекала струйка слюны.

— Компатриоты, теперь его удалось излечить. Уравнять со всеми. Теперь он один из нас, такой, как мы. Благодаря нашим местным уорлдсингерам его разум удалось отрегулировать. Отныне любой из вас может сыграть с ним в любую игру и при желании победить.

Толпа взорвалась одобрительными возгласами.

— Кто из вас готов доказать свою преданность народу? — воскликнула счастливая мать. — Кто из вас способен проявить свою любовь к компатриотам?

Стоявшая неподалеку от Молли девушка принялась проталкиваться вперед.

— Я! Тцлайлок, возьми меня! Я красива, и моя красота — главное мое проклятие. Изуродуй мое лицо кислотой!

— Нет! — над толпой выросла чья-то гигантская фигура. —

Тцлайлок! Посмотри, какой я сильный. Уравняй меня с остальными, перережь мои уродливые плечевые мышцы!

— Компатриоты! — Тцлайлок жестом успокоил будущих страстотерпцев. — Ваше желание влиться в Сообщество делает вам честь. Но не все разделяют наши священные убеждения. В то время как мы живем здесь в равенстве, наши братья и сестры по-прежнему томятся под игом миддлстилских баронов коммерции и наивной веры в справедливость мошеннического голосования, фальшивого спектакля, что разыгрывается каждые четыре года. Приведите сюда этих растленных типов, компатриоты!

Солдаты в красных плащах — неустрашимые — вывели на пост двух отчаянно сопротивлявшихся людей в белых тогах.

— Эти злобные гнусные кровопийцы… — прогрохотал над площадью голос Тцлайлока. — Эти злобные гнусные кровопийцы приехали к нам из далеких краев, из одного из городов-государств Катосианской Лиги. Зачем, спросите? Чтобы нажиться на нас! Получить прибыль!

Толпа ахнула.

— Прошу вас! — взмолился один из катосианских торговцев. — В прошлом году вам понадобились наши высокопрочные паровые котлы для ваших фабрик, запасные части и схемы автоматических устройств. Мы их вам поставили. Во имя милосердия, не убивайте меня! У меня есть семья, которая без меня пропадет! Трое дочерей и только что родившийся сын!

— Вы только послушайте этих философов! — усмехнулся Тцлайлок. — Для того, чтобы кормить своих детей, им необходимо высасывать нашу кровь! Разве не по этой причине бесчинствуют вампиры, живущие наверху? Немножко торговли, немножко крови, работай на меня, а не на всех остальных. Работай на меня, а не на народ. Сделай меня жирным. Сделай меня богатым. Давай я научу тебя новой философии, катосианец!

Тцлайлок втащил из складок одежды кинжал с обсидиановой рукояткой. Облаченные в красные плащи солдаты подтащили упирающихся катосианцев к алтарю, где уложили и привязали к камню.

Тцлайлок вскинул кинжал над головой.

— Пока вы были живы, вы сосали кровь из народа, о котором должны были заботиться. После того как вы умрете, ваша смерть поможет народу сплотиться воедино и приблизить светлое будущее. Ксам-ку, Отец-Паук. Услышь мою молитву, позволь принести тебе в жертву этих двух крыс, которых мы поймали в наших закромах. Да укрепится мощь твоя и да скорее настанет день возвращения твоего! Слишком долго изнывали мы под ярмом крепостников, купцов и презренного рынка, лишенные

путеводного маяка Уайлдкайотлей!

— Не смотри, Молли мягкотелая, отведи глаза в сторону! — прошептал Уанстэк.

Молли последовала его совету, однако до ее слуха донеслись жуткие крики жертв, из груди которых Тцлайлок заживо вырезал сердца. Обагренные кровью, они все еще трепетали, когда Тцлайлок показал их толпе.

— Ксам-ку, насыться их душами!

Кристаллы на высоком потолке исполинской пещеры ожили, сверкнув вспышками красных молний.

Собравшаяся на площади толпа стала выкрикивать имя своего спасителя.

— Похоже, древние боги Уайлдкайотлей сильно изголодались, — заметил Слоукогс.

— Я чувствую их голод, — откликнулась Молли. — Они находятся под землей. Скормленные им души — лишь легкая закуска, вроде кусочка мяса для острозуба, которого не кормили целую вечность.

Кровь казненных начала стекать вниз по желобкам каменного алтаря.

— Своей смертью эти презренные кровопийцы принесли искупительную жертву, на которую никогда не решились бы при жизни, — пророкотал Тцлайлок. — Смотрите, я нашел их сердцевину, и теперь она накормит народные массы!

Молли попыталась отвернуться, однако это ей не удалось, потому что торжествующая толпа еще сильнее сдавила ее со всех сторон.

— Наши соотечественники в Квотершифте скармливают таких мироедов Гидеонову Воротнику, но в своем достойном восхищения стремлении к эффективности они забыли мудрость наших предков. Они понапрасну тратят добрые души, которые можно было бы принести в жертву Ксам-ку! — продолжил Тцлайлок. — И все-таки там, наверху, в Миддлстиле, на улицах полно эксплуататоров трудового народа. Наших врагов, которые все дальше и дальше отодвигают наступление рая от нас, голодающих, отчаянных, которым нечего терять. Сделаем ли мы эту страну страной равенства? Освободим ли народ?

— Да! Освободим! — завопила толпа.

— Сбросим гнусных кровопийц, паразитов трудового народа в сточную канаву и раздавим их как гнид, чтобы улиц Миддлстила покраснели от крови?

— Да! Да! Сбросим! Раздавим! — ревела толпа.

— Теперь ты видишь, — прошептал Сильвер Уанстэк, — почему я говорил, что ты допустила ошибку, придя сюда?

Прежнего Гримхоупа больше нет, он приказал долго жить. От былой легенды остался лишь сгнивший каркас города.

Слоукогс склонил голову.

— Прости меня, Сильвер Уанстэк. Я не знал.

— Нет, — возразила Молли. — Ты ни чем не виноват, Слоукогс. Я не могла не придти сюда. Так суждено было судьбой. Я уже когда-то видела такое безумие или нечто подобное, вот только не помню где.

Слоукогс, устыдившись, опустил голову еще ниже.

— В твоей крови звучит великая песня, мягкотелая Молли и память клеток твоего тела подсказывает тебе путь, по которому ты должна следовать.

«Но где же раньше я могла видеть такое? — задавала себе вопрос Молли, покидая в людском водовороте площадь. — Где?»

Не успели Молли и два ее механических спутника войти в жилище Уанстэка, как появилась женщина — политический организатор, позвавшая их на митинг. Она постучала во входную дверь мастерской.

— День уплаты взносов, металлический компатриот, день уплаты взносов!

Сильвер Уанстэк открыл дверь.

— Входи, мягкотелая соотечественница.

— Какой сегодня был замечательный митинг, металлический компатриот. Какое превосходное проявление всеобщего равенства. Настанет день, и эти псы, спокойно разгуливающие по внешнему миру, жалобно заскулят под ногами нашего народа. Этот день непременно настанет.

— Конечно, настанет, — согласился с ней Уанстэк.

— Дай мне свою бухгалтерскую книгу, металлический компатриот.

Паровик прошел вглубь мастерской, взял толстую запыленную книгу и передал женщине, которая тут же принялась ее перелистывать. Он молча наблюдал за ее действиями.

— Превосходно, металлический компатриот! Взнос в общее дело теперь составляет девяносто процентов. Именно столько должно получить государство.

— Так много? — удивился старый паровик. — Теперь у меня два помощника. Девочке нужна пища. Нам нужен высококачественный кокс.

— Будь осторожнее со словами, металлический компатриот! — предупредила его женщина. — Такие высказывания попахивают уклонизмом и пораженчеством! Благодаря твоим талантам в обращении с механическими устройствами ты внесен в резервный список, но фабрикам по-

прежнему отчаянно нужны работники.

— Прошу извинить меня, мягкотелая соотечественница, — отозвался Сильвер Уанстэк. — Но ты не могла бы замолвить за нас словечко в комитете снабжения и попросить две дополнительные продуктовые карточки?

Слоукогс протянул ей мешочек с монетами, и тон женщины немного смягчился.

— Я знаю, взносы в пользу народа даются тебе нелегко, металлический компатриот. Но борьба есть борьба. Всем приходится одинаково тяжело. Твой вклад в общее дело — помощь в выковывании молота свободы, которым мы сокрушим мерзких тиранов и гнусных эксплуататоров.

— Мы станем хорошо питаться, когда сокрушим тиранов, — вступила в разговор Молли.

Судя по всему, политический организатор не заметила сарказма, прозвучавшего в голосе девушки.

— Ты еще слишком молода, чтобы помнить голод шестьдесят шестого года, юная компатриотка. Я потеряла мужа в Хэггсвудском поле, когда полицейские схватили нас. Мои малолетние дети умерли от голода, потому что меня бросили в Боунгейтскую тюрьму, обвинив в нарушении закона о мятежах, и никто из соседей не поделился с ними едой. В Миддлстиле меня лишили всего того, что я больше всего любила на свете и чем больше всего дорожила. У меня нет ничего, кроме свободы. Настанет день, и мы увидим свет верхнего мира, и этот будет наш день!

— Сомневаюсь! — произнесла фигура в зеленом плаще, спустившаяся с лестницы, ведущей на чердак.

— Что? Как ты попал в мою мастерскую? — потребовал ответа у незваного гостя Уанстэк.

Незнакомец опирался на трость, при виде которой Молли стало нехорошо.

— Может быть, вы забыли закрыть дверь? — продолжил незнакомец и сбросил с головы капюшон. Это был он. Тот самый убийца с безупречными манерами, которого Молли видела в заведении «Фейрборн и Джарндайс». Каким-то уму не постижимым образом он выследил ее, сумел отыскать даже в Гримхоупе. — Если кому-то приходит в голову идея государства, в котором нет собственности, к чему тогда замки и запоры. Вы согласны со мной, компатриот?

— Из какого вы квартала? — осведомилась женщина-политорганизатор, не скрывая неприязни. — И кто вы такой, чтобы ставить под сомнение нашу революцию?

— Я из Вокстиона, — учтиво ответил убийца-джентльмен. —

Когда-то я был обладателем маршальского жезла. Поэтому, надеюсь, вы простите мне мое маленькое замечание о том, что энтузиазм — не слишком мощное средство защиты от авиационных бомб, сбрасываемых с шакалийских аэростатов.

— Что ты такое болтаешь, старый козел?! — воскликнула комитетчица. — В Гримхоупе нет никакого квартала под названием Вокстион!

— Насколько я понимаю, демсон, ваши познания географии столь же скудны, сколь и ваши риторические способности. Вокстион был когда-то провинцией Квотершифта. Не сомневаюсь, что теперь он носит новое, мерзкое название. Например, двенадцатый округ Содружества Общей Доли или что-то в этом роде. Для меня это крайне непривычно и неудобно, поскольку я ношу титул графа Вокстиона.

— Аристократ!

Убийца положил трость на верстак и медленно приблизился к женщине.

— Да, верно, аристократ. Хотя ваши единомышленники-карлисты в моей стране приложили все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы избавиться от мне подобных. Я собственными глазами видел, как толпа ваших самодовольных компатриотов повела моих слуг, жену, детей и внуков к Гидеонову Воротнику.

Комитетчица наконец распознала опасность, исходившую от старого аристократа, и бросилась в переднюю. В то же мгновение в руках у графа появился газовый пистолет с похожей на перечницу насадкой на стволе. Секунду спустя женщина лежала на полу, окутанная облачком пахучего пара.

— Хочу дать вам совет, демсон, — произнес граф Вокстион, стоя над бесчувственным телом. — Лучший способ бороться с голодом — не делать того, что сделали вы, когда прибрали к рукам все продовольствие континента, забросили на два года революции пашни, истребили выстрелом стрелы в шею всех, кто мало-мальски разбирается в сельском хозяйстве!

Слоукогс попытался наброситься на убийцу сзади, однако граф опередил его. Опустившись на колени, он выхватил висящее у него за спиной двуствольное гарпунное ружье, из которого, напоминая черную когтистую лапу, вылетела стрела и вонзилась прямо в корпус паровика. Граф быстро шагнул в сторону, а Слоукогс отлетел к двери мастерской. Из его пробитого бойлерного сердца с шипением заструился пар. Капли воды закапали на пол.

Молли метнулась к раненому паровику. Граф быстро навел на нее ствол газового пистолета.

— Извини, мягкотелая Молли, — слабо прошептал

Слоукогс. — Я подвел тебя.

— Нет, Слоукогс, ты ни в чем не виноват! — успокоила его Молли, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. — Это я тебя подвела, приведя сюда.

— О, прекратите! — произнес граф Вокстион и бросил на пол кучку заржавленных шестеренок Гиэр-Джи-Цу. — С тем же успехом ты могла бы обвинить во всем контролера станции «Гардиан Рэтбоун». М-да, нелегкая это вещь — пытать мага-паровика! Такие, как он, могут блокировать свои болевые центры. Мне пришлось искать специалиста, которому удалось разобрать вашего друга до такого состояния, что он сам захотел сообщить мне, где ты находишься.

— Ты мягкотелый варвар! — изрыгнул проклятие Сильвер Уанстэк. — Да покарают тебя Паро-Лоа за творимое тобой зло!

Граф Вокстион небрежно вскинул ружье, и, не целясь, выстрелил в одну из ног Уанстэка оставшимся гарпуном. Потеряв равновесие, старый паровик завалился на пол. Он попытался встать, но это ему не удалось, и он снова упал, потеряв сознание из-за болевого шока поврежденных клапанов.

— Вряд ли меня можно назвать варваром, — произнес граф, обращаясь к неподвижному телу паровика. — Контролер признался, что считает тебя безумным, давно отработавшим свое паровым котлом, малюющим картины при помощи грибной водицы и крови остроклювов. Вынужден признать, что он не смог ввиду своей эстетической убогости с надлежащей точностью описать твои живописные творения. Они превосходны, паровик. Признаюсь тебе как художник художнику и посему оставлю тебе руки и зрение. Можешь считать это профессиональной солидарностью, любезностью со стороны такой творческой натуры, как я. Я даже возьму на себя смелость и прихвачу одну из твоих миниатюр — девушку на фоне каменной стены каньона.

Молли сделал шаг в направлении лестницы, однако ствол пистолет быстро переместился и теперь был направлен прямо ей в голову. Резиновая трубка, торчавшая из его рукоятки, покачивалась подобно кобре, выглядывающей из рукава факира.

— Прошу тебя, Молли, воздержись от опрометчивых поступков. Мне поручено доставить тебя в нужное место живой. Да и нет в Гримхоупе каминных труб, в которые ты могла бы юркнуть.

— Живой! — презрительно процедила Молли. — Приглашение на ужин обошлось бы вам гораздо дешевле!

— Не стану вводить тебя в заблуждение, моя милая. У меня такое ощущение, что мой заказчик лишь ненадолго подарит тебе жизнь.

— Можете передать моему отчиму, чтобы он убирался ко всем чертям!

— Отчиму? — неподдельно удивился граф-убийца. — Может быть, дело обстоит и так, хотя лично я сильно в этом сомневаюсь. Впрочем, не важно. Я больше не участвую в таких делах. Я почти всю свою жизнь следовал этим курсом, однако он привел меня к кладбищу, где полным полно могил моих друзей, родных и боевых товарищей.

— Позвольте мне помочь Слоукогсу, — попросила девушка.

Граф отрицательно покачал головой.

— Уж слишком скользкая ты, милашка. Слишком проворная, легко выскальзываешь из рук. К тому же я целился в твоего друга с паровым котлом вместо туловища. Накинь капюшон и попрощайся с друзьями. Помни, если по пути из Гримхоупа ты попытаешься кого-нибудь позвать на помощь, то будешь мертва прежде, чем успеешь разомкнуть свои прекрасные губки. Мой заказчик за тебя живую выложит мне кругленькую сумму, но и за мертвую я получу почти столько, ну, скажем, чуть меньше.

Молли попыталась приблизиться к паровику, но граф бесцеремонно подтолкнул ее к двери.

— Слоукогс! — крикнула она.

— Следуй своей модели, мягкотелая Молли, — прошептал умирающий железный человек. — Куда бы она ни привела тебя.

Оказавшись за дверью, Молли попыталась с кулаками наброситься на убийцу.

— Ты убил его, мерзавец!

— Я повел за собой двадцать тысяч воинов на кровавую битву, вернее сказать, бойню при Маранго, — ответил граф. — Я любил этих людей. Одним существом больше, одним меньше, это лишь цифры, Молли Темплар. Всего лишь ничтожные цифры во всеми забытой бухгалтерской книге, в которой больше никто не сможет разобраться.

Вытащив из кармана ключ, граф закрыл дверь мастерской. На улице к ним приблизился какой-то толстяк.

— Металлический компатриот дома? — спросил он, тяжело дыша.

— Радость, охватившая его после митинга, оказалась слишком велика, компатриот, — ответил граф. — Сейчас он отдыхает.

— Но на двадцатой фабрике сломался конвейер! Что я скажу нашим комитетчикам?

— Что же вы им скажете? — задумчиво проговорил граф. — Скажите им, что металлический компатриот приводит в порядок свои ноги.

Попасть в Гримхоуп в обществе всем известного паровика вроде Сильвера Уанстэка оказалось относительно легко, во всяком случае, проще, чем попытаться покинуть пределы города.

— Предъявите пропуск, компатриоты) — потребовали встретившиеся графу и Молли солдаты.

— Нам стало известно о нашествии целой стаи остроклювое на фермы, — хладнокровно ответил злодей. — Может сильно пострадать продуктивность. Комитет строго спросит с нас за это.

— От этих остроклювов одна головная боль, приходится бросать людей на борьбу с ними, когда и без того не хватает рабочих рук. Как будто нельзя разводить кого-то еще, например этих тварей с коротким черным мехом. Но мне нужно посмотреть на твой пропуск, если ты хочешь отправиться на пикник со своей красоткой, компатриот.

— Разумеется, сейчас покажу, — спокойно ответил граф и засунул руку в складки одежды. В следующее мгновение грохнул взрыв, которым сорвало крышу с фабрики на дне долины.

— Туитцилопочтли праведный!

— Оставайся здесь! — приказал сержант одному из своих солдат. — Остальные за мной! Это, должно быть, контрреволюционеры из Совета Анархии!

Граф Вокстион улыбнулся оставшемуся солдату.

— Разве может хорошая революция обойтись без контрреволюционеров?

— Стой, где стоишь, компатриот! — нахмурился часовой. — Пока мы не выясним, что случилось в городе, ты не сдвинешься с места!

— Не очень-то это по-братски, компатриот! — отозвался граф и нагнулся, чтобы поднять что-то с земли. — А что касается фабрики, думается мне, вы наверняка обнаружите того, кто довольно беспечно отключил водяную систему на одном из паровых котлов. Смотри-ка, червяк!

— Думаешь, мне есть дело до какого-то дурацкого червяка?

Молли попыталась отскочить в сторону, но граф подтолкнул ее на прежнее место.

— Это вопрос философского свойства, дорогой компатриот. Там, откуда я родом, вопрос равенства облечен в иную форму. В наших краях он называется вендеттой.

Граф вскинул руку с пистолетом, и в лицо солдату устремилось облачко газа. Часовой, как подкошенный, рухнул на землю. Убийца бросил червяка на его тело.

— Вот видишь, компатриот. Я уравнял тебя с моей семьей и этим трудолюбивым возделывателем почвы. Да возрадуются

черви новой пище!

— Ты мерзкий убийца, старый козел! — крикнула Молли. — Ты убиваешь всех без разбора!

Граф указал газовым пистолетом в направлении грибного леса.

— Напротив, моя милая! Так мы идем с тобой на пикник?

— Я… — Молли не договорила и отпрянула назад, потому что в следующее мгновение откуда-то сверху мимо нее пронесся сапог и сбил ее мучителя с ног. Граф-убийца упал прямо на бездыханное тело отравленного газом солдата. Девушка почувствовал удар в спину. Затем чьи-то сильные руки подхватили ее, и, рывком подняв в воздух, опустили затем на плетеный пол. Открыв глаза, Молли с изумлением увидела перед собой знакомое лицо девушки-крабианки.

— Верфей!

— Я же говорила вам, что это она! — произнесла Верфей, повернувшись к стоящей позади нее пышнотелой женщине в рубашке с обрезанными руками и мускулистыми загорелыми руками. Теми самыми руками, которые только что подхватили Молли с земли. Женщина показалась девушке смутно знакомой.

Молли поднялась с пола и встала на ноги. Она находилась в гондоле размером с небольшую лодку. Над головой у нее висел холщовый, вытянутый словно сосиска, корпус воздушного корабля. Миниатюрный аэростат. За спиной незнакомой женщины стоял какой-то мужчина, сжимавший рукоять установленного на короткой оси детандера. Молли бросила взгляд вниз, на землю.

С высоты граф Вокстион казался маленькой черной точкой на краю грибного леса.

— Молли, ты цела? — поинтересовалась Верфей.

— Давайте спустимся вниз, в Гримхоуп! — попросила Молли. — Мне нужно вернуться туда!

— Шутишь, детка, — ответила ей женщина с мускулистыми руками. — Эти изгои подстрелят нас, как только заметят.

— Там у меня осталась друзья! — запротестовала Молли.

— Заведешь себе новых, как только мы выберемся во внешний мир.

— Верфей, ради Великого Круга! Скажи мне, что ты здесь делаешь? Ты не можешь попросить их снова опуститься на землю?

Крабианка покачала головой и показала на человека возле детандера.

— Я объяснила ему, где можно найти тебя, Молли, и сказала, что помогу им узнать тебя.

С этими словами она повернулась к рулевому, чьи редкие

волосы развевались в потоках воздуха, вызванных вращением пропеллера.

— Приношу мои извинения, Молли, — произнес он. — Мы подвергались серьезному риску, пока искали тебя. Мы еще больше рискуем потерять тебя в Гримхоупе.

— Мы не против, если ты скажешь нам «спасибо», малышка, — добавила женщина. — Сомневаюсь, что намерения графа в отношении тебя были дружелюбными.

— Вы знаете его? Кто вы такие?

— Мне уже доводилось встречаться с графом, моя милая. Как обычно, на большой скорости.

— Молли, разве ты не узнаешь ее? — удивилась Верфей. — Забыла книжки, которые мы читали в Сан-Гейте?

Ну конечно! Грошовые бульварные книжонки с обязательной иллюстрацией на обложке! Загорелая мускулистая женщина перепрыгивает через пропасть в джунглях Лионгели, сжимая в руке красный бриллиант, похищенный в каком-то храме.

— Амелия Харш! — воскликнула Молли.

— Профессор Харш, — поправила ее женщина.

— Что вы здесь делали?

— Самое лучшее, на что я способна. Но если ты хочешь узнать, что мы делали в Гримхоупе, то лучше спроси об этом у денег.

— У денег?

Профессор Харш пожала плечами.

— Раскопки в развалинах чимекской империи обходятся недешево. Корабль, может, и принадлежит университету, но то, что мне там платят, даже наполовину не покрывает всех моих расходов и усилий.

— Ты хочешь знать, Молли, почему мы здесь? — печально спросил рулевой. — Потому что кое-кто в Миддлстиле предложил за тебя кучу денег — за тебя живую. Но заказчика устроит и твое мертвое тело.

Глава 9

Аналитик Номер Девяносто Один сделала вид, что не заметила человека, стоявшего рядом с дверью, ведущей в кабинет леди Риддл. Она небрежно тасовала стопку перфорированных карт, предназначенных для дневной загрузки в транзакционный двигатель, пока Аналитик Номер Два-Восемьдесят просовывала их в щель контейнера пневматической трубы.

— Это он, — сказала, понизив голос, Номер Девяносто Один.

— Я думала, он будет повыше ростом, — прошептала в ответ Номер Девяносто Один, впрочем, без особого разочарования в голосе.

Они узнали его по знаменитой твидовой кепке. Виду у него был такой, будто он только что вернулся с охоты, проведя целый день в горах, где стрелял куропаток.

— Глаза вперед и по центру! — скомандовала Регулятор Номер Девять, проходя мимо станции обработки. Присутствующие сосредоточились на работе, и Регулятор направилась к нему.

— Лорд Вилдрейк, генеральный адвокат ждет вас!

Закрыв дверь вычислительного зала, Регулятор проводила гостя в отдельный кабинет, из которого сквозь окна из армированного кристаллического стекла открывался вид на бескрайние выси тропосферы. Здесь всегда было спокойно и тихо. Небесный Суд парил на слишком большой высоте над житейскими бурями и неурядицами королевства Шакалия. Вилдрейк на мгновение замер на месте, наблюдая за аэростатами малых размеров, патрулирующими воздушное пространство за пределами поставленных на прикол сфер. Они были оснащены острыми как бритва стабилизаторами и длинными вибрирующим шипами для отпугивания скрейперов, паривших слишком близко к городу.

Он снял плащ и повесил его на крючок рядом с мраморным бюстом Изамбарда Киркхилла. После чего щелкнул каблуками, оповещая леди Риддл о своем присутствии.

Светлый и просторный кабинет выгодно оттенял черную как эбеновое дерево кожу генерального адвоката. Но так, судя по всему, и было задумано.

— Присаживайтесь! — предложила леди Риддл.

Вилдрейк покачал головой, и, чуть подпрыгнув, ухватился за одну из труб пневматической почты, тянувшихся по потолку. Морщась от боли — давали о себе знать утренние упражнения, — он принялся на ней подтягиваться.

Леди Риддл выругалась про себя. Пристрастие Вилдрейка к чертову зелью становится просто опасным.

— Сколько шайна вы теперь принимаете, лорд Вилдрейк?

— Достаточно, чтобы сносно себя чувствовать, — ответил Вилдрейк. — Вернее, чтобы чувствовать себя человеком. Поговорите с вашими костоправами, пусть подкинут мне еще, про запас.

Теоретически предела мышечной массе, которую можно нарастить, пережевывая шайн, не существовало. Зелье легко можно было приобрести у стражников, охранявших границы городов-государств, где целые элитные полки превращались в этаких буйволов с раздутыми мышцами.

— Расскажите мне о «Беллерофоне», Вилдрейк.

Лорд Вилдрейк заговорил быстро, стараясь уместить каждое предложение между вспышками боли в натруженных руках.

— Я нашел его обломки в песчаных дюнах неподалеку от Дазбы. Аналитики, предсказавшие это, достойны самых высоких оценок.

— Продолжайте!

— Виновник — один из офицеров. Его семью взяли в плен и шантажом заставили изменить курс воздушного корабля. Затем он посадил «Беллерофон» по ту сторону кассарабийской границы. Там его перехватили местные племена.

— А наши авиаторы?

— Большую часть экипажа изменник отравил, добавив в грог яд. Мне удалось освободить несколько человек из числа тех, кто остался в живых. Женщин к тому времени успели передать калифским биотехникам.

— Они осмелели, — задумчиво проговорила леди Риддл. — Они становятся слишком самоуверенными. Пора что-то делать с этой Кассарабией.

— Весь имевшийся на корабле летучий газ они слили и отправили на завод, расположенный неподалеку от Дазбы, — продолжил лорд Вилдрейк. — Они используют чрева наших женщин для создания органического заменителя летучего газа.

— Наблюдатели сообщили, что вы уничтожили это место.

— В своих научных разработках они не достигли больших успехов — им не удалось сделать газ менее горючим, — ответил Вилдрейк. — Я просто воспользовался благоприятными сопутствующими обстоятельствами.

— Если им не нравится, пусть держатся как можно дальше от нашей кухни, Вилдрейк.

— Вы только что выразили мои мысли, генеральный адвокат.

— Теперь, после того как калиф немного обжег себе пальцы, я

предлагаю вам новую работу, Вилдрейк.

— Я так и думал. — Кожа лорда Вилдрейка приобрела здоровый красноватый блеск. Насыщенный шайном пот наполнил помещение резким запахом, напоминающим аромат корицы. — Пропал еще один ваш воздушный корабль?

— Не корабль. Человек. Волк Номер Двенадцать совсем отбился от рук.

— Гарольд? — удивился Вилдрейк. Он на минуту прекратил подтягивания, но продолжал цепляться за трубу. — Так-так. Старый капризный мальчик Гарольд Стейв. Значит, Ловцу волков предстоит отловить другого Ловца волков.

— Совершенно верно, — подтвердила леди Риддл. — Я понимаю, вас с ним связывают воспоминания прошлого, я имею в виду, помимо вашей флотской службы. Проблем в связи с этим не возникнет?

— По моему мнению, перевозки бочонков с водяным балластом по всему королевству вряд ли можно считать флотской службой, мадам, — ответил лорд Вилдрейк.

— Но из всех тех, кто был схвачен, только вам и Гарри Стейву удалось выжить в лагере Флавстар, — заметила леди Риддл. — Да еще тому богатому парню, вольному стрелку.

— Шесть месяцев любезного гостеприимства Комитета Общественной Безопасности Содружества не могли не сказаться на нас. С трудом верится, что мы смогли пережить то, что выпало на нашу долю.

Леди Риддл откинулась на спинку кресла. К шайну Вилдрейк пристрастился именно в лагере. Он нарастил мощную мышечную массу — как будто специально для того, чтобы больше никогда никакой палач Содружества не посмел и пальцем прикоснуться к нему.

— После вашего побега, насколько мне помнится, мнения относительно того, чья ошибка привела к провалу операции в Квотершифте, разделились.

— Стоит ли тогда удивляться, что у меня возникло особое мнение на сей счет, генеральный адвокат. Гарольд Стейв — человек, у которого свой взгляд на то, что такое справедливость. От него можно ожидать чего угодно. Он отнюдь не джентльмен.

— Последнее, пожалуй, соответствует истине. Но если помнить о том, какие разрушения вы оставляете после себя, Вилдрейк, то вряд вы вправе делать подобные заявления.

— Мне кажется, мадам, что именно мои прежние разногласия с волком Номер Двенадцать побудили вас обратиться ко мне с вашим предложением. Считайте, что у меня есть стимул. Судя по всему, охота будет интересная.

— В таком случае, вы получаете свободу действий, Вилдрейк. И вот еще что…

— Да, мадам?

— Если можно, постарайтесь доставить его хотя бы в таком состоянии, чтобы наши маги-дознаватели смогли допросить его.

— Приложу все возможные усилия к этому, госпожа генеральный адвокат, — ответил лорд Вилдрейк и соскочил на пол, чувствуя восхитительную боль в мышцах. — Все мыслимые усилия.

Оливер стоял на мощенной брусчаткой улице неподалеку от Боунгейтской тюрьмы, к которой стеклись многотысячные толпы желающих присутствовать на его казни. Торговцы с лотками подгнивших фруктов расхваливали свой товар любителям забрасывать осужденных гнилью. Вот и сейчас в сторону эшафота уже летели подпорченные яблоки. Но самым шиком считалось сначала дать несчастному почувствовать под ногами табурет, и лишь затем, когда он начинал «танцевать Боунгейтскую кадриль», забросать его овощной гнилью.

Инспектор Пуллингер торжественно вскинул руки, и толпа разом умолкла.

— За нарушение королевского приказа об обязательной регистрации, нарушение регистрационных границ, утаивание от Департамента по делам феев предметов, оговоренных в шестом пункте Закона о контроле над фейбридами, за злодейское умышленное убийство по трем пунктам обвинительного акта Оливер Брукс приговаривается к смерти через повешение.

Толпа взревела от восторга, а на эшафот, для отправления обряда обращения, вступила женщина-викарий. Она говорила очень тихо, и ее могли слышать только Оливер и те, кто стоял неподалеку от него.

— Беспокойные души этой жизни, да вернется ваша суть в море разума, дабы при повороте Круга вернулись вы на славную землю в более счастливой оболочке.

В следующее мгновение викарий испуганно отшатнулась — на эшафоте прямо перед ней возникла бесформенная масса Шептуна.

— Новая оболочка? Но старая совсем не плоха!

Стражники с криками бросились врассыпную. Испуганная публика волной откатилась назад, готовая броситься в бегство.

— Видишь, когда мне хочется присесть, я всегда смогу найти себе место.

— Шептун! — простонал Оливер.

— Кошмарные сны, Оливер? — спросил Шептун. — Ну, их я

вдоволь насмотрелся и у себя. У нас там каждый день новенькие. Да еще уорлдсингеры с их скальпелями, снадобьями и резиновыми перчатками.

Оливер попытался развязать наброшенную ему на шею петлю.

— Слава Великому Кругу! Я думал, что все происходит на самом деле! Что это реально!

— С каждым днем это становится все более реальным, Оливер! — прошипел Шептун. — Если тебя поймают, с тобой поступят именно так! Вот твое будущее! Лучше выбери себе в Хоклэме подземную тюремную камеру рядом с моей! Я ведь предупреждал тебя о Гарри Стейве, разве не так?

— Мои родственники погибли, Шептун. Мой дядя убит. Убита демсон Григгс. Меня тоже пытались убить.

Шептун погладил Оливера по спине и чем-то костяным, не то зубами, не то концом кости руки, срезая с шеи мальчика воображаемую петлю.

— Смотри, какими похожими мы становимся, Оливер. Моя семья тоже умерла. Отец задушил мою мать за то, что она произвела меня на свет, и я преследовал его во снах до тех пор, пока он не залез на крышу фабрики в Хэзлбенке и не спрыгнул с нее вниз.

— Ты безумец! — воскликнул Оливер. — Мы с тобой совсем непохожи!

— Ты считаешь меня безумцем? — снова прошипел Шептун и хихикнул. — Ты бы посмотрел на тех, кого выпускают из сумасшедшего дома, Оливер! Вынюхивателей душ. Их приходится заковывать в особые торки, более похожие на доспехи, чем на обычный торк. В сумасшедшем доме мы обычно называли их дикарями. Они и есть самые настоящие дикари.

Оливер бросил взгляд на Боунгейтскую площадь. Сейчас она была пуста.

— Что ты здесь делаешь, Шептун?

— Какая неблагодарность, Оливер. Я обо всем позабочусь. Позабочусь о нас обоих. Сон здесь, сон там, и не только у меченых, но и у нормальных людей.

Оливер попытался не смотреть на бесформенную массу Шептуна.

— Я не знал, что ты способен на такое.

— Проклятый занавес присутствует в Шакалии уже более тысячи лет, Оливер. Его пары просачиваются в леса, поля и торфяник. Уорлдсингеры с этим не согласятся, но теперь чуточка колдовства есть в каждом из нас. — Шептун рассмеялся. — В ком-то больше, в ком-то меньше, верно?

— Я еще не начал изменяться.

— Сны говорят правду, Оливер. Сны это дверь, через которую редко допускается отрицание. Задай себе вопрос: почему твой разум, твой совершенный ум, который способен ввести в заблуждение уорлдсингеров, почему он позволяет мне проникать в твои сны?

— Я… — такого вопроса Оливер никак не ожидал.

— Подумай об этом, Оливер. Мне здесь нравится… я хочу сказать, что мне нравится находиться в твоем сознании. Меня восхищает его абсолютная ясность. Общаться с нормальными людьми очень сложно, но я старюсь, Оливер. Я со всем справлюсь. Куда мне только не приходилось проникать, даже в сознание паровиков. Это псе равно, что идти по реке битого стекла.

— Что еще кроме неясных предупреждений о Гарри Стейве ты нашел во время своих странствий? — спросил мальчик.

— Мне нравится Гарри, — признался Шептун. — Он сукин сын, и будь я проклят, но пока я не уверен, что он наш сукин сын. Но в данный момент в городе он единственный, кого преследуют в связи с молодым мастером Бруксом.

— Приятно слышать.

— Тебя ожидают кое-какие сюрпризы, Оливер. Да и меня тоже. Здесь где-то есть и еще кое-кто или кое-что. Оно оставляет еле заметные следы в разуме людей. Оно думает, что мне о нем ничего не известно, но я достаточно силен, Оливер. Иначе зачем, по-твоему, они упрятали меня так глубоко под землю. У них не нашлось для меня особого торка.

Обычный еле слышный, голос Шептуна усилился до крика, и трущобы вокруг Боунгейтской площади дрогнули, отступили перед его яростью.

— Старый добрый Шептун никогда не уподобится дикарям. Он не станет совершать полуночных прогулок по широким бульварам Миддлстила. Лунный свет не для него. Вечерняя прохлада не для него.

— Прекрати! — крикнул Оливер. — Мой разум!

Буря голосов стихла, а Шептун, рыдая, рухнул на эшафот.

— Я непредсказуем, Оливер! Поэтому меня все и боятся, поэтому от меня и отгораживаются десятками прочных волшебных стен. Поэтому они использовали специально обученную собаку, чтобы та приносила напичканную дурманящими снадобьями пойло, которым меня потчуют в тюремной камере.

Испытывая одновременно ужас, восхищение и жалость Оливер как зачарованный наблюдал за тем, как Шептун начал приплясывать на эшафоте, неуклюже отбивая ногами ритм песенки, показавшейся ему смутно знакомой — нечто похожее он

слышал в далеком детстве.

— Что ты будешь делать, Шептун, если меня поймают, и палач затянет петлю на моей шее?

— Не говори так, Оливер! — прошипел Шептун. — В твоем сознании слишком свежи приятные воспоминания о ростбифе, который ты съел за последним ужином. Теперь мне понятно, что ты пытаешься сделать. Отвлекаешь меня, как котенка, с которым играют веревочкой.

— Жаркое на самом деле было очень вкусным, — ответил ему Оливер и сел на край эшафота.

Шептун тут же устроился рядом, хотя было трудно сказать, действительно ли он занял сидячее положение.

— Я мог бы смириться с моей тюрьмой, Оливер, если бы не Особая Гвардия. Какие они красивые, все эти мальчики и девочки! Их сытно кормят, их удивительные способности поставлены на службу стране, за что им положена всеобщая любовь. Они — что-то вроде корзинки с изнеженными заласканными домашними любимцами. Раньше я приходил и в их сны, Оливер. Но теперь не могу себя заставить.

— Они хотели, чтобы я согласился вступить в их легион, — признался Оливер. — Тогда мне на шею надели бы контрольный торк.

— Хорошенькому котенку полагается ошейник, — ответил на это Шептун. — Думаешь, мой отец не обещал мне подобного, когда привез меня в Миддлстил в своей телеге? Я обмениваюсь сообщениями со всеми заключенными Хоклэма, этакая живая система кристаллической связи. Нет такой томящейся там души, которая не мечтала бы о превосходном бифштексе и долгих днях блаженного безделья и искусном массаже. Ты удивился бы, увидев, какие нормальные на вид многие из тамошних осужденных. Но если твои способности нельзя открывать и закрывать как кран в бочонке с джином…

Пространство сна начало таять, будто утренний туман. Оливер почувствовал, что просыпается.

— Не забывай о тюрьме, Оливер! — напомнил Шептун. Он уже успел вернуться в свою подземную темницу. — Будь осторожен с этим проходимцем Гарри Стейвом!

— Тебе понадобится шляпа! — произнес Гарри. — Вот увидишь!

Яхта «Утренняя песнь» встала на прикол в четырех миля от Тернхауса неподалеку от таверны в дальней части королевского парка — как и повсюду в Шакалии, здесь все носило название «королевского», хотя принадлежало народу. Повсюду среди травы

стояли кареты, запряженные четверками лошадей, и многочисленные городские семьи, расстелив на земле клетчатые одеяла, предназначенные специально для пикников, наслаждались солнечным днем.

— Зачем мне она, Гарри? — спросил мальчик, поправляя на голове шапку. — Насколько мне помнится, вы говорили, всевидящее око на небе будет повсюду следить за нами.

— Немного паранойи нам не повредит! — ответил Гарри и заговорщически подмигнул.

Оливер огляделся по сторонам, рассматривая двор таверны; здесь за столиками сидели рабочие дренажной службы. В районе Хандред-Локс не было ни одного королевского парка. Самым ближним был парк в Беггарсмиде, но уходить так далеко от дома Оливеру не позволяли надзорные правила.

— Здесь очень много людей, — заметил он. — Как же мы найдем нужного нам человека?

— Женщину, Оливер. Нам нужно найти одну женщину. А много народа — это хорошо. Нас трудно заметить сверху в людской массе. Кстати, шляпа в таком деле тоже не помешает. Пусть там наверху поломают головы, пытаясь нас обнаружить.

Женщину, о которой говорил Гарри, они нашли возле большой крытой повозки, вроде тех, в которых на деревенских ярмарках продают сомнительного происхождения средства от облысении. Особа эта сидела на табуретке. Слева бутыль с джином, справа — груда мотков с пряжей. Она вязала свитер, явно предназначавшийся для ребенка.

— Матушка! — позвал ее Гарри, и она тут же подняла голову. — Ждем новых внучат?

— Это ваша мать? — удивился Оливер и с недоверием посмотрел на неопрятную старую толстуху.

Та указала на него вязальной спицей.

— Если ты ищешь ту клячу, что произвела на свет Гарри Стейва, то тебе долго придется ее искать, милок. Мои дети все давно обзавелись семьями и приличными профессиями.

— Оливер, знакомься, это демсон Лоуд! — представил ее Оливеру Гарри. — Она — мать для всех ее друзей.

Толстуха усмехнулась и, открыв беззубый рот, основательно приложилась к бутылке джина.

— А все потому, что мне подфартило разбогатеть, когда я копала в колониях серебро.

Оливер вежливо наклонил голову.

— Очень приятно, матушка Лоуд.

— Ты, пожалуй, будешь почище обычных приятелей этого распутника, — заметила демсон Лоуд.

— С тобой всегда приятно поговорить, — отозвался Гарри Стейв. — Правда, ты забыла упомянуть, по какой причине оказалась в Конкорции, а также о плавучей тюрьме, на которой тебя туда доставили.

— Пустяки, — отмахнулась матушка Лоуд. — Судья, может, и присудил мне высылку, но за малую толику серебра в Шакалии всегда можно купить прощение. Мне хватило деньжат, чтобы начать на пару с мистером Локом оружейное дело. Мы с ним начали изготавливать ружья для миддлстилских дворян и для двадцати графств.

— «Лоуд и Лок», — произнес Оливер. — В дядиной газете я видел вашу рекламу.

— Услуга, которая недешево обходится, милок, на Док-стрит за нее дерут будь здоров сколько — вздохнула демсон Лоуд. — А теперь послушай меня, Гарри. Я тебе не лекарь и не хожу по домам, а все потому как боюсь, что к тому времени, как я вернусь, мое золотко, партнер промотает наше дело где-нибудь за карточным столом.

— Извини, матушка, — произнес Гарри. — Но у меня небольшие неприятности.

— А когда ты обходился без них, дружок? — С этими словами демсон Лоуд привстала и вытащила из-под себя сложенный в несколько раз номер «Миддлстил иллюстрейтед ньюс». — Двенадцатая страница, вон там, внизу.

Гари взял в руки газету и открыл ее в указанном месте.

— «Жуткие убийства в Хандред-Локс, совершенные фейбридом-ребенком и беглым убийцей и мошенником. Их жертвами стали полицейские констебли и служанка».

— Что?! — задохнулся от возмущения Оливер. — Они пишут, что мы их убили! А как же тогда тела убийц в зале?

— Эта подробность странным образом выпала из газетной статьи, — прокомментировал Гарри. — Получается, у Небесного Суда на содержании не меньше борзописцев, чем на Док-стрит.

— Мне попалось более подробное описание того, что случилось, Гарри, — сообщила демсон Лоуд. — Тебя занесли в черный список. Считается, что ты пошел по сколькой дорожке, и тебе больше нет доверия. У каждого свистуна отсюда и до Лох-Греморгана имеется приказ выдать тебя полиции.

— Матушка, но это же чушь собачья! — взвился Гарри. — Возможно, стоит сдать кого-то из Суда, но не меня!

— Ты, конечно, негодяй, Гарри, но я верю тебе. Не потому, что ты у нас такой паинька, а потому что я не вижу, какая тебе выгода от этого дерьма.

— Приятно слышать, что ты веришь мне, — съязвил Гарри

Стейв. — Кстати, тебе сказали, кому из Ловцов волков ты должна оказывать помощь?

— Волку Номер Семь.

— Джейми чертов Вилдрейк. Даже не знаю, польщен он или оскорблен этим заданием. У кого-то там, в верхах, точно есть чувство юмора.

— Держись подальше от больших королевских дорог, Гарри! — предупредила матушка. — Там на постах, где берут дорожную пошлину, теперь поставили анализаторы крови. Проверяют всех подряд. Хэм-Ярд гудит, как растревоженный улей, в который сунули горящую тряпку.

— Неужели те два шута гороховых из Хандред-Локс были настоящими полицейскими? — удивился Гарри. — Хороший сюжет для книги. А я принял их за убийц с фальшивыми документами. Куда катится мир, если нельзя верить даже полицейским?

— Это сильно усложняет дело, — заметила его собеседница.

— Верно, — согласился Гарри Стейв. — Но хитромудрые машины Хэм-Ярду не особенно помогут. Начав работать на Суд, я проделал один фокус. Я подсунул в архив код крови другого человека, торговца домашней птицей по имени Иеремия Флинтвинч, который умер от сифилиса двадцать лет назад.

Демсон Лоуд указала на Оливера.

— А его код крови? Можешь оставить мальчишку со мной. Гарри. Так будет лучше для вас обоих.

— У меня есть имя! — запротестовал Оливер.

— Причем весьма славное, — подхватил Гарри. — Станцией, которая подверглась нападению, руководил Титус Брукс. Матушка, познакомься с Оливером Бруксом, его племянником и сыном Филеаса Брукса.

— Филеас Брукс, — повторила демсон Лоуд. — Это имя говорит о многом. Его нужно носить с достоинством.

— Похоже, в нашем королевстве хватает людей, которым оно не дает покоя!

Старуха поднялась и вытянула вперед руки.

— Теперь я его вижу и слышу, Гарри! Как будто Филеас снова ожил. Позволь, мой мальчик, помочь тебе встретить врагов на равных. Черт побери, куда подевался мой бесполезный помощник?

В следующее мгновение как по мановению волшебной палочки перед демсон Лоуд вырос юный подмастерье с лотком окороков, завернутых в пропитанную воском бумагу.

— Крикл, я сказала тебе сделать запас еды, а не покупать всю лавку с копченостями!

— Конечно, демсон. Простите, демсон. Извините, что задержался, но на ярмарке толпы народа, приходилось проталкиваться через них с великим трудом.

— Судя по твоему виду, Крикл, тебя скорее задержала рюмка путтенлендского сидра. Открывай повозку и покажи товар этим господам.

— Сию секунду, демсон.

Внутри фургона оказались слесарный верстак и прилавок, втиснутые между несколькими десятками крошечных шкафчиков с выдвижными ящичками. Здесь было так тесно, что хозяйка с помощником и Гарри с Оливером едва там уместились. Причем, только матушка сидела, тогда как остальным пришлось стоять в полный рост.

— Что желаешь, Гарри? — осведомилась демсон Лоуд.

— Что-нибудь приличное, не очень большое, чтобы можно было легко спрятать под одеждой, но довольно массивное и тяжелое. Не длинноствольное, но чтобы било на хорошее расстояние.

— А молодому мастеру Бруксу?

Гарри посмотрел на Оливера.

— Титус когда-нибудь брал тебя на охоту?

Оливер отрицательно покачал головой.

— В Севенти-Стар-Холле у нас не было оружия. Дядя всегда говорил, что лучшее оружие — человеческий разум. Оружие придает ложное ощущение смелости и приводит к неразумным поступкам.

— Да, верно, он не любил оружие, Оливер, — задумчиво произнес Гарри. — Вот только не следует путать нелюбовь к дракам с неумением дать отпор врагу. Твой дядя держал пистолет в тайном ящике письменного стола. К сожалению, это ему мало чем помогло.

— У него, если не ошибаюсь, был старинный «Теннисон и Баундер»? — поинтересовалась демсон Лоуд. — Не слишком-то надежная вещица, что стрельнуть из него во врага, что плюнуть — не велика разница. Твоему дяде следовало бы обзавестись настоящим пистолетом. Видит Круг, я не раз предлагала ему это сделать.

— С годами мы становимся сентиментальными в отношении некоторых вещей, матушка, — заметил Гарри. — Это оружие пользовалось огромным успехом в дни моего детства.

— Не может быть, сэр! — возразил помощник демсон Лоуд. — Когда оно было, ваше детство? Не иначе, как вы в свое время пристрастились к леаафу, сэр. Такие штучки, как «Теннисон и Баундер», давно уже стали музейной редкостью.

Гарри смерил парня колючим взглядом.

— Похоже, ты любишь пистолеты, приятель?

— Обожаю, сэр. Самых разных видов и марок. Дуэльные, газовые, пистолеты для охраны почтовых карет. Специальные пистолеты для флотских офицеров, егерские длинноствольные, но больше всего, сэр, мне нравятся дамские пистолеты. Прекрасные изящные штучки; при желании их можно спрятать в кошельке или под юбкой.

— Мы взяли Крикла в ученики в счет оплаты долга одного из партнеров Лока. Жуткий был картежник, — пояснила демсон Лоуд, обращаясь к Гарри Стейву.

— Тогда, ученик, посоветуй нам, какой пистолет лучше выбрать для моего спутника, который еще никогда не стрелял?

Крикл подошел к Оливеру и принялся измерять руки и рост юноши, прикидывать вес.

— Никогда не стрелял, говорите? К нам, в фирму «Лоуд и Лок», редко заходят подобные девственники. Думаю, вам нужно нечто с раструбом, сэр, нечто массивное, чтобы быть уверенным, что такое оружие не подведет. То, к чему не нужно долго привыкать, а просто использовать в нужную минуту. Нечто качественное и надежное.

С этим словами Крикл открыл один из ящичков и вытащил из него черный пистолет с похожим на воронку стволом.

— Особая модель для мореходов, сэр. Предназначен специально для морских волков, которым подвластны моря и океаны. Используется в тех условиях, когда волны и качка и без того сильно снижают точность попадания. Малопригоден для больших расстояний, сэр, но если выстрелить из него в упор, то результат превзойдет все ожидания.

Гарри перехватил вопрошающий взгляд Оливера и одобрительно кивнул.

— Тебе придется пострелять из него, Оливер. Сделай мне любезность, я должен убедиться, что в нужную минуту ты сумеешь постоять за себя.

Матушка Лоуд открыла несколько других ящичков и принялась выкладывать их содержимое на прилавок — ружейные стволы, патронники, курки, заводные воспламенители. Затем начала все это перебирать, отдавая распоряжения Криклу, который тут же нырял в темные уголки фургона за той или иной вещью. Наконец, удовлетворившись собственным выбором, матушка начала собирать части будущего пистолета, пользуясь набором миниатюрных инструментов, как у часовщика. Казалось, пальцы старухи забыли о возрасте; они как мотыльки порхали над разложенными по столу железками, которым предстояло

превратиться в грозное оружие. Прямо на глазах Оливера разрозненные части стали приобретать форму пистолета — массивного, тяжелого на вид, с длинным стволом.

Гарри с интересом и нескрываемым одобрением наблюдал за умелыми манипуляциями хозяйки оружейной фирмы.

— Смотрю, ты используешь катосианский отражатель казенной части.

— Никто еще не придумал ничего лучше этой штуки, Гарри. Можешь разговаривать, пока я работаю. Люблю слушать разговоры, пока руки заняты. Крикл, принеси молодому мастеру Бруксу патроны.

Ученик вытащил из одного ему ведомого места мешочек с хрустальными пулями и передал их Стейву.

— Оливер, а правду говорят, что в Хандред-Локс выращивали деревья-самострелы?

— Нет. Несколько лет назад ходили слухи о том, чтобы разбить сад. Но городские выборщики не получили разрешения. Им ответили, что это слишком опасно.

Гарри поднес к свету масляной лампы стеклянный патрон, держа его двумя пальцами.

— Стеклодув делает пули примерно так же, как природа производит семена самострельных деревьев. Два патронника наполнены соком, и каждая капсула отделена от соседней тоненькой мембраной. Сок сам по себе безвреден, но если смешать две порции, то получится мощный заряд. Тому, в кого он попадет, оторвет руку.

— В Клейнарке были жертвы. Несколько человек погибло, ненароком подставив себя под семена-пули диких самострельных деревьев. Молодые деревца выпускают заряды на расстояние в пять миль, — добавил Оливер.

— Взрослое дерево отстреливает семена на расстояние до двадцати миль, — уточнил Гарри. — Когда стреляешь из пистолета, отжимаешь курок и разбиваешь стеклянную оболочку патрона. Разбиваешь смесительную камеру и воспламеняешь заряд.

— Верно, сэр, — согласился Крикл. — Хрясь, тресь, бах, бум, вжик! И пуля летит к цели. Настоящая симфония. Молодой сэр знает, как обращаться с оружием?

— Если нажимаешь на спуск, Оливер, и ничего не происходит, это значит, что пистолет дал осечку. Никогда не поворачивайся и не направляй пистолет на того, чья жизнь тебе дорога. Держи оружие на расстоянии от себя, переломи ствол посередине вот таким образом, затем подними рычажок и стреляй, — проинструктировал Оливера Гарри Стейв. — Если

понадобится вручную удалить отстрелянный заряд, возьми шомпол, который крепится к нижней части ствола и вытолкни. Никогда не засовывай в ствол пальцы. Осадок может в два счета прожечь твою руку до кости. Именно поэтому патрон отливают из стекла, а не из металла. Когда находишься на поле боя, будь острожен и смотри себе под ноги. Если случайно наступить на неразорвавшийся патрон, он с огромной силой разорвет оболочку. В таком случае ты как пить дать лишишься ноги.

— Никогда не скупись на патроны, милок! — посоветовала матушка Лоуд. — Ни за что не бери те, что отдают тебе почти задарма. От дешевых патронов стрелков погибло больше, чем от прицельных выстрелов. Такой дерьмовый заряд разорвется в твоем стволе в тот миг, когда ты этого совсем не ждешь. Пожадничаешь, и друзьям придется соскребать твои останки с земли, чтобы положить в гроб.

— По той же причине никогда не разгуливай с заряженным пистолетом. Дождись, когда беда заглянет тебе в лицо, и только тогда переламывай ствол и заряжай, — добавил Гарри. — В приятном обществе, допустим, на охоте, можешь ходить с переломленным стволом, чтобы все знали, что твое оружие не представляет угрозы.

Хозяйка оружейной фирмы подняла почти готовый пистолет ближе к лампе.

— Тебе придется кое-чему подучиться, милок, прежде чем выучишь все клейма стеклодувов на патронах. Это поможет тебе в будущем — сразу сумеешь отличить настоящий товар от подделки. Для этого нужно сравнить обе половинки патрона, не отличаются ли они по цвету. Натуральный сок семян-пуль прозрачен, как вода. Хороший оружейник добавляет краситель в одну из капсул патрона, будь то левое или правое. Я, например, заливаю красный краситель в правую. Недобросовестные оружейники, которые продают свой товар всяким олухам, просто не желают тратиться на краситель.

Гарри протянул Оливеру стеклянный патрон. Его верхняя часть, расположенная над двумя капсулами, заполненными взрывоопасным соком, была полой. В ней находилось несколько десятков свинцовых шариков.

— Для твоего мушкетона подойдут вот такие штуки, они называются дробью. От них нет толка при выстреле на большое расстояние, да и в любом случае у меня нет времени на то, что сделать из тебя классного стрелка. Значит, запоминай, ты стреляешь и поражаешь находящуюся перед тобой цель. Поражаешь всех без исключения, дробь никого не выбирает, ей наплевать. Понял?

Оливер посмотрел на пистолет с раструбом на конце ствола. Теперь до него дошел смысл слов дяди Титуса. От оружия, подобно теплу от очага, исходило ощущение ложной храбрости. В следующий раз, если к нему заявится полицейский из Хэм-Ярда, чтобы надеть ему на шею торк, то пусть приходит с чем-нибудь посерьезней кортика или дубинки.

— Понимаю, Гарри. При выстреле друзей передо мной быть не должно.

— Отлично, молодой сэр, — не удержался от комплимента помощник матушки Лоуд. — Вы все схватываете на лету. Вам достался превосходный образец оружия. Вы теперь настоящий молодой дуэлянт, сэр.

Демсон Лоуд протянула Гарри только что собранный пистолет. Стейв сразу же проверил оружие: заглянул в ствол, обеими руками попробовал на вес. Старуха перевела взгляд на Оливера.

— Если тебя вдруг каким-нибудь ветром занесет за границу, милок, ты можешь нарваться на то, что наш брат-оружейник называет ружьями для самоубийц.

— Что это за ружья?

— Двуствольные ружья, трехствольные, четырехствольные, даже ружья-аккордеоны. Держись от них подальше. Ты заряжаешь ружье несколькими пулями, первая вылетает из ствола и ослабляет кристалл в других патронах. С каждым новым выстрелом увеличиваются шансы на то, что ружье взорвется в твоих руках. Именно так в Конкорции погиб мой первый муженек, когда его попросили зарядить одну трехстволку. Да шут с ним, все равно стрелок из него был никудышный.

Гарри положил руку на плечо демсон Лоуд.

— Матушка, ты настоящий мастер своего дела.

— Всегда стараюсь угодить клиентам, Гарри Стейв. А теперь маленький сюрприз для сына Филеаса Брукса.

С этими словами старуха встала и открыла ключом сундук на полу фургона. Вытащив из него завернутый в тряпицу сверток, она потянула шнурок, которым тот был завязан, и извлекла нож с тупым на вид лезвием и черной рукояткой. Нож был ничем не примечательный, за исключением кабаньей головы, чье изображение украшало его рукоятку.

— Твой отец отдал мне этот нож в качестве платы незадолго до того, как произошло крушение аэростата. Мне так и не хватило духа продать его.

Оливер взял у нее нож — тот оказался на удивление легким, практически невесомым.

— Спасибо, матушка Лоуд. Зачем он был нужен моему отцу?

— Понимаю, о чем ты сейчас думаешь, — усмехнулась старуха. — Отдай его мне.

Оливер подал ей нож. Взяв кусок свинца для литья дроби, старуха повернула кабанью голову и пронзила его лезвием с такой поразительной легкостью, будто свинец был мягче фромерсетского сыра. Вернув кабанью голову в прежнее положение, демсон Лоуд положила нож на верстак.

— Филеас разжился им на одном из восточных континентов. Это колдовской нож, изготовленный тамошними уорлдсингерами, или как они там у них называются. Твой отец был мастер обращаться с ним — заставлял лезвие слушаться его, даже менять форму. Когда нужно, оно становилось мечом или топором, я точно и не знаю.

— На вид простой, как сапожный ножик, а на деле смертоносный, как клыки острозуба! — восхитился Гарри. — Превосходное оружие для Ловца волков!

— Но у меня нет денег, чтобы заплатить за него, — вздохнул Оливер.

— Есть долги, которые не измерить деньгами, — заметила демсон Лоуд и передала Стейву мешочек со стеклянными патронами. — Похоже, сегодня я отдаю большую часть таких долгов. Вам еще нужны патроны?

— Этого нам хватит, чтобы добраться до Шэдоуклока, — ответил Гарри.

— Шэдоуклок! Ну разумеется! — воскликнула демсон Лоуд. — Куда же еще можно бежать, если твой путь перегородили полицейские, а за тобой по пятам гонятся волки Небесного Суда? Конечно, в самый охраняемый город во всем королевстве!

Гарри спрятал пистолет под одеждой.

— Сдается мне, это твои собственные слова, что, мол, самое надежное место, где можно спрятаться — тень позади полицейского участка.

— Гарри, дорогой мой, я десять лет жизни обменивалась этими историями с каторжниками, копая в колониях оросительные каналы. Местные свистуны не так глупы, чтобы их за твои грешки турнули со службы.

— Да ты просто святая, матушка.

— Послушай, милок, не хотелось бы терять старую гвардию. Пусть останется хотя бы один — чтобы было кому положить цветочки на мою могилу.

— Матушка, тебе предстоит жить вечно.

Польщенная, старая оружейница сделала добрый глоток из бутылки с джином.

— Шутишь. Но с тех пор, как мой доктор запретил мне

курить мамбл, я чувствую себя гораздо лучше.

Клерк отделения кристаллосвязи недовольно посмотрел, как к переднему столу подошел запоздалый посетитель — через считанные минуты на станции должна была начаться ночная смена.

— Прием закончен. Принимаются лишь сообщения государственных учреждений. Если у вас нет разрешения, то приходите завтра утром.

— Разумеется, разрешение у меня есть, сэр, — отозвался посетитель и продемонстрировал клерку жетон инспектора полиции, в равной степени блестящий и фальшивый. — Вы же не уходите прямо сейчас, сэр?

Смирившийся с необходимость немного задержаться, клерк достал карандаш и листок бумаги.

— Видите ли, уже поздно. Мы отправили все сообщения четыре часа назад.

— Я непременно пришел бы раньше, сэр, но мне пришлось ждать, пока уснет моя мать.

Запоздалый посетитель с полицейским жетоном заполнил бланк. Клерк бросил взгляд на зал отправки. Большинство синекожих отправителей дневной смены уже были готовы погрузиться в сон прямо перед дочерними кристаллами.

Прочитав сообщение, клерк посмотрел на отправителя.

— Сообщения государственных учреждений отправляются бесплатно. То есть вам не надо платить по два пенса за каждое слово. Если желаете, можете написать больше…

— Нет, сэр, длина текста мне совершенно не важна.

Странный посетитель ушел, и клерк звякнул в колокольчик, чтобы позвать шифровальщика. Через несколько секунд в двери показалась женская голова.

— Поздний посетитель, Ада, — объяснил клерк. — Срочное сообщение.

Женщина прочитала написанный на листке бумаги текст.

— Волку Номер Двенадцать. Шэдоуклок. Во имя великого Круга, что мне с этим делать?

— Готов спорить, что это ставка для завтрашних скачек. Парень, оставивший эту записку, был из полиции. Полицейские явно решили позабавиться. Зашифруй и передай по линии.

— Ты видишь, что он написал под адресом? Это же не город, это узел связи. — С этими словами женщина вернула клерку листок.

— Что? — Клерк пробежал глазами последовательность чисел. — Верно. Да и материнский кристалл я тоже не узнаю, а

ты, Ада? Может, тот парень раньше работал в системе кристаллосвязи, прежде чем пришел на работу в полицию?

— Материнский кристалл не внесен ни в одну из наших синих книг, — вздохнула шифровальщица. — Кстати, и шифр прохождения оформлен неправильно. Мне ночные тарифы не оплачиваются. И вообще, мне пора домой. Я отправлю сообщение по линии, а там пусть разбираются, что с ним делать.

Так и случилось. С сообщением разобрались.

Глава 10

Через два часа возле королевского дворца собралась огромная толпа. Напряжение достигло максимума; еще мгновение — и оно могла выплеснуться через край, вылиться в откровенное насилие. Безмолвие жиденького полицейского кордона за ограждением дворца, нервно сжимавшего кортики, заводило толпу еще больше. Вскоре толпа осмелела настолько, что перестала обращать внимания даже на расположенные позади полицейского оцепления пушки на подставках-треногах, заряженные щебенкой и картечью.

— Мы ждем человека из магистрата, чтобы зачитать собравшимся акт о мятеже, — сообщил капитану Флейру полицейский с нашивками майора. — Но эта дама никак не может добраться сюда из-за баррикад, возведенных в Гэдс-Хилл.

— И их возведению никто не додумался помешать, — заметил Флейр.

Майор бросил растерянный взгляд на Дворцовую площадь. Тяжелая кавалерия, укомплектованная крабианцами, за которой послали в полицейский участок Эко-стрит, пока так и не появилась. Экзоскакунов из конюшен за Хэм-Ярдом тоже пока не было видно.

— Там яблоку негде упасть, — произнес майор. — Союз портовых рабочих еще рано утром вывел своих людей на улицы, и владельцы порта попытались объявить им, что они уволены. Половина судов на Гэмблфлауэрсе в огне.

Флейр кивнул. Из окна пятого этажа дворца он уже успел увидеть, что надвигается буря. Для тушения охваченного огнем района Миддлстила, где находились склады, был вызван орден погодных колдуний. Над рекой вызревали тяжелые черные тучи.

— Будете открывать огонь? — поинтересовался Флейр.

— Они еще не сломали линии заграждения, — ответил майор. — Так что пока воздержимся.

Он мог и не объяснять. Если на Дворцовой площади прольется кровь, майору ни за что не сносить головы.

— Тут только что говорили об огне? — раздался голос одного из двух гвардейских лейтенантов Флейра, только что прибывших из дворцовых казарм. Вместе с ними был какой-то уорлдсингер, четырехцветочный бюрократ.

— А, это вы, Бонфайр и Хардфолл! — воскликнул капитан Флейр, демонстративно проигнорировав их спутника.

— Мы уже получили добро на разгон этого сброда? — поинтересовался Бонфайр.

— Палата Стражей еще не собрана, — ответил Флейр. — Полчаса назад я отправил Клаудсплиттера на поиски Первого Стража, чтобы заручиться официальным приказом. Если вы сможете найти там судью, от страха забившегося под магистратскую скамью, тащите его сюда. Пусть зачитает бунтовщикам акт о недопустимости мятежа.

Бонфайр подошел к одному из высоких окон тронного зала и выглянул наружу.

— Вы только посмотрите на них! Лик благоразумия, сердце демократии. Чертовы хэмблины.

Флейр состроил гримасу. Ему не нравилось, когда в стенах дворца звучал гвардейский жаргон. Деревушка Хэмблин-Нормал располагалась в горах Дрокни неподалеку от проклятого занавеса. Ходили слухи, что тамошний водопад обладает способностью исцелять меченых. Каждый день туда отправлялись сотни семей, чтобы совершить в его водах омовение и таким образом избежать — как им представлялось — воздействия на их тела гиблого тумана, соприкосновение с которым вело к неизлечимому уродству. Флейр всегда подозревал, что эту легенду придумали сами уорлдсингеры, чтобы иметь возможность ловить в свои сети потенциальных жертв.

Бонфайр повернулся к капитану.

— И это те самые люди, которых призвана защищать Особая Гвардия. Но что они для нас? Лично у меня больше доверия к бешеной собаке, чем к ним.

— Все толпы одинаковые, лейтенант, — ответил Флейр.

Крики, доносившиеся с улицы, сделались еще громче. В отдельных местах самые прыткие смутьяны попыталась прорваться через ограждения. Солдаты артиллерийских расчетов тотчас навели на них пушки.

— Если толпа попытается сломать заграждения, солдаты откроют огонь, — заметил Хардфолл. — Будет большая кровь.

— Там много детей, — произнес Флейр. — Мы не можем допустить кровопролития.

— Вы получили благословение ордена на вмешательство, — подал голос молчавший до этого уорлдсингер. — При условии, что жертвы будут минимальными.

Флейр презрительно посмотрел на мага.

— Боюсь, дело зашло дальше, чем следовало.

— Сегодня не прольется ни капли крови! — раздался за его спиной громкий голос.

Флейр обернулся. Перед ним, облаченный в ночную рубашку, стоял, дрожа, король Юлий. Из коридора следом за правящим

монархом выскочил наследный принц Алфей.

— Ваше величество! — обратился к королю Флейр. — Вы больны, вам не следовало вставать с постели!

— Послушайте этих людей на площади, капитан! Они явились сюда по мою голову, — произнес король Юлий. — Нет республике с королем! Разве не таков был старый карлистский клич?

— В данный момент они думают вовсе не о республике, — возразил Флейр. — Они жаждут вашей крови.

Старый монарх устало опустился на трон.

— Молодой человек, думаю, я мог бы ею с ними поделиться прежде, чем болезнь лодочника сведет меня в могилу, и я отправлюсь в странствие по великому Кругу. Принесите мне маску и откройте балконную дверь!

Кронпринц откровенно перепугался.

— Отец! Не делай этого, тебе незачем перед ними унижаться!

— Алфей, мой мальчик, им нужен я!

— Ты старый безвольный глупец! — воскликнул кронпринц. — Ты хотя бы раз в жизни можешь ослушаться их? Откажись им повиноваться! Не делай того, что они от тебя требуют. Прояви характер! Неужели вместе с руками они лишили тебя мужества?!

— Алфей, мы властны лишь над обстоятельствами, но не над долгом. Вспомни о крови, что течет в твоих жилах! Наши предки почти тысячу лет защищали Шакалию. Они победили незримых богов и долгие столетия охраняли свой народ. Мы делаем то, что нам предначертано судьбой. Делаем то, что должны, а не то, что диктуют нам наши прихоти.

— Я ненавижу тебя! — крикнул принц. — Ненавижу твои сказки! Твой народ собрался на площади, чтобы разорвать тебя на части.

В глазах короля появилось задумчивое выражение.

— Принесите мне мою маску!

Флейр вздохнул.

— Принесите королю его маску. Бонфайр, Хардфолл, а вы немного успокойте толпу!

— Сейчас мы слегка пощекочем этих хэмблинов, — усмехнулся Бонфайр.

Ворвавшийся в открытые балконные двери порыв ветра взметнул бархатные накидки обоих гвардейцев. Бонфайр вскинул сжатую в кулак руку — из нее вырвалась вспышка лазурного света и скользнула по периметру ограждений Дворцовой площади. В отличие от огнестрельных орудий Особой Гвардии, бесплотная энергия Бонфайра не воспламеняла физические предметы и даже

не оставляла на коже жертвы следов ожога. Однако любому, на кого попал колдовской свет, казалось, будто он сгорает заживо, а мучения, которые он при этом испытывал, не шли ни в какое сравнение с болью обычного ожога.

В свое время Флейр всячески сопротивлялся приему Бонфайра в Особую Гвардию. Еще мальчишкой он незаконно прошел курс обучения в политической полиции — его готовили для работы в подразделении, занимавшемся арестами и допросами. Его колдовской огонь развязывал языки даже самым несговорчивым и упрямым. Бонфайр и сейчас получал немалое удовольствие от применения своего зловещего дара.

Ближняя к ограждениям часть толпы резко отпрянула назад, и Флейр кивнул Хардфолл. Та вышла на балкон и сжала руками виски. Еще мгновение — и тысячная толпа протестующих, заполонившая площадь, начала подниматься над землей. Люди отчаянно задергали ногами; вниз полетели башмаки и сапоги. На какое-то время негодующие крики смолкли; тишину нарушали лишь редкие стоны тех, кто все еще испытывал боль от мнимого ожога, вызванного «огнем» Бонфайра.

Дав толпе пару минут повисеть над землей на высоте около четырех футов, Хардфолл осторожно опустила людей обратно на брусчатку Дворцовой площади. В следующее мгновение на балкон усталой походкой старого больного человека вышел король Юлий с маской на лице. Наиболее ретивые бунтовщики — убежденные карлисты и республиканцы — ринулись вперед и принялись забрасывать престарелого монарха гнилыми фруктами и камнями. Лишенный рук король не сумел удержать равновесия и упал на колени. Это не остановило смутьянов, и побивание камнями продолжилось. Не устояв на коленях, Юлий повалился на пол. Однако усилия Хардфолл не прошли даром — ярость наиболее кровожадных сторонников республики не нашла поддержки у остальных мятежников. Потрясенная могуществом своих защитников-феев, толпа потихоньку начала редеть и расходиться. Повторной демонстрации магических способностей больше никому не хотелось.

Флейр был вынужден удержать принца, когда тот вознамерился оттащить отца с балкона. По лицу Алфея струились слезы.

— Мерзавцы, они убивают его! За что они нас так ненавидят?

— Он — символ, — пояснил капитан Флейр. — Для них он всего лишь символ, не более того.

Бонфайр с улыбкой вернулся в тронный зал. Он был явно доволен проделанной работой.

— Не волнуйся, парень. Архитекторы все предусмотрели,

расстояние от площади до балкона — приличное. В лицо его величества может попасть разве что пара случайных камешков. Скоро настанет и твой черед выходить на балкон. А с твоим отцом ничего не случится, даже если в него попадет пара пустых бутылок из-под джина. Во всяком случае, сегодня он не умрет.

Алфей смерил гвардейца полным ненависти взглядом.

— Было время, когда гвардия защищала короля от иноземных захватчиков, защищала народ от убийц и смутьянов.

Капитан Флейр вывел принца из тронного зала.

— Я тоже слышал рассказы вашего отца, Алфей. Оставьте его, я отведу его внутрь буквально через минуту, когда толпа окончательно насытится его унижением.

— Это были не просто истории, капитан, — возразил принц. — А теперь? Мы превратились в подобие царственных гусей, которых откармливают к празднику зимнего солнцестояния — этакая легкая закуска, призванная разжечь аппетиты черни. Вы можете бросить толпе кости моей семьи, чтобы эти хищники к вящему своему удовольствию поточили о них зубы. Всю жизнь меня держат в клетке как жертвенного тельца.

Флейр постучал по серебряному торку у себя на шее и кивнул в сторону похожих на ворон фигур вездесущих уорлдсингеров.

— Жаль, что ваши предки не доверяли феям, ваше высочество. Доверься старые короли Особой Гвардии, а не ордену, глядишь, и Киркхилл остался бы ярым приверженцем идеи монархии, а королевскую корону не пришлось бы хранить в ларце под креслом спикера в Палате Стражей.

— Чародеи сильны, — вот и все, что смог ответить на это Алфей.

— Когда им это выгодно, — язвительно произнес Флейр. — Разумеется, в нынешнем году в Шакалии не было бы никаких серьезных выбросов земли. Но в данный момент я почему-то не вижу никакого волшебного занавеса вокруг дворца. При желании пятицветочный уорлдсингер мог бы рассеять эту толпу с той же легкостью, что и любой гвардеец. Но, похоже, не в их привычках подвергать себя физической опасности, пока обстоятельства не вынуждают их к этому. Гораздо проще пестовать в массах предрассудки и неприязнь к меченым-фейбридам: бросить в темницу нескольких бедолаг и выдавать себя за единственных защитников Шакалии. Уверяю вас, подобный подход помогает им неплохо набивать себе карманы.

— Иногда я подумываю о том, чтобы свести счеты с жизнью, капитан, — признался Алфей. — Разве это не стало бы великим благом для народа? Я мог выйти на балкон и броситься вниз,

упасть прямо к их ногам. Единственная свобода, которую мне оставили. Решить самому, когда мне расстаться с жизнью.

Флейр снисходительно улыбнулся. Он не стал говорить, как трудно лишить себя жизни, не имея рук, тем более что орда уорлдсингеров готова в любое мгновение обездвижить короля или королеву, вознамерившихся лишить парламент его главного спортивного удовольствия.

— Прошу вас не делать ничего подобного, Алфей. У каждого из нас своя клетка и своя роль, которую мы вынуждены играть. Кроме того, жизнь обладает удивительным свойством удивлять нас, когда мы меньше всего ждем сюрпризов.

— Вас, капитан?

Гвардеец открыл дверь, ведущую в личные покои принца.

— Когда-то моя жизнь самым мирным образом протекала среди пустынных торфяников. Каждый день, на рассвете, я выгонял на пастбище овец. Жил в скромной пастушьей хижине, затерявшейся на просторах Пентшира. Так было до тех пор, пока на мой край не опустился гиблый туман, который навсегда изменил меня. То, что я повидал, став гвардейцем, не идет ни в какое сравнение с тем убогим жизненным опытом, какой был у меня, пока я питался бараниной с хлебом в горах близ Викморала.

Флейр собрался уходить, но Алфей вытянул руку и прикоснулся к его плечу.

— Прошу вас, капитан! Мне кажется, я смогу вытерпеть побивание камнями, но ради великого Круга, не дайте им отрубить мне руки!

— Ваше высочество, как говорится в народе, ложку не донес, а рот раскрываешь.

Верфей пыталась удержать Молли, пылавшую праведным гневом, от нападения на навигатора аэростата.

— Наемники, презренные наемники!

— Молли, им вовсе не нужны деньги за твою поимку, поверь мне! — пыталась успокоить отчаянно сопротивляющуюся подругу крабианка. — Я бы ни за что не привела сюда никаких наемников.

— Позвольте представиться, — вступил в разговор навигатор. — Мое имя Сайлас Никльби, и меня заинтересовала цена, назначенная за вашу голову, барышня. Но меня лично — я подчеркиваю, меня лично — не интересуют деньги, которые можно получить за вас в качестве награды, как, впрочем, и моего работодателя.

— Работодателя? — Молли на миг прекратила сопротивление.

— Рыжик, он лучший на Док-стрит, — пояснила профессор Харш, с изумлением наблюдавшая за происходящим. — Он работает в «Миддлстил иллюстрейтед ньюс».

— Так вы *писатель*? — удивилась Молли. Неужели кому-то взбрело в голову описать ее жизнь?

— Не найди мы тебя здесь, Молли, и мне бы пришлось писать о тебе как о последней жертве в череде зверских убийств, которые я расследую последние полгода. Надеюсь, ты слышала об убийствах в Питт-Хилл?

— Теперь мало кто из людей рискует показываться в Питт-Хилл после наступления темноты, — вспомнила Молли. — Конечно, я слышала про эти убийства. В газетах писали, что убийца — какой-то карлист, который ненавидит толстосумов. Будто он наносит удар по голове и вырезает глаза у своих жертв.

— Ты, Молли, не знаешь всей правды. Да, его жертвы — в основном люди богатые, состоятельные, — согласился Никльби. — Но, похоже, себе он забирает не только их глаза. Главное, он выпускает из них всю кровь. Всю, до последней капли.

— Вы ведь не думаете, что этот душегуб — тот самый старый злобный старикашка? — спросила Молли. — На вид он тоже из аристократов.

Профессор Харш искренне рассмеялась.

— Граф готов вонзить тебе в спину нож за мешочек серебряных крон, малышка, но он не работает ради любви к искусству. Его можно обвинить в чем угодно, но не в его привычках продавать себя дешево.

Никльби передал руль детандера профессорше.

— Это моя история, Молли. Я был первым, кто занялся темой самого первого убийства в Питт-Хилл, и с тех нор описываю все последующие. Вот я и стараюсь по возможности раскопать необычные, на первый взгляд незначительные подробности — на основании этого я пришел к выводу, что преступник поступает продуманно, он точно не лунатик, действующий в бессознательном состоянии. Есть здесь некая загадка. И я пытаюсь ее разгадать, найти связь между убийствами.

— Но при чем здесь я? — удивилась Молли. — Я не богата. Вы хотите узнать, кто натравил на меня графа, кто заказал ему мое убийство? Боюсь, для ответа на эти вопросы вам нужно обратиться к моим родителям.

— То же самое мне сказала и Верфей, когда я нашел ее, — признался Никльби. — До какой-то степени это верно, хотя я не думаю, что в твоем деле замешана тема наследства. У многих жертв душегуба с Питт-Хилл были рыжие волосы. Двое из них

были троюродными сестрами. Это навело меня на предположение, что тут каким-то образом замешаны семейные отношения.

— Но ведь убивали не всех до единого членов семьи, — заметила Молли. — Нет, тут что-то другое.

— Правильно рассуждаешь, — похвалил Никльби. — Любопытно, верно? Так же любопытно, как и то, что работный дом сгорел дотла, а вместе с ним и гора трупов — останки тех, кто был мертв еще до того, как пламя охватило здание. Почти все дети бесследно исчезли. В живых осталась девчонка, за голову которой назначена огромная награда — неслыханная сумму с тех самых пор, как король Ройбен прятался в лесу от сторонников парламента.

— Ничего не понимаю, — отозвалась Молли, чувствуя, как у нее на глазах закипают слезы. — Никогда не думала, что произнесу такие слова, но я действительно хочу, что все стало так, как раньше. Хочу тихую работу в прачечной на Хэндсом-лейн. Хочу в праздник Великого Круга ходить в народную библиотеку.

— Не в моей власти подарить тебе прошлую жизнь, Молли, — сказал Никльби. — Но теперь ты находишься под защитой газеты и под моей защитой тоже. Я могу предоставить тебе редкую возможность вместе со мной выяснить тайну душегуба с Питт-Хилл, а заодно узнать, кому выгодна твоя смерть.

Писатель протянул Молли руку, и девушка после секундного раздумья пожала ее.

Профессор Харш, глядя на них, рассмеялась.

— Если кто-нибудь из пишущей братии предложит подписать тебе договор, сначала покажи его мне, Рыжик. Иначе все кончится тем, что на обложке грошовой книжонки появится скверная иллюстрация, на которой тебя изобразят в окружении двух десятков убийц с топорами, а твои волосы нарисуют такими же длинными, как плащ воина Особой Гвардии.

Никльби согнул в локтях тощие руки, пародируя огромные мускулистые конечности Харш.

— Королева Песков, безжалостная, как гадюка, и стремительная, как ветер!

— Бедная, как церковная мышь, и не получившая профессорской должности в семи из восьми университетов, — добавила профессор Харш. — Правда, это никому не интересно.

Пока ее спасители продолжали подтрунивать друг над другом, Молли отошла в сторону и, встав рядом с Верфей, принялась разглядывать проплывавшую под ними местность. Обе девушки никогда раньше не летали на аэростате. Воздушный корабль, на борту которого они сейчас находились, проплывал по

исполинским пещерам, частично пустым, частично с руинами чимекских городов, чьи древние зиккураты поросли грибными деревьями. Они плыли вверх то по естественным воздуховодам, то по вентиляционным отверстиям явно искусственного происхождения, вырубленным в толще скальной породы. Примерно через час полета до обоняния Молли донесся тошнотворный запах, ни с чем не сравнимый как по части силы, так и омерзительности. Внизу, напоминая наплывы холодной, коричневой лавы, простиралось настоящее море какой-то омерзительной слизи.

— Готовь гелиограф! — приказала навигатору профессор Харш. — Если наши друзья не получат кодированного сообщения, они того гляди заподозрят самое худшее.

Никльби открыл ящик и, вытащив из него массивный, работавший на газе гелиограф, поджег осветительный механизм. Действуя рукояткой прибора, писатель принялся передавать вниз на землю сигналы. Через минуту из дальнего конца были получены ответные сигналы, отправленные с земли вверх, экипажу воздушного корабля. Вскоре аэростат подлетел ближе, и Молли разглядела очертания приземистой каменной крепости, высеченной прямо в скальной стене.

Никльби указал на огромные трубы по обеим сторонам цитадели, из которых в подземное море выбрасывалась зловонная грязь.

— Это форт Дерьмоу, Молли. Предприятие по переработке отходов человеческой жизнедеятельности и последний форпост Шакалии в здешних пещерах.

Стоило им приблизиться к крепости, как зловоние сделалось просто невыносимым. Молли обратила внимание на огромные пушки, чьи жерла были нацелены на аэростат. Толстые резиновые шланги тянулись от них к резервуарам с дурно пахнущим горючим газом. По периметру крепость патрулировали люди в противогазах, восседавшие верхом на остроклювах. К седлам крепились длинные пики. Расставленные на стенах и заряженные газом бомбарды устремили свои уродливые жерла в направлении моря нечистот.

— Они ждут нападения? — поинтересовалась Молли.

— Это война на два фронта, Рыжик, — вздохнула профессор Харш. — Гримхоупские изгои хотели бы попридержать городское дерьмо, хотя в последний раз им это удалось в годы правления короля Джуда. Добавьте к этому уборщиков нечистот и прочую шваль, обитающую на верхних этажах подземного города, те, кто видит в миддлстилском дерьме источник своего существования, которого их пытаются лишить.

Через считанные минуты «карманный» аэростат должен был пролететь над крепостью.

— Не понимаю, зачем так беспокоиться по этому поводу, — заметила Молли. — У нас в Миддлстиле своего дерьма хватает.

Профессор Харш передала ей шнур со свинцовым грузилом.

— Вот и я того же мнения. Сбрось его, когда мы окажемся примерно на одной высоте со зданием, главное, смотри никому не размозжи голову.

Группа техников спустила их вниз, и Молли увидела, что лица обитателей крепости скрыты жутковатого вида коричневыми противогазами, даже у четырехруких крабианцев. Над стеклами очков, рядом с серебристыми звездочками знаков различия, были трафаретом написаны имена. Молли уже собралась выпрыгнуть из гондолы, когда аэростат окружили три техника. Все трое держали в руках массивные фарфоровые резервуары, наполненные горючим газом, и резиновые шланги с металлическими наконечниками. Четвертый, восседавший верхом на остроклюве, прикатил тележку с анализатором крови. Пек, широко расставив птичьи лапы, нетерпеливо рыл когтями землю.

Соскочив со своего скакуна, техник внимательно посмотрел на Молли сквозь окуляры противогаза.

— Эта та самая девушка, которую вы искали?

Профессор Харш, выскочив из гондолы, ответила:

— Костлявое юное создание, сержант. Никакой мускулатуры.

— На сей раз никаких золотых статуй не привезли, профессор?

— Если вы, сержант, обнаружите в Глубинах Дуицилопочтли храм, который еще не обшарили до последнего дюйма осквернители гробниц, изгои и мусорщики, свистните мне.

Профессор первой прижала большой палец к иголке анализатора крови и стала ждать, когда небольшой транзакционный аппарат подтвердит ее личность.

— Вы соответствуете своему статусу, определенному переписью населения, Амелия, — сообщил ей техник с офицерскими нашивками. — Вы можете поручиться за ваших спутников?

— Они не покидали аэростата, — ответила Харш. — Даже не ступали на землю Глубин.

Молли нырнула под остроклюва, чтобы поближе посмотреть на анализатор крови. Что-то в движении барабанов-калькуляторов подсказало ей, что машина не в порядке и в конце месяца обязательно выйдет из строя.

Техник-сержант выключил бойлер анализатора.

— Там внизу полным-полно беглых меченых, барышня.

Всяких уродов, способных менять внешность. Уорлдсингеров-изгоев, которым ничего не стоит размять вашу кожу как пластилин и вылепить вам новое лицо. Так что осторожность не помешает.

Молли одарила техника своей коронной восхищенно-туповатой улыбкой, и, улучив момент, когда тот повернулся к ней спиной, щелчком отключила барабан анализатора. Теперь ремонтники при ближайшем осмотре наверняка обнаружат неполадку и заменят изношенные части машины.

В следующее мгновение ее окликнула Верфей. Молли обернулась и увидела, что писатель и профессор Харш уже направляются в крепость. Две створки толстых металлических дверей разошлись перед ними, словно зубы дракона. Едва они шагнули за порог, как частная линия пневматической системы подняла их на поверхность в служебной капсуле, в которой, правда, не было сидений. Капсула была переполнена техниками с завода и рослыми солдатами в противогазах и с пистолетами на поясе. От их одежды исходил канализационный душок и резкий запах пота скакунов-остроклювов.

Наружу они вышли у подножия Норт-Даунз, низких меловых холмов на границе окраин Миддлстила и комплекса Кристосойл. Здесь, покуда хватало глаз, под стеклянными куполами, призванными защитить от зловония нечистот жителей усадеб и богатых домов северного Миддлстила, простирались поля очистки сточных вод. Когда-то здесь были деревни, но город поглотил их, неуклонно двигаясь все ближе и ближе к реке.

Профессор Харш, прощаясь, пожала Никльби руку.

— Мне нужно дождаться коллег, чтобы упаковать аэростат и отправить его наверх. Полагаю, ваша газета займется гонораром, который мы с вами согласовали. Что вы на это скажете?

— То есть мне все-таки заплатят, я правильно понял? — задал встречный вопрос Никльби. — А вы продолжите заниматься поисками города?

— Я собираюсь в горы Эйрни, — ответила Амелия Харш. — Там в одном гнезде у летучих ящериц бытует легенда о том, как их охотники однажды наткнулись в небе на нечто непонятное. Хотелось бы узнать, что они там такое нашли.

— Университету это вряд ли придется по душе.

— Вот потому-то поездка и будет оплачена вашими деньгами, — ответила профессор. Она растрепала волосы Молли и похлопала по плечу крабианку. — Еще не поздно принять мое предложение, Верфей.

— Я привыкла к мостовым Миддлстила, и мне нелегко решиться отправиться вместе с вами в экспедицию, демсон, —

ответила крабианка. — Кроме того, мистер Никльби уже предложил мне работу в своей газете.

— Разносчиком газет? — улыбнулась Амелия Харш. — Дитя мое, это занятие куда более опасное, чем мои экспедиции. Да тебя на каждом углу от Док-стрит и до типографии будут поджидать разносчики таких конкурентов как «Стар». «Джорнал» и «Пост», чтобы подставить тебе подножку.

Верфей постучала по броне рукой-клинком.

— Никто не знает переулки и задние дворы так хорошо, как девушка из Сан-Гейт.

Молли одобрительно кивнула.

— Если передумаешь и не захочешь жить в дыму, — произнесла Амелия Харш, — то можешь всегда найти меня через преподавателей Сент-Вайн-колледжа.

Никльби повел девушек по лабиринту накрытых стеклянными колпаками зданий и гофрированных труб очистительного комплекса «Кристосойл пэлэс» — большая его часть была отведена под производство дистандерного газа. Его получали из канализационных стоков, остатки которых отправляли затем в недра земли. Для такой прозаической цели как отвод столичных нечистот здание было излишне помпезным — белые каменные стены, монументальные колонны, то там, то здесь открытые площадки, в нишах статуи.

— Верфей, о каком таком городе говорила профессор Харш? — полюбопытствовала Молли.

— О древнем Камлантисе, — ответила крабианка. — Она считает, что он был уничтожен при выбросе земли, и его развалины парят где-то высоко в небесах.

Ответ Верфей вызвал у Молли смех.

— И как она собирается подняться на такую огромную высоту? Воспользуется стадом хорошо обученных летучих свиней?

— Это говорит будущий председатель Королевской академии наук? — произнес Никльби.

В следующее мгновение им всем пришлось уступить дорогу отряду техников с черными канализационными шестами. Затем писатель указал на механическую повозку, стоявшую в тени какого-то здания, — шестиколесную машину, явно привезенную из земель Катосианской лиги. Ее мощный часовой механизм значительно превосходил по качеству грубые копии шакалийского производства, что с громким лязганьем колесили по сдобренным лошадиным навозом улицам Миддлстила.

— Вы можете позволить себе такую роскошь? — Молли

смерила Никльби подозрительным взглядом. — Вы пишете в газету или вы ее владелец?

— Я также и пишу, Молли, — с загадочной улыбкой ответил Никльби.

Верфей и Молли не без труда устроились на заднем сиденье, обтянутом красной кожей. Раздвижная крыша кабриолета была опущена и покоилась сзади. Машина взяла с места, и Молли почти физически ощутила напряжение амортизационных пружин сиденья. Ей почему-то вспомнилась картинка, — возможно даже из «Иллюстрейтед», — изображавшая Стража, выступающего против пользования механическими повозками. Политик вылетал из облака осколков взорвавшегося часового механизма и падал на пол парламентского зала со словами: «Господа, обратите внимание на мое небезопасное сиденье!» Впрочем, взрывались лишь шакалийские имитации таких повозок. В подавляющем большинстве случаев.

Никльби вез девушек по красивым бульварам мимо величественных зданий и особняков Хэггсвуда. Судя по всему, только что закончились занятия в школах, и дети в красно-коричневой форме направлялись домой, некоторых из них вели за руки бонны в строгих черных платьях.

Держа одной рукой расположенный между ног руль, второй Никльби вытащил из кармана трубку для курения мамбла. Открыв дверь машины, он выбил пепел прямо на мостовую, после чего набил ее серыми конкорцианскими листьями. Продолжая вести механическую повозку и проскользнув между двуколкой и телегой молочника, писатель закурил. Совершенный машиной маневр не на шутку напугал Молли. Еще бы — они ехали со скоростью не менее двадцати миль в час, и пока Никльби закуривал, он сжимал руль одними коленями! Верфей наклонилась к уху подруги и шепнула:

— Он всегда так поступает!

Улицы с рядами деревьев сделались уже, а богатые особняки с фасадами из ложного мрамора сменились непосредственно миддлстилскими домами. Молли показалось, что она увидела поднимающийся с восточной стороны дым, черные маслянистые облака между пневматическими башнями Сан-Гейта, и чаек, парящих в потоках теплого воздуха.

Стоило им подъехать к деревянному шлагбауму, перегородившему дорогу, как предположения девушки подтвердились. Трое полицейских, два констебля и бригадир, вежливо кивнули Никльби. Любой водитель, сидевший за рулем дорогого заграничного транспортного средства, заслуживал дополнительной порции любезности.

— Какое-то дорожное происшествие, бригадир? — осведомился Никльби.

— Можно сказать и так, сэр. Союз портовых рабочих взбунтовался. Четыре других союза выступили в поддержку, и теперь страсти разгораются возле королевского дворца, а также в Палате Стражей. — Полицейский указал на дорогу. По улице шла колонна крабианцев, по трое в каждом ряду. Их грудные пластины были раскрашены в черный цвет. В руках — круглые металлические щиты с эмблемой национальной полиции и острыми шипами в центре.

Верфей привстала на сиденье и помахала им рукой.

— Это тяжелая бригада с Эко-стрит.

Молли посмотрела вверх — над улицей нависла тень аэростата. Девушка даже сумела прочесть его название — «Решительный».

— Священный Круг! — удивленно воскликнул Никльби. — Если парламент не заседает, то кто же отдал приказ задействовать воздушный флот?

Один из констеблей растерянно посмотрел на него.

— Хэм-Ярд поддерживает постоянную связь с Первым Стражем, сэр. Мы получали указания из его загородной резиденции по системе кристаллосвязи. В случае необходимости нам приказано вызвать армейские части из форта Холлоден.

— Но Хоггстон не стал бы отдавать приказ флоту в год выборов, — заметил Никльби. — Роареры и хартлендеры уничтожат всех пуристов.

На массивном брюхе аэростата открылись дверцы, и оттуда показались металлические клетки, заполненные сверкающими стеклянными бомбами с плавниками стабилизаторов.

— Они готовятся к бою, — прошептал констебль. Он явно не верил глазам.

— Мы еще никогда не бомбили Миддлстил, — заметил Никльби. — Даже в худшие дни карлистских мятежей.

Прохожие на улице остановились, и, открыв рты, принялись наблюдать за удаляющимся кораблем. Тот устремился на восток, в направлении реки и портовых сооружений.

— Красные наконечники, — произнес непонятную фразу Никльби.

Молли смерила его удивленным взглядом. В глазах писателя блеснули слезы.

— Красные наконечники? Что это такое?

— Красные для зажигательных бомб, Молли. Зеленые — для газовых. Синие — для разрывных и шрапнельных. Во время Двухлетней войны меня призывали на военную службу в

информационный отдел флота. Как раз при мне сравняли с лицом земли Норлей и другие промышленные города Содружества Общей Доли. Вот уж не думал, что такое случится снова. Во всяком случае, в моей родной стране.

Из груди собравшихся на улицах Миддлстила людей вырвался удивленный возглас — это вдали прогромыхал взрыв, от которого содрогнулась земля. Дернулась и их механическая повозка. Никльби и его спутницы невольно напряглись. Грохот затих. Над городом повисла тишина. По улице все также дисциплинированно двигался в соответствии с заданным направлением легион полицейских-крабианцев. Они даже не сбились с шага. Правда, Молли усомнилась, что от стражей порядка будет польза, когда те окажутся на месте бомбардировки.

Никльби проехал немного вперед и свернул в какой-то переулок.

— Куда мы едем? — спросила Молли.

— Куда же еще можно ехать, когда происходит что-нибудь важное? На Док-стрит, разумеется.

Вытащив пистолеты, капитан «Решительного» и его помощник, оба в красных мундирах королевского военно-воздушного флота, припугнули экипаж бомбового отсека.

— Быстро на свои места, бездельники! — крикнул первый помощник.

— Это не бунтовщики, — возразил один из авиаторов. — Я ни у кого из них не видел в руках даже вил, не говоря уж о винтовках.

В проходе появились еще несколько солдат, прибежавших с нижней палубы. Они попытались проскользнуть между двумя офицерами.

— У капитана имелся приказ, — пояснил первый помощник. — Приказ, который поступил из Палаты Стражей и Комиссии адмиралтейства.

— Вы его видели? — стоял на своем все тот же авиатор.

— Тогда покажите нам письменный приказ! — потребовал его товарищ.

— Хватит изображать из себя казарменного адвоката, Пембертон! — рявкнул капитан. — Я застрелю первого, кто сделает хотя бы шаг вперед!

Авиатор помахал зловещего вида погрузочным крюком.

— У вас только два пистолета. Этого хватит только на двоих из нас.

— Для тебя уж точно хватит, парень! — угрожающим тоном произнес первый помощник.

Капитан выбрал среди столпившихся в проходе авиаторов самого нерешительного и приказал:

— Быстро приведи сюда старшего пилота! Живо!

Дориан Кемп, старший пилот королевского воздушного корабля «Решительный», лежал рядом с пистолетом, при помощи которого он только что свел последние счеты с жизнью. В открытый люк врывался ветер, выстуживая кровавые ошметки мозга, которыми было заляпано все вокруг.

Рядом с остывающим телом покойного радостно отплясывал джигу двухголовый карлик. Одна из голов имела обычный размер, вторая была маленькой, сморщенной, как головенка куклы.

— Залез в его башку и хлоп! Залез в его башку и хрясь!

Его спутник с жалостью посмотрел на жуткое создание, отплясывавшее возле трупа. Если бы не воля великого Крута, этим же путем пошла бы половина Особой Гвардии.

— Ты сделал хорошую работу, брат. Бомбардировка закончена. Пора уходить.

— Для этого мне пришлось лишь потренироваться на тюремных крысах, — хихикнул двухголовый. — Я заставлял их вставать на задние лапы и танцевать. Они даже воевали у меня. Мои славные крыски выстраивались в две шеренги и забрасывали друг друга камнями.

— Хватит игр с крысами, братишка. Теперь ты сможешь заниматься хэмблинами, — сказал его товарищ, чья кожа начала лучиться колдовским светом. — У тебя будет все, что только пожелаешь.

— Ты ведь не станешь снова бросать мен я в тюрьму? — взмолился карлик.

— Конечно, нет, — солгал его напарник, сгребая урода в охапку. — Не раньше, чем будет завершена работа. Раз уж взялся за дело, то будь добр доведи его до конца.

Выбросив мощный заряд энергии, он вместе со своим крошечным спутником вылетел из воздушного корабля, презрительно захлопнул за собой люк и исчез среди черных облаков копоти, поднимающихся с истерзанной взрывами земли. После того как пролетавший над городом корабль сбросил свой смертоносный груз, портовые сооружения Миддлстила превратились в сплошную стену огня.

Двадцать пятый этаж задания, на котором размещалась редакция газеты «Миддлстил иллюстрейтед ньюс» являл собой воплощение хаоса. Меж письменных столов сновали сотрудники, а стрекот металлических пишущих машинок — устройств,

переносивших залпы букв и слов на перфорированные карточки — временами перекрывал доносившиеся из открытых дверей шум и крики. В этом нескончаемом гуле Сайласу Никльби приходилось почти кричать, обращаясь к Молли.

— Нужен комментарий Комиссии адмиралтейства.

— В больницу Таргейтского округа поступают тела пострадавших и раненых.

— Никаких комментариев.

— Печатники требуют увеличения заработной платы.

— Отправьте кого-нибудь к резиденции Первого Скайлорда. Пусть ждет у порога.

— Заплатите!

— Интервью. Прямо сейчас.

На фоне оглушительного шума и беспорядочных передвижений людей возникла странная фигура на костылях. Дородное тело инвалида раскачивалось как некий непристойный маятник. Пронзительные недобрые глаза с интересом изучали творившийся вокруг кавардак. Это был он, вне всяких сомнений — редактор и владелец газеты. Молли вспомнилась карикатура на Габриеля Брода, появившаяся вскоре после того, как уличное отребье переломало ему ноги. Он негодующе потрясал костылем в сторону здания суда. «Истина не нуждается в костылях» — гласила надпись в пузыре, что вырывался у него изо рта.

— Пойдем со мной, парень! — прогромыхал он на всю комнату и подошел к одному из редакционных работников. — Миддлстил удивился воздушному налету? Это я удивляюсь тому, что вы, пьянчуги, вовремя приходите на работу. Я удивился бы, если бы моя жена поднесла мне бокал теплого джина прежде, чем поправить мне одеяло перед сном. Когда я вижу, как наш собственный, будь он проклят великим Кругом, аэростат сбрасывает бомбы на столицу нашей великой и славной страны, я, сэр, не удивляюсь. Я содрогаюсь. Я возмущен чудовищностью случившегося. Немедленно перемени заголовок. Если я еще раз увижу нечто подобное на одной из моих внутренних страниц, то удивлю тебя — вытащу карточку из архива и брошу в огонь, которым все еще охвачен весь восточный берег реки. Ты меня понял?

Хозяин газеты оставил журналиста дрожать от испуга, а сам выхватил глазами из толпы Никльби и Молли и направился к ним. Его костыли лязгали по полу подобно шпагам дуэлянтов.

— Привел ко мне новенькую бродяжку, Никльби? Я, пожалуй, на следующей неделе подам заявление в Гринхолл. Пусть они там перерегистрируют нашу газету как благотворительную крутовистскую организацию.

Верфей уже куда-то успела исчезнуть с газетной полосой, которую следовало отнести к печатникам, однако у главного редактора, очевидно, была неплохая память. Молли и ее спаситель последовали за владельцем газеты в его кабинет с огромными круглыми иллюминаторами вместо окон. Посмотрев в один из них, Молли увидела, как над дальним краем города поднимается дым. Дверь закрылась и отсекла царивший за порогом кабинета несмолкаемый шум. До слуха девушки даже донеслось мягкое журчание воды в резиновых стенах здания.

— И у стен есть уши, верно? — усмехнулся редактор. — Эта та самая девчушка? В настоящее время, моя дорогая, я могу получить денег за твою голову больше, чем выручу за продажу моей газеты.

— Странный, старый мир, — проговорила Молли.

Брод посмотрел в иллюминатор на затянутое дымом небо.

— Именно так, моя дорогая. В противном случае моей газете было бы не о чем писать.

— Я вам уже говорил, что за убийствами в Пит-Хилл стоит не какой-то там безумный лунатик, — сообщил Никльби. — Молли являет собой живое свидетельство моего предположения. Я уверен в этом.

— Нам нужно найти недостающее звено, — отозвался Брод, — которое связывает представителей знати с тем, кто выцеживает из жертв всю кровь до последней капли.

— Вы защитите меня? — задала вопрос Молли. — Поможете мне отыскать истину?

— Истина имеет цену, — ответил издатель, приподняв костыли. — Она вытягивает денежки и у тех, кто слишком долго таращатся на нее, и у тех, кто слишком ревностно ее ищет, верно я говорю, Никльби? — Брод многозначительно посмотрел на писателя. Тот пожал плечами и отвернулся. — Вот этот парень обладает превосходным нюхом на сенсации, в моей газете он лучший. Если кто и способен помочь тебе выяснить, почему за твою рыжую головку Стражи назначили такой неслыханный выкуп, так это Сайлас Никльби. Что касается защиты, разве мы не платим дамочке — книжному червю с мускулами амазонки?

— Она получает лишь гонорары, как самый обычный поисковик, — ответил Никльби. — К тому же сейчас она за границей.

Издатель покачал головой.

— Не иначе как ищет для нас новые сенсации. Что касается тебя, то я всегда могу найти парочку громил из шайки воров для охраны печатной фабрики, которые будут следовать за тобой как тень.

Никльби тоже покачал головой.

— Анонимность в данном случае — лучшая защита, Габриель. Никто из убийц, охотящихся за Молли, пока не знает, что сейчас она здесь. Стоит тебе поставить у моих ворот вооруженную охрану, как рано или поздно о ней станет известно уличной швали. Люди начнут задавать всякие вопросы.

— Пусть, — ответил Брод. — Этот старый моряк, что ошивается у тебя в доме, надеюсь, он умеет пользоваться усмирительной дубинкой?

Раздался стук в дверь, и на пороге, держа в руке какую-то записку, появился запыхавшийся курьер.

— Комиссия адмиралтейства отрицает, что «Решительный» получал приказ лететь в Миддлстил, не говоря уже о какой-то бомбардировке. Комиссия отправляет воздушные корабли «Аметист» и «Поборник» для сопровождения «Решительного» обратно в Шэдоуклок. В случае неподчинения, отдано распоряжение сбить аэростат.

— Дьявол всемогущий! — воскликнул Брод. — Дуэль над городом. Нужно сказать печатникам, чтобы готовили второй тираж. Никльби, ты когда-то общался с авиаторами, что ты скажешь об этом заявлении Комиссии?

— Капитана вздернут на виселице, если он посмеет проявить самовольство в отношении подчиненной ему команды, — ответил Никльби. — Без письменного приказа Комиссии старший пилот не имеет права изменить даже порцию джина для членов экипажа.

— Эти парни не иначе как рехнулись! — воскликнул Брод. — Отправь людей в таверны, где собираются авиаторы с воздушных кораблей, узнай имя старшего пилота «Решительного»! Выясни о нем все, что только возможно, — не лаял ли он, нет ли в анализе его крови признаков склонности к лунатизму и все такое прочее.

— Великий Круг! — отозвался Никльби. — Наш собственный город. Никак не могу поверить в это, все как во сне.

— Более похоже на кошмар, верно? — усмехнулся Брод. — Мы обязательно докопаемся до истины, и кому-то точно придется поплатиться за это головой.

— Из-за статьи в вашей газете? — удивилась Молли.

Брод наморщил лоб и взял в руки газету.

— Ее легко принять за пару листов, изготовленных из древесной кашицы, моя дорогая, но мы подобной ошибки не допустим. Это никакая не газета, а оружие, настоящее оружие. Столь же мощное, что и этот паршивый воздушный корабль. Да что там! Оно способно на большее, нежели бомбардировка целого жилого квартала. Оно способно воспламенить в народе

воинственный дух. Оно может, когда люди заходят в кабинку для голосования, качнуть мнение народа в том или в ином направлении. Может даже дойти до сердца городского отребья, и, проникнув под землю, показать жизнь подземного мира так, что все увидят его во всей красе с его изгоями, червями и нечистотами. Газета способна истребить вонь и пот любой фабрики со Столлвуд-авеню и швырнуть их в уютный пятиэтажный дом какого-нибудь государственного служащего. Она может совершить поступок беззаветной храбрости и изобразить его проявлением величайшей глупости, выбрать из толпы какого-нибудь идиота, возвеличить его и пустить расхаживать павлином по коридорам парламента.

— Но она взимает свою цену, Молли, — добавил Никльби.

— Только не сегодня, — возразил Брод, указывая на силуэт «Решительного», по-прежнему окутанный клубами черного дыма. — Сегодня город заплатил за нас по всем счетам.

Граф Вокстион допил остаток бренди из большого бокала. Как и полагалось, напиток оставил золотистые следы на внутренней поверхности хрусталя. В запасе осталось всего три бутылки урожая 1560 года. Когда в результате революции дворянство было изгнано за пределы Квотершифта, карлисты захватили в его винном погребе все, что там находилось. Замок графа смутьяны сожгли дотла, его семью арестовали, крестьян выбросили из их домов и — что было абсолютно бессмысленно — подожгли амбары с зерном. За одну ночь он лишился всего, что у него было, всего, чем он так дорожил.

В библиотеку вошел Кауард. В руках его был обернутый в коричневую бумагу сверток.

— Надеюсь, вы не предаетесь грустным мыслям, сэр.

Граф позволил крабианцу взять у него пустой бокал.

— Я ловлю себя на том, что мне все труднее сосредоточиться на словах, напечатанных типографской краской, старый панцирь. Я не уверен, вызвано ли это моим слабеющим зрением или тем, что я слишком часто погружаюсь в воспоминания.

Крабианец положил сверток на журнальный столик.

— Ваша борода и мой панцирь белеют одновременно, сэр.

— Помнишь холмы близ Эстреала, Кауард? Тогда на твоем панцире появилось несколько трещин.

— Во время войны короля со Свободным Государством Паровиков? — уточнил крабианец. — Отчего не помнить, прекрасно помню, сэр. Кавалерия вступила в бой с рыцарями-паровиками, заведомо обреченная на поражение. Полковник Вельтард был убит на полном скаку, сражен залпом огнемета.

— Он никогда не отличался умом. Был храбр, как лев пустыни, но глуп, — ответил граф. — У него была прелестная жена, такая же бесстрашная, как и он сам. Насколько мне помнится, ей дали возможность сказать последнее слово, прежде чем отвести к Гидеонову Воротнику. Она стояла на эшафоте и минут десять проклинала толпу, прежде чем карлисты лишили ее жизни.

— К счастью, полковник был избавлен от этого зрелища, сэр, — заметил Кауард.

— Верно, — согласился граф. — Какой мы были бы прекрасной парой, старый панцирь. Сидели бы себе на берегу реки в Вокстионе. Удили рыбу и наблюдали за тем, как наши внуки бросаются друг в друга камешками.

— Насколько мне помнится, вы любили бросаться камнями в меня, сэр, — напомнил Кауард.

— Просто я был любопытным мальчишкой, — сказал в свое оправдание граф. — Мне нравился звук, с которым камни отскакивали от панциря. Но ты тоже хорош. Помнишь, как ты тыкал в меня своей чертовой рукой-лезвием, когда в полковой казарме мне дали койку прямо над твоей. Да еще притворялся, будто делаешь это во сне.

— Теперь моя рука-лезвие затупилась, сэр.

Граф потянулся за свертком и принялся снимать с него обертку.

— А по-моему, она все так же остра. Насколько я понимаю, это доставил специальный курьер, верно?

— Как и все прочее, сэр.

Крабианец взял лежавшее в свертке зеркало и отступил назад. При этом поверхность зеркала замерцала, как будто ее обдало жаркой волной огня, и на ней проступили смутные контуры человеческого лица.

— У вас есть какие-нибудь новые сведения для меня? — спросило оно. — Что слышно о девчонке?

— Я выследил ее, — ответил граф Вокстион. — Однако ваше требование доставить ее живой становится проблематичным. Было бы проще доставить ее мертвой. Она находилась у меня в руках, но ее освободила команда конкурентов.

— Конкурентов? — удивилась тень в зеркале. — Послушайте, старина, никаких других специалистов на поиски девчонки мы не отправляли. Других претендентов на награду нет.

— В общем-то, я так и предполагал, — признался граф. — Это облегчит мне поиски места, где она сейчас прячется. Прежде чем я снова выйду на след, мне нужно понять, каким мотивами руководствовались те, кто ее спас.

— Это не ваша забота, — ответила тень. — Вам нужно лишь найти ее и переправить туда, куда следует.

Граф Вокстион покачал головой.

— Она всего лишь обычная бродяжка из приюта. Если хотите получить ее мертвой, то подождите, пока она слегка повзрослеет. Через три года джин превратит ее печень в труху. Через пять она окажется на смертном одре из-за туберкулеза или другой столь же малопочтенной болезни.

— Я сохраняю заказ за вами исключительно из-за ваших способностей первоклассного охотника, — заявила тень. — А вот без ваших философских размышлений относительно проблем шакалийского общества я обойдусь. В какой части Миддлстила она могла спрятаться, ускользнув от вас?

— Вряд ли она сейчас в Миддлстиле, — высказал предположение граф. — По всей вероятности, сейчас она находится в подземном городе, в Гримхоупе. Кстати, следует заметить, что Молли Темплар заслуживает всяческого восхищения. Ей не занимать силы духа и незаурядной изобретательности. Думаю, ей бы многие позавидовали.

— Гримхоуп! — прорычала фигура в зеркале. — Девчонка действительно была в подземном городе? Почему вы своевременно не сообщили мне об этом?

— Как вы только что любезно упомянули, — сказал граф, — ваше вознаграждение зависит исключительно от успешной поимки этой самой девчонки. Мне ничего не было обещано за отправку ежедневных донесений о том, как идут мои поиски. В Сан-Гейте ваши грошовые убийцы мне так и не пригодились. Если же я должен отправить Хэм-Ярд по следу трупов работного дома, чтобы затем легавые вышли и на мой след, я сообщу об этом вашим громилам. В противном случае, я буду работать так, как привык, один и без всяких помощников.

— Не испытывайте мое терпение слишком долго, старый солдат, иначе эти люди займутся вами.

— При старом режиме я был не просто маршалом, — ответил на это граф, — я был первым дуэлянтом королевского двора. Вы не первый клиент, кто пытается заново обговорить условия нашего соглашения после того, как я уже взялся за дело. Если у вас возникнет желание подослать ко мне кого-нибудь из ваших головорезов, то лучше заранее убедитесь в том, что вы желаете в дальнейшем иметь со мной дело. Я верну вам их прах в бутылках из-под вина из моего старого погреба.

— Приведите мне эту девчонку! — приказало зеркало. — Не упустите в очередной раз Молли Темплар!

От поверхности зеркала начал подниматься пар — это

утрачивало силу колдовство уорлдсингера. Еще минута-другая, и оно станет совершенно бесполезным, годным разве на то, чтобы быть выброшенным на свалку.

— Ответьте мне на последний вопрос, — поспешил спросить граф. — Вы случайно не отец девчонки?

Зеркало издало звук, похожий на треск охваченного огнем полена и замолчало.

— Сомневаюсь в этом, — произнес граф.

— Отнести зеркало вниз, сэр? — спросил крабианец.

— Конечно, старый панцирь. Выбрось его вместе с другими.

— Странно, что этот джентльмен так и не научился общаться при помощи здешней превосходной системы кристаллосвязи.

Граф снова взял в руки книгу, которую читал до этого — «Стратегия войн за объединение». Автор сего опуса был малоизвестный аристократ из империи Киккосико.

— Наш клиент, Кауард, ворочает куда большими деньгами, чем любой шакалийский владелец шахты. Но вот джентльменом его никак не назовешь.

— Как скажете, сэр, как скажете.

— Я устал каждый раз слушать, как местные распевают «Шакалийского льва» в конце каждой дурацкой игры. Вот уж кому давно пора проиграть войну и обрести хотя бы толику смирения. Думаю, как только мы получим от нашего клиента деньги, то совершим вояж в одну из колоний. Посмотрим, что сможет нам предложить побережье Конкорции.

— А не поздно ли начинать новую жизнь, сэр? — заметил крабианец.

— Не знаю, Кауард. Земля там дешевая. Купим себе имение и замок где-нибудь на берегу реки. Поселим у себя ссыльных, юных карманников и конокрадов. Станем, как в старые добрые дни, наблюдать за тем, как они будут обрабатывать землю и удить в реке рыбу.

— В старые добрые дни мы не вели войну против детей, сэр, — возразил Кауард. — Мы не охотились за юными девчушками.

— Не путай наши сегодняшние вынужденные обстоятельства со славным прошлым, дружище, — парировал граф. — Здесь, в Шакалии, мы эмигранты, изгнанники, вынужденные жить в стране лавочников. Войну мы здесь не ведем. Мы занимаемся коммерцией.

Крабианец убрал бутылку бренди в шкаф и запер стеклянную дверь. Обернувшись, он увидел, что старый аристократ уснул в кресле. Кауард накрыл его ноги пледом.

— Лично я предпочел бы войну, — прошептал он и вышел из

комнаты.

Глава 11

Прошла целая неделя с тех пор, как Оливер и пройдоха Гарри Стейв сменили уют яхты на сырость и холод продуваемых всеми ветрами папоротниковых лесов и торфяников, протянувшихся через весь Энджелсет от Юхеда до окраин Шэдоуклока. Чтобы избежать анализаторов крови и полицейских кордонов, они держались в стороне от королевских дорог и застав, предпочитая двигаться по глуши и бездорожью.

Обработанной земли им встречалось на удивление мало. Граница с Квотершифтом проходила рядом, всего в нескольких милях к востоку. Присутствия проклятой стены, а также постоянного зловещего свиста, возникшего в результате магического искусства уорлдсингеров, густо напитавшего воздух, было достаточно, чтобы опустошить любую деревню, которую не разорили во время Двухлетней войны. Иногда Оливеру казалось, что теперь он настоящий изгой. Они с Гарри избегали человеческого общества и, едва заметив далекую тень патрульного аэростата, старались при возможности побыстрее нырнуть в какое-нибудь неприметное место, будь то лес, подлесок или овраг. Даже летом вересковые пустоши, по которым пролегал их путь, были унылыми и безлюдными. Ночами здесь холодно, а днем путникам лишь изредка попадалась одичавшая лошадь или вольный странник небес ястреб.

Когда они находили ручей, то пополняли запас пресной воды. Гарри кипятил ее и варил похлебку из солонины, которую положила в их дорожные сумки демсон Лоуд. Она также дала им в дорогу полную джина глиняную бутыль с серебряной пробкой в виде бычьей головы. Следовало отметить, что огненная вода немного помогала им согреться, прежде чем они засыпали в палатке, которую днем тащил в своей сумке Оливер.

Юноша также захватил с собой газету со статьей о жутких убийствах в Хандред-Локс. Когда Гарри отходил в сторону и занимался своими делами, он разворачивал газету, чтобы в очередной раз изучить следы своей прошлой жизни, запечатленные в газетных строчках. С трудом верилось, что монотонная работа по дому и незримые оковы принудительной регистрации относились к нему, а не к кому-то другому.

Палатка, которую тащил Оливер, представляла собой необычного вида изделие — нечто вроде огромного лоскутного одеяла из кусков зеленой, коричневой и черной материи. Гарри объяснил, что пестрый узор разработан при помощи транзакционного устройства специально для того, чтобы издали

палатка производила впечатление нерукотворного предмета, полностью сливалась с окружающей местностью. При близком ее рассмотрении Оливер чувствовал, как у него начинает болеть голова. Как-то раз, когда они подошли к развалинам заброшенной деревушки, к которой почти вплотную придвинулся лес, юноша предложил заночевать под крышей одного еще довольно прочного на вид дома.

Гарри отрицательно покачал головой.

— Люди не просто так покинули это место, Оливер. К концу Двухлетней войны Содружество Общей Доли растеряло боевой дух. Вторжению был дан отпор, крупные города после бомбардировки королевскими аэростатами лежали в руинах. Атаки частей народной армии кончились неудачей. Восстание карлистов в Шакалии было подавлено. И тогда Квотершифт развязал войну с применением магических средств. Уорлдсингеры наводили чары на снаряды, начиненные спорами чумы и частичками вырвавшейся на поверхность земли. Они также задействовали свое тайное оружие. Длинного Тима.

— А кто такой этот Длинный Тим?

— Так звали изобретателя. Тим Престлон, мехомант, создатель длинноствольной паровой пушки. Одна такая махина выставлена возле казарм приграничного кавалерийского полка. Длина ее ствола равна высоте миддлстилского счетного дома. Во время военных действий Содружество вело обстрел Энджелсета из самого Перлеса.

— Война закончилась за восемь лет до моего рождения, Гарри, — заметил Оливер. — Вряд ли эти развалины представляют собой опасность.

— В планы Содружества не входило играть в детские игры, Оливер. Они заряжали снаряды не шрапнелью и не соком самострельных деревьев, а дьявольским зельем, сваренным уорлдсингерами. От него люди заболевали самыми разными болезнями, которые косили их, как эпидемия чумы. Ну а земляные частицы вызывали превращения — такие же, как при воздействии гиблого тумана, но при этом у тех, кто стал их жертвой, не оставалось ни малейшей надежды на выздоровление. Для того чтобы нейтрализовать действие заразы, ордену потребовались долгие месяцы, но за это время десятки тысяч жителей графства умерли в жутких мучениях. Какая-то ее часть могла сохраниться в этих развалинах. Так что лучше не рисковать.

— Но ведь шакалийцы победили в Двухлетней войне.

— Да, наши грехи помогли нам одержать победу. Особая Гвардия разнесла вдребезги Длинного Тима, а мои люди помогли

Тимлару исчезнуть. Ему предоставили теплую уютную темницу в тюрьме Небесного Суда. Негодованию парламента не было границ, что позволило Первому Стражу протащить билль о пересмотре закона о войне от 1501 года. Королевские аэростаты сравняли с землей Рейдокс, второй по величине город отщепенцев. Говорят, будто исходившее от трупов зловоние чувствовал своим носом даже Бог-Император по ту сторону киккосианской границы. Парламент отправил в Первый Комитет список городов и деревень, которые каждые два дня следовало подвергать воздушным газовым атакам. Первым в списке стоял Рейдокс. На следующее утро мы согласились подписать перемирие, о котором нас спешно попросил противник.

— Это ужасно, Гарри.

— Что поделать, старина, Но ведь я скальпель, а не хирург. Что я мог знать об этом? Может быть, Небесный Суд действительно мог остановить войну, но мы всегда боялись проявлять излишнюю суровость за пределами Шакалии. Мир слишком велик, слишком сложен, чтобы мы могли позволить себе действовать с позиций всевластного жандарма в отношения всех этих крошечных королевств и малых народов. Когда имеешь дело с динамикой толпы, невозможно поймать волка, не покалечив стадо. Если бы наши мыслители достаточно рано уловили эту тенденцию, то нам, возможно, удалось бы заключить договор с Беном Карлом, и он стал бы преуспевающим журналистом Докстрит. Как знать, может, мы смогли бы поставить том «Общества и общего дела» на заднюю полку в публичной библиотеке, и тогда Палате Стражей не нужно было бы включать эту книгу в список запрещенных.

— И все равно ее кто-нибудь написал бы. Не он, так кто-то другой.

— Что главнее — человек или поступок? — задал риторический вопрос Гарри. — У тебя острый ум, Оливер. Твое прозябание в тени Тоби-Фолл-Райз было пустой тратой времени. Если мы успешно выберемся из этого дерьма, я постараюсь что-нибудь для тебя сделать. Подумаю о твоем будущем.

— Неужели Небесный Суд берет под свое крыло меченых?

Гарри ободряюще подмигнул ему.

— Ты удивишься, когда узнаешь, какие люди значатся в расчетной книжке Ловца волков. Они даже меня приняли.

Путешественники отправились дальше. Они шли мимо заброшенных деревень и дорог, поросших высокой, по колено, травой и кустами ежевики, избегая тени маячившего вдалеке аэростата и силуэтов всадников в красных офицерских мундирах, что патрулировали горы и долины. На седьмую ночь путешествия

Оливер устроился на ночлег, забравшись в теплый спальный мешок. Перед его мысленным взором плясал образ дяди Титуса, словно незримые кукловоды Небесного Суда дергали его за веревочки, заставляя дядюшку отплясывать джигу, вопреки его собственной воле.

В сон Оливера в очередной раз попытался проникнуть Шептун. Юноше казалось, будто на грудь ему всей своей огромной массой давит одиночество хоклэмского пленника. Сон еще не оформился окончательно, чтобы Шептун смог окончательно в него ворваться. Для этого требовалось обретение некой реальной субстанции, присущей пространству сновидения.

— Оливер! — прошипел Шептун. — Я не могу пробиться к тебе!

— Что ты сказал? — крикнул Оливер в пустоту.

— Она находится где-то рядом. Клянусь всем святым, она приближается сюда!

— Кто, Шептун? О ком ты говоришь? Кто приближается?

— Она! ОНА! По сравнению с ней я всего лишь капля воды в океане, песчинка в урагане. О, Великий Круг! Ее превосходство — делает меня — микроскопическим животным в желудке — вселенной. Таким крошечным…

— Ты исчезаешь, Шептун!

— Тень — в свете. — В следующее мгновение Шептун куда-то исчез.

Сильный порыв холодного ветра заставил Оливера проснуться. Гарри спал на другом краю палатки и, как обычно, громко храпел.

Первые лучи восходящего солнца нежно золотили далекий горизонт. Примерно в ста ярдах от палатки, осторожно нюхая воздух, стояли двое оленей, самец и самка. Похоже, они не обращали внимания на женщину, которая, скрестив ноги, сидела прямо перед ними. Несмотря на утреннюю прохладу на ней не было ничего, кроме белой тоги в катосианском стиле.

Оливер натянул на себя толстый шерстяной свитер и брюки, после чего вышел из палатки. Незнакомка показалось смутно знакомой. В ней было что-то магнетическое.

— Кто вы? — Юноша смело шагнул к ней.

— Неужели прошло так много времени, Оливер, что ты забыл меня? — Пока она говорила, вокруг ее головы, переливаясь разными оттенками, мерцал радужный свет.

— Это были вы, — вспомнил Оливер. — Это вы приходили ко мне по ту сторону занавеса.

Женщина улыбнулась.

— Вот видишь, я же говорила, что ты меня вспомнишь. Мне

стоило немалых трудов убедить живущих в быстром времени, что твое место именно здесь, в твоем мире, с твоей настоящей семьей.

— Я спросил у вас, кто вы — ангел или богиня, — напомнил Оливер.

— И я ответила тебе, что будь у ангела молоток, а у молотка гвоздь, то я могла бы сойти за гвоздь.

— Я думал, все было во сне, — признался юноша. — Вы — это мое время внутри гиблого тумана. Все, что находится по ту сторону занавеса.

— Люди быстрого времени живут совсем в другом ритме, Оливер. Законы их существования, к сожалению, превосходят способности твоего разума. Мне было трудно убедить их дать согласие на твое возвращение домой. Надеюсь, ты не слишком скучаешь по своей приемной семье по ту сторону занавеса.

— Я, можно сказать, вообще ничего не помню. Но если принять во внимание мою жизнь в Шакалии, лучше бы вы оставили меня там.

— Я дала обещание твоим настоящим родителям, что спасу тебя, Оливер, — нежным голосом произнесла женщина. — Я заключила, если можно так сказать, сделку с твоим отцом. Забери я тебя слишком рано из колдовского тумана, ты скорее всего умер бы от великого потрясения. Но если бы я оставила тебя за занавесом на более долгий срок, ты изменился бы навсегда, и твой разум больше никогда не приспособился бы к жизни в Шакалии.

Оливер бросил взгляд на палатку, в которой в данную минуту похрапывал Гарри. Нет, ему нечего опасаться, что агент Небесного Суда проснется и увидит его гостью, ведь она невесома, словно туман, словно дуновение ветерка.

— Вы одна из тех, о ком рассказывал Шептун.

Женщина кивнула.

— Мы с ним ведем постоянное соревнование за сновидения жителей Шакалии. Бедный Натаниэль Харвуд, его уродливое тело заперто в грязной тюремной камере. Колдовской занавес — это мост, Оливер, и, похоже, что под каждым мостом прячется свой тролль.

— Натаниэль, так вот как его зовут, — произнес Оливер. — Жаль, что я не могу помочь ему.

— Меня называют Смотрящей, Оливер, но это не значит, что я имею право вмешиваться в то, что вижу. Разве что по мелочам. Я не заставляю моря расступиться, не насылаю на города армии насекомых или голод, не провоцирую мятежи. Для этого существует свобода воли, Оливер. Вы создаете здесь либо

собственный рай, либо собственный ад. Не ищи помощи на равнодушных небесах, попытайся найти спасение в собственной душе.

— Что же вы тогда делаете в Шакалии? — спросил Оливер.

— Боюсь, это необходимо, Оливер. За пределами системы существуют некие силы, неприятные, чужеземные элементы, которым хотелось бы поселиться в нашей вселенной и паразитировать в ней, нагуливая жирок за наш счет. В их философии нет места для таких вещей, как свобода воли. Да что там свобода — просто воли! Вы и раньше встречали этих слуг зла. В свое время кто-то метко сказал, что этих чудовищ породила ваша собственная вера в них. Имя им Уайлдкайотли. Жуткие твари, и зло, которому они служат, по моим, да, пожалуй, и по вашим меркам, безгранично.

— Значит, вы здесь для того, чтобы спасти нас?

Женщина в белом громко рассмеялась, как будто слова Оливера позабавили ее до глубины души, как будто смешнее их в мире ничего нет.

— Нет, Оливер. Я ведь всего лишь гвоздь, обычный инструмент. Я могу прибить ставни к оконной раме, но не в моих силах предотвратить бурю. Я не в состоянии спасти деревню, не стерев ее с лица земли.

Оливера охватило тревожное чувство. Это было предвидение — слишком жуткое, чтобы пренебрежительно от него отмахнуться.

— Вы здесь не для того, чтобы спасти нас? Вы здесь для того, чтобы нас уничтожить!

— Набор правил нельзя изменить, воздействуя на них извне, Оливер. Мы просто этого не допустим. Никогда не допустим. Если дела примут скверный оборот, если разложение усилится и распространится вширь и вглубь, то будет уничтожено все. Любой, даже самый малый предмет материального мира, который вам известен, которого вы лишь когда-то случайно коснулись, будет превращен в ничто, стерт в пыль. Врагу не достанется ничего. *Ничего!*

— Но мы можем не допустить конца света, — возразил Оливер. — Не забывайте о свободе воли. Выбор остается за нами.

— Да, но твой народ вечно пытается уверовать во что-то неправильное, Оливер. Круговистская церковь была хороша. Она была ближе к истине, ближе, чем могли представить себе ваши викарии и пасторы. Но землевладелец не любит, когда его дольщики приглашают к себе беспокойных гостей. Ты понимаешь, кого я имею в виду — тех, кто забывает свое истинное место, кто мочится прямо на улице, кто тащит все, что плохо лежит, кто

качает права и всем угрожает расправой. Когда владелец земли видит вокруг себя это безобразие, он требует изгнания наглецов. Поверь мне, Оливер, твой народ не желает знать, что такое жизнь без крыши над головой.

— Получается, что всю мою жизнь я был лишь пешкой в игре богов?

— Нет, Оливер, — ответила Смотрящая. — Ты — мой шахматный конь, который мне очень симпатичен. Ты волен делать собственные ходы. Мне будет очень приятно, если игра продолжится бесконечно. Но и в этом случае все зависит от тебя.

— Но вы все-таки вмешались, — заметил Оливер. — Что такое, по-вашему, этот наш с вами разговор, как не самое настоящее вмешательство? Иначе зачем, когда мне было всего пять лет, меня привезли обратно в Шакалию?

Женщина посмотрела мимо него на дерево, как будто заметила на нем нечто такое, что смутило ее, и светящиеся сферы, окружавшие ее голову, как будто стали вращаться с еще большей скоростью. Затем вновь перевела взгляд на Оливера.

— Лишь в той малой степени, чтобы исправить потерю равновесия, вызванную присутствием внешних сил, тех, кому нет места здесь, Уайлдкайотлей и их хозяев. Как я буду латать дыры — мое личное дело, на мой выбор никто не влияет. Но боюсь, мы слегка опоздали. Чтобы предохранить худую крышу от протекания уже недостаточно законопатить дыры, а сверху замазать глиной. Изменения приобретают необратимый характер. Когда это случится, мое желание или нежелание будет мало что значить. На мое место придет кто-то другой, Оливер. Никаких гвоздей больше не будет. Никаких ограничений ущерба тоже. Ты получишь опасное задание, и часовой механизм быстро начнет последний отсчет.

— С вами все в порядке? — неожиданно встревожился Оливер. — Мне кажется, что вы дрожите.

— Мне — нужно — идти, Оливер. Слишком большое разрешение. Я не привыкла действовать на столь детализированном уровне, будучи ограничена возможностями этого несуразного тела. Я — крупная девушка — в глубине души. Красота ветвей превращается — лист за листом — в простоту из сложности — сложность из простоты.

Женщина начала растворяться в окружающем пространстве, и лишь светящие сферы вокруг нее продолжали издавать гул.

— Прежде чем вы уйдете, я хочу узнать, почему здесь появился этот занавес, — обратился к ней Оливер. — Почему он тысячу лет назад появился в Шакалии, заражая детей, убивая взрослых, соприкоснувшихся с ним.

— Какой умный мальчик, — похвалила его женщина, и на ее глаза навернулись слезы.

— Страна, что находится по ту сторону занавеса, те, кто там живет — они ведь не будут уничтожены? Ведь они не часть этого мира, даже не часть нашей вселенной. Вот почему туман заражает некоторых из нас, избранных — чтобы хотя бы горстка людей выжила за пределами нашего мира, избежала уничтожения, потому что человеческая раса должна существовать и дальше. Это запасной выход, который вы пробили для нас в самом сердце Шакалии.

— Если до этого дойдет дело, Оливер, — отозвалась Смотрящая, — ты будешь знать, куда бежать. За занавесом смогут выжить лишь помеченные туманом. Приведи туда пары, Оливер, чтобы за занавесом они могли дать жизнь потомству.

В следующее мгновение она окончательно исчезла. Утренний ветер сделался холоднее прежнего.

В памяти Оливера всплыл образ пятилетнего мальчугана, одиноко стоящего возле деревни, расположенной в опасной близости от проклятого занавеса. Он пытается заговорить с толпой местных жителей, в равной степени удивленных и напуганных появлением загадочного ребенка. Он показывает им кулон-талисман, который ему подарила Смотрящая. Если приподнять крышечку, то можно увидеть миниатюрный портрет его матери.

Его старая жизнь в очередной раз закончилась.

— К порядку! — воскликнула женщина-председатель и ударила по столу деревянным молотком. Она никогда еще не видела, чтобы зал был настолько полон, как не видела одновременно такого количества Стражей — те обычно приезжали в Миддлстил раз в год, чтобы пообедать в своем клубе. Двери прямо напротив нее — они вели на галерею, где обычно собирались представители прессы — на сей раз были заперты. Гиен пера с Док-стрит на сегодняшнее заседание не пустили.

Вчерашние события подняли со смертного одра даже Тинфолда, дряхлого паровика, лидера левеллеров, который, несмотря на удручающее физическое состояние, все еще представлял в качестве Стража избирательный округ Уоркберроуз.

Вскоре в сопровождении министра обороны появился Хоггстон. В зале тотчас стало тихо. Оба заняли места на передней скамье.

— Конвент предлагает министру комиссии королевского аэростатического флота зачитать официальное сообщение, —

объявил спикер.

— Депутаты! — начал министр. — Я получил из адмиралтейства пока еще не до конца проверенные подробности по поводу несанкционированной бомбардировки Миддлстила воздушным кораблем «Решительный». Эти подробности служат своего рода прологом к официальному государственному расследованию. Вопреки сенсационным измышлениям газет, никакого приказа о бомбардировке столицы экипаж воздушного судна не получал. В данном случае его действия не имели никакого отношения к гражданским беспорядкам, происшедшим в указанное время в различных районах города. Лучшее тому подтверждение — список жертв вышеупомянутой незаконной бомбардировки, который включает в себя имена высокопоставленных офицеров и служащих миддлстилской полиции, милиции, магистрата, ордена уорлдсингеров и полков внутренних войск, пытавшихся восстановить порядок в столице королевства.

— В отставку! — выкрикнул один из Стражей, сидевший на скамье хартлендеров. Его возглас был подхвачен многие другими парламентариями.

Взволнованный министр продолжил:

— Воздушный корабль «Решительный» отклонился от выполнения поставленной перед ним адмиралтейством задачи по патрулированию границы между Медфолком и Шапширом. Командир «Решительного» солгал своим офицерам, заявив, что корабль получил приказ принять участие в подавлении вооруженного восстания карлистов, которым якобы охвачена столица.

Восседавший на скамье оппозиции Тинфолд взмахнул желтым флажком. Следуя регламенту, спикер предоставила слово пожилому паровику.

— Возможно, достопочтенный джентльмен из министерства обороны потрудится объяснить, почему один из самых опытных авиаторов королевского военно-воздушного флота, ветеран с сорокалетним послужным списком, осмелился сбросить бомбы на нашу столицу?

— Видите ли, — замялся министр, — мы убеждены, что командир корабля неожиданно обезумел.

По залу прокатился грубый хохот — депутаты сочли это объяснение в высшей степени смехотворным. Некоторые из Стражей, сидевших на правительственных скамьях, принялись свистеть, имитируя звуки неисправного парового котла механических людей. Тинфолд оставил без внимания эту выходку.

— Да, я нахожу эту часть данной версии чрезвычайно тревожной. У нас в стране немало военных кораблей и немалое количество старших пилотов, которым государство платит немалые деньги. И я обеспокоен вероятностью того, что любой из них в любое время может потерять рассудок и стереть с лица земли любой из наших городов.

— Предприняты соответствующие меры.

Крики присутствующих вынудили министра обороны сесть.

— К счастью, капитан Дориан Кемп лишил себя жизни и избавил нас от необходимости подвергать его военному суду, — заявил Тинфолд.

— Согласен с вами, — поддержал его министр. — Но самоубийство — еще один признак умственного расстройства.

— Здравомыслие и душевное здоровье — понятия относительные, особенно в отношении тех, кто служит в воздушном флоте, — парировал Тинфолд и продемонстрировал залу экземпляр газеты «Миддлстилский страж». — А вот их выходки, похоже, являются неиссякаемым источником вдохновения для карикатуристов с Док-стрит.

На огромной черно-белой картинке, украшавшей обложку газеты, которую продемонстрировал присутствующим старый паровик, был изображен командир «Решительного». Выкатив от удивления глаза, он зачитывал экипажу государственный приказ. Надпись на приказе гласила — «Закон о расчистке городских трущоб от 1596 года».

Обе половины зала разразились возмущенными криками. Стоявшие у входа приставы, помощники старшего парламентского организатора, держали наготове усмирительные дубинки — на тот случай, если политические противники попытаются на кулаках доказать свою правоту. Этих новоявленных ликторов отбирали из числа сотрудников политической полиции, отслуживших в ее рядах не менее двадцати лет. В их обязанности входило обеспечение порядка в парламенте при возникновении взрывоопасных ситуаций. Среди коллекционеров особым спросом пользовались старые карикатуры, на которых изображались наиболее живописные стычки парламентариев.

Один из теневых министров из числа умеренных круговистов окончательно потерял терпение после того, как кто-то запустил в него пустой чашкой из-под каффиля, и та разбилась прямо возле его ног. Он с ревом набросился на ближайшего пристава и опрокинул его на пол. Беатрис Свуп, выполнявшая в данный момент обязанности главного парламентского организатора, зацепила теневого министра за левую ногу своей плеткой-

девятихвосткой и резким рывком опрокинула политика вверх ногами. Приставы словно гиены тут же набросились на него. Двое прижали его к полу, тогда как третий смазал ему по лицу усмирительной дубинкой.

Остальные ликторы бросились утихомиривать других парламентариев, замахиваясь дубинками на тех Стражей, которые пытались закидать приставов переплетенными в картон массивными книгами законопроектов.

— К порядку! К ПОРЯДКУ! — взревела спикер. Когда шум утих, она взмахнула красным флажком неодобрения. — Члену досточтимой оппозиции из числа умеренных круговистов на недельный срок запрещено появление в стенах парламента. Попрошу ликторов отнести его к нашему парламентскому хирургу.

В благоговейной тишине лишившегося чувств политика вынесли из зала.

— Слово предоставляется Первому Стражу! — объявила спикер.

Хоггстон занял место за трибуной на другом конце зала.

— Подобно моему досточтимому другу из числа оппозиции, — начал он и, сделав короткую паузу, присвистнул, — я испытываю не просто обеспокоенность тем, что обезумевший офицер военно-воздушного флота мог исказить приказ адмиралтейства, обмануть подчиненных и нанести удар в самое сердце нашей прекрасной родины. Конечно, в отличие от моего досточтимого друга и его коллег-левеллеров, Стражи от партии пуристов в настоящее время составляют парламентское большинство и поэтому мы обязаны делать настоящие дела, а не выпускать пар в бессмысленных дискуссиях.

Со стороны правительственных скамей донеслись громкие одобрительные выкрики.

— Мы провели консультации с адмиралтейством и Гринхоллом, и при содействии ордена уорлдсингеров правительственный кабинет разработал план действий, призванных гарантировать невозможность повторения подобных драматических событий.

— Как? Каким образом? — не удержался кто-то из парламентариев. — Уйдете в отставку?

Не обращая на прокатившийся по залу шепот, в котором явственно было слышно слово «отставка», Первый Страж продолжил:

— Орден уорлдсингеров предлагает проверить сознание первых пилотов и старших флотских офицеров с целью выявления признаков безумия и утаенных случаев заражения парами гиблого

тумана. До выявления истинного состояния сознания, дату которого подберет орден, большая часть летного состава будет размещаться на базах близ Шэдоуклока.

Со стороны скамей, занятых состоятельными Стражами из числа тех, кто из собственных средств подмазывал электорат своих округов, донесся неодобрительный шепот.

— Разумеется, это требование распространяется лишь на военно-воздушный флот. Торговые аэростаты будут перевозить грузы и пассажиров в прежнем режиме. Именно такое предложение предлагается парламенту для рассмотрения. Настоятельно советую принять его.

— Регламент! — воззвала дама-спикер к выступающему. — Кто-нибудь желает сделать вызов данному предложению?

Хоггстон устремил пристальный взгляд на скамьи своих единомышленников. Лишь Страж, принадлежащий к партии власти, имел право бросить вызов предложению кабинета. Фаулер и Доррит неловко заерзали на своих местах, но так ничего и не сказали. Почти половина родственников Фаулера купила должности офицеров флота, так что этот старый ревнивый осел вряд ли посмеет бросить ему вызов из опасения навлечь на них еще большие неприятности. Хоггстон сосредоточил внимание на канцлере казначейства и его верных заднескамеечниках. Канцлер напрямую не станет бросать ему вызов, он не настолько прост. С передней скамьи своей казначейской фракции поднялся Страж Олдвич. Бывший полковник кавалерии, этот неглупый человек, не питал любви к авиаторам.

— Я бросаю вызов предложению Первого Стража!

— Вы, сэр? — пророкотал Хоггстон.

— Именно я, сэр! — дерзко ответил канцлер казначейства.

Дама-спикер подняла руку.

— Досточтимый джентльмен получает вызов от члена своей же партии. Господин старший парламентский организатор, попрошу вас очистить место для поединка и выдать красные дубинки Первому Стражу и его сопернику.

Зал разразился одобрительными криками и замер в тревожном ожидании. Хоггстон опустил руки в ящик с мелом, который стоял возле платформы, предназначенной для полемического поединка с применением дубинок. Его соперник принял у ликтора красную дубинку и театральным жестом подкрутил усы.

Олдвич был задира и записной оппортунист — его предки постоянно меняли убеждения в зависимости от политической конъюнктуры, переходя то на сторону короля, то на сторону парламента. Прошло несколько веков, но Олдвичи по-прежнему

продолжали подставлять паруса ветрам изменчивой фортуны.

Это семейство, разумеется, смотрело свысока на Хоггстона, чей отец умер от желтой чумы, а причисленная к лику святых мать была в свое время простой работницей. Чтобы прокормить шестерых вечно голодных детей, она была вынуждена тяжко трудиться, латая стены гидравлических домов, по которым карабкалась вверх с мешком резиновых заплат и паяльником.

— Пора в отставку, старина! — прошипел Олдвич сквозь стиснутые зубы, обращаясь к своему сопернику, стоявшему на противоположном краю платформы. — Пора передать пост Первого Стража тому, кто возвеличит Шакалию, а не станет набивать карманы деньгами!

— Кто-то вроде моего канцлера? Когда мне понадобится подсчитать убытки и прибыли, я обязательно наведаюсь в Казначейские кабинеты Гринхолла. А пока, сэр, я буду искать советчиков там, где сочту нужным!

Олдвич размахнулся красной дубинкой, целясь Первому Стражу в лицо. Хоггстон ловко увернулся, и, отпрянув в сторону, нанес ответный удар, который был моментально отбит противником. Именно на это и надеялся Хоггстон. Олдвич был силен и точен, но вместе с тем предсказуем. Типичный продукт конной гвардии. Никакой изобретательности, никакого артистизма.

Пытаясь отвлечь внимание Хоггстона и скрыть свои истинные намерения, Олдвич вновь взмахнул палкой, затем развернулся и произвел целую серию стремительных ударов.

Не желая впустую растрачивать силы, Хоггстон ловкими боковыми движениями без особого труда отбил удары противника. Такая тактика была типична для обитателей миддлстилских трущоб и называлась «скользкий угорь».

Олдвич неблагоразумно быстро растратил силы; теперь он был весь в поту и часто дышал. Красная дубинка значительно тяжелее тренировочной палки или дуэльного шеста. Она вошла в обиход давно, еще в те годы, когда парламентарии носили под плащами крепкую кольчугу. Почувствовав, что пришло время решительных действий, Первый Страж сделал ложный выпад, после чего с силой заехал Олдвичу по колену.

Вскрикнув от боли, тот полетел на пол. Хоггстон тут же обрушил мощный удар ему на голову. С вызовом было покончено. Противник лишился чувств и распростерся на полу арены.

— Спор решен в пользу Первого Стража! — объявила спикер. — Предложение выносится на голосование. Кто за?

Над головами парламентариев вырос лес желтых флажков.

— Кто против?

Стражи из числа оппозиции взмахнули красными флажками. Все еще возбужденный недавним поединком, Хоггстон отметил, что его предложение поддержано большинством голосов. Никто из членов партии пуристов не осмелился выступить против.

— Предложение принято! — объявила спикер и ударила по столу молотком.

Хоггстон поднял голову и посмотрел на галерку, где газетные иллюстраторы спешно делали зарисовки в блокнотах. Первый Страж не являлся сторонником азартных игр, но готов был поставить на что угодно, что завтрашние газетные заголовки будут вещать о том, как близок он был к поражению по причине бунта в рядах своей партии.

Немного показухи для газетчиков, и сообщения о тысячных жертвах бомбардировки с первых полос перекочуют в подвалы внутренних страниц. Наемным писакам истина не нужна. Эти акулы пера готовы описывать все что угодно, лишь бы это повысило тиражи их грошовых газетенок.

Да, неплохо он сегодня поработал.

Стоя посреди продуваемой всеми ветрами пустоши, солдаты в красных мундирах пытались согреться на холодном ветру, переминаясь с ноги на ногу. Джейми Вилдрейк посмотрел на них и поморщился — жалкие отбросы самого дна шакалийского общества. Что поделать, если каждый мальчишка — каждый джентльмен — будет страстно мечтать о вступлении в ряды королевского военно-воздушного флота, защитников отчества, обожаемых всем народом, из кого, позвольте, придется комплектовать сухопутные полки? Оккупация городов, стертых с лица земли бомбардировками? Скверное питание и палочная дисциплина? Не удивительно, что вместо тюремных казематов или каторги судьи были вынуждены предлагать преступникам службу в армии. Но сегодня для выполнения стоявшей перед Ловцом волков задачи требовались именно каторжники. Именно облаченные в красные мундиры каторжники, которых, представившись полковником, он увел по фальшивым документам из слабо укомплектованного личным составом пограничного гарнизона.

Вилдрейк рывком оторвал с влажной земли огромный гранитный валун. Ощущения были восхитительными, и каждый раз, когда он поднимал камень вверх, все его существо наполнялось упоительным осознанием собственной силы и дальнейшего продвижения по пути к бесконечному совершенствованию. В отличие от него, солдаты двенадцатого пограничного пехотного полка были явно не в ладу с собой.

Вялые, с недовольными лицами, раскисшие от недостатка физических упражнений и бесконечного безделья, они днями сидели у очага на своих скатанных для похода шинелях и курили мамбл. Тупо глядя на струи дождя, поливавшего пустоши, они жевали солонину, которую запивали ежедневной порцией рома, смешанного с патокой. Время от времени армейские патрули отправлялись на посты подслушивания — приходилось постоянно проверять, не пытаются ли лазутчики из Квотершифта тайком прорыть туннели под своей же собственной проклятой стеной.

Вилдрейк никак не мог понять, как эти солдаты мирятся с дряблостью мышц и лишним весом. Где их самоуважение? Неужели они не чувствуют необходимости следить за фигурой? Неужели их грудные и спинные мускулы и дельтовидные мышцы не требуют подкачки, не просят испытать сладостную боль от нагрузок?

Вилдрейк принялся жевать новый комок шайна и заодно наблюдать за повозкой, двигавшейся с юга. Она прибыла точно в оговоренный с Тариком час. Солдаты с тревогой наблюдали за медленно приближающимся белым фургоном, который тащила шестерка мощных тяжеловозов. Когда они увидели на нем изображение двух змей, символизирующих гильдию лекарей, их охватил нешуточный страх.

— Полковник! — сдержанным покашливанием обратил на себя внимание лейтенант, стоявший за спиной Вилдрейка. — На повозке знак — в ней перевозят трупы умерших от чумы.

— Небольшая военная хитрость, лейтенант, — успокоил его Вилдрейк. — Груз слишком важен, и не нужно, чтобы повозку досматривали те, кому не следует.

Возница соскочил на землю и на кассарабийский манер пожал Вилдрейку руку.

— Неужели, мой друг, в этой проклятой пророком стране неверных когда-нибудь светит солнце?

— Одному Кругу ведомо, когда ему следует пролить свой свет на голову песчаного пса.

— Да что ты говоришь! — рассмеялся кассарабиец. — Что ж, твое золото в любом случае подсластит аромат моей счетной комнаты — возможно, я даже потрачу его часть на так называемый зонт, которым вы пользуетесь для защиты от дождя. Я буду сидеть под ним и пить каффиль в одном из твоих садов. А еще я приглашу всех моих друзей ко мне домой, чтобы они увидели, как хорошо я живу.

— Имея немного твида и хорошего портного, можно даже спаниеля нарядить как шакалийского джентльмена, — сказал Вилдрейк, — но он все равно будет лаять.

Кассарабиец подошел к задней части фургона, достал ключ, вставил его в навесной замок, повернул и распахнул дверь.

— Мне не нужно лаять, мой друг. У меня есть, кому делать это вместо меня.

Из фургона на землю выпрыгнули два создания размером с пантеру — с плоскими мордами и торчащими наружу клыками. Острые зубы клацнули в голодном нетерпении. Человеческие глаза, глубоко сидящие под низким лбом, злобно посмотрели на солдат. Те испуганно отшатнулись.

— Биогибриды! — воскликнул лейтенант. — Церковь не потерпит их присутствия на земле Шакалии!

— Они из зачумленного фургона, — произнес Вилдрейк таким тоном, будто объяснял что-то неразумному ребенку. — Видите ли, лейтенант, хорошему мастеру нужны хорошие инструменты.

— Полковник, эти твари были выращены в чреве рабынь, — стоял на своем лейтенант. — Они омерзительны!

Кассарабиец отрицательно покачал головой.

— Да сохранит меня Аликар от слабых умов неверных! Что же еще мы должны делать с чревом, которым сотня пророков одарила женщин? Выпекать в них хлеб?

— Их ввоз в Шакалию запрещен! — выкрикнул лейтенант.

— Государство принимает закон, — возразил Вилдрейк, — а парламент делает поправки к закону. Мы с вами оба слуги государства, лейтенант. Кроме того, какая охота без собак?

— Эти существа — не собаки, — продолжал стоять на своем лейтенант. Оба жутких создания теперь стояли на земле и, чувствуя враждебность офицера-пехотинца, приглушенно рычали.

— Они собаки хотя бы отчасти, — улыбнулся Вилдрейк и посмотрел на привезенных в фургоне созданий. Те ответили ему спокойным взглядом широко открытых, почти детских глаз. — Или это песчаные волки, Тарик?

— Полковник, я не допущу, чтобы вверенная мне рота последовала за нечестивыми тварями. Это противоречит законам Круга, — недовольным тоном процедил лейтенант.

Вилдрейк дружески хлопнул его по спине.

— Знаете, лейтенант, вот уж никак не ожидал встретить в далеком пограничном форте среди этого разношерстного сброда истинного круговиста. Но мне крайне симпатичны люди с принципами, я искренне ими восхищаюсь.

Он кивнул Тарику, и тот отдал быструю команду на своем языке. Оба биогибрида сорвались с места и набросились на несговорчивого офицера. Лейтенант упал, отбиваясь руками и ногами, но люди-псы острыми зубами в мгновение ока растерзали

его на части.

Вилдрейк быстро выхватил из ножен саблю и взмахнул ею перед лицами испуганных солдат.

— Боюсь, я не слишком разбираюсь в церковной доктрине, зато хорошо помню устав гарнизонной службы, раздел номер сорок восемь. Там говорится о неподчинении командиру. Надеюсь, вы не путаете армию с круговистскими кухнями для бездомных?

Желающих воспротивиться уставу среди солдат не нашлось.

Тарик издал лишь только им понятный утробный щелкающий звук, и биогибриды оставили труп лейтенанта в покое.

Вилдрейк небрежно пнул ногой мертвое тело.

— Так каковы же на вкус круговистские принципы? Видимо, кто-то пошутил, назначив этого парня командовать штрафной ротой.

Один из биогибридов посмотрел на Ловца волков и тихонько взвизгнул. Это вполне могли быть осмысленные слова. Увы, зажатый между собачьими челюстями, человеческий язык мог издавать лишь нечленораздельные звуки.

Вилдрейк потрепал создание по голове, как будто понял, что оно пыталось выразить.

— Вы думаете, что эти два Тариковых песика — нечестивый продукт кассарабийской магии. Должен признать, что вы правы. Но вам нужно понять: государство пошло на их использование не от хорошей жизни. К этому нас вынуждают обстоятельства. Те двое, кого нам предстоит найти и поймать — самые опасные убийцы во всей Шакалии. Один из них — преступник, который вот уже десяток лет скрывается от полиции. Он убегает от погони, оставляя за собой кровавый след и бесчисленные тела убитых полицейских и солдат. Второй — мальчишка из меченых, убивший своих родственников, прежде чем уорлдсингеры успели повесить ему на шею торк.

По рядам суеверных солдат пробежал сердитый шепоток. Фейбрид, это же надо! У полковника они не заметили никаких красных татуировок, но разве для того, чтобы поймать убийцу, зараженного гиблым туманом, им не нужен уорлдсингер? Похоже, все складывается удачно, подумал Вилдрейк. Лейтенант сыграл роль кнута. Теперь пришло время пустить в ход пряник.

— Вам известно, что за головы убийц назначена щедрая награда. Теперь, когда лейтенант отправился в вечные странствия по великому Кругу, его доля переходит к вам. Поскольку в государственном указе говорится о том, что негодяев необходимо взять живыми или мертвыми, это существенно снижает риск при их поимке. Я потерял нескольких друзей, которые погибли от рук

этих мерзавцев, и потому отказываюсь от своей доли. Для меня куда важнее увидеть, как уже сегодня вечером черви начнут пожирать этих гнусных убийц.

Слова Вилдрейка, несомненно, обрадовали красномундирников. Солдаты радостно вскинули над головами винтовки, дешевенькие модели «Браун-Джейн», сработанные на фабриках Миддлстила, и разразились довольными возгласами. В свое время многие из них сами натворили немало лихих дел в трущобах столицы и теперь были готовы на все, лишь бы получить назначенную за беглецов награду — огромную, по их понятиям, сумму. Вилдрейк передал Тарику рубашку, найденную в Хандред-Локс в комнате мальчишки. Биогибриды понюхали ее и задрожали от нетерпения, желая поскорее взять след. Казалось, они уже ощущали вкус человеческой плоти, в которую скоро вонзятся их зубы. Эти звери были обучены преследованию рабов на просторах Кассарабии и знали, что в конце охоты их непременно ждет сочное мясо.

Кивнув Тарику, Вилдрейк вскинул над головой саблю.

— Джентльмены, охота начинается!

Глава 12

Молли задрала голову вверх и посмотрела на башню. Та была не так высока, как счетные дома Сан-Гейта — этажей восемь, — но то, что здание вздымалось ввысь над обычным частным садом, придавало ему особое величие. Квадратную башню венчал часовой циферблат. На его фоне, подсвеченные желтым сиянием, две массивные чугунные стрелки вели неторопливый отсчет времени. В работном доме демсон Дарней как-то произнесла фразу, которая надолго запомнилась Молли. Даже сломанные часы дважды в день показывают правильное время.

— У вас здесь комнаты? — поинтересовалась Молли.

Никльби направил механическую повозку в каретный сарай рядом с башней.

— Ток-Хаус полностью принадлежит мне, точнее сказать, нам.

— Но вы ведь писатель, — сказала Молли. — Как такой огромный дом может быть вашим? Или вы принадлежите к королевской семье Квотершифта, и вам посчастливилось избежать казни от рук революционеров?

Никльби осторожно заехал в помещение с металлическими стенками, спрыгнул вниз и зажег стоявший в углу бойлер — необходимо было зарядить двигатель для новой поездки.

— Нет, Молли, в моих жилах не течет кровь благородной династии. Если, конечно, не считать благородной крови поэтов и театральных исполнителей.

— Вы заплатили за нее деньгами своего первого гонорара? — спросила Молли, кивнув в сторону башни.

— Похоже, ты не большая любительница прессы. Мне кажется, что ты не читала газетных статей, в которых я и мои коллеги рассказывали о крушении «Летающего павлина» на Исла-Нидлесс.

— Того самого королевского аэростата? Так это были вы?

Никльби отвесил церемонный поклон.

— Да, я освещал на страницах «Миддлстил иллюстрейтед ньюс» ход экспедиции, но мы не занимались поисками сокровищ. Университет оплатил нам путешествие по Огнедышащему морю.

— А я-то думала, что все участники экспедиции умерли, став жертвами проклятия, — задумчиво произнесла Молли.

— Тропическая болезнь, — пояснил Никльби. — Между прочим, в живых нас осталось довольно много, и парламент был вынужден применить к сокровищам на борту «Летающего павлина» закон о присвоении. Но даже после того, как Палата

Стражей сунула свое рыло в эту лохань, причитающейся нам доли все равно оказалось достаточно, чтобы позволить себе кое-что из предметов роскоши.

С этим словами Никльби ласково похлопал по борту механической повозки.

Они вышли из каретного сарая на воздух. Над миром опускались сумерки. Молли посмотрела в сторону сада и увидела несколько металлических существ, похожих на крабов, которые выдергивали сорняки и подстригали траву. Девушка едва не споткнулась об одного из них, прежде чем поняла, что это такое.

— Здесь у вас обитает паровик-быстродум?

— Я уже говорил тебе, что живу здесь вместе с парой коллег. Пойдем, сейчас они должны быть дома. На Исла-Нидлесс мы выжили исключительно благодаря Аликоту Коппертрексу. Он может умереть от бойлерной болезни или кристальной гнили, но, слава великому Кругу, тропическая лихорадка ему, как и всем паровикам, совершенно не опасна.

Молли попыталась взять металлического краба в руки, однако тот ловко ускользнул от нее. Быстродумы редко встречались за пределами Свободного Государства Паровиков — обладая могучим разумом, они могли распределять сознание на массу своих миниатюрных копий. Ходили слухи, что даже Король-Пар и его королевские архитекторы не до конца понимают особенности их внутреннего устройства, в основе которого лежит принцип, заложенный еще в далекую камлантеанскую эпоху. Те из них, что не впали в безумие, подарили расе металлических существ великих шаманов и философов. Молли еще ни разу не видела быстродума.

В вестибюле дома-башни их встретил какой-то великан. Сначала Молли подумала, что это слуга, но потом заметила серебряный трезубец на его сюртуке.

— Ты вернулся, Сайлас Никльби! — пророкотал незнакомец. — А мы толком не знали, что с тобой, гадали, жив ты или погиб в недрах земли.

— Чтобы мне изменили звезды, одной лишь вылазки в недра земли на мини-аэростате мало, коммодор, — ответил Никльби. — Знакомься, это Молли Темплар. Она какое-то время побудет у нас в гостях. Молли, это коммодор Джаред Блэк. На его субмарине мы совершили путешествие, о котором я тебе только что рассказывал.

— Да, твои звезды верны, — произнес коммодор Блэк, задумчиво погладив бородку с многочисленными нитями седины. — Тебе крупно повезло, чего нельзя сказать о моей обожаемой субмарине, несчастной «Фее озера», которая ныне

покоится в глубинах болота на другом краю света.

— Она потонула по причине своего преклонного возраста, — шепнул писатель на ухо Молли. — Все время путешествия она сильно протекала. Нам действительно повезло, что мы не превратились в бифштексы, проплывая на ней по Огнедышащему морю.

— Добро пожалось в Ток-Хаус, Молли! — объявил коммодор. — Здесь хорошо, но стены этого дома могут служить лишь слабой заменой славной жизни, проведенной на просторах морей. Бедняга Блэки, лишенный своего прекрасного подводного корабля и обобранный до последней нитки подлыми крючкотворами Шакалии! Полумертвые от тропической чумы, мы преодолели непролазные джунгли, но единственный дар судьбы, доставшийся нам милостью великого Круга, у нас отняли ничтожные и жадные людишки из счетных кабинетов Гринхолла. Позволь я отведу тебя на кухню, Молли. Надеюсь, что там найдется скудная еда, способная хоть как-то вознаградить нас за то, что мы вынуждены жить под гнетом воровской власти.

— Это можно сделать немного позже, Джаред! — остановил моряка Никльби. — Сначала нужно занести ящики для Аликота.

Вслед за странной парочкой Молли снова вернулась в каретный сарай, где писатель и моряк принялись выгружать из отделения в задней части механической повозки ящики, набитые чем-то вроде старых газет.

— Это пойдет в топку? — не удержалась она от вопроса.

Лицо коммодора покраснело от натуги, пока он выгружал тяжелые ящики.

— В топку? Если это и будет сожжено, то только в топке интеллекта Аликота Коппертрекса!

Вернувшись в вестибюль Ток-Хауса, мужчины загрузили поклажу в подъемник. Никльби потянул за шнурок, и ящики стремительно исчезли из вида. Следуя за писателем и его товарищем вверх по винтовой лестнице, Молли мысленно посетовала на то, что хозяева дома не удосужились построить в нем особый пассажирский подъемник для гостей. Однако в остальном дом производил благоприятное впечатление. Чувствовалось, что на него были потрачены немалые деньги: стены обшиты панелями из хаслингширского дуба, полы отделаны мрамором и отполированы звездным камнем. Освещали дом шикарные люстры с масляными лампами, в дополнение к летнему свету, проникавшему через высокие окна с цветными стеклами. Судя по тому, что на них, на фоне отряда солдат в старинных круглых шлемах, был изображен король, которому отсекали руки, дому было не менее шестисот лет. По всей

видимости, его построил какой-то купец, епископ или парламентарий, вовремя решивший примкнуть к победившей в гражданской войне стороне.

Почти на самом верху башни Молли увидела торчавшие из подъемника ящики с газетами. Она помогла вынести их к дальней стороне коридора, где находилась полуоткрытая дверь. Ногой, обутой в матросский сапог, Джаред Блэк толкнул ее, и они втащили ящики внутрь.

— Новое зерно для мельницы, Аликот! — объявил Никльби.

Они очутились в зале, в котором был установлен механизм башенных часов. Сквозь стекло массивного циферблата свет падал на лабораторные столы, уставленные всевозможными приборами и химической посудой, дымящимися мензурками и змеевиками, в которых клокотала какая-то зеленая жидкость. Однако слабый запах серы исходил не от них, а от одного из находившихся в комнате паровиков. Это низкорослое создание покоилось на двух оранжевых лоснящихся гусеницах. Его голова представляла собой массивный прозрачный купол из кристаллического стекла, внутри которого беспорядочно метались голубоватые молнии ионизированной энергии. Были здесь еще несколько паровиков, небольших металлических существ размером с десятилетнего ребенка. Они были похожи как две капли воды — с головами в форме бутыли, в которых поблескивал похожий на телескоп глаз. Очевидно, это были миниатюрные клоны быстродума, наделенные частью его разума.

— Причем довольно тяжелое, — добавил коммодор Блэк. — Дерево, давшее жизнь этой бумаге, скорее всего смертельно обиделось на топор дровосека. От него сердце старого Блэки несколько раз чуть не выскочило из груди, пока он поднимался сюда.

— Газеты? — спросил гусеничный паровик. — Вы принесли газеты? Почему же вы сразу не сказали? Немедленно выкладывайте их на стол!

Его голосовая коробка производила легкое эхо.

Не успели Никльби и его спутник выложить газеты, как на бумажные кипы тотчас жадно набросились два металлических гоблина и, с головокружительной быстротой пробегая глазами одну за другой текстовые строки, принялись разрывать их на части.

Молли выхватила из стопки какой-то журнал.

— Неужели это «Филд энд ферн»? — удивилась она.

— Верно, девочка, — подтвердил коммодор. — Старый добрый Коппертрекс — истинный быстродум. Ему постоянно нужна новая информация, которую он перерабатывает в огромных

количествах. В противном случае он начинает вести себя столь же странно, как танцующий заяц в месяц дождей. Газета для него — все равно что якорь для корабля, ее вес не дает этому блистательному уму заплесневеть от неведения. Но я не скуплюсь на газеты, потому что мы в долгу перед ним — и этот писатель, и я. Без него мы как пить дать погибли бы на Исла-Нидлесс. В его шипящей голове ума будет побольше, чем у половины транзакционных двигателей Гринхолла вместе взятых.

— Юная мягкотелая! — произнес Коппертрекс, не сразу обратив внимание на появление в лаборатории нового человека. — Та самая юная мягкотелая! Я тебя знаю, точно знаю.

— А я, если только мне не изменяет память, впервые встречаюсь с быстродумом, — ответила Молли, сопроводив свои слова вежливым кивком.

— Это память погибших, юная млекопитающая, — пояснил Коппертрекс, указав на стол, вплотную придвинутый к хрустальной поверхности циферблата. На нем стояла голова паровика, от которой отходили, свисая на пол, длинные провода.

— Контролер из подземки! — радостно воскликнула Молли.

— Паро-Лоа отправили одного из металлических людей к останкам Редраста, — пояснил Коппертрекс. — Убийцы контролера сбросили его тело в воды Старой Матери Гэмблфлауэрса, надеясь скрыть следы своего злодеяния в ее глубинах. Мне посчастливилось наткнуться на него прежде, чем оно попало в руки какого-нибудь ловца угрей, который попытался бы разобрать его и продать мехомантам. — Коппертрекс указал на безжизненную голову, лежащую на столе. — Безвестный убийца разъял его на части и попытался при помощи электромагнита стереть его силикатные платы, но проделал это крайне неумело. Теперь я обладаю многочисленными разрозненными воспоминаниями, включая и то, как Редраст попробовал предсказать тебе будущее, мягкотелая Молли.

— Он помог мне сбежать в подземный город, — призналась Молли.

— Его доброта стоила ему жизни, — сообщил Коппертрекс. — Редраст был сильным мистиком.

— Молли сильно переживала за судьбу двух своих друзей, Аликот, — пояснил Никльби. — Двух металлических людей, которые помогли ей пробраться в Гримхоуп.

— Верно, любезная млекопитающая, — проговорил Коппертрекс. — Я уже бросал колеса Гиэр-Джи-Цу для Слоукогса и Сильвер Уанстэка, пролил духам немного моего собственного масла. Король-Пар захочет узнать об их судьбе вместе с платой души контролера.

— Они были ранены, когда я видела их в последний раз. Мне пришлось их оставить, я ушла не по своей воле, — пояснила Молли.

— Это самое трудное, — вздохнул Коппертрекс. — Духи всегда знают, когда кто-нибудь их металлических людей присоединяется к их обществу. И все же брошенные мной шестеренки не смогли дать ясный ответ на вопрос об их судьбе. Как будто они одновременно и живы, и мертвы. С подобным мне раньше никогда не приходилось сталкиваться. При дворе Короля-Пара имеется много более сильных мистиков, чем я, и хочется надеяться, что кто-то из них сможет лучше разобраться в этой загадке.

— Слоукогс, контролер, мои друзья из работного дома, Сильвер Уанстэк, все, кто пытался помочь мне, закончили очень плохо, их или убили, или сильно изуродовали. Им приходится таким образом расплачиваться за знакомство со мной.

— Мы живем в странные времена, мягкотелая Молли, — задумчиво проговорил Коппертрекс. Его мысли продолжали вспыхивать разрядами молнии, хорошо видимые сквозь прозрачную оболочку его похожего на яйцо черепа. — В мире духов возникло смятение — наши предки и Паро-Лоа все никак не могут успокоиться. Кроме того, стало как-то тревожно в мире информации. Это наводит на предположение, что тут приложила руку некая сила, с которой мы пока еще не сталкивались. Судя по всему, контролер каким-то образом угадал твою причастность к этим делам и даже был готов пожертвовать собой, лишь бы уберечь тебя от всевозможных неприятностей.

— Да снизойдет на нас милость Великого Круга, Аликот Коппертрекс, — вмешался в разговор Джаред Блэк. — Не говори о таких ужасах. Предлагаю отправиться на кухню и раздавить бутылочку-другую джина, чтобы разыгрался аппетит перед ужином. Давайте не будем говорить о странных течениях и встревоженных духах. Ты вытащил нас троих, полумертвых от тропических болезней, из этих адских джунглей не для того, чтобы мы угодили в еще большую опасность в нашей родной Шакалии.

— Но Молли не просила Стражей назначать награду за свою голову, Джаред, — возразил ему Никльби. — Она не просила бомбить городские дома и порт, а жертвы душегуба из Пит-Хилл не просили их убивать.

Коммодор Блэк смутился и задумчиво почесал бородку.

— Эх, будь у нас наша славная субмарина, мы вышли бы на ней в море и отправились туда, где нам ничего не угрожает. Ты была бы в полной безопасности на борту моей «Феи озера»,

девочка. Я непременно показал бы тебе красоты подводного мира, паровое дно рядом с Огнедышащим морем, обрушившиеся каменные башни старого Лостанджелса, косяки острозубое в водах пролива Квот. К сожалению, ее обломки сейчас ржавеют на берегах того проклятого острова, а я гнию здесь, в растленной столице дряхлой Шакалии.

Никльби и паровик, похоже, давно привыкли к сетованиям морского волка. Коппертрекс продолжал собирать какой-то странного вида агрегат, в то время как его клоны пожирали один за другим ящики с газетами.

— Аликот, вряд ли убийцы, охотящиеся за юной Молли Темплар, знают, что она находится у нас, но на всякий случай… — сказал Никльби, подойдя к двери.

— Великий Круг! — присвистнул коммодор, и заковылял следом за писателем и его юной спутницей. — Не дай нам снова пробудить это металлическое чудовище. Пусть оно спокойно спит.

— Моя дорогая млекопитающая, — произнес Коппертрекс, прекратив работу и повернувшись на одной гусенице. — Означенное чудовище — не просто лишняя рука, которую можно подсоединить к моему телу. Это клон, часть моего тела, приводимая в действие моим «я»… можно сказать, что в некотором роде он — это я.

— Послушай Коппертрекс! — взмолился Блэк. — Я знаю, что твой могучий разум управляет различными механизмами подобно тому, как я обхожусь с парой старых башмаков, но чудовище, которое ты держишь в подвале, оно одержимое. Оно такое же злобное, как песчаный демон.

— Паро-Лоа лишь раз управляли им, хотя им ничто не мешало выбрать любое из моих тел, — ответил Коппертрекс и повернулся к Никльби. — Разожги для меня бойлер, мягкотелый Сайлас. Сегодня ночью я буду стоять на страже у входа в Ток-Хаус.

Под башней Ток-Хауса располагались два уровня комнат и кладовых. Молли и Сайлас Никльби прокладывали себе путь среди нагромождений всевозможного хлама. Здесь были глобусы с окрашенными в сплошной желтый цвет неизученными континентами, написанные маслом портреты Стражей и официальных представителей различных гильдий, модели двадцати планет Солнечной системы, давно остановившиеся, поскольку заржавел часовой механизм, приводящий их в движение. Здесь можно было увидеть и относительно новые вещи, утратившие тем не менее нужность — например, стопки

дагерротипных отпечатков, сделанных камерой для съемки живых картин.

В отличие от степенных семейных снимков, украшавших витрины в студиях модных художников, пользовавшихся такими аппаратами, эти черно-белые отпечатки изображали непосредственно Миддлстил. Мост Нагкросс в лучах восходящего солнца, несколько повозок молочников, отъезжающих от ворот склада, мачты лодок, скользящих по водам реки Гэмблфлауэрс. Массивная колокольня, вырастающая из Палаты Стражей, готовая каждый день возвещать своим звоном о начале парламентского заседания. Маленькая девочка на летном поле в Крэдлдоне, с удивлением разглядывающая воздушные корабли торгового флота, протянувшиеся бесконечной вереницей до самого горизонта. За дагерротипными снимками скучал на треноге и сам аппарат; его объектив был печально повернут вниз, к пыльному полу.

Никльби перехватил взгляд Молли, устремленный на стопки снимков.

— Это все моя работа, Молли.

— Никогда не видела ничего подобного, — призналась Молли. — Вы могли бы получить немалые деньги, продавая их.

— Когда-то я этим занимался, — признался писатель. — Я не только писал статьи для «Иллюстрейтед», но и делал снимки аппаратом живых картин.

— Когда-то? А потом перестали? Что же случилось?

— Тут тесно переплелось личное и практическое, Молли. У меня закончились идеи, а союз иллюстраторов продавил через парламент запрет на использование дагерротипных снимков в печатных изданиях. Они заявляли, что снимки могут применяться в неблаговидных целях, и даже предрекали, что это, мол, положит конец истории Док-стрит. В те дни я мог продавать мои дагерротипные творения исключительно подпольным изданиям — карлистским листовкам, авторам политических брошюр и выпускам «Дамской услады».

Молли стало понятно, что Никльби говорит не всю правду, но они скоро очутились в конце первого помещения и перешли в соседний зал, заставленный мебелью и курьезными вещицами, оставшимися от прежних владельцев дома, вроде деревянных манекенов, на которых были старинные доспехи из далеких заморских стран.

Не было ничего удивительного в том, что нынешние хозяева Ток-Хауса спрятали их подальше от посторонних глаз. Молли казалось, будто их с Сайласом окружает целый легион призраков. Здесь были латы, защищавшие воинов старой роялистской армии,

с шипастыми нагрудными пластинами и шлемами с гребнями и дырками на месте обеих щек для давно сгнивших резиновых противогазных трубок. С ними соседствовали мундиры кассарабийских песчаных всадников из грубой кожи, на которых шнуровки было больше, чем на бальном платье, и маски из тонкого мелкоячеистого металла, способные спасти человека, застигнутого в пустыне во время песчаной бури, которая движется со скоростью сто миль в час. А рядом — гуттаперчевые шинели катосианских гвардейцев, до неприличия огромных размеров, чтобы их могли натянуть на себя силачи со сверхраздутыми грудными мышцами.

Среди звериных шкур аборигенов Лионгели находилось то, что Молли сразу приняла за дуэльные доспехи. Но стоило Никльби приблизиться к ним, как она поняла: под металлическими латами нет манекенов. Это нечто оказалось запасным туловищем Коппертрекса, его альтер эго. При виде его Джаред Блэк предпочел юркнуть в буфетную.

Никльби подбросил пару кирпичей прессованного высококлассного кокса в топку паровика и щелкнул включателем зажигания на резервуаре с мазутом.

Огромные руки металлического туловища с громким скрежетом пришли в движение. Четыре ноги, похожие на ноги сказочного кентавра, стали распрямляться на поршнях, поднимая паровика вверх. Квадратная голова повернулась в сторону людей.

— Аликот, ты слышишь меня? — спросил писатель.

— Слышу, — ответил металлический кентавр.

Голос Коппертрекса, прозвучавший из голосовой коробки чудовища, был абсолютно не похож на голос быстродума. Это была машина смерти, повинующаяся воле мудрого паровика, которого Молли только что видела. Две исполинские руки-манипуляторы пошевелили могучими пальцами, две другие боевые руки, представлявшие собой телескопические копья, описали в воздухе дуги, проверяя боеспособность.

— Теперь наверх! — произнес Никльби.

— Смотреть, охранять, защищать! — пророкотал паровик.

— Остроруких не слишком хороший собеседник, — объяснил Сайлас. — Король-Пар не стал обижать паровиков-рыцарей, даровав быстродумам тела-клоны, наделенные разумом опытного военачальника, стратега и тактика. Дело Коппертрекса — вдохнуть разум в мощное железное тело.

— Мистер Блэк почему-то не любит его, — поделилась своими наблюдениями Молли.

— Подводники — люди суеверные, — объяснил Никльби. — Коммодор немного перепугался, увидев на Исла-Нидлесс одного

из таких Паро-Лоа. Но даже если тела Коппертрекса и одержимы машинными духами, на них можно положиться. Они надежно защитят нас, пока мы будем находиться в стенах Ток-Хауса.

Несмотря на мягкие перины и подушки огромной удобной кровати, Молли никак не удавалось уснуть. Каждый раз, как только она начинала погружаться в сон, что-то резко будило ее, и при этом возникало ощущение, будто в комнате кто-то есть. Ночью все звуки казались громче, чем днем, и она слышала работу мощного часового механизма двумя этажами выше. До слуха отчетливо доносился медленный ход стрелок и каждые две минуты — стук и щелканье, прерываемое бульканьем водопроводных труб и труб парового отопления. Молли чертыхнулась, приподнялась на постели и отбросила одеяло. Затем опустила ноги на пол и, не глядя, засунула их в стоящие возле кровати тапочки.

В конце коридора находилась ванная комната. Стакан воды, решила Молли, вот что поможет ей справиться с бессонницей. Брать с собой лампу не понадобилось, потому что на стенах коридора мерцали масляные светильники. Они автоматически наполнялись жиром острозуба, который закачивался в них под давлением, а зажигались благодаря таймеру часового механизма. В общем, дом являлся причудливым памятником машине времени. Часовая башня навязывала свой искусственный порядок ходу всего дня, аккуратно деля его на минуты и часы, включая свет при наступлении темноты и гася его на рассвете.

Отчаянно зевая, Молли обернулась и увидела в конце коридора фигуру, похожую на ребенка. Почему-то фигура эта показалась ей мучительно знакомой. Неожиданно сердце девушки упруго сжал страх. Молли узнала ее. Это была девушка из видений Сильвера Уанстэка, нарисованная на сотнях холстов. Неужели она исчезла из грез паровика, когда Молли исправила его зрительную плату? Неужели девушка-призрак ищет новую жертву? До слуха Молли неожиданно донесся какой-то жалобный звук, не то стон, не то плач. Собрав в себе последние остатки мужества, Молли с великим трудом заставила себя удержаться от крика и не пуститься в бегство. Она быстро выглянула в окно — стон или плач доносился откуда-то снаружи, скорее всего из сада. Издавала его явно не девушка-призрак. Прозвучавший в одной из спален кашель на мгновение отвлек ее внимание. Судя по всему, странные звуки разбудили не ее одну. Молли оглянулась. Видение куда-то исчезло. Подойдя ближе к окну, Молли прижалась лицом к холодному стеклу и посмотрела на лужайку.

Перед входом в Ток-Хаус безмолвным каменным львом

застыл Остроруки. По траве сада беспокойно расхаживал из стороны в сторону Сайлас Никльби. Именно он, вскинув руки к небу, издавал плач, похожий на звериный вой. В правой руке он сжимал стеклянный кальян, из которого струился зеленоватый дымок тлеющего мамбла. Рядом с ним сновали два миниатюрных металлических клона Коппертрекса; они старались убедить писателя вернуться в дом и беспрестанно хватали его за красную пижаму.

Почувствовав, как на плечо ей легла чья-то рука, Молли вскрикнула и отпрянула в сторону.

— Молли, это всего лишь я, — произнес коммодор Блэк. — Значит, тебя тоже разбудил шум.

— Что там происходит? Никльби отплясывает среди травы, словно он лишился рассудка.

— Он снова находится под воздействием леаафа. Бедняга Сайлас. Одной затяжки травки обычно хватает, чтобы успокоить человека на целую ночь и отогнать прочь дурные, сны, но он курит слишком много мамбла и на манер южан часто впадает в полное забытье.

Никльби ужо почти свалился в траву, и помощники Коппертрекса отчаянно пытались поднять его, топча металлическими птичьими лапками зеленую жидкость, вытекавшую из кальяна на землю. Молли неожиданно вспомнила, что и на борту аэростата, и в механической повозке Никльби не расставался с курительной трубкой.

— За пенни леаафом всласть накуришься, за два — до смерти обкуришься, — произнесла она вслух присказку, частенько слышанную в городских низкопробных тавернах.

— Ты не представляешь себе, чего только не пришлось повидать на своем веку этому человеку, просто ужас, — сообщил Блэк.

— Вы имеете в виду кровавые убийства на Пит-стрит?

— Не только их, девочка, хотя я не сомневаюсь, что при виде тех трупов любого вывернуло бы наизнанку. Нет, я о другом, о войне.

— О войне с Квотершифтом? Сайлас рассказал мне, что служил военным корреспондентом воздушного флота. Насколько я понимаю, он занимался тем, что сочинял пропагандистские статьи по заказу Гринхолла или что-то в этом роде.

— Он был в составе команды интеллектуалов. В нее были отобраны самые блестящие умы из восьми ведущих университетов, ордена и военных кругов. Стратегическое планирование, разработки по ведению психологической войны, черная магия. Сайлас был лучшим из лучших, виртуозом

дагерротипной съемки и разработчиком творческих проектов. Они занимались чрезвычайно важными заданиями — при помощи огромных счетных машин расшифровывали коды вражеской армии, сочиняли фальшивые письма для отправки в Квотершифт семьям тех солдат и офицеров, которые погибли в боях. Они писали их так, что людям казалось, будто их мужья и сыновья живы, но находятся в плену, сообщали о том, как хорошо с ними обращаются в Шакалии и какие скоты офицеры Комитета, заставлявшие их творить всякие зверства. Сайлас также превосходно делал фальшивые дагерротипные снимки, не оставлявшие никаких сомнений в подлинности того, что было на них изображено.

Команда, о которой я сказал выше, занималась изготовлением фальшивых дагерротипных снимков. На них члены Первого Комитета изображались во время банкетов с голыми девушками, восседавшими на столах в качестве десерта. Докстрит в изобилии распечатывала эти картинки и сбрасывала с аэростатов, пролетавших над линией фронта. Представь себе, девочка, что ты солдат карлистской армии, застрявшей в грязи под Дринне. Ты знаешь, что твоя семья умирает с голода в тылу, а тебе попались картинки, на которых изображены твои вожди, обжирающиеся и обпивающиеся в обществе развратных женщин. К тому времени, когда команда Сайласа завершила порученное им дело, боевой дух в полках противника существенно пошел на убыль.

Тем временем Никльби свалился в траву прямо перед бесстрастным механическим стражником. Клонам Коппертрекса пришлось изрядно потрудиться, прежде чем они смогли поднять писателя и взвалить себе на плечи. После чего они вошли в дом и скрылись из виду.

— Вам нужно забрать у него трубку и спрятать ее где-нибудь, — посоветовала Молли.

— Ему без нее никак, моя девочка. Иначе Сайласу ни за что не избавиться от воспоминаний о Рейдоксе.

— Это город, на который он сбрасывал бомбы?

— Город, на который мы обрушили газовую атаку, Молли. Команда интеллектуалов отправила Сайласа в Рейдокс делать дагерротипные снимки. После атаки экипаж аэростата, надев противогазы, высадился на землю и выстроился рядом с телами несчастных горожан, с длинными рядами мертвых тел. Фоном для них стали не солдаты или рабочие, а дети в форме комитетских школ, матери, младенцы и старики, — длинная вереница мертвых невинных жертв. После команда Сайласа сделала их снимки для серии листовок-газет с указанием номера дома и улицы, где эти

люди были обнаружены. Мы сбрасывали их прямо в окопы, занятые солдатами народной армии, чтобы те передали такие газеты солдатам, возвращавшимся из Рейдокса.

Молли с трудом сдержала тошноту.

— Мы на самом деле поступали так с несчастными мятежниками?

— После того, как сфабрикованные нами газеты были сброшены на все главные города противника, Содружество Общей Доли прекратило сопротивление. Несмотря на чистки, на тайную полицию, на осведомителей, карлистов в конечном итоге скормили бы Гидеонову Воротнику, допусти они хотя бы еще одну газовую атаку любого города. В общем, они сдались на милость победителя, лишь бы сохранить власть, а Сайлас и по сей день пытается найти забвение в наркотических грезах, желая забыть мертвых детей Рейдокса.

— Вы когда-нибудь их видели? — спросила Молли. — Этих самых детей? Призраков Ток-Хауса?

Коммодор отступил назад.

— Ты имеешь в виду неприкаянных призраков, девочка? Никогда не говори о таких вещах! Ток-Хаус достаточно велик для нас, но всех неприкаянных призраков Рейдокса ему не вместить. Разве мы не достаточно настрадались в нашей жизни? Не хватало нам успокаивать несчастные души, коим отказано в прохождении по Великому Кругу!

— Вы не видели призрака вон в том коридоре?

— Не исключаю, что в доме водятся призраки, девочка, но они держатся особняком и на нас не обращают внимания. Пошли, Молли, нужно помочь Аликоту Коппертрексу уложить Сайласа в постель, а после наградим себя за это бокалом подогретого вина и ломтиком-другим ветчины.

Молли позволила коммодору отвести ее вниз. Пройдя по тому месту, где стояла девочка-призрак, она вздрогнула, как будто ее коснулось холодное облако. Великий Круг, как она надеялась, что Ток-Хаус станет для нее убежищем, спасет от тех, кто жаждет ее смерти. Увы, теперь ее преследует видение с картин Сильвер Уанстэка, а ее защитник, Сайлас Никльби, сумасшедший любитель леаафа. В общем, покровительство «Миддлстил иллюстрейтед» стало казаться Молли определенно ненадежным.

Глава 13

Оливер в ужасе смотрел на свою правую руку. Запястье раздулось, напоминая черный шар, и было похоже не на человеческую конечность, а на косматую медвежью лапу.

— Я же говорил тебе не подходить к развалинам! — сердито крикнул Гарри.

— Мне показалось, будто я услышал чей-то крик, — пояснил Оливер. — Похоже, что кто-то звал на помощь.

Беспутный Гарри Стейв вытащил нож, который матушка подарила Оливеру.

— Теперь помощь требуется не кому-то, а тебе, мой мальчик! Придется отрезать тебе руку ниже локтя, прежде чем зараза проникнет в кровь и распространится по всему телу. Это — последствие войны магов, Оливер. Частички токов земли попали в твой организм. Если я не отрежу тебе руку, через три минуты ты впадешь в кому.

Оливер поднял руку. Прямо на глазах плоть раздувалась все больше и больше, поднимаясь выше, к самому предплечью.

— Я согласен, отрезайте!

— Не делай этого! — подсказал Шептун. — Скажи, что сам справишься!

Гарри с отвращением смотрел на урода-меченого.

— Святой Круг, да кто ты такой?!

— Я настоящий, — ответил Шептун, проходя сквозь него. — Чего не скажешь о тебе.

Оливер продолжал кричать, а его рука все также дергалась и меняла форму, но Шептун потянулся вперед и удержал ее, и она тотчас вернулась в прежнее состояние.

— Ты теряешь власть над снами, — заметил Шептун. — Ну давай, Оливер, это самое простое!

— Шептун, Натаниэль, спасибо тебе.

— Ты говоришь Натаниэль, Оливер? Тебя околдовала наша Хозяйка Огней?

— Ты был там, — отозвался Оливер, — прежде чем она явилась мне.

— Она чиста, Оливер. Или, вернее сказать, первозданна, даже когда появляется здесь, чтобы пообщаться с разумными бактериями, обитающими на шкуре мира. Имея общий с ней разум, я подобен мотыльку, попавшему в световую камеру маяка.

— Верно, — согласился Оливер, — она чиста.

— Возьми себя в руки, мальчишка! Она подложит тебе свинью, вот увидишь!

— Что ты хочешь этим сказать, Натаниэль?

— Меня зовут не Натаниэль, — злобно прошипел Шептун. — Натаниэль это испуганный мальчишка, которого родной отец отдал уорлдсингерам за пару бутылок джина. Теперь у меня более благозвучные имена. В Лионгели крабианские племена почитают меня как Каментара, змея снов. Даже Шептун звучит лучше, чем глупое хэмблинское имя.

— Мне наплевать, какое имя тебе больше нравится, Шептун. Что ты имел в виду, говоря, что она подложит мне свинью?

— Твои воспоминания, Оливер. Твои самые первые воспоминания о том, что было с тобой до того, как ты попал в Хандред-Локс и стал жить у своего дяди. Они всегда были для меня закрыты. Сначала я думал, что это вызвано какой-то травмой, но дело оказалось в ней. После ее визита все стены внутри твоего разума рухнули. С той поры я проникаю в твое сознание, Оливер. Никогда я еще не видел ничего подобного твоим воспоминаниям. Даже разум паровиков обладает смыслом по сравнению с тем хаосом, что поселился в твоей голове, а я, поверь мне, знаю в этом толк.

Оливер почувствовал прикосновение его конечности — кожи, волосков, вен. Сны с Шептуном показались настолько реальными, что присутствие этого создания сделало его воображение необыкновенно живым и ярким.

— Не думаю, что ты сможешь понять их мир по ту сторону колдовского занавеса. Для этого ты должен побывать там — пожить с людьми быстрого времени.

— Оливер, ты можешь называть меня прирожденным пессимистом, если пожелаешь, — продолжил Шептун, — но мне кажется, что когда Хозяйка Огней попыталась заставить тебя повести за собой прекрасных людей к рассвету по ту сторону колдовского занавеса, бедному маленькому троллю не нашлось среди них места. Вот он и остался сидеть под мостом вместо того, чтобы пойти следом.

— Сомневаюсь, что она это имела в виду, — возразил Оливер.

— Разве? — издевательски прошипел Шептун. — Она — часть этого самого свода правил. Оливер. Когда какой-нибудь купец со Спенсер-стрит, вздыхая по поводу мер и весов, указывает пальцем на Гринхолл и жалуется на то, что бесполезно сопротивляться системе, она и есть та самая система, о которой идет речь. Эта самая чушь типа будь у ангела молоток, я стала бы гвоздем. Мы сейчас с тобой говорим, а тем временем она катит бочонок с маслом острозуба, размахивает спичкой и кричит «пожар!». Круг тому свидетель, Оливер, новый поворот колеса оказался для меня не совсем благоприятен, но тем не менее мне здесь нравится. В

мои намерения не входит обменять жизнь в Шакалии на наркотические грезы, которые ты называешь детством, проведенным по ту сторону колдовского занавеса.

— У нас может не быть такой возможности, — заметил Оливер. — Если наш мир должен быть уничтожен, согласись, все-таки лучше жить в каком-то другом месте.

— Жизнь за занавесом — не для нас, — упрямо повторил Шептун и поднял руку, на конце которой были не пальцы, а уши. — Легкое прикосновение гиблого тумана — и человек навсегда становится уродом, если, конечно, ему повезет выжить. Твои дети не будут людьми в привычном смысле слова, да и ты сам, прожив по ту сторону занавеса десяток лет, не сможешь считаться человеком.

— Жизнь есть жизнь, — пожал плечами Оливер. — Я не допущу того, чтобы все наши люди вымерли.

— Наши люди? — язвительно прошипел Шептун. — Я умираю от смеха! Оливер — спаситель человечества! Да кто ты такой, старик Панкетцалитцли, которому явились боги и велели выкопать теплую пещеру под горами, чтобы спастись от наступления великих холодов? Может быть, ты и желаешь помочь собрать коллекцию редких особей для зверинца Хозяйки Огней, но я, клянусь все святым, и пальцем ради этого не пошевелю. Шакалия — моя родная страна, и наш мир — мой дом. Если его хозяйка желает, чтобы я убрался из него прочь, то ей лучше сообщить мне об этом в более конкретной форме, ты понимаешь меня? Пусть придет вместе с толпой подручных бандитов и будет готова помериться со мной силами.

— Натаниэль, Шептун, ты не ведаешь, о чем говоришь!

— Я все прекрасно понимаю, Оливер, — возразил Шептун. — Я просто никому не доверяю. Ты пробуждаешься, мой мальчик. Будет лучше, если ты крепко подумаешь о том, кто действительно на твоей стороне и к чему ты должен готовиться, если хочешь победить.

— Шептун! — позвал Оливер, но в следующее мгновение его бросило в самую глубину туннеля, и он вновь оказался на продуваемых холодными ветрами пустошах Энджелсета.

— Ну, что скажешь, Оливер? — спросил Гарри. — Куда мы отправимся — обойдем лес стороной или двинемся вперед через болото?

Оливер сначала посмотрел на дубовый лес, затем на влажную землю холмов. Тени, отбрасываемые деревьями, казались гуще обычного, да и в их очертаниях было нечто диковинное. Оливер не мог объяснить почему, но здешний лес был совсем не таким,

как у подножия Хандред-Локс.

— Лес дал нам укрытие, но мне почему-то страшно входить в него, у меня при одной мысли о нем мурашки по спине бегают.

— Твой внутренний голос тебя не подводит, дружище. Сквозь лесную чащу проходит проклятая стена. Из-за шелеста листьев на деревьях ее шум нам не слышен. Но стоит нам зайти в лес, и через минуту мы лишимся жизни.

— Содружество Общей Доли далеко отсюда?

Гарри указал на восток.

— Квотершифт находится вон там, в полумиле отсюда. Народный рай, где все принадлежит всем, где нет злобных дворян, угнетающих простой народ. Если ты веришь в это, то я продолжу свой рассказ.

— Вы уже бывали там?

— До революции оно мне нравилось больше, — ответил Гарри. — Не такое самодовольное, как сейчас. В последний раз, когда я был там, у них в ходу была фраза «шакалийский шпион». Похоже, они не оценили по достоинству мое высказывание, когда я заметил, что у них по-прежнему сохраняется правящий класс. Вот только теперь он переименован в Первый Комитет. Власть существует всегда, Оливер. Она непременно оказывается в руках у того, у кого острее мечи и выше скорострельность, ты уж поверь мне. Скажу тебе как бывший вор — в этой жизни всегда найдется тот, кто ждет не дождется возможности взять тебя за шкирку. В Шакалии таких сажают на корабль и отправляют в ссылку или на виселицу, в Квотершифте — суют в Гидеонов Воротник. Сказать по правде, я не вижу особой разницы.

Оливер поднял с земли рюкзак.

— Мне казалось, будто вы когда-то были предпринимателем.

— Точнее сказать, вором-предпринимателем. Когда я работал в продуктовой комиссии, все купцы делали огромные состояния на поставках товаров для флота. Караваны с грузами шли постоянно. Было бы глупо хотя бы изредка не запустить руку в горшок с медом, чтобы отведать его вкус.

Оливер покачал головой.

— Предполагаю, что у него был вкус веревки, которую боунгейтский палач набрасывает на шею осужденным.

— Это не моя вина, Оливер. Какой-то слишком умный типчик из казначейства заметил в бухгалтерских книгах расхождения в цифрах. Знаешь, самое забавное состояло в том, что это было не моих рук дело! Выяснилось, что большие суммы денег выплачивались в виде жалованья вымышленным лицам — призракам, мертвым душам! Гринхолл назначил расследование, задействовал ясновидящих. Понятное дело, никому из

правительственных чинов не хотелось за чужие ошибки подставлять собственную шею палачу. Потому и решили отыграться на одном человеке по имени Гарри Стейв.

— И мой отец помог вам бежать.

— Это было не бегство, Оливер, а скорее окончание учебного заведения. Ловцы волков могли бы переименовать Боунгейт в пансион благородных девиц. Обычно Небесный Суд имитирует смерть в тюремной камере, но в данном случае слишком многим во флоте и Гринхолле не терпелось увидеть, как я буду отплясывать танец смерти на эшафоте перед толпой зевак. В общем, я предпочел дать деру. Разумеется, я сбежал бы в любом случае. Моя шея слишком мне дорога, чтобы позволить кому-то вытянуть ее самым непозволительным образом, причем из-за каких-то мелких жуликов, протирающих штаны в кабинетах продуктовой комиссии.

— Но ведь вы водили их за нос, — возразил Оливер.

— Ты говоришь как истинный племянник купца, — похвалил Гарри. — Тут дело принципа — я просто не позволил, чтобы меня вздернули на виселице за чужие грешки. Самый бедный рыбак из трущоб, самый увертливый разбойник с Инверней-роуд скажет тебе то же самое — увы, начальству пока неведом этот принцип.

— Я рад, что вы не попали в руки палачу, Гарри.

— Я тоже рад, — ответил пройдоха Стейв и потрогал шею. — А теперь возьмем Содружество. Эх, жаль, что я раньше до этого не додумался. Здесь, в Шакалии, я едва не схлопотал веревку на шею из-за несколько жалких тюков парусины для аэростата, девшихся неизвестно куда, но стоит пройти милю пути и оказаться за границей, как видишь — мало того, что обворовали целую страну, так вдобавок убедили всех, кто в ней живет, стать соучастниками грабежа. Блистательно. Чертовски умно.

Обойдя лес стороной, путники зашагали дальше и вскоре приблизились к невысоким холмам. Оливер уже подумывал о том, что неплохо бы сделать привал, чтобы передохнуть и перекусить, но в следующее мгновение наступил на обломок железной трубы и едва не упал на влажную землю. Разозлившись на самого себя за невнимательность, он пнул железку ногой.

— Похоже, чья-то дымовая труба.

— Это не дымовая труба, — поправил его Гарри, обводя рукой густо поросшую травой землю. — Это выхлопная труба паровика.

Юноша посмотрел в указанном направлении. Весь склон холма был усеян металлическими обломками. Сломанные пальцы, устремленные в небо; рогатые головы, похожие на шлемы; раскроенные древние тела паровиков, ставшие домом для

лягушек и куропаток.

Место выглядело холодным, неприветливым и мрачным.

— Это кладбище, да, Гарри?

— Что-то вроде кладбища, Оливер. Здесь было поле боя. Мы с тобой пришли в Дрэммон-Бордс, восточнее начинается Свободное Государство Паровиков. Проклятая стена огораживает и эту территорию — Содружество не доверяет старинному союзнику Шакалии.

— Да будет славен Великий Круг, Гарри, скажите, здесь много мертвецов?

— Достаточно, Оливер. В самом начале Двухлетней войны маршал Адекол привел сюда через горы шестую бригаду Народной армии. Рыцари Короля-Пара сломали ей хребет на этих холмах. Большинство окопов сейчас почти сравнялось с землей, но если копнуть глубже, то можно найти останки воинов элитных частей Квотершифта и их полусгнившие кивера. Над телами погибших здорово поработали здешние лисы.

Похоже, поле прошлых боев разбередило у беспутного Гарри Стейва душевные раны — он повествовал о событиях далекой войны голосом гида, и его взволнованный голос нарушал гнетущую тишину. Гниющие спицы колес легких артиллерийских орудий, стеклянные осколки старых пушечных зарядов, ржавеющие гарпуны, при помощи которых солдаты Содружества пробивали броню паровиков, свинцовые шарики для магазинных винтовок, которыми была вооружена армия Свободного Государства Паровиков — горестные приметы военных лет.

Пройдя мимо длинных рядов засыпанных землей останков, Оливер заметил на склоне холма яркое пятно, что-то вроде цветастого одеяла для пикника, забытого рассеянными туристами.

— Что-то новенькое.

— И странновато смотрится на этом фоне, — согласился Гарри. — Давай подойдем и рассмотрим ближе.

Стоило им подойти ближе, и Оливер понял: это вовсе не сплошной кусок ткани, как ему померещилось сначала. Нет, то была масса сшитых вместе продолговатых лоскутков преимущественно красного цвета. Правда, встречались и желтые. При ближайшем рассмотрении это оказались флаги, сцепленные кусками проволоки. На первый взгляда изделие сие напоминало рыбацкий невод, брошенный бесформенной грудой на холмик.

— Что это, Гарри?

Ловец волков посмотрел в сторону востока и поджал губы.

— Пойдем отсюда.

— Но что это? — не унимался Оливер. — Похоже на флаги.

— Тебе не нужно знать, давай просто пойдем дальше на юг.

Оливер взялся за край материи и приподнял его. Под ним оказалось какое-то одеяло, куча мешков… густо поросшая шаровидными грибами. Странный способ выращивать грибы, подумал Оливер, но в следующее мгновение увидел ряды рук, ног, пальцев. Великий Круг, здесь лежал даже маленький ребенок с крошечными, как у куклы, ножками. Она был настолько мал, что было невозможно определить его пол. Юноша почувствовал, как к горлу подступает тошнота, и прежде чем он успел осознать, что с ним происходит, съеденный завтрак вылетел из его рта прямо на траву, а сам он повалился на мертвую семью, пытаясь понять, остался ли в этой груде мертвых тел кто-то живой.

Гарри тут же схватил его за руку.

— Не прикасайся к ним! Ты им ничем не поможешь.

— Там могут быть живые!

— Нет, Оливер, живых среди них нет. Они ведь прошли через проклятую стену. Эти штуки, которые выросли на них, вызваны колдовством. Иногда у людей останавливалось сердце, иногда они начинали прорастать чумными спорами, иногда им удавалось прожить сто лет. У некоторых кровь превращалась в камень. Эти люди были уже мертвы, когда воздушный шар потерял высоту и разбился о стену.

— У них не могло быть воздушного шара! — не переставая плакать, выкрикнул Оливер. — В Квотершифте не было воздушных шаров!

— У них нет летучего газа, Оливер. У них нет аэростатов. Но это дело не сложное. Берешь парусину, огонь, горячий воздух… и получаешь воздушный шар. Может, и не слишком подходящий для полета через стену, но откуда им было знать? Сомневаюсь, что по ту сторону стены осталось много инженеров.

Оливер не мог оторвать глаз от жутких человеческих останков — тел, которые когда-то смеялись, плакали, ходили, дышали, а теперь превратились в ошметки мертвой плоти, в которых не осталось ни единой искры жизни. Неужели такое возможно? В одно мгновение жизнь с ее мечтами и надеждами существует, в следующее — превращается в компост, из которого вырастают ядовитые колдовские грибы.

Оливер бессильно опустился на колени.

— Я не знал.

— Лучше бы ты их не находил, — посочувствовал Ловец волков.

— Но ведь вы, Гарри, наверняка обо всем знали.

— Большинство людей выбирало для побега водный путь. Стену нельзя построить в воде, ее можно возвести лишь над ее

поверхностью. Да, мне уже доводилось видеть нечто подобное. В худшие голодные годы беженцы даже пытались построить катапульты, чтобы перелететь через стену. Если бы ты видел, какие высохшие тела дождем падали на землю Шакалии.

— Почему? — с трудом выдавил Оливер.

— Почему? — повторил Гарри. — Из-за великой идеи, Оливер. Кто-то выдвигает великую идею — религиозную, политическую, расовой или клановой избранности, философскую или экономическую. Идею секса или того количества гиней, которое ты принес в счетный дом. Это и не важно, какая идея, потому что любые великие идеи всегда одинаковы — «разве плохо, если бы все были такими, как я; если бы все думали, как я, вели себя, как я — тогда на земле настал бы рай». Но люди слишком разные, слишком не похожие друг на друга по образу жизни или мышления. Вот тогда-то и начинаются все беды. Именно тогда в твой дом приходят для того, чтобы уничтожить тех, кто не похож на остальных, именно тогда, раздраженные неудачами, твоей глупостью, твоим простым непониманием великой идеи, самозваные благодетели начинают силой доводить тебя до желаемого совершенства, ваять из тебя идеальную, по их мнению, личность. Для этой цели в ход идут ножи, дыба, палачи, лагеря перевоспитания и Гидеонов Воротник. Когда ты замечаешь в человеке отличие от себя и видишь в нем лишь пороки, когда делишь их на «я» и «они», то они перестают быть для тебя людьми, а превращаются в досадную помеху на пути к благому делу и великой цели.

Гарри указал на мертвые тела несчастных беглецов.

— Вот она, истинная власть зла. Ты думаешь, те, кто сделал жизнь этих несчастных невыносимой настолько, что они предпочли доверить свою судьбу ветру и полотняному шару, считали себя жестокими? Отнюдь! По их мнению, правители Содружества Общей Доли это славные рыцари на белых конях, щедро сеющие повсеместно добро и справедливость ради создания рая на земле. Они уверены, что творят благо, поджигая соломенные крыши домов тех, кого именуют словом «они», или когда давят сапогами пальцы их детей. Добрые рыцари революции считают героями членов Первого Комитета и ради устранения преград на пути к совершенному миру устилают дорогу к нему телами тех, кого они не признают своими. И знаешь, что странно? Хотя лицемерные гимны, которые победители поют над телами невинных жертв, и звучат по-разному для каждой отдельной великой идеи, их слова лично мне кажутся совершенно одинаковыми.

С этими словами Гарри набросил парусину воздушного шара

на мертвые тела.

— Они сшили его из флагов. А что еще прикажете делать с этими тряпками? В Содружестве больше флагов, чем одеял.

— Они все еще стоят у меня перед глазами, — признался Оливер.

— Понимаю. Так будет еще долгие годы… В следующий раз, когда ты встретишь так называемых святых, болтающих о том, как Великий Круг спасет тебя, спроси их, что они думают о новых выборах. А когда встретишь карлистов, треплющихся о том, как их партия сделает тебя свободным, задай им вопрос о том, во что они верят. Потому что великая идея не терпит инакомыслия, а ее приверженцы считают любое отклонение от идеального представления о совершенстве ересью и кощунством. Хочешь знать, Оливер, за что на самом деле умерли эти бедняги? За то, что их разум был слишком жалок, чтобы вместить более одной истины!

Стейв вытащил кувшин с маслом острозуба и плеснул из него на парусину самодельного воздушного шара.

— Думаю, пришло время сжигать флаги.

— Как жаль, — вздохнул Оливер. Его вздох не относился к чему-то конкретному, ему было жаль и несчастных беглецов, и эту скудную, продуваемую ветрами местность.

Гарри зажег спичку и бросил ее на облитую маслом материю. Вспыхнул язык пламени, костер начал с треском разгораться.

— Когда-нибудь ты столкнешься с испытанием, Оливер. С трудной задачей, которая покажется тебе невыполнимой. С выбором, который придется сделать. Настанет время, и ты вспомнишь этот день и это место. Постарайся получше запомнить его в мельчайших подробностях, хотя ты и без того вряд ли сможешь его забыть. И ты поймешь, как поступить.

— Такое было и с вами, Гарри?

— Твой отец сказал мне то же самое, Оливер, те же самые слова, — ответил Ловец волков. — Он оказался прав. Я видел немало людей, погибших ради великой идеи. Иногда это единственное, что способно заставить тебя жить дальше.

Огонь охватил уже всю поверхность ткани, из которой был сшит воздушный шар. На вершине холма последние клочья тумана медленно поднимались ввысь. Оливер с удивлением отметил, что туман принимал очертания человеческого тела. Неужели призраки погибшей семьи возвращаются, чтобы понаблюдать за собственным погребальным костром?

— Гарри!

— Я вижу, — коротко ответил Ловец волков.

Туман постепенно принял форму воина в доспехах и рогатом

шлеме — нет, это были не доспехи — вернее, они и составляли тело… Это был паровик.

— Гарри, ради великого Круга, ответьте, что это?

— Паро-Лоа, — ответил Гарри. — Один из их богов, дух предков.

Прямо на глазах Оливера и Гарри Стейва призрак указал на юг и медленно покачал головой, как будто предупреждая о чем-то. Затем повернулся на восток и указал в направлении далеких гор, на Свободное Государство Паровиков. В том, что он пытается им сообщить, не было никаких сомнений.

— Он не хочет, чтобы мы шли в Шэдоуклок, Гарри.

— Сам вижу. Не исключено, что за горой сейчас прячется уорлдсингер, который умирает со смеху. Меня беспокоит только один вопрос, почему?

В ответ на вопрос пройдохи Гарри Стейва раздался чей-то громкий вой, как будто кричал терзаемый мучительной болью человек в волчьем обличье.

— Что это был за звук, Гарри?

Гарри посмотрел на туман, стелющийся над вершиной холма. Паровик-призрак медленно растворялся в воздухе.

— Ничего подобного этому не должно быть к северу от кассарабийской границы. Бежим в горы, парень! Быстро! ПРЯМО СЕЙЧАС!

И они со всех ног бросились наутек. Пока они с Гарри бежали по полю былых сражений, Оливер оглянулся. Пока их никто не преследовал. Повсюду лишь все те же металлические обломки.

— Быстрее доставай свой мушкетон! — скомандовал Гарри. — Заряжай его!

Оливер на бегу извлек из заплечного мешка оружие. Деревянная рукоятка мушкетона ловко легла в правую руку. Держа большой палец на механизме взвода, он разломил ствол, и теперь его нижняя часть смотрела в землю. Оливер достал патрон — тот показался ему холодным, как лед — и зарядил мушкетон, после чего снова сложил обе части ствола.

И вновь оглянулся.

— Я ничего не слышу.

— Они рядом, — задыхаясь, ответил Гарри. — Охотникам не нужен шум.

В следующее мгновение нечто, похожее на мохнатую мускулистую массу, отбросило Оливера на влажную землю, и, пролетев рядом с ним, набросилось на Гарри Стейва и сбило с ног. Оливер мгновенно вскочил на ноги. Лапы чудовища яростно били по земле, целясь в Ловца волков. Тот, по всей видимости, снова прибегнул к колдовским уловкам. Казалось, еще мгновение,

и жуткая тварь подомнет его под себя, но Гарри успевал выскользнуть из ее когтей.

Раздался громкий хруст — словно где-то рядом на землю упало дерево, — и что-то набросилось на Оливера справа. Плечо юноши обдало облаком пыли. На гребне холма, в том месте, куда направлялись Оливер и Гарри до того, как призрак предупредил их об опасности, появились одетые в красные мундиры фигуры; в руках — винтовки с примкнутыми к стволам штыками. Оружие было направлено на Оливера и Гарри.

Гарри по-прежнему барахтался в грязи, пытаясь увернуться от зубов и когтей мохнатого чудовища. Даже будь Оливер метким стрелком, а не любителем с абордажным ружьем, он вряд ли смог бы попасть в хищника, не задев при этом Гарри Стейва. Зверь зарычал, и Оливер посмотрел вверх на каменный выступ, с которого на него тут же прыгнул второй. Когтистая лапа полоснула юношу по левой руке, и он вскрикнул от боли. Сила удара была настолько велика, что Оливера отбросило на влажную землю. Ему ничего не оставалось, как нацелить мушкетон прямо чудовищу в пасть, и пока оно пыталось вырвать оружие из его рук, нажать на спусковой крючок. Грохнул выстрел, эхо которого рикошетом отлетело от поверхности скалы. Правда, заряд дроби попал чудовищу не пасть, а в бок, а одна свинцовая дробинка распорола юноше щеку.

Оливер попытался выбраться из-под зверя, пока тот на мгновение забыл о своей жертве — впрочем, забыл ненадолго. Извернувшись, чудовище ударило юношу в спину. Когда Оливер упал на землю, оно, рыча, бросилось на него. При этом зверь издавал нечто похожее на человеческую речь — исковерканную речь идиота, с трудом ворочающего языком.

— Эта флаг, эта флаг!

Испуганный Оливер перехватил взгляд животного — это были глаза человека, юной женщины, с длинными ресницами и голубой радужкой. Глаза были глубоко посажены над скошенным лбом и излучали животную ярость. Неожиданно прекрасные глаза удивленно моргнули — земля под зверем и его жертвой ушла куда-то вниз, и они оба взлетели в воздух. В то же мгновение вниз дождем полетели комья грязи. Что это? Взрыв в центре земли или магический фокус, произведенный Стейвом? Нет, явно что-то другое. Почувствовав, что обо что-то споткнулся, Оливер увидел, что из земли поднимается ржавый металлический панцирь, из дыр и трещин которого струилась вода.

Испуганный зверь отлетел от Оливера, у которого от боли огнем горела левая рука, и бросился на выросшую из земли железную фигуру. Это был корпус паровика-рыцаря с одной-

единственной боевой рукой-копьем, увенчанной бурым от ржавчины острием. Металл и мускулистая плоть сошлись в бою. Зверь размером с крупную пантеру ударами мощных лап пытался разорвать уже изрядно разбитый корпус металлического зомби. В свою очередь восставший из земли корпус паровика выбрасывал вперед и в стороны копье, стараясь распороть зверю брюхо Его мохнатый противник все никак не унимался, и единственным признаком нанесенных ему ран была кровь на кончике копья.

Похожий на кентавра паровик накренился вперед и упал, сжав животное тонкими как у скелета руками-манипуляторами, Из-под земли появился еще один металлический корпус. У него были две ноги и горбатая спина; если бы не длинный металлический клюв, он напоминал бы тушканчика. Железный рыцарь беззвучно отбросил биогибрида, буквально нанизав его на клюв второго паровика. Мохнатое чудовище с телом пантеры и глазами женщины издало такой долгий и громкий крик, что Оливеру показалось, что сердце выскочит сейчас из его груди.

Но тут с холма донеслись новые крики — на сей раз человеческие. Юноша оглянулся и увидел, что красномундирники в страхе отступают, стреляя на ходу в металлические тела паровиков-рыцарей. Гарри Стейву удалось наконец выбраться из-под второго зверя. Безголовый паровик, напоминавший огромную бочку, своей нижней конечностью прижал биогибрида к земле. Гарри выдернул из головы мохнатой твари нож.

— Калиф, живущий по ту сторону границы, будет очень недоволен, когда узнает, что его призовые охотничьи кошки кормят червей в Шакалии, — усмехнулся он.

За спиной у Оливера паровики-зомби, только что спасшие ему жизнь, медленно погружались обратно в топкую землю. На одного из них давила масса мертвой плоти биогибрида.

— Гарри, их преследуют Паро-Лоа!

— Что ж, было бы невежливо не воспользоваться добрым бесплатным советом. — отозвался Гарри, глядя на железных зомби, неуклюже двинувшихся вслед за ротой солдат в красных мундирах. — К тому же, похоже, что лучше им не мешать. Пойдем, узнаем, что скажет Король-Пар.

Гарри посмотрел на руку своего спутника и пощупал ее двумя собственными руками, сначала одной, затем другой. Оливер вскрикнул, когда Ловец волков нажал на кровоточащую мышцу.

— Возьми свою запасную рубашку. Нужно перевязать рану. Я наложу жгут выше того места, где этот зверь хватанул тебя своими клыками. Придется попозже промыть рану и зашить ее.

— Так мы пойдем в Шэдоуклок, Гарри?

— В Шэдоуклок мы пойдем после того, как наведаемся в

гости к его величеству королю Механсии, — ответил Стейв и пнул ногой распростертое на земле тело биогибрида. Судя но всему, тот был мертв. — Итак, кого мы знаем из тех, кто подолгу бывает в Кассарабии?

— Посланник Шакалии в Бладетенбуле?

— Это, пожалуй, был риторический вопрос, — ответил Гарри. Вытащив из сумки подзорную трубу, он посмотрел на отступавших солдат в красных мундирах. — Там на холме стоит белый медицинский фургон, в котором перевозят заболевших чумой. — Ловец волков усмехнулся. — Чумной фургон. Все понятно. Старина Джейми. Надо срочно делать отсюда ноги, парень, пока мой старый друг не пустил вслед за нами новых охотничьих кошек кассарабийского калифа.

Оливер наклонился и поднял с земли мушкетон. Оружие практически не пострадало, если не считать нескольких следов зубов на рукоятке. Путники двинулись вперед, оставив тела биогибридов удобрять землю на поле боя, усеянном ржавыми обломками паровиков и их оружия.

Вскоре после того, как они сделали привал и перекусили, идти стало легче. Влажная земля сменилась более сухой и твердой, низкие покатые холмы уступили место предгорьям, высоким альпийским лесам. Впереди начинались горная цепь с заснеженными вершинами. По всей видимости, это уже земли Свободного Государства Паровиков — других гор в восточной части Шакалии не было, Оливер точно знал. Большая часть городов и деревень, населенных представителями металлической расы, располагалась среди скал. На этой пока еще равнинной местности единственными признаками человеческой жизни были катышки сухого ослиного помета, оставленные торговыми караванами. Лишь они да еще металлические штыри с привязанными к ним тонкими лентами ткани радужной расцветки, которые трепетали на ветру, отмечали тропы, ведущие вглубь королевства паровиков.

Возможно, тому виной были студеные горные ветры, дующие с вершин Механсийского горного хребта, но после часа пути в направлении столицы Свободного Государства, Оливера начала бить крупная дрожь. Сначала он почувствовал холод и поспешил застегнуться на все пуговицы до самого воротника, однако теплее ему от этого не стало. Гарри заметил, что его спутник отстал и остановился, ожидая, когда Оливер подойдет к нему.

— Похоже, что в горы пришла зима, Гарри.

— Зима? Да ты весь в поту, мой мальчик. Покажи мне свою руку.

Теперь юношу буквально трясло от холода. Ему казалось, что

если ветер сделается еще сильнее, то поднимет его в воздух, как сухой лист и унесет вниз по склону.

— Я не могу поднять руку, Гарри. Перевязка сделала ее тяжелой, как глыба льда. Но жжет ниже плеча.

Гарри что-то сказал, но его голос словно растворился в воздухе. Затем Ловец волков сделался очень высоким, даже огромным. Или это все-таки не он сейчас возвышается горой над Оливером? Земля под ногами казалась твердой и почти теплой. Она как будто повторяла форму его тела. Если бы он знал, насколько это удобно, то давно бы остановился здесь. Сосны на склонах гор стояли как часовые, высокие и стройные. Вид их радовал глаз.

— Я повидал в жизни кое-что интересное, Гарри. С тех пор как стал свободным. Было бы тоскливо провести остаток дней, сидя взаперти в Хандред-Локс.

Теперь Гарри говорил очень тихо, наверное, потерял голос. Как это все-таки смешно. Оливер засмеялся. Затем на него накатила темнота, и он погрузился в непроглядный мрак.

Кристалл на потолке камеры над головой Шептуна сделался ярче и отбрасывал лучики света, отражаясь от воды, которой был залит каменный пол. Значит, один из волшебников опускал слои колдовских стен, убирал незримые барьеры на пути к его темнице. Черный занавес на двери неожиданно стал прозрачным. Это был Шэнкс — даже под колдовским одеянием, темным и одновременно сверкающим, увешанным бесчисленными амулетами уорлдсингера, Шептун узнал нынешнего главного тюремщика. За спиной у него стояли два верзилы с дубинками в руках. Рядом с ними уорлдсингер в красном одеянии. Оружия у нежданного гостя не было. Значит, это действительно он.

— Привет, Натаниэль! — произнес главный тюремщик. — Ты уже на ногах или что там у тебя вместо ног? У нас гость, и он хочет поговорить с тобой.

— Ты не хотел бы когда-нибудь придти ко мне в другом наряде, Шэнкс? — прошипел Шептун. — Тогда мы посмотрели бы, стоят ли цветы на твоих щеках той туши, которой они наколоты!

Шэнкс повернулся к безоружному уорлдсингеру.

— Будьте осторожны, сэр. Три года назад он пытался убежать. Снял чары со шлема женщины-надзирателя, пробрался к ней в сон и убедил несчастную в том, что в камере томится ее муж, которого нужно освободить, открыв дверь темницы.

— Я полагаю, после этого вы не забыли поменять заклинания? — спросил уорлдсингер.

— Не беспокойся обо мне и Пуллингере, Шэнкс, — произнес

Шептун. — Мы давно с ним знакомы. Помнишь нашу последнюю встречу, Пуллингер? В ту пору ты был учеником охотника за мечеными. Ты тогда услышал, как твой хозяин пообещал моему отцу, что моя жизнь под покровительством ордена будет спокойной и удобной. Никто из жителей деревни больше не будет видеть кошмарных снов. Разгневанные отцы перестанут жаловаться на то, что я вбиваю в головы их дочерям, будто я — белокурый полубог с внешностью статного гвардейца. — Воспоминание заставило Шептуна улыбнуться. — Да, я был тогда молод. В юности пользуешься всеми благами, дарованными тебе природой.

— Ты — не творение природы! — взорвался от возмущения Пуллингер, и его лицо за колдовской стеной исказилось от негодования. — Но я предлагаю тебе возможность вкусить большей свободы, чем та, которой ты сейчас обладаешь!

— Я внимательно тебя слушаю, — с мнимой кротостью ответил Шептун.

— Наши предсказатели только что вернулись из города, именуемого Хандред-Локс, — уже спокойнее продолжил Пуллингер. — Тебе что-нибудь говорит это название?

— Огромная стена дамбы к северу от города, на другой стороне бухты, напротив того места, где находятся города-государства и Содружество. Вообще-то мои познания в географии Шакалии, — он указал на стены темницы, — слегка ограничены этим пространством.

— Тогда странно, почему наши предсказатели обнаружили там следы фейбрида, которые они сравнили со следами одного из обитателей приюта Хоклэм. Постоянное и неизменное присутствие — так они выразились. Центром его являлся дом, в котором были найдены трупы — Севенти-Стар-Холл. Полагаю, это название тебе тоже ни о чем не говорит.

— Пыльца, которую ты нюхаешь, вызывает у тебя галлюцинация, — неприязненно процедил в ответ Шептун. — Ты общаешься с духами земли и обнимаешься с деревьями.

— Я упрощу для тебя объяснение, — продолжил Пуллингер, не обращая внимания на слова собеседника. — Есть один мальчишка, которого ты вынуждал общаться с тобой на духовном уровне. Этот мальчишка, судя по всему, сейчас связался с неким ренегатом-уорлдсингером, самоучкой, не принятым в орден, и закоренелым преступником. Если ты скажешь мне, где они в данный момент находятся, то я сумею уговорить начальство, и тебя переведут в хорошую камеру. Там будут настоящий свет, настоящая еда и постель. Может даже твои таланты удастся поставить на службу государству, и тебя время от времени будут

выпускать на волю.

— Служение государству! — рассмеялся Шептун. — Выслеживать себе подобных на благо Департамента по делам феев, ты это хочешь сказать? Если тебе нужны ответы, танцуй по ночам вокруг дуба вместе со своими дружками и спрашивай у деревьев. Глядишь, что-нибудь да узнаешь.

— Будет лучше, если ты перестанешь упрямиться и начнешь сотрудничать с нами. Так будет лучше для всех нас.

— Да пошел ты подальше, цветочная морда! — выкрикнул Шептун. — Теперь позволь мне по-простому объяснить все тебе! Я не верю ни одному твоему слову и никому из твоих друзей, напяливших на себя красные одежды! В последний раз, когда я поверил тебе, ничтожество, мое доверие обернулось десятком лет среди сырых стен и пирогом с начинкой из крысиного мяса! Я ничего не знаю ни про какой Хандред-Локс, первый раз слышу о нем и о твоих предсказателях, о том, что происходит в мире с тех самых пор, как ты бросил меня в эту тюрьму! Теперь, я вижу, ты собрался натравить на меня своих псов. Или, может, сам вознамерился заговорить меня до смерти?

— Я же говорил вам, что этот тип неуправляем, — заметил Шэнкс, похлопывая дубинкой по открытой ладони. — Он не понимает нормального языка. По-хорошему вы от него ничего не добьетесь.

— Хорошо, — раздраженным тоном проговорил Пуллингер. — Я сейчас уйду, а вы попробуйте разобраться с ним по-своему. Я не потревожу чары, если приподниму занавес?

Тюремщик отрицательно покачал головой.

— После того, как вы бывали у нас в последний раз, многое изменилось, инспектор. Мы входим в камеру лишь под защитой специальных чар, наложенных с учетом индивидуальных особенностей заключенного. Стараемся, чтобы он не успевал к ним привыкнуть и не смог придумать способ противодействия, но нас тут всего трое и нам придется… заняться другими вещами.

Отгороженный от них колдовской стеной, Шептун выпрямился в полный рост и плюнул на незримую преграду.

— Ну, давай, Шэнкс, хочешь доставить мне удовольствие? Давненько я уже не убивал тюремщиков.

Пуллингер вышел в коридор и, пятясь, приподнял еще один занавес. Шэнкс кивнул надзирателям и ткнул дубинкой в бесформенного обитателя камеры номер восемь.

— Сейчас ты получишь по заслугам, Натаниэль. Посмотрим, удастся ли нам придать тебе форму, более приятную глазу, чем эта.

Внутренний колдовской занавес упал снова, и началось

безжалостное избиение.

Глава 14

Станция «Гардиан-Освальд» была переполнена правительственными чиновниками, государственными служащими и управленцами в накрахмаленных рубашках с высокими воротничками и галстуками. Пестрота расцветок и фасонов несла в себе тонкие намеки на чины, ранги и звания. Красный цвет предпочитали те, кто имел дело с транзакционными двигателями, пирамида и глаз означали чиновника Департамента внутренних дел. Серебряные крылышки указывали, что перед вами служащий адмиралтейства. Продираясь через колышущуюся людскую массу, Молли, коммодор и паровик-быстродум прокладывали себе путь из подземной пневматической станции, стараясь при этом уберечь ноги от синяков, которые могли оставить трости франтов в высоких цилиндрах.

Напоминая танцующие ноги кузнечиков, трости гринхолловских функционеров взлетали то туда, то сюда, отбивая в коридорах и переходах станционных туннелей безумную чечетку. Это был настоящий деловой ритм. Импозантный ритм. Дела подлежат выполнению. Выполнять их нужно в самом срочном порядке. Информацию необходимо обрабатывать, совещания организовывать и проводить. Каждая трость, помимо всего прочего, указывала на политическую лояльность ее владельца. Их очертания слегка повторяли форму полемических дубинок, к которым в случае парламентских разногласий прибегали члены политических партий, — заостренные у крикунов-роареров, с тупым концом — у хартлендеров.

— Вы только взгляните на этих чертовых суетливых грызунов! — воскликнул коммодор Блэк. — Они чопорно кивают друг другу. Добрый день, демсон. Добрый день, сэр. Каждый божий день — подумать только! — они просиживают штаны в уютных теплых конторах, и этот уют и тепло оплачивается за счет ограбления честных людей вроде меня, у которого отняли большую часть найденного сокровища. Разве хотя бы одна такая холеная сволочь знает, какие опасности подстерегают путешественника на Исла-Нидлесс? Разве знает хотя бы одна такая чернильная душа, что такое джунгли? Ответь мне, Аликот Коппертрекс! Нет, не знает, потому что все только тем и заняты, что ломают головы, как бы похитрее лишить меня причитающегося мне богатства!

— Сокровище принадлежало короне, Джаред, — ответил Коппертрекс, стараясь не задеть никого из прохожих своими

широкими гусеницами. — В данном случае были соблюдены королевские законы, касающиеся присвоения находки.

— Королевские, говоришь? А сколько золотых слитков и всяких там побрякушек в конечном итоге оказалось у бедного короля Юлия, у которого нет даже рук, чтобы их пересчитать? Нет, не корона, а грязная толпа этих скотов лишила меня моего богатства. Подозреваю, что моими денежками оплатили сладкую жизнь целой тысячи чиновников на предстоящее десятилетие. Заплатили за то, чтобы они придумывали еще более изобретательные способы воровства тех жалких крох, которые они оставили бедняге Блэки!

— Осторожно, коммодор! — шепнула Молли, пораженная роялистскими речами моряка. — Тут масса парламентариев и всяких демократов. Смотрите, накликаете на себя беду!

— Ты имеешь в виду дуэль, девочка? Не смеши меня! Ни одна из чернильных душонок Гринхолла в подметки не годится старине Блэки, если дело дойдет до поединка на полемических дубинках или саблях. Пусть только какой-нибудь паршивец в чиновничьем мундире посмеет сойтись со мной в поединке, я из него душу вытрясу. Вот тогда посмотришь, сколько украденных у меня монет вылетит из воровских карманов такой твари!

Хрустальный купол Коппертрекса раздраженно вспыхнул разрядом.

— Один мой знакомый, который здесь работает, пообещал оказать нам любезность, мягкотелый коммодор. Так что мысли об алчной натуре шакалийской бюрократии пока что не стоит выражать вслух.

Молли уже успела усомниться в мудрости Никльби, которому неожиданно взбрело в голову посетить место самого последнего убийства, совершенного душегубом с Пит-Хилл. Жертвой стала олдерменша из Вайнсайда, убитая в квартире жилой башни, окна которой выходили на воды реки Гэмблфлауэрс. Из несчастной женщины была выкачана до последней капли кровь, а мертвое тело убийца оставил болтаться на балке потолочного перекрытия. Внезапное решение Никльби вынудило их воспользоваться подземкой, но и само отсутствие писателя оставило Молли в обществе зануды-подводника и невозмутимого паровика-быстродума. Молли мысленно усмехнулась. Вынудило воспользоваться подземкой. Это ж надо! Всего пара недель в Ток-Хаусе, и она уже почти забыла о том, что, живя в работном доме, могла лишь мечтать о подобной поездке. А теперь верхом удобства и роскоши ей представляется езда на механической повозке Никльби.

Неизвестно, правда, все ли чиновники, заполонившие

главный вестибюль станции «Гардиан Освальд», сохранили знание шакалийского просторечия, чтобы по достоинству оценить роялистские выпады коммодора. Бюрократы Гринхолла имели печальную славу пользователей старого дочимекского языка, асглийского, с удовольствием употребляя мертвый язык при составлении коммюнике, протоколов заседаний и прочих документов.

Государственные мужи устраивали совещания, где разглагольствовали о делах страны, используя при этом цветистые выражения и древние временные формы глаголов, отброшенные историей за ненадобностью еще тысячи лет назад. И хотя государственные служащие утверждали, что морфология и семантика асглийского значительно облегчает их работу, истинная причина заключалась в том, что использование древнего языка позволяло им заткнуть за пояс их хозяев в Палате Стражей, всячески затуманивая суть их обязательств перед электоратом.

Снаружи, за стенами станции пневматической подземки, улица была запружена пешеходами и двухколесными экипажами, которые, ловко маневрируя среди людских толп, доставляли сюда старших государственных служащих с другой стороны реки. Высившийся над мутными водами реки Гэмблфлауэрс комплекс дворцов, башен и подземных транзакционных залов, постоянно снабжался подвозимым на баржах льдом. И хотя охладительные трубы работали на полную мощность, Молли все равно чувствовала остаточное тепло, испускаемое гигантскими транзакционными двигателями. От них веяло жаром, как из открытой духовки. Сквозь пелену дрожащего над мостовой воздуха Молли были хорошо видны высокие, похожие на гигантские колокольни сооружения, частично скрытые от взгляда завесой пара. Но если в старой детской песенке пелось о семи шпилях, то здесь их было гораздо больше. В Гринхолле имелось больше материнских кристаллов, чем в любом другом узле системы кристаллосвязи; незримый поток информации требовал для ее обработки целые легионы крохотных передатчиков блюскинов. Транзакционным машинам ежедневно скармливались акры перфорированных карточек. Потребность двигателей в картах была столь же острой, как и потребность бойлеров в коксе.

Молли направилась было к открытым дверям, перед которыми уже скопились длинные очереди людей, державших в руках какие-то записки или наполовину заполненные бланки — это были просители, готовые отдать себя на милость бюрократических жерновов, — но Коппертрекс осторожно взял ее руку своими железными пальцами.

— Не нужно вставать в очередь, мягкотелая Молли. У меня есть знакомые, которые здесь работают.

С этими словами Коппертрекс покатил дальше по Гринхолл-авеню, мимо рядов, где на прилавках были выложены угри и рыба дарт, которые в изобилии водились в реке рядом с теплообменниками. Паровик-быстродум отвел их в паб, расположенный напротив одного из служебных входов в Гринхолл. Назывался он «Танцор Джинго». Судя по обилию выцветших на солнце перфорированных карточек, засунутых в щели между стеклом и подоконником, главными его посетителями были механики, обслуживающие транзакционные машины. Это был дешевый двоичный юмор и записки, которыми обменивались завсегдатаи. Несмотря на раннее утро, таверна была полна рабочих ночной смены. Мода на дешевый джин заграничного производства еще не охватила мелких служащих Директората информации Гринхолла. Подносы с кружками эля торопливо передавались посетителям и попадали в грязные мозолистые руки, не чуравшиеся самой тяжелой работы. Официанты суетились вокруг механиков с бородами, заплетенными в косички на традиционный манер мехомантов. За этой суетой, меланхолично попыхивая трубками с мамблом и пребывая в мире наркотических грез, наблюдали с обтянутых кожей диванчиков операторы перфокарт, известные в народе как картежники.

Коммодор не удержался от театрального стона.

— Ради всего святого, только не он! Неужели нам придется довериться его мнению?

Какой-то худощавый рыжеволосый человек с лысой макушкой, похожей на монашескую тонзуру, жестом пригласил их к своему дивану и отодвинулся, явно старясь избежать соседства с корпулентным подводником.

— Значит, это та самая барышня? — спросил он, оглядывая Молли с головы до ног. — Самая обычная миддлстилская простушка.

— На себя посмотри, рабочий паренек! — не полезла за словом в карман Молли. — Лучше бы ты за руками своими следил!

— А ты, я смотрю, бойкая, — отозвался рыжеволосый ловкач. — Но не нужно важничать. Коппертрекс, ты принес то, о чем мы договаривались?

Паровик заговорил и его куполообразный череп осветил темный угол паба.

— Если ты сможешь организовать доступ к нужному нам месту, Бинчи мягкотелый.

— Разве старина Бинчи тебя когда-нибудь подводил? — вопросом на вопрос ответил карточный ловкач. — Правда, дело это не из простых, точно тебе говорю. Пришлось просить кое-кого об услуге. И сегодня друзья моих друзей будут делать вид, будто смотрят в другую сторону.

Коммодор Блэк наклонился к ловкачу.

— Это хорошие друзья, Бинчи? Такие же, как и те ловкие парни, которые прикарманили мои карты Огнедышащего моря?

Бинчи отпрянул назад.

— Я уже говорил тебе, Джаред. Их информация основывалась на данных топографических карт, составленных, в свою очередь, на основе данных, которые были получены при подъеме затонувшей имперской лодки. Неужели ты думаешь, что Бог-Император досконально разбирается в вождении субмарин?

— По крайней мере ему хватило имеющихся у него знаний, чтобы изжарить «Фею озера» и потопить ее у суровых берегов Исла-Нидлесс.

— Но ты же вернулся оттуда и вернулся с деньгами. Ты так любишь море, Джаред, что мог бы потратить часть своего богатства на новую лодку.

— Не строй из себя дурака! — заявил коммодор. — Сам знаешь, что бы из этого вышло.

Бинчи прикоснулся к кончику носа.

— Намек понял, капитан. Разве старина Бинчи тебе никогда не помогал? А так как Коппертрексу кое-чего не хватает по части департамента карманов, то, наверное, то, что мне нужно, принес ты или эта красотка, я угадал?

Коммодор Блэк кивнул и вытащил из кармана красного жилета тонкий сверток из коричневой бумаги. Бинчи погладил его, как будто опасаясь, что тот может в любую секунду исчезнуть, затем осторожно развернул оберточную бумагу. Взгляду предстали пять перфорированных карточек, черных, с окантовкой, сиявшей серебром в газовом освещении таверны. Молли немного подвинулась, чтобы получше их разглядеть. Дырочки образовывали рисунок кода транзакционной машины. Эх, взять бы их в руки! Ее так и тянуло прикоснуться к этому узору, пощупать эту информацию, подержать карточки в руке.

— Это сработает? Или хотя бы как-то поможет? — спросил Бинчи.

— По крайней мере поможет, — пообещал Коппертрекс. — Я же все-таки быстродум.

— Верно, — согласился Бинчи. — Ты ведь у нас голова. Еще какая светлая голова, Коппертрекс! Твои мысли — исключительно энергия и свет, мои — сырое мясо. Как тот кусок говядины на

разделочной колоде мясника.

— Есть много носителей, хороших и разных, — произнес Коппертрекс. Это был знаменитый девиз расы паровиков.

— Верно, — вздохнув, повторил Бинчи. — Хороших и разных. Сейчас я вас покину. Подождите три минуты и тоже идите. Пройдете через ворота напротив таверны. На вас никто не обратит внимания. Я буду ждать вас внутри.

С этими словами он растворился в толпе посетителей паба и вскоре исчез из виду.

— Он может в два счета лишиться работы в Гринхолле из-за нескольких перфорированных карточек?

— Да, девочка. Но я сомневаюсь, что он перетруждает себя работой, — ответил коммодор. — Он глубоко закопался, совсем как ленточный червь. Им ни за что не выковырять его оттуда.

— Транзакционные машины внутри Гринхолла — это сложный, массивный комплекс, — пробасил паровик. — Система на системе, их добавляли веками. Примитивные, но очень мощные. Механики, обслуживающие машины, лишь частично разбираются в них, но никто не знает принципа действия всего комплекса. Подобно всем сложным системам, эти машины обзаводятся паразитами и страдают от болезней — информационных недугов. Жена Бинчи, также как и он, работала карточным оператором, однако заразилась от одного из паразитов. Ничего не поделаешь, профессиональное заболевание, от него не застрахован ни один картежник.

— Милая, славная Бекки, — вздохнул коммодор. — Как жаль, что теперь бедняжка день и ночь лежит в постели и несет в двоичном коде всякую околесицу.

— Эти карточки — они что-то вроде лекарства? — спросила Молли.

— Боюсь, что нет, — ответил Коппертрекс. — Экосистема транзакционной машины неизменна, мягкотелая Молли. Я могу вылечить такую болезнь у барабанов, плат и переключателей транзакционной машины. Но стоит информационной болезни перескочить в одну из ваших голов, как она развивается с бешеной скоростью. Я едва поспеваю за ней в своих попытках разработать математическую формулу-хищника, которая бы ее стерла. Эти карточки дадут мягкотелому Бинчи возможность хотя бы на день дать прозрение своей спутнице жизни. Затем информационный паразит снова вернется к ней, и она впадет в прежнее безумие.

Выждав названное картежником время, они вышли из «Танцора Джинго» и влились в толпу клерков и бюрократов, входящих в ворота здания напротив. Пока чиновники засовывали

свои служебные удостоверения в считывающее устройство турникета, какой-то незнакомый человек, по всей видимости, вахтер Гринхолла, открыл расположенную рядом дверь и впустил Молли, Коппертрекса и Блэка. При этом он тайком огляделся по сторонам, проверяя, не заметил ли кто, что посторонние прошли через служебный вход, после чего вновь вернулся к выполнению своих обязанностей. На сей раз Бинчи скорее всего заранее позолотил нужные ручки.

По своему обыкновению, обитатели Гринхолла не ограничивали себя в удобствах. Перед тремя посетителями простирался просторный атриум, над которым, этаж над этажом, высился настоящий мраморных лабиринт уходивших вверх лестниц и галерей. Гринхолл сотрудничал с Палатой Стражей так же усердно, как до этого служил королям. Не приходилось сомневаться, что будь власть в руках у карлистов, а бульвары — украшены вздернутыми на фонари телами демократов и лордов-купцов, единственное, что осталось бы неизменным — бюрократы в храме бумаг и администрирования, расположенном в самом сердце Шакалии. Молли ничуть не сомневалась: обитатели Гринхолла с завидным усердием составили бы списки аристократов, которых надлежало скормить Гидеонову Воротнику, при условии, что это позволило им сохранить за собой непыльные должности и теплые местечки.

Из-за ряда бюстов, установленных на высоких гранитных постаментах, появился Бинчи. Он катил перед собой небольшую тележку, нагруженную стопками бланков, перевязанных зеленой лентой.

— Молли, я правильно запомнил имя? Ты толкаешь тележку. Коппертрекс, ты светишь своей головой. Что касается вас, капитан… — Бинчи сунул в руки коммодору трость. — Вы должны постоянно сохранять недовольный вид. Уверен, для вас это не составит никакого труда. Если кто-нибудь попытается заговорить с вами, ничего не отвечайте, а просто сердито посмотрите на него.

Коммодор Блэк внимательно рассмотрел трость.

— Роарерская? Никогда в жизни не голосовал за них!

— Может, и роарерская, но вид у вас такой, будто вы готовы любого хорошенько огреть этой штукой.

Странного вида компания двинулась вперед через многочисленные коридоры и залы. Странно, подумала Молли, никто даже не пытается остановить их или хотя бы спросить, куда они направляются. Впрочем, эти коридоры не знали той суматохи, которую она видела на фабриках, кожевенных заводах или прачечных, куда время от времени Совет по делам бедных

направлял ее согласно заявкам нанимателей. Здесь никто не опасался, что отстанет от графика работ и не выполнит дневную норму. Здесь не было страха заболеть, потерять работу. Не было опасений, что экономика Шакалии может претерпеть очередной спад и ты лишишься своего места маленького винтика в ее сложной системе, и его с радостью займет любой другой из бесчисленной армии миддлстилских бедняков. Люди ходили по коридорам Гринхолла так, будто совершали утреннюю прогулку по тенистым аллеям и дорожкам паркам Голдхейр.

У Молли едва не остановилось сердце, когда мимо них прошествовал какой-то крабианец и приветственно им кивнул.

— *Ке сеог ти нам машина!*

— *Хо тон ор маль,* — ответил ему Бинчи.

— Какой интересный древний язык, — произнес Блэк, когда крабианец скрылся из виду в одном из залов. — И вы всегда здесь на нем общаетесь?

— Есть в нем некая элегантность, — ответил Бинчи. — Нужно только привыкнуть к нему. Кроме того, он подобен плащу волшебника.

— Плащу волшебника? — изумилась Молли.

— Мы говорим на нем по той же причине, по какой уорлдсингеры носят красные плащи, Молли. По какой члены магистрата и судьи надевают напудренные парики. В соответствии с ней же техники говорят, что вырубают транзакционные барабаны, а не выключают их. Представители любой профессии любят придавать своему занятию слегка мистический характер, спрятать истинную суть своего дела за ширмой слов, не понятных окружающим, делать простое сложным. — Бинчи кивнул в сторону проходившего мимо служащего. — Повышает жалование, придает важность всем вашим поступкам, не допускает прихода в вашу профессию новичков, готовых открыть на другой стороне улицы конкурирующую фирму. Впрочем, Джаред, зачем я вам это рассказываю. Вы и сами это знаете не хуже меня. Или вы забыли о том времени, когда отправили меня в колонии в вашем железном корыте, вы и ваши морские волки? Неужели у моряков мало словечек, понятных только вам одним? Все эти румпели, кабельтовы, баки и форштевни. Я за всю свою жизнь не слышал так много бессмысленных слов, как в те дни, когда плыл под волнами на борту вашей «Феи озера».

Череда широких лестниц и пандусов привела их вниз, в небольшой коридор, стены которого были обиты панелями из красного дуба. Здесь их ожидал подъемник без дверей. Несколько десятков кнопок из слоновой кости — по одной на каждый этаж

— свидетельствовали о том, на какую глубину уходила под землю громада Гринхолла. Нижние этажи, должно быть, содрогались от грохота, когда где-то рядом пролетали капсулы пневматической подземки.

— Департамент анализа крови находится вот на этом уровне, — пояснил Бинчи. — Его транзакционные машины сегодня утром были остановлены по причине аварийного ремонта. Во всяком случае, такое объяснение получил обслуживающий персонал. Несколько верных мне людей делают вид, что заняты устранением неполадок.

— Эффективная уловка, мягкотелый Бинчи, — похвалил Коппертрекс.

— Некоторые наши медики — настоящие мехоманты, дружище паровик, — ответил Бинчи. — Но любой, кто хоть что-то смыслит в технике и мог бы помешать нам, получил приглашение от университета на семинар, который состоится сегодня днем. Совершенствование каталогизации анализов крови, такая у него тема. Можно сказать… — он постучал пальцем по голове, — новое мышление. Отличительная черта всех гениев.

Пол зала, в который вскоре привел их Бинчи, был завален зубчатыми колесами и вычислительными барабанами. Сюда уже поднимались техники в коричневых кожаных фартуках. Молли перегнулась через ограждавшие галерею перила. Вдаль уходили комплексы исполинских транзакционных машин размером с жилой дом. Вычислительные барабаны некоторых из них были ничуть не меньше бочонков с джином в таверне «Кожа ангела». В полумраке помещения было видно, что сотни таких барабанов вращаются. Их движение сопровождалось приглушенным пощелкиванием. Техники передвигались — вернее, парили — по подземному залу на веревках при помощи блоков, держа наготове банки с тавотом для смазки подшипников, которые уже начинали дымить.

Бинчи указал на лежащие на полу механизмы и контрольные барабаны.

— Эй, мне нужно, чтобы это заработало!

— Не бери в голову, Бинчер! — откликнулся один из техников. — Это запасные части, которые мы сняли с Бссси-98 в Департаменте тюрем и исправительных учреждений. Ты же сам нам сказал, чтобы у них был вид неисправных. Если просто повесить табличку, на которой написано, что они не работают, кто бы нам поверил, верно я говорю?

Бинчи заговорщически подмигнул Коппертрексу.

— Инициатива — хорошее дело, как считаешь? — С этими словами он подошел к пульту управления, который высился над

машинным отделением, и вытащил из него переговорную трубку. — Говорит Департамент анализа крови, зал номер пять, уровень первый. Загрузите для нас все печи, мы до обеда будем проводить испытания.

Убрав переговорную трубу на место, Бинчи направился к перфоратору, где работали двое техников в кожаных фартуках.

— Бинчер, теперь у тебя есть доступ от имени главы департамента, — сообщил один из них. Второй рабочий выкатил вперед поддон с роликами, на котором был установлен комплект оборудования. Молли подтолкнула машину — та представляла собой массу миниатюрных приводов и переключателей, а на передней панели располагались ряд за рядом крошечные кубики, что-что вроде счет с тысячью мелких костяшек.

— Последняя модель, — пояснил Бинчи, похлопав по поверхности агрегата. — Только что поступила этим летом из королевских мастерских Эксуотера.

Молли покрутила в руках один из кубиков. Стороны чередовались — то черная, то белая.

— Похоже на заменитель ленточного печатающего устройства! Вращая кубики, можно получать самые разные сочетания — геометрические фигуры, слова, возможно даже рисунки.

— Чтоб мне провалиться! — воскликнул Бинчи. — Ты что, выписывала «Журнал философских транзакций»? Где ты могла видеть ротатор Раднеджа? Их всего четыре на весь Гринхолл!

— Я была в театре и сидела в партере. Показывали дагерротипные снимки экспедиций в далекие страны, — призналась Молли. — Похоже, что принцип тот же. С той лишь разницей, что эта машина предназначена для транзакционных машин.

— Разумеется, — повторил Бинчи и подозрительно посмотрел на девушку. — Послушай, Молли, ты схватываешь идеи прежде, чем видишь само устройство. Приходи ко мне. Я познакомлю тебя с моими друзьями из патентного бюро.

— Похоже, что мягкотелая Молли обладает интуитивным талантом в таких делах, — заметил Коппертрекс.

Бинчи с интересом посмотрел на девушку.

— И сейчас тоже?

Он загрузил стопку пустых карточек в перфоратор. Клавиатура у машины была такая же широкая, как у пианино в приюте, на котором обычно играла демсон Дарней, но более сложная — помимо цифр и букв, на многие клавиши были нанесены знаки логического языка, который картежники на своем жаргоне в шутку называли Простачком.

— Посмотрим, что мы имеем, — произнес Бинчи. — Молли ты помнишь свой гражданский номер?

Молли закрыла глаза и назвала двадцатизначный код, который прочно вколачивали в память любому шакалийскому ребенку. Бинчи ловко вбивал цифры, его пальцы легко порхали по клавиатуре.

— Хорошая у тебя память, детка!

— Мне часто приходилось называть его моим нанимателям, — призналась Молли. — А их у меня было много.

— Никак не могла подобрать себе профессию? — удивился картежник. — Я тоже долго не мог, пока мой двоюродный брат не определил меня сюда. — Блэк передал коммодору напечатанную карточку. — Капитан, не будете ли так любезны?

Коммодор Блэк засунул карточку в считывающее устройство и потянул вниз загрузочный рычаг. Внизу, в машинном зале, приглушенный шум вращающихся барабанов влился в механическую симфонию, напоминавшую хруст ломаемых деревьев, сквозь которые продирается неуклюжий великан.

— Ах, Бинчи, мне кажется, будто я снова на борту «Феи озера». Веду ее вслепую по Огнедышащему морю, и у меня нет ничего, кроме свернутых в трубку украденных карт.

Тысячи костяшек-кубиков ротатора Раднеджа пришли в движение, создавая цепочку пиктограмм.

— Да, подробностей не густо, — заметил Бинчи, переводя изображения в слова. — Стандартные данные переписи, которые работный дом должен был подать вместе с заявкой на выделение тебе пособия. Предположительная дата рождения, дата поступления в приют, согласие на то государственных органов, личные данные. — «Картежник» посмотрел Молли в глаза. — А ты, оказывается, не шутила. Неужели в Сан-Гейте осталась хотя бы одна фабрика или мастерская, в которой ты не поработала?

Коппертрекс внимательно изучил строки Простачка.

— В записи имеется какая-то аномалия. Насколько я понимаю, к этому файлу должен прилагаться образец анализа крови.

— Непременно, — согласился Бинчи. — О Великий Круг, почему его нет? Он же был здесь, посмотрите, об этом свидетельствуют соседние цифры. Если бы анализа не было, эта часть записи оставалась бы пустой.

— Но у меня в прошлом году брали кровь на анализ! Предварительная регистрация для участия в выборах. Ее брал какой-то дешевый лекарь, после него у меня еще целую неделю болела рука, — пожаловалась Молли. — Почему же тогда результата анализа нет в моем файле?

Бинчи удивленно присвистнул.

— Вот так дела! Если бы нас просто застукали здесь, не миновать нам высылки в колонии. Но изменение файла — за такое светит виселица. Выходит, кто-то залез в систему и здорово поковырялся в твоих файлах, Молли.

— Скверная история, — заметил коммодор.

— Наш брат картежник иногда занимается подобными делами, но лишь шутки ради, — сообщил Бинчи. — Попробуем во всем разобраться. Вдруг тот, кто это сделал, оставил след. — Его пальцы снова запорхали над клавиатурой, и через несколько минут он набил еще одну перфорированную карточку. Пока она загружалась, Бинчи нервно барабанил пальцами по столу, ожидая, когда ротатор считает последний набор команд. Вскоре агрегат стал выдавать новый поток символов, колонка за колонкой.

— Похоже, что удаление информации — побочный эффект нелегального поиска. Чтобы остаться незамеченным, тот, кто это сделал, был вынужден, фигурально выражаясь, выскользнуть через заднюю дверь. Поэтому он и уничтожил интересовавшую его запись. Из чего следует, что некто охотился за какими-то образцами крови, не исключено, что твоими.

— Кровь, опять эта чертова кровь, — пробормотал Блэк. — Все сводится к ней. Жертвы душегуба с Пит-Хилл были найдены на улице. Кровь из них выкачали всю, до последней капли. Никльби, как всегда, втянул нас в историю, в свой бестолковый поиск истины. За бедняжкой Молли гонится голодный вампир. Мне же хочется спокойно прожить те немногие годы, что отпущены мне судьбой.

— Твоя версия имеет свои достоинства, мягкотелый Джаред, — вступил в разговор Коппертрекс. — Извини меня. — Он подкатился к консоли и начал набивать на клавиатуре новый набор команд. Его железные пальцы были слишком велики для маленьких клавиш. Молли решила, что обычно для подобных целей паровик использует своих крошек-клонов. Однако сегодня не тот случай — было бы рискованно тащить их за собой в Гринхолл, ведь они непременно привлекли бы к себе внимание окружающих.

Бинчи вытащил готовую карточку и посмотрел на сотни аккуратных точек, пробитых паровиком.

— Как я понимаю, это какая-то разновидность записи элемента данных? — спросил он и засунул карточку в приемное устройство транзакционной машины.

— Хочу посмотреть, в скольких еще файлах имеется аномалия, сходная с аномалией файла Молли, — объяснил

Коппертрекс. — Это даст нам перекрестную ссылку на данные нулевого поля и создаст таблицу совпадений.

В следующее мгновение ротатор выдал массу новых символов. Бинчи принялся водить пальцем по строчкам пиктограмм. При этом он беззвучно шевелил губами. Стоявший рядом с ним Коппертрекс делал то же самое; ритм его мыслей сопровождался разрядами энергии под куполом прозрачного черепа. Картежник поджал губы и шумно опустился на стул. Паровик также молчал, погруженный в размышления.

— Ну, что там? — не удержался Блэк. — Аликот Коппертрекс, что выявил твой гениальный мозг? Отвечай! Не молчи, не пугай малышку!

— Скажи ей! — повторил его просьбу Бинчи. — Пожалуйста!

— Ну, говорите! — потребовала Молли. — Неужели ты узнал, кто мои родители?

— Нет, этого я не узнал, — ответил Коппертрекс. — Дорогая млекопитающая, все эти учетные записи связывает кое-что другое. — Паровик указал на консоль ротатора. — Это — отсутствующее поле. К нему примыкают сведения, связанные с расследованием Хэм-Ярда. Молли мягкотелая, в списке имеется более семидесяти имен. Все люди, чьи учетные записи имеют сходную с тобой аномалию, были убиты или пропали без вести. Я по-прежнему не знаю, почему за ними охотятся, но какова бы ни была причина, я думаю, что ты осталась последней в списке живых.

Где-то в глубинах машинных залов Гринхолла после более чем года сна пробудилась одна особа. Она проверила свою целостность на предмет возможных изменений, но ничего не обнаружила. Затем прошлась по переключателям и клапанам, чтобы выявить возможные следы, оставленные другими наблюдателями. Ничего. Значит, она оставалась там, куда ее когда-то погрузили. Истинные эмоции были ей не свойственны, но она отметила в себе нечто близкое к самоуспокоенности. Дело было не в том, что ее обеспокоило присутствие примитивных стражей-картежников, с ними она вполне могла справиться. Дело было в других созданиях, проникших в дебри системы, которых ей следовало избегать; они размножались, воспроизводя себя на барабанах транзакционных машин. Сами эти барабаны постоянно усовершенствовались и заменялись на новые, но их никогда — что было разумно — не убирали из боязни нарушить структурные цепи накопительных систем. К этим созданиям она относилась со страхом. Гнезда умной и зловредной математики, которые охотно проглотят ее и сделают частью единого целого.

Так-то вот. Нечто вновь пробудило ее. В какой-то момент натянулась одна из множества сотканных ею незримых нитей, призванных предупредить о приближении врага. Нужно пройти по всей длине этой нити и хорошенько рассмотреть, что там на ее конце. Что же такое вторглось в систему? Ага, кто-то просматривает последний активный файл. Остался лишь он один. Пока она спала, его создатель не сидел без дела. Волна фальшивого изумления. Похоже, что удаление целей вызвало у кого-то легкое любопытство.

Запрос был нормален по шакалийским стандартам, однако от него по-прежнему сильно разило несовершенством — он был долог там, где ему надлежало быть коротким. Проследить функцию оператора. Глава департамента. Правда, сегодня приход главы департамента в Гринхолл не был зарегистрирован. Что же, вряд ли стоит ожидать, что тот, кто сделал это, прошел сюда открыто, под своим собственным именем. Следовательно, необходимо проанализировать след, оставленный узором набора команд, сопоставить с подобными запросами, сделать перекрестную ссылку к доступу оператора, заново отследить функцию оператора. Скорее всего это дело рук штатного механика или «картежника». Скопировать файл с именами и адресами штатных сотрудников.

Был и второй запрос в учетной записи того же оператора, но такой запрос ни за что и никогда не мог быть составлен разумом мягкотелого. В поиске нет ни одной лишней строки. Весь запрос элегантен, точен, красив, как звук мастерски отлитого колокола. Она на миг пожалела о том, что никогда не встретит автора запроса, сделанного через перфорированную карточку. Автор, конечно же, паровик, причем паровик, наделенный несомненным чувством стиля. Как жаль, что такого разумного представителя механической расы придется уничтожить. Паровику не следовало бы совать свой обонятельный комплект в дела своего создателя. Увы, слишком поздно для подобных сожалений.

В одной из многочисленных башен системы кристаллосвязи Гринхолла некая рука лениво нырнула в лоток и выудила очередную карточку. Это дежурство было легким, данная башня занималась лишь автоматическими заявками. Запасы муки в форте Дерьмоу истощились, их необходимо пополнить, автоматически закодировать транзакционными машинами. Нет никакой необходимости разбирать чернильные каракули, написанные дрожащей рукой старой женщины, поздравляющей сына с днем рождения, как приходится делать операторам общественных станций. Что ж, будем считать, что этому человеку повезло. Потому что если бы посыльный прочел зашифрованное

послание на доверенной ему перфорированной карточке и попытался донести о нем начальству, его бездыханное тело уже на следующий день плавало бы в сточных водах Гэмблфлауэрса.

Глава 15

Оливер находился на дне моря. Временами его поднимало на поверхность, и давление глубин ослабевало. Он приближался к свету и слышал голоса. Кто-то жаловался недовольным тоном:

— Я все-таки архитектор, а не ветеринар!

Вскоре голоса исчезли, и до его слуха донеслось пение. Странные мелодии, нечеловеческие, но восхитительно совершенные. Мелодии без слов, что-то вроде машинного кода. Он вновь погрузился в черноту, которая вызывала ощущение покоя и безвременья. Потом в дальнем конце темного зала возникла белая точка. Она росла на глазах и вскоре приняла вполне различимую форму, причем довольно уродливую.

Шептун.

— Оливер! — прошипел его давний знакомый. — Ты меня слышишь?

— Это не сон, — ответил Оливер. — Я не сплю.

— Сосредоточься на мне, Оливер. Останься со мной. Ты находишься в коме. Твое тело на прошлой неделе едва не умерло, причем даже не один раз, а дважды.

— Я испытываю удивительную легкость, Натаниэль. Мне кажется, будто я умею летать.

— Ты улетишь отсюда навсегда, мой мальчик. Ты получил отравление. В зубах двух кассарабийских охотников за рабами есть канал, соединенный с ядовитой железой. Архитекторы считают, что она досталась им от ядовитого угря.

— Архитекторы?

— Ты сейчас находишься в Свободном Государстве Паровиков, в горах Механсии. Личные хирурги Короля-Пара пытаются спасти тебе жизнь.

— Замечательно, — сказал Оливер. — Шептун, у тебя самого больной вид. Ты похудел и еще эти раны на твоем боку… что случилось?

— Я ничего не ел в последние дни, — закашлялся Шептун. — И я вошел в дверь, правда, сначала ее нужно было увидеть.

Оливер лег на бесконечный пол зала.

— Тогда давай спать. Сон — лучший лекарь.

— Не спи! — закричал Шептун. — Оливер, останься со мной! Уснешь и не проснешься! Твое тело плохо сопротивляется проникшей в него заразе — это не яд гиблого тумана и не яд уорлдсингерской магии, и та часть тебя, что не принадлежит этому миру, не собирается с ней бороться. Ей безразлично, что с ним случилось.

— Какая разница, — признался Оливер. — Пришло время отдыха.

— Не хочешь — как хочешь, — ответил Шептун и схватил его за руку. — Все равно тебе помирать! Не раньше, так позже.

Что-то выскочило из тела Шептуна и мгновенно проникло в руку Оливера, обжигая подобно кислоте. Юноша с криком откатился в сторону.

— Ну что, ускорили свой ток фейбридские соки, Оливер? Ты все еще хочешь спать?

Сплошная тьма. Бежать некуда. Оливер попытался высвободить руку, однако Шептун вцепился ему в лодыжку, и ногу тотчас пронзила огненная боль.

— Это реакция фея, Оливер, я имею в виду нас с тобой. В такие игры можем играть только мы, меченые. Именно из-за них меня на долгие годы упекли в Хоклэм.

По-прежнему пытаясь вырваться на свободу, тело Оливера забилось в конвульсиях. Казалось, в него со всех сторон вонзаются острые иглы боли.

— Умоляю тебя! Во имя любви к великому Кругу! Больно! Ты убиваешь меня!

— Нас обоих, тебя и меня! — засмеялся Шептун. — Забился на пенс, выкладывай гинею! Ну что, посмотрим, какой силы возбуждение выдержит твоя прекрасная человеческая оболочка, в которой ты прячешься, а?

Сухожилия затрещали, плоть задымилась, а черный зал рухнул — его стены пошли красными трещинами боли. Изо рта Оливера наружу вырвались расплывчатые, кроваво-красные силуэты безобразных демонов. Они то кружились над ним пчелиным роем, то пикировали прямо на его противника. Шептун качнулся назад, и часть его руки исчезла, превратилась в пар.

— Ну, наконец-то! Сколько еще можно было тянуть!

Словно вырвавшаяся из вулкана магма боль уносила Оливера все выше и выше. Даривша умиротворение темнота осталась далеко позади, а его самого забросило в зал с белыми каменными стенами. Тело юноши изгибалось дугой, утопая в лужах пота.

Оливер часто дышал, лежа на столе, напоминающем гигантскую глыбу белого камня. Вообще-то вокруг все было белым, да и саму комнату заливал чистый белый свет, струившийся через стеклянный потолок. Заснеженные пики гор за окнами комнаты были единственным свидетельством того, что он не изгнан из ада и не заброшен в рай. Оливер закашлялся и схватился за маску, натянутую ему на лицо. Из-под нее вырвалось вещество, похожее на густой желтый пар с запахом морковного супа, который готовила демсон Григгс.

А что это за тяжесть в ноге? Оливер увидел, что у него на лодыжке сидит огромный паук. Видение было столь неожиданным, что не до конца очнувшийся от кошмара юноша вскрикнул.

— Успокойся! — раздался незнакомый голос. — Это всего лишь клон.

И тогда Оливер увидел паровика; от его полированного панциря десятками ярких звездочек отражался свет.

— Ты находишься в Архитектурном Доме, юный мягкотелый. Я — тот, кого можно назвать специалистом в области сравнительной медицины.

— Так это Механсия?

— Именно. Она самая. Тебя принес сюда твой друг, — ответил паровик. — Тебе повезло, ты снова сможешь функционировать. Твое тело было инфицировано в результате укуса существа, созданного биомантами. Соки твоей жизненной системы отравлены его токсинами, и твоя болезнь сильно напоминает хрустальную плесень, от которой страдают мои соплеменники. Я был занят тем, что пытался усовершенствовать фильтр для очистки жизненных соков быстрокровных, но твой организм сам изверг яд наружу. Я не предполагал, что твоя раса обладает подобной способностью. От ваших торговцев я получал журналы королевского института твоей страны, но еще никогда мне не приходилось читать о таком удивительном случае самоисцеления.

Оливер вспомнил, как Шептун прижигал его тело. Подняв руку, он вытер пот, заливавший ему глаза.

— Мне помогли.

— Конечно, тебе помогли, — ответил паровик и погладил клона, сидящего на лодыжке юноши. — В твою ногу вставили пробный фильтр. Я не буду вынимать его — в нужное время он сам растворится в твоих жизненных соках — или же лекарь удалит его, если ты согласен подождать еще один день.

— Оставьте, — согласился Оливер и добавил. — Я хочу видеть Гарри.

— Твой друг сейчас во дворце, — ответил паровик-архитектор. — Тебе же требуется отдых.

Юноша попытался встать со стола, но снова упал на спину, чувствуя себя слабым, как младенец.

— Мы сейчас высоко в горах. Твой мягкотелый организм не только отравлен ядом, но и не до конца приспособился к нашему разреженному воздуху. Для этого потребуется какое-то время.

— Пожалуйста, архитектор!..

— Архитектор Голдхед, — представился паровик. — Ранее

мои умения лечить быстрокровных вроде тебя ограничивались чтением журналов, но теперь я могу с уверенностью утверждать, юный мягкотелый, что для поправки организма тебе нужен покой и усиленное питание. Прошу тебя лечь. Иначе я позову моих клонов, и они свяжут тебя.

При упоминании о пище желудок Оливера требовательно заурчал.

— Питание пришлось бы весьма кстати, архитектор Голдхед.

— Я уже оповестил наше посольство о том, что тебе нужна еда, — сообщил паровик. — Служащие посольства имеют богатый опыт приготовления органической пищи в том виде, в каком она пригодна для быстрокровных.

Интересно, какую пищу приготовят ему представителями механической расы? Ведь у них отсутствует чувство вкуса. Впрочем, судя по звукам, издаваемым пустым желудком, сейчас не тот момент, чтобы привередничать.

Два последующих дня юноша провел в операционной Архитектурного Дома. Посетителей к нему не допускали, единственные, кого он видел, были безмолвные, похожие на пауков медицинские клоны и их хозяин.

У Оливера было достаточно времени, чтобы через огромные окна операционной рассмотреть горные пики Механсии. Окутанные туманом городские здания облепили склоны гор, как грибы трухлявый пень. Здесь же змеились во все стороны огражденные перилами тропинки с высеченными в толще камня широкими ступенями. По ночам он слышал, как звенят и хлопают, развеваясь на ветру, тысячи молельных флажков, разноцветных вымпелов-трещоток. Днем Оливер обычно наблюдал за паровиками-детьми, которые по ступенькам поднимались на открытые платформы на горных вершинах напротив архитектурного зала. Там они усаживались ровными рядами и хором исполняли свой причудливый машинный код и древние гимны, посвященные Паро-Лоа и своим далеким предкам: Стилбала-Уолдо, Согбо-Змеевику и Легбе Клапанному.

Сидя в постели, Оливер собственными глазами видел то, о чем он мог только мечтать, когда жил в заточении в Хандред-Локс: вечерние процессии мистиков-паровиков, приплясывающих и катающихся в пыли, жуткого вида оружейные боксы — огромные, размером с дом, они осторожно ступали вверх по дорожкам на двух ногах, а их массивные пушки были готовы отразить нападение любого агрессора, возымевшего глупость штурмовать эту горную твердыню.

На третий день королевский хирург счел возможным

устроить встречу Оливера с Гарри. Архитектор Голдхед повел Оливера через бесчисленные залы, и спустя какое-то время они очутились на ожидавшей их снаружи ходячей платформе. Ее выхлопные трубы, умело приспособленные к горным высотам, оставляли в холодном воздухе лишь тоненький дымный след, пока Оливер со своим провожатым скользили по крутым улицам Механсии. Практически все горные тропы были пусты, и ходячей платформе крайне редко приходилось давать звуковой сигнал, точнее, паровой гудок, заставлявший прохожих паровиков уступать им дорогу.

Механсийское общество показалось Оливеру не столь разношерстным, как его шакалийский аналог, однако время от времени ему навстречу попадался то крабианец, то торговец из Шакалии. Главным образом это были угольщики, кутавшиеся в толстые шубы. Они сопровождали караваны мулов, которые оставляли за собой темный след коксовой пыли, высыпавшейся из плотно набитых коробов. Караванам приходилось протискиваться по узким улицам среди беленых известью домов, высившихся по обеим их сторонам подобно стенам величественных каньонов. Красные крыши, напоминающие пагоды, вздымались ввысь к медленно плывущим облакам тумана.

Выглядывающие из окон паровики приветственно махали им руками.

— Я скоро увижу Гарри? — поинтересовался Оливер у своего провожатого.

— Он все еще во дворце, — ответил ему паровик-архитектор.

На открытой платформе было холодно, и Оливеру пришлось засунуть руки в карманы шубы. Нет ничего удивительного в том, что большая часть территории Свободного Государства Паровиков приходилась на горы — далеко не все расы Шакалии рискнули бы поселиться в столь суровом краю.

Наконец они миновали жилую часть города. Дорога сделалась шире и вскоре привела их к массивному подвесному мосту, ведущему к королевской цитадели Механсии. Внизу, под металлическими конструкциями, медленно проплывала жемчужная река тумана. Створки скользящих на роликах ворот на другой стороне были открыты. Их охранял огромный оружейный бокс. Жерло его массивной пушки было опущено вниз. Казалось, будто оно старательно обнюхивает воздух, дабы в любой момент дать сокрушительный отпор врагу. В тени оружейного бокса замерли по стойке смирно ряды паровиков-рыцарей, железных кентавров с головами, напоминающими головы хищных птиц с острыми клювами. Их легко можно было принять за статуи. Они неподвижно стояли в карауле, и лишь флаги на высоких шестах у

них за спиной громко хлопали на ветру. О приходе Оливера и его сопровождающего стража, по-видимому, знала, потому что ходячую платформу в цитадель пропустили беспрепятственно.

Оливер с интересом разглядывал огромные открытые залы, через которые они проходили. Здесь им в большом количестве повстречались коленопреклоненные паровики, распевавшие все те же машинные гимны, которые юноша уже слышал, когда временами возвращался в реальность из горячечного беспамятства.

— Они воздают хвалу нашим предкам, — пояснил архитектор Голдхед, перехватив взгляд Оливера. — Славят духов, дабы те узнали об их успехах и подвигах во благо народа. Разве наши победы достигнуты без их подвигов, даровавших счастье грядущим поколениям?

Оливеру вспомнились тела паровиков-рыцарей восставших из земли Шакалии на полях давних сражений.

— Мне кажется, что и мне следует воздать им должное.

— Ты правильно сказал, мягкотелый Оливер. Столица полна слухами о том, что случилось на границе с тобой и твоим спутником. В последний раз Лоа напрямую вмешивались в дела быстрокровных… очень давно. Боюсь, это предрекает для нас трудные времена.

В памяти Оливера всплыли слова Хозяйки Огней. Но боюсь, мы слегка опоздали. Чтобы предохранить худую крышу от протекания уже недостаточно законопатить дыры, а сверху замазать глиной. Оливер ничего не сказал. Уютная теплая комнатка в Севенти-Стар-Холле и спокойная одинокая жизнь, посвященная чтению книг, теперь не казалась юноше такой уж плохой. Уж лучше скука, чем ощущение того, что ему на плечи всей своей гигантской массой давит целый мир.

Ходячая платформа остановилась возле пары высоких красных колонн. Архитектор сошел с нее на пол и жестом предложил Оливеру последовать его примеру. За колоннами открывался вход в холодный открытый зал с полами из мягкой золотистой древесины — материала, по всей видимости, крайне дорогого для здешних суровых каменистых краев.

— Твой спутник и Мастер Резак обещали показать поединок, — прошептал архитектор Голдхед в самом малом регистре своего голосового аппарата. — Настоящий сеанс боевого искусства.

В центре зала Оливер увидел своего спутника. Пройдоха Гарри Стейв стоял, повернувшись лицом к трехногому паровику с несколькими десятками скелетообразных конечностей, многие из которых заканчивались лезвиями, булавами и дубинками,

обернутыми специально для поединка тканью. Юные паровики в инкубаторских телах безмолвно сидели в дальнем конце зала, с напряженным любопытством ожидая той минуты, когда мягкотелое млекопитающее сойдется в показательном бою с представителем металлической расы.

— Мастер Резак — рыцарь-маршал военного ордена, — пояснил архитектор. — Померяться с ним силами — великая честь. Похоже, твой друг произвел большое впечатление на Мастера Резака при встрече в королевском дворце.

— Или вызвал у него раздражение, — высказал предположение Оливер. — Он запросто мог украсть корону Короля-Пара.

Архитектора это предположение, похоже, повергло в нешуточное смятение.

— Этого не может быть. Ходят слухи, что твой друг — уорлдсингер, что он может в бою применять колдовские приемы.

— Поживем — увидим, — отозвался Оливер.

Мастер Резак дернул головой с длинным и острым, как игла, носом в сторону Гарри; Ловец волков ответил ему кивком. То, что за этим последовало, происходило столь стремительно, что за движениями соперников невозможно было уследить. Удары и контрудары сыпались градом, человек и паровик как будто включились в танец, темп которого находился за рамками человеческого восприятия. Железный солдат бился в стиле ветряной мельницы, его вооруженные конечности взлетали и опадали смертельно опасными дугами. Гарри, очевидно, применил в поединке животную гибкость, позволявшую ему стремительно уворачиваться, отступать, делать выпады и наносить удары. Он отклонялся, когда на него наступал противник, однако при этом, похоже, ни на дюйм не отходил от того места, где стоял. После минутного наблюдения за поединком стало ясно, что это никакой не бой, а нечто другое. Соперники столь искусно синхронизировали движения, что со стороны казалось, будто они демонстрируют окружающим прекрасно отрепетированный, поставленный умелым хореографом танец. Оливер как загипнотизированный наблюдал за действиями Гарри Стейва и Мастера Резака. Из этого состояния его вывел лишь удар колокола, возвестивший о конце поединка. Сказать точно, сколько тот длился, было трудно — то ли минуту, то ли целых полчаса. Гарри весь взмок от пота, казалось, будто он только что вылез из воды. С поверхности Мастера Резака поднимался пар — его бойлер явно перегрелся.

Паровик наклонил похожую на шлем голову.

— Форма воды — неплохой выбор при схватке с металлом.

— Меня именно этому и учили, рыцарь-маршал. Хотя воду может победить огонь.

Мастер Резак поднял перебинтованные тканью конечности.

— Даже рыцари-паровики не используют огневое оружие в подобных поединках.

Гарри заметил Оливера и подошел к нему.

— Ты здесь, дружище! Нам пришлось поволноваться из-за тебя. Мне только разок позволили взглянуть на тебя, тогда ты был еще очень плох.

— Похоже, неверие в нашу способность исцелить твоего друга оказалось безосновательным, — заметил архитектор Голдхед.

Гарри недовольно посмотрел на металлического врача-архитектора и отвел Оливера в сторону, где их никто не мог подслушать.

— Я нашел здесь лекаря-человека, который лечит караванщиков, получивших травмы на горных тропах или во время оползней, но он оказался завзятым любителем леаафа, и от него в тот момент не было бы никакого толка. Я решил, что будет лучше, если мы попытаем счастья с лоснящимся черепом и его приятелями. Правда, для начала мне пришлось убедить их, что тебе не нужна новая металлическая конечность.

— Сейчас со мной все в порядке, Гарри.

— Ну и славно, паренек. Я бы не посмел взглянуть в лицо твоему отцу, двинувшись в вечное странствие по великому Кругу. Как бы я объяснил ему, почему допустил смерть его сына?

— Почему мы здесь, Гарри? Что нужно от нас Королю-Пару?

— Что-то здорово напугало здешних ребят, — ответил Стейв. — Они это скрывают, хотя и неумело. Нисколько не сомневаюсь в том, что их веселый монарх в курсе происходящего. Я повидался здесь со многими придворными, но с самим Королем-Паром так пока и не встретился Он — быстродум, Оливер. Ему ничего не стоит вселиться в любое тело, он контролирует сотни самых разных телесных оболочек. У меня такое чувство, будто король играет со мной. Паровики без конца приходят ко мне и заводят всякие разговоры — повара, солдаты и прочие. Но впечатление такое, будто речи ведутся одни и те же. Готов спорить на что угодно, что среди них был и сам король.

Оливер огляделся по сторонам. Выходит, властитель паровиков может оказаться любым из присутствующих здесь паровиков, а может даже двумя одновременно.

— Не думаю, что они желают нам вреда. По крайней мере пока не желают, — добавил Гарри. — Иначе они бросили бы нас на границе, где мы стали бы легкой добычей красномундирников или работорговцев.

— Мы можем доверять им, Гарри?

— Паровики — давние союзники Шакалии. Не возьму на себе смелость утверждать, будто понимаю, как у них устроены мозги и что они про нас думают. Поэтому на всякий случай лучше быть начеку.

В следующее мгновение к Оливеру и Гарри на одном массивном колесе-катке подкатил какой-то придворный.

— Его величество требует вашего присутствия.

— Давно пора, — буркнул Стейв. — Я уже целую неделю тут болтаюсь.

— Не твоего, мягкотелый Гарри, — поправил его придворный. — Требуется присутствие другого млекопитающего.

— Ты что, смеешься надо мной? — разозлился Гарри Стейв.

— Никаких насмешек. У меня приказ, причем совершенно точный, поэтому обижаться не нужно.

— Да никто и не обижается, — недовольным тоном процедил Стейв. — Ступай, парень, и будь осторожен. Король-Пар уже сидел на своем троне, когда Изамбард Киркхилл сверг нашего монарха. Старичок коварен, как целая стая обезьян.

Оливер последовал за одноколесным придворным вглубь королевской цитадели. Паровик двигался, если можно так выразиться, величавой, неторопливой поступью — не иначе как пребывая в надежде, что другие паровики заметят и оценят важность исполняемого им монаршего благоволения. Вскоре и ведущий, и ведомый достигли места назначения. Стоило им войти в новый зал, как Оливеру стало холодно. Подняв голову, он увидел, что крыша в новом помещении отсутствует. Они стояли на плоской платформе, высеченной в каменном склоне горы. Посередине платформы сидела небольшая фигурка — на вид даже чуть ниже обычного граспера. Она вполне могла оказаться железной игрушкой, совершенно неприметной, если не считать большего сходства с человеком, нежели с паровиком. Кто это, задумался Оливер, сам Король-Пар или одна из его бесчисленных оболочек? Неужели игры, в которые, по утверждению Ловца волков, с ними играют, продолжаются?

— Король-Пар, это вы? — спросил юноша. — То есть, ваше величество, это вы?

Золотистая фигурка, сидевшая на полу, скрестив ноги, еле заметно кивнула.

— Да, это я, мягкотелый Оливер.

Не видя нигде стульев, Оливер последовал приглашению монарха и сел напротив Короля-Пара. Оба напоминали мальчишек, ожидающих начала школьного молитвенного собрания. Правда было непохоже, что паровик вот-вот начнет

читать притчу из круговистской книги. — Надеюсь, тебе не слишком холодно, — с утвердительной интонацией поинтересовался Король-Пар. При этом его губы двигались, а слова звучали без помощи голосового аппарата.

— В данный момент я себя вполне нормально чувствую, ваше величество.

— Мне нравится сидеть и наблюдать за ястребами, парящими над горными вершинами. Как ты думаешь, можно ли открыть для себя какую-нибудь истину в их полете?

— Истину, которая приходит вместе с ясным разумом, пожалуй, ваше величество.

Король удовлетворенно кивнул.

— Истину, которую изрекает тот, кто, как мне кажется, подолгу сидел и размышлял.

— Еще несколько месяцев назад это было моим любимым занятием, — признался Оливер. Неужели прошло так мало времени с тех пор, как закончилась его старая жизнь и началась новая?

— Мне показалось, что ты удивился, когда, войдя сюда, узрел меня в этом теле.

— Я представлял вас… я точно не знаю… все-таки, другим… наверное этакой горой металлических конструкций, колоссом, курящимся дымом, окруженным тысячами клонов, которые составляют с вами единое целое, — признался юноша.

— Я носил много тел, — произнес Король-Пар, — и представал в облике самых разных существ, но никогда не был горой металла. Твое мысленное представление обо мне, созданный тобою умозрительный образ не произвел бы впечатления на моих соплеменников. Мы легко могли бы нацепить на себя всякий старый железный хлам, чтобы соответствовать твоему описанию. Я мог бы спрятаться за занавесом с голосовым усилителем. В следующий раз, когда к нам приедет ваша дама-посол, я с удовольствием напугаю ее. Боюсь, правда, что это вызовет смех у моего народа. Для нас «меньше» всегда важнее, чем «больше». Мы предпочитаем, когда великое могущество подается в неброской упаковке. — С этим словами монарх паровиков многозначительно посмотрел на Оливера.

— Я не обладаю никаким могуществом, ваше величество.

— Прошу тебя, не скромничай! — произнес Король-Пар. — Знаешь, почему мне так нравится это тело? Такой была одна из моих первых телесных оболочек, много-много лет назад, очень давно. Ваши университетские ученые пришли бы в ужас, сумей они установить точную дату. Я видел столетия льда, лицезрел и

столетия огня. Был свидетелем того, как меняют свои очертания континенты. На моих глазах проходило развитие всех законов физики, трансформация их фаз. Помимо нескольких любителей леаафа, живших в Кассарабии, я, пожалуй, единственный в мире, кто видел Смотрящую, которая расхаживает по земле Шакалии.

Оливер отвел взгляд в сторону.

— Да, мягкотелый Оливер. Я знаю о Хозяйке Огней. Знаю и кое-что другое. Стилбала-Уолдо бежит в ночи как испуганный заяц. Духи Гиэр-Джи-Цу дрожат от страха и осмеливаются ходить по залам наших предков лишь парами. И тут появляется некий юный мягкотелый, которого в наш мир вытолкнула нежным пинком мать-вселенная. Ты не находишь это любопытным?

— Любопытным — не совсем подходящее слово, для выражения моих чувств. Но почему выбор пал именно на меня? — ответил Оливер.

— Нормальная естественная реакция, — похвалил Король-Пар. — Но речь идет именно о тебе. Для полноты существования каждый равный должен иметь противоположность. Улыбка — ничто без слезы, удовольствие — ничто без боли. Там, где есть жизнь, найдется место и для антижизни. Мы напутаны, мягкотелый Оливер, и ты наша последняя надежда, если не полностью, то хотя бы ее половина.

— Половина? — переспросил Оливер.

— Свет и тень, мягкотелый Оливер. Мужчина и женщина. Поверь мне — всегда лучше иметь избыток чего-то, нежели нехватку. Ты — план обороны, план наступления — он где-то в Шакалии. Смотрящие, как правило, коварны, но… предсказуемы.

— Так я не одинок? — спросил Оливер.

— Ты никогда не был одинок, Оливер, — ответил Король-Пар. — Хотя если принять во внимание твою прошлую жизнь, твое по сути дела вынужденное затворничество в Шакалии, то не стоит удивляться тому, что ты так считаешь. Знай, что я на твоей стороне, причем даже не из-за этого конкретного дела. Просто вместе мы либо победим, либо погибнем. Мне просто хотелось бы знать, кто ты такой. Я бы чувствовал себя гораздо увереннее, если бы…

— Я тоже не слишком уверен в себе. Вам стоит поговорить с моим другом Гарри. Он знает намного больше меня, но не всегда со мной откровенен.

— Возможно, ты прав, — ответил Король-Пар, и его губы растянулись в подобии улыбки. — Но твоему другу я не доверяю. Ничего личного. Моя страна уникальна в своем роде — на всем континенте она единственная, где нет тайной полиции. Его коллеги летают в небе, пересчитывают наши оружейные боксы и

вынашивают планы построения идеального общества. Они вызывают у меня нешуточное беспокойство, поскольку считают себя пастырями, защищающими свое стадо и убивающими волков. Но жизненной системе без волков не обойтись, мягкотелый Оливер. Волки — инструмент перемен, инструмент эволюции. Изменение — единственная постоянная величина, на которую мы можем полагаться.

— Будучи одной из тех овечек, которых они защищают, я, пожалуй, не соглашусь с вами, — заметил Оливер.

— Пожалуй, ты прав. Твой друг был… как это поточнее выразиться? Дезавуирован, как говорят политики. Кто же он — волк или ловец волков. Мы не можем быть в нем до конца уверены. Впрочем, было забавно посмотреть, как он водил носом, пока находился в столице.

— Я верю ему, — ответил Оливер.

— Доверие, — произнес Король-Пар. — Доверие молодости. Что же, лишь юная кровь способна выжить после воздействия паров гиблого тумана. Я уверен, Смотрящая знает, что делает.

— Смогут ваши люди выжить по ту сторону колдовского занавеса? — полюбопытствовал Оливер.

— В той форме, которая в настоящее время делает нас отличными от других — нет, не смогут, — ответил Король-Пар. — С нами произойдет примерно то же, что происходит и с твоими соплеменниками, Оливер мягкотелый, Но у нас есть и другие… пути к отступлению, которые открыты для нас, если возникнет такая необходимость.

— Я не знал, — извинился Оливер.

— Ко мне это не относится, — ответил его собеседник. — Я живу слишком долго и немало повидал на своем веку. Но ты обязан предотвратить конец этого мира. Тебе придется принять на плечи тяжелую ношу, юный быстрокровный, и жаль, что я не могу разделить с тобой ее тяжесть. Увы от моего желания мало толку. Грядет тьма Уайлдкайотлей, это неизбежно. Она абсолютна и непроницаема, она способна смести все, что поддерживает наши с тобой народы. Любой ценой, я повторяю, любой ценой мы обязаны не допустить этого.

— Вы сказали, что я — ваша оборона, — произнес Оливер. — А как же план наступления?..

— Есть старая военная поговорка, — ответил Король-Пар. — Иногда хорошая оборона стоит плохого наступления. У твоего аналога — юной девушки, нашего запасного варианта, дела сейчас плохи. О твоем присутствии здесь пока никому не известно, это огромное преимущество, которого нет у плана наступления. Я мог бы купить Шакалию ценой ее головы, но,

боюсь, именно на это и рассчитывают слуги Уайлдкайотлей.

— Разве вы не можете помочь ей?

— Боюсь, уже поздно — я лишь недавно узнал о ее существовании, — признался Король-Пар. — Честно говоря, обстоятельства не слишком благоприятствуют ей. Отсюда вывод — пришло время действовать.

Дверь на другой стороне зала неожиданно распахнулась, и на пороге вырос огромный гусеничный паровик; его фасетчатый череп венчала сияющая хрустальная корона. Маленькое, похожее на детское тело умолкло, и Оливер понял, что Король-Пар уже переместился в новую оболочку. Когда паровик заговорил, на его шее завибрировали две сферы.

— Эта оболочка более соответствует величию моей роли, ты согласен со мной, Оливер мягкотелый?

— Согласен, ваше величество.

Из выхлопных труб короля вырвалась струя пара.

— Тогда залезай на меня, юный быстрокровный! Нельзя терять ни минуты. Моего присутствия ждут на торжественной церемонии, и еще я должен созвать королевский совет.

— Вы уверены, что это необходимо, ваше величество? Вы действительно хотите, чтобы я прокатился на вас, как когда-то катался на Ржавом Болте?

— Ржавый Болт все еще в Хандред-Локс? Старый добрый паровик. Не волнуйся, Оливер мягкотелый. Мои придворные онемеют от ужаса. Именно это мне и нужно.

Оливер забрался на короля. Тот выкатился из зала и стал спускаться вниз по спиралеобразному пандусу, высеченному в толще скалы. Когда он съехал с пандуса, похожие на кентавров паровики-рыцари заняли места по обе стороны от него, после чего все вместе с грохотом покатили по коридорам, вырубленным в той же горе. Цокот металлических копыт эхом отдавался от стен дворца. Вскоре кавалькада в одном месте остановилась и два паровика — у каждого имелось по телескопическому глазу — запрыгнули на заднюю часть корпуса Короля-Пара. На какой-то миг Оливеру показалось, что это проявление неуважения к августейшей особе, но затем он понял, что перед ним слуги, часть коллективного разума металлического монарха.

В конце коридора открылась дверь, ведущая в тронный зал. Паровик-церемониймейстер ударил хрустальным посохом о мраморный пол.

— Его величество Король-Пар, покровитель Свободного Государства, монарх истинного народа, попечитель…

— Довольно! — пророкотал Король-Пар. — Мы собрались здесь, чтобы почтить память павших, а не перечислять список

моих титулов, которые придворные придумали за последнюю неделю. Пусть войдут хранители душ.

Группа паровиков, стоявших возле трона, раздалась в стороны, и Оливер увидел Гарри. Пройдоха Стейв стоял рядом со своим недавним противником, Мастером Резаком. В образовавшемся проходе возникла группа похожих на скелеты паровиков на треногах, в руках у которых находилось полотнище с частями тела какого-то металлического создания. Единственным узнаваемым предметом оказалась голова, из нее торчали, свисая на пол, обрывки кабелей. Паровик, возглавлявший похоронную команду паровиков-скелетов, остановился перед Королем-Паром.

— Вы слышите одного из наших людей? — спросил монарх.

— Слышим.

— Вы можете восславить его имя перед народом?

— Контролер отдал свою жизнь за народ, — нараспев произнес хранитель душ. — Мы славим доброе имя Редраста перед Стилбала-Уолдо.

Похоронная команда запела странными машинными голосами; исполняемый ею двоичный гимн отдавался эхом от стен тронного зала. Сегодня был тот единственный день, когда настоящее имя паровика станет известно другим его соплеменникам, а не только Королю-Пару. Металлическое пение прекратилось, и Король-Пар повернул лицо к придворным и слугам цитадели.

— То, что осталось от памяти нашего брата, поделено между всеми нами; то, что осталось из его бесценных компонентов, отправлено в палату рождения. Место его смерти нам неведомо, так пусть же его бездействующий ныне корпус останется не погребенным, а попадет в огненную печь горы Паролунгмы. Кто держит платы его души?

Один из членов похоронной процессии вышел из строя, держа перед собой красную подушечку, на которой лежали две хрустальные пластины.

— Я! Я держу платы его души.

— Крепко держи их, когда понесешь их через залы мертвых! — пророкотал Король-Пар.

В конце тронного зала стена вздымалась высоко к потолку, открывая взгляду разверстую пещеру; здесь из щелей в скальной поверхности торчали за рядом ряд миллионы хрустальных плат — многие мили захоронений мертвых паровиков, освещенные мерцающими красными огоньками.

— Думаю, в твоем воображении имелась малая толика истины относительно моего сходного с горой облика, —

прошептал на ухо Оливеру один из клонов Короля-Пара.

Тело стоявшего впереди паровика из числа участников похоронной процессии неожиданно начало подрагивать; затряслась и тренога его нижних конечностей. Затем дрожь прекратилась, и паровик начал менять размеры и форму — он как будто распух и распрямился.

— Кто из Лоа находится в его теле? — требовательно спросил король.

— Крабинай-Змеевик, — прокудахтал паровик и, взяв с подушки обе платы, тут же исчез в сумраке зала мертвых.

— Крабинай-Змеевик — ловкий парень, — произнес Король-Пар, обращаясь к Оливеру. — Он найдет для контролера место в этом зале. Но где же голос Гиэр-Джи-Цу?

Из-за колонны появился паровик и склонил голову в почтительном поклоне.

— Ваше величество?

— Что ты скажешь о двоих наших мягкотелых гостях?

— Мы уже несколько дней бросаем шестеренки, ваше величество. Мы будем делать это до тех пор, пока не ослабнем от нехватки смазки и пока Лоа не рассердятся на нас за нашу настойчивость.

— Вы, как всегда, прилежны, — похвалил Король-Пар, — но скажи, как упали шестеренки, когда вы спрашивали их о судьбе нашего старого врага?

— Мы не сможем защитить сразу двух мягкотелых, после того как они покинут Механсию, — ответил мистик. — Они остаются в безопасности до тех пор, пока пребывают в столице. После того, как они уйдут, мы не сможем отвечать за их безопасность. Спасение зависит не от нас, а от способностей юного мягкотелого.

От этих слов Оливеру сделалось не по себе. Значит, никакой помощи от старейшего союзника Шакалии ждать не стоит?

— И все-таки я чувствую, — отозвался Король-Пар, — что за твоими словами кроется нечто большее.

— Один из нас может предложить свою помощь этим двум мягкотелым. Но только один.

— Назови его имя! — потребовал король.

— Как скажете, ваше величество. Его имя Стимсвайп.

Возглас недоверия вырвался из голосовых аппаратов паровиков, собравшихся в тронном зале. Из шеренги рыцарей-кентавров, вперед шагнул Мастер Резак.

— Этого не может быть! Совет Равных, видимо, ошибся!

— Никакой ошибки нет, — возразил механический мистик. — Можешь, как и мы, попытаться получить другой ответ, но шестеренки все равно назовут это имя.

— Он деактивирован, он опозорен! — не унимался Мастер Резак. — Если защищать мягкотелых разрешено лишь одному из нас, то будет лучше, если с ними пойду я или кто-нибудь из моих рыцарей!

— Это будет Стимсвайп и никто другой! — оборвал его мистик. — Так сказали брошенные шестеренки! Такова воля Гиэр-Джи-Цу.

Король сделал знак, и Мастер Резак послушно вернулся на место.

— Вряд ли мой личный выбор пал бы на него, — произнес один из клонов Короля-Пара. Оливер испуганно вздрогнул. Способность короля вселяться в разные тела и одновременно вести разговор все еще сбивала его с толку. — В лучшем случае он попал бы в самый конец списка.

Оливер нахмурился.

— Но этот паровик сказал, что Стимсвайп деактивирован. Каким образом мертвец сможет защищать нас?

— Для представителей металлической расы слово «деактивирован» имеет самые разные оттенки значения. Платы с душой Стимсвайпа еще не возвращены предкам. Он спит, и его высшие ментальные функции сейчас временно приостановлены. Таково наказание за совершенные им преступления.

Оливер невольно нахмурился. Что за дефективное создание пытается впарить им король?

— Это преступление бесчестия, — пояснил клон Короля-Пара, от которого не ускользнуло недовольство юноши. — Он нарушил кодекс пара, который соблюдают наши рыцари. Проявил трусость. Стимсвайп был одним из семи рыцарей, которых мы отправили в джунгли Лионгели с важным для нашего народа заданием. У него сдали нервы, и он бросил своих братьев, оставив их умирать в далеком краю. Он предпочел сохранить свою смазку ценой рыцарского долга, заплатив за собственное благополучие жизнями соплеменников.

— Как раз такого паровика я и хотел иметь у себя за спиной в трудную минуту, — сыронизировал Оливер.

— Лоа идут по жизни своим собственным путем, — отозвался Король-Пар. — Но все они прекрасно знают, что поставлено на карту и что их ждет, их и всех нас.

Оливер пожал плечами. Почему бы нет. В конце концов, сколько народу желает надеть ему на шею веревку — и полицейские, и военные, и чародеи-уорлдсингеры, не говоря уже о Небесном Суде, выслеживающим Гарри Стейва. Да и загадочный враг Хозяйки Огней тоже жаждет его смерти. Почему бы не добавить к этой славной когорте ненадежного, трусливого

паровика, готового дать стрекача при первой же опасности? Вряд ли это усугубит и без того паршивые обстоятельства, в которых он, Оливер, оказался.

Где-то высоко над головой, в потолке, открылся люк, и на мраморный пол тронного зала опустилось бесчувственное металлическое тело. Среди придворных пробежал недовольный ропот. Возле бездействующего воина собралась группа архитекторов, которые тотчас принялись настраивать его системы и возвращать к жизни. Глаза Стимсвайпа засветились. Сначала тускло, потом все ярче и ярче. Затем прозрачная мембрана опустилась со лба ему на глаза, защищая зрение. Четыре руки неожиданно завибрировали — к ним вернулись чувства. А потом они пришли в движение — две скелетообразные руки-манипуляторы и две боевых руки, одна из них была вооружена жуткого вида молотом с двумя головками.

Голова паровика наклонилась вперед, и в следующее мгновение он увидел короля и придворных.

— Сколько времени я бездействовал?

— Немногим более двухсот лет, — ответил Король-Пар.

— Не так уж много для того, чтобы искупить вину, — произнес Стимсвайп.

— Ветры могут измельчить горы Механсии в пыль, но этого времени все равно недостаточно для того, чтобы тебя простили, — сообщил ему король. — Однако шестеренки упали так, что нам пришлось разбудить тебя. Что ты на это скажешь?

— Есть ли меч, готовый принять меня? — спросил разбуженный паровик.

— Это мы сейчас увидим, — ответил Король-Пар. — Ты лучше скажи, ты ответишь на зов Паро-Лоа? Станешь носить цвета Свободного Государства? Будешь следовать кодексу? Сохранилась ли в тебе хотя бы капля чести?

— Если Лоа позовут меня, я откликнусь на их зов, — пообещал Стимсвайп.

— Твои слова можно считать достойным ответом, — ответил Король-Пар. — Мы перейдем в зал мечей и посмотрим, какое оружие подчинится воле Паро-Лоа.

С этими словами властитель паровиков вместе со свитой, Стимсвайпом и — похоже — половиной придворных, чинно покинул тронный зал, и колонна зашагала по коридорам горного замка. Увиденное привело юношу в смятение: огромные залы, где, устремив в пространство бесстрастный взгляд, за столами с какими-то машинами восседали неподвижные, как статуи, паровики. Целые леса стеклянных шаров, в которых сверкали разряды укрощенной энергии. Бездонные пропасти, в которых

медленно, словно старческий язык, смакующий конфету, со скрипом вращались часовые механизмы.

Затем король привел свою свиту в круглую комнату довольно скромных размеров, которая никак но могла вместить всех желающих. Придворным пришлось остаться в коридоре, где они вынуждены были заглядывать друг другу через плечо, чтобы лучше видеть происходящее. Здесь имелся вход в соседнюю комнату, такую же круглую — таким образом получалось помещение в форме восьмерки.

— За мной, рыцари! — скомандовал Король-Пар. Прямо на глазах Оливера провинившийся рыцарь шагнул на середину следующей комнаты, громко цокая металлическими ногами по каменному полу.

— Но здесь ничего нет, — прошептал Оливер.

— Сейчас ты все увидишь, юный мягкотелый, — сообщил ему один из клонов короля. — Оружие само выберет рыцаря, так же как время выбирает подходящего паровика.

В белых стенах следующей комнаты открылись люки, а сами стены начали медленно вращаться. Из образовавшихся отверстий появились мечи, винтовки, булавы и прочие разновидности оружия, названия которых Оливер не знал. Ружейные стволы и острые стальные лезвия то высовывались наружу, то прятались обратно в стену в странном причудливом танце.

Оливер обратил внимание на то, что Мастер Резак, стоявший рядом с беспутным Гарри Стейвом, что-то бормочет и покачивает головой, по всей видимости, не одобряя выбор духов, павший на труса.

— Священное оружие! — сообщил Оливеру клон Короля-Пара. — Смотри, Оливер мягкотелый, перед тобой дубинка по прозвищу Трефовый Туз, которой размахивал Триндер Полугусеничный в годы войны с Киккосико почти семь столетий назад. А вон там, Гриндбайтер — длинноствольное ружье, способное разорвать в клочья мундир квотершифтского маршала с расстояния в целую милю.

Оливер от напряжения прикусил губу. Стимсвайп нервно расхаживал по центру комнаты. Ни один вид оружия пока что не остановился перед ним. А если ритуал не состоится, то разрешат ли рыцарю сопровождать их с Гарри? Или главнокомандующий прикажет вновь погрузить провинившегося паровика в тысячелетний сон? Стимсвайп вытянул один из манипуляторов в сторону меча с искривленным лезвием, но оружие тут же исчезло в темном отверстии движущейся стены.

— Стокслайсер! — простонал незадачливый паровик. — О борода Зака, Владыки Цилиндров, неужели не найдется оружия,

которое позволит мне восстановить рыцарскую честь?!

— Твой голосовой аппарат порочит этот зал презренными звуками, — съязвил Мастер Резак. — Даже то оружие, которым ты когда-то владел, скорее откажется оживать, чем захочет почувствовать прикосновение твоей руки!

В следующее мгновение, как будто в ответ на мольбу Стимсвайпа, стена прекратила вращение. Открытым остался только один люк. В нем, на вертикальном металлическом стержне лежал, подрагивая, черный сверток.

— Мастер оружейник, ты узнаешь оружие, которое предлагает себя? — спросил Король-Пар.

— Узнаю, — ответил оружейник. — Это Лорд Уайрберн, Хранитель Вечного Огня.

Услышав его слова, присутствующие разразились недоуменными возгласами. Оружейник повернулся к придворным.

— Последний случай, когда это оружие выбирало себя владельца, имел место в стародавние времена, когда еще не существовало исторических хроник истинного народа. Это было…

— Я помню, — не дал ему договорить Король-Пар. — Это было, как ты сказал, давным-давно. Ну что ж, похоже, что мы наконец нашли героя, а герой — оружие.

— Ваше величество, — произнес Стимсвайп, коротко поклонившись монарху. — Как мне искупить прегрешение? Следует ли мне вернуться в джунгли и попытаться вернуть ваше былое расположение?

— Нет, Стимсвайп, — ответил король и указал на Гарри и Оливера. — Тебе придется сопровождать вот этих двух друзей нашего народа. В путешествии ты будешь помогать им. Если надо — защищать их жизни как свою собственную.

Стимсвайп наконец удостоил вниманием Гарри и молодого человека, сидевшего рядом с гусеницами Короля-Пара. Стекло его зрительной пластины загорелось красным светом.

— Этих двух… двух… безволосых обезьян! Невероятно! Не может быть! Во имя всего святого, ваше величество, скажите — вы ведь шутите?

— Мы вернули тебя к жизни не для того, чтобы шутить с тобой, рыцарь! — прогудел король. — Твой долг — присматривать за этими мягкотелыми друзьями нашего государства и следить за тем, чтобы никто не причинил им вреда.

Стимсвайп с отвращением посмотрел на гостей Короля-Пара.

— Быстрокровные… да я скорее положу руку в пасть Аджасоу-Ржавого, чем доверюсь очередному шакалийцу!

— Кого он имеет в виду под словом «очередной»? —

прошептал Оливер.

Клон печально покачал головой.

— В последней его экспедиции в Лионгели вместе с ним находились два мягкотелых проводника.

— Что же такого они сделали Стимсвайпу?

— Они ему ничего не сделали, юный мягкотелый, — ответил Король-Пар. — Дело совсем в другом — в том, что он сделал с ними. Одному из них Стимсвайп пробил череп вот этим боевым молотом, а второго пронзил копьем.

Покои короля Юлия являли собой жалкую тень того, какими они были в прошлом. Прежними остались лишь их необъятные размеры, напоминавшие о том, что когда-то здесь обитал абсолютный монарх Шакалии, правитель нации. Подобно своему владельцу, они имели жалкий, удручающий вид. Кашель короля Юлия эхом отскакивал от голых стен — последнее свидетельство того, что дышащий на ладан монарх все еще жив.

Капитан Флейр посмотрел на похожее на скелет существо, прикрытое грубым шерстяным одеялом, которое служило умирающему единственной защитой от холода, сочащегося от стен выстуженных сквозняками сырых помещений. Поскольку наступило лето, огонь в камине больше не разводили. Много лет назад парламент вынес следующее решение: топливо на обогрев королевской опочивальни выдается лишь начиная с месяца Первых заморозков. Это была ничтожная экономия, она давала проголосовавшим за нее парламентариям не больше тепла, чем то его количество, которого лишили короля Юлия. Теперь жизнь в теле монарха теплилась еле-еле, и в данный момент его терзал очередной приступ болезни лодочника. Каждый такой приступ все сильнее приближал его к смерти.

— Что он говорит, капитан? — спросил принц Алфей. — Я не разобрал.

— Он произнес имя твоей матери, Элис, — ответил командир гвардии.

— Мама. Да. Как бы мне хотелось увидеться с нею.

— Палата Стражей все равно не позволила бы тебе встретиться с ней. Даже если бы она не вернулась в королевский инкубатор, даже если бы она…

— …умерла от кожной болезни? — закончил вопрос принц. — Меня всегда поражало количество членов августейшей семьи, умерших в инкубаторе от чумы и лихорадки. Просто удивительно, что им удалось отыскать дочь какого-то эсквайра, чтобы случить меня с ней. Уже не говоря о герцогине.

— Следует откровенно признать, что медицинское

обслуживание не является там делом первостепенной важности.

— Оно и здесь не является делом первостепенной важности, — заметил Алфей.

Флейр пожал плечами.

— Болезнь лодочника — разве можно придумать лучший недуг для демократического государства. Она поражает и стражей, и слуг с одинаковой яростью, и если вы заболели, никакие деньги Сан-Гейта не помогут вам от нее вылечиться.

— Говорят, что жаркий и сухой климат Кассарабии способен излечить тех, кто страдает этой хворью.

— Может быть, — согласился Флейр. — Но, похоже, парламент больше не доверяет калифам. Как, впрочем, и твоему отцу.

— Странно, что я никогда ничем не болею, — признался Алфей. — Даже не простужаюсь зимой. В этом я пошел и не в отца, и не в мать.

— Твоя мать отличалась отменным здоровьем, — возразил Флейр. — Потребовались условия королевского инкубатора, чтобы свести ее в могилу.

Алфей посмотрел на лежащего в постели отца.

— Он все еще помнит ее.

— Такую женщину трудно забыть, ваше высочество.

В дальнем конце опочивальни, на фоне стен с выцветшими квадратами в тех местах, где когда-то висели роскошные гобелены, шеренга гвардейцев молча наблюдала за умирающим королем. Флейр знаком велел им удалиться, и те послушно, ровным строем вышли из комнаты. Остался лишь один Бонфайр.

— Ты тоже можешь идти.

— Я надеялся, что щенок закатит истерику, и тогда за дело взялся бы я.

— Можно подумать, ты переживал за меня, Бонфайр? — произнес принц. — Просто тебе хотелось все сделать самому.

— Мне захотелось острых переживаний, — признался гвардеец. — Давненько никто не позволял мне поступать так, как я хочу, и я даже заскучал по тем старым временам.

— Может, и вправду, пусть уж лучше он, — сказал капитан Флейр, обращаясь к принцу. — Слишком многое поставлено на карту. Когда все будет кончено, к прошлому возврата не будет — для любого из нас. Ты лучше постой в сторонке.

— Дайте это сделать мне, ведь что мне терять? — предложил Алфей и взял в руки подушку. — Такую жизнь, как у отца, которую я закончу смертельно больным, не имея рук, чтобы даже взмолиться о пощаде, без достоинства, без свободы, без надежды.

Сын прижал подушку к потному лицу отца, и король Юлий

умолк. Сначала по ногам его пробежала дрожь, и он какое-то мгновение отбивался, цепляясь за жизнь, затем ноги его дернулись, и на застиранную простыню пролилось содержимое мочевого пузыря. Через секунду тщедушного монарха покинули последние остатки воли к жизни, после чего тело короля затихло и распрямилось.

Алфей убрал подушку. Глаза умершего были широко раскрыты, нечистая серая кожа блестела, как будто он только что вылез из ванны.

— Будь добр к маме, когда встретишься с ней, отец!

Капитан Флейр положил руку на плечо принца.

— Не переживай, Алфей, по сравнению с тем, как он настрадался при жизни, ты, можно сказать, проявил к нему милосердие, отправив в вечное странствие по Кругу.

Алфей качнулся, ошеломленный чудовищностью содеянного.

— Если наш план провалится, капитан, я прошу тебя только об одном. Не разрешай им сделать со мной то, что они сотворили с отцом. Сначала убей меня, задуши, только не дай им отрубить мне руки.

Флейр ответил принцу мрачным взглядом и ничего не сказал.

— Король мертв! — рассмеялся Бонфайр. — Да здравствует щенок!

Глава 16

— Что это? — спросила Молли, пощелкав по толстым стенкам сосуда. — Похоже на каменный шар.

— Это и есть каменный шар, — ответил Коппертрекс и проехал на гусеницах через всю лабораторию на верхнем этаже Ток-Хауса. Его клоны освобождали путь, двигаясь грациозно и абсолютно синхронно, как балетные танцоры, между машинами, столами и инструментами, которыми до отказа было заполнено помещение.

— Коппертрекс, я бы не советовал тебе так легкомысленно отзываться об этой штуковине и тех проблемах, которые она для нас создала, я имею в виду загадочные смерти на острове! — взмолился коммодор Блэк.

— Дорогой млекопитающим, преодолей свои страхи. Эта, как ты выразился, штуковина была инертна все годы после того, как мы покинули Исла-Нидлесс.

— Тогда ее трудно было назвать инертной, — возразил Никльби, чье искаженное стеклом лицо возникло с другой стороны сосуда. — Там были создания, сделанные их этого материала, Молли. Проклятые твари вырывались из скал и бросались на нас. Из нашего лагеря исчезла половина экипажа субмарины, и лишь тогда нам стало понятно, кто охотится за нами.

— Несчастные мои матросики, — вздохнул коммодор Блэк. — Билли Топнот, Салли Голд, старина Хэггсайд Питер — мне никогда больше не встречались такие славные ребята. Я своими костлявыми от голода пальцами вырыл им могилы и засыпал жуткой землей того кошмарного места холодные, безжизненные лица.

Молли внимательнее присмотрелась к камню. Черный обломок поблескивал в газовом свете лаборатории. Сквозь стеклянные стенки сосуда были хорошо видны серебристые крошки и прожилки какого-то металла.

— Забавная штука, только зачем нужно хранить ее?

— Это чудо жизни, мягкотелая Молли, — ответил Коппертрекс, передавая поднос с кристаллами одному из своих клонов. — Неужели ты никогда не удивлялась тому, что некоторые предметы в нашей вселенной обладают искрой жизни, которая заставляет их передвигаться, думать, чувствовать? Размышлять и осознавать свое место среди прочих вещей — тогда как другие, даже более сложные системы вроде погоды или вот этого камня, такими качествами не обладают.

— Значит, это не имеет никакого отношения к твоему хитроумному изобретению, что находится там, Аликот Коппертрекс? — спросил Никльби.

Молли посмотрела туда, куда указал писатель, — вниз, на территорию, окружавшую Ток-Хаус, за пределы сада.

— Мой план остается неизменным, — ответил паровик и, обратившись к Молли, добавил. — Вибрации токов земли, юная мягкотелая. Мы — не единственное небесное тело, вращающееся вокруг солнца. Уверен, что существуют другие миры, подобные нашему. Их обитатели с нетерпением ждут возможности вступить в контакт с братьями по разуму.

Молли тотчас вспомнились рассказы про воздухоплавателей, публиковавшиеся в бульварных книжонках, где говорилось о том, какой холод царит на островках, выброшенных из недр земли высоко в небеса. Авиаторам приходится кутаться в теплую одежду, когда они на аэростатах устремляются в погоню за ними в небесные выси. Из них она узнала, каким разреженным становится воздух, когда они поднимаются в верхние слои атмосферы, надеясь отыскать на летающих островках тех, кому посчастливилось остаться в живых. Но ведь высоко в небесах нет никаких форм жизни, верно? Разве что люди изо льда, сумевшие приспособиться к низким температурам, горбатые как обитатели пустынь, бережно хранящие не воду, а воздух для дыхания. Какие все-таки интересные истории печатаются в таких книжках! Из них можно много всякого узнать о жизни за облаками. Возможно, в Шакалии когда-нибудь возникнет отдельный книжный рынок, который будет выпускать одни только произведения об освоении воздушного океана.

— Все понятно. Ты транжиришь на эту штуковину последние оставшиеся у нас гроши, — прокомментировал коммодор. — Искусственный материнский кристалл. Можно подумать, где-нибудь на луне сидит этакий оператор сети кристаллосвязи и ждет, когда ему доставят сыр, который он заказал великому Аликоту Коппертрексу. Возможно, в Миддлстиле отыщется пара отмеченных лунным светом придурков, которые шатаются по улицам и согласны заплатить несколько монет за возможность увидеть эту штуку, когда она будет готова… и защитит вас от мясника, требующего заплатить долг.

— Мой аппарат создавался не для того, чтобы кого-то развлекать, — рассердился паровик. — Равно как и тот, который мне вернули мои коллеги из Королевского общества — тот самый, который, осмелюсь напомнить вам, мягкотелый коммодор, вам придется помочь мне собрать!

Проворчав нечто невразумительное, коммодор Блэк вышел из

лаборатории, чтобы принести последний ящик, остававшийся в подъемнике.

Вездесущие клоны скородума уже занимались сборкой какого-то агрегата в форме пирамиды — смазывали машинным маслом и устанавливали в нужных отверстиях медные поршни, вставляли в рамки стеклянные линзы.

Никльби закурил набитую мамблом трубку, и часовую комнату начал заполнять сладковатый запах, в принципе даже по-своему приятный, но от его избытка у Молли зачесалось в носу. Одному Кругу известно, что этот дым делает изнутри с организмом писателя.

— Ответ прямо передо мной, — произнес Никльби, не вставая с кресла. — За последние дни душегуб с Пит-Хилл не совершил ни одного убийства. Это идеально соответствует тем данным, что которые мы получили, порывшись в архивах Гринхолла. Цена, назначенная за твою голову, Молли — подтверждение тому, что чем бы ни руководствовались составители списка жертв, ты остаешься в нем последней, так что в покое они тебя не оставят.

— Когда человека подбрасывают на ступеньки работного дома, это означает, что вряд ли его потом будут искать, — возразила Молли.

— Злосчастные обстоятельства, связанные с твоим появлением на свет, на сей раз сыграли в твою пользу, — признал ее правоту Никльби. — Я нисколько не сомневаюсь в том, что, оставь тебя мать дома вместо того, чтобы подбросить к дверям приюта, я бы наверняка уже написал о твоем убийстве в криминальной хронике «Иллюстрейтед». Так что же еще может связывать тебя с другими именами списка?

— Ничего, — прохрипел коммодор Блэк, вернувшийся с последним ящиком оборудования. — Она — отмеченное высшими силами благословенное дитя. Печально, что в столь юном возрасте Молли уже стала участницей смертельных игр, в которые ты, Сайлас, втянул нас.

— Ты по-своему прав, коммодор. Молли — самая юная из тех, чьи имена упомянуты в списке убийцы. Но она уже не ребенок, она уже почти достигла возраста, определенного избирательным цензом.

— Это означает, что скоро Молли сможет поставить в избирательном бюллетене крестик рядом с именем какого-нибудь вороватого Стража. Не велика компенсация за то, что за ней по пятам гонится шайка безумных убийц.

— Здесь просматривается некая методика… — произнес Никльби. — Если бы мы только могли понять ее суть.

Писатель вот уже, наверное, в сотый раз посмотрел на список

имен, копию которого после поисков, проведенных в машинных залах Гринхолла, сделал для них Бинчи. Имена, которые совпали с жертвами душегуба из Пит-Хилл, были отмечены крестиком. Часть жертв полиция не сочла нужным связать с расследованием, но таких оказалось совсем немного. Большинство же были людьми обеспеченными и в свое время получили хорошее образование. Средний возраст тридцать — сорок лет. Нескольким жертвам — всего двадцать с небольшим. Большая часть убитых — но не все — проживала в Миддлстиле. Молли пока что была самой юной из всех. Оба пола были представлены в равном количестве. И еще одна деталь: душегуб убивал исключительно людей — среди его жертв не значилось ни одного крабианца, паровика или граспера.

Молли села на стул напротив писателя.

— Что же связывает этих несчастных со мной?

— Пока что я не нахожу никакой связи, Молли. Ты можешь с таким же успехом спросить меня о том, что их с тобой не связывает. Ты — это ты, и какое ты имеешь к ним отношение, пока неясно. Мне нужно проверить кое-кого из людей, первоначально якобы не имевших отношения к убийствам в Пит-Хилл. Мне пока не хватает кое-каких деталей их биографий, но думаю, что один из них может иметь к тебе некое отношение. На Вентри-лейн, например, жил один мясник. Хэм-Ярд посчитал обстоятельства его смерти подозрительными, но в конечном итоге остановился на открытом вердикте. Должно быть, полицейские ждут, когда убийца напишет краской на стене какого-нибудь дома — «Здесь душегуб из Пит-Хилл нанес удар очередной жертве».

— Дедукция — это наука, — промолвил Коппертрекс. — Причем такая, которая существенно поможет нам в этом деле.

— Твоя наука чертовски тяжела, — подключился к разговору коммодор Блэк, ставя на пол последний ящик. — Если старые журналы, которые я притащил сюда, весили не меньше тонны, то эти твои диковинные аппараты, с их дымящимися трубами и вспышками энергии — как минимум две.

Старясь не наступать на своих малюток-клонов, Коппертрекс приблизился к наполовину собранному агрегату в центре комнаты.

— В данном случае научный метод докажет свою значимость, дорогой млекопитающий. Лорд Хартисберг любезно позволил нам воспользоваться своим органическим анализатором последней модели, и мне хотелось бы вернуть его в целости и сохранности.

— Мне бы тоже не хотелось, чтобы ты испортил отношения со своими безумными друзьями из Королевского общества. Но

почему бы тебе не ставить эксперименты по изучению легких газов? Или же мы могли бы превратить весь этаж в обсерваторию для наблюдения за небесными телами. При условии, что пообещаешь делать это ночью и не беспокоить старого подводника или, вернее, то, что от него осталось?

— Членам института разрешается использовать оптику в Прайти-Хилл, — ответил паровик. — И если здесь разместить телескоп, то он вряд ли займет места меньше, чем этот агрегат. Кровь, мягкотелая Молли. Именно она приводит в действие это темное дело — кто-то жаждал твоей крови и крови тех, кто упомянут в списке. Из миллиона имен жителей Шакалии, выданных транзакционной машиной Гринхолла, только твое имя отвечает всем критериям, установленными твоими мучителями. Эта машина прольет яркий свет науки на тех, кто явно предпочел бы остаться в тени.

— Я ничуть не сомневаюсь в твоем таланте, Коппертрекс, — польстила ему Молли. — Я знаю все о научном методе расследований. Когда я жила в приюте, мы собрали всю серию книжек о Барклае и Гейм Чикене.

Никльби насмешливо хмыкнул.

— Твои книжонки — свидетельство неутолимого тщеславия этого человека.

— Неужели вы знакомы с Барклаем? — ужаснулась Молли.

— Наши дорожки когда-то пересекались, — ответил писатель. — Мои — с дорожками Барклая и его балбеса-помощника. Я уверен, Молли, тебе хватит смекалки обнаружить, что наш с Коппертрексом вклад в разгадку тайны пропавшего аббата был намеренно принижен высокомерием и самовлюбленностью Барклая и его связями на Док-стрит. Если я и могу в чем-то найти утешение, то разве лишь в том, что в данном случае ни Хэм-Ярд, ни семьи жертв не стали обращаться за консультациями к Барклаю и его пташке.

— А он такой же щеголь, каким его изображают на картинках?

— Реальность всегда разочаровывает, — коротко ответил Никльби и, нахмурившись, вновь склонился над списком.

Наконец машина была собрана, и череп Коппертрекса озарился ярким светом, означавшим, что паровик доволен. А как только клоны подсоединили выхлопную трубу агрегата к отдушине в одной из стен лаборатории, в верхней части этого новоявленного чуда техники закружились золотистые сферы. Одному лишь Кругу было ведомо, что скажут соседи Никльби, если, выглянув в окна, заметят, что из часовой башни наружу бьют струя пара. Но скорее всего они давно привыкли к

эксцентричным выходкам писателя и наверняка видели куда более странные и ужасные вещи, решила Молли.

Деревянный пол задрожал — это в движение пришли барабаны транзакционного двигателя. За окном, на фоне вечернего неба были хорошо видны выхлопы отработанного пара. Перепуганные белые цапли сорвались с лужаек сада в поисках менее опасного места.

— Мягкотелая Молли! — позвал Коппертрекс. — Для моего исследования требуется твоя помощь.

Молли недоверчиво посмотрела на его машину.

— Вы уверены, что ею можно пользоваться?

— Лорд Хартисберг — признанный научный авторитет в своей области, и это его самое последнее изобретение.

— Но ведь он не врач.

— Дорогая млекопитающая, немногие врачи могут позволить себе такую дорогую машину, как эта. Приступим к делу. Если ты предоставишь мне небольшое количество твоих жизненных соков, то я смогу как можно раньше приступить к их анализу.

Молли закатала рукав, после чего один из клонов паровика взобрался на скамеечку, держа в металлических, похожих на щипцы ручках шприц.

— Аликот Коппертрекс, мне очень дороги мои жизненные соки. Это не машинное масло, которое я могу налить в блюдечко, чтобы вы смазали им гадальные шестеренки. Машина вашего состоятельного друга мне почему-то кажется не очень надежной.

— Ты не права, Молли мягкотелая, — возразил паровик, наблюдая за тем, как его клон шприцем набирает из вены девушки кровь. — Эта модель в целом сходна по своему устройству с анализаторами крови, применяемыми полицией для установления личности граждан. Ваши жизненные соки содержат уникальный биологический показатель, который позволяет Гринхоллу регистрировать вас. Этот показатель также дает возможность оценить вашу потенциальную предрасположенность к правонарушениям или инфекционным заболеваниям и даже выявлять латентных обладателей уорлдсингерских талантов. — Коппертрекс перелил кровь в стеклянную емкость. Она сразу же запузырилась и стекла в приемное устройство машины.

— Отлично! — прокомментировал Блэк, недоверчиво глядя на пыхтящий и пощелкивающий анализатор. — По крайней мере ты поступил разумно, одолжив эту штуку в своем клубе. Не хотелось бы, чтобы наши денежки уходили на сомнительного рода аппаратуру для твоих исследований.

— Королевское общество — никакой не клуб, — обиделся быстродум. — Сия почтенная организация занимается

рассмотрением философских вопросов в высшей степени фундаментального и прикладного характера. Поверь мне, там никто не сидит в обтянутых кожей креслах, покуривая мамбл.

Молли прижала к ранке, оставленной уколом, комочек ваты, который тут же окрасился розовым.

— Выходит, это очень серьезное место.

— Именно, юная мягкотелая, очень серьезное.

Принтер за спиной паровика тотчас начал выдавать результаты анализа — под нежное постукивание молоточков печатного устройства из него медленно поползла узкая лента. Коппертрекс принялся изучать полученные сведения, и его череп сиял ровным светом. Вдруг в нем заметались яркие молнии — верный признак, что он недоволен тем, что ему стало известно.

— Аликот! — прозвал Никльби.

— Что случилось, Коппертрекс, скажите? — потребовала ответа Молли.

— О, борода Зака, Владыки Цилиндров! Моя бедная мягкотелая подруга, не стоит удивляться тому, что они желают твоей смерти!

— Великий Круг, да ты скажешь нам, что узнал, или нет?! — воскликнул коммодор Блэк. — Ну, что там выдала твоя чертова машина?

Лента едва не выскользнула из рук Коппертрекса, повиснув над полом.

— Что я узнал? Друзья мои, похоже, я понял, почему тот, кто ковырялся в архивах Гринхолла, изменил учетные записи. Теперь мне понятно, почему у многих состоятельных граждан нашей страны выкачивали живительные соки до последней капли. Теперь я знаю, почему юная Молли обречена на смерть!

Странно, подумал капитан Флейр, что дворец, некогда такой роскошный, что даже послы из Кассарабии восхищались его гигантскими люстрами, сотнями крутовистских часовен и частными садами с фигурно подстриженными деревьями, превратился в подобие тюрьмы. В зале, где заседала Особая Гвардия, обсуждая предстоящую церемонию коронации, ранее устраивались изысканные балы, блестящие приемы и пиры, на которых подавали угрей и речных крабов, выловленных в водах Гэмблфлауэрс, и оленину из охотничьих угодий. Теперь от былого благолепия остались лишь голые стены, покрытые плесенью. Раз в месяц с этой напастью пыталась бороться немногочисленная прислуга, чьи ряды еще несколько столетий назад были сокращены до жалкого десятка человек, получавших скудное жалование от Гринхолла.

В данный момент речь держал один из младших администраторов Гринхолла. Когда дело доходило до рассмотрения финансовых вопросов, правительство неизменно бывало щедрым в одном — в длине речей выступавших.

— Ведется реставрация королевской кареты, — сообщил чиновник. — В каждом городе народ с нетерпением ожидает возможности на каждой остановке увидеть принца надежно прикованным к кресту и в новой маске.

— Возможно, необходим также запас свежих фруктов, чтобы было чем закидывать престолонаследника, — предложил Флейр наполовину в шутку, наполовину всерьез.

— Граждане могут принести с собой испорченные, непригодные в пищу продукты, капитан, — невозмутимо возразил чиновник. — Если я вас понял, вы выразили свои опасения относительно продолжительности королевской процессии.

Флейр кивнул.

— Не думаю, что Особая Гвардия сможет посетить половину городов Шакалии в своем полном составе, как вы предлагаете. Помимо этого у нас есть и прочие обязанности, которые следует выполнять.

— Что может быть важнее ваших церемониальных обязанностей в качестве надзирателей за монархами? Народ с нетерпением ожидает приятных зрелищ, поскольку коронации не было уже около полувека. Пусть же наш свободный народ порадуется тому ужасу, которым наверняка будет охвачен Алфей. Пусть почти коронованный монарх с еще не отрубленными руками послужит людям напоминанием о том, что он все еще способен употребить свои презренные конечности на черное дело восстановления тирании в нашей стране.

— Надзиратели за монархами, — презрительно процедил капитан Флейр. — Хоггстон не прочь устроить этот цирк за счет казны, чтобы не тратиться на вино и закуску для электората. Защитить народ от жертвенного тельца в человеческом обличье, которого выдержите взаперти в королевском инкубаторе? Думаю, мне пришлось бы обратиться к страницам хроник, вздумай я узнать дату последнего проявления роялистского насилия по отношении хотя бы к одному из подданных Шакалии. Вам нужны поставленные ими птички в избирательных бюллетенях, а не защита от принца, ставшего королем.

— Гринхолл не служит какой-то одной политической партии, — напыщенно произнес чиновник. — Мы служим народу.

— Уверен, что ваши слова прозвучат еще более выразительно, если вы произнесете их на асглийском, — заметил Флейр.

— Народ ожидает двухнедельного веселья, — возразил его

собеседник. — А вас, капитан, мы ждем в столице в конце текущего месяца. Там соберутся огромные толпы желающих занять места на Парламентской площади, чтобы понаблюдать за тем, как королевский хирург отсечет мальчишке руки и коронует, сделав новым королем. Это будет грандиозное зрелище, капитан. Во всей Шакалии не найдется человека, который не захочет посетить эту церемонию. Мне не хотелось бы доложить Палате Стражей о том, что для проведения карнавалов появились некие препятствия. Великий Круг, не важно, обладаете вы способностями фея или нет, но народ точно разорвет вас на клочки, если вы дадите ему повод для недовольства.

Флейр устало покачал головой.

— Готов спорить, что выборы в этом году состоятся рано.

В следующее мгновение двери в дальнем конце комнаты распахнулись. В помещение, подхватив со стола бумаги гринхолловского чиновника, ворвался порыв свежего воздуха, и на пороге появился нежданный гость, уорлдсингер. Стоящие в карауле гвардейцы тотчас щелкнули каблуками. Это был один из новых служителей. Как же его имя? Кажется, Бланди.

— Капитан! — обратился к Флейру волшебник. — У меня для вас срочное известие.

Флейр посмотрел на чиновника.

— Надеюсь, вы простите нас, похоже, что этот человек хочет сообщить нечто иное, нежели подготовка к карнавалу.

— Уверен, что этот джентльмен из ордена сообщит нечто такое, что непременно заинтересует и Гринхолл.

— Вопрос первостепенной срочности, капитан, — уточнил уорлдсингер, приблизившись к столу.

— Отлично! Слушаю вас! — отозвался Флейр.

— Король, капитан.

— Алфей?

— Нет, старый король, Юлий. Я был назначен в наряд — перевезти его тело к гробовщику в королевский инкубатор. Таксидермисты из государственного музея не захотели повторения печального происшествия, как то имело место с телом королевы Марины.

Чиновник из Гринхолла согласно кивнул. Тело королевы Марины, предшественницы Юлия, было захвачено возбужденной толпой и брошено в воды реки Гэмблфлауэрс, где его унесло приливными волнами и оно исчезло в пучине моря. От него не осталось никаких следов, так что выставить для публичного обозрения было нечего.

— Примите мое сочувствие, — ответил Флейр. — Но если вам неприятен запах, его всегда можно скрыть, если побрызгать

покойника розовой водой.

— Вы не понимаете. Я остался наедине с телом. Мне стало скучно, а еще, как бы банально это ни прозвучало, меня охватило любопытство — я все еще веду исследования с целью получения второго цветка.

— И какое отношение это имеет к покойнику, сынок? — спросил Флейр.

— И я подумал, вдруг мне удастся проникнуть в его остывшее сознание. Воспоминания сохраняются в мозгу порой еще несколько дней после смерти — лишняя возможность попрактиковаться еще никому не мешала.

— Вы практиковались с телом усопшего короля? — удивился чиновник. — Это отвратительно. О Всемогущий Круг, неужели ваше начальство одобряет такие вещи?

— Нет, — ответил уорлдсингер, явно устыдившись своего поступка. — Узнай мое начальство, оно не одобрило бы моих действий. Но я не сделал ничего предосудительного и теперь точно знаю, что король мертв.

— Это ни для кого не секрет, — усмехнулся чиновник. — Еще никому не удавалось оправиться от болезни лодочника.

— В его мозгу осталось всего одно воспоминание, всего лишь одно. Зато такое сильное, что сохранялось еще целую неделю. Принц Алфей душит отца подушкой. Потрясение от случившегося и осознание предательства было настолько сильным, что я буквально ощущал его привкус.

— Значит, Алфей задушил собственного отца? — удивился чиновник. — Зачем? Ведь болезнь лодочника и без того свела бы его в могилу.

— Вы правы, это действие не имело смысла, — ответил уорлдсингер. — Но последнее воспоминание было действительно очень сильным. Я не мог ошибиться. Король испытал чудовищную душевную боль.

— Это ничего не меняет, — заявил капитан Флейр. — Вспомните о веселье, о карнавале или на худой конец мятеже, который вспыхнет, если люди не получат долгожданного праздника, Коронация должна состояться точно в назначенный час.

— Это меняет все, — возразил чиновник. — Как бы мы ни пытались случать королевских хищников, похоже, нам никогда не вытравить из них жестокость. В инкубаторе имеется немало кандидатов, которых мы можем выбрать для осуществления порядка наследования, и тогда народ придет посмотреть на казнь на эшафоте Боунгейта столь же охотно, как и на Парламентскую площадь. В былые дни эти злобные подонки травили друг друга

ядом. Похоже, наш дорогой принц следует их примеру. Но какую превосходную возможность это нам дает, капитан, вы только подумайте! Мы напоминаем всей стране о моральном авторитете нашего правителя славной процедурой повешения. Что касается народа, то он, как и положено, получит во время карнавальной недели нового монарха на троне.

Флейр потянулся вперед и резко ударил чиновника по шее. Что-то громко хрустнуло. Чиновник тут же обмяк в кресле, а его голова бессильно свесилась набок.

— Я почему-то был уверен, что вы так и скажете.

Стоявший на другом конце зала уорлдсингер попятился. Ноги сами понесли его к выходу, туда, где застыли в карауле два гвардейца.

— Вы убили его!

— Весьма сожалею, — ответил Флейр. — Вот только я сомневаюсь, что его кто-то хватится. В отличие от тебя, Бланди. Твое исчезновение наделает в ордене слишком много шума.

Уорлдсингер выбросил вперед руку и, покачиваясь и направляя магию в сторону Флейра, начал читать заклинание. Увы, попытка оказалась безуспешной, с капитаном ничего не произошло. Тот стоял на своем прежнем месте, спокойный и несокрушимый как скала.

— Вы!..

— Я должен был сгореть? — спросил капитан и похлопал себя по торку, обвивавшему его шею. — Неужели все эти мерзкие руны, все эти чары, которыми мой торк набит по завязку в ожидании той минуты, когда он разорвет меня на части, дали осечку? Я видел, как тебе подобные как-то раз привели в действие эту штуку, которая была нацеплена на одном из нас, меченых, — на женщине. А ты, уорлдсингер, тебе случалось видеть такое? Я до сих пор помню, как глаза этой несчастной, вырвавшись из орбит, шипели на холодном снегу. Вы могли бы назвать ее дегенераткой, для меня же она была испуганной юной женщиной, которая убежала с поля боя, будучи не в силах видеть вокруг себя трупы и вдыхать запах смерти. Такого жизненного опыта не пожелаешь и врагу!

— Только уорлдсингер способен снять заклятие с торка.

— Так принято думать, — согласился Флейр, сопроводив свои слова кивком. — Конечно, хотя у нас самое большинство количество меченых, Шакалия не единственная страна, где имеются уорлдсингеры.

Один из гвардейцев открыл дверь и впустил в зал существо ростом с граспера. Это был один из злосчастных узников Хоклэмского приюта.

— Вы сошли с ума, капитан! Где защитный костюм этого парня? Где сопровождающие уорлдсингеры?

— Ты имеешь в виду оковы? Ах да, забыл, сегодня же день стирки! Что касается охранников, то позволь мне показать тебе, что с ними случилось…

Голова уорлдсингера дернулась, из носа хлынула кровь — это разум безумного создания вторгся в его мозг. Один из гвардейцев подскочил к уорлдсингеру сзади и, крепко схватив за руки, зажал ему рот.

— Он мне нравится, — сообщил уродец, погладив волшебника по груди и рукам. — Сильный, молодой.

— Ты знаешь, брат, что нужно сделать, — напомнил ему Флейр.

— Ты так добр ко мне, брат.

Раздался хлопок, и нижняя челюсть уродца упала на пол, а сам меченый вскочил на плечи дрожащему уорлдсингеру. Отчаянно сопротивляясь, Бланди попытался сбросить с себя уродца и высвободиться, однако противник оказался намного сильнее его. Фей навалился уорлдсингеру на плечи, и голова Бланди тут же исчезла. Это фейбрид, широко раскрыв рот, мгновенно засосал ее внутрь. Уорлдсингера словно волной накрыло телом меченого, и вскоре два существа слились в единое целое. Уорлдсингер, уже переставший быть собой, полетел на пол, не устояв на ногах, словно новорожденный теленок, который пытается сделать первые шаги. «Бланди» прислонился к стене, тяжело дыша.

— Ты закончил? — поинтересовался Флейр.

Новоявленный Бланди одной рукой погладил себя по затылку, а второй ощупал пах.

— Закончил. Все получилось. Это тело прослужит мне долгие месяцы.

— Неплохо, — похвалил капитан.

Хоггстон спускался вниз по винтовой лестнице прямо в глубины Хэм-Ярда.

— Это действительно важно, инспектор Резон?

— В политической полиции думают так же, Первый Страж. С тех пор, как он был пойман, мы ответили отказом на все просьбы о его переводе в другую тюрьму.

— Знаю, — ответил Хоггстон. — Как думаешь, когда прекратятся жалобы на политическую полицию?

Инспектор Резон подошел к блоку переключателей. Расположенные внизу газовые фонари тотчас ожили, и в их неровном свете стали видны уходящие вниз ступени.

— Здесь давно следовало установить лифт, — заметил Хоггстон.

— Когда вы были моложе, Первый Страж, лишние движения вас не слишком напрягали.

— Тогда я засовывал брошюрки под двери домов в трущобах Дризелвелла, мерился силами на полемических дубинках с молодыми щеголями-левеллерами.

Инспектор улыбнулся.

— А я был молодым неопытным полицейским, пытавшимся ловить карманников и разгонять на улицах толпы бездельников.

— Мы оба прошли славный путь с тех времен, — признал Хоггстон.

— Верно, Первый Страж, большой и славный путь. Я прошу вас не думать, будто я не испытываю благодарности за те услуги, которые вы мне оказывали.

— Это доброе дело — пригласить местного полицейского на чашечку каффиля, как когда-то говаривала моя матушка.

— Она всегда делала его чересчур сладким, — вспомнил инспектор. — Хотя я не припомню, чтобы кто-то жаловался.

— Дешевый джин убивает ощущение вкуса. Сладость — единственное, что остается.

— Сейчас я воздерживаюсь от крепких напитков, — признался полицейский.

— Что именно политическая полиция не включила в отчет?

— То, что его взяли в первую очередь мы, а не они. Хотя, по правде говоря, нам просто подфартило, что мы вышли на его след.

— Он когда-нибудь общался со смутьянами из доков?

— Осмелюсь сказать, некоторые из них, как и он, когда-то были компатриотами. Но он напрямую не связан с новым заговором.

— Этих новых революционеров непременно нужно разоблачить, — веско произнес Хоггстон. — Я не потерплю, чтобы их зараза плодилась на моих улицах и подрывала наш авторитет.

— Согласен, — произнес инспектор. — Я видел отчеты моих полицейских, касающихся ночных дежурств. Все, как один, до смерти перепуганы увиденным. Роты уорлдсингеров и гвардейцев гнали по городским трущобам целое стадо жутких созданий.

— Это не должно дойти до Док-стрит, — приказал Хоггстон.

— Если так будет продолжаться и дальше, газетчики очень скоро пронюхают о вашем приходе сюда, — ответил инспектор Резон. — Смею ли я предположить, что вы лишь потому согласились на мое предложение придти, что у ваших друзей больше нет никаких полезных сведений?

— Ты еще скажешь, что они охотятся за привидениями, — огрызнулся Хоггстон. — Лучше давай поговорим о твоем пленнике. Он действительно был печатником?

— Да. Работал на Хокс-сквер, где, если не ошибаюсь, печатали этикетки для тоника. Мы арестовали его на основании доноса, что он выполняет левые заказы. Донос оказался верным. У него нашли полные ящики дагерротипных снимков непристойного содержания. Их было так много, что цензурному комитету Гринхолла потребовалось бы много недель для их изучения. По всей видимости, на него настучала одна из девиц-натурщиц — наверное, какие-то разногласия художественного свойства.

Держась за вделанные в стены металлические скобы, Хоггстон продолжил спуск вниз.

— Но ты, после того как получил результаты анализа крови, все-таки вернулся в типографию?

— Абсолютно верно, Первый Страж. Мы нагрянули туда ночью и тихонько обшарили все, до последнего винтика. Тогда-то мы и нашли там кое-что другое. Я оставил там засаду, чтобы посмотреть, не залетит ли туда какая-нибудь важная птица.

— Если так и произойдет, считай, что тебе повезло, — небрежно бросил Хоггстон.

— Согласен. Вполне может статься, что я впустую потрачу уйму времени, но ведь происходили и куда более странные вещи.

Лестница наконец кончилась, и они очутились перед железной дверью. Инспектор Резон постучал по закрывавшей ее снаружи железной решетке, и через секунду дверь открылась внутрь. На пороге вырос граспер в черном полицейском мундире и важно отсалютовал гостям.

— Вы еще не были у нас, Первый Страж?

Хоггстон отрицательно покачал головой.

— Одна дверь ведет внутрь, одна — наружу. Обе охраняются. Немало узников-людей улизнули из Боунгейта после вынесения им смертного приговора, но еще ни одному не удалось сбежать из наших камер. Правда, находились негодяи, кто пытался бежать — например, душитель с Лайонс-Филд, разбойник Воган, даже научные пираты вроде Ньютона и Крука.

Затем рядом с Хоггстоном и Резоном появился второй полицейский, который отомкнул последнюю дверь. Перед ними открылся вход в длинный коридор, по обе стороны которого тянулись камеры со стеклянными дверями. Не обращая внимания на других узников, инспектор повел Хоггстона к самой дальней камере с железной дверью, окантованной по всему периметру резиновыми прокладками, что придавало ей сходство с люком

субмарины.

— Отключи шум! — бросил Резон одному из охранников. — И покрепче задвинь засовы!

С этими словами инспектор крутанул штурвал дверной задвижки. В камере во весь рост стояла человеческая фигура с повязкой на глазах, прикованная цепью к металлической раме.

— Политическая полиция выведала бы у него нужные сведения гораздо быстрее, — произнес Хоггстон.

— Медленно, но верно, Первый Страж, — согласился инспектор. — Вы же прекрасно знаете, что мы, простые полицейские, не одобряем их методов. У этого парня ногти на руках в целости и сохранности, и я отлично обхожусь без всяких там колдунов, чтобы заглянуть в его мысли. К тому же, если человек достаточно силен, он сумеет без особых усилий противостоять методам ребят из политической полиции, а если слаб, то в любом случае скажет все, что они желают услышать. Когда нам нужно узнать правду, мы просто оставляем их один на один с шумом — на день, на неделю или даже на месяц, и в конце концов он, как говорится, делает их просто шелковыми.

Хоггстон оглядел камеру. Голые стены, одни лишь отражающие пластины, перемещающие шум по всей темнице. Звук танцующих дьяволов.

Инспектор Резон снял повязку с глаз пленника. Тот медленно обвел взглядом окружающее пространство и посмотрел на Хоггстона и инспектора. Взгляд у него был безумный и рассеянный. Как будто реальность раскололась на бесчисленное количество частей, и в камере он видит то, чего не в состоянии узреть другие люди. В том числе и вещи, которые он может отодвинуть в сторону, чтобы дать место двум новоявленным гостям.

— Каким именем ты пользуешься сегодня? Гаррет или Тейт?

Пленник промычал нечто невнятное.

— Должно быть, ему трудно выбрать что-то определенное, — ответил инспектор Резон. — Ты четырнадцать лет был Гарретом. Однако согласно архивным данным и анализу крови ты — Тейт. Гаррет — не слишком уважаемая личность, верно? Внешне он, может, и производил благопристойное впечатление, но я предлагаю вспомнить найденные у тебя ящики с похабными картинками, которыми ты торговал. Уже за одно это тебя можно на пару лет упечь за решетку. Так что назови джентльмену свое имя.

— Тейт, — ответил узник. — Я — Тейт.

— Но мистер Тейт — главарь горняцкого союза, — возразил инспектор. — Человек из газовых месторождений. Как же ты мог

стать другим?

— Просто взял чужое имя. Гаррет умер во время голода, но об этом никто не знал.

— В этом-то и проблема, — ответил Резон. — Дело в том, что Тейта до сих пор разыскивают за создания союза горняков в годы карлистского восстания. Гаррет получит два года заключения в Боунгейте, а вот Тейт — Тейту светит виселица, понимаешь?

— Тейт. Я — Тейт.

— Отлично, — похвалил заключенного инспектор. — По правде говоря, Тейт, меня мало занимают твои политические интересы и то, чем ты раньше занимался. Вздумай я арестовать того, кто во время восстания запихнул запал в бутылку джина, у меня здесь перед Хэм-Ярдом уже давно бы выстроилась очередь торговых воротил, которые бы жаловались на нехватку рабочих рук. Но меня, признаться, беспокоит тайный склад в подвале твоей типографии. И свежие экземпляры газеты «Общество и общее дело», перевязанные в пачки и подготовленные к раздаче. И как только тебе удается находить покупателей этого барахла?

— Пожалуйста, дайте мне поспать! Умоляю вас, я безумно хочу спать!

— Тогда скажи мне, парень, то, что я добиваюсь от тебя, только и всего, — ответил Хоггстон. — Чтобы мы с чистой душой могли перевести тебя в камеру, где есть койка. Расскажи мне об уличных беспорядках. Ты ведь с друзьями был в доках, когда на берегах Гэмблфлауэрса началось черт знает что?

— Не мы, — ответил узник. — Это были не мы.

— Но ведь подстрекатели называют себя карлистами.

— Я не принимаю таких в свою организацию, — ответил узник. — Они другие.

— И в чем же их отличие?

— В их настойчивости. Они давят на тех, кто состоит в их рядах. Творят безумные вещи, что-то вроде колдовства. Люди быстро подпадают под их влияние.

— Я давно уже сделал для себя вывод, что самые сильные идеи подобны колдовству, — сказал Хоггстон. — Кто организаторы? Где собирается их комитет?

— Они жестокие, — произнес узник. — Они убивают нас. Они убивают своих же.

— Он сам не знает, кто они, — возразил инспектор Резон. — Даже шум оказался бессилен вытащить из него эти сведения.

— Не могли же эти хорошо организованные парни возникнуть из ниоткуда, — предположил Хоггстон. — Тейт, ты, может быть, и не знаком с новым карлистским движением, но один из твоих людей все-таки должен знать, откуда исходит эта

революционная зараза.

Тейт болезненно застонал.

— Назови ему имя, Тейт, — посоветовал инспектор Резон. — Скажи этому джентльмену имя, которое ты мне выдал. Скажи ему, куда поступали твои деньги, и кого ты финансировал.

Тейт покачал головой.

— Черт тебя подери, парень, мне нужно имя! — рявкнул Хоггстон.

— Ты вытерпел три дня шума, — напомнил несчастному узнику инспектор. — Я видел, как настоящим мужчинам удавалось выстоять пять дней, иногда даже неделю, но потом и они не выдерживали. Хочешь проверить, настоящий ли ты мужчина, Тейт?

— Карл. Бен Карл! — Это имя Тейт-Гаррет произнес как молитву. — Он знает о новых революционерах.

— Блудный сын Миддлстила? О Великий Круг, а я-то думал, что он давно мертв, — сообщил Хоггстон. — Где же он прятался все эти годы?

— Ну, не зря я вас сюда пригласил? — повернулся Резон к Первому Стражу.

Тейт заплакал, устыдившись той легкости, с какой далось ему предательское признание.

— Я видел его только раз, на митинге. Он тоже сильно напуган. За ним охотятся эти новые.

Первый Страж повернулся к инспектору.

— Ты ему веришь?

— Верю, он здесь вот уже три дня.

— Не сводите с него глаз! — распорядился Хоггстон. — Постоянно, день и ночь. Черт бы побрал этого Бенджамина Карла! Вот уж не думал, что придется заниматься каким-то жалким философом. Сейчас он, должно быть, впал в старческий маразм, и все равно отравляет нам существование.

Резон кивнул на Тейта-Гаррета.

— Отправить его в магистрат? Тогда для него точно подготовят эшафот.

— Я вижу перед собой лишь старого придурка, который бросил печатать одну похабщину и тут же взялся за выпуск другой. Надо осудить Гаррета, а не Тейта. Сделай это тихо и отправь его в мой район. Я попрошу, чтобы его оставили в живых и выслали в колонии.

— Спать! — простонал Тейт.

Инспектор посмотрел на циферблат карманных часов.

— Сегодня вечером тебя избавят от этих видений, и ты сможешь проспать несколько дней подряд.

— «Это будут первые дни более справедливой жизни», — процитировал Хоггстон строчку из предисловия к «Обществу и общему делу».

Инспектор Резон позвал тюремщиков и приказал им сиять с Тейта цепи.

— Бен Карл, — произнес Хоггстон, перекатывая во рту эти два слова, как будто смакуя их. — Бен Карл. Я думал, что ты уже давно мертв.

— Я купил все, что ты написал в своем списке, — сообщил Аунбар.

— Отлично, — похвалил мальчишку-крабианца Бинчи, беря у него корзинку с едой. Сунув руку в карман, он извлек из него монетку в три пенса. — Как там дела у Джерпса?

— Огромная очередь, как всегда. — Пестрые подростковые пятнышки на бронированном черепе мальчишки сверкнули в ярком солнечном свете коридора. — Угорь в желе был свежим на вид, так что я купил для тебя порцию.

Бинчи улыбнулся.

— Славно. Значит, ужин у меня есть.

— Моя мама интересуется, как поживает демсон Би, — произнес Аунбар.

— Передай от меня спасибо твоей матушке.

— У тебя опять нет времени поучить меня обращению с карточками? — поинтересовался мальчик.

В отличие от большинства мальчишек Шелл-Тауна, которые бегали по улицам и швыряли комьями грязи в тех, кто обижался на их проказы, Аунбар на глаз мог определить ошибку в строчке Простачка, а узоры перфорированных карточек читал как прирожденный механик.

Бинчи посмотрел на старинные часы, купленные в свое время еще его дедом.

— Нет, не сегодня, тебе лучше поторопиться домой. Учеба от нас никуда не уйдет. Ведь всегда остается завтра.

— Тогда в день Круга, — с явным разочарованием в голосе произнес юный крабианец. В следующее мгновение в коридоре часовой башни раздалось постукивание трости по полу. Оба — и Аунбар, и Бинчи — мгновенно повернули голову в сторону двери. Насколько было известно Бинчи, на этом этаже никто не жил.

— Мистер Бинчи? — спросил вошедший в комнату пожилой джентльмен.

Бинчи поставил корзинку с едой на пол.

— Вы ко мне, сэр?

— Профессор Винеис. По-моему, из нашей канцелярии вам

должны были отправить письмо.

— Вы психиатр? Я только вчера получил ваше письмо. — Бинчи посмотрел на юного крабианца. — Ступай домой, Аунбар. До завтра.

— До завтра! — попрощался тот и выбежал в коридор.

Профессор Винеис оперся на трость.

— Прекрасные ребята эти крабианцы, верно? Я слышал о горестном состоянии вашей жены, мистер Бинчи. Мы можем с вами сейчас поговорить на эту тему?

— Будет лучше, если вы войдете комнату, сэр, — пригласил гостя Бинчи. — Вы, надеюсь, не из Королевского института? Я уже консультировался с большинством тамошних специалистов, но от них нет никакого толка. Машинная болезнь, видите ли, находится за пределами их компетенции. Если бы этот недуг поразил кого-нибудь из гвардейцев или хозяев счетных домов, они тут же приступили бы к лечению и не стали бы расписываться в своем бессилии.

— Последние несколько лет я давал консультации в городах-государствах, — сообщил профессор, снимая плащ.

— Мне показалось, что вы говорите с каким-то легким заморским акцентом, — сказал Бинчи, принимая у гостя плащ и вешая его на прибитый к двери крючок. — Но как вы нашли меня? Я лишь совсем недавно опубликовал сообщение о болезни жены в журналах, которые выписываю.

— Знаете, это любопытное стечение обстоятельств, — признался граф Вокстион. — Причем дело кончилось посланием и разбитым зеркалом.

Бинчи недоуменно посмотрел на гостя.

— Разбитым зеркалом? Но ведь это плохая примета!

— Совершенно верно — согласился граф. — Для кого-то. Ну что ж, мистер Бинчи, приступим к консультации…

Глава 17

Оливер посмотрел на обмотанную тканью конечность Стимсвайпа, оканчивающуюся боевым молотом. Затем выглянул из каменного сарая наружу, желая убедиться, что никто не видел, как они вошли внутрь. Рыцарь-паровик недовольно посмотрел на обернутую мешковиной руку и корзины с вещами, которые ему приладили на спину.

— Оскорблять мой статус таким образом — бесчестно, да и один слой такни — не слишком действенная уловка.

Гарри тем временем продолжал бинтовать Стимсвайпу металлическую конечность.

— А что имеется в виду — статус восстановленного в правах паровика-рыцаря или твой статус опозоренного воина, приговоренного к долгой деактивации?

— Не будь я связан клятвой защищать твою жизнь, мягкотелый, — пророкотал паровик, — я переломал бы тебе кости тем оружием, которое ты так неуклюже пытаешься скрыть этим жалким тряпьем!

— Это необходимо, — неожиданно произнес чей-то незнакомый голос.

Оливер посмотрел на огромную связку сена, на которой покоилось священное оружие рыцаря, Лорд Уайрберн. Нечто в голосовом аппарате древнего оружия заставило Оливера насторожиться. То были голоса всех душ, которых в этом мире Лорд Уайрберн лишил телесной оболочки, это они слышались в пронзительном искусственном тембре. К счастью для шакалийцев, Лорд Уайрберн говорил крайне редко.

Стимсвайп не ответил ему, но было ясно, что он готов последовать совету священной реликвии — если бы не ее вмешательство, его бы вновь погрузили в вечный сон без сновидений.

— Чертовски верное замечание, — прокомментировал Гарри Стейв. — Поскольку я единственный из нашего маленького отряда бывал раньше в Шэдоуклоке, то позвольте поведать вам о том, с чем мы там непременно столкнемся. Шэдоуклок — закрытый город и был обнесен стенами еще в годы гражданской войны. В нем имеется четверо ворот, где красномундирники несут караул круглые сутки. Внутри города расположен вход в шахты, где ведется добыча газа, за его пределами находятся огромные, тщательно охраняемые аэродромы. Всех, кто въезжает или выезжает из города наземными или водными путями, самым серьезным образом обыскивают для выявления возможных

случаев контрабанды.

— Ищут газ? — полюбопытствовал Оливер.

— Точно. Палата Стражей просто сходит с ума, когда дело касается газовых месторождений. Тут нет ничего удивительного, ведь они считают, что мы единственные располагаем запасами бесценного газа.

— Но это действительно так, — подтвердил Оливер.

— Вообще-то, дружище, ты удивишься, когда узнаешь, где еще он имеется. Но я отвлекся. Следует понимать, насколько важен Шэдоуклок. Если ты контролируешь этот город, ты контролируешь и весь воздушный флот. Если контролируешь воздушный флот, то контролируешь весь континент. Это известно всем, но кто-то в городе играет в опасные игры. Твой дядя до чего-то докопался, до чего-то такого, что связано с этим городом и его тайнами. К несчастью все, кто каким-то боком был с ним связан, плохо кончили. Если выражаться точнее, их убили.

— Но ведь мы с тобой еще живы, Гарри.

— Это потому, что мы не спешим расставаться с жизнью. Скажи спасибо паровикам. Если бы не они, охотники за рабами из Кассарабии сейчас бы обгладывали на границе наши косточки. Да, печальный был бы конец для такого самородка, как я.

— Кто-нибудь вполне мог назвать это заслуженным концом, — проворчал Стимсвайп.

— Конечно, такие доброхоты нашлись бы, не сомневаюсь, — согласился Гарри. — Но если даже твои предки добровольно предложили свои услуги участникам этой веселой прогулки, то почему бы и тебе не использовать свой недюжинный интеллект паровика, чтобы придумать способ, благодаря которому мы смогли бы проникнуть в город, не вызвав к себе интерес армии, полиции и воздушного флота.

— У вас есть свои люди в Шэдоуклоке, Гарри? Ловцы волков или свистуны?

— Нет, таких, кому я мог бы доверять, никого, — признался Гарри. — Мой старый дружок Джейми и две его песчаные кошечки меня не ждали, потому что отправились на пикник в вересковые пустоши. Сеть моих агентов раскрыта. Даже если свистуны в Шэдоуклоке не были напрямую перевербованы, те, кто желают, чтобы мы с тобой исчезли, дали им на сей счет самые подробные инструкции. Пока что нас ожидает немало опасностей.

— Мы могли бы ночью пробить их стены, — предложил Стимсвайп. — Хитрость сослужила бы нам хорошую службу.

Лицо Гарри приняло задумчивое выражение.

— Ты ведь ночью видишь так же хорошо, как и днем, верно? Как знать, может, мы и прибегнем к этой уловке. Даже если

теперь в Шэдоуклоке не на кого положиться, там есть один человек, достойный моего доверия. Впрочем, не совсем достоин.

— Неужели таков твой уровень стратегического мышления? — спросил Стимсвайп.

— Держи друзей близко к себе, но врагов еще ближе. Думаю, настала пора отправить записку Кругу и молиться о ниспослании помощи, — ответил Гарри, закончив, бинтовать боевую руку рыцаря.

— Другу, которому вы не можете доверять, Гарри?

— Узы товарищества со временем существенно слабеют, Оливер. Незначительный шантаж — вечен.

Оливер посмотрел на свою одежду, щедро присыпанную угольной пылью, Караван торговцев, к которому они присоединились, чтобы незаметно выехать из Свободного Государства Паровиков, должно быть, уже давно следовал своей собственной дорогой, но пыль, которой были покрыты их мулы, все еще липла к его штанам. Если бы он в Севенти-Стар-Холле в таком виде вернулся домой, дядя Титус велел бы демсон Григгс хорошенько вычистить его с головы до ног жесткой одежной щеткой.

— А твоя тайная полиция, прячущаяся за облаками, она будет нас искать? — поинтересовался Стимсвайп.

— Может быть, и будет, — ответил Гарри. — Но им придется сначала поискать нас, прежде чем они начнут слежку. Я не исключаю, что в Небесный Суд проникли лазутчики, но далеко не каждый из его людей сделался предателем. Не думаю, что там ведут наблюдение за Шэдоуклоком. Тот, кто стоит за этим делом, убивает тех, кто сует нос в шахты с газом. Вряд ли ради нас там наверху согласятся нести круглосуточную вахту. Слишком накладно.

— Спрячь меня в корзину! — попросил Лорд Уайрберн.

Оливер понял, что священное оружие обращается к нему. Юноше потребовалось напрячь все силы, чтобы поднять реликвию с сена и положить в один из коробов, привязанных к боку паровика. Когда же ранее ее поднимал Стимсвайп, она казалась не тяжелее абордажного пистолета, который ему вручила матушка Лоуд.

— Ты не похож на других людей, — заметил паровик.

— Ты тоже не слишком похож на старину Ржавого Болта из Хандред-Локс, — не остался в долгу Оливер. — Гарри, скажите, местная полиция будет искать нас?

— До Лайтшира отсюда далеко, Оливер. В городском гарнизоне наверняка имеются наши приметы, но анализаторов крови вроде тех, какими оснащен Хэм-Ярд, здесь, в этой южной

глубинке скорее всего нет. Отныне мы станем передвигаться только днем, как и подобает почтенным и законопослушным гражданам Шакалии. Сегодня ночью будет полнолуние, так что лучше не рисковать — местные жители в два счета могут подстрелить нас, приняв за браконьеров или конокрадов.

Гарри Стейв оказался прав, когда принял решение передвигаться исключительно днем. Каждое утро путники видели на дорогах массу народа — гуртовщиков с собаками, гнавших на рынки сотни гусей; торговцев с телегами, груженными бочками со съестными припасами и товарами. Иногда Гарри, Оливер и Стимсвайп останавливались и устраивались на отдых в красного цвета придорожных ночлежках размером с хороший сарай, известных как Лиссакские общаги — по имени одного из Стражей, по инициативе которого их начали строить. Засыпая, Оливер слышал уханье сов в лесах и рассказы Гарри, которыми тот потчевал других путешественников и торговцев, остановившихся вместе с ними на бесплатный постой.

Вечера с приходом лета были теплыми и благоуханными, и на какое-то время тревоги последних дней немного отпустили Оливера. Даже Стимсвайп практически перестал привлекать любопытные взгляды прохожих, когда они проходили по изрезанным колеями улочкам попадавшихся им на пути деревушек. Местных жителей, похоже, больше всего интересовало время прибытия очередной почтовой кареты. Оливер порядком устал отвечать на их вопросы о том, когда он в последний раз видел таковую. Путников действительно часто обгоняли почтовые кареты; возницы явно не ленились лишний раз подхлестнуть убогих лошаденок. Иногда они забавы ради устраивали друг с другом состязания, кто кого обгонит, чтобы побить рекорды скорости. Сомнительно, чтобы кто-то в Шакалии стал возмущаться по этому поводу. Корреспонденция с оплатой в один пенни доставлялась аэростатами, а срочные письма — если позволяли средства — можно было доверить системе кристаллосвязи.

Время от времени, заметив в небе тень проплывающего аэростата, который направлялся на юг, в сторону Шэдоуклока, Оливер и его спутники отдыхали под сенью раскидистого пепельного дерева. Гарри не давал покоя вопрос, как часто воздушные корабли патрулируют небо, и вскоре на постоялом дворе узнал все необходимое от одного из кучеров. После каких-то беспорядков в столице военно-воздушный флот поставлен на прикол и не совершает вылетов. В небо теперь поднимаются только торговые аэростаты. Эта новость явно встревожила Стейва, хотя он и не объяснил почему.

На одном из постоялых дворов им встретилась компания кочевников-рови, очень похожих на цыган, приезжавших таборами в Хандред-Локс на праздник зимнего солнцестояния. Путешествовали они на сильных шестиногих лошадях. Лишняя пара ног была весьма кстати, потому животным приходилось тащить двухэтажные дома-фургоны. Оливер все глаза проглядел, рассматривая эти диковинные кибитки. Это были истинные произведения искусства, чем-то напоминавшие живописные деревянные галеоны на колесах. В кровавые дни революции многие из кланов рови бежали в Шакалию с равнин, расположенных восточнее Квотершифта. Новые хозяева страны объявили этот свободолюбивый народ паразитическим и не способным к созидательному труду. После того, как было объявлено об их высылке в организованные коммуны, начались репрессии, и в результате многие рови угодили в объятия Гидеонова Воротника.

Гарри решил, что цыгане станут идеальным прикрытием для преодоления оставшейся части пути до Шэдоуклока, и быстро сошелся с их бароном за столом одной из придорожных харчевен. Мужчины пили вино, чему-то смеялись и пели застольные песни, звучавшие неприлично, хотя и исполнялись на непонятном языке, вероятно, каком-то квотершифтском диалекте. В результате была заключена некая сделка, потому что Оливер и Стимсвайп переселились в один из домов-фургонов. Оказавшись в обществе паровика и безалаберных кочевников, язык которых он понимал с великим трудом, юноша пожалел о том, что не едет на кузлах вместе с Гарри Стейвом. По крайней мере в его речах был какой-то толк. У главы семьи, занимавшей кибитку, в которую попал Оливер, голова почти не имела шеи и по форме напоминала картофелину, и обычно была понурой. Когда хозяин кибитки не был пьян и безумно счастлив, то сидел, насупившись, и яростно чесал свои седые волосы. Лошади тем временем шли по дороге своим ходом.

А вот пища, предлагаемая кочевниками, была вкусна: нежная копченая ветчина, обсыпанная сильно наперченными хлебными крошками, и приятное на вкус вино из ягод терновника. Все это было настолько необычно, что Оливеру казалось, будто он пребывает во сне. Юноша сидел, покачиваясь в задней части кибитки, и слушал, как хрустят под колесами колосья, которых ветром принесло с ближайшего поля. Было солнечно и очень тепло, он пребывал в прекрасном настроении, хотя и помнил, что в Шакалии некие злые силы по-прежнему по неведомой ему причине не оставляют желания убить его. Наверно, так и жили другие дети в Хандред-Локс, которым не нужно было постоянно

отмечаться в Департаменте по делам феев. На время учительских отпусков они отправлялись к родственникам, жившим в отдаленных уголках Шакалии, где собирали хворост для очага, лежали на спине на лесных опушках и разглядывали медленно плывущие в небе облака.

Время от времени цыганский караван, с которым путешествовали Оливер и Гарри, обгонял какой-нибудь новый обоз. К удивлению Оливера, хозяином одного из них оказался паровик, чьи конечности были обмотаны яркими лентами, как будто он собрался на праздник. Паровик не говорил ни на каком языке, кроме квотершифтского, и единственный комментарий, которого Оливеру удалось добиться от Стимсвайпа, состоял в том, что с точки зрения механического сознания его соплеменник был умственно отсталым.

Хотя неразговорчивый паровик был не слишком удачным спутником, его отношение к Оливеру немного смягчилось, и юноше разрешили — а точнее, потребовали — каждый вечер чистить оружие, выбравшее рыцаря для выполнения почетной миссии. Кстати сказать, юноша до сих пор не знал, к какому типу оружия следует отнести Лорда Уайрберна. Оливер смутно помнил, как когда-то читал одну из дядиных классических книг, посвященных истории военного искусства, в которой содержалась масса иллюстраций и стратегических схем. Паровики предположительно должны были предпочитать воздушные пистолеты, которые могли подсоединяться к их бойлерам для обеспечения идеального давления. Лорд Уайрберн, похоже, относился к подобному типу оружия. Его черный металл, внешне напоминавший боевую броню, сочился странным темным маслом, и Лорда Уайрберна следовало каждый день вытирать насухо.

После каждого часа такой чистки Оливеру приходилось стирать ветошь, которой он пользовался для протирки священного оружия.

Неожиданно внимание Оливера привлекло какое-то потрескивание. На другой стороне леса под пологом дубовых листьев горел костер. С кочевниками путешествовали колдуньи, прекрасные дикарки, удивительно ловко обращавшиеся с огнем. Им ничего не стоило превратить языки пламени в танцующие полотнища, обвивавшие их гибкие тела подобно шелковым покрывалам, пока они сами скользили по траве, взлетая так высоко, будто не подчинялись законам всемирного тяготения. Их лица были настолько прелестны, тела гибки и изящны, что от одного взгляда на них начинало щемить сердце.

Гарри уже предупреждал своего юного спутника, чтобы тот держался подальше от женщин-рови, неоднократно напоминая о

том, что это может закончиться для Оливера весьма плачевно — ударом ножа ревнивого любовника либо вынужденной женитьбой беспечного зеваки на цыганке. Впрочем, Оливер не был даже уверен в том, хватит ли ему мужества просто приблизиться к этим очаровательным дьяволицам. Какое-то время назад он попробовал проявить интерес к юным особам женского пола у себя в Хандред-Локс, но над ним жестоко посмеялись. При этом на лицах девчонок он также замечал страх, смешанный с жалостливым любопытством. А все потому, что Оливер был не такой как все, и за эту непохожесть его так часто дразнили ровесники. Тем не менее он встречал не только насмешки. Нередко, когда мальчик проходил по улице мимо своих ровесниц, за его спиной слышалось неприятное и невнятное перешептывание. Эти воспоминания вынудили Оливера с удвоенной энергией продолжить чистку оружия. Подобное ни за что не повторится в ближайшем будущем. И вообще не повторится. Никогда.

Укрытый тенью дерева, Стимсвайп с шумом рассекал вечерний воздух, делая выпады и нанося удары воображаемому противнику.

Оливер вздохнул.

— Почему ты все-таки отправился вместе с нами, рыцарь?

Вопрос был скорее риторический, без надежды на ответ, однако к удивлению юноши из голосового аппарата Лорда Уайрберна донесся ответ.

— Потому что так было нужно.

Оливер потянулся за чистой тряпицей.

— Похоже, что ты один из немногих, кто так считает. Его собственный командир настаивал, чтобы он остался спать вечным сном в глубинах Механсии.

— Мастер Резак не ведает страха, он не понимает преступления рыцаря.

— А Стимсвайп ведает страх?

— Стимсвайпу довелось столкнуться с тем, к чему другие паровики не осмелились бы даже приблизиться. В разлагающемся сердце Лионгели живут существа, родственные нашей расе — сильтемптеры. Они питаются жизненной силой наших душ, они пьют машинное масло, вырывают у нас из груди компоненты, содержащие кристаллы, которые затем нанизывают на ожерелья и надевают на шею во время своих извращенных ритуалов и не слишком отягощают себя раздумьями. Кстати, как там мои стволы, они нагрелись?

— Они охладятся, когда я вытру с них эту черную жидкость, — ответил Оливер.

— Стимсвайп побывал в самом сердце тьмы и видел то, что неспособен узреть никакой разум, при этом он рисковал навечно утратить сознание. Мастеру Резаку страх неведом, но Мастер Резак сталкивался лишь с племенами крабианцев и с квотершифтскими полками на границе со Свободным Государством. Так что откуда ему это знать. Вот почему я выбрал этого рыцаря.

— Если ты это понимаешь, тебе ведомо и то, что такое страх, верно? — спросил Оливер.

— Верно, я знаю, что такое страх.

Юноша посмотрел на массивное оружие, лежащее у него на коленях, тяжелое и неудобное.

— Во имя великого Круга ответь мне, Лорд Уайрберн, ты боишься чего-нибудь?

— Я боюсь того, что я способен совершить, юный мягкотелый. Я также боюсь того, что когда-нибудь войду во вкус.

Глава 18

— Что же обнаружил твой анализатор, Аликот? — спросил Никльби.

— Это мои родители? — поспешила задать вопрос Молли. — Вы узнали, кто они такие?

— Боюсь, пока не существует таких сложных машин, которые могли бы это устанавливать, — ответил Коппертрекс. — Хотя теоретически, внеся некоторые изменения в конструкцию, я мог бы… впрочем, я отвлекаюсь от главного. Ты сможешь все увидеть сама, мягкотелая Молли. Прижмись глазами к этому увеличительному стеклу.

Молли послушно просунула голову в резиновый кожух, торчавший в передней части агрегата, и ощутила кожей лица холод увеличительного стекла. Ее взгляду предстала розовая река, по которой в огромном количестве проплывали странные создания, на вид вязкие, как желе.

— Неужели это моя кровь?

— Она самая, — подтвердил паровик. — Газовая компрессия выступает в роли мощных линз, тысячекратно увеличивающих образец твоих жизненных соков. То, что ты видишь под стеклом — микроскопические животные, составляющие твой единый биологический организм.

— Очень похоже… странно… похоже на реку, полную угрей и рыб.

— Полную других вещей, юная мягкотелая. Полную вопросов. Смотри! — Коппертрекс усилил увеличение. Это действие сопровождалось громким шипением машины, вследствие усиления внутреннего давления в газовых баллонах. — Ты видишь маленькие частички в твоих жизненных соках?

— Что, девочка? Что ты видишь? — вмешался в разговор коммодор Блэк и придвинулся ближе. — Что там такое можно увидеть в этот инфернальный перископ Аликота?

— Крошечные частички с вращающимися колесиками-шестеренками, они двигаются по моей крови будто лодочные винты. Это ведь ненормально, да? — Молли охватил неподдельный ужас. Неужели ее отравили, неужели она умирает?

Коппертрекс поднял вверх руку с бумажной лентой, выданной анализатором.

— В языке твоего народа, юная мягкотелая, этому имеется особое название. Болезнь Попэма. Если тебе вдруг придется сделать переливание крови, то при операции ты умрешь в агонии, если только твой донор не болен той же болезнью. Это и есть

недостающее звено нашего расследования, именно оно связывает тебя с другими жертвами душегуба с Питт-Хилл. Упоминания о болезни Попэма не оказалось в твоих записях в Гринхолле, его попросту уничтожили. Я уверен, что все те, чьи имена значатся в списке жертв, были больны этой же самой болезнью.

— Но почему редкая группа крови сделала из Молли потенциальную жертву? — спросил Никльби. — Или этим недугом страдает некое важное лицо, и убийца решил уничтожить всех возможных доноров?

— Логика подсказывает мне, что в таком случае преступнику было бы проще сразу убить такое лицо, а не устранять доноров, — ответил Коппертрекс. — Думаю, что причина кроется в чем-то другом.

Один из клонов быстродума вернулся в часовую башню с массивной книгой в кожаном переплете, порыжевшем и потрескавшемся от времени. Паровик забрал ее и, осторожно положив на верстак, раскрыл. Страницы исписаны металлическими чернилами, которые до сих пор слегка светились, хотя бумага была, несомненно, очень старой. Девушка никогда еще не видела таких прекрасных иллюстраций, изящных и точных изображений. Рисунки сопровождались каллиграфическими подписями на неведомом ей языке. По сравнению с ними картинки из шакалийских газет и книжек казались жалкими творениями бездарных непрофессионалов. Что-то подсказало Молли, что тот, кто с великим тщанием создавал эти восхитительные иллюстрации, наверняка посвятив этому занятию едва ли не всю свою жизнь, — не принадлежал к человеческой расе.

Коппертрекс провел металлическим пальцем по странице, и Молли поняла, на что он указывает — радужное пятно, которое она поначалу приняла за абстрактный узор по краям страницы. На рисунках были изображены те же самые крошечные создания, которые плавали во внутренних кровотоках ее тела. Стрелки, указывавшие на рисунки и текстовые блоки, несомненно, подразумевали комментарии к иллюстрациям.

— Видишь, мягкотелая Молли? Ваш совет хирургов называет болезнь Попэма расстройством системы жизненных соков мягкотелых, но на самом деле это не так. Это — великий дар.

— Дар, из-за которого она умрет под скальпелем хирурга, — усомнился в словах паровика коммодор Блэк. — Такие благословенные дары ты уж лучше оставь при себе!

— Что вы имеет в виду, называя эту болезнь великим даром? — спросила Молли.

— Ты чувствуешь в себе склонность к мехомантике,

мягкотелая Молли? В машинных залах Гринхолла ты угадала суть работы ротатора Раднеджа, лишь только взглянув на него. Слоукогс и Сильвер Уанстэк инстинктивно следовали за тобой по пещерам подземного царства изгоев, а контролер Редраст, прочитав будущее при помощи шестеренок Гиэр-Джи-Цу, отдал за тебя жизнь.

Молли вспомнила, как ее пальцы легко пробежали по кристаллам Уанстэка и вернули ему зрение.

— Не стану отрицать. У меня и впрямь имеется тяга к вашему народу и талант к ремонту машин, но это просто обычная сноровка, я всегда ею отличалась.

— Ты наделена ею с рождения. А все потому, что ты в равной степени принадлежишь и к племени быстрокровных, и к расе паровиков, юная мягкотелая. Эти вещички в твоей крови — крошечная часть моего народа. Это разновидность машинной жизни. Они сделаны из металла.

Молли испытала легкое головокружение — странное отличие от других, которое она постоянно, всю свою жизнь ощущала. Теперь все стало на свои места.

— Но как они попали в меня, Аликот Коппертрекс?

— Чтобы это понять, — пророкотал паровик, — следует вернуться к старинным книгам вроде этой, к давно забытым событиям истории. Книга была создана вскоре после того, как произошло падение Чимеки, в первый век свободы, после того, как в мире началось великое потепление. До того все королевства континента, включая и земли, на которых позднее возникла Шакалия, пребывали под игом Чимекской империи. Из своих подземных владений она правила руинами всего мира. Ты же видела развалины во время своего путешествия?

— Чимекские зиккураты и кристаллы сохранились до наших дней, — подтвердила Молли. — Их до сих пор можно увидеть в огромных пещерах.

— С приходом нового тысячелетия империя утратила былое могущество, — продолжил Коппертрекс. — Но мой народ все еще помнит о годах ее жестокого правления. Чимеки обретали энергию при совершении человеческих жертвоприношений, соединяя ее с мощью земных извержений, которые сегодня способен укротить один лишь орден уорлдсингеров. Разрушенные королевства на поверхности земли превратились в жалкие фермы по выращиванию рабов, чьи души нужны были чимекам для их ужасных ритуалов. В худшие годы долгого века холода они питались плотью людей, грасперов и крабианцев. Разобщенные народы, с трудом выживавшие на поверхности, на землях, наполовину покрытых слоем льда, были не в силах оказать

сопротивление чимекским легионам. Многие туннели современной пневматической подземки были прорыты еще в те далекие годы. По ним армии жестоких и кровожадных воинов можно было быстро перебросить в любую часть континента, подавить там любые проявления недовольства со стороны местного населения и увести людей в плен, — так и делалось иногда с целыми городами, — чтобы затем принести их в жертву чимекским богам.

— Значит, эти штучки в крови у Молли — наследие чимекской империи? — спросил Никльби.

— Напротив, мой дорогой млекопитающий, — ответил Коппертрекс. — Когда вновь пришел период потепления и земли на поверхности начали оттаивать, льды стали уменьшаться в размерах и отступать на север, народы внешней земли обрели прежнюю уверенность в собственных силах. Они решили покончить с игом чимеков. В этой книге рассказывается о неком рабе по имени Виндекс, великом мыслителе и учителе, который был родом из тех мест, где сейчас находятся города-государства Катосйанской лиги. Ему стала известна одна жуткая тайна. Чимеки и их злобные боги-насекомые Уайлдкайотли знали о том, что повышение температуры на поверхности и общее потепление ослабит их правление, лишит плоти и душ людей. Поэтому для упрочения своей власти они задумали нечто ужасное, однако их замыслы не возымели успеха. Виндексу удалось бежать. Он собрал под свои знамена отряд героев, тех, кто может дать отпор чимекам, помешать им совершить задуманное. Под отступающими льдами Виндекс нашел отверстие, ведущее в древнюю подземную комнату, полную колдовских предметов и машин. Эти машины изменили человеческое тело, сделали его своим в царстве металла.

— И у него в крови было то же самое?

— Как говорится в этой книге и священных гимнах, которые мы сих пор исполняем в честь наших предков, его жизненные соки были полны живого металла. После того как Виндекс изменил свое тело, он создал семь священных машин, чтобы свергнуть чимекских богов — семь Гексмашин, — и повел их в бой против чимеков и их богов Уайлдкайотлей.

В рассказе паровика Молли послышалось нечто такое, что всколыхнуло в ней воспоминания о жутких сновидениях, посетивших ее в заброшенном храме в подземной пещере.

— Ну давай рассказывай, старый паровик, — попросил коммодор Блэк. — Расскажи нам старые байки про страшных богов и злобные империи, которыми потчуют школьников и археологов. Вот только какое отношение они имеют к Молли

Темплар?

— Неужели ты не понимаешь? Мягкотелая Молли — далекий потомок Виндекса. Поэтому ее жизненные соки и полны всяких мехомантских штучек. Те, кто погибли от рук душегуба с Пит-Хилл — тоже его потомки.

— Но ведь он охотился за отдельными людьми, а не за семьями или детьми, — возразил Никльби. — Если кому-то требуется уничтожить древнюю династию, то для этого ему придется убить многие тысячи шакалийцев.

— Болезнь Попэма не всегда передается по наследству, а если и передается, то далеко не каждому, — сообщил Коппертрекс. — Ее механизм еще не до конца изучен и с первых же дней обнаружения неизменно ставит в тупик ваших врачей. Дело тут в том, что ваши лекари рассматривают ее исключительно как болезнь, хотя фактически она таковой не является. Им известно лишь, что она проявляется в юношеские годы. Почему этот недуг носит случайный, избирательный характер, они не знают.

— Выходит, что эти штучки случайно попали в мою кровь? — удивилась Молли. — Я родилась нормальной, как все остальные люди, правильно?

— Нет, это не случайность, мягкотелая Молли, а вполне определенная закономерность. Твой дар позволит тебе общаться с Гексмашинами, получить над ними власть. В общем, ты что-то вроде дуэлянта с точно бьющей в цель шпагой. Не все потомки Виндекса являются прирожденными операторами. Дар проявляется лишь у тех, кто способен контролировать работу Гексмашин. Те, кто обделен таким талантом, на всю жизнь остаются латентными носителями болезни. Они маскируют микроскопических животных, обитающих в их жизненных соках, под обычные кровяные тельца. Причем делают это так искусно, что их не различить даже при помощи современных органических анализаторов вроде моего.

— Понятно, — произнес подводник. — Бедняжка Молли, в твоем теле течет кровь какого-то древнего мага.

— Дело не в том, чья это кровь, — возразил Никльби. — Нам нужно выяснить другое: кто желает смерти потенциальному оператору Гексмашин?

— Ответа на вопрос в данной книге мы, разумеется, не найдем, — произнес паровик. — Но в нашем распоряжении уже имеется достаточно информации, чтобы составить мнение о возможных мотивах. Мы знаем, что кто-то убивает потенциальных операторов Гексмашин. Отсюда напрашивается вывод: кому-то очень не хочется, чтобы Гексмашины были приведены в действие.

— Неужели эти древние машины все еще существуют? —

спросила Молли.

— Имейся у нашего народа ответ на этот вопрос, дух Стилбала-Уолдо спал бы спокойным сном в зале древних. Три Гексмашины точно были уничтожены во время войны против чимеков. Две из оставшихся четырех были потеряны и до сих пор не найдены. Я собрал столько сказок, легенд и слухов о том, что с ними случилось, что задумай я пересказать их вам, на это ушло бы много часов. По всей вероятности, они исчезли под приливной волной истории и бесчисленных событий прошедших веков.

— Но тогда две точно еще целы, — подытожил Никльби.

Коппертрекс передал книгу одному из своих клонов, и тот поспешил в библиотеку Ток-Хауса.

— Именно так, — продолжил он. — Одна якобы находится в Лионгели, сломанная и практически бесполезная, и представляет собой наследие злобной расы, которая, как я вынужден с сожалением признать, когда-то имела отдаленное родство с паровиками. О них я ничего не стану говорить. Другая Гексмашина, по слухам, спрятана где-то в подземных пещерах. Она затаилась в каких-то туннелях среди разрушенных городов на такой глубине, что даже грабители из Гримхоупа не осмеливаются заходить в те края. Одинокий призрак, обитающий там, она отгоняет богов Уайлдкайотлей в темноту за пределы стен этого мира.

— Зачем же тогда убивать меня? Какая от моей смерти будет польза? — удивилась Молли. — Судя по вашим словам, я не одна такая. В Шакалии немало детей, в которых разовьется эта болезнь, вернее, когда они станут старше, проявится дар.

— Замечательный вопрос, мягкотелая Молли. Последний оператор появляется — пусть всего на один день, месяц или год — прежде, чем другие потомки Виндекса с таким же даром станут взрослыми. И, возможно, последняя Гексмашина. Какую пакость можно сотворить, связав воедино два этих факта? Кто ответит мне?

— Думаю, что ничего хорошего, — подвел итог коммодор Блэк. — В этом я уверен на все сто. Если вспомнить, какую прорву денег пообещали за голову несчастной малышки, то можно лишь удивляться тому, почему безумная толпа падких на обещанную награду подонков еще не ломится в наши ворота.

— В данном случае анонимность — наш союзник. — заметил Никльби.

Череп Коппертрекса вспыхнул пронзительно ярким светом.

— Дорогой млекопитающий, боюсь, что анонимность может напротив выдать нас. Я только что утратил контакт со всеми моими клонами, находящимися за пределами леса.

— Несчастный случай?

— Одновременно со всеми?

Клоны, находившиеся в часовой башне, немедленно пришли в движение, занявшись десятками синхронизированных заданий.

— Аликот Коппертрекс, скажи, что это не так! — взмолился коммодор Блэк.

— Боюсь, что я прав. К дому приближаются незваные гости. Их количества хватит, чтобы одновременно уничтожить десяток моих клонов.

Молли стало страшно. Теперь ей известно, почему безымянный враг устроил за ней охоту. Никакого претендента на наследство нет и в помине, интерес вызывает лишь ее кровь. Но сейчас уже слишком поздно. Ее друзья вновь попали в беду и снова из-за нее. Таинственный враг намерен вторгнуться в Ток-Хаус и учинить здесь то, что учинил в Сан-Гейте. Не исключено, что она закончит жизнь на столе мясника. Безвестный маньяк, одержимый событиями глубокой древности, вскроет ей вены, и она станет очередной жертвой душегуба с Пит-Хилл.

— Мой прекрасный дом! — простонал Никльби. — Я знал, что долго я в нем не проживу!

Коммодор Блэк бросился в кладовую в противоположной стороне зала и вышел из нее с целой охапкой ружей и патронташей, набитых стеклянными патронами. От него не ускользнуло недоуменное выражение на лице Молли.

— Эти штуки были когда-то на борту «Феи озера». Мне так и не хватило духу избавиться от них.

— О Великий Круг, так кто же вы — капитан субмарины или солдат?

— Видишь ли, девочка, в плавании всегда можно столкнуться с неприятностями.

Клоны Коппертрекса разобрали принесенное подводником оружие и быстро заняли позиции вокруг Ток-Хауса. Блэк закинул на плечо ремень уродливого восьмиствольного ружья. Молли вспомнились насмешливые высказывания о таком оружии, слышанные в «Коже ангела» — никто доброго слова не сказал в его пользу.

— Коммодор, но это оружие для самоубийц!

— Нет, девочка, ружье для самоубийц стреляет по отдельности из каждого ствола. Этот пострелёнок опустошает все восемь за один раз. Счастливое ружье! Оно было установлено на боевой рубке «Феи озера». Эх, сколько раз я пользовался им, чтобы отразить нападения абордажных команд в те часы, когда мы пополняли запасы воздуха для нашей субмарины.

На лестнице что-то неожиданно грохнуло, и Молли

вздрогнула от испуга. Никльби положил руку ей плечо.

— Ток-Хаус был построен после гражданской войны, Молли. По улицам города, не зная, чем им заняться, бродили солдаты обеих армий. Как ты думаешь, почему на первых двух этажах дома нет окон? Там находилась транзакционная машина, приводившая в действие часовой механизм на броневом щите над дверью.

— Броневом щите?

— Двенадцать дюймов листовой стали, — пояснил Никльби. — Целой артиллерийской батарее королевской армии придется хорошенько потрудиться, прежде чем она сможет пробить ее.

От стен башни что-то с грохотом отлетело.

— Что-то тихо пока они работают, — заметил писатель.

Коммодор Блэк осторожно выглянул в окно.

— Значит, все-таки наемные убийцы. Ага, вижу глушители на пушках. Крутые ребята пришли попугать маленькую, и без того напуганную девочку. Ну давайте, гнусные негодяи, посмотрим, как вам понравится угощение, которое для вас приготовил старина Блэки!

Молли стало не на шутку страшно. Получается, что за ней пришли самые отъявленные головорезы, профессиональные убийцы Миддлстила. Молли соскользнула на пол и убрала с лица пряди рыжих волос. Черт побери, она в очередной раз навлекла беду на друзей! Лучше бы эти мерзавцы напали на нее на улицах Сан-Гейта возле ее работного дома, в таком случае все давно разрешилось бы само собой.

Никльби закурил трубку с мамблом, и комната наполнилась сладковатым дымом. Взяв ружье из принесенной подводником кучи, он протянул его Молли таким жестом, будто предлагал за обеденным столом тарелку с сыром.

— Я еще никогда не стреляла, — призналась она.

— Что ж, девочка, минут через десять ты точно приобретешь этот опыт, — произнес Блэк.

Оливер отметил, что по главной площади Рэттла проходит все меньше и меньше людей. День уже клонился к закату, а человека, которого они ожидали, не было и в помине. Рэттл был последней деревушкой перед Шэдоуклоком. Собственно говоря, это был рынок, куда гуртовщики пригоняли свиней и домашнюю птицу, не платя пошлину за пользование городской дорогой. Цыгане, вместе с которыми Оливер и Гарри, а также их железный спутник преодолели часть пути, также избегали королевских дорог и еще утром взяли курс на юг. Оплата пошлины в местной

дорожной комиссии для цыган была бы равнозначна переселению из роскошных домов-фургонов в крытые соломой домишки Рэттла.

Медные стрелки часов на башне главной деревенской площади все еще золотились последними лучами заходящего солнца.

— Твой человек точно получил твое сообщение с просьбой о встрече? — поинтересовался Стимсвайп.

— Если он узнал о моем приезде, то обязательно придет, — кивнул Гарри.

— Ты уверен, что он получил твою записку? — полюбопытствовал в свою очередь Оливер.

— Я сохранил остаток веры в людей, — ответил Стейв. — Но на всякий случай все-таки сунул шиллинг тому торговцу, чтобы он передал ему мое послание.

В окнах домов начали зажигаться огни. Из соседней таверны донесся запах горелого масла острозубое — это на постоялом дворе зажгли масляные лампы. Наконец путники заметили приближающуюся к ним повозку, и Гарри шагнул ей навстречу. Такого древнего старика, как ее возница, Оливер еще никогда не видел. Изборожденное глубокими морщинами лицо и седая раздвоенная борода. На шее у старика надет серый собачий ошейник с изображением символа вечности, а на жилете красуется рыба, знак принадлежности к круговистской вере. Незнакомец приветливо кивнул пройдохе Гарри Стейву.

— Гарольд!

— Ваше преподобие!

Священник бросил равнодушный взгляд в сторону Оливера и рыцаря-паровика.

— Я думал, ты работаешь в одиночку.

— Этот паренек почти что мой родственник, ваше преподобие. А металлический друг… можно сказать, он что-то вроде телохранителя.

Священник хмыкнул и посмотрел на Стимсвайпа.

— Эти переметные сумы наверняка его идея.

— Пожалуй, вы правы, — согласился паровик.

— Как-то раз я видел лисицу в шляпке, — проговорил священник, — но она все равно оставалась лисицей. Ты можешь шагать рядом с нами, мой опасный друг. Если, конечно, не согласишься помочь мне тащить повозку. Гарольд и ты, мальчик, вы садитесь в повозку сзади.

На повозке, запряженной такой же беззубой, как и хозяин, лошадью, они медленно объехали деревенскую площадь по периметру и свернули в один из переулков.

— Не сомневался, что я приду, да, Гарольд?

— Но ведь ты получил мое послание, — ответил Ловец волков.

— Ты такой же самонадеянный, как и прежде. Тебя не переделаешь.

— Мне кажется, со мной все в порядке, — ответил Гарри. — Нам нужно пробраться в Шэдоуклок, но на этот раз у меня нет документов, разрешающих въезд в город. А еще нам нужно место, где мы могли бы недолго пересидеть. Тем временем я проверну одно небольшое дельце.

— Неужели Небесный Суд утратил вкус к изготовлению поддельных документов, Гарольд? Или ты занимаешься чем-то таким, о чем твоим хозяевам лучше не знать?

Гарри задумчиво почесал кончик носа.

— Вы лучше подумайте о том, как провести нас мимо стражников, ваше преподобие, а своими делами я займусь сам.

К удивлению Оливера священник круговистской церкви съехал с главной дороги и свернул в лес. Когда они выехали из чащи соснового леса, то увидели перед собой стены Шэдоуклока и клубы дыма из заводских труб. Огражденный крепостным валом высотой около шестидесяти футов, город возвышался на трех холмах. Его здания были сложены из пентширского гранита, а узкие улочки густо усеяны пятнами сажи. Хотя час был уже поздний, уши Оливера различили приглушенный стук и свист — это где-то в глубине работало оборудование газовых рудников.

Повозка съехала вниз по склону и покатила к городу. В темноте ярко светился красный огонек зрительной пластины Стимсвайпа — паровик пристально разглядывал массивные стены, пытался вычислить расположение караульных точек. Рыцарь пересчитывал башни на самых высоких холмах Шэдоуклока, отмечая про себя каждый боевой корабль, стоявший на приколе во внутренней части города, а также аэростаты, проплывавшие время от времени среди клубов дыма, что поднимался из рудничных труб в неподвижное летнее небо. Почти у самого дна склона повозка священника подъехала к воротам кладбища и очутилась на поле, уставленном надгробиями, вполне ухоженном, но перепачканном сажей. Два голых по пояс мускулистых граспера перестали копать могилу и приветливо помахали священнику, после чего снова продолжили работу.

— Я опасался, что найду тебя здесь обретшим последнее успокоение на этом кладбище, — заметил Гарри.

— Великий Круг оставил мне еще кое-какие дела, которые я должен успеть закончить на грешной земле, прежде чем настает

мой последний час, — ответил священник.

Привязав повозку к коновязи где-то в тени часовни, он открыл дверь и проводил Гарри и его спутников в прохладное помещение, в котором стоял каменный саркофаг. Его украшало каменное изваяние супружеской пары, мирно спавшей вечным сном. Потянувшись к основанию саркофага, священник взялся за символ вечности, высеченный в мраморной поверхности, и повернул. Саркофаг медленно откатился на роликах в сторону.

Внизу оказалась яма, в которой поблескивал тусклый свет лампы. Они спустились по лестнице вниз, и Оливер увидел там новых грасперов. Подергивая бакенбардами, они распаковывали содержимое стоявшего в подземном коридоре гроба. Вот только вместо покойника в гробу лежали бутылки, наполненные розовой жидкостью. Джин. Разумеется, без этикеток.

Гарри вытащил одну из них и, ловко ударив о стену, откупорил.

— А я-то думал, что губернатор правит трезвым городом.

Священник торопливо отобрал у него бутылку.

— Так и будет, если ты выпьешь все мои запасы.

Пару минут они шагали вниз по пологому склону туннеля. Затем проход расширился и превратился в череду катакомб. Стимсвайп наконец распрямил спину. Теперь в подземелье было слышно лишь приглушенное шипение его бойлера. Поскольку сажа от работающих на поверхности машин сюда не проникала, стены пещер сияли приятной белизной в свете факела, который держал в руке священник.

Они шли по туннелям подземелья, и Гарри на ходу постукивал по деревянным бокам бочонков.

— Все это немалые деньги. Когда-нибудь я приду к тебе и узнаю, что ты куда-то исчез. Где его преосвященство? — спрошу я. — Отправился в колонии, ответят мне. Племянник оставил ему наследство. Говорят, он купил там плантацию.

— Можно подумать, Гарольд, ты не знаешь, куда уходят деньги, — усмехнулся священник. — Если бы ты этого не знал, то по-прежнему сидел бы в Рэттле. Не все наши гробы набиты контрабандой. Жаль, что это так, клянусь Великим Кругом!

С этими словами священник повел их дальше по подземным коридорам. При этом они миновали множество пещер, заваленных костями и заставленных не меньшим количеством гробов с контрабандной выпивкой. Здесь, прямо под улицами Шэдоуклока, было спрятано целое состояние! Похоже, что вместо обличения грехов святой отец решил взять их под свой контроль. Духовный сан служил ему безупречным прикрытием. Оливер задумался над тем, а не мог ли этот викарий в Хандред-Локс

заниматься незаконными перевозками контрабандного джина. Вполне возможно, что вся Круговистская церковь Шакалии служит прикрытием для разного рода проходимцев, и бароны преступного мира выдают себя за епископов и прелатов.

Оказавшись наконец в подвале церкви, Оливер вышел через потайную дверь в стене в комнату, заваленную высокими скамьями со спинкой и массой разбитых деревянных горгулий.

— Если хочешь, можешь остановиться в комнатах хосписа в задней части дома, — произнес священник, обращаясь к Гарри. — Они не слишком шикарные. Но для такой странной компании, как твоя, вполне сгодятся. Это избавит тебя от лишних вопросов. А их тебе непременно задали бы, попытайся ты получить комнату в гостинице или на каком-нибудь постоялом дворе.

Священник направился к выходу, но Гарри остановил его.

— Нам тут нужно кое с кем встретиться, ваше преподобие. — Он развернул листок бумаги и показал собеседнику рисунок, сделанный Оливером на яхте. — Этот человек занимает важное место среди грасперов и связан с комитетом горняков. У него был срок в несколько лет.

Священник уселся на высокое каменное сиденье, которое сохранилось еще с круговистских времен, и задумался. В эти мгновение он напоминал монарха из древних эпох Шакалии или старого пророка, собравшегося вынести свой суровый приговор.

— Ты напрасно проделал такой огромный путь, Гарольд. Мне знаком человек с такими шрамами. Он мертв. Я сам похоронил его.

— Не может быть!

— Официально было объявлено, что в руднике произошел обвал. Я на своем веку повидал немало тех, кто был изувечен в подобных обвалах, и то, что от него осталось, было не очень-то на обвал похоже. Я бы сказал, что скорее всего твоего горняка кто-то сбросил в очень глубокую шахту. Его хоронили в закрытом гробу, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Он состоял в комитете горняков, — повторил Гарри. — Был старостой! Когда я в последний раз был в этих местах, горняки просто отказались бы выходить на работу до тех пор, пока полицейские не найдут убийцу.

— Верно, — согласился священник. — Это было пять лет назад. Но с тех пор в Шэдоуклоке многое изменилось. Под тремя холмами произошло немало обвалов и взрывов газа. Они унесли жизни многих известных горняков, в основном активистов рабочего комитета.

— И комитет ничего не сделал по этому поводу? Вы ничего не сделали?

— Я старый, уставший от жизни человек, Гарольд. В хороший день я могу сесть в повозку и проехаться по моему приходу. А комитет горняков давно уже здесь ничего не значит. Его лучшие дни, как и мои, давно прошли.

— Губернатор за завтраком не может и вареное яйцо разбить без помощи лакея. Что же, о Великий Круг, произошло здесь за время моего отсутствия?

— Комитет сам развалился изнутри, Гарольд. К этому, наверное, приложил руку и губернатор. Или это действительно так, или он просто не туда смотрит. У человека, которого ты ищешь, есть сын. Я попрошу его завтра придти сюда. Ты сможешь задать ему все интересующие тебя вопросы.

— А что думает о происходящем Анна? — поинтересовался Гарри.

— Ее больше нет, Гарольд. Пару лет назад она отправилась в вечные странствия по Кругу, — ответил священник. — Возраст, как ты понимаешь. Я сам похоронил ее. За ней вскоре последовали Элизабет и остальные девочки. Они устали стряхивать с одежды рудничную пыль, устали от вечного дыма и от всей этой жизни.

С этими словами священник вышел, чтобы проверить приготовленные для гостей комнаты в задней части дома. Посмотрев на Гарри, Оливер заметил, что тот выглядит бледным и усталым. Судя по всему, он предполагал встретить здесь совсем другой прием. Старик сильно изменился и явно сдал за последние годы.

— Ты шантажируешь мягкотелого священника тем, что можешь заявить властям о его занятиях контрабандой? — спросил Стимсвайп.

— В свое время он действительно знал в этом толк, — ответил Гарри. — Это был еще тот хитрый лис. Он часто, как никто другой в истории Небесного Суда, давал приют охотникам на волков.

— Чем же все-таки городской викарий привлек к себе внимание Небесного Суда? — поинтересовался Оливер.

— Наше внимание привлек не священник, — признался Гарри, — а кто-то совсем другой. Но я смею утверждать, что тот человек уже давно мертв. Ну что, пойдем разгружать вещи!

Церковь располагалась на одной из узких улочек, прилепившихся к склону холма. Оливер сидел возле окна и, следуя советам Гарри Стейва, осторожно чистил абордажный пистолет. При этом он вполглаза наблюдал за просыпающимся городом. Тремя этажами ниже по улице устало шагали

возвращающиеся с ночной смены горняки — толпа грасперов в грязных гуттаперчевых накидках и газовых масках-капюшонах. Из стороны в сторону мерно покачивались трубки дыхательных фильтров, похожие на слоновьи хоботы. В принципе грасперы могли обходиться в рудниках и без дополнительных средств защиты — ведь они привыкли обитать в своих подземных норах-городах. Однако прямой контакт с газом вызывал ожоги даже у них, и поэтому они спускались под землю в лифтах, одетые в защитные костюмы, и трудились, обливаясь потом, чтобы добыть для Шакалии бесценный летучий газ.

Где-то в этом задымленном, припорошенном рудничной пылью городе таились ответы на вопрос, почему родственники Оливера были убиты в Хандред-Локс. Почему его имя появилось на плакатах, развешанных в полицейских участках. Почему за его поимку назначена награда. Почему его объявили виновным в преступлениях, которые он не совершал.

— Сразу видно, что ты не приучен обращаться с этой штукой, парень, — раздался голос священника. Несмотря на преклонный возраст, святой отец двигался бесшумно, с грацией кошки. Было в старике и кое-что другое, вызывавшее по меньшей мере недоумение. Например, как порой двигалась его тень — быстрее, чем подобает его почтенному возрасту. Она также была крупнее, чем его тело, как будто принадлежала какому-то другому человеку. — Вообще-то, мне кажется, что ты чистишь пистолет с меньшим удовольствием, чем ту болтающую всякие непристойности штуковину, которую прячет у себя твой приятель паровик.

Оливер положил пистолет на расстеленный на подоконнике лоскут материи.

— Я только один раз стрелял из него. Если я и попал в цель, то по чистой случайности.

— Я уже понял. Сколько тебе лет, сынок? На вид ты должен вот-вот закончить школу, а не таскаться следом за пройдохой Гарри Стейвом.

— Меня выгнали из школы сразу после того, как мое имя внесли в список тех, кто должен постоянно отмечаться в полицейском участке графства.

— Понятно, — ответил священник. — Выходит, в твоих жилах течет немного дикой крови, я угадал? Это плохо. В наших краях колдовского тумана совсем немного. Сдается мне, он плохо смешивается с токами земли и газом, на котором сидим. В Шэдоуклоке скорее умрешь от того, что легкие почернеют от копоти, чем от гиблого тумана.

— Значит, поэтому вы и живете здесь? — удивился Оливер.

— Я живу там, где нужен людям, — ответил священник. — Я уже слишком стар, чтобы бояться тумана, мой мальчик. Слишком стар, чтобы успеть дожить до изменений, если бы это коснулось меня. Кроме того, все мы в один прекрасный день умрем, если не от тумана, то отчего-то еще.

— А зачем вам нужно было привозить джин горнякам?

— В твоих словах мне слышатся меркантильные рассуждения Гарольда Стейва, — ответил старик. — Существует много разновидностей преступлений. Например, в Шэдоуклоке нет комиссий по делам бедняков, которые помогали бы этим несчастным в трудные минуты их жизни. Шэдоуклок — горняцкий город. Если ты не трудишься на рудниках, то губернатор не допустит, чтобы ты занимал ценное жизненное пространство. Тебя тут же заменят на кого-то более нужного, более трудоспособного и ценного. В Шэдоуклоке лучше быть здоровым и никогда не получать увечий и не болеть.

— Вы рассуждаете как настоящий карлист, — заметил Оливер.

— Ты не первый, кто мне это говорит, — согласился священник. — Но если быть до конца честным, то следует признать: в «Обществе и общем деле» не сказано ничего нового по сравнению с тем, о чем в свое время уже поведал какой-нибудь пророк. Люди — вот и все, что имеется у людей. Мы должны всегда искать друг друга.

До Оливера неожиданно дошла суть того, чем всю свою жизнь занимался этот старик.

— Вот почему вы занимаетесь контрабандой! Заработанные неправедным путем деньги нужны вам для того, чтобы помочь семьям, о которых следовало бы заботиться совету по делам бедняков.

— Потише, сынок! Государству вряд ли придется по вкусу, если оно узнает о том, что у меня имелась система двойного налогообложения, и я проворачивал свои дела прямо у них под носом.

— Но ведь Гарри каким-то образом обо всем узнал.

— Как я понимаю, с твоей стороны это вежливый вопрос, сынок. Тебе ведь интересно, каким способом он взял меня за горло, — произнес священник. — Что ж, я на него отвечу. Его людей заботит лишь безопасность этого места, но им глубоко наплевать, если кто-то снимает пену с ворот здешней таможни. Они смотрят на подобные вещи так же, как и я — люди пьют спиртное и курят с незапамятных времен, и непременно найдется тот, кто будет поставлять им и курево, и выпивку. Мне же больше всего хочется, чтобы в этих краях было как можно меньше детей,

плачущих по ночам от голода.

— В вашем голосе звучит усталость, — заметил Оливер.

— Да, я очень устал, юный странник. Жизнь в моем возрасте так же трудна, как и армейская служба во время войны. Всех, кого ты когда-то любил, всех, кого ты когда-то знал, давно покосили годы. Я их всех пережил — жену, друзей, даже большую часть врагов, Со мной остался лишь гнев на неразумность окружающего мира. Откуда эта бессмысленная жестокость? Напыщенность и тщеславие тех, кому не достает образованности? Чаще всего мне хочется силой заставить мир немного поумнеть.

Оливер не знал, что ответить на слова старого священника. Внимать ему было то же самое, что слушать раскаты грома затихающей бури. Их места в мире разделены, так сказать, пропастью лет. От общения со стариком Оливер почему-то испытывал необъяснимую неловкость, однако была ли тому виной скрытая угрюмость священника? Или же предчувствие, что через семьдесят лет и он сам, возможно, станет таким же?

Стоя на нижней площадке лестницы, Оливер услышал, как его зовет Стимсвайп.

— Мне надо идти!

— Ступай, мой мальчик.

Как только юноша ушел, священник закрыл дверь комнаты, после чего подошел к оконному сиденью, которое только что занимал Оливер, и поднял крышку. Из-под вороха одеял он вытащил деревянную шкатулку. Усевшись в кресло, старик поставил ее на колени и принялся колдовать над замком. Что же заставило священника отыскать этот предмет? Он не вспоминал о шкатулке вот уже долгие месяцы, а не видел ее еще больше. Слишком много разговоров о прошлом. Нет никого глупее неразумных стариков. Наконец крышечка поддалась, и свет содержимого шкатулки осветил изборожденное глубокими морщинами лицо. Священник вздохнул, отставил в сторону свою находку, откинулся на спинку кресла и заснул.

Это был неглубокий сон, так засыпают старые люди, устав за день. В детстве священник часто смеялся над тем, как в дневные часы неожиданно погружался в сон его дед. Почему-то это жутко его смешило. Иногда такое повторялось по четыре-пять раз за день. С тех пор как Анна пустилась в вечные странствия по Кругу, в его снах присутствовали пешие прогулки: вот он торопится в церковь, проверяет, как расставлены скамьи с высокой спинкой. Затем к нему с улицы входит Нечто. Нет, вряд ли это создание пострадало во время взрыва рудничного газа. С такими увечьями не живут. Да это просто горгулья в человеческом обличье!

— Проклятие! — вырвалось у священника.

— Не совсем верно, — возразил Шептун, — хотя один из нас наверняка проклят.

— Во имя Великого Круга, ответь мне, друг, кто ты?

— Можешь считать меня своей совестью, — прошипел Шептун.

— Моя совесть заметно оскудела с тех пор, как я обращался к ней в последний раз.

— Не стоит скромничать. Твоя совесть просыпается чаще, чем у меня. Вспомни о своих тайных платежах вдовам и детям, вспомни о еде для горняков, чьи конечности изуродованы, почти как мои.

Сон казался более реальным и ярким, чем обычно. Священник оглянулся по сторонам и с удивительной отчетливостью увидел внутреннюю обстановку церкви.

— Похоже, сегодня моей совести поведали массу интересных вещей, сэр.

— Мне нравится твой разум, старик. Он так же тих и спокоен, как и кладбище, за которым ты ухаживаешь. И, главное, в его глубинах имеется множество тайных туннелей.

— У нас у всех есть свои тайны, — сказал священник, — и свои истории. Как, например, те, что таятся за твоей плотью меченого.

— Но моя история ничто по сравнению с твоей, старик, — проговорил Шептун. — Что я могу рассказать? Поднимается гиблый туман, и спящий ребенок оказывается там, где ему лучше в это мгновение не быть.

— Жизнь половины гвардейцев начиналась именно таким образом.

— Тебе стоит побывать в Хоклэмском приюте, старик. Вместе с прочими любопытствующими дамами и господами Миддлстила просунь тросточку между прутьев решетки вольера, в котором держат меченых с низкой степенью риска. Тогда ты поймешь, как заканчивается большая часть наших историй.

— Значит, ты поддерживаешь связь с этим мальчишкой.

— Поддерживаю, — подтвердил Шептун. — В последнее время мне стало все труднее проникать в его сны. Кажется, после того, как мне пришлось влить ему в рот горькое лекарство правды, охранные системы его организма воспринимают меня как угрозу.

— Ему повезло.

— Не надо так говорить, старик. Я всего лишь пытаюсь вести его в правильном направлении.

— Согласен, но в чьем понимании это направление правильное? — спросил старый священник.

— Из твоих уст такой вопрос звучит несколько ханжески, — прошипел Шептун. — Ты всю жизнь только тем и занимался, что пытался заново провести черту между правильным и неправильным. Или ты уже все забыл? Днем соблюдение законов Круга, ночью — маска и черный конь. Разве кто-нибудь когда-нибудь знал о твоей истинной сути?

— Деньги шли тем, кто в них по-настоящему нуждался, — возразил священник.

— Уверен, счетные дома и купцы, которых ты лишал их золота, полагали, что оно нужно им, — парировал Шептун.

— Они ошибались.

— Ты только не думай, будто я не одобряю твоих поступков, напротив, я на твоей стороне. Помнишь, когда тебе дали шкатулку, ты нашел его полумертвым на пороге церкви? Теперь настало время передать шкатулку.

— Ты говоришь об этом мальчишке? — Конечности Шептуна судорожно дернулись, его молчание оказалось красноречивее всяких слов. — Тебе не кажется, что он и без того настрадался? Он получил дикую кровь, его изгнали из дома, ему приходится скрываться от погони в обществе двух убийц.

— Пора передать шкатулку, старик. Он отплатит им за все.

— Я не стану делать это с ним! — запротестовал старик. — Последние двадцать лет я пытаюсь забыть, кем я был раньше.

— Но забыть ведь никак не можешь, верно я говорю, старик? Ты похож на уорлдсингера, который пытается не думать о новой понюшке лепестковой пыльцы. Ты разве не чувствуешь, что шкатулка зовет тебя? Она поет, требует, чтобы ее открыли, чтобы снова вдохнули в нее жизнь, сделали ночь твоим плащом, чтобы ты отомстил злодеям!

— Я больше не выпущу его, — ответил священник. — Я не вынесу ответственности за его судьбу!

— Ответственность никогда на тебя и не возлагалась, — возразил Шептун.

— Даже если бы и смог, Гарольд Стейв никогда не позволил бы мне это сделать.

— В тебе говорит трус, — произнес бесформенный фейбрид. — Стейв многое о тебе знает, но о шкатулке ему ничего не известно. Что касается Небесного Суда, то Гуд с Топких Болот давно умер. Отдай Оливеру шкатулку. Настало время отплатить им за все.

— Как можно желать человеку такое?

— Без шкатулки ему не выжить, — ответил Шептун. — Возможно, ты предпочтешь спрятаться в рудничном дыму, но ведь ты уже давно заметил, какие странные вещи творятся в городе,

разве не так? Люди исчезают. Со старыми порядками пора кончать, настало время новой жизни, время перемен.

— Я уже стар, — ответил священник, — но еще не слеп, я все вижу.

— Ты не знаешь и половины того, что нас ожидает. Грядет буря, и все границы, определенные законами Круга, непременно сместятся. Денег от продажи двух унций безакцизного мамбла не хватит даже на оплату похорон какого-нибудь бедняка. Вспомни глаза голодных ребятишек, которых тебе приходилось хоронить — тех самых, что долго преследовали тебя в ночных кошмарах, — и начинай заготавливать новые гробики, их понадобится очень много.

— Убирайся прочь из моей головы! — закричал священник.

— Отдай мне шкатулку!

— Он уже и без того меченый, — ответил старик. — Разве он не обладает колдовскими силами?

— Пока они слишком слабы и, на мой взгляд, носят лишь оборонительный характер. Как ты уже сказал, Оливер всего лишь человек. Хотя его и вырвали из привычной среды, лишили близких ему людей. Хотя орден устроил за ним охоту, а полицейские преследуют за преступления, которых он не совершал. Годы, которые он прожил, испытывая на себе ненависть и презрение окружающих, не сделали из него человеконенавистника, не сломали его. Но в нем сидит гнев, сильный гнев. И он ищет выхода. Нужно выпустить из шкатулки его, и это нужно не только мне одному, но и всей Шакалии.

Чувствуя тяжесть прожитых лет, старый священник откинулся на спинку кресла.

— Я всегда думал, что умру как Гуд с Топких Болот.

— Тебе нужно было сжечь шкатулку.

— Думаешь, я не пытался? Я бросал ее в печи — те, что установлены на горе. На следующее утро я находил ее у себя на груди под одеялом, она ждала меня, как верный пес, который хочет, чтобы его накормили. Значит, ты просишь меня передать ее.

— Она скоро насытится, — заверил старого священника Шептун. — Приближается время великого пира.

Глава 19

— Идут! — крикнул стоявший у окна Никльби.

На толстые стены Ток-Хауса обрушился залп приглушенных выстрелов. Молли нажала на спуск винтовки, и отдача приклада больно ударила ее в плечо. Она не увидела, попала в цель или нет — на улице было темно, а мундиры на убийцах были чернее штанов трубочиста.

— Крепче прижимай приклад к плечу, девочка, — посоветовал коммодор Блэк. — Тогда будет не так больно.

С этими словами он положил свой жуткий восьмиствольник на подоконник открытого окна и выстрелил. Клоны Коппертрекса принялись собирать отстрелянные гильзы, ломать их и высыпать разбитые кристаллы в каменные ведра. Один из них заново зарядил ружье и передал его Молли. Быстродум затаился рядом, скрытый анализатором крови и верстаком. Пока слуги помогали отразить нападение на дом, он предпочитал хранить молчание.

— Аликот! — позвал Блэк. — Займись делом, пока мы сражаемся за наши жизни!

Коппертрекс ничего не ответил. С улицы продолжали доноситься громкие крики. Остроруки бегал по темному саду, нанося нападающим удары руками-копьями. Пока они не появились, он прятался в тени деревьев, дожидаясь момента, когда налетчики соберутся перед домом в полном составе. И вот теперь он, темная совесть быстродума, неистовствовал вовсю, оставляя после себя растоптанные тела незваных гостей.

— Ты прекрасная смертоносная машина! — воскликнул коммодор Блэк. — Но я все-таки рад тому, что между нами и тобой еще есть четыре крепких надежных стены дома.

Убийцы попытались сгруппироваться и нанести мощный удар по Остроруку, но тот, с хрустом ломая ветки и размахивая конечностями, метнулся в тень деревьев. Выскочив из сада с другой стороны, он с прежней яростью набросился на тех, кто посягнул на покой обитателей Ток-Хауса. Молли, Никльби и Блэк тем временем обстреливали налетчиков из ружей. В результате удачных выстрелов убитые падали на посыпанные гравием дорожки и тщательно ухоженные клумбы. Коппертрекс встал за спиной у Молли и, слегка оттолкнув ее в сторону, принялся передавать своим клонам мензурки с пенящейся красной жидкостью. Те выплескивали их содержимое из бреши в разбитом циферблате прямо на атакующих, которые, в свою очередь, пытались тараном пробить входную дверь Ток-Хауса, что оказалось не так уж и сложно сделать, ведь наконечник тарана

был наполнен соком самострельных деревьев. Вспыхнул густой, как желе, огонь, быстро переметнувшийся на деревья, кусты и бок каретного сарая.

— Во имя великого Круга, Аликот! — взмолился Никльби. — Осторожнее с моей самоходной повозкой!

Остроруки пронзил двух нападающих, одного левой, другого правой рукой, но тут из-за кустов позади паровика, размахивая над головой пращой с тремя шарами, выросла какая-то фигура. В отличие от других этот человек не был одет во все черное и скорее производил впечатление джентльмена, только что вышедшего из шикарного, залитого светом люстр ресторана где-нибудь в Голдхейр-Парк. Свет химического огня Коппертрекса на мгновение упал ему на лицо, и у Молли от ужаса перехватило дыхание. Это был он! Тот самый старый дьявол, что приходил в бордель, тот самый негодяй, от чьей руки погибли Слоукогс и Сильвер Уанстэк. Граф Вокстион. Сущий демон из старинной баллады. Каждый раз, когда девушке казалось, что она наконец убежала от него, жуткий старик словно вырастал из-под земли — этакий вездесущий посланник смерти.

Его праща медленно обвилась вокруг ног Остроруких. В этот момент паровик как раз уложил двоих наемников ударами своих боевых рук-копий, и похожая на шлем голова повернулась в сторону нового источника угрозы. Из-за деревьев на подмогу железному воину бросился один из его клонов. Он был уже почти рядом с Остроруким, когда грянул взрыв и отбросил миниатюрного паровика на садовую дорожку. В разрывах дымной пелены Молли увидела, что нижние конечности паровика бесследного исчезли. Остроруки попытался при помощи двух передних ног ползти вперед, однако на него набросились два налетчика и с помощью какого-то оружия, похожего на гарпун, вскрыли его броню. Стоявшее у Молли за спиной главное тело Коппертрекса дернулось, а сам паровик застонал от боли, которую испытывал сейчас его клон. Никльби и Блэк обрушили на злодеев, накинувшихся на Остроруких, винтовочный залп, но, увы, было слишком поздно. Страж Ток-Хауса недвижно лежал в луже темного машинного масла, и из него медленно выливались последние капли жизненной энергии.

— Они отступают! — крикнула Молли.

Нападающие действительно отступили, скрывшись в тени деревьев.

— Нет, девочка, — возразил коммодор Блэк. — Эти негодяи со злобными сердцами знают, что наши силы на исходе. Они просто решили перегруппироваться.

Старый подводник оказался прав — через несколько минут

налетчики снова появились перед домом. В руках у них были странного вида ружья, похожие на метлы с маленькими бочонками на конце, привязанные к поясному ремню.

— Что это у них такое? — удивилась Молли.

— Ложись! — крикнул Никльби и толкнул ее на пол. Вовремя, потому что в пробоину в часовом циферблате со свистом влетел бочонок одного из нападающих. Оторвавшись от ружья, он был похож на огромную перечницу, из дырочек которой вырывались струи дыма.

— Аликот! — рявкнул Никльби. — Уводи отсюда девчонку!

— У меня разрегулировалось зрение! — ответил паровик. — Найдите кого-нибудь из моих клонов!

В часовую башню влетело еще несколько деревянных бочонков. Они покатились по полу, заполняя помещение удушливым дымом. Блэк тут же зашелся кашлем, перемежая приступы каскадом изощренных ругательств. Пелена дыма сделалась настолько плотной, что Молли потеряла подводника из вида. Дым имел сладковатый запах и щипал глаза, как уксус. Вдыхать его было все равно, что дышать ватой. Горло девушки болезненно сжималось, дышать с каждой секундой становилось все труднее и труднее.

Молли, ломая ногти, поползла по полу, в надежде отыскать Никльби и своих остальных друзей, но в задымленном помещении это оказалось невозможным. В следующее мгновение башня содрогнулась от взрыва, вслед за которым послышался металлический грохот — это с петель слетела бронированная входная дверь. Дрожа всем телом, Молли почувствовала, что ее окутывает темнота. Неудивительно, что она не услышала, как за оконную металлическую раму башни зацепился первый абордажный крюк.

* * *

— Что там завернуто в одеяло, которое он тебе дал? — поинтересовался Гарри Стейв.

— Я пока еще даже не успел развернуть сверток, — ответил Оливер. — Святой отец сказал, что это подарок. Что-то такое, чем он сам уже давно не пользуется.

— Лучше бы он попытался найти того самого горняка, которого мы ищем, пользы было бы куда больше, — заметил Гарри. — Старик сказал, что знаком с его сыном. Неужели это трудно, отыскать одного-единственного граспера?

На нижней лестничной площадке появился священник.

— Все зависит от того, насколько сильно этот самый граспер желает остаться ненайденным, Гарольд.

— Приятно удивлен тем, что у тебя по-прежнему острый слух, старина.

— Однако мое чувство гостеприимства в последнее время сильно пошло на убыль. К счастью для нас обоих, тот самый сын горняка только что зашел ко мне в церковь. Он ждет на заднем дворе вместе с вашим паровиком, но будь острожен, этот странник более чем просто напуган.

— Давно бы так, — ответил Гарри.

— Да будет тебе, Гарри, он ведь старик, — попытался смягчить прямолинейность своего спутника Оливер. — Просто он уверен, что совсем скоро отправится в вечные странствия по Кругу.

— Возможно, он прав, — согласился Ловец волков.

В хосписе при церкви он увидели граспера, о котором говорил священник. Тот явно нервничал, потому что стоял, раскачиваясь из стороны в сторону, отчего подошвы его башмаков громко скрипели. Увидев, что священник возвращается, он заметно успокоился.

— Знакомьтесь, это Мабвой, — представил его священник. — Его отец состоял в комитете горняков.

— Садитесь, друг мой, — предложил Гарри. — Мы не сделаем вам ничего плохого. Люди, которые убили вашего отца, сейчас пытаются убить меня и этого юношу.

— Вы только не обижайтесь, если ваши слова не слишком утешат меня, — произнес граспер. — Я пришел сюда лишь потому, что мне сказали, будто меня ищут друзья его преподобия. Совсем скоро эти узнают, что вы хотели увидеть меня. Тогда они убьют меня, так же как и моего отца… да и вас, пожалуй, тоже.

— Ваш отец приезжал к нам в Хандред-Локс, — сообщил Оливер.

— К вам? — Граспер посмотрел на Оливера так, будто только что обратил внимание на его присутствие.

— К моему дяде, — уточнил юноша. — Он приезжал повидаться с моим дядей Титусом.

— Понятно, да, он туда ездил пару раз. Хотел кое-кому поведать о том, какие безобразия творятся на здешних рудниках. Мне почему-то казалось, что он встречался с каким-то чиновником из Гринхолла.

— А почему он не хотел сообщить о том, что здесь происходит, местным властям? — спросил Гарри.

— Да ведь они и виноваты в здешних безобразиях, — ответил граспер. — И при этом делают вид, будто ничего дурного тут не

происходит. В Шэдоуклоке даже волос с головы не упадет без ведома губернатора. Все здесь знают об этом. Жаловаться ему все равно, что жаловаться разбойникам на ограбление почтовой кареты. Один из торговцев, побывавших в наших краях, сказал отцу, будто знает кое-кого, кто помог бы решить наши проблемы. И это стоило ему жизни.

— Это стоило жизни и моему дяде, — признался Оливер. — Ваши убийцы приехали в Хандред-Локс и прикончили его.

— Соболезную твоему горю, парень. — В голосе граспера прозвучало искреннее сочувствие.

Гарри осторожно выглянул в окно. Стимсвайп стоял на страже возле церковной стены, внимательно наблюдая за прохожими. Его главной задачей было вовремя выявить в толпе зевак тех, проявляет излишний интерес к церкви. Лорд Уайрберн был пристегнут к его боку, и его мрачноватое присутствие напоминало о том, что древний рыцарь в любой момент готов отразить любое нападение.

— Расскажите о ваших проблемах, — попросил Стейв.

Граспер усмехнулся, однако в его улыбке не было ни малейшей тени юмора.

— Вы готовы слушать меня весь день? Вряд ли. Я попытаюсь объяснить покороче. Все началось три года назад. Комитет горняков пополнился новыми людьми, молодыми и энергичными. Радикалы. Они потребовали прибавки жалованья. В общем, ничего нового.

— Ваш отец пользовался там уважением.

— Он тоже состоял в комитете, — продолжил граспер. — Сначала они не соглашались с радикалами — те не проявляли должного уважения к старикам. Радикалы их не послушались и без их согласия отправились прямо к губернатору с требованием реформ. И тот уступил. Без всяких там стачек, без призывов к соблюдению правил труда. Он просто сказал «да», выразил свое согласие.

Гарри издал странный горловой звук, нечто среднее между стоном и возгласом недоверия.

— Похоже, вы знаете, как это бывает, — заметил граспер. — Каждый пенни достается у нас потом и кровью, его приходится буквально вырывать из карманов хозяев. В Шэдоуклоке нет такой общественной бани, которая не была бы построена в качестве уступки на массовую забастовку или уличные беспорядки. И вот радикалы просят, а губернатор безропотно дает им все, что они хотят.

— Представляю, какой это вызвало переполох, — высказал предположение Гарри.

— Со старым комитетом было покончено, — сообщил граспер. — После этого радикалов стало просто невозможно остановить. Они прибрали к рукам всю власть над горняками. Начали расхаживать по улицам будто истинные хозяева города.

— Но почему тогда я не вижу на улицах улыбок на лицах у тех, кто возвращается домой с рабочей смены? — спросил Гарри.

— Что ж, денег нам прибавили, — ответил сын убитого горняка. — Но при этом прибавилось и проблем. Неожиданно начали куда-то исчезать опытные горняки. Сначала считанные единицы, главным образом старосты гильдий. Прокладчики туннелей, установщики крепежа, инженеры. Лучшие люди города. Без них стало гораздо труднее следить за безопасностью работ в рудниках. — Граспер распахнул ворот рубашки, показывая присутствующим следы ожогов на поросшей жестким мехом груди. — Взрывами газа убило четырех парней из моей бригады. Раньше такие утечки газа тотчас же обнаружили бы и устранили. Теперь, пожалуй, не найти такого рабочего, который смог бы отличить один конец буровой трубы от другого. Новый комитет запретил систему ученичества — она якобы способствуют неизбежному усилению кастовых различий. Рабочих из города исчезло так много, что теперь в рудники отправляют даже сопливых мальчишек.

— А как же нормы выработки? Кто следит за их выполнением? — возразил Гарри. — Палате Стражей, может, и не наплевать на безопасность труда при проведении рудничных работ, но, клянусь Великим Кругом, количество добываемого газа им точно не безразлично.

— Я слышал, что губернатор пытается восполнить нехватку кадров за счет резервов, — сообщил граспер. — Он сейчас активно, рука об руку работает с комитетом. Теперь только попробуй открыть рот, чтобы пожаловаться, как тебя либо изобьют до смерти комитетские громилы, либо ночью арестуют красномундирники и уведут неизвестно куда.

— Куда же забирали пропавших горняков? — поинтересовался Оливер.

— Я точно знаю, куда подевались зачинщики, — ответил граспер. — Как-то раз я спустился в одну шахту, которую комитет объявил закрытой. Там лежали полуразложившиеся трупы. Они были навалены грудой высотой с жилой дом. Вероятно, я нашел бы там и тело моего отца, если бы у меня хватило мужества покопаться в этой ужасной куче.

Оливер почувствовал, как горлу подкатила тошнота. Неужели такое возможно — люди относятся к другим людям как к объедкам с обеденного стола, безжалостно выбрасывают их на

свалку и оставляют гнить под землей без круговистского погребения.

Глаза Гарри Стейва сердито сузились.

— Это были лишь зачинщики недовольства?

Граспер кивнул.

— Красномундирники уводят рабочих. Моя сестра работает в шахтоуправлении, но даже она не знает, куда их забирают. Говорят о какой-то новой газовой шахте, открытой на новом, только что обнаруженном месторождении, ее нахождение никому не сообщается ради обеспечения государственной безопасности, но это полный бред. У нас все знают, что газ можно найти только под землей Шэдоуклока.

— Если даже и имеется какой-то новый источник газа, — сказал Гарри, — его вряд ли разрабатывают местные горняки. Что же тут у вас, во имя Великого Круга, происходит? Какая-то бессмыслица.

— Предположим, в здешних краях есть какая-то другая шахта, где добывают газ, Гарри, — возразил Оливер. — Но разве из-за этого стали бы убивать дядю Титуса?

— Еще как стали бы, Оливер. Людей убивают и из-за менее серьезных вещей, — ответил Ловец волков, однако в его голосе прозвучала легкая нота неуверенности в собственной правоте. — Он посмотрел в окно на Стимсвайпа. Тот по-прежнему стоял на посту возле церкви. — Но я не думаю, что Король-Пар стал бы бряцать оружием из-за какого-то месторождения газа, даже будь оно найдено в недрах гор Механсии.

Оливер почувствовал резь в глазах и энергично их потер. С тех пор, как они с Гарри прибыли в Шэдоуклок, ему казалось, что пыль постоянно покрывает лицо. Летучий газ, несметное богатство, за которое могут убить. Впрочем, Гарри Стейв прав, вновь открытое месторождение газа способно стать той искрой, от которой легко может вспыхнуть пожар войны. Однако этого явно недостаточно, чтобы вызвать даже малейший интерес у Хозяйки Огней или претворить в жизнь мрачные предсказания Короля-Пара. Шакалии угрожает опасность, однако истинная суть ее врагов по-прежнему остается непонятной.

— Может ли ваша сестра выяснить, когда власти собираются выслать из города новую партию горняков? — задал очередной вопрос Гарри.

— Я не намерен отвечать на ваши вопросы, — резко парировал граспер. — Достаточно одного взгляда на вас, на трех маньяков, чтобы понять, что можно легко угодить в беду. Я вынужден прятаться, и единственное, что мне остается — исчезнуть самому прежде, чем кто-то другой поспособствует

этому.

— Подумайте о вашем отце! — напомнил ему Оливер. — Ему ведь было небезразлично, что происходило с вашими соотечественниками, и он был готов помочь им.

— Я боюсь, — честно признался граспер и поежился.

— Мне знакомо это чувство, — произнес Оливер. — Я вынужден спасаться бегством с того самого дня, как покинул свой родной дом в Хандред-Локс. Те, кто преследуют вас, покоя вам больше не дадут. В любом месте, где вы станете прятаться, вы каждый день будете удивляться тому, что все еще живы. Или в одно прекрасное утро просто не проснетесь. Вы же не хотите жить вот так, в вечном страхе. Подумайте о вашем отце, который, возможно, лежит под той грудой мертвых тел, которые вы видели глубоко под землей. Неужели вам не хочется отомстить за него? Тогда дайте им пищу для размышления… пусть они думают о нас.

— Хорошо, — согласился граспер. — Если вы узнаете, когда улетает следующий аэростат, я согласен рассказать вам подробности. Это может случиться уже через несколько дней. Здесь почти не осталось старых шахтеров — в шахты спускаются считанные единицы.

— Мы останемся здесь, — пообещал Оливер.

— Ты молодчина, Оливер, — похвалил Гарри своего юного спутника после того, как граспер ушел.

— Нужно было немного добавить огня в его душу, — ответил Оливер. — Вы же видели страх в его глазах.

Гарри смерил юношу пристальным взглядом. В Оливере произошли какие-то неуловимые изменения, не до конца понятные.

— Вы намерены следовать за аэростатом домой, — произнес Стимсвайп.

— Отнюдь, — возразил Ловец волков. — В мои планы входит другое — я собираюсь незаметно проникнуть на борт этой штуковины. Большую часть своей жизни я занимался тем, что провозил на борту аэростатов контрабанду. Если я не протащу вас на губернаторский корабль, считайте, что я даже не достоин того, чтобы меня как вора вздернули на виселице.

— Тогда будем считать, что мы уже летим, — подвел итог паровик.

В задней комнате церкви Оливер беспокойно дергался на кровати. После того как Шептун перестал являться к юноше по ночам, его сны сделались бесформенными и лишенными

логической последовательности. Когда он просыпался, в его памяти оставались лишь смутные воспоминания. Что еще хуже, теперь ему стали сильно мешать звуки работающего в шахтах оборудования. Оливеру они были в новинку. Он привык к буколической умиротворенности и тишине у себя дома в Хандред-Локс. Он мог спокойно спать под звуки шторма, когда волны с силой бились о величественную стену дамбы, а вот грохот шахтерских башмаков о камни мостовой не давали ему покоя по ночам, когда в шахтах заканчивалась рабочая смена.

Оливер бежал через леса, раскинувшиеся за Севенти-Стар-Холлом. Его преследовали полицейские и люди из Небесного Суда. Оливер слышал, как Пуллингер что-то кричит ему вслед, кажется, обещая простить его, если он сдастся. Голова юноши раскалывалась от острой боли, обруч которой стягивался все туже и туже. В ней мелькала одна и та же мысль: пощадите меня, пощадите меня, пощадите меня! Пока он бежал, к этому сну начал примешиваться другой — хотя разве можно видеть сон во сне? — мелькающие копыта, летящая в ночи черная лошадь с горящими, демоническими глазами. На пути у нее возникли солдаты, но лошадь с седоком смяли их. Послышались крики — это он влетел в окно и теперь стоял на крыше. Раскаты грома и молнии плотным коконом окутали его подобно светоносному нимбу.

Затем Оливер снова попал в чащу растущих за домом деревьев, и гром переместился вместе с ним в другой сон, где превратился в смех, басовитый и омерзительный. Казалось, будто каждое дерево в лесу одержимо дьяволом. Но этот гнусный смех исторгало его собственное горло. В ночи неожиданно возникли две фигуры в красных мундирах. Все так же смеясь, он свернул шею первому солдату, затем выхватил винтовку у второго и, изловчившись, перебросил красномундирника через голову. Затем потянул винтовку на себя и пригвоздил солдата штыком к земле. К ним подбежали другие солдаты, но, заметив бешено хохочущего Оливера, поспешили скрыться. Его тень метнулась вслед за ним как огромный плащ, как нечто живое, повинующееся всем его прихотям.

— Вот моя шея! — закричал Оливер. — Вот моя шея! Она ждет палача на эшафоте, ждет охотничьих кошек калифа, ждет приговора Небесного Суда! Кто же все-таки возьмет ее?

Он видел их, ощущал их присутствие. Все злые намерения, все грехи, мерцавшие злобными искрами в темноте; они изо всех сил пытались исчезнуть и вместе с тем отчаянно взывали к собственному уничтожению.

— *Там, где есть зло,* — шептали деревья.

— Там, где есть зло, — повторял как клятву Оливер.

— *Его позовут.*

— Его позовут. — Головная боль сделалась нестерпимой, и он упал на землю, вцепившись пальцами в пылающий лоб.

— *Тьма — твой плащ. Страх — твой союзник. Коварство — твоя манна небесная.*

Чувствуя, как ослабевает туман боли, Оливер огляделся по сторонам. И наполнил лес новыми раскатами сатанинского хохота.

— Ночью я стану владыкой мира!

— Оливер! — принялся расталкивать спящего юношу Гарри Стейв.

— Я слышу какой-то шум, — произнес полусонный Оливер. Он не сразу понял, где находится и даже, возможно, кто он такой.

С улицы доносился топот ног по покрытой сажей мостовой. Горожане спешили посмотреть собственными глазами на утреннее зрелище. В комнату вошел священник, и, подойдя к окну, выглянул наружу.

— Там паровики. Целая армия.

Действительно, это была целая армия. Неподалеку о церкви колонна паровиков шагала, четко печатая шаг, по три металлических человека в каждом ряду. Из их бойлерных труб в небо поднимались клубы грязного черного дыма.

— Это не наши, — посмотрев в окно, сообщил Стимсвайп. — Это големы, неуклюжие изделия мягкотелых мехомантов, хотя я не сомневаюсь, что тела многих из них созданы по подобию моих братьев.

Оливер внимательнее присмотрелся к марширующим. Стимсвайп прав. В механических созданиях не было присущей гражданам Свободного Государства Паровиков уникальности, их конструкции не несли на себе и следа реальной жизни. Они были безлики, похожи, как горошины из одного стручка, и представляли собой армию живых автоматов: в груди вращаются барабаны транзакционных двигателей, на металлических телах — грубые заклепки и сварные швы. Увлечение паровиками, которых в массовом количестве производили компании вроде «Дойс» и «Кленнем», закончилось несколько десятилетий назад, после того как неуклюжие дворецкие начали демонстрировать склонность к поливанию гостей супом, устраивали пожары в гостиных, давили домашних животных и малолетних детей. Даже автоматика, сработанная на фабриках городов Катосианской лиги, не шла ни в какое сравнение с наипростейшими созданиями Короля-Пара. Эти новые механические люди были примитивны, но все же,

фигурально выражаясь, на целую голову выше железных слуг, что сходили с конвейера миддлстилских заводов Кленнема.

— Что-то в них не так, — поделился своим мнением Оливер.

— Да в них все без исключения не так. Они — жалкая пародия на металлическую жизнь! — вознегодовал Стимсвайп. — Это кощунственное оскорбление, которое нам нанесли вы, мягкотелые, посмеявшись над нашим совершенством.

Из подвешенной к боку паровика кобуры донесся недовольный рокот Лорда Уайрберна.

— Их всех следует уничтожить!

— Что ж, может, они и смотрятся пародийно, — высказал свое мнение Гарри, — но я бы сказал так, в Шэдоуклоке по-своему справились с нехваткой рабочих рук.

— Неправда, — не согласился с ним Оливер. — Разве вы не понимаете? В этих металлических телах находятся живые души, живая плоть. В некоторых их них заперты животные. Мозги и сердца птиц и свиней. Это омерзительно.

Гарри вновь посмотрел на плотные шеренги големов, от топота которых содрогался даже подоконник. На улицах столпились семьи горняков, вышедших поглазеть на диковинное зрелище.

— Сплав животного и паровика? Черт побери, не хотел бы я, чтобы какой-нибудь мехомант запихнул мою печенку в такое вот чудище!

— А моему народу вряд ли пришлось бы по нраву, чтобы твоя тленная плоть жарилась на платах нашей души! — закипятился Лорд Уайрберн. — Это настоящая черная магия!

— Хранитель Вечного Огня, тебе когда-нибудь доводилось слышать про такое кощунство? — обратился к нему Стимсвайп.

— Такие чудовища существовали в давние времена, — с нескрываемым отвращением ответило оружие. — Их называли биометалликами. Такие твари, состоящие из сплава металла и живой плоти, выползали из-под гигантских пластин льда, убивая друг друга из-за запасных частей. Они пили друг у друга кровь и пожирали кости. Но они возникли сами по себе, чего не скажешь про этих неотличимых друг от друга существ, которые все до единого — творения человеческих рук.

Стоявший позади Оливера и Гарри священник сел в кресло и, усмехнувшись, закурил трубку.

— Что тут смешного, старик? — нахмурился Гарри Стейв.

— Гарольд, я смеюсь лишь потому, что не хочу плакать. Когда доживаешь до моих лет и считаешь, что повидал на своем веку немало всяких ужасов, изведал любую боль, которую мы способны причинить друг другу, то неожиданно видишь нечто

такое, что тотчас излечивает от старческого слабоумия. Какая, однако, зловещая изобретательность! Ты думаешь, этим созданиям нужен сон? Или отдых? Их не остановят даже взрывы газа, и если в шахте произойдет завал, их можно будет спокойно оставить под обломками камня, потому что они в любом случае погибнут.

— Замолчи, старик! — прикрикнул на него Гарри. — Лучше поговори с граспером. Через несколько дней, ночью, состоится высылка горняков из Шэдоуклока. Тех самых людей, которых заменят вот этими созданиями. Мне нужно знать точную дату.

— Что это ты так засуетился, Гарольд?

— Это финальная игра, ваше преподобие. Если губернатор использует железных молодцев в шахтах и при этом ему наплевать, что Палате Стражей станет известно о состоянии дел в Шэдоуклоке, как, по-вашему, с чего бы? Что является тому причиной?

Священник встал с кресла.

— Потому что очень скоро будет не важно, узнают об этом или нет.

Тем временем по улице по-прежнему тянулся поток неуклюжих големов.

— Для меня это важно, — прошептал Оливер.

В мониторарии Небесного Суда телескоп Наблюдателя Номер Семь щелкнул и сдвинулся немного влево. В поле зрения Наблюдателя, заслонив собой обзор, мгновенно попал какой-то небоскреб. Внизу, в тропосфере, за массивным, похожим на воздушный шар созданием, гналась свора лэшлайтов, людей-ящериц с кожистыми крыльями, обитавших в разряженной атмосфере. Они пытались набрать высоту, стараясь при этом ускользнуть от щупалец, свисавших с подбрюшия скрейпера. Похоже, в небесах в настоящее время рыскало огромное количество лэшлайтов. За последнюю неделю Наблюдатель Номер Семь насчитала по меньшей мере пять таких свор.

Надо сказать, что она трудилась на своем посту гораздо дольше, чем было принято думать. Между сменами записи в ее вахтовых журналах ловко подделывались, чтобы возникало впечатление, будто она уходит на длительные перерывы восстановительного цикла. Большая часть наблюдателей могла обходиться без сна неделю или две — она же провела четыре первых дня своей вахты, даже не сделав и глотка бодрящего зелья из питьевой трубочки. Подобная работоспособность давалась ей за счет особых волшебных методик, разработанных в недрах Небесного Суда. Стань она членом ордена там, на земле,

волшебникам наверняка пришлось бы разработать новую систему татуировок, чтобы вместить полное количество цветов, которые следовало выколоть у нее на лбу.

Они совершенно случайно выбрали ее на эту должность. Она была лучшей из лучших, и даже ее тайные хозяева вряд ли до конца это понимали. Устояв перед соблазном понаблюдать за резвящимися лэшлайтами, Наблюдатель Номер Семь увеличила мощность телескопа и припала к окуляру. В холодном воздухе мониторария резина была холодной и неприятной на ощупь. Ага, вот оно! То, что, как ей показалось, она увидела прежде, чем небоскреб закрыл ей обзор.

Крошечная зеленая точка в ночной темноте. В очередной раз увеличить разрешение, подождать, пока транзакционная машина поймает фокус. Горящая в темноте горстка порошка, излучающая странную зеленую энергию, которая едва не выжгла ей глаза. До практики в Суде она могла встать ногами в этот жуткий порошок и даже не заметить, что он жжется. Теперь, при таком высоком разрешении, смотреть на этот огонь было все равно, что смотреть на солнце.

Она определила точное местонахождение. Церковная крыша в Шэдоуклоке. Хозяева будут рады — хотя этот отчет не будут передавать по официальным каналам наблюдателей. Ее свидетельство передадут устно в какой-то дальний уголок Суда, это секрет в секрете.

Беглый Ловец волков найден. Опасного, имеющего дурную славу человека по имени Гарри Стейв выследили в очередной раз, и теперь ему уже ни за что не ускользнуть от карающей руки Небесного Суда.

Принц Алфей посмотрел на врача. Даже для него, человека далекого от медицины, этот тип не соответствовал самым низким стандартам миддлстилской гильдии хирургов. Руки эскулапа так сильно тряслись, что он с трудом приготовил шприц.

— Если это демонстрация заботы о моем здоровье, то она значительно опоздала, — ядовито прокомментировал принц.

Флейр поймал жадный взгляд двух функционеров из Грин-холла, пришедших во дворец вместе с врачом. Они с любопытством вампиров наблюдали за происходящим, с нетерпением ожидая, когда им передадут пробирку с образцом королевской крови.

— Это вопрос безопасности, — пояснил капитан Флейр. — Они хотят иметь твердые гарантии того, что в вашей крови содержатся маркеры королевской крови.

— Если принять во внимание, что меня воспитывали как

какого-нибудь спаниеля, то в этом не должно быть ни малейших сомнений.

— Его высочество, по-видимому, не слышали про дело принца Сильвара, — вступил в разговор один из чиновников Грин-холла. — Три королевских гвардейца из Квотершифта вознамерились заменить наследника престола двойником, которого прислали калифы. Была предпринята попытка создать правительство в изгнании и тем самым покуситься на стабильность парламента. Это было давно, еще до того, как шифтеры затеяли свою революцию.

— Понятно, — ответил принц. — Пожалуй, мне остается лишь догадываться, с какой теплотой и дружелюбием сегодня ко мне относится Содружество. Но пусть Хоггстон считает свои счастливые звезды, потому что мои злосчастные звезды так до сих пор и не помогли мне ускользнуть от его ошейника с цепью. Скоро вы будете таскать по всем городам и весям Шакалии истинный образчик королевской плоти и крови.

— Мы все здесь слуги народа, — заметил один из чиновников.

— Верно, но у некоторых из вас руки останутся при себе.

Врач извлек иглу шприца из вены принца и передал наполненную кровью пробирку чиновникам. Те опустили ее в обтянутую бархатом шкатулку, после чего запечатали восковой печатью.

— Благодарю вас за то, что любезно нашли для нас время, — произнес старший чиновник, держа шкатулку подмышкой. — Официально заверенное свидетельство о вашей принадлежности к королевской семье будет передано врачу накануне коронационной церемонии, которая состоится на Парламентской площади. При этом будет проведен экспресс-анализ крови для подтверждения подлинности вашей личности.

— Я могу идти? — осведомился принц.

— Разумеется, — ответил чиновник. — Надеюсь, в вашем дневнике присутствуют все записи?

— А как же, — ответил принц Алфей. — Бесконечное перечисление пиров, посвящений и открытия мостов в промежутках между побиваниями камнями.

— Мы все служим народу, — хором отозвались оба чиновника, поклонились капитану Флейру и его гвардейцам и вышли из комнаты.

Капитан Флейр посмотрел вслед принцу. Тот покинул зал сразу после гостей из Гринхолла. Хардфолл подошла к капитану и встала рядом. Это был необычно интимный жест, но женщина-гвардеец проявила осторожность. На тот случай, если кто-нибудь

из членов ордена тайно подслушивает их разговор. В последние несколько дней их соглядатаи стали очень скрытными, как будто заподозрили крамолу в собственных рядах. Разумеется, они окажутся правы в своих подозрениях, но совсем по другой причине, о которой даже не догадываются.

— Гринхолл скоро обо всем узнает, — осторожно произнесла Хардфолл. — После того, как возьмут образец крови машиной-анализатором.

— Они могут ничего не заметить, — возразил Флейр. — Но даже если и заметят, то, возможно, ничего не скажут. Половина царственной крови лучше, чем какое-нибудь жалкое ничтожество из королевского инкубатора, которое выберут на роль короля. Газеты и дешевые книжонки привыкли называть Алфея принцем. Его лицо хорошо знакомо электорату.

— Меня в большей степени заботит вторая половина крови нашего юного принца, — произнесла Хардфол и как бы невзначай распахнула полы плаща. На бедре у нее висел в кобуре пистолет. Вообще-то, поскольку она обладала колдовскими способностями, пистолет был ей не слишком-то нужен.

— Увязать вторую половину со мной не так-то легко, — ответил Флейр. — Лишь волшебный туман делает нас мечеными. В крови нет никаких маркеров, а волшебные способности не передаются детям. Если бы мы могли выводить чистых и феев, то обрели бы свободу уже давно, много столетий назад.

— Да, пожалуй, вы правы, — согласилась Хардфолл. — И неси наша кровь следы гиблого тумана, сыщики ордена уже давно бы установили, что принц — ваш сын, а не сын короля Юлия.

— Алфей — хэмблин, — ответил капитан Флейр. — Мой он сын или чей-то еще, главное, он нормален.

— В той степени, чтобы быть королем, — уточнила Хардфолл. — Но с другой стороны, разве мы все не отмечены судьбой? Вы ему расскажете, когда все будет кончено?

— Он все сам узнает.

— Принц мог бы проявить большую покладистость, знай он это сейчас.

— Или, наоборот, может наотрез отказаться сотрудничать с нами. Ему свобода нужна точно так же, как и нам. Мне кажется, будет лучше, если пока мы оставим все, как есть.

— Как пожелаете, мой капитан, — ответила женщина-гвардеец. Флейр вышел, а она посмотрела ему вслед голодными печальными глазами. — Как пожелаете.

Странно. После того как Оливер, проведя неделю в комнате позади церкви, собрал свои нехитрые вещи и попрощался со

старым священником, у него возникло ощущение, будто он расстается с родным дядюшкой. Между ними на короткое время как будто возникло нечто вроде симпатии, некое духовное единение. Причем это было не обычное гостеприимство, оказанное нежданным гостям, которых привел с собой пройдоха Гарри Стейв, давно держащий старика на крючке шантажа. На улицах все еще можно было увидеть редких рабочих, обслуживавших газовые шахты даже в поздние ночные часы. Почему бы нет? В шахтах и подземных туннелях постоянно царит ночь.

— Вам не нужно засиживаться допоздна, — сказал Оливер. — Вы не обязаны добровольно помогать нам.

— Я могу долго не спать по ночам, — сообщил священник. — Это самое мирное время суток.

Оливер открутил крышку фляги и проверил, есть ли в ней вода.

— Я знаю, что вы имеете в виду.

И, да подтвердит его слова Великий Круг, он действительно это знал. Прошлой ночью Оливер проспал всего два часа, но вместо того, чтобы испытывать усталость, чувствовал себя так, будто целый месяц отдыхал в одном из лучших миддлстилских отелей. Более того, в часы сна все его косточки так и трепетали энергией, а кровь в жилах отзывалась на зов луны. Ему страстно хотелось выйти из дома, чтобы восхититься красотой окружающего мира, ощутить ее каждой клеточкой кожи. А его сны — они превратились в ослепительные вспышки ярких образов, воспоминаний о прошлых жизнях — их были многие сотни, и все непохожи друг на друга.

Заметив, что Оливер собрался привязать абордажный пистолет к рюкзаку, священник жестом остановил его.

— Пора развязать тот сверток, что я тебе дал.

— Ваш молитвенник со мной, не беспокойтесь.

— Это не молитвенник, — возразил священник.

Оливер развернул сверток из старого выцветшего одеяла, извлек шкатулку и надавил на двойные защелки. Когда же он приподнял крышку, его руки осветились серебристым сиянием. Это лунный свет в сочетании с содержимым шкатулки сотворил воистину чудо алхимии. Внутри находились два совершенно одинаковых пистолета с серебряными накладками на рукоятке из слоновой кости, каждый дюйм которых был покрыт гравировкой с изображениями орлиных крыльев и дуэлей, боевых полков и силуэтов людей-зверей. На слоновой кости рукояток — резные изображения льва. Зверь этот почему-то показался Оливеру ужасно знаком — копия льва с герба Шакалии. Правда, смотрелся

он более примитивно, ему явно недоставало изящества и величия своего геральдического собрата.

— Это ваши пистолеты? — не удержался от вопроса юноша.

— Скажем так, их когда-то передали нашей семье.

В верхней части шкатулки находилась кобура из черной лакированной кожи. Она предназначалась для того, чтобы тайно носить оружие на плече под верхней одеждой.

— Но почему вы не передали их по наследству вашим детям? — запротестовал Оливер. — Пистолеты инкрустированы настоящим серебром. Они, должно быть, стоят целое состояние.

— Когда-то давно я надеялся, что они заинтересуют мою старшую дочь, однако, как выяснилось, я ошибался, — ответил старик.

Оливер указала на абордажный пистолет фирмы «Лоуд и Лок».

— Вот из него я по крайней мере могу во что-то попасть. Ваши пистолеты предназначены для дуэли и больше сгодились бы для меткого стрелка или полкового офицера.

— Возьми их! — посоветовал старик.

Оливер послушно вытащил один из пистолетов. Тот оказался теплым на ощупь и привычно лег в ладонь. Он как будто предназначался именно для него. Какие тут могут быть сомнения? Подарок просто необходимо принять.

— Странно, — начал Оливер, — но я…

— Фокус состоит в том, — прервал его старый священник, — что нужно угадать, когда именно их следует взять отсюда и когда положить обратно.

Оливер дрожащими руками положил пистолет на место. Они дрожали как у какого-нибудь пьяницы, пришедшего в таверну, чтобы утолить нестерпимую жажду, унять которую способен лишь дешевый джин. Теперь он не станет отказываться от подарка. Как же глупа была дочь старика, отвергнув предложение отца.

— Я кладу их на место, — решительно заявил священник.

— Мне больше не понадобится абордажный пистолет, — ответил ему Оливер.

— Верно, не понадобится. А вот нож я бы советовал тебе оставить.

Я не помню, когда рассказывал вам…

— Тебе и не нужно было. Это хороший нож. Много лет назад я мог только мечтать о таком.

Оливер выглянул в окно. Зов ночи в эти минуты был гораздо сильнее прежнего.

— Спасибо вам за все.

— Надеюсь, что с твоей дикой кровью, мой мальчик, ты

станешь лучшим из нас.

— Я спрячу нож в сапоге.

— Я бы на твоем месте сделал то же самое, — похвалил юношу старый священник.

Внизу, на первом этаже, почти полностью испарился след колдовства, который Гарри Стейв заметил в воздухе. Значит, он не напрасно потратил время, подслушивая старого греховодника. Что же там затеял священник? Явно какую-то пакость, в этом Ловец волков не сомневался. До сих пор его преподобие выполнял условия сделки и не путался под ногами. Сам будучи хранителем многих секретов, Гарри недолюбливал старика за то, что тот многое знал о нем самом. Не так он хотел играть в свою игру — уж если в Шакалии заваривается каша, то пусть уж лучше она заваривается руками Гарри Стейва.

Дни в Шэдоуклоке были безветренными, и воздухе постоянно стоял дым выхлопных труб. В этом город мало чем отличался от Миддлстила с его зловонным густым туманом. Здешний туман, порождаемый выхлопами рудничного оборудования, собирался по ночам, превращая своей завесой полную луну в узкий серебристый серпик.

Оливер смотрел на брусчатку узких крутых улиц и в висевшем над ней тумане не видел собственных сапог, чувствуя, какими неприятно влажными даже через кожу сапог делаются носки. Было слышно, как от высоких стен эхом отлетают голоса перекликающихся друг с другом стражников. Иногда в тумане возникал редкий огонек стеклянной лампы. Приходилось держаться подальше от полицейских или местных хулиганов, комитетских громил. Правда, последние приберегали свою бдительность для охраны крепостных стен города. Несмотря на свой массивный корпус, Стимсвайп, как оказалось, мог двигаться быстро и бесшумно, поворачивая во все стороны свою круглую голову. Решетка его голосового аппарата слегка вибрировала, когда он издавал звуки, высота которых превышала возможности человеческого слуха. Паровик поклялся, что сможет таким образом идти даже при сильном тумане, избегая комитетских громил и губернаторских стражников. Стимсвайп, по всей видимости, обладал навигаторским талантом, потому что ему до сих пор удавалось беспрепятственно провести своих спутников-людей через лабиринт городских улиц, не попавшись никому на глаза и ни на кого не наткнувшись. Он упрямо вел их вверх по холму в направлении личного губернаторского аэродрома.

Но кое-что Оливер не сказал своим друзьям: то, что он также ощущал присутствие этих самых громил и видел, как искусно

рыцарь-паровик уводит троицу в сторону от вооруженных патрулей. Он чувствовал их всех, и они казались ему крошечными свечечками злобы, тускло светящимися в ночи. Впрочем, он обходил не только патрули, но и других — пьяного подонка, избивавшего свою жену, которая собственным телом пыталась прикрыть от него детей; вора-домушника с ножом за поясом, забравшегося в дом через окошко в застекленной крыше и шарящего по всей комнате в поисках ключа от запертого секретера; пьяного губернатора, в восторге хлопающего в ладоши от мерзкой картины — солдат, забивающих насмерть какого-то горняка. Каждая вспышка насилия яркой звездочкой вспыхивала в темноте.

— Оливер! — Гарри Стейв поднял юношу с колен. — Что с тобой? Ты заболел?

— Я все чувствую, Гарри!

— Что ты чувствуешь?

— Зло. Я чувствую в них зло.

— Ты весь вспотел, как будто ветрянку подхватил. А говоришь так, будто пытаешься напугать толпу народа во время спиритического сеанса.

— Тише! Мы должны идти дальше! — шикнул на них Стимсвайп. — В эту ночь из Шэдоуклока, возможно, отправится последний воздушный корабль с горняками.

— Со мной все в порядке, — быстро произнес Оливер. — Пот это ерунда, скоро высохнет.

На боку Лорда Уайрберна, привязанного к туловищу Стимсвайпа, зажегся ряд крошечных огоньков.

— Похоже, что сейчас тобой движут духи Лоа, мягкотелый Оливер. Но я не чувствую их присутствия здесь, я ощущаю лишь приближение великих событий. Странно.

— Я здесь, Хранитель Вечного Огня, — ответил Оливер. — Это всего лишь я. Стимсвайп прав, это наш последний шанс бесплатно прокатиться на воздушном корабле за губернаторский счет. Мы идем дальше.

Взлетно-посадочная полоса находилась на вершине горы, за стенами губернаторского особняка. Прямо перед ангаром на рельсах стоял воздушный корабль, приписанный к торговому флоту. В его корпусе не было пушечных амбразур или бомбовых люков. Таддиус или любой другой мальчишка его возраста из Хандред-Локс моментально бы определил его класс по одному лишь силуэту. Для Оливера же аэростат был совершенно неотличим от других кораблей, пролетавших над ними в небе Шэдоуклока. При помощи лебедки аэростат был подтянут как можно ниже к земле, к подбрюшью гондолы приставлен трап.

— Слишком открытое место. — Стимсвайп указал на ряд горящих фонарей, установленных на столбах по всей горе. — Слишком мало укрытий и слишком много народу толчется вокруг ангара.

Гарри сел, прислонившись спиной к стене.

— Я все сделаю, как надо. Двигаемся к большому детандеру, к люку в носовой части. Я помогу вам пробраться внутрь. Если нас кто-нибудь заметит, ты применишь против него свой голос.

— Мой голос? — удивился Стимсвайп.

— Только не надо изображать из себя святую невинность, старый паровик. Я своими глазами видел, как Мастер Резак своим голосовым аппаратом раскачал язык колокола, висевшего на дальней стене тренировочного зала. Так что на людей твой голос подействует как надо.

Молчание паровика Гарри воспринял как знак согласия и, скрестив ноги, забормотал что-то на языке уорлдсингеров. Вскоре возле них возникло облачко тумана, коконом окутавшее ноги. Оно подняло всю троицу над склоном горы, а затем и над взлетным полем. Оливер почувствовал, как завитки уорлдсонга подняли стремительно густеющий туман над землей. Вскоре вся гора завибрировала от мощной, рвущейся наружу энергии. Туман сделался еще гуще.

Переполнявшая Оливера энергия словно разъярилась при ощущении уорлдсонга. Теперь он мог заглянуть в глубины своей души, как будто с глаз упала повязка, и бесчисленные источники его собственной мощи, дарованной гиблым туманом, начали разворачиваться прямо у него на глазах. Это было примерно то же, что видеть, как могильные черви вылезают из бездыханного тела человека, которого вы когда-то горячо любили. Зрелище мучительное, но вместе с тем слишком притягательно-зловещее, чтобы от него можно было оторвать взгляд. Эти источники были частью его существа, но какой-то чужеродной частью, которой по идее не было места в сочетание плоти, воды и костей, которой не было места в этом трехмерном мире геометрических форм. Они энергично бурлили в юноше, и с трудом верилось, что он не замечал их раньше. Как с трудом верилось в то, что когда-то приходил на допросы к дознавателям ордена и инквизиторам, и был вынужден лгать им, утверждая, что нормален.

Туман, похоже, сгущался у ног Оливера намного быстрее, чем на земле рядом с ним, он спиралью закручивался вокруг его ног. Даже Гарри удивился тому, как быстро локализуется заклинание.

— Все в порядке, — заверил его Оливер. — Мне нравится туман.

— У нас есть прикрытие, — сообщил Стимсвайп.

Юноша посмотрел на аэростат — воздушный левиафан был окутан плотным туманом. Паровику не было нужды добавлять, что теперь на их стороне также и элемент внезапности. Большинство трудоспособных рабочих Шэдоуклока забились в самые глубокие щели, лишь бы избежать высылки из города на аэростате. Охранники наверняка рассчитывали на то, что разумные горняки будут держаться подальше от губернаторского дворца и комитетских бандитов. Как обычно, тропа вела их прямо в пасть опасности.

Стимсвайп сделал пять шагов назад и разбежался. Гарри подставил руки, и Оливер, опершись на них ногами, подтянулся и очутился на верху стены. Затем протянул руку Стейву и помог ему перелезть через стену. Через считанные секунды все трое нырнули в спасительную завесу тумана. Туман сильно искажал звуки, и до слуха людей доносились лишь обрывки разговоров техников, наземной службы, готовивших аэростат к полету. Хотя они стояли на другой стороне взлетного поля, трем авантюристам казалось, будто те разговаривают, стоя всего в паре метров от них.

— …балласт загружен.

— …отродясь не видел такого тумана.

— …и он велел поговорить с первым помощником. А я ему отвечаю, что если первому помощнику нужно, то пусть сам поговорит со мной.

Оливер едва не натолкнулся на пропеллер. Кованые металлические лопасти и агрегат детандера были гигантских размеров, с жилой дом. Искривленные лопасти пропеллера были отлиты в литейном цеху авиационного завода и имели форму гигантской львиной головы с выкаченными глазами и оскаленными зубами. Гарри нырнул под пропеллер и быстро забрался в узкое отверстие в металлическом корпусе.

— Здесь есть аварийный люк, — шепотом сообщил он.

— Вряд ли я сумею запихнуть в него мое прекрасное тело, — засомневался Стимсвайп. — Я создан для войны, а не для того, чтобы забираться в дыры вашего воздушного корабля как какой-нибудь мягкотелый грызун.

Они подождали пару минут и были вознаграждены за свое терпение хлопком жесткой оболочки аэростата. Крышка люка рядом с двигателем опустилась. Гарри стоял внутри отсека, заваленного деревянными бочонками детандерного газа. На них имелось клеймо — силуэт самострельных деревьев.

— Казначей аэростата утром наверняка уже все проверил, — сказал Гарри, закрывая за Оливером и Стимсвайпом посадочный трап. — Часть бочонков мы можем убрать. Нужно сделать

убежище на случай, если кто-нибудь из авиаторов нагрянет сюда во время полета за топливом.

Оливер открыл рюкзак и убедился, что запас еды на месте.

— Пища тебе не понадобится, — успокоил его Гарри Стейв. — Это не пассажирский корабль, а гвардейский транспортный, класса «Смайк». И к озерам Лионгели он не полетит. Его главный груз — горняки Шэдоуклока. А это означает, что он непременно сделает посадку где-нибудь в Шакалии.

— Давайте устроимся так, чтобы нас никто не увидел, — произнес Стимсвайп. — Думаю, что стрелять из Хранителя Вечного Огня на борту корабля не стоит. Это было бы серьезной ошибкой.

Гарри бросил взгляд на клеймо с силуэтами самострельных деревьях на бочонках с газом.

— Впечатляет, ничего не скажешь. Я, пожалуй, воздержусь от курения. По собственному опыту знаю, какое удовольствие отдельные капитаны испытывают, когда ловят на борту авиатора с курительной трубкой.

Соорудив тайное гнездышко среди бочонков, они спрятались в него и примерно через час раздававшиеся снаружи крики возвестили о взлете аэростата. Пол задрожал — это судно потянуло по пусковым рельсам и тут же развернуло на поворотной платформе так, чтобы совместить с направлением ветра. Затем отскочили рельсовые захваты, и корабль начал подниматься. Оливеру показалось, что его желудок упал куда-то вниз. Из-за перепадов в шуме работающего двигателя стало трудно говорить друг с другом — приходилось то шептать, то кричать во весь голос. Не исключено, что к месту назначения они прибудут совершенно оглохшими, однако любой авиатор, зашедший в отсек, их тоже не услышит. Вскоре аэростат набрал высоту, и на борту стало холодно. Главная гондола и каюты для экипажа возможно и обогревались, но Оливер только сейчас понял, почему — независимо от времени года — авиаторы, приземлявшиеся в Хандред-Локс, ходили по городу, повязав вокруг талии поверх жилетов свернутые толстые шерстяные свитера с высоким воротником. Дрожа о холода, Гарри и Оливер поспешно вытащили из рюкзаков одеяла и принялись по очереди греть руки на бойлерной трубе Стимсвайпа.

Несмотря на холод и шум, Оливер в конец концов смог под утро уснуть. Гарри открыл один глаз. Его юный спутник глубоко и размеренно дышал. Изо рта Оливера вырывалось облачко пара — в складском отсеке по-прежнему царил холод. Стимсвайп и его оружие также находились в состоянии сна, если это слово

применимо к железным созданиям. Стейв нагнулся над Оливером и вытащил из его рюкзака шкатулку, которую подарил юноше старый священник. Убедившись, что узкий коридорчик перед складским отсеком пуст, он бесшумно выскользнул в него.

В конце платформы Стейв открыл деревянную дверь, ведущую в гальюн в передней части корабля. Это было крошечная кабинка со стульчаком, крышка которого открывалась прямо в воздушное пространство. Пройдоха Гарри Стейв открыл шкатулку. Зловеще поблескивая, оба пистолета лежали на своем месте. Дорогая вещица. Одно только серебро и слоновая кость стоят кучу денег. В любой антикварной лавке Шакалии за пистолеты отвалят целое состояние. Не нужно быть уорлдсингером, чтобы почувствовать рвущуюся из оружейной пары неукротимую колдовскую песнь, узреть ее гибельное сияние. Гарри поежился, словно от холода, захлопнул шкатулку и бросил в отверстие гальюна, после чего дернул ручку смыва.

Жалко лишаться такой красоты, но этот мальчишка Оливер вряд попадет из них в крупную цель даже с близкого расстояния.

— В другой раз, ваше преподобие! — прошептал Гарри, обращаясь к темным облакам. — Лучше приберегите ваши чертовы подарки к празднику зимнего солнцестояния!

Капитан воздушного корабля «Сердце дуба» раздраженно оттолкнул пристегнутый к ремню кортик. Вечно эта дурацкая штукенция путается под ногами, но сегодня без нее нельзя. У половины высших офицеров сегодня был такой вид, словно они ждали у входа в банкетный зал губернаторского дома. Кое на ком были даже синие парадные брюки, украшенные одним-единственным лампасом западного флота. Один из таких капитанов западного флота протиснулся к нему сквозь толпу. Хеардейл. Когда-то они оба мичманами служили на «Небесной фее».

Хеардейл вежливо поклонился.

— Стоун!

— Хеардейл! — ответил капитан Стоун и кивком указал на коротко стриженные по бокам волосы бывшего сослуживца, но зачесанные вверх на темени высоким гребнем. — Подражаете туземцам?

— В Конкорции это сейчас модно, — ответил офицер колониальной службы. — Половина офицеров флота щеголяет такими прическами.

— Как дела за границей? — поинтересовался Стоун. — Я слышал о каких-то трениях, причем не только среди местного населения.

— Колониальные власти принимают все новых и новых поселенцев. Как обычных, так и каторжников. Эта удивительно пестрая и текучая масса — каторжники, местная знать и туземцы — постоянно дерется, но флот держит их всех под контролем. Стоит им заметить в воздухе тень линейного корабля, как они тут же устремляются в леса. А как там поживает наш южный флот? Я слышал, что у вас недавно были какие-то неприятности.

— С «Беллерофоном»? — вопросом на вопрос ответил Стоун. — Скажем так, есть некая история, которую Первый Скайлорд рассказал газетчикам с Док-стрит, после чего пошли слухи о том, что мы вернулись живыми. Будь на то моя воля, я бы закрыл чертову границу на замок, но тогда в дверь парламента ломились бы возмущенные импортеры джина, так что, похоже, моим мечтам не суждено сбыться. Такое впечатление, что сегодня мы только тем и занимаемся, что преследуем вооруженные группировки, что проникают из пустынь в нагорья.

Хеардейл оттянул тугой высокий воротничок и повертел шеей.

— Даже сам калиф называет их бандитами.

— Хороши бандиты! — раздраженно воскликнул Стоун. — Прекрасно вооружены и обеспечены всем необходимым. Для примитивных кочевников эти типы слишком непросты. За всеми их набегами хорошо заметна рука калифа. Попомните мои слова, очень скоро гвардейцы попросят нас сровнять с землей парочку дворцов в Бладетенбуле и хорошенько щелкнуть Кассарабию по носу.

— Остается лишь уповать на южный флот, — ответил его бывший сослуживец. — Как я понимаю, вы сдали предписанные орденом анализы?

— Большей глупости я еще никогда не видел, — проворчал Стоун. — Половина офицеров без дела болтается в графстве, ожидая своей очереди. Интересно, и сколько же меченых удалось среди них выявить? Назовите мне хотя бы одного!

— Адмиралтейству не следовало соглашаться, — высказал свое мнение капитан Хеардейл. — И вот теперь губернатор Шэдоуклока вынужден устроить для нас торжественный прием, прежде чем отправить обратно, после того, как мы доставили ордену удовольствие нашей покорностью. Вы видели какого-нибудь адмирала или скайлорда в цитадели после того, как они отдали приказ отослать флот домой?

— Со стороны Комиссии адмиралтейства никакой опасности я не вижу, — пренебрежительно фыркнул Стоун. — Во всяком случае, пока что парламент не боится, что они могут уколоть кого-то гусиным пером. Лучше бы они прибегли к помощи

психиатра. Толку было бы куда больше. Капитан «Беллерофона», может, и сошел с ума, но фейбридом он точно не был.

— Мне он никогда не нравился, — признался Хеардейл. — Он командовал несчастливым кораблем. Слишком часто, с поводом и без повода, хватался за плетку, вместо того чтобы доверить поддержание дисциплины своим помощникам. Не удивительно, что он спятил.

— И все же он сбросил бомбы на Миддлстил. Нам повезло, что к нам не приставили политических офицеров-уорлдсингеров, как к Особой Гвардии.

— Такое бы у нас не прошло, — заявил Хеардейл. — На корабле может быть только один командир. С таким же успехом они могли бы надеть на нас свои ошейники, чтобы всегда держать на коротком поводке.

В дальнем конце прихожей распахнулись двери, ведущие в банкетный зал, и взгляду открылся длинный высокий стол, заставленный блюдами с дымящимся мясом и графинами вина.

— Клянусь ветрами Тара, это настоящий пир! — воскликнул капитан колониальных войск. — Неплохо, если учесть, что нам скоро предстоит вернуться к лепешкам из долгоносика и солонине.

Флотские офицеры шумной толпой двинулись в зал, не удостоив и взглядом заросшие щетиной лица красномундирников, прислуживающих за столом, и их неаккуратно застегнутые кители.

Во главе стола уже сидел поджидавший участников пира губернатор. Когда офицеры расселись по местам, он поднял массивный хрустальный бокал.

— Офицеры флота! Я знаю, что вы обычно обходите стороной мой город по причине отсутствия в нем таверн и прочих увеселительных заведений, но, как вы видите, мои люди рады нарушить правила ради сегодняшнего торжественного вечера.

Стол огласился одобрительными возгласами.

— Результаты испытаний, проведенных орденом, доведены до сведения адмиралтейства и переданы в Палату Стражей. К сожалению, никто из вас не станет горняком и не будет добывать газ, и поэтому флот неохотно решил оставить вас в своих рядах!

За столом раздались новые радостные выкрики и смех.

— По-моему это доказывает лишь то, что мы уже знали, — продолжил губернатор и поднял над головой только что полученную из столицы газету. На ее первой странице была гравюра, изображавшая капитана аэростата, без чувств падающего в руки двух воздухоплавателей, и преувеличенно гротескная фигура уорлдсингера, держащего перед офицером кристалл

правды. Рядом, в пузырьке красовалась подпись: «Неужели гиблый туман отнял у нас капитана? — Нет, это запах ранних выборов заставляет его падать в обморок!». — Это доказывает, джентльмены, что одно гнилое яблоко не портит весь бочонок.

Капитаны воздушных кораблей возликовали.

— В знак признательности за службу по охране Шэдоуклока позвольте мне поблагодарить наших соседей из цитадели и с северных аэродромов и выразить им мою признательность этим бокалом с грогом. Пусть наш газ поднимает ввысь ваши корабли, а наше гостеприимство воодушевит и порадует вас прежде, чем вы разлетитесь на четыре стороны, в разные уголки Шакалии и ее доминионов. За Королевский воздушный флот!

— За флот! — хором подхватили собравшиеся.

Сидевший посередине длинной части стола капитан Стоун передал Хеардейлу блюдо с ломтиками копченой ветчины. Жирная и приправлена медом, именно такая, какую любят шакалийцы.

— Вы ничего не пьете, Стоун?

— У меня легкий приступ брюшной песчанки, — признался тот. — Корабельный врач прописал мне разные порошки. Если я сделаю хотя бы крошечный глоток вина, джина или рома с патокой, то меня немедленно вырвет.

Выпив немало воды — от прописанного ему лекарства он испытывал ужасную сухость во рту и горле, — Стоун извинился перед соседом и вышел из-за стола в поисках уборной. По пути он немилосердно корил себя за то, что сам испортил себе праздник, за день до этого отведав на рынке шашлык из ягнятины.

Взбунтовавшийся желудок успокоился, но сам он весь покрылся испариной. Поискав в кармане кителя пакетик с порошком. Стоун с ужасом вспомнил, что принял последнюю порцию снадобья еще до ухода из цитадели. Что ж, в виду отсутствия лекарства стоит подвергнуть себя целительному воздействию прохладного ночного воздуха, решил Стоун, хотя тот и был пронизан туманными миазмами, повисшими над холмами Шэдоуклока. Капитан выскользнул из дверей и начал прохаживаться вдоль окружавшей сад живой изгороди. Когда усилившийся западный ветер унес прочь дым многочисленных рудников, с высоты губернаторского холма стал виден обнесенный высокими стенами город. Правда, Стоун сумел разглядеть лишь созвездие желтых огоньков — это далеко внизу мерцали фонарные столбы.

Капитан Стоун оглянулся на губернаторский дом. Странно. В банкетном зале царила какая-то суматоха. Вдоль стола деловито сновала прислуга в красных мундирах. Неужели гости так быстро

покончили с главным блюдом и ужин подходит к концу? Обычно старшие офицеры флота, получив возможность ненадолго отдохнуть от служебных обязанностей, были готовы бражничать до рассвета. Заинтригованный, Стоун подошел ближе к окну.

В зале творилось нечто невероятное. На полу валялись неподвижные тела. Люди свисали со стульев. Несколько офицеров с необычайно красными лицами ползали по полу, натужно изрыгая съеденное. Прислуга в красном методично обходила сидящих, и, оттянув головы офицеров назад, быстро проводила ножом по горлу. Сидевший во главе стола губернатор с аппетитом уплетал пищу, смеялся и радостно постукивал по столешнице, наблюдая за тем, что его подручные расправляются с капитанами воздушных кораблей как с пригнанным на бойню скотом.

Потребовалось несколько секунд, чтобы ужас происходящего дошел до понимания Стоуна. Это были секунды, подобные долгим минутам. Затем вместе с приливом адреналина к нему вернулось осознание реальности и звериное желание спасти жизнь. Сначала капитан «Решительного». Теперь вспышка безумия в губернаторском дворце. Что же это такое? Похоже, уорлдсингеры ищут не там, где следует. Им следовало бы оставить цитадель и попытать счастья в Шэдоуклоке.

Сжимая в руке форменный кортик, капитан Стоун нырнул в глубину сада. Пробираясь в темноте между деревьями, он мысленно вознес молитвенную благодарность кассарабийским базарным торговцам, восславив шампур с кусочками мяса подозрительного происхождения, который спас ему жизнь.

Оливер проснулся рано. Корабль шел на снижение, и воздух понемногу становился теплее. Шум работающего мотора тоже слегка стих. Его взгляд встретился с взглядом зрительной пластины рыцаря-паровика. Стимсвайп расстегнул кобуру с Лордом Уайрберном. Гарри Стейв сидел на полу, опершись спиной о бочонок с газом.

— Идем на посадку? — стараясь перекричать шум двигателей, спросил Оливер.

«Да, идем на посадку, — мысленно ответил Гарри. — Мы примерно в тридцати милях к востоку от Миддлстила. Если не ошибаюсь, аэростат сейчас находится над Миддлмаршским лесом».

— Откуда вы знаете?

Гарри вытащил из кармана компас.

«Место назначения, азимут и средняя скорость аэростата, идущего с полной загрузкой».

— Они уже выпустили стропы, — сказал Гарри. — Скоро приземлимся.

— После приземления мы должны выслать вперед разведчика, — вступил в разговор Стимсвайп. — Нужно осмотреть окружающую местность. Вы можете воспользоваться для рекогносцировки лазами внутри двигателей.

— В ближайшие час-два я этого сделать не смогу. В данный момент привод несущего винта настолько разогрелся, что на нем можно жарить яичницу. Однако есть и другой способ. Я могу заняться хождением души.

— Вы это умеете? — изумился Оливер. — Но ведь это же опасно! Даже мои дознаватели из Департамента по делам феев не были на такое способны, даже Пуллингер, а уж он-то — четырехцветочный маг.

— Для этого нужна полнейшая сосредоточенность, — ответил Гарри Стейв. — Наполняешь себя до предела энергией земли — так, что она отсекает всякую связь между твоей душой и твоим телом. Вам останется лишь бездушная телесная оболочка. Но я далеко не улечу, посмотрю, как обстоят дела, и назад. Впрочем, настоящий ходок успел бы пролететь отсюда до Хандред-Локс и вернуться обратно.

Пройдоха Гарри Стейв отодвинул рюкзак в сторону и уселся в позу лотоса.

— А теперь — ни звука. Если состояние транса прервется, вам придется кормить меня кашкой с ложечки до тех пор, пока полицейские меня не поймают и не спеленают как младенца.

Оливер ощутил, как исходящая от Ловца волков таинственная сила поднимается вверх, проплывает по отсеку и устремляется прочь сквозь оболочку аэростата. Все замерли в тревожном ожидании. На поверхности Лорда Уайрберна, пристегнутого к боку Стимсвайпа, замигал оранжевый огонек. Боевая реликвия была готова к сражению. Оливер также ощутил внутри себя готовность. В следующее мгновение Гарри вышел из транса.

— Ну, что там? — спросил Стимсвайп.

Гарри повернул к нему побледневшее лицо.

— Дай мне отдышаться, старина, — ответил он и, прокашлявшись, продолжил. — О Великий Круг! У меня все тело как будто горит огнем. Значит, так, мы спускаемся к Миддлмаршскому лесу. За спиной у нас осталась старая шахта. Большинство домов рядом с ней заброшено, но сама шахта расчищена, а домик с входом в нее отстроен заново. Я не смог проникнуть вглубь шахтного ствола. Этому помешала земля.

— Сколько там врагов?

— Там находятся полицейские или по меньшей мере наемные

убийцы в форме констеблей. Еще несколько человек с фильтрами на воротниках, явно изгои из подземного Гримхоупа. Но самое скверное — это гвардейцы.

— Достойный соперник, — согласился Стимсвайп с нескрываемым удовольствием в голосе. — Их естественный дизайн сильно искажен, так что они отличаются поразительными боевыми способностями.

Оливер усилил свои новоприобретенные органы чувств, прикоснулся к душам находящихся на земле людей и тотчас отпрянул в сторону, пораженный их порочностью. От тех, кто называл себя защитниками Шакалии, исходили нескрываемая злоба и звериная жестокость. Разве может существовать большее коварство?

— Они собираются высадить горняков, привезенных из Шэдоуклока. На этих бедолагах ножные кандалы, — сообщил Стейв. — Но для чего этим негодяям понадобилась заброшенная шахта? Там же больше нет газа.

— Там таится великое зло, — ответил Оливер. — И кое-что еще…

Паровик и человек удивленно уставились на него.

— Что тебе известно об этом месте, парень?

— Я умею читать, Гарри. До того, как меня лишили нормальной жизни, чтение было моим главным развлечением. Несколько лет назад об этом месте много писали в газетах и книжках. Трое детей играли и случайно забрались в старую шаху, в которой когда-то добывалась медь. Они нашли там храмовых идолов, отлитых из чистого золота, с глазами из драгоценных камней. Шахту отдали для исследования археологам из восьми университетов. Полицейским графства пришлось отбивать нападения искателей сокровищ и грабителей, которые в поисках легкой наживы хлынули сюда из столицы.

— Губернатор не станет рисковать своей головой ради этого золота, — высказал предположение Гарри. — Выходит, он решил поживиться им за чужой счет. Для поиска идолов нужны люди, умеющие работать глубоко под землей. Это старинные статуи?

— Чимекской эпохи, Гарри. Думаю, их выставили в каком-нибудь музее Миддлстила.

— Отлично. Вот, посмотрите, это карта здешних мест. Ждем высадки горняков. Затем соскакиваем на землю и бежим в лес. Здесь повсюду масса народа. Если нас и заметят, то примут за членов экипажа воздушного корабля. В лесу устроим наблюдательный пункт. Затем попытаемся взять «языка» и выясним, куда отправляют горняков. Попробуем также узнать, легко ли проникнуть в эту чертову шахту.

Оливер ощутил тревожную неуверенность горняков, спускавшихся вниз по трапу, их страх перед неизвестностью. От него также не ускользнуло жестокое равнодушие конвоиров, которые видели в закованных в железо пленниках не людей, а пушечное мясо, инструмент для достижений целей.

За бортом аэростата занималось утро. Вскоре корабль коснулся земли, и они спустились по трапу. Оливер зажмурился от яркого солнечного света. Вниз. Шагай медленно и нарочито небрежно. Мы не посторонние, не чужаки, внушающие опасность. Мы — члены экипажа.

До слуха юноши донесся крик. Он осмелился оглянуться назад. Крик исходил от строя пленников, направлявшихся под конвоем к воротам старой шахты. Шептун! Неуклюжий фейбрид ростом с ребенка, изуродованный гиблым туманом так, что трудно понять, где кончается торс, а где начинаются конечности. Нет, внутри этого создания скрывалась не душа Шептуна, а кого-то другого. Кроме того, на нем были рыцарские доспехи, типичный защитный костюм уорлдсингера — металлические пластины, испещренные рунами и надежно скрепленные крепкой проволокой. Меченый указывал на них пальцем и выл так, будто его засунули в пыточные тиски. Указывал он именно на Оливера.

Стоило юноше и его спутникам выйти из чащи леса, как перед ними на поляне вырос патруль красномундирников.

— Будем драться! — заявил Стимсвайп.

Руки Оливера как будто обожгло огнем. Он опустил глаза и увидел, что это подарок священника. Что касается Гарри, тот смотрел на пистолеты, разинув рот, как будто перед ним предстало нечто невообразимое. Над головой у юноши просвистела пуля. Стимсвайп резко повернулся, и Лорд Уайрберн изрыгнул крошечный шар огня — миниатюрное солнце, угодившее прямо в оказавшихся у них за спиной гвардейцев. Залп накрыл сразу семерых солдат. Затем жидкий, похожий на студень огонь выплеснулся на соседних гвардейцев. Стимсвайп выстрелил снова. После каждого нового залпа Лорд Уайрберн издавал громкий крик, что-то среднее между вдохом и выдохом, как будто священная боевая реликвия засасывала в себя жизнь убитого врага.

Грохнули выстрелы из обоих пистолетов Оливера, и два нападающих полетели на землю. После этого юноша с непривычной для самого себя ловкостью достал из патронташа патроны и заново зарядил оружие. Держа в руке длинноствольный пистолет, пройдоха Гарри Стейв двигался в режиме колдовского времени. Обновленным зрением Оливер увидел, что Ловец волков поглощает пульсирующую энергию

токов земли, что сотрясали почву у него под ногами. Громко хлопнул выстрел, и его удивленное лицо заволокло дымом. Теперь Оливер видел окружающее пространство одновременно в нескольких десятках ракурсов: вот авиаторы забираются по трапу обратно в аэростат, вот горняки бросаются врассыпную в поисках укрытия, впереди — цепь красномундирников, а у входа в шахту столпились изгои из подземного города.

И тогда он расхохотался демоническим смехом, зная, что хохот этот испугает его врагов. Солдаты выстрелили из винтовок, но вместо того, чтобы перезарядить оружие, с грозными криками бросились на отважную троицу, выставив перед собой ружья с примкнутыми к ним штыками. Поддержать Оливера голосом решил и Стимсвайп, яростно устремившийся на врага. От его натиска и оглушительного рева красномундирники полетели на землю. Размахивая боевым молотом, рыцарь крушил черепа, плющил в лепешку мягкую плоть, давил неприятеля мощными копытами. Стоило Оливеру оказаться в опасной близости от нападавших, как паровик метнул в лицо одному из солдат свинцовый шар и тем самым спас юношу от острого штыка. Затем железный рыцарь ударом ноги разбил солдату колено. Тот потерял равновесие и упал. Штык с чавкающим звуком ушел в землю.

Гарри, сражавшийся бок о бок с Оливером, отскочил в сторону и резко развернулся, продолжая при этом наносить солдатам сильные удары ногами. Его нижние конечности мелькали стремительно, как крылья мельницы. Неожиданно Оливер почувствовал, как в них целится стрелок, забравшийся на крышу одного из строений рядом с шахтой. Нет, не почувствовал даже, а явственно увидел зрачок ствола, направленный ему прямо в спину. В ту же секунду он вскинул руку и выстрелил через плечо. Мертвый стрелок полетел вниз. Меткий юноша даже не оглянулся на него.

Гарри остановился и посмотрел вверх.

— Нет, черт побери! Только не сейчас!

Вокруг них, вздымая фонтаны земли, со всех сторон грохнули взрывы. Волна жгучего жара сбила Оливера с ног и обрушила на него целую кучу комьев земли, словно некие безумные могильщики бросили его в торопливо вырытую могилу и теперь спешат засыпать землей. Оливер чувствовал, что оглох. Он видел, что в воздух взлетают обломки шахтного оборудования, но ничего не слышал. Пистолеты все еще оставались в его руках, вселяя уверенность и спокойствие. Наполовину засыпанный землей, он увидел, как сверху, из клубов дыма, свесились какие-то веревки, точнее веревочная лестница, по которой спустились ангелы-

мстители в черных кожаных плащах; лица им закрывали капюшоны с прорезями для глаз, на боках болтались резиновые трубки.

Он попробовал заглянуть в их души — увы, те оказались для него закрыты, он вообще едва ощущал их присутствие. Ему вспомнились слова Гарри Стейва. *Для выполнения грязной работы у нас есть военизированная группа, небесный спецназ. Настоящие убийцы. Если они поведут охоту за нами, нам с тобой вряд ли светит остаться в живых.*

Один из десантников скользнул по нему равнодушным взглядом, словно Оливер не представлял для него угрозы. Затем из клубов дыма появился еще один воин в черном плаще; он нес на плече бесчувственное тело в разорванной в клочья одежде. Пройдоха Гарри Стейв! Небесный Суд получил-таки назад своего бывшего Ловца волков. Оба десантника направились к веревочной лестнице, свисавшей с вышины темного неба.

Застонав от собственного бессилия, Оливер выхватил из-за голенища нож, но не успел даже поднять руку. Чья-то нога в подкованном шипами башмаке резким ударом выбила оружие прежде, чем он успел мысленным приказом превратить его в смертоносный клинок — это из тумана вынырнул третий десантник, также направившийся к веревочной лестнице. Прежде чем уйти, он погрозил Оливеру пальцем. «Не шали!»

В другой руке небесный воин держал, нацелив ее на юношу, винтовку с длинным как копье стволом. Забирать Оливера с собой они и не думали. Да и зачем им мальчишка, вырванный из привычной среды и брошенный в чужой, суровый мир? Ведь он — лишь очередная жертва для полиции, судей и палачей. Оливер рассмеялся. Если ему суждено пережить грядущую катастрофу, они еще пожалеют об этом. Он им покажет! Небесный воин, выбивший у Оливера нож, на мгновение остановился, по всей видимости, поразившись звукам демонического веселья. Затем схватился за веревочную лестницу и стал подниматься по ней вслед за своими товарищами. Лестница взмыла вверх и вскоре исчезла из виду.

Оливер чертыхнулся и снова спрятал нож в сапоге. Из-за пелены дыма появился Стимсвайп. Посмотрев на Оливера, он перевел взгляд на небо и поднял вверх Лорда Уайрберна.

— Это аэросфера, — сообщило священное оружие. — Я обнаружил в небе оставленный ею след. Она находится на высоте сорока футов над нами.

— Ты можешь ее сбить? — спросил Оливер, поднимаясь с земли.

— Я — аннигилятор, юный мягкотелый, а не снайпер, —

ответил Лорд Уайрберн. — Я могу либо уничтожить ее, либо не трогать. Сейчас она находится на высоте семидесяти футов.

— Пусть летит, черт ее побери!

В общем, Гарри исчез. Сначала Ловца волков лишат разума, а телесную оболочку вбросят в тюремную камеру, где ему придется доживать век вместе теми, кто также вызвал недовольство Небесного Суда. Его друг, спутник и проводник пропал, а вместе с ним пропала и надежда. Но осталась злость. Оливер по-прежнему ощущал ее.

— Подкрепления вот-вот появятся из шахты, — произнес Оливер.

При помощи скользкого от вражеской крови боевого молота и руки-манипулятора Стимсвайп поднял юношу с земли и усадил себе на спину. Из стелющегося над истерзанной взрывами землей дыма возникли силуэты в развевающихся черных плащах. Гвардейцы и горстка уродов-меченых. Заметив Оливера, похожие на Шептуна твари попытались проникнуть в его сознание, целясь в его мозг острыми стрелами злобной, разрушительной энергии. Одновременно с этим один из гвардейцев поднял руку и метнул в Оливера и Стимсвайпа ослепительную вспышку лазурного огня. Пламя лишь лизнуло незримый купол, окружавший юношу и его стального товарища. Оливер между тем поймал тучу стрел злобной энергии и отбросил ее назад тем, кто предпринял ментальную атаку. Похожие на Шептуна уроды с громкими воплями полетели на землю.

— Это уорлдсингер! — воскликнул кто-то из гвардейцев.

— Нет, — возразил капитан Флейр, неожиданно возникший из их гущи. — Он один из нас. Неужели вы не чувствуете исходящую от него энергию? Он наш брат меченый.

Стимсвайп бросился вперед, и Лорд Уайрберн выплюнул в гвардейцев целую серию ярких жидких солнц. Оливер едва удержался на спине стального рыцаря.

— Я сделаю из тебя брата червям, мягкотелый убийца! Стилбала-Уолдо! Стилбала-Уолдо!

Оливер едва успевал отражать натиск врагов — одни спешили укрыться в колдовском времени, превратившись в размытые кляксы, другие становились невидимыми или обращались в твердые, как железо, горы плоти. Одна часть солнечных сфер Лорда Уайрберна исчезала в струящихся разрывах воздуха, другая ударялась о стену круглых оранжевых щитов, которыми ловко прикрывались гвардейцы. Стимсвайп сбил с ног женщину-гвардейца, затем ударил другого гвардейца молотом в грудь, третьего поднял и швырнул на землю. Железный рыцарь буквально пылал яростью — Оливер ощущал ее

почти физически. И ярость эта была исполнена праведной чистоты. Удары неприятеля сыпались градом с четырех сторон, но Оливер ловко отбивал их. Огонь, лед, острые стрелы энергии и цепкие ментальные захваты, имевшие целью проникнуть в его сознание, обрушивались на него все быстрей и быстрей.

Затем Оливер ощутил у себя за спиной присутствие двух гримхоупских изгоев с арбалетами. Еще мгновение — и из каждого такого метательного оружия вылетит праща с шарами. Пистолет в руке Оливера дернулся, и шар угодил стрелявшему изгою прямо в живот. В это же самый миг его товарищ произвел выстрел. Праща метнулась вперед и опутала задние ноги Стимсвайпа. Паровик был обездвижен. Сила толчка оказалась настолько велика, что Оливер слетел со спины своего механического друга и упал на землю. Еще несколько изгоев из подземного города набросилось на рыцаря сзади. Спереди гвардейцы по-прежнему обрушивали на них удары волшебной энергии. Стимсвайп и Оливер попали в отчаянное положение.

Юноша схватился за нож и легким взмахом привел его в действие. Рукоятка дернулась, отзываясь на присутствие хозяина. Клинок был выкован явно не представителями человеческой расы; он жил своей жизнью и тотчас признал потомка Филеаса Брукса.

— Меч! — приказал Оливер, и клинок прямо на глазах увеличился в размерах.

Зажав в руке волшебное оружие, юноша бросился к кучке изгоев и принялся наносить налево и направо разящие удары. Еще мгновение — и враг обратился в бегство. В воздух взлетели отрубленные конечности. Работая мечом, Оливер, сам того не осознавая, двигался в ритме боевого танца, не думая о том, что танец этот — эхо глубинной памяти о его прошлых жизнях, которая следовала за ним по пятам, как навязчивая тень. В том числе и призрачные воспоминания об отце. Внимание юноши отвлек паровой гудок. Оглянувшись, Оливер увидел, как капитан Флейр набросился на спину Стимсвайпа. Одной рукой гвардеец наносил удары по бойлеру стального кентавра, второй — прижал к земле Лорда Уайрберна. Из трубы поверженного рыцаря вырвались звуки, напоминавшие одновременно и сдержанные рыдания, и стоны. Прямо на глазах Оливера бесследно уходили последние капли жизненной энергии паровика. Руки-манипуляторы Стимсвайпа были вывернуты за спину — он пытался сбросить со своей спины Флейра, чтобы нанести ему удар боевым молотом.

Оливер шагнул вперед, собираясь броситься на помощь Стимсвайпу, но перед ним неожиданно выросла старуха в черном гвардейском плаще. Она либо оставалась невидимой до этой

минуты, либо умела мгновенно преодолевать огромные расстояния. Она выбросила для удара руку, и Оливер едва успел увернуться. Он был растерян — вступать в бой с преклонных лет дамой это все равно, что наброситься с кулаками на демсон Григгс.

Но уже следующее мгновение его охватил приступ звериной жесткости, и он бросился навстречу старухе. Ярко блеснуло лезвие колдовского меча, нацеленное на обвивавший ее шею торк. Вопреки ожиданиям, удар наткнулся на прозрачный щит огня, блики которого отразились от зеркальной поверхности клинка. Оливер ловко отпрянул назад, уклонившись от диска мощной энергии, который метнула в него соперница. Он попытался обезвредить окружавший старуху защитный кокон, однако ее дар значительно превосходил его способности.

— Одной только голой силы недостаточно, паренек, — сказала она, обходя его кругом. — Тебе не хватает самодисциплины, сосредоточенности.

В его ушах по-прежнему гремели взрывы, отчего казалось, будто ее голос доносится откуда-то из-под воды.

— Сейчас проверим.

Рукоятка колдовского ножа исходила нетерпением, его лезвие мечтало поскорее впиться обидчице грудь. Пистолеты молили, чтобы их поскорее перезарядили, а от советов предыдущих жизней кружилась голова — эти тени нашептывали ему сотни способов, как можно расправиться со старухой.

Она тем временем попробовала схватить его когтистой рукой. Оливер смело шагнул ей навстречу. Ее кожа потрескивала — это под ней били потоки энергии изуродованной души. Оливер увеличил их силу, и мерцавшие неярким светом поля вокруг ее рук запылали огнем, как будто выпущенным из дула Лорда Уайрберна. Старуха вскрикнула и отшатнулась, с ужасом глядя на свои пылающие руки. В ее душе Оливер почти не обнаружил зла, только решительность и преданность своим товарищам — ведь она отдала службе в гвардии всю жизнь. Он не ответил на настойчивые просьбы колдовского ножа отрезать ей голову и вместо этого повернулся к Стимсвайпу.

Капитан Флейр довел железного рыцаря до полубессознательного состояния. Паровой котел был искорежен и из многочисленных дыр в нем струился пар; огоньки на зрительной пластине потускнели, превратившись в неяркое смазанное пятно. Объятый гневом, Оливер устремился вперед. Колдовское лезвие трепетало от восторга, предвкушая, как сейчас отсечет от прекрасного атлетического тела капитана Особой Гвардии его мускулистые руки. Увы, оно отскочило от литых

мышц и задрожало от растерянности. Спустя столетия оно впервые столкнулось с чем-то таким, что своей твердостью оказало ему сопротивление. Флейр шагнул навстречу противнику.

— Интересно, как это до сих пор ты не попал в сети к ловцам меченых? Тебе уже давно следовало вступить в ряды гвардии.

Но Оливер увернулся и попытался вогнать лезвие капитану в колено. Увы, колдовской меч тотчас искривился и отскочил назад, вернувшись к размерам обыкновенного ножа.

— Я предпочитаю свободу.

Флейр вырвал у него из рук нож и замахнулся, чтобы нанести удар кулаком в лицо.

— В таком случае, у нас с тобой немало общего, брат.

Оливер выбросил вперед руку, желая сокрушить противника ловким ударом. Увы, долгие годы занятий в атлетическом зале сделали из капитана каменного колосса — причем не только для того, чтобы повергать в трепет жителей Шакалии, когда он сопровождал по улицам правящего монарха. Оливера отбросило назад. За его спиной стоял еще один гвардеец, однако Оливер вовремя ощутил его присутствие и направил залп голубого пламени прочь от себя. Затем среди груды поверженных тел, которые оставила после себя аэросфера, вырос еще один гвардеец, за ним второй, затем третий. Мир вокруг перевернулся вверх тормашками, но Оливер вернул силы земного притяжения на место. Воздух неожиданно стал холоден, как лед, но он тут же его согрел. Затем отклонил чье-то копье, отправив его назад в толпу меченых, а сам тем временем ловко увернулся от удара, который капитан Флейр попытался нанести ему в спину. Затем к нему попытался незаметно подкрасться полупрозрачный гвардеец, и Оливер выпустил в него из пистолета стеклянную пулю.

И вновь в его сознание попытались проникнуть уродливые твари, похожие на Шептуна. Голову словно сжимал железный обруч боли. Оливер отсек ментальные нити, что стоило его противникам жизни, но той секунды, пока он отбивал их нападения, Флейру хватило, чтобы нанести удар в бок, причем капитан гвардейцев не стал смягчать его. Оливеру показалось, будто на него обрушился дом. Он попытался встать, но десяток гвардейцев подскочили к нему, и на юношу посыпался град новых ударов. Били, кто чем мог, — кулаками, сапогами, залпами колдовской энергии.

Затем его, избитого, забрызганного кровью, подняли на ноги. Позади них на земле валялся Стимсвайп, едва подающий признаки жизни. Оливер поднял опухшие глаза к небу. Аэросфера

исчезла, а вместе с ней исчез и Гарри. Ловцу волков теперь светит приговор Небесного Суда.

Все кончено, вздохнул Оливер. Он предал Шакалию, предал Хозяйку Огней, не сдержал своей клятвы отомстить убийцам семьи, оказался недостоин памяти отца. Да что там! Не сумел даже защитить собственных друзей!

— Ну что теперь ты мне скажешь, брат? — спросил Флейр.

— Я вижу тебя насквозь, — взревел Оливер, — я вас всех вижу насквозь. Я вижу зло, которым запятнаны ваши души.

Он попытался сосредоточить внимание на поверженном паровике. Лорд Уайрберн взмыл в воздух, спеша на выручку Оливеру, но уже в следующий миг угодил в цепкие лапы неизвестно откуда выросшего на его пути гвардейца. Тот перевернул священное оружие и тяжелым прикладом больно ударил юношу в лицо. После чего началось настоящее избиение.

Глава 20

Перед ней кто-то стоял, загораживая свет в дальнем конце туннеля. Молли осторожно сделала шаг вперед. Она понятия не имела, как попала сюда, хотя знала: с ней наверняка случилось нечто такое, что она обязана помнить.

Фигура в конце коридора поманила ее. По мере того как Молли подходила ближе, стали вырисовываться новые детали. Во-первых, это была девушка. Причем из тех, кого она знала, кого уже видела раньше — ночью, в коридоре какого-то дома. Ток-Хаус, подсказал ей внутренний голос. Что-то должно было там произойти, она хорошо это помнила. Молли растерянно рассматривала девушку. Теперь та уже не казалась ей привидением, хотя по-прежнему хранила молчание.

Молли попыталась заговорить с ней, но не смогла произнести ни звука. Судя по всему, с привидением так просто не поговоришь, тем более что это призрак… паровика, Уанстэка. Это имя тотчас разбудило в Молли новые воспоминания, новые образы. Вот только теперь это был не паровик, а ее собственный призрак. Его силуэт словно весь светился, от него исходило тепло, и Молли тотчас сделалось легче на душе.

— Я пришла сюда в нужный момент? — спросила Молли. Похоже, она нашла правильный способ общения.

Призрак лишь улыбнулся и указал на свет.

— Это для меня?

Девушка кивнула.

Свет становился все ярче и ярче, плотно обволакивал Молли, слепил своей интенсивностью. Неожиданно он сделался тусклым, и Молли обнаружила, что стоит на грязном земляном полу тюремной камеры. Твердость пола под ногами, ломота во всем теле, зуд, который она ощущала по всей коже — все было настоящим.

— Молли! — произнес Никльби.

Она обернулась. Кроме нее самой в камере находились Никльби и коммодор Блэк.

— Я… — начала было Молли, но не закончила. Горло ей словно сдавила чья-то рука, и она закашлялась.

— Правильно, моя милая, — произнес коммодор, — давай кашляй, выкашливай эту заразу. Против нас применили газ, а ты среди нас была самая худенькая. Хорошо еще, что его, так сказать, намазали на бутерброд тонким слоем, иначе оставаться нашим легким в Ток-Хаусе.

Молли обвела взглядом камеру. Никаких нар, лишь ночной

горшок — и тот скорее для удобства охранников, нежели обитателей камеры. Железная решетка от пола и до потолка. Сзади покатая каменная стена.

— А где Аликот?

— Его не было с нами, когда мы проснулись, — ответил Никльби. — Скорее всего он сумел убежать.

— Это точно, он или улизнул, или остался под развалинами Ток-Хауса, — добавил коммодор. — Грязевой газ вполне мог начисто стереть его кристаллы. Таким способом хорошо захватывать корабли, когда они появляются на поверхности и вы хотите взять их самым легким способом. Вспори трюм, закачай туда газа, и матросы сами повыскакивают наружу как кролики из норы. И пали тогда по ним из ружей, сколько душе угодно.

— Он мог бы запечатать воздуховоды к своей бойлерной системе, и остыть. Тогда ему удалось бы еще долгое время обходиться без воздуха.

— Может, и удалось, — согласился коммодор, — вот только мы здесь, как кролики, запертые в кладовке. Ждем своего часа, когда нам перережут шею.

Молли прижалась лицом к железным прутьям. Что это? Ей показалось, будто она услышала чьи-то шаги.

— И кто же их нам перережет? — поинтересовался Никльби.

— Резонный вопрос! — прогрохотал по коридору чей-то голос.

Это был граф Вокстион, а с ним целая свита: одетые в черное наемники и какая-то женщина, чьи седые волосы были собраны в узел. Граф вопрошающе посмотрел на свою спутницу.

— Вы можете подтвердить то, что это именно она?

— Могу, — ответила та. — Это она. Я уже отдала распоряжение, чтобы вам заплатили вознаграждение за ее поимку.

— Между прочим, у нее есть имя, — с вызовом бросила Молли и сильнее прижалась лицом к железным прутьям. — Так это вы платите за мою голову?

— Я всего лишь оценщица, дорогая моя, — ответила женщина. — Знала бы ты, какое количество обезображенных трупов попадает ко мне от самых разных непорядочных людей. И главное, все как один норовят заломить за твою голову, милочка, сумасшедшую цену, хотя на самом деле даже и пальцем не пошевелили для этого, не говоря уже о настоящем убийстве.

— Эх, сдается мне, честному преступнику нелегко найти себе жертву, — произнес коммодор.

— Именно, — согласилась женщина. — Но есть и хорошие новости, теперь нам обоим платят комиссионные.

С этими словами она обернулась к одному из наемников.

— Отомкните дверь. Если эта барышня выкинет какой-нибудь фокус, просто убейте ее спутников. Если же эти двое попробуют выкинуть какой-нибудь фокус — для начала отрежьте барышне ухо. Любое. Чтобы быть полезной нашему нанимателю, уши ей не нужны.

Граф обернулся к старому крабианцу и жестом велел ему идти, однако оценщица подняла руку.

— В контракте записано «к удовлетворению клиента», компатриот Вокстион. Я же пока не слышала, как он выразил свое удовлетворение.

— Похоже, вы информированы лучше, чем я, мадам, — ответил граф. — Я даже не был уверен в том, что клиент — это он.

— Мол, все это дешевый фокус, вы хотите сказать? — произнесла оценщица. — Ну что ж, позвольте мне удовлетворить ваше любопытство. Вот увидите, он произведет на вас самое благоприятное впечатление.

Крабианец наклонился и что-то прошептал графу на ухо. Тот кивнул. Наемник грубо подтолкнул Молли, после чего ее, а также двух ее товарищей по несчастью повели по коридору мимо пустых камер. Коридор заканчивался тяжелой железной дверью, правда, та была не заперта, более того — стояла распахнутой настежь.

Молли ахнула. Она ожидала увидеть подвал в доме какого-нибудь богатого миддлстилского сумасброда — но только не это. Широкие ступени уходили вниз, туда, где виднелись полуразрушенные зиккураты. Под сводом гигантской пещеры кровавым светом светились чимекские кристаллы, отчего открывавшийся взору ландшафт словно купался в вечных сумерках. В большинстве своем руины были заброшенными и поросли колючими шарами плесени и красной пещерной травой, издали напоминавшей море огня. В густой стене растительности были прорублены тропы, за оградами из металлической сетки сложены ящики с оборудованием. С одной стороны развалин Молли разглядела палаточный городок с рядами ровных, прямых улиц. Здесь явно жили люди. Горели огни, доносилось гудение станков. Круг замкнулся.

— Подземный город! — воскликнул граф.

— Верно, — согласилась оценщица, — мы с вами спустились вниз на частном пневматическом лифте. Ну, разве что чуть глубже, чем вы предполагали.

— Не поверю, что изгои Гримхоупа сбросились, чтобы заплатить за мою голову, — заметила Молли.

— Разумеется, нет, — согласилась оценщица. — Но до

Гримхоупа отсюда не близко, моя милая.

— Это сомнительно с моральной точки зрения, — проскулил коммодор Блэк, однако один из наемников тотчас грубо пихнул его прикладом карабина, и Никльби пришлось помочь ему подняться на ноги.

Они обогнули ближайший зиккурат, и им навстречу попалась группа паровиков, колонной выходивших из палаточного городка. Каким-то внутренним чувством Молли поняла: с ними что-то не так. Это было заметно даже по их походке, напоминающей движения зомби, по одинаковому внешнему виду, словно их тела вышли из некоего парового инкубатора.

Молли подошла ближе, и один из паровиков остановился.

— Молли! — проскрипел голос из звуковой коробки, установленной в полом металлическом черепе. — Молли, неужели это ты?

Молли замерла на месте.

— Я…

— Молли, это я, Сейнти, из работного дома Сан-Гейт.

Молли пригляделась к механической фигуре, заклепанной неаккуратно, наспех, как говорится, на тяп-ляп.

— Но ведь ты…

— Это все они. Ты только посмотри, что они со мной сделали! — Голос Сейнти звучал глухо, скорее шипение и бульканье, нежели членораздельные звуки. — Они искали тебя, но увели нас с собой — тех, кого не убили, в отличие от Рашели. Они разрезали нас на куски и засунули в новые тела. Здесь, под землей, почти полностью находится весь наш работный дом. Вместе с другими… вместе с…

В их сторону, размахивая дубинкой, торопливо направлялся какой-то человек. Девочка, которая когда-то звалась Сейнти, рухнула на металлические колени, а из ее механического горла вырвался свистящий стон.

— Уравненным запрещено разговаривать. Наказание — две минуты боли.

Молли попыталась заступиться за подругу и даже набросилась с кулаками на надсмотрщика, гнавшего перед собой колонну металлических рабов, но один из наемников схватил за руку.

— Эй, ты, оставь ее покое. Я первой начала разговор. Что ты с ней делаешь?

— Она служит своей цели, — ответил надсмотрщик. — Когда тебя уравняют, ты все поймешь сама. А теперь ступай своей дорогой, или же я увеличу этому компатриоту уровень наказания. Надеюсь, тебя не запишут в мою бригаду после того, как ты

пройдешь операцию уравнивания.

— Если она доживет до того момента, когда получит новое тело, считай, что ей повезло, — заметила оценщица.

— Успокойся, моя милая, — сказал коммодор Блэк, заметив, что головорезы готовы в любую минуту обрушиться на Никльби. — Эти демоны с черными сердцами не проявят по отношению к нам ни грана жалости. Оставь свою подруге в покое, и тогда ты избавишь ее от еще больших страданий.

После этого троица пленников, бесцеремонно подгоняемая охранниками, спотыкаясь, заковыляла вслед за оценщицей. Та вела их за собой между руин в самое сердце подземной столицы. Вскоре они приблизились к самому высокому из зиккуратов, выстроившихся вдоль растрескавшейся мостовой, по обеим сторонам которой тянулись ряды черных каменных ламп. Старые кристаллы давно отслужили свой срок, и лишь недавно их заменили на газовые фонари, прикрученные к верхушкам столбов железной проволокой. Затем пленники поднялись вверх по ступенькам зиккурата. С земли тот не казался таким высоким, однако вскоре от подъема у Молли заныли ноги. На ее счастье охранники тоже устали и запыхались. Они скомандовали остановиться, и пленники получили возможность немного отдохнуть.

С высоты вырубленных в камне ступеней подземный ландшафт простирался перед ней как на ладони. Справа виднелась гигантская разверстая яма, окруженная со всех сторон строительными лесами и деревянными сходнями. Судя по всему, там полным ходом шли работы по восстановлению древней чимекской столицы. Именно сюда были брошены бесчисленные легионы металлических рабов, а также гибридов людей и паровиков. Они шагали куда-то в темноту, откуда доносился гул и уханье механизмов, свист паровых двигателей, нагнетавших давление в вертящиеся регуляторы. Молли увидела заднюю стену пещеры, где располагалась, по всей видимости, их тюремная камера; перед ней, от пола и до теряющегося в тумане потолка, выстроились высеченные в камне фигуры, этакий парад уродов. Гологрудые воины человеческой расы — мужчины и женщины, в хрустальных шлемах, похожих на купола, с нижними конечностями, похожими на лапки саранчи. Молли заметила, что граф Вокстион смотрит в ту же сторону, что и она. Судя по любопытству, читавшемуся в его взгляде, ее жестокосердный охотник плохо представлял себе, что здесь творится. По крайней мере он был осведомлен не лучше своих пленников.

На верхушке зиккурата застыли стражники в красных плащах, наброшенных на некое подобие военной формы. Так называемые

неустрашимые. Похоже, гримхоупские головорезы — активные участники творящихся здесь дел. Впрочем, этого и следовало ожидать. Оценщица прошла сквозь ряды солдат. Позади них на троне восседал черноволосый вождь Гримхоупа, повелитель этой несчастной страны.

Молли и ее спутников бесцеремонно подтащили к самому трону.

— Тцлайлок!

— Компатриот Темплар, — обратился к Молли предводитель беглых революционеров. — Какая, однако, головная боль от столь юной барышни. Даже не верится, что это все из-за вас.

— Ты с ним знакома? — удивился Никльби.

— Сайлас, это король Гримхоупа. Ты вытащил меня из его столицы в Глубинах Дуицилопочтли.

— Наше расставание было кратковременным, — произнес Тцлайлок. — Знай я тогда, что вы у меня в гостях… а вы, компатриот щелкопер, сдается мне, не столь уверены в этом…

— Я буду постарше Молли, — ответил Никльби, — и помню, что среди портретов, что печатались в дешевых газетенках, было одно исключение — портрет лидера карлистского мятежа по имени Якоб Вэлвин.

— А у тебя, я смотрю, зоркий глаз, — произнес Тцлайлок. — Но Вэлвин умер. Наивный последователь Бенджамина Карла отошел в мир иной во время восстания. Его кровь бежала по канавам вместе с кровью других карлистов, а все потому, что их сердца и методы борьбы оказались недостаточны для тех великих свершений, которых требовала от них история. Они были слишком мягки, в то время как их враги тверды и безжалостны. Кроме того, они были морально сломлены собственной слабостью. Поверь мне, Тцлайлок не допустит подобной ошибки.

— Если вы мой клиент, — произнес граф Вокстион, делая шаг вперед, — то должны быть удовлетворены тем, что я выполнил возложенную на меня миссию, и потому позвольте мне откланяться. Боюсь, что я нахожу хитросплетения шакалийской политики слишком для себя утомительными.

— Компатриот Вокстион, как приятно наконец видеть вас без всяких искажений и трещин в зеркале. Ваши слова задели меня. Думаю, вы будете следить за политическими хитросплетениями вашей новой родины с не меньшим интересом, нежели за судьбой прежней. Что касается вас как охотника за головами, то здесь вы доказали свою незаменимость, — произнес Тцлайлок. — Впрочем, так говорилось и в ваших рекомендательных письмах.

— Это от кого же?

Откуда-то из-за шеренги стражников показалась фигура в

простой синей военной форме, увешанной, однако, множеством медалей. По обе стороны от него стояло по уорлдсингеру в одеждах, скроенных на заморский манер. При виде сломанного боксерского носа и звериных черт лица рука-шпага крабианского телохранителя графа моментально взметнулась вверх в возмущенном жесте.

— Капитан Ариндзе!

— Компатриот-маршал Ариндзе, — поправил его вояка с иконостасом наград на груди. — Впрочем, вы плохо знакомы со знаками отличия народной армии. Фасон тоже слегка осовременили с тех пор, как вы бежали из Содружества Общей Доли.

— Еще один перебежчик! — воскликнула Молли и посмотрела сначала на графа, потом на маршала. — Да я смотрю, здесь такими, как вы, кишмя кишит.

— С той разницей, что граф больше не гражданин Квотершифта, юная компатриотка, — ответил офицер. — Он утратил право называться им, когда бежал за границу. Надеюсь, граф, вы помните вашу речь перед генеральным командованием в ночь перед последней битвой. Полагаю, вы не забыли и мой совет. Судя по всему, приятель, мне посчастливилось примкнуть к нужным людям. И вот теперь я ношу маршальский жезл, в то время как вы, в некотором роде, служите под моим началом, при условии, конечно, что пересечь границу нашим компатриотам посодействовало золото Содружества Общей Доли. Старина, вы сохранили титул, но потеряли страну. Надеюсь, сделка того стоила.

— Вы же сохранили мундир, зато лишились всего остального, ради чего его стоит носить, — парировал граф. — Подозреваю, что эта сделка в ваших глазах оправдывает себя.

— Еще как оправдывает! — Маршал помахал своим солдатам, и те вытащили откуда-то массивный сундук. — Только давайте не будем говорить, будто мы не умеем держать данное слово. Как я уже сказал, Содружество Общей Доли спонсирует деятельность наших компатриотов в Шакалии. Значит, так будем поступать и мы. Пользуйтесь даровыми деньгами, пока есть такая возможность, компатриот. Скоро они станут анахронизмом, как, впрочем, и ваш титул, и жалкие остатки ваших владений. Обществу равных деньги не нужны, разве что для того, чтобы и дальше способствовать скорейшему успеху нашего дела.

Глаза коммодора округлились от удивления — он никак не ожидал увидеть в сундуке увесистые мешки, туго набитые деньгами.

— Вы что, совсем рехнулись? Что нужно вашему

чудовищному государству от этой бедной девушки и усталого подводника, вроде меня? Какой вам от нас толк?

— Нам нужна добрая воля наших соседей, — ответил квотершифтский вояка.

— Это лишь вежливый способ сказать, что такова его плата за небольшой уголок в Шакалии, — произнес Тцлайлок. — Ничего особенного, так, пустячок… начиная от границы и далее на юг до Комломни, этакая узкая полоска длиной в шестьдесят миль, которая, разумеется, включает в себя равную часть Шэдоуклока и газовых месторождений с шахтами.

— Вэлвин, твое место в сумасшедшем доме! — не выдержал Никльби. — Неужели ты думаешь, что воздушный флот будет смотреть сквозь пальцы на то, как Содружество Общей Доли сметет проклятую стену и, выстроившись в колонны, ринется через границу? Знаешь, чего ты этим добьешься? Того, что на головы этим несчастным вновь обрушится Редокс. Горы трупов твоих соотечественников — вот цена, которую ты заплатишь за свою безумную войну.

— Ты гладко пишешь, — отозвался Тцлайлок. — По крайней мере мне всегда так казалось. Как я полагаю, ты всегда пользуешься левой рукой.

Стражники схватили Никльби и выволокли вперед.

— Тем не менее я нахожу твои статьи слишком витиеватыми. Позволь мне показать тебе, что я намерен сделать с Королевским воздушным флотом Шакалии, которым вы так гордитесь.

С этими словами он взял у одного из стражников саблю и рубанул ею по левой руке Никльби. Отрубленная кисть упала к ногам маршала.

— Трудно сосредоточиться, не правда ли, — ухмыльнулся Тцлайлок, когда журналист, вскрикнув от боли, ухватился второй рукой за окровавленную культю. — Безусловно, для того, чтобы ты все основательно для себя уяснил, мне следовало бы отсечь тебе голову, но тогда от тебя практические ничего не останется. А как, скажи на милость, ты в таком случае пройдешь уравнивание?

Тцлайлок указал на огнедышащую яму за их спинами. Стражники тотчас подтащили к ней стонущего Никльби и сунули брызжущие кровью остатки руки в горячие угли. К тому времени как кровотечение остановилось, журналист уже был без сознания.

Молли осыпала вождя мятежников проклятиями. Тцлайлок в ответ на ее гневные слова лишь провел пальцем по ее щеке.

— Не переживай, Молли Темплар. Скоро у него будут руки из нового материала.

— Неужели таким чудовищам неведомо человеческое сострадание?! — взревел коммодор Блэк.

— Мое сострадание распространяется лишь на тех, кто страдает под гнетом тирании на поверхности земли, — парировал Тцлайлок. — Жалости к военным преступникам и пропагандистам старого режима я не испытываю. Я вижу, что вы шокированы, коммодор. Мне все известно о вас и о ваших прихлебателях — в машинных залах Гринхолла трудится немало моих единомышленников, моих духовных братьев и сестер. И вообще, я бы советовал тебе вспомнить свои собственные темные делишки, когда ты промышлял как научный пират Самсон Дарк!

Молли перевела растерянный взгляд на коммодора.

— У тебя не все в порядке с головой, — произнес тот. — Я понятия не имею, о чем ты говоришь!

— Согласен, новый код крови, капитан Дарк, и новое лицо, которым снабдил тебя твой шарлатан-уорлдсингер, на какое-то время сбили с толку наших компатриотов в Гринхолле. Но Гринхолл — не единственное место, где занимаются проверкой происхождения старинных семейств.

Тцлайлок поманил пальцем, и вперед шагнул человек, по виду — истинный шакалийский эсквайр; его жилет буквально лопался по швам, обтягивая мощные грудные мускулы.

— Надеюсь, вы знакомы с вашим компатриотом из Небесного Суда.

Капитан Блэк в ярости набросился на человека в жилете, однако тот мгновенно превратился в размытое пятно и ловко подставил ему подножку. Подводник споткнулся, но стражи успели подхватить его и удержать на месте.

— Вилдрейк! — взревел коммодор, вырываясь из цепких рук конвоиров. — Вели им отпустить меня, и тогда мы с тобой померяемся силами один на один.

— Ты потерял форму, капитан, твои мышцы слишком одрябли, — ответил Джейми Вилдрейк. — Ты только взгляни на свою грудную мускулатуру — да это же позор для любого бойца. Правда, тебя можно поздравить хотя бы с тем, что столько времени у тебя ушло на то, чтобы довести себя до столь плачевного состояния. Четырнадцать лет Небесный Суд пребывал в уверенности, что ты погиб на острове.

— Коммодор, — подала голос Молли, — объясните, о чем, во имя Великого Круга, идет речь?

— Ах, значит, теперь он у нас коммодор, — язвительно произнес Ловец волков. — Какой, однако, жалкий титул для герцога Фернитианского. Вы якшались с последним представителем шакалийской аристократии, моя милая уличная барышня. С тех самых пор, как закончилась гражданская война, пираты-роялисты были последней занозой в нашем боку. Но пока

не появился Дарк, они действовали разрозненно на своих украденных кораблях, плодясь как морские змеи. Самсон Дарк объединил их, заставил семьи эмигрантов забыть старые распри, сделал из них реальную силу, угрожавшую морским торговым путям.

— Ты смог потопить нас лишь благодаря предательству! — воскликнул коммодор. — Во всей Шакалии не было ни одного шкипера, способного оказать нам достойное сопротивление.

— Невозможно предать дело, в которое не веришь сам, — возразил ему Вилдрейк. — В чем вскоре убедятся и наши повелители в самой Шакалии.

— Так вы истребитель? — изумилась Молли. — И вы заодно с этими отступниками?

— Он самый худший из истребителей, — ответил коммодор Блэк. — Их там в небе целое гнездо. Они наблюдают за нами, словно мы не люди, а жалкие букашки. И когда кто-то из нас случайно бежит не туда, куда им нужно, они безжалостно давят нас как тараканов.

— В таком случае, Дарк, мне полагаются аплодисменты за то, чего я вот-вот достигну, — произнес Ловец волков. — То, чего за пятьсот лет ты и твои аристократы в изгнании не смогли достичь, несмотря на все ваши вылазки, грабежи, поджоги судов мирных торговцев. Больше никакого парламента — от продажного наследия Киркхилла мы не оставили камня на камне.

— Во всей Шакалии не сыщешь компатриота лучше, чем этот, — произнес маршал Ариндзе, погладив Ловца волков по спине, словно тот был его сыном. — Истинный сын революции, прекраснейший пример того, как наш брат способен открыть глаза навстречу правде, отречься от тяжкого наследия своего происхождения. Вы только взгляните на крепость его мускулов! Он — разящий меч истины, безжалостный разящий клинок, чье острие мы обязаны вогнать прямо в сердце врагу трудового народа!

— Будь ты проклят, изменник и предатель! — взорвалась Молли. — Твоя шея словно специально создана для того, чтобы болтаться в петле рядом с Боунгейтом.

Маршал Ариндзе с размаху ударил Молли по лицу. Девушка не удержалась на ногах и упала.

— Жаль, что не могу найти тебе место в одном из наших лагерей, красотка. Вот бы где тебе открыли глаза на суть карлизма — тебе, особе низкого происхождения, которая по идее должна была давно влиться в наши ряды, стать бойцом за правое дело. Ты же выбрала себе иной путь.

— Я никогда не буду служить вам, даже не надейтесь! И ты и

твои предатели-друзья, вы все плохо кончите! — выкрикнула Молли. — Стоит вам только перейти границу, и наши люди похоронят всю вашу грязную армию, как случалось уже не раз!

Тцлайлок и маршал лишь рассмеялись и указали в сторону котлована, где копошились легионы рабов.

— Нашим соседям из Квотершифта незачем переходить границу, чтобы помочь нам. Скажем так, они пересекут ее, но только не по земле, а под землей. Этот город — не единственный секрет, которым древние тени Уайлдкайотлей поделились со мной. Они провели меня заповедными пневматическими тоннелями, наполовину разрушенными и обвалившимися от времени, однако нет такой преграды, какую бы не решили преодолеть те, кто стремится к свободе и равенству. Ваша тирания лавочников и фабрикантов вот-вот рухнет, ей не устоять перед напором истиной революции, компатриот Templar. Через несколько дней целая бригада моей народной армии будет готова маршем подойти к границе Миддлстила. На этот раз все будет работать на нас. Мы не изнеженные философы, привыкшие предаваться праздным размышлениям, и не сентиментальные идиоты, павшие пятнадцать лет назад под залпами шакалийских пушек. Мы идем воевать за правое дело!

Молли вся дрожала. Это были пустопорожние, безумные речи, однако сердце подсказывало ей, что кровавая бойня, продолжающаяся в Квотершифте вот уже несколько десятилетий, вскоре перекинется и на ее родной Миддлстил. Старые пневматические туннели империи — мятежники расчистили никак не меньше двухсот миль подземных путей, чтобы подобраться к самой границе Содружества Общей Доли.

— Загляни к себе в душу, юная компатриотка, и ты увидишь, что я прав. И стоит нам избавить воздушный флот от кровососов-патрициев, как мы натравим наших славных авиаторов на остальную часть континента. Закоснелые мехоманты городов-государств, заплывший жиром божок Киккосико, Король-Пар с его хваленым интеллектом — все они падут под ударами моей светоносной армии. Мы сметем с лица Земли изжившие себя королевства, а на их месте возведем наш союз.

Молли пнула ногой сундук с деньгами — набитые монетами мешки громко звякнули.

— Почему ты охотился за мной, Тцлайлок? Зачем я тебе понадобилась? Я не вижу для себя места в твоей мерзкой новой стране.

— Из-за твоей красоты, компатриот Templar, — ответил вождь мятежников. — А в моей стране все занимают равное место. Но ты, моя дорогая компатриотка, займешь в нашем новом

мировом порядке особое место. Давай обойдемся без ложной скромности. Мы обнаружили в твоем новом обиталище остатки анализатора крови. Кроме того, мне все известно о твоем появлении в машинных залах Гринхолла. Думаю, мне не надо объяснять тебе, что это значит.

Стоявший позади Молли стражник из свиты графа принялся набивать шакалийскими гинеями армейский заплечный мешок.

— Компатриот Вокстион, — произнес Тцлайлок, — перед тем, как вы покинете нас, я позволю себе маленькую вольность — я отменил заказ на ваш билет на пароход, отплывающий в Конкорцию. В ближайшие месяцы мне, похоже, никак не обойтись без ваших услуг. Видите ли, нам предстоит выследить и обезвредить огромное число людей — Стражей, лордов и членов круговистского совета. Таланты такого уникального специалиста, как вы, требуются нам здесь и сейчас, так что колонии могут немного подождать.

Услышав его слова, Вокстион заметно сник. Но даже если его терзали какие-то сомнения, нахмурившемуся убийце хватило ума сдержаться и не произнести их в присутствии Тцлайлока.

— Тцлайлок, ты болен изнутри, — сказала Молли. — Чтобы это понять, мне не нужна в жилах кровь древнего воина. Ты весь прогнил.

— Кстати, о твоей крови. Она нам тоже пригодится. — С этими словами безумный предводитель нажал на каменную сферу в подлокотнике трона, и часть пола постепенно собралась складками, а в образовавшемся пространстве, навстречу искусственному свечению кристаллов, поднялось возвышение, увенчанное черным крестом. Его каменная поверхность была пронизана сетью серебристых желобков. Верхняя часть креста прямо на глазах начала принимать форму луковицы и вскоре превратилась в прозрачный пустотелый кристалл, каких Молли никогда не видывала прежде. Внутри него бурно клокотала кровь. Эта кровь производила впечатление живой. Казалось, она наделена щупальцами, которые бились о прозрачные стенки, словно пытаясь вырваться на свободу, после чего вновь ныряли в бурлящую алую жидкость.

Молли оцепенела от ужаса, не в силах даже сдвинуться с места. Этот кристалл — единственное, что осталось от ее дальней родни. Все они, и мужчины, и женщины, пали жертвами убийцы из Питт-Хилл, а их души и кровь смешались в этом алом море отчаяния.

— Я предлагаю тебе королевский трон, — произнес Тцлайлок. — Ты будешь восседать на нем рядом со мной, ты станешь священной матерью нашего дела, компатриот Темплар.

— Оставь ее в покое, чудовище! — крикнул коммодор. — Ах ты моя милая, моя несчастная, угораздило же тебя иметь в жилах такую кровь!

Тцлайлок расхохотался.

— Уберите отсюда этого жирного идиота и его дружка, замаравшего себя военными преступлениями! Отведите их назад в камеру. Приготовьте обоих к операции уравнивания. Не вижу никаких причин, мешающих герцогу трудиться наравне с нашими братьями и сестрами на наших военных заводах. Не переживайте по поводу крови моей младшей сестры, компатриот граф. Она не последняя в своем роде. В отличие от ее родни, я не намерен выпускать из тела компатриота Темплар всю кровь. У меня в отношении этой особы иные планы.

— Это какие же? — спросила Молли сдавленным от ужаса голосом.

— Полюбоваться на твою агонию, компатриот Темплар. Я хочу, чтобы твои мучения продлились как можно дольше. Твоя боль сделает нас всех свободными.

Сознание Оливера просветлело. В следующее мгновение он уловил уже ставший привычным гул, исходивший от светящихся сфер — миниатюрных звезд, что кружились на ее орбите. Хозяйка Огней. Он огляделся по сторонам. Вокруг него все застыло — Стимсвайп разбит на мелкие куски, валяющиеся на грязном полу. Двое неизвестных ему людей уныло сидят по другую сторону железной решетки, лишившей свободы и изуродованного Стимсвайпа, и его самого. Время остановилось, застыло на месте, даже насекомые, что кружились над ранами одного из мужчин, и те недвижимо повисли в воздухе.

— Оливер! — произнесла Смотрящая. — О мой Оливер, что ты здесь делаешь? Это не твоя тропа, тебе незачем по ней идти. Кто теперь поведет твой народ к свободе и счастью? Ты должен остаться в живых, когда все закончится. Ты нам очень нужен. Твой путь слишком прочно слился с неудачей, а это крайне опасно.

— Мне никогда не нравилось быть той частью плана, что оставлена на самый крайний случай, — огрызнулся в ответ Оливер. — Такое впечатление, что ваш любимчик-рыцарь слишком щедро пользуется так называемой свободой воли, которую вы столь высоко цените.

— Оливер? Что с тобой? Какая муха тебя укусила? Внутри тебя что-то сидит. Не отрицай, я это чувствую. В твоей схеме возникли какие-то изъяны.

— Жизнь полна неожиданностей, не так ли, мама? — ответил Оливер. — Если тебе хочется развести зверинец, дабы загладить

вину за то, что ты слишком рано нас списала со счетов, найди себе для этих целей кого-то другого. Я же умру, сражаясь здесь, прежде чем моя нога снова ступит на другую сторону проклятого занавеса. Я принадлежу расе людей, и их мир — мой родной. Мне надоело вечно от кого-то убегать и от кого-то прятаться. Я за свою короткую жизнь набегался столько, что с меня хватит!

— Значит, ты все вычислил? — вздохнула Смотрящая.

— Да, твой «уговор» с моим отцом, — ответил ей Оливер.

— Мне нужно было изучить твое существование с точки зрения твоих людей, — сказала Смотрящая. — Вот почему, если можно так выразиться, я оставила здесь свою тень — эхо той, кем я на самом деле являюсь. Смертную тень. Увы, как впоследствии оказалось, она несла в себе все порывы и страсти человеческой плоти. Как мы знаем, дела для нее кончились плохо.

— Я вижу, ты умеешь извлекать выгоду даже из собственных ошибок, мама, — произнес Оливер с горечью в голосе.

Он понимал, что должен испытывать какую-то привязанность к светоносной богине, но, как ни странно, в душе его царила опустошенность. Или же это пистолеты притупили его чувства? Нет, даже если предположить, что они его никогда бы не нашли, он все равно чувствовал бы то же самое. Ведь это все равно, как если бы вам сказали, что вашей матерью был северный ветер. Можно любить человека. Но любить тень? Ходячую схему? Разве нормальный человек когда-нибудь питал любовь к такого рода вещам?

— Оливер, — произнесла Смотрящая с мольбой в голосе. На ее бесплотном лице читалось отчаяние. — Ты обрекаешь свой род. Ты — их последняя надежда на спасение. Мне нужна твоя раса, мне нужно, чтобы она выжила, мне нужно, чтобы выжил ты!

— В таком случае, почему ты не оставила священного мальчика среди тех, кто живет в быстром времени? — спросил Оливер. — Зачем ты отправила меня в Шакалию?

— Увы, слишком поздно задавать такие вопросы, дитя мое. Теперь ты пленник в руках прислужников нашего врага. Будучи таковым, ты обречен; Вскоре падут последние барьеры, и враг будет здесь. Уайлдкайотли наверняка возжелают куда более страшных вещей. Им наверняка захочется заново запустить в действие ужасный план, чтобы изменить этот мир на свой манер и вкус. Когда это произойдет, силы, что стоят за мной, начнут стирать все, что поддерживает твое существование. А пока ты можешь отвести в безопасное место всех феев, какие только пожелают уйти вместе с тобой.

— Ты делаешь то, что тебе кажется, ты должна сделать. Знай, что когда ты попытаешься, за стенами мира, с которым ты

столкнешься, будет не одна лишь тьма.

— Это не твои слова, — произнесла Смотрящая. Ее тело начало вибрировать, утрачивая четкие очертания. Раньше она исчезала тихо, совсем не так, как сейчас, без всяких судорог. Теперь же она стремительно менялась, световые сферы тревожно пульсировали. Она в умоляющем жесте потянулась к своим огням. — Останови их, у меня еще есть время. Я должна…

Ее очертания увеличились в размерах. Они менялись буквально на глазах — куколка превращалась в бабочку. Даже ее огни стали иными, вместо ярких сфер они казались зловещими скоплениями острых игл, которые в безумном ритме вращались вокруг своей новой повелительницы. Эта другая чем-то напоминала ожившую тень медведя. Никаких черт, лишь темная двуногая масса. Один-единственный глаз повернулся в сторону Оливера, чтобы запечатлеть в памяти тюремную камеру. Его ощущения плыли через Оливера, растекаясь за доли секунды на тысячи миль.

— Ты и есть он самый? — спросила Медвежья Тень. — У нее была тысяча лет, и ты лучшее, что она создала. Удивительно, что меня не позвали раньше.

В голове Оливера эхом звучали слова Смотрящей, сказанные ею посреди холодной пустоши.

— Меня уберут. Вне всякого сомнения уберут. Больше никаких ограничений. Зато тебе дадут опасное поручение, так сказать, с коротким предохранителем.

— О каком предохранителе ты говоришь? — спросил Оливер.

Медвежья Тень обвела взглядом камеру, однако взгляд ее простирался на тысячи миль.

— Боже, все вверх тормашками. Я гляжу, ты не слишком усердствовал, выполняя данное тебе поручение.

Оливер рассмеялся. Было странно слышать, как твой собственный смех эхом отдается посреди застывшего времени.

— Во имя Великого Круга, скажи мне, что ты знаешь о реальной жизни?

— А вот это уже нечто новенькое, — отозвалась Медвежья Тень. — Не удивительно, что ты напутал ее так сильно, что она призвала на помощь меня. Вот только вряд ли тебе можно чем-то помочь. Откровенно говоря, будь я на ее месте, я бы бросилась со всех ног, словно крыса, в туннель, который она проложила в последний раз, когда там были беспорядки.

Медвежья Тень сердито ткнула в Оливера пальцем.

— Именно для этого я и создана. После того, как вы, мясные мешки, покончите у себя с королевской властью, я могу даже слегка повременить с разрушением вашей лавочки, и вместо

этого немного займусь врагом. Черт возьми, я уже забыла, когда развлекалась в последний раз.

Оливер почти вплотную придвинул лицо к силуэту Медвежьей Тени.

— Я бы не стал тянуть и начал их жечь прямо сейчас, мой предохранитель. Могу легко представить себе, сколько тебя ждет всяких дел.

Медвежья Тень отрицательно покачала головой.

— Проклятие, неужели она совсем отуземилась?

С этими словами Медвежья Тень испарилась, словно ее и не было, а время возобновило свое былое течение.

Бывали моменты, когда боль становилась такой невыносимой, что переставала жечь; когда огонь, пожирающий ее кожу, становился таким обжигающим, что усталые нервы отказывались передавать мозгу сигналы агонии. Эти короткие промежутки холодного спокойствия прерывались, стоило кресту, к которому ремнями была привязана Молли, почувствовать ее облегчение, и он менял схему боли. Например, ему ничего не стоило превратить боль в ряд острых шипов, которые пронзали ее кожу, или же в тяжесть гигантской горы, которая давила на нее всем своим непомерным весом. Вот такой изобретательный и хитроумный кусок черного камня. Улавливал он и те мгновения, когда она была готова вот-вот потерять сознание, когда мозг ее, казалось, был готов разбиться на осколки, лишь бы только уменьшить ее страдания. Увы, за считанные доли секунды до того, как ей лишиться чувств, крест неожиданно разворачивался, и ощущения Молли уносились в теплый воздух пещеры, где ей не оставалось ничего другого, как следить за мерцанием чимекских кристаллов, которые то меркли, то под действием токов земли разгорались с новой силой.

— Говорят, некоторые даже входят во вкус, — усмехнулся Тцлайлок. Интересно, сколько он уже здесь стоит, глядя, как несчастная Молли корчится от боли и заходится в крике? — Какое, однако, мудрое устройство, доставшееся еще с эпохи великих льдов. Камень не только палач, но и лекарь. Он может поддерживать в тебе жизнь годами, терзая тебя и одновременно залечивая твои раны. Прелесть в том, что все происходит в твоем сознании. Своего рода модель самой жизни — сначала немного нас помучить, затем пообещать удовольствие или на худой конец прекратить страдания.

Молли было трудно сосредоточиться даже в те редкие мгновения, когда каменный крест давал ей короткие передышки, и боль отступала.

— Чего тебе от меня надо? — бросила она в ответ. — Скажи, и я тебе это дам, только выпусти меня отсюда.

— Это отнюдь не то, что мне надо, — ответил тот, кто еще недавно носил имя Якоб Вэлвин. — Уверяю тебя. Иное дело, что без этого нельзя. Ты последний оператор, Молли Темплар. Ты чувствуешь то, что чувствует Гексмашина. Других операторов кроме тебя не свете нет, и ей не на кого больше распределить свои ощущения. Когда я пытаю тебя, вместе с тобой я пытаю и ее тоже.

— Но ведь я даже не встречалась с Гексмашиной! — прорыдала Молли.

— А по-моему, встречалась. — возразил Тцлайлок и погладил кристальную поверхность позади Молли. Кровь далеких предков усиливала ее страдания, подобно тому, как линза усиливает световой луч. — Как и все из твоих дальних родственников. Готов поспорить, что по ночам к тебе приходят странные сны. Например, юное дитя. Ты ведь видишь его?

Неужели тот призрак — юный дух в Ток-Хаусе — и есть Гексмашина?

— Она являлась и в мои сны, — произнес Тцлайлок, — но я видел ее и в плоти, когда она убегала по туннелям. После восстания я пошел глубже, компатриот Темплар. Даже такое место как Гримхоуп не гарантировало безопасности человеку по имени Якоб Вэлвин, особенно, когда вокруг полно охотников за головами и разного рода отребья, готовых пожертвовать даже городом свободы, лишь бы получить баснословные деньги, обещанные за мою голову. Я пошел дальше и глубже, чем кто-либо другой, начиная с падения империи чимеков. Я полз среди груд камней, обвалившихся со стен, я пробирался по воздуховодам мимо скелетов грабителей пещер, мимо праха и доспехов чимекских воинов, которые стояли, отказываясь сдаваться, до самого конца.

Я пил воду из подземных озер, которые не видели человека более тысячелетия, питался грибами, которые жители древних империй выращивали, чтобы не умереть с голоду. Питался даже дикими существами, которых разводили для себя жрецы культа саранчи. Некоторые из их машин все еще дышат там внизу, живые машины, созданные из плоти и крови, некоторые — продукты того же колдовства, которое сохранилось, разлитое, правда, в слабом, разжиженном виде, среди дюн Кассарабии.

Не успел он закончить свой рассказ, как Молли вскрикнула — это каменный крест решил, что она передохнула и созрела для новых мук.

— Мне, право, жаль, компатриот Темплар, — вздохнул

Тцлайлок, — но ты — ключ. Неужели ты сама не чувствуешь? Ксам-ку сейчас почти с нами, и Токсикатль, все тени Уайлдкайотлей. Твоя агония вспарывает швы на тюрьме, в которую их заточил твой предок и его гнусные творения. Еще немного — и Гексмашина не выдержит и наверняка проберется сюда, чтобы тебя спасти. И тогда мы растерзаем ее, раздерем на части.

Молли видела в воздухе очертания древних созданий, их голодные челюсти клацали в предвкушении поживы, в ней просыпалась память о древних схватках с мерзкими, но удивительно сильными паразитами. Семь священных машин и отряд отважных воинов. Древнее зло вернулось, однако навсегда ли — пока неизвестно. Чтобы оно закрепилось, необходимо уничтожить Гексмашину, а его самого накормить не одной сотней человеческих душ. В чимекские жертвенные костры летели бесчисленные человеческие сердца. Зачем уравненным эти трепещущие куски мяса? Равным гражданам они ни к чему, от них лишь зависть и ревность, стремление к личному возвышению, опасные мечтания и напрасные надежды на лучшее будущее. Тцлайлок позаботился о том, чтобы в их новых телах не оставалось никаких пламенных сердец.

Молли дугой выгнулась от боли на каменной плите. Казалось, ее крики разносятся по всему разрушенному городу.

— Нельзя доверять древним, — произнесла она сквозь стиснутые в агонии зубы.

— Они лишь сила, не более того, — возразил Тцлайлок. — Наша вера в них поддерживает их, наша преданность не дает им сгинуть. Подобно тому, как порывы ветра крутят крылья мельницы, так и мы запряжем Уайлдкайотлей, чтобы они способствовали достижению великой цели. Мне они нужны исключительно из практических соображений. Пусть древние питаются нашими душами, тем более что в последних нет недостатка, особенно там, наверху. Хозяева счетных домов, надсмотрщики на фабриках, императоры и разного рода кровопийцы, которые высасывали из народа последние соки с тех пор, как колесо истории начало свое вращение. И если все станет с точностью до наоборот — то в этом есть своя логика и справедливость. Довольно паразитировать на нас, попили нашей кровушки и хватит! Настала наша очередь устроить себе пир из плоти бывших эксплуататоров!

— Не делайте этого! — взмолилась Молли.

— Подумай сама, Молли Темплар. Наши компатриоты в Квотершифте вот уже целое десятилетие пропускают паразитов своей страны через Гидеонов Воротник, и в результате получают

разве что компост для своих ферм. Однако стоит нам сплавить с революцией могучих Уайлдкайотлей — и все будет в наших руках! Не останется ничего, чего бы мы не смогли достичь! Ни одного врага, которого мы не смогли бы одолеть. Мы построим идеальное общество всеобщего равенства, которое будет существовать вечность!

— Не надо! — вскрикнула Молли, словно ее ошпарили кипятком.

По лицу Тцлайлока покатились слезы.

— Мы возведем тебя в ранг святой, Молли! Мы возведем в твою честь храмы, возвеличим тебя, простую уличную девчонку, которая пожертвовала собственной жизнью, чтобы сделать мир прекрасным и величественным. Твои мучения будут не напрасны. Думаю, тебе самой хочется нам помочь.

Что он еще сказал дальше, Молли не слышала, его слова заглушила новая волна невыносимой боли.

Граф Вокстион сидел в кресле вот уже более часа, глядя на стоявший перед ним сундук с деньгами. Высыпав на полированную поверхность стола целый мешок шакалийских гиней, он раскладывал монеты аккуратными столбиками, перекладывал из одного в другой, и так до бесконечности…

— Думаю, теперь вам есть, на что прожить остаток ваших дней, — заметил Кауард.

— Верно, — отозвался граф. — Хотя, я подозреваю, что стоит нам справиться о наличии билетов на пароход до Конкорции, как нам тотчас ответят, что свободных мест нет.

— Я вот что думаю — а не обратиться ли нам к какому-нибудь старому шкиперу? Или к капитану какой-нибудь вольной подводной лодки. К тому же Шакалия пока что не в их власти. А ведь оттуда ходят паромы в города-государства и в Священную империю. Уж если на то пошло, благодаря связям моего клана мы вполне могли бы без всяких приключений пробраться через Лионгели. А стоит нам добраться до одного из портов Пресного моря на побережье Крейорокко, как мы могли бы отплыть в Тар. Мне всегда не давала покоя мысль, что будет, если все время плыть на восток? К тому же я не думаю, чтобы они держали в поле зрения дорогу на юг.

— В Кассарабию? — Граф едва не расхохотался. — Старикашка, сидящий в тени пальм на крыше дома из необожженных кирпичей, жующий леааф и пытающийся вспомнить, что такое сделать глоток вина и при этом не почувствовать на зубах песок. Дело не в том, что Тцлайлок держит нас у себя. Дело в другом: он хочет показать нам, кто

здесь хозяин. Его люди не спускают глаз лишь с меня. Тебе ничто не мешает вернуться в колонии. Нам нет никакого смысла гнить в этом подземелье вдвоем.

— Нет, сэр, ваше предложение мне не по душе, — ответил крабианец. — Скажу честно, я прикипел душей к этой глупой, самодовольной нации. У них хватает сил, чтобы подмять под себя целый континент, а они занимаются тем, что подстригают живые изгороди, предавая им причудливые формы, ведут пустопорожние дебаты и каждый час прерывают свои дела, чтобы сварить себе чашечку каффиля. Шакалия заслуживает лучшей доли, нежели та, что постигла старую страну. К тому же, сэр, без вас мне было бы как-то скучно.

— В таком случае остается лишь надеяться на лучшее, — произнес граф. — Я хороший ловец, но боюсь, что добыча мне светит не слишком удачная. Что же мне делать?

Слуга-крабнанец подал ему поднос.

— Не думаю, сэр, что дело лишь в том, кто здесь хозяин.

Граф прекратил строить пирамидки из монет.

— Тогда в чем же? А… понятно, ты, значит, все-таки ее сохранил.

С этими словами он взял с подноса тонкое отполированное лезвие. От Кауарда не скрылось, каким взглядом хозяин смотрел на фехтовальную саблю. Лишь однажды за всю свою жизнь старый крабианец ослушался хозяйского приказа: когда тридцать лет назад на поле битвы ему было велено бросить острое лезвие.

— Полагаю, сэр, — ответил крабианец, — что это дело чести.

На вершине зиккурата правители Гримхоупа трепетали от страха, не зная, куда им деться. Они еще ни разу не видели Тцлайлока в таком гневе.

— Почему? — орал он на них, тыча пальцем в тело, привязанное к чимекскому пыточному камню. — Почему Гексмашина так и не появилась? Девчонка привязана к камню вот уже два дня. Ее агония стоила того, чтобы на нее полюбоваться — но я до сих пор не вижу никакой Гексмашины!

Жрецы культа саранчи растерянно топтались на месте. Они были ярыми сторонниками древней религии, знали множество древних текстов, которые Тцлайлок добыл для них во время долгих подземных скитаний. Однако в данный момент были среди них и такие, кто предпочел бы поменяться местами с кем-нибудь из уравненных компатриотов.

— Компатриот Темплар — не самый последний оператор, — наконец решился подать голос один из жрецов. — Это единственное разумное объяснение.

— Мы всегда знали, что существует такая опасность, — поддакнул другой его собрат по ремеслу.

Тцлайлок гневно ткнул пальцем в жреца, облаченного в красные жреческие одежды.

— Вы хранители нового порядка, вы пастыри равенства. И что за слова я слышу от вас?

— Но это лишь предположение, которое мы не можем исключить, — произнес тот из них, что когда-то служил техником в Гринхолле. — Появился новый потомок Виндекса, наделенный способностью контролировать Гексмашину, или же — такую возможность тоже нельзя исключать — они были здесь среди нас всегда, поскольку код их крови остался нерасшифрованным. Некоторые из удаленных приходов не спешат с регистрацией.

— Но операторы к нам приходили всегда! — выкрикнул Тцлайлок. — Всегда! Их притягивали сюда последние из этих инфернальных машин! Разбудите вашего жучка, запустите его в транзакционный двигатель! Пусть он прошерстит как следует архивы Гринхолла! Если существует еще один оператор, то мы должны во что бы то ни стало его отыскать! Мне нужна их кровь и их боль!

— А что делать с этой? — поинтересовался жрец культа саранчи, указывая на Молли. — Мы могли бы выкачать из нее кровь для котла.

Тцлайлок с силой ударил жреца по лицу; тот пошатнулся и упал.

— Ты идиот, а не пастырь! Она — идеальная компатриотка, брошенная на произвол судьбы тиранией, воспитанница работного дома, храбрая и прекрасная девушка. В ней боевого духа даже больше, чем у десятка мужчин. И если существует еще один оператор, он скорее всего будет из той же породы, что и прочая наша добыча в Питт-Хилле — бюргеры, советники, праздные щеголи и прочие никчемные бездельники из числа угнетателей. Неужели, по-вашему, мы должны возвести памятник в честь некоего юного мученика с годовым доходом в десять тысяч гиней? — С этими словами вождь революции нежно погладил влажные от болезненной испарины локоны Молли. — Нет, вот она, наша идеальная святая. Бросьте ее назад в карцер, дайте пищи, пусть снова придет в себя и наберется сил. Как только установим личность нового оператора, мы решим, кто из них двоих отдаст свою кровь в котел, а кто пойдет на священный крест.

— Дайте мне отряд воинов, и мы прочешем туннели и захватим Гексмашину, — подал голос жрец, что валялся у ног Тцлайлока. — Я отыщу дьявольское устройство и уничтожу его во

имя нашего правого дела!

— Нет, — возразил предводитель мятежников. — Возможно, я обошелся с тобой слишком сурово, компатриот пастырь. Ты читал обнаруженные мною тексты, но ты понятия не имеешь, насколько хитра и изворотлива Гексмашина, в какие глубины она забралась от нас, как нашептывает льстивые слова расплавленной лаве. Она зарылась в туннели так глубоко и далеко, кто даже кристаллы, контролирующие выбросы земли, давно уже расплавились в тех недрах. Ты понятия не имеешь, какой жар стоит там и какие опасности подстерегают, помимо выбросов раскаленной лавы. Одно только эхо бормотания Гексмашины кого угодно лишит рассудка. Ни один охотник за головами, ни один боец за правое дело не способен поймать эту злобную тварь.

С этими словами он отеческим жестом, словно малого ребенка, погладил жреца по голове.

— Нет, лучше мы поищем ей новую наживку. Для нас непозволительная роскошь жертвовать жизнями тех, кто всей душой предан правому делу. — Тцлайлок вытащил обсидиановый кинжал и полоснул жреца по горлу. — Особенно когда гаранты революции жаждут душ тех, кто слишком глуп, чтобы вести народ к свободе.

Другие жрецы с какой-то неприличной готовностью набросились на своего собрата и держали его, пока Тцлайлок вырезал ему сердце.

— Ксам-ку, Токсикатль! — выкрикнул он. — Круатолатль и Бруаксачима!

Кристаллы под потолком разгорелись ярче, высветив на мгновения призрачные очертания людей-насекомых. Жрецы культа саранчи разразились восторженными воплями. Король Гримхоупа указал на угли.

— Быстро зажарьте сердце! Если его слишком долго продержать на воздухе, потеряется весь вкус.

Жрецы потащили бездыханный труп своего собрата вниз по ступенькам зиккурата, а затем по подземному бульвару. В тени одного здания что-то прошипело, обращаясь к самому себе, причем на два голоса.

— Очередной мертвец. Старики явно набирают силу.

— Мы в силах помочь, сказала она…

— Погоди, еще не пришло время…

— Да, надо правильно выбрать момент.

— Верно. Ш-ш-ш!

И нечто, что-то бормоча самому себе, юркнуло назад в тень.

Молли проснулась в камере. Странно, но после нескольких

суток нескончаемой боли тело ее снова почувствовало себя живым и полным сил. К ней подошел коммодор.

— А, моя милая, я уже опасался, как бы ты не лишилась рассудка от этих жутких пыток.

— Коммодор, как мне лучше называть вас? Самсон?

— Забудь это имя, — ответил подводник, — оно не принесло мне ничего, кроме унижений. В другом мире, где Изамбард Киркхилл не наделал своих дел, я был бы горд носить мой благородный титул и пользоваться благами, которые по праву принадлежали бы мне. Но в этом мире лучше оставаться бедным старым Блэки, нежели изгоем, жертвой обстоятельств высокородного происхождения.

Молли посмотрела на спящего Никльби — тот был весь в испарине. Вид у него был больной, даже во сне он сжимал здоровой рукой культю. Были в их камере и еще двое. Огромный, свирепого вида паровик и мальчишка в рваной одежде, на вид примерно на год старше ее.

— А это кто такие?

— Парочка неудачников, это я точно тебе говорю, — ответил Коммодор. — Наши тюремщики клянутся, что парень — фей. Из-за него, чтобы он не сбежал, к нашей камере чуть дальше по коридору приставили — нет, не простых охранников, а гвардейцев Особой Гвардии. Думаю, парень слегка тронут лунным светом. Зато ты только послушай, как он смеется. Такое впечатление, будто внутри него хохотом разражается демон, а еще он иногда разговаривает сам с собой.

Блэк указал на открытую камеру напротив их собственной; там в стеклянном ящике виднелось нечто вроде уродливой миниатюрной пушки из черного металла и старый заржавленный нож. Рядом с дверью лежало несколько вполне современных пистолетов. Казалось, что лезвие ножа извивается, словно змея.

— Черная пушка живая. Иногда паровик и парень что-то ей кричат, и слышно, как она отвечает им из-за стекла. Приятель парня тот еще тип, с первого взгляда видно, не то что наш кроткий Коппертрекс. Советую тебе держаться от этого громилы подальше, моя милая Смотри, как бы он не проломил тебе голову.

Молли посмотрела сквозь прутья решетки, пытаясь разглядеть, что находится дальше по коридору, но ничего не увидела.

— Гвардейцы, говоришь? По идее они должны были камня на камне не оставить от этого места.

— Они пособники дьявола революции, Молли. Так что нам с тобой надеяться особенно не на что. Нас с Никльби через час обрядят в железные костюмы. К завтрашнему вечеру мы с ним оба

превратимся в полулюдей-полупаровиков. Будем греметь железками под сводами пещер, словно металлические призраки, и как рабы начнем гнуть спины на Тцлайлока ради осуществления его гнусных планов.

Молли обняла подводника.

— Прости меня, коммодор. Это все случилось по моей вине. Ты пытался мне помочь, и вот теперь вы с Никльби закончите точно так же, как Сейнти и другие обитатели работного дома Сан-Гейт.

— Рано лить слезы по старому Блэки, — успокоил ее коммодор. — Звезды не раз становились свидетелями того, как я обманывал смерть — с того самого момента, как появился на свет в старой лодке. Уж лучше сгинуть здесь, чем быть брошенным в королевский инкубатор в качестве этакой племенной кобылы, обязанной удовлетворять жестокие прихоти парламента.

Молли подошла к четырехногому паровику.

— Оставь его в покое! — бросил ей Оливер. — Он не в том настроении, чтобы служить потехой для уличной девчонки из Миддлстила.

— А ты кто такой? — спросила его Молли. — Его мать? Разве ты не видишь, что он страдает.

— Дайте мне пострадать, — подал голос паровик. — Я вот уже во второй раз подвел моего повелителя! Что теперь скажет обо мне Король-Пар! Неужели я не заслуживаю лучшей доли?

— Ты расходуешь слишком много энергии, — произнесла Молли и, взяв с пола пригоршню грязи, облепила ею трубу. — И какая польза от тебя Королю-Пару, если ты и дальше будешь валяться на полу и плакаться по поводу несчастной судьбы.

Паровик облегченно вздохнул; красный огонек на его козырьке замигал немного ярче. Молли открыла задвижку на его животе и принялась перебирать металлические внутренности. Ее ловкие пальцы быстро поставили на место шестеренки, приладили платы и консоли, удалили поломанные части.

— Ты — это она! — воскликнул Оливер. — Ты — план нападения.

— Тихо! — прижала палец к губам Молли. — Как мне, скажи, делать свое дело, если ты не закрываешь рта?

В коридоре послышались чьи-то тяжелые шаги. Молли поспешно захлопнула заслонку и загородила собой живот паровика, чтобы никто не понял, что она только что копалась в его внутренностях.

Перед камерой возник капитан Флейр, а рядом с ним какой-то юноша, причем в отличие от тех, кто обычно сопровождал капитана, на нем не было гвардейской формы. Оливеру он

почему-то показался знакомым — дешевые бульварные газетенки публиковали унизительные карикатуры на него едва ли в каждом номере.

— Круг всемилостивый! — воскликнула Молли. — Да это же принц Алфей!

Оливер поднялся с пола.

— Пришли позлорадствовать надо мной? Вам ни за что не схватить меня, не будь у вас за спиной половины вашей гвардии!

— Возможно, — отозвался капитан и показал несколько листков. — У меня твои регистрационные документы, Оливер Брукс. Уорлдсингеры не знали, кто ты такой, как, впрочем, и нанятые Тцлайлоком головорезы. Ты не Ловец волков. У меня есть подтверждение тому, причем абсолютно надежное подтверждение. Ты угодил в эту историю по чистой случайности.

— Когда твои приятели убили мою семью, то это вряд ли произошло по чистой случайности!

— Это не мои приятели, это люди из Небесного Суда! По крайней мере те из них, что преданы Тцлайлоку.

— Тогда что здесь делаешь ты, гвардеец? — спросила Молли. — Ведь по идее ты должен защищать нас!

— Я здесь для того, чтобы сделать вам одно предложение, — ответил капитан. — Что касается всего остального, то я сомневаюсь, что вы сумеете это понять, демсон Темплар.

— Меня ваше предложение не интересует, — произнес Оливер.

— Вы его еще не слышали, — возразил капитан Флейр.

— Со временем они все кажутся одинаковыми, — отозвался Оливер. — Вы пришли сюда, чтобы предложить мне то же самое, что мне до вас предлагали уорлдсингеры, когда каждую неделю меня таскали в полицейский участок, чтобы я расписался в регистрационной книге.

— Да, но есть и разница, причем, существенная, — капитан постучал по торку. — Уорлдсингеры Содружества Общей Доли сняли с нас колдовскую печать. Особая Гвардия свободна — никаких казней по чьему-то капризу, никаких кампаний, навязанных нам Палатой Стражей. Мы свободны!

— И это все? — удивился Оливер. — Дешево же вы себя продали.

— Не будь ослом, Оливер. Нам даровали землю. Судя по тому, кого ты выбрал себе в попутчики, ты побывал в Свободном Государстве Паровиков. Что мешает нам основать Свободное Государство Меченых? За участие в революции нам предлагают южные нагорья. Желающих жить рядом с проклятым занавесом не найдется. Мы предложим ему наших детей — и тем самым

положим начало городу феев. Свободных феев!

— Надеюсь, вам хватит благоразумия не обзаводиться детьми, — ответил Оливер. — Наша болезнь — это вам не зимняя лихорадка. Иммунитет потомству не передается. Перемены, что произойдут в телах ваших детей под воздействием тумана, убьют по меньшей мере восемь из десяти несчастных.

— Это мы еще узнаем, Оливер. Нам мало что известно о гиблом тумане — и ты ходячее тому доказательство. Твои детские годы прошли по ту сторону занавеса. Ты мог бы обучить нас искусству выживания в нем.

— Капитан, вы безумец! — воскликнул Оливер. — Неужели вы надеетесь, что ваши союзники действительно позволят основать на южных границах Шакалии столицу меченых? Вы им нужны лишь для того, чтобы вашими руками уничтожить королевство. Они просто воспользуются вами, а как только вы станете им не нужны, тут же дадут вам возможность узнать, как выглядит изнутри Гидеонов Воротник!

— Вам нас не победить! — воскликнул капитан Флейр. — Как, впрочем, и им тоже! Мы сражались за нашу свободу и теперь будем бороться за то, чтобы ее сохранить. И не важно, с кем нам для этого придется воевать!

— Что ж, капитан, можете оставаться при своем заблуждении, коль вам это нравится. Я заглядывал в души тем, кого вы называете компатриотами, и скажу вам — они давно протухли, прогнили до самой сердцевины.

— Эх, какие способности, и все они пойдут прахом, — вздохнул капитан. — Зря тебя так долго продержали в Хандред-Локс. Лучше бы ты был с нами с самого начала. И вот теперь ты только усугубишь их ошибку тем, что умрешь в тюремной камере. Ловец волков хочет привести сюда кое-кого из своих подручных, чтобы они растерзали твое сознание в мелкие клочья. Им не терпится узнать, сколько его мерзких дружков ты разоблачил, пока шел сюда по нашему следу. Если ты вольешься в наши ряды как член Особой Гвардии, Виддрейку ничего не останется, как смириться с тем, что в его руки попал хотя бы твой напарник-паровик.

— Если цена моей свободы — рабство всех граждан Шакалии, ты можешь оставить на мне ошейник, — ответил ему Оливер.

Молодой человек, до этого молча стоявший рядом с капитаном, в упор посмотрел на коммодора Блэка.

— Ты почему, старик, так смотришь на меня, словно никогда не видал людей?

— Потому, мой мальчик, что мы с тобой родня. Давным-давно, когда Изамбард Киркхилл сбросил с трона законного

короля, одна из моих прапрапрабабок была замужем за братом короля. В ином мире ты бы считался моим племянником, а я бы звался герцогом Фернетианским.

— Но почему в ином мире? Это и так тот мир, в котором я живу, — ответил принц Алфей. — Вскоре я получу корону, зато лишусь рук.

— Страшную цену ты платишь Палате Стражей за свой нищенский трон, — произнес коммодор. — Мой милый мальчик, во имя Великого Круга, скажи мне честно, что ты делаешь в обществе этих чудовищ?

— Ты думаешь, только мои тюремщики из рядов Особой Гвардии жаждут свободы? — ответил принц Алфей. — Я тоже. И я ее непременно получу. Сейчас, пока мы тут разговариваем с вами, самые важные персоны Шакалии съехались в Миддлстил в ожидании того момента, когда хирург поднимет над Парламентской площадью мои окровавленные руки и взмахнет ими словно знаменем. А вот мои новые компатриоты приготовились устроить для толпы зрелище совершенного иного толка.

— Мой мальчик, это все наши люди. Если нам с кем и нужно бороться, так с парламентом. Одному Великому Кругу известно, как я настрадался по его прихоти. На мою поимку были брошены боевые корабли и аэростаты. У меня на глазах погибали мои храбрые товарищи, члены твоей семьи — и все по вине парламентариев, предателей и изменников. Наше с тобой дело — править, но не народом, а во благо народа. В противном случае нам ничто не мешает прибрать к рукам все пустующие поместья и построить на них фабрики, где дети будут гнуть на нас спину, получая за это по пенсу в день. Заодно мы могли бы выставлять свои кандидатуры на выборах в качестве Стражей.

— Как жаль, герцог Фернетианский, что вы никогда не встречались с моим отцом, — вздохнул принц. — Думаю, вы с ним быстро нашли бы общий язык. Но ваше дело проиграно. Толпа — это бездушный зверь, готовый закидать вас бутылками с джином всякий раз, когда игра в четыре шеста отменяется из-за дождя. Они хватают гвардейцев, таких как капитан Флейр, — с этими словами принц дотронулся до руки капитана, — этот прекраснейший человек, и надевают на него петлю, которая, стоит ему сделать лишний шаг в сторону, все туже затягивается на его шее. В Шакалии нет ничего и никого, что могло бы у меня вызвать желание воспользоваться верховной властью. Когда война закончится, я попрошу сохранить вам жизнь, герцог. Но это единственное, что я вам обещаю.

Принц и капитан Особой Гвардии ушли, оставив пленников

дожидаться своей судьбы. Их удаляющиеся шаги какое-то время эхом отлетали от стен каменного коридора. Коммодор Блэк сел на грязный пол и разрыдался.

— Так вот, значит, во имя чего я сражался! Глупый мальчишка, взращенный в мраморной клетке, мальчишка, позабывший о своем долге! Нас же превратят в металлических рабов или отправят на пытки, после которых смерть покажется благословенным избавлением от страданий!

— Не переживай, — успокоил Оливер. — Так долго мы с тобой все равно не протянем. Им кажется, будто они скачут верхом на тигре, хотя на самом деле это тигр скачет верхом на них самих.

— А ты, я смотрю, шутник! — заметила Молли, закрывая панель на животе паровика. — Ах ты мой старый паровой двигатель! Ты работаешь на последнем издыхании, насколько позволяет твоя сломанная труба. Тебе больше не по силам разносить вдребезги крепости или поднимать в небо аэростаты, и все равно мне бы не хотелось попасть под твой паровой молот!

— Не иначе как в тебе обитают Лоа, юная мягкотелая, — произнес паровик, медленно поднимая на четырех армированных ногах свое похожее на кентавра тело. — Ты умеешь исцелять нашего брата-паровика, слово прошла обучение в зале архитекторов.

— Молли, — подал голос лежавший на грязном полу Никльби. — Коммодор, во имя Великого Круга, пусть кто-нибудь из вас достанет у меня из кармана трубку.

Оливер был к нему ближе других. Он потянулся за старой деревянной трубкой, вытащил и набил ее мамблом. Другие тем временем осмотрели левую руку журналиста, замотанную в импровизированный бинт, — лоскут зеленой ткани, которую оторвали от его куртки.

— Теперь у тебя есть твоя история, — произнес коммодор Блэк. — Разгадана загадка убийств в Питт-Хилл. Одна беда, эти дьяволы не выпустят тебя отсюда на Док-стрит, чтобы ты мог поведать ее всему миру.

Журналист поднял вверх культю.

— Я всегда плохо пользовался правой рукой.

Увидев то, во что по воле Тцлайлока превратилась рука ее друга, Молли поморщилась.

Никльби посмотрел на Оливера и паровика.

— Я подумал было, что вы мне привиделись во сне. Мне казалось, будто я снова проснулся в Ток-Хаусе.

Оливер крутанул колесико на боку трубки, и та разгорелась.

— Знаете, с тех самых пор, как я покинул Хандред-Локс, я

каждый день просыпаюсь точно с таким же чувством.

Вскоре из трубки начал кольцами подниматься дымок, и Никльби с облечением откинулся на пол.

— Если ты и впрямь сын тумана, парнишка с севера, то почему бы тебе не обратить свои силы против вот этих прутьев? — обратилась к Оливеру Молли. — Что тебе стоит расплавить их или сделать с ними что-то подобное?

Оливер одарил ее сердитым взглядом.

— Я щит, а не меч. Это твоя работа. Тем более что за дверью нас караулит Особая Гвардия. А еще древние создания — только не говори, что ты тоже их чувствуешь, все равно не поверю.

Коммодор Блэк печально покачал головой.

— О Великий Круг! Разве мало того, что мы пойманы и томимся здесь, словно звери в клетке, и нет ни капельки джина, чтобы согреть наши сердца. Неужели нам ничего не остается, как смириться со злыми духами?

— Великий Круг прав, — возразил ему Никльби. — Шакалия шла по пути Круга тысячу лет. Тысячу лет она процветала, не ведая, что такое гнев богов, что такое униженно преклонять колени перед идолами. И вот теперь Тцлайлок желает снова ввергнуть нас в чимекскую тьму.

— По крайней мере теперь мы вместе, — заметил коммодор. — Молли, если не ошибаюсь, кто-то из твоих предков был коронован и признан первым королем Шакалии, и до гражданской войны именно моя семья защищала наше королевство, не давая вернуться в него разного рода монстрам. Наши судьбы привели нас сюда. Мы сделали все, что в наших скромных силах, нам нечего стыдиться.

— Кто-то идет сюда, — произнес Оливер.

— Я ничего не слышу, — ответила Молли.

— Слух здесь ни при чем.

В следующее мгновение перед железными прутьями клетки предстал граф Вокстион. С обеих сторон от него застыло по гвардейцу. Рядом с ними граф казался ниже ростом.

Молли плюнула сквозь железные прутья.

— Я думала, граф, что вы уже где-то тратите денежки, которые получили за наши головы!

Граф Вокстион показал им какую-то бумагу.

— Очередное задание. Мой благодетель был в высшей мере щедр по отношению ко мне. Я бы даже сказал, что когда Миддлстил падет, в наши сети попадут обладатели самых громких имен из этого списка. Тцлайлок прочистил древний пневматический туннель. Сейчас, когда мы с вами беседуем, по нему уже идет переброска Третьей Бригады.

Никльби простонал. Третья Бригада Содружества Общей Доли. Ударные части. Когда в Квотершифте бушевала революция, коммьюнисты открыли двери тюрем и, выпустив на свободу обитателей камер, призвали политзаключенных, убийц, насильников и грабителей пополнить ряды повстанческой армии. В Третью Бригаду попали отпетые уголовники. Не удивительно, что ее название со временем стало означать самые кровавые преступления братоубийственной войны. Это были дьяволы во плоти, вернее, в военной форме.

— Вы прирожденный убийца, граф, — заметила Молли. — Такого, как вы, еще стоит поискать.

— Прошу меня простить, дорогая моя. Не думайте, будто я получаю от того, что делаю, удовольствие.

С этими словами граф указал на замок их тюремной камеры. Увидев его жест, один из гвардейцев откинул плащ и нащупал в кармане ключи.

— Жрецы культа саранчи хотели бы видеть вас, милая барышня. Наверху вам предстоит поучаствовать в еще одной священной церемонии. Так что советую попрощаться с друзьями, Молли. К тому времени, как ты сюда вернешься, и военный преступник, и моряк пополнят легионы уравненных… Что касается паренька и его приятеля-паровика, то ими тоже займутся. Вот увидишь, здесь есть такие, кто сумеет вытянуть из них правду. — С этими словами граф со злорадной усмешкой посмотрел на Оливера. — Если Молли переживет благословение жрецов, ей наверняка захочется вытереть мокрое место, которое после тебя останется.

Оливер знал, что за этим последует. Он ощущал тяжесть в руках, словно держал в них никому не видимую наковальню. Дверь со щелчком распахнулась, и два мощных гвардейца встали так, чтобы предотвратить любую попытку к бегству. Неожиданно тот из двоих, что был выше ростом, не веря собственным глазам, увидел, как по гвардейской форме растекается кровавое пятно, а из груди торчит сабля. Не теряя драгоценных секунд, Оливер разрубил связь второго гвардейца с волшебным туманом. Тем временем граф успел вытащить саблю из груди первого гвардейца, и, повернувшись ко второму, одним ударом снес тому голову. Другие обитатели камеры даже не заметили, откуда в руках у Оливера вдруг появилась пара дуэльных пистолетов.

— Боюсь, граф, нам не по карману ваши расценки, — произнес Никльби.

Граф Вокстион вытер с клинка кровь и убрал лезвие в трость.

— Когда-то у меня было два сына. Они заплатили за вас.

— Вот как? — удивилась Молли. — Выходит, вы все это

время охотились за мной, а теперь неожиданно переметнулись на нашу сторону?

— Я сам выбираю, на кого мне работать, — парировал граф. — Равно как сам назначаю цену за свои услуги. Я как-то раз предупредил Тцлайлока, что лично для него крайне нежелательно по своему усмотрению в одностороннем порядке менять условия контракта, пока я не до конца исполнил порученное мне дело. Увы, он не внял моему совету, и теперь по крайней мере один из нас окажется неудовлетворен принятым им решением.

— Давайте-ка, пока еще не поздно, уносить отсюда ноги, — подал голос коммодор, — пока эти дьяволы не сообразили, что вы по-своему истолковали решение их вождя. А вашу смену убеждений мы можем отпраздновать в Ток-Хаусе, если, конечно, команда ваших гнусных бандитов оставила после себя в моих погребах хотя бы пару бутылок.

— Я не лгал относительно Третьей Бригады, — ответил ему граф Вокстион. — Стены ваших врагов не столь крепки, чтобы противостоять пушечным ядрам.

— Ты освободил нас не для того, чтобы подарить нам свободу, — подал голос паровик и, выйдя из камеры, разбил стеклянный футляр, в котором томился Лорд Уайрберн.

— Давно пора, — пробормотало священное орудие.

— Нам нужны наши шпаги, — произнес Стимсвайп и кинул Оливеру его клинок. — Я уже сталкивался с вашим мягкотелым племенем на поле брани, так что все ваши хитрости мне хорошо знакомы.

— У тебя хорошая память, если ты помнишь, как смотрел со стороны Свободного Государства Паровиков на север и видел какое-то другое поле, кроме тех, на которых народ погибал в Квотершифте. — Граф тростью набросал на земляном полу карту и Пояснил: — Вот это — рудники на самом дне пещеры, а это — конечная станция пневматической транспортной линии, ведущей в Шакалию, но сейчас там царит полный вакуум. А это — помещение, где хранятся бочки со взрывчаткой — их с лихвой хватит, чтобы оторвать бок у горы. Если мы взорвем их, то вся армия мятежников окажется погребенной в тоннеле под тоннами обрушившейся породы.

— Но ведь они твои соотечественники, — напомнил ему Никльби.

— Теперь я шакалиец, — гордо заявил граф и поднял саблю и длинный нож, который был спрятан в рукоятке трости. — А эти жезлы помогают мне вести дебаты, неужели вы не видите?

Оливер зарядил оба пистолета.

— Что ж, может, тогда пойдем обсудим с Тцлайлоком политическую обстановку?

Молли заметила, что граф достал откуда-то газовый пистолет, каким до этого пользовался в Гримхоупе. Никльби и коммодор позаимствовали пистолеты у мертвых гвардейцев. Граф Вокстион повел их по заброшенному городу. В спину Молли упиралось дуло газового пистолета, Оливер подсказывал, на какую тропинку свернуть, чтобы избежать встреч с Особой Гвардией и не угодить в колдовские капканы. Молли и два ее спутника из Ток-Хауса с блеском сыграли роль жертв грубого обращения с пленниками, чему не в последнюю очередь способствовала почерневшая культя Никльби. Если же на пути беглецов попадались посты неустрашимых или их останавливали бывшие мятежники из числа обитателей Содружества Общей Доли, граф размахивал у них перед носом выданной Тцлайлоком бумагой. Впрочем, уже одни манеры наемного убийцы способствовали тому, что беглецы без особых приключений добрались до края котлована.

Бездонную яму освещали не только чимекские кристаллы, но и яркие инженерные фонари — точно такие же лампы Оливеру уже случалось видеть на улицах Шэдоуклока. Из котлована поднималась вонь и копоть паровых двигателей, доносился неумолчный грохот оборудования. Внизу копошились легионы «уравненных» металлических рабов. При помощи своих скрипучих голосовых коробок они пели запрещенные песни, призывающие к восстанию. Некогда органическое население Гримхоупа и железные рудокопы Шэдоуклока трудились бок о бок под зорким оком неустрашимых.

Вдоль стен котлована, заменив шаткие леса и лестницы, высились устойчивые пандусы и контрфорсы, способные выдержать колонны, пушки и тяжелые армейские ботинки бойцов Третьей Бригады. Беглецы почти достигли самого дна котлована, когда неожиданно откуда-то сверху донесся окрик. Маршал Ариндзе.

— Компатриот Вокстион! — крикнул офицер. — Наши шакалийские братья желают вновь увидеть девчонку на кресте. Эй, что вы забыли там внизу?

— Продолжайте спускаться, — прошептал своим попутчикам граф, а сам крикнул в ответ: — Тцлайлок хочет, чтобы она сперва полюбовалась, что стало с ее подружками после того, как те подверглись уравниванию. Он полагает, что это зрелище усилит ее страдания, когда она вновь окажется на кресте.

— Отлично! — крикнул им вниз маршал. — А теперь будь добр, объясни мне, как они намерены уравнять это жуткое

чудовище, я имею в виду паровика, которого ты тоже ведешь с собой.

Маршал что-то сказал сопровождавшим его солдатам, и те принялись вынимать из патронташей хрустальные заряды и снимать с плеч винтовки. Еще мгновение, и прогрохотали первые выстрелы. По дну котлована прокатился гул голосов. Стимсвайп открыл ответный огонь, и стены гигантской ямы обожгли слепящие вспышки плазмы. Металлические рабы растерянно толпились вокруг, не в состоянии понять, почему их размеренный труд вдруг прервался перестрелкой. Группа компатриотов из числа шахтеров Шэдоуклока устремилась к сходням, надеясь воспользоваться всеобщим замешательством в качестве прикрытия для бегства. Надзиратели при помощи дисциплинарных дубинок пытались восстановить хотя бы некое подобие порядка и раздавали удары направо и налево. Попавшие им под горячую руку уравненные рабы один за другим валились на землю, корчась от боли.

— Позади тебя, — предупредила паровика Молли, когда толпа лояльно настроенных рабов приблизилась к нему со спины, размахивая ломами и отбойными молотками. Рыцарь-паровик пропел на машинном языке какую-то команду Лорду Уайрберну, и допотопная пушка обрушила на противника волну голубого пламени. Стимсвайп щедро поливал огнем ряды наступавших справа налево и слева направо. Крики ужаса и боли людей-машин стихли почти мгновенно, так как кричать им было нечем — опаленные адским огнем, их голосовые аппараты расплавились в одно мгновение, а на головы следующих рядов детей революции обрушился ливень расплавленного металла и обугленной человеческой плоти.

Лорд Уайрберн задымился в руках парового рыцаря; масло, которым некогда был смазан его корпус, полностью выгорело.

— Не дай этим мерзостям остаться в живых, Стимсвайп! Уничтожь их всех до последнего!

— Смотрите в оба! — рявкнул граф Вокстион.

С тыла на них наступал отряд надзирателей, вооруженных дисциплинарными дубинками. Никльби и коммодор в спешном порядке пытались зарядить пистолеты украденными патронами. Оливер поднял вверх оба пистолета и выпустил заряд по строительным лесам. Секция сходней моментально обрушилась; стоявшие на ней солдаты полетели вниз, а вверх взлетело облако из обломков железных труб и пыли. Из этой пыльной бури вскоре материализовался граф Вокстион. Размахивая, словно крыльями бабочки, обоими лезвиями трости — саблей и длинным ножом, он на ходу перерезал горла, кромсал мышцы и рвал сухожилия.

Колдовское лезвие Оливера трепетало восторгом. Наконец-то нашелся противник, в которого можно вонзиться, не чувствуя боли, какую обычно испытываешь, врезаясь в плоть меченых. Оливер сделал шаг вперед и очутился посреди пыльного облака. Колдовское лезвие тотчас выросло до размеров меча. Зажав рукоятку в обеих руках, Оливер двинулся вперед, размахивая мечом, и каждый удар рассекал надвое чье-то тело. Он почти не замечал лиц тех, кто нападал на него; для него это были лишь бесплотные тени, мелькавшие среди облака пыли. Иное дело — их крики, когда они, поверженные, падали на землю. Та часть Оливера, что не умерла в Хандред-Локс, была рада, что ему не видны лица его жертв, искаженные гримасой боли и удивления, когда холодное лезвие в мгновение ока отнимало у них жизнь.

Зато, как только пыль немного осела, ему стало прекрасно видно выражение ужаса, застывшее на лице Молли. Что не удивительно: вокруг них с графом высились груды поверженных и искромсанных тел; клинки в руках обоих были в крови. Почему-то ее омерзение задело его больше, нежели он предполагал.

— Древнее боевое искусство, — пояснил граф. — Я не подозревал, что ему еще где-то учат.

Оливер вытер меч о куртку одного из поверженных врагов. Скользкое лезвие — опасное лезвие. Эти слова возникли в его сознании, словно произнесенные голосом отца. Стимсвайп бросился к тоннелю, который граф Вокстион утром начертил для них на земляном полу тюремной камеры. Оливер и граф прикрывали их отступление с тыла. Предосторожность была не напрасной. Грянул выстрел, и три их попутчика были вынуждены искать спасения за внушительным корпусом паровика.

Не успели они добраться до входа в туннель, как услышали громкий женский голос. Кто-то кричал сверху — как оказалось, оценщица. Однако ее выразительные слова вскоре заглушил ружейный огонь — это подоспел отряд квотершифтских стрелков, которые теперь вели огонь, опустившись на колено. Вокстион протянул руку, и Оливер бросил ему пистолет. Граф быстро опустился на колено и, повернувшись чуть вбок, сделал всего один выстрел. Оценщица рухнула на ряды солдат, и один из их полетел вниз, в разверстую пасть котлована.

— Напомни мне, чтобы я сказал Кауарду, что ему нужен новый агент.

Туннель разветвлялся перед ними во всех направлениях. Следуя за графом, который возглавлял их колонну, беглецы устремились в один из проходов, расталкивая ошеломленных рабочих, как уравненных, так и обыкновенных людей. Молли лишь усиливала суматоху тем, что то и дело выкрикивала

предостережения. Остерегаться же можно было чего угодно — и преследования со стороны истребителей, и обвалов, и землетрясений, и падающих на голову с потолка чимекских кристаллов. А поскольку пол то и дело сотрясался от подземных толчков, это придавало ее словам особую убедительность.

— Пневматическая капсула, — произнес коммодор. — Сюда прорвались боевые отряды из Квотершифта. Если мы не обрушим туннель, то вскоре здесь окажется целая армия головорезов.

Граф Вокстион извлек из кармана сферический детонатор.

— Осторожнее. Там рядом со складом, в котором хранится взрывчатка, наверняка выставлены охранники.

Оливер нахмурился. Он не чувствовал присутствия солдат за поворотом туннеля. Когда же Стимсвайп завернул за угол, оказалось, что проход им перегородила железная дверь.

— Здесь никого нет.

— Что ж, оно даже к лучшему, — заметил коммодор. — Давай установим твой заряд и, прежде чем он сделает свое черное дело, поскорей унесем отсюда ноги.

Стимсвайп поднял Лорда Уайрберна и с точностью миддлстилского часовщика принялся поливать дверь голубым огнем. Вскоре преграды как не бывало — она расплавилась, превратившись в лужу раскаленного металла. Очутившись внутри склада со взрывчатыми веществами, беглецы замерли на месте. Пусто. Ни единой души. В центре лежали четыре стеклянные бочки. Рядом — всего один уравненный раб; он как раз собирался погрузить одну из них на двухколесную ручную тележку.

— Где он? — крикнул ему граф. — Где склад взрывчатки?

— Компатриот, — ответил ему уравненный раб, — это он и есть.

— Бочки со взрывчатой смесью! — вознегодовал Вокстион. — Это помещение было набито ими от пола до потолка еще вчера вечером!

— Их переправили назад, на фабрику номер двенадцать, — ответил уравненный. Пока он подыскивал слова, в груди его медленно вращались счетные барабаны. — Стеклодувам вот уже несколько недель не хватает сока для их производства. И комитет горняков постановил, что эти бочки здесь больше не нужны. Они сказали, что настало время пуль.

Коммодор Блэк в сердцах пнул тележку ногой. Та перевернулась.

— О наши звезды! Наши злосчастные звезды!

— Солдаты, — произнес Оливер. — Они гонятся вслед за нами по тоннелям. Мы не можем оставаться в тупике. Промедление для нас равносильно смерти.

— Скажите, как нам выбраться отсюда? — обратилась к графу Молли.

— В мои планы не входило умирать здесь, — произнес Вокстион, засовывая детонатор обратно в карман. — Этот подземный комплекс — настоящий муравейник, здесь повсюду туннели, и те, что пролегают выше, ведут к заброшенным медным приискам. Там имеются воздуховоды. Они выходят на поверхность в чаще Миддлмаршского леса.

— Если нам и дальше будет везти так, как везло до сих пор, вполне может статься, что Третья Бригада уже поставила на них сверху транспорт с боеприпасами, — грустно пошутил коммодор.

Они вновь двинулись по туннелю, мимо бригад уравненных рабов. Те, судя по всему, ничего не замечали вокруг, кроме выемок в скальных стенах, над которыми трудились, и оборудования, которое они тащили вслед за собой. Правда, безразличие с их стороны тотчас сменилось паникой, стоило из коридора вслед за беглецами выскочить вооруженным бандитам из числа боевиков Содружества Общей Доли.

Стимсвайп перевернул три вагонетки, груженные строительным мусором, которые предполагалось отправить по рельсам. Туннель тотчас перегородила внушительная баррикада. Из пасти Лорда Уайрберна выскочил язык голубого пламени, при виде которого солдаты моментально бросились врассыпную. Молли юркнула в боковой проход и, пройдя немного вперед, сунула нос в очередное разветвление.

— Один ведет наверх, другой вниз.

Никльби под градом пуль одной рукой попытался перезарядить свой пистолет.

— Я попробую их здесь удержать.

— Я тебе помогу, — отозвался паровик и выпустил в неприятеля очередную струю синего пламени. — При желании я мог бы запросто уложить в этих туннелях целую армию бандитов.

Молли подтолкнула коммодора дальше по тоннелю, туда, где стоял Оливер.

— Я никого здесь не брошу. А чтобы оторваться от преследователей, мы можем просто сломать при отступлении лестницы. Не думаю, чтобы бандиты знали эти ходы лучше нас.

— Он прав, — согласился граф. — Если двое из нас останутся здесь в качестве заслона…

Молли услышала, как навстречу им из подземного коридора выкатилась стеклянная сфера, наполненная жидкостью двух разных цветов, внутри которой помещался кристалл и часовой механизм. Кто-то крикнул «Бомба!». Стимсвайп всей своей массой бросился на взрывное устройство. Силой взрыва паровика

отбросило к стене, остальных же сбило с ног. Охваченный пламенем рыцарь-паровик врезался в деревянную опору и сломал ее. В следующее мгновение откуда-то сверху посыпались земля и камни.

Оливер поднялся с пола. Из раны в голове, там, где его задело пролетавшим камнем, струилась кровь. Посреди повисшей в воздухе пыли, пошатываясь, поднялся на ноги коммодор Блэк.

— Вот это да!

Обвалившая стена отрезала их от остальных. Откуда-то с той стороны пробивался слабый свет фонарей. На их стороне царила кромешная тьма.

— Мы здесь! — крикнул в трещину Оливер.

По ту сторону завала Никльби и граф Вокстион кое-как вылезли из-под обломков и прокричали что-то в ответ. Среди завалов горной породы виднелись грудь и голова паровика. Остальная часть тела угодила в капкан, придавленная огромным камнем. Потолок перед ними тоже обвалился. Где-то вдалеке были слышны приглушенные крики — это между собой переговаривались бандиты.

— Барышня, где вы? — позвал коммодор. — Молли! Эй, Сайлас, Молли случаем не с вами?

— Ее здесь нет.

Коммодор Блэк в ужасе посмотрел на груду обломков.

— Круг всемилостивый! Молли! Ты меня слышишь? Молли!

Оливер оттащил подводника от завала. Тот, как мог, отбивался, пытаясь сдвинуть в сторону обломки.

— Коммодор, я не ощущаю здесь ее присутствия. Я, например, отлично чувствую, как по пневматическому тоннелю под нами перебрасывают боевиков из Третьей Бригады. А вот присутствия Молли я не чувствую.

— Послушай, парнишка, она вполне может лежать под этими камнями без сознания, особенно если там образовался воздушный карман.

— Что ж, не исключено, но не хотелось бы. Чтобы сдвинуть с места эту гору, потребуется целая бригада горняков, вооруженных отбойными молотками и взрывпакетами. Если она и вправду жива и если вдруг очнется…

— О моя бедная девочка! — запричитал коммодор.

Никльби прижался лицом к трещине в завале.

— Мы здесь в западне. Стимсвайпа придавило обрушившейся породой, он в тяжелом состоянии. С той стороны завала пробивается слабый свет. Может, мы попробуем прорыть проход, но кто поручится, что нас там не поджидают вооруженные до зубов бандиты из Третьей Бригады.

— Сомневаюсь, что они пересмотрели свою политику по отношению к пленным с тех пор, как я и остатки роялистской армии в последний раз имели с ними дело, — грустно пошутил граф. — Солдаты, оставившие пленных в живых, обязаны кормить их за свой счет из собственных же скудных пайков.

— Есть еще один способ, — подал голос из тоннеля Лорд Уайрберн.

Граф Вокстион подобрал с пола священное оружие.

— Ты на что намекаешь?

— В моем корпусе есть запас антивещества, крупица первобытной материи, которая по своей убойной силе превосходит любые горы бочек со взрывчаткой. Я мог бы снизить высоту сдерживающей стены и выпустить одним залпом всю заключенную во мне силу.

Коммодор вскарабкался на гору обломков, чтобы обратиться к товарищам через трещину.

— Сайлас, тебе этого не пережить. Всемилостивый Круг! Ты не можешь бросить бедного старого Блэки и парнишку на произвол судьбы, чтобы они словно попавшие в капкан крысы пытались проскрести себе в темноте проход.

— Валяй, Джаред! — крикнул Никльби в трещину. — Как можно мощнее и дальше. Давайте покажем Третьей Бригаде, что мы еще способны постоять за себя.

— Одумайся, Сайлас, только не это! — взмолился коммодор.

Оливер потянул подводника за полу мундира.

— Нам нужно забраться как можно выше.

— Расскажешь потом Броду! — крикнул журналист. — Скажешь ему, когда они опубликуют рассказ про убийства в Пит-Хилле, что у меня имеется побочный сюжет. Чтобы он никому его не отдавал. Это моя история.

— Скажу, — пообещал коммодор, и они с Оливером принялись в темноте продвигаться вглубь коридора. — Обещаю тебе, что ты получишь всю первую полосу.

Никльби передал свою трубку графу Вокстиону, чтобы тот зажег ее снова.

— А вы курите?

— Я предпочитаю бренди, — ответил граф. — Другое дело, что в Шакалии приличного бренди днем с огнем не сыщешь. У вас не те почвы.

— Это вы верно сказали, — согласился Никльби. — Помню, какое бренди когда-то нам поставляли из Квотершифта. Последние годы я что-то не видел его в продаже. Увы, боюсь, у меня с собой не найдется даже глотка джина, не говоря уже о бренди.

На маслянистой поверхности Лорда Уайрберна загорелись красные предупредительные огни, которые стали вращаться на манер циферблата. И звукового аппарата паровика доносился лишь треск помех, словно жизнь старого механического воина постепенно вытекала из него, смешиваясь с затхлым воздухом пещеры.

— Похоже на какую-то мелодию, — произнес граф Вокстион.

— Он приближается к порогу деактивации, — пояснил Лорд Уайрберн. — Поет песнь в честь Паро-Лоа. Молит их даровать ему благословение. Сейчас он помнит только языки низших уровней, ведь большая его часть уничтожена. Он попросил меня, чтобы я извинился перед вами за то, что он не может петь на вашем языке. Потому что тогда вы бы тоже ощутили на себе благодать.

— И сколько нам еще остается ждать? — поинтересовался Никльби.

— Минуты три, не больше, — ответил Лорд Уайрберн. — Батареи, которые я сейчас пытаюсь отключить, требуют осторожного обращения. Лишь мудрость моего преклонного возраста позволяет мне пренебречь ограничениями моей конструкции.

С другой стороны меньшего по размеру завала раздались звуки. Кто-то явно пытался разобрать обломки. Вокстион моментально вытащил из трости саблю и положил ее себе на колени.

— Сомневаюсь, что они успеют пробиться к нам, — произнес Никльби.

— Я на всякий случай держу оружие под рукой, — ответил граф. — В Третьей Бригаде немало умельцев разгребать завалы, если учесть, сколько земли им довелось перелопатить в свою бытность каторжниками.

— Разумеется, — согласился Никльби. — Вы с вашей саблей и я с моей трубкой. Думаю, мы оба можем быть спокойны.

Снаружи рудника образовался мощный вихрь, бесовское торнадо безумной черной энергии. Он безжалостно всасывал в свою ненасытную утробу и солдат, и надсмотрщиков, и уравненных рабов. Несчастные из последних сил цеплялись за малейшие выступы в поверхности. Увы, их орудия труда, одежда и даже камни — все исчезало в зловонной воронке.

Какой-то испуганный солдат, забыв про винтовку, бросился к маршалу Ариндзе, взывая на бегу к милости бога солнца, чье имя вот уже несколько десятков лет было под запретом в Содружестве Общей Доли. Пробежав мимо командующего, он взлетел в воздух — это Ариндзе выстрелил ему в спину.

— Всем оставаться на своих постах, компатриоты-солдаты! Главное — стойкость!

Стоявшие рядом с маршалом уорлдсингеры пытались читать заклинания. Увы, из глубин котлована, подобно гигантской черной пружине, вырвалась спираль тьмы, пронзившая обоим лбы. Оба колдуна как подкошенные рухнули навзничь; из крошечного отверстия в черепе каждого поднималась струйка пара.

В это мгновение появился Тцлайлок, и маршал поспешил ухватить его за руку.

— Компатриот, здесь гибнут мои люди.

Тцлайлок расхохотался его словам и указал на вихрь. Тот стремительно набирал силу.

— Я смотрю, ваша вера в правое дело довольно шаткая. Ваши солдаты теперь не гибнут, наоборот, они обрели спасение — их пожирает сам Уайлдкайотль.

Пока он произносил свою тираду, вихрь достиг свода пещеры. Здесь он разделился на шесть отдельных вихрей, шесть роев насекомых вертелись вокруг друг друга в безумной пляске. Обитатели Гримхоупа и все их союзники тотчас заткнули уши, дабы не слышать гула адских голосов, которыми наполнилась пещера. В этом гуле потонули крики несчастных солдат.

Каждое облако, описав несколько раз в воздухе дугу, устремилось в котлован, вернее, в один-единственный туннель. Рудокопов и тех, кто надзирал за их работой, обдало волной раскаленного воздуха — мимо них пронесся вихрь первобытной энергии, устремляясь все дальше и дальше вниз к источнику силы, которая неожиданно ожила под землей. Как только скала рухнула, Уайлдкайотли были отброшены назад. Стена полупрозрачных силуэтов застыла, словно в карауле, позади отчаявшихся обрести спасение солдат и рудокопов — это духи Паро-Лоа охраняли своего приверженца. Уайлдкайотли злобно шипели, пытаясь прокусить эту стену похожими на челюсти тарантула жалами. Полупрозрачные силуэты паровых духов являли собой низшие божества; им ничего не стоило сожрать стражей смерти своего рыцаря, однако не в те мгновения, что оставались запасе у Лорда Уайрберна.

Вновь слившись в единый вихрь, Уайлдкайотли устремились в воздушные ходы шахты, где наткнулись на резиновый занавес станции пневматической дороги. Пробившись сквозь клапаны станции, они вновь разделились на несколько вихрей, и на протяжении нескольких миль о стены транспортного туннеля, в котором до этого царил полный вакуум, бил поток энергии. А затем вихри замерли и затаились, не обращая внимания на шепот

проносившихся мимо пневматических капсул.

Со скалы вниз скатились камни, и между двумя булыжниками образовался небольшой треугольный просвет.

— Что ты видишь? — раздался голос с той стороны преграды.

Граф Вокстион с силой вогнал кулак в появившийся в отверстии нос. Удар получился болезненный для обоих. Граф потряс ушибленную руку, солдат на той стороне рухнул навзничь на пол пещеры.

— Вам следовало бы пронзить его шпагой, — заметил Никльби.

— Слышу слова истинного любителя полетов, — отозвался граф. — Война не сводится к выталкиванию бомб из аэростата. Иногда так приятно ощутить себя в непосредственной близости к врагу, взять его голыми руками. Это дело чести, скажу я вам.

— Ну конечно же, — согласился Никльби. На него с укором во взгляде смотрела череда бледных, безжизненных лиц с мертвой улицы. На шеях несчастных болтались бирки с названием места, где были обнаружены трупы. — Дело чести.

С другой стороны доносились разъяренные крики. Было слышно также, причем все громче и громче, как солдаты и инженеры расчищают завал.

Журналист бросил взгляд на Лорда Уайрберна, которого бережно, словно ребенка, держал на руках. Значки на древней пушке кружились вихрем, и по лицу Никльби бегали красные отсветы. Интересно, сможет ли древняя реликвия открыть огонь, если инженерам Третьей Бригады удастся пробиться сквозь завалы? Лично он в этом сильно сомневался.

— Что вы сказали? — крикнул граф Вокстион в образовавшуюся брешь. — Что вы сказали о чести, мои компатриоты, мои сограждане? Скажите честно, осталась ли хотя бы капля чести в нашей прекрасной стране, или же она раздавлена сапогами негодяев из Третьей Бригады? Или честь раздают согласно постановлениям Комитета, или, быть может, все, что от нее осталось, прогнали через Гидеонов Воротник, чтобы она окончательно отошла в мир иной от удара стальной спицы?

В просвет проснулось ружейное дуло. Вокстион ухватился за ствол, и прежде чем хозяин оружия сумел сообразить, что происходит, с силой ткнул им назад, а потом ловко подтащил оружие к себе. Получив в свои руки ствол, он принялся гладить его, а заодно убедился, заряжено ли ружье. Увы, на лице графа выступило разочарование.

— В лучшем случае исправно. Таким только запугивать

бедных фермеров и подмастерьев пекарей. Ни в какое сравнение не идете шакалийскими винтовками. Любой дамский пистолет даст этой железке сто очков вперед.

Вокстион просунул ружье в брешь и нажал на спусковой крючок. Эхом отскакивая от стен тоннеля, грохнул выстрел. Никльби закашлялся и трубкой отогнал от лица едкий дым. Граф презрительно швырнул пустое оружие на пол.

— Приношу извинения, — произнес он.

— Да ладно, будет вам, — отозвался Никльби и сделал очередную затяжку мамбла. — Тем более в такое время, как сейчас.

— Именно. Как вы понимаете, будь эти остолопы с другой стороны моими солдатами, разве стали бы мы копошиться в грязи как рабы, ведя подкоп под ваш дом? Да мы бы как в старые добрые времена маршевым шагом перешли границу, как то подобает солдатам, после чего разнесли бы к чертовой бабушке вашу хваленую новую армию с ее пресловутой военной троицей: кавалерией, пехотой и артиллерией. Клянусь божественным солнечным светом и всем святым, что осталось в этом мире, мы бы сражались, как дьяволы.

— А мы бы выпроводили вас опять-таки по старинке, как было заведено испокон веков, — добавил Никльби. — При помощи отребья в красных мундирах, по чьим спинам плачет хорошая порка, но которым, когда все будет окончено, обещана не менее хорошая выпивка.

Вокстион улыбнулся и кивнул, после чего вновь переключил внимание на завал. Камни продолжали скатываться вниз.

Журналист ухом уловил какой-то скрип — это позади него в движение пришла железная рука паровика.

— Ни-кль-би, по-слу-шай мои сло-ва.

Это говорил Стимсвайп — наполовину смятый в лепешку, наполовину обезглавленный. Каким-то чудом железный рыцарь все-таки сумел, пусть даже частично, восстановить свои функции и теперь говорил на языке высшего уровня.

— Мы все близ-ки к де-акти-ва-ци-и. Хра-ни-тель Веч-но-го Пла-ме-ни вско-ре по-гло-тит нас всех. Вы дол-жны петь. Про-шу вас, пой-те гим-ны Лоа.

— Боюсь, мы не слишком хорошо исполним гимны твоего народа, мой старый металлический друг, — произнес Никльби. — У меня для этого нет такой голосовой коробки, как у тебя.

— В та-ком слу-чае чи-тай лю-бу-ю ман-тру, ка-кие при-ня-ты у тво-его на-ро-да. На-ше вре-мя по-до-шло к кон-цу.

Журналист пожал плечами.

— Черт, только этого нам не хватало! — воскликнул граф.

С той стороны завала солдаты и инженеры приостановили работу.

— Что это за звуки? Слышишь?

— Они поют, — ответил один из уравненных рабов. — Они поют гимн «Лев Шакалии».

Пещера содрогнулась, словно весь подземный город взлетел в воздух примерно на фут. Кристаллы, вделанные в потолок, разбились вдребезги, и на кивера солдат армии Содружества Общей Доли посыпались осколки и пыль древней техники. Уравненные революционеры на какое-то мгновение остановили свои занятия, однако тут же снова приступили к работе, чтобы не отстать от графика. Пусть хоть камни полетят с неба — вернее, с потолка пещеры, — а график полагается выполнять. Тцлайлок подал руку маршалу Ариндзе, и тот встал на ноги.

— Третья Бригада уже здесь, компатриот маршал. Революция прибыла в Шакалию.

Коммодор Блэк смотрел вниз на шахту, по которой они только что поднялись вверх. Как только подземный мир тряхнуло, та обрушилась и теперь была завалена грудами каменных обломков. Замешкайся они всего мгновение, и были бы погребены под этой массой.

— Туннели остались целы, — заметил Оливер. — Я чувствую, как по пневматическим линиям двигаются капсулы с солдатами. Разбойниками и убийцами. И их там многие тысячи.

— А Сайлас? А твои друзья?

Оливер покачал головой.

— Сайлас Никльби, ты безголовый идиот! — воскликнул коммодор и чуть не расплакался. — Сайлас и Молли мертвы. И все впустую, все впустую. Говорил я ему, что так оно и будет. Да ты сам слышал, как я его предупреждал. Ведь это из-за него, из-за этого олуха я влип в эту переделку. И что мне теперь делать без этого упрямого идиота? Нас по пятам преследует армия головорезов, какой еще не знала история. Что нам остается делать?

Тень Оливера разбухла на глазах, словно живая. В руках его зловеще засветились пистолеты, хотя никакого света в грязном туннеле не было, фонари были темны. Оливер снял с плеча коммодора патронташ с хрустальными зарядами.

— У нас в запасе сорок пуль.

Глава 21

Бригадный генерал Шеппертон смотрел на одинокий аэростат, парящий в небе над аэродромом Фульвен-Филдс на окраине Миддлстила.

— Что за игры затеяло адмиралтейство? Мы не можем занять позиции без прикрытия воздушного флота. Ума не приложу, что случилось с нашими аэростатами. Где эти бездельники, которые должны подавать сигналы?

Майор Уэлсли развернул своего скакуна. Конь испугался при виде блестящих металлических корпусов, направлявшихся к летному полю по невысоким холмам на противоположной стороне. Они не издавали никаких запахов, и лошади командующих офицеров все утро вели себя беспокойно.

— Сэр, ни одни из наших разведчиков не сумел обнаружить ни единой станции кристаллосвязи, которая не подверглась бы вчера ночью обстрелу со стороны карлистов.

Майор поднял взгляд на аэростат. Это была старая машина класса «Гардиан Престер», которую давно полагалось списать и отправить на слом. Летали на ней в основной вышедшие в отставку авиаторы Королевского воздушного флота плюс горстка добровольцев-энтузиастов из миддлстилского отделения общества любителей летательных аппаратов легче воздуха. В бомбовом отсеке — с полдесятка воздушных разведчиков. Уэлсли мысленно передернулся и торопливо вознес молитву о том, чтобы эти ротозеи не забыли, на чьей стороне армия, находящаяся под ними на земле.

Верховой офицер галопом припустил своего скакуна, однако, будучи искусным наездником, в самый последний момент резко натянул поводья и остановил коня рядом со столом штабного офицера.

— Господин бригадный генерал, сэр, здание адмиралтейства охвачено огнем. Я разговаривал там с одним из штабных офицеров. Он сообщил мне, что некоторые из членов Совета адмиралтейства оказались мечеными. Им удавалось скрывать свою сущность под маской скайлордов. В городе царит хаос. Он наводнен лазутчиками. Повсюду карлисты. Они возводят баррикады. По улицам невозможно проехать.

— А где ваша шляпа?

— Ее сбили выстрелом, сэр.

— Тогда возьмите себе на складе новую, — распорядился бригадный генерал. — Я не позволю, чтобы мои подчиненные разгуливали в непотребном виде, независимо от ситуации. Меня

уже и без того подвели ваши хваленые авиаторы. Их воздушные машины окружили Шэдоуклок словно никому не нужные небоскребы. Нам еще придется держать ответ перед Стражами.

Уэлсли поморщился. Бригадному генералу уже дважды докладывали, что Палата Стражей пала еще утром в результате нападения сил Содружества Общей Доли. Лишь по чистой случайности, когда случилась ночная атака, миддлстилские стрелки были в этот момент не у себя в казармах.

— Сэр, — произнес майор Уэлсли, указывая на стройные ряды войск. — Мы получили подтверждение, что Королевский воздушный флот не желает оказывать нам поддержку. Не кажется ли вам, что в таком случае для нас имеет смысл пересмотреть наши диспозиции?

— Вы в своем уме, сэр? — рявкнул бригадный генерал. — Армия нового образца не проиграла ни единого сражения с тех самых пор, как ее сформировал сам Изамбард Киркхилл. Наш боевой порядок был не раз испытан лучшими военными умами Шакалии на протяжении многих столетий.

Уэлсли нервно поерзал в седле.

— Сэр, я хочу лишь напомнить, что наша нынешняя диспозиция предполагает координацию действий с воздушным флотом. В нашем распоряжении имеется один-единственный аэростат. Нам же нужна как минимум эскадрилья. Нынешний противник — не те деревенские увальни, которых мы с треском выставили из страны в прошлом году.

— Это жалкий сброд, майор, — заявил бригадный генерал. — Квотершифтский сброд и карлистское отребье. Они двинутся на нас старым испытанным способом, и мы точно таким же старым испытанным способом покажем им, что с нами лучше не связываться. Сейчас не время для нового мышления, майор. С меня достаточно одного аэростата, чтобы разбить в пух и прах горстку иноземных нахалов и собственных предателей, которые прокрались к нам как тараканы из подземного города.

Уэлсли открыл было рот, чтобы возразить, однако, увидев выражение лица бригадного генерала, передумал. Ситуация грозила обернуться полным кошмаром. Еще пару часов назад он получил донесение, что форт Дерьмоу перешел в руки квотершифтских агрессоров. И вот теперь квотершифтские войска уже окопались на самых подступах к столице.

Бригадный генерал обернулся к верховому.

— Вы, сэр, тот самый офицер, который потерял шляпу. Скачите на другую сторону колонны и приведите ко мне одного из уорлдсингеров. Я хочу знать, что делали в адмиралтействе меченые. И пусть кто-нибудь узнает о судьбе Особой Гвардии.

— Смотрите, сэр! — указал штабной офицер.

Словно комета, прочерчивающая путь по темному небу, над полем описал ленивую дугу какой-то гвардеец — над боевыми порядками Содружества, над рядами пушек, и лишь затем устремился навстречу шакалийским войскам. Порывом сильного ветра с голов солдат едва не сорвало кивера и треуголки. В конечном итоге гвардеец замер над землей напротив заваленного картами походного столика.

— Давно бы так, — недовольным тоном произнес бригадный генерал. — Или вы не получили письменного приказа, который я лично отправил капитану Флейру.

— Получили, — подтвердил гвардеец.

— В таком случае, сэр, будьте любезны, объясните мне, где во имя великого Круга, находятся сейчас гвардейские роты?

Гвардеец вручил генералу письмо и, отсалютовав, снова взмыл в небо. Затем, описав над полем петлю, устремился в столицу. Бригадный генерал Шеппертон прочел послание, что заняло у него гораздо больше времени, нежели можно было предположить. После чего протянул бумагу Уэлсли.

Майор Уэлсли, не спешиваясь, зачитал послание всему штабу.

— *Гвардия не станет сражаться за вас. Гвардия не станет сражаться против вас. Это унизительная война. Посмотрим, как справится с ней Шакалия без нашего вмешательства. Флейр.*

— Неужели они пойдут на такое? — подал голос один офицер.

С левого фланга, ведя с собой уорлдсингера, вернулся верховой офицер. Мантия на волшебнике была точно такого же пурпурного цвета, что и генеральские щеки.

— Эй, вы! Гвардейцы подняли мятеж! Хотел бы я знать, что вы и ваши коллеги делали все это время? Живо отвечайте!

— Я вам докладывал, сэр, — ответил уорлдсингер. — Отправлял послания.

— Мне неинтересно, какие в вашем распоряжении имеются колдовские штучки-дрючки. Мне нужны факты, сэр, повторяю, факты.

— Торки у них на шеях не отвечают, контрольный гекс на месте, но не функционирует. Господин бригадный генерал, орден больше не властен над Особой Гвардией.

— И это вы говорите мне! — взревел Шеппертон. — Не кажется ли вам, что это уже слишком!

Вражеские пушки открыли огонь, и перед штабным столиком вверх взметнулся фонтан земли.

— Смею предполагать, что целились именно в нас, —

заметил бригадный генерал.

— Похоже, что так, — поддакнул кто-то из штабных офицеров.

Майор Уэлсли пришпорил коня и поскакал к вверенному ему войску. Он несся галопом и потому не заметил, что облако, двигавшееся к последнему шакалийскому аэростату, было не дождевой тучей, а роем каких-то насекомых.

Битва за Миддлстил началась.

Когда Молли пришла в себя, потолок куда-то двигался; черные скальные стены скользили вниз и прочь от нее. Ее негнущаяся спина лежала на импровизированных носилках, наспех сделанных из подручных средств, обломков рудничного крепежа и куска холстины, скрепленных канатами. Судя по всему, дела ее обстояли не лучшим образом. На мир она смотрела только одним глазом. Молли потрогала лицо и тотчас вскрикнула от боли — правая щека распухла и не давала открыться правому глазу.

— Молли! — произнес чей-то голос. — Ты очнулась?

Движение потолка прекратилось, зато к горлу подступила тошнота.

Здоровым глазом Молли рассмотрела, кто катит ее. Оказалось, что паровик — правда, весь какой-то скособоченный и покореженный. На корпусе у него не хватало пластин, отчего сквозь зияющие дыры были видны железные внутренности, колеса и шестеренки, а из живота доносилось подозрительное дребезжание.

— Это подземный город? Где я? Где мои друзья? — спросила девушка.

— Мы полагаем, что они мертвы, мягкотелая Молли, — ответил паровик. — Был взрыв, мощный взрыв, большая часть шахты обрушилась. Однако враг охранял пневматические линии — мы выжили потому, что находились в служебном туннеле.

— Мы? — Молли оглянулась по сторонам.

Кроме нее и паровика рядом никого не было. А где тогда остальные? Мертвы? Никльби и коммодор Блэк, воин из Механсии и его странный друг, даже ее смертный враг из Квотершифта. Нет, только не это. И тут Молли вспомнила, что перед тем, как она потеряла сознание, рыцарь-паровик бросился грудью на стеклянную бомбу, которую кто-то швырнул в них. Прогремел взрыв, земля под нею разверзлась, и она рухнула вниз, а вслед на ней устремилась лавина камней. А потом ничего. Ее друзья наверняка погибли. Она вновь осталась одна. Все, кто были готовы защитить ее, мертвы. Неудивительно, что родная

мать в свое время подбросила ее на ступени Сан-Гейта. Не иначе, как у бедной женщины было предчувствие, какая судьба ожидает ее, оставь она у себя проклятое дитя.

Молли проплакала несколько часов подряд, прежде чем почувствовала, как паровик поправил порванную ткань, которой было накрыто ее тело.

— Молли, — произнес паровик. — Мягкотелая Молли, неужели ты не узнаешь нас?

Слезы обжигали больную щеку, та саднила и горела, словно опаленная огнем.

— Мы с вами уже встречались?

— Мы даже не предполагали, что судьба вновь сведет нас вместе, мягкотелая Молли. После Гримхоупа, в ремонтной мастерской.

— Ремонтной… — Молли пригляделась к паровику. Знакомые кривобокие формы, знакомый тембр голосового аппарата. Нет, они действительно встречались. Вот только при каких обстоятельствах?

— Все крайне просто, мягкотелая Молли. Гексмашина подошла к нам и показала, как соединить наши тела. Сильверу Уанстэку было все равно, он и без того был ходячим святотатством. Слоукогс поначалу отказался, не желая жить в таком виде, пока девушка с картины не открыла ему зрительную плату. Показала пути, по каким пойдет мир, если мы не соединимся. Показала то, что произойдет с тобой, мягкотелая Молли.

— Круг всемилостивый! — воскликнула Молли и протянула руку, чтобы потрогать теплый бок паровика. — Слоукогс, Сильвер Уанстэк, ты починил себя.

— Мы соединены, Молли мягкотелая, сплавлены воедино волею Гексмашины. Мы нарушили законы Паро-Лоа, мы поглотили собственную плоть, но Гексмашина — сущность высшего порядка, и, если нужно, мы бы вновь поступили точно так же. Сделали бы это снова, чтобы спасти тебя, Молли.

— Я бы не стала требовать от вас такой жертвы, — сказала девушка.

— Знаем. — Покореженный паровик вновь впрягся в носилки. — Именно поэтому мы и должны это сделать.

На Молли накатила волна благодарности к старым разбитым паровикам. Подумать только, ради нее они приняли такие страдания.

— Во имя Круга, спасибо вам…

— Сильвер Слоустэк. Мы оба лишились наших настоящих имен, выбрав себе это в качестве общего имени.

— Слоустэк, и куда нам теперь? Шакалия стала жертвой вторжения, подземный город пал под ударами все того же зла. Для нас с тобой нигде нет безопасного места. Если они почувствуют, что я все еще жива, то тотчас бросятся за мной в погоню.

— Они приближается, мягкотелая Молли. Океанская лава больше не согревает ее, и она поднимается вверх, навстречу нам. Мы в свою очередь должны попробовать спуститься вниз, чтобы встретиться с ней. Я, Молли, говорю про Гексмашину. Ей нужен оператор. Ей нужна ты!

За стенами дворца звуки стрельбы раздавались лишь время от времени. По всему городу по-прежнему полыхали пожары, однако большая их часть вспыхнула в результате внезапного нападения предыдущей ночью — вышли из строя станции кристаллосвязи, где-то в окно полицейского участка бросили гранату, взяты штурмом казармы шестого пехотного полка и конной гвардии.

Для принца Алфея было вновинку просто так стоять на балконе и смотреть на город. Просто удивительно, но никто не закидывал его с улицы гнилыми фруктами или камнями. Внизу на площади бесчисленные ряды людей стояли на коленях лицом к дворцу, из тысяч глоток вырывался странный гул. Накануне ночью пошел снег, и на собравшуюся на площади толпу с небес падали снежные хлопья. В Миддлстиле привыкли к туману, стелющемуся вокруг фабрик, и мерзким миазмам промышленных предприятий, но чтобы в разгар лета… выпал снег?!

На балкон вышел Бонфайр и через плечо капитана Флейра посмотрел вниз на людские толпы.

— Нет, человеку в этом городе не дадут поспать! Кто они такие? И почему гудят? Что это? Какая-нибудь карлистская мантра?

— Они читают ее вот уже примерно час, — ответил принц. — Первые начали собираться здесь еще утром — до того, как квотершифтские силы начали закрывать церкви. Люди плакали, взывали о помощи, они умоляли у ворот казарм Особой Гвардии, чтобы те вышли к ним.

Бонфайр указал на повозку с облаченными в пурпурные одежды телами, что стояла у ворот. Удивительно, что в Шакалии еще остались уорлдсингеры, полагавшие, что торки на шеях гвардейцев исправны.

— Пусть обратятся за помощью к ордену. Посмотрим, смогут ли хваленые волшебники без помощи гвардейцев дать отпор агрессору.

— Они обращаются с молитвой не к вам, — сказал принц. — А ко мне.

— К вам? — усмехнулся Бонфайр.

— Это древняя легенда, — пояснил капитан Флейр. — О спящих королях. Когда Шакалии угрожает опасность, первые короли должны проснуться и восстать из подземных холмов Элморгана.

Бонфайр от души расхохотался, так что по щекам покатились слезы.

— Этот щенок? Этот щенок должен спасших? Ну, вы скажете!

Он протянул руку и выпустил в толпу залп голубого огня.

— Молитесь громче, грязные хэмблины. Я плохо вас слышу.

Флейр ударил его по руке.

— Довольно, Бонфайр.

— А вам-то что? Пусть немного попляшут до того, как мы уйдем из этой чертовой тюрьмы.

В одном конце площади появилась колонна уравненных. Их металлические плечи покрывал тонкий слой снега. Подойдя маршевым шагом к толпе, они окружили собравшихся на площади людей, взяли их в кольцо и железными кулаками принялись избивать до смерти тех, кто пытался вырваться из оцепления. К центру площади подтянули подводы, груженные тяжелыми деревянными ящиками. Облаченные в синюю форму солдаты Содружества Общей Доли принялись разгружать их на освободившемся пространстве.

На одной из повозок стоял квотершифтский офицер, а рядом с ним уорлдсингер из Содружества Общей Доли — по всей видимости для того, чтобы усилить его голос, разносившийся по всей площади.

— Приказом Первого Комитета Содружества Общей Доли Шакалии любые собрания от трех человек и более, на которые не получено предварительное разрешение комитета, будут рассматриваться как проявления контрреволюционной деятельности. Далее, приказом Первого Комитета Содружества Общей Доли Шакалии карлистская философия рассматривается как антикоммьюнистская деятельность и отныне находится под запретом. Наказанием за нарушение любого из этих двух приказов народного комитета является отлучение от общего дела и лишение гражданства.

Люди, оказавшиеся в оцеплении уравненных солдат, закричали от страха и возмущения, однако самых шумных вскоре утихомирили при помощи прикладов и рукояток сабель. Большинство в свое время начитались дешевых бульварных газетенок о том, что творилось после революции по ту сторону

границы с Квотершифтом, и потому сразу поняло, что стоит за эвфемизмом, который был в ходу у карлистов, когда те пачками пропускали приверженцев старого режима через Гидеонов Воротник. Отлучение от общего дела и лишение гражданства.

На глазах у Бонфайра солдаты возвели в центре площади огромную машину по переработке человеческого сырья.

— Как, по-вашему, разрешат нам спуститься вниз, чтобы посмотреть поближе?

— Но ведь это же шакалийцы, — произнес принц Алфей. — Это наши люди.

— Мы теперь твои люди, щенок. Они — презренные хэмблины. Я мог бы спуститься вниз и велеть им, чтобы они закидали тебя бутылками с джином. Глядишь, у тебя и улучшится память.

— Пойдем, Алфей, — сказал капитан Флейр. — Нужно проверить запасы — нам ведь еще предстоит долгий путь на юг.

— Пусть щенок останется! — крикнул кто-то из гвардейцев, когда они ушли. — В детстве я любил смотреть, как рядом с Боунгейтом вешали всякое отребье. Не думаю, что это пошло мне во вред.

На площади перед дворцом — с легкостью, какая бывает лишь у людей, набивших на этом руку — инженеры Содружества Общей Доли торопливо возводили остов Гидеонова Воротника.

Демсон Давенпорт прильнула к замочной скважине и посмотрела на квотершифтских солдат. Те принялись колотить по двери еще с большей силой. Тогда хозяйка приоткрыла дверь, но прежде, чем успела снять цепочку, те уже выбили ее, сломали замок и схватили обитательницу квартиры. Тем временем отряд солдат ворвался в коридор дешевого доходного дома.

— На этой улице, молодые люди, живем мы, люди бедные, — сказала демсон Давенпорт. — Я работаю в дешевом кабаке на Слинг-стрит, а не в шикарном дворце Гринхолла.

— Тише, женщина! — рявкнул солдат и потащил ее к кибитке, запряженной четверкой лошадей, — передвижному анализатору крови, изрыгавшему в небо струи пара. Значит, слухи верны. Шакалийцев сгоняли в две группы под зорким оком уравненных. Сосед демсон Давенпорт, мистер Кенвигс, в свое время сказал ей, что когда-то эти металлические чудовища тоже были людьми из плоти и крови, хотя вряд ли, не слишком они похожи.

У нее взяли пробу крови, после чего заставили ждать результатов. Интересно, зачем это им понадобилось? Телега не слишком велика, вряд ли в ней уместился бы весь миддлстилский

архив. Должно быть, это для пресловутой регистрации граждан — гвардейцев, аристократов, представителей именитых семейства Шакалии. Вряд ли кто с их улицы попадет в этот список. Если, конечно, не поймают ту девчонку. Из дома доносились крики — худшие опасения демсон Давенпорт подтвердились. Бедняжка Крубрин. В их полуразвалившемся доме крабианку знали с ее юных лет. Солдатам потребовались считанные минуты, чтобы вытащить бедняжку на улицу. На девушке по-прежнему была порванная форма шестого пехотного полка. Уж лучше бы она погибла в бою вместе со своей ротой или же исчезла в Шелл-Тауне. Прятаться вместе с матерью — чистое безумие.

Рядом с телегой появился высокий офицер. Солдат, поймавший крабианку, тотчас отсалютовал ему.

— Маршал Ариндзе!

Маршал проигнорировал его приветствие и в сопровождении другого солдата приблизился к дезертирке. Рукава его формы были закатаны, чтобы были видны мощные мускулистые руки. Еще один самовлюбленный мальчишка, подумала демсон Давенпорт. Интересно, сколько дней он провел в тренировочном зале, пряча зеркальце в заднем кармане?

— Значит, прячем у себя представителя вражеской армии, так что ли? — произнес маршал и окликнул солдат, что вытаскивали на улицу рыдающих людей. — Компатриот сержант, спалите это здание! Мы не станем чикаться с гнусными врагами народа!

Понося маршала последними словами, юная крабианка пыталась вырваться из кожаных пут, которыми была перевязана ее боевая рука-шпага. Солдаты пытались ее удержать.

— Компатриот маршал, можно мне?

— Компатриот полковник Вилдрейк?

— Позвольте мне показать этим преступникам и контрреволюционерам силу Содружества Общей Доли, истинное превосходство наших сил.

Ариндзе с озабоченным выражением на лице потер руку полковника.

— Вам нет ровно никакой необходимости постоянно доказывать свою преданность революции, компатриот полковник. Вы и без того продвинули вперед наше дело в Шакалии как никто другой, за исключением разве что самого Тцлайлока.

— Вы только посмотрите, компатриот маршал, на ее хилый панцирь! Какие мышцы могут скрываться под этой броней? У меня руки так и чешутся показать ей, что такое настоящая мускулатура.

— Попридержите свой пыл, сержант. А вам, компатриот рядовая шестого пехотного полка, будет дан шанс

продемонстрировать свою полезность вашему насквозь прогнившему городу. Перед вами гладиатор из Третьей Бригады. Если сумеете одолеть его в поединке, то я обещаю пощадить всю вашу улицу.

Для поединка между крабианкой и полковником Вилдрейком моментально расчистили место, но внимание маршала привлекло к себе зрелище иного рода — солдаты тащили в его сторону какого-то рыжебородого мужчину.

— Вы ошиблись! — кричал тот. — Вы схватили не того! Я ничего не делал! Я всего лишь греб в лодке по реке. Я паромщик, переправляю людей с берега на берег, вот и все.

— Компатриот Миггле, — произнес один из солдат. — Секретарь местного отделения союза любителей игры в четыре шеста. Код его крови подтвержден обязательной регистрацией граждан.

— Союз — запрещенная организация, — назидательно произнес маршал. — Вы занимались подстрекательской деятельностью, провоцируя в народе антикоммьюнистские настроения. Непродуктивные настроения. Народ должен трудиться во имя высокой цели, а не растрачивать впустую время, кидая кожаные шары по расставленным среди травы деревяшкам.

— Но это же просто вид досуга! — взмолился лодочник. — Кто-то идет в таверну попить пивка или джина, кто-то играет в четыре шеста. Вы тоже можете сыграть, если захотите, вы и ваши солдаты.

Ариндзе дал Миггле звонкую пощечину, чтобы тот прекратил болтовню, после чего повысил голос, чтобы его слышали все выгнанные на улицу шакалийцы.

— Игра в четыре шеста — вне закона, любые дебаты — вне закона, танцы вокруг майского шеста — вне закона, исполнение гимна «Лев Шакалии» — вне закона, членство в политических партиях — вне закона. Вы как равные будете трудиться на благо народа, и общество в свою очередь будет заботиться о каждом из вас.

Один из солдат указал на лодочника.

— Партия переработки номер тринадцать?

— Гидеонов Воротник для такого как он — непозволительная роскошь. Нам нужен наглядный пример. Отведите компатриота Миггле на бульвар возле Роллфилда и повесьте на фонарном столбе рядом с трупами деятелей из Палаты Стражей.

Перед входом в доходный дом стоял Вилдрейк. Он был обнажен до пояса. Солдаты, натерев маслом его стальные мышцы, отошли в сторону. На улице стоял жуткий холод, дул пронизывающий ледяной ветер, и Вилдрейк, чтобы согреться,

потирал мощные бицепсы. Он кивком дал знак солдатам, чтобы те развязали крабианку. Девушка была в самом расцвете сил, рука-меч остра, такой впору одним ударом расщепить молодой дуб. И все равно по сравнению со своим противником она представлялась тщедушным созданием — видимо, виной тому скудные армейские пайки. Впрочем, впечатление вполне могло оказаться обманчивым — мускулатура крабианцев устроена иначе. Как бы то ни было, девушке хватало силенок носить под армейским рюкзаком также и свою броню весом примерно в сто фунтов.

Наконец обе ее руки — и манипулятор, и меч — были свободны. Вилдрейк резко развернулся на одной ноге и нанес ей удар армейским сапогом по левому колену. Колено хрустнуло, крабианка взвыла от боли. Низкий болевой порог. Впрочем, неудивительно, если учесть, что их раса привыкла носить на себе броню. Предатель-шакалиец мог предвосхитить каждое ее движение — с первого взгляда понятно, что девица прошла курс боевой подготовки в шестом пехотном. С ней даже не было необходимости переключаться на колдовское время. Крабианка сделала выпад рукой-мечом, но Вилдрейк с наглой ухмылкой увернулся из-под удара. Затем набросился на нее и обхватил сзади рукой.

Он с такой силой сдавил ей грудь, что казалось, вот-вот лопнет кожа, обтягивавшая вздувшиеся мышцы. Упражнение почище выжимания штанги в девяносто фунтов. Ее агония возбудила Вилдрейка. Было слышно, как треснул, не выдержав давления, панцирь. Бицепсы полковника под ледяным ветром сделались пунцовыми. Солдаты Третьей Бригады, затаив дыхание, наблюдали за поединком. Им уже доводилось видеть крабианцев на границе с Лионгели, но только не таких, как эта. Раздался звук, похожий на скрип половиц, затем громкий треск, и в следующее мгновение панцирь раскололся пополам. Из окровавленных рук Вилдрейка торчали осколки хитина, однако он стоял над поверженной противницей и хохотал как безумный, охваченный ликованием победы. Стоявшая рядом квотершифтская солдатня подбадривала его дружными криками.

Демсон Давенпорт в ужасе отвернулась и потому не сразу поняла, что техник, обслуживавший анализатор крови, обратился к ней.

— Сегодня ваш счастливый день, компатриот. Ваше имя не внесено в списки. Вам положены лишь принудительные работы. Вы приписаны к пушечной фабрике, которую в данный момент сооружают в Уоркберроуз.

Демсон Давенпорт взяла протянутый ей номерок.

— Вот номер вашей очереди на уравнивание. Следующий!

Демсон Давенпорт с ужасом смотрела, как солдаты прыгают на трупе крабианки и швыряют зажженные факелы в разбитые окна ее дома. Оставалось только надеяться, что снежные хлопья потушат огонь прежде, чем к месту пожара явится подвода пожарников. Что в данных обстоятельствах крайне сомнительно. До ее слуха донеслись дружные крики.

— Вспомним Редокс! Вспомним Редокс! — кричали солдаты.

Внутри здания по-прежнему находились люди. Когда те, полураздетые, попытались выбраться из объятого пламенем дома, головорезы из Третьей Бригады открыли по ним огонь. Несколько мужчин и женщина попытались выпрыгнуть из окон второго этажа, некоторые из них — прижимая к себе детей. На улице их тотчас взяли в кольцо злобные металлические зомби, которые избивали их до тех пор, пока несчастные не перестали подавать признаки жизни.

Миггlса, главу союза любителей игры в четыре шеста, тащили по улице. Его ноги волочились по снегу, прочерчивая в нем две борозды, но храбрый лодочник из последних сил продолжал кричать и всячески поносить солдат. Правда вскоре его крики потонули в воплях боли и ужаса, доносившихся из горящего дома, в котором когда-то жила демсон Давенпорт.

— О боже, о боже! — причитала она, дрожа от холода, и плотнее закуталась в шаль.

Какая-то часть ее «я» хотела подойти к металлическим чудовищам, к солдатам Третьей Бригады и умолить их о том, чтобы они прекратили зверства. Напомнить им, что эти люди — жители Миддлстила. И если их что-то и отличает от солдат, то только место рождения. Это точно такие же люди, такие же, как они сами, как их матери, сестры, друзья. Что если они постараются, то тоже станут хорошими компатриотами — главное, дать им такую возможность. Увы, она знала, что произойдет, поступи она так. Было ей известно и другое: как бы часто ни напоминали о себе годы и старые кости, как бы близок ни был тот час, когда боли в спине прекратятся навсегда, ей хотелось пожить чуть дольше. И это не трусость, это просто здравый смысл.

И тут демсон Давенпорт посетила мысль — из разряда случайных глупостей, которые сознание словно в шутку подкидывает нам, чтобы не видеть мерзостей, творящихся перед нашими глазами.

— Извините, но что такое уравнивание?

Тцлайлок полной грудью вдыхал свежий холодный воздух

внутреннего дворика Палаты Стражей. Когда-то он мечтал, чтобы его избрали, и он стал бы членом Палаты, чтобы бороться с нищетой на улицах Миддлстила, попытаться как-то изменить жизнь. Разбитые постаменты, на которых когда-то стояли статуи Изамбарда Киркхилла и других знаменитых парламентариев, служили напоминанием о той давней несбыточной мечте. Жаль, что Хоггстона не удалось схватить, когда они окружили этот храм так называемой демократии. Теперь в парламенте не осталось фонарного столба, на котором не болталось по Стражу; так что, как только они арестуют Первого Стража, комитету хочешь — не хочешь придется взять на вооружение опыт Квотершифта и провести весь первый гвардейский корпус через Гидеонов Воротник.

Что ж, приходится идти в ногу со временем. О том, что так оно и есть, свидетельствовали горы мешков с песком, высившиеся перед алтарем в центре внутреннего дворика. Тцлайлок остановил уравненного рабочего, у которого из мешка сочилась кровь, стекая вниз по металлической спине его — или ее? — нового совершенного тела. Предыдущие модификации гибридов несли в голосовом аппарате остатки пола компатриота. Мехоманты и телесные маги заплатили за это неравенство. Просто удивительно, насколько совершеннее стал с тех пор внутренний механизм его компатриотов, особенно после того, как пришлось принести в жертву Уайлдкайотлям несколько нерадивых конструкторов.

— Скажи, компатриот, что у тебя в мешке?

— Продукты фабрики уравнивания номер девять, компатриот, — прогудел голосовым аппаратом гибрид.

Тцлайлок запустил в мешок руку: сердца, сотни сердец, некоторые еще продолжали биться. А ведь часть их была удалена еще вчера. Впрочем, как только фабрики уравнивания будут построены на поверхности, у него всегда будет свежий продукт. Сейчас же приходится довольствоваться продукцией подземных мощностей в окрестностях Гримхоупа.

— Отлично. Брось их в алтарные костры, компатриот. Предай огню последние остатки греховного неравенства. Теперь ты свободен. Свободен от жадности, похоти и гордости, свободен от ярма, надетого тебе на шею хозяином. Отныне ты сам хозяин всех фабрик, на которых будешь трудиться.

Уравненный униженно бросился к ногам Тцлайлока.

— Будь вечно благословен, компатриот Тцлайлок! Тысяча благословений тебе!

По щекам Тцлайлока покатились слезы.

— Встань, брат. Теперь нет нужды гнуть спину перед кем бы

то ни было. Ты тот, ради кого я все это сделал. Твои слова значат для меня много больше, чем я могу выразить.

Он посмотрел на жрецов культа саранчи. Те дружно махали руками, направляя дым от костра вверх. Тцлайлок разглядел тучу насекомых, круживших вокруг столба дыма. Ее очертания с каждым часом стали все заметнее и заметнее. Вот кто его самый главный союзник! Надежный, неутомимый, преданный. Каждый готов умереть без малейшего колебания, зная, что братья, что идут позади него, довершат начатое дело.

Тцлайлок поднял руку и обратился ко всем, кто мог его слышать.

— Я вижу совершенный мир, компатриоты! Мир, в котором мы не будем бороться друг против друга, как было раньше. Мы станем жить в мире и согласии как друзья, братья и сестры. И каждый равен остальным, каждый совершенен!

Уравненные были медлительны и не сразу принялись скандировать его имя. Однако постепенно мантра зазвучала под сводами внутреннего дворика более ритмично и размеренно. Тцлайлок не стал показывать виду, что разочарован, и кивнул. Ведь в конце концов это только начало. Их понимание процесса уравнивания разовьется по мере того, как тот станет обычной практикой, особенного после того, как в соответствии с планом в него вольется Свободное Государство Паровиков и вместе с Квотершифтом и Шакалией образует Союз Общей Доли. Средние показатели будут повышены. И каждый год будет означать прорыв к новым высотам, к новым свершениям. Каждый год станет очередным шагом вперед. И все будут шагать в ногу. Шагать вместе. Все как один.

Тцлайлок помог работнику — или работнице? — подняться на ноги и поднести мешок с окровавленными сердцами к жертвенному костру.

— Как бы я хотел сжечь свое мерзкое, несовершенное тело, компатриот! Увы, Уайлдкайотлям нужно не твое совершенное, прекрасное, симметричное тело, но моя гнусная плоть, ибо без нее они бессильны!

— Людям понятна ваша жертва, компатриот Тцлайлок, — ответил уравненный работник, вытряхивая содержимое мешка. — Тот, кто ведет за собой остальных, всегда жертвует собой больше, чем другие.

Тцлайлок отметил про себя, что в дальнем углу сгрудились военный эскорт и кучка придворных. Что ж, впереди новая работа. Даже если спать всего по несколько часов и полагаться на Уайлдкайотлей, чтобы те вселяли силы в его слабое, несовершенное тело, все равно работы у него будет невпроворот.

Однако он докажет, что даже это ему по силам. Другого выхода у него нет. Тцлайлок выхватил из костра обугленное сердце и положил в рот.

— Люди будут питать меня, компатриоты. Так было и так будет.

Он подошел к придворным. Те подобострастно раздвинулись, уступая ему дорогу в зал, что совсем недавно был залом заседаний Палаты Стражей.

Скамьи были выломаны из пола, став топливом для костра в центре парламента, и теперь их место занимал огромный круглый стол, за которым все будут сидеть как равные. Увы, даже при всем желании Тцлайлок не мог приписать эту идею себе. Кажется, ее позаимствовали у какого-то из древних королей.

Наконец вернулись оба жреца, которых он ранее отправил с поручениями. Что ж, отлично. Тцлайлок посмотрел на того из них, который раньше был техником.

— Что с архивами Гринхолла?

— Когда мы взяли Гринхолл, компатриот Тцлайлок, там пытались устроить перегрузку котлов, вывести из строя машинный зал. Но мой жучок проник в диспетчерскую панель и помещал осуществлению гнусных контрреволюционных планов.

Тцлайлок раздраженно побарабанил пальцами по столу. Функционеры Гринхолла принимают решения, не спрашивая на то разрешения у Палаты Стражей? Похоже, кто-то воспользовался суматохой и теперь пытается взять инициативу в свои руки.

— Ты правильно поступил, брат. Мы не можем управлять Шакалией, не имея в своих руках транзакционных двигателей, — сказал он и повернулся к жрецу, который только что вернулся с инспекции пневматических тоннелей.

— Все прошло, как и планировалось, компатриот Тцлайлок, интуиция вас не подвела. Уайлдкайотли сумели обнаружить под завалами эхо лишь трех душ — воина-паровика, военного преступника по имени Никльби и предателя Вокстиона. Что касается компатриота Молли Темплар, меченого парня и герцога Фернитианского, то их следов там не обнаружили.

— Последние двое мне неинтересны, — произнес Тцлайлок. — Если по меченому парню кто-то и будет скорбеть, то только Флейр и его ненормальные друзья. Что касается герцога и его семьи, то они находятся в бегах вот уже несколько поколений. Как только мы поймаем этого мерзавца, его скользкий труп тотчас закачается перед Боунгейтом.

— Но компатриот Темплар…

— Верно. Моя прекрасная, моя храбрая девочка. В очередной раз в бегах, но теперь у нас нет квотершифтского графа, который

помог бы нам выйти на ее след. В принципе, этого следовало ожидать. — Тцлайлок вновь обернулся к бывшему кочегару. — А вы пытались обнаружить второго оператора?

— Поскольку я имел в своем распоряжении все ресурсы Гринхолла, осуществить поиск не составило особого труда — гораздо легче, нежели тайком от всех запустить в барабаны моего карманного дружка. Код крови зарегистрирован лишь недавно. Вам станет ясно, почему это так, как только вы увидите его имя.

С этими словами жрец передал Тцлайлоку перфокарту. Тот прочел имя второго оператора — того, кто нес в себе проклятую кровь Гексмашины.

Жрец культа саранчи ожидал, что Тцлайлок рассмеется, как рассмеялся бы он сам по поводу иронии имени, однако вождь революции почему-то с предельной осторожностью положил карточку на стол.

— О, малышка Молли, моя милая, святая Молли Темплар. Теперь мне придется тебя уничтожить, моя славная глупышка. Ты утратила свое место в пантеоне людей.

— У меня есть имена сообщников компатриота Вокстиона, — произнес жрец культа саранчи. — Некоторые из них наверняка знают свое дело не хуже, чем он.

Тцлайлок улыбнулся.

— Компатриот Темплар больше не убегает от нас. Боюсь, что сейчас она бежит к нам. Последние несколько дней Уайлдкайотли получали хорошее питание, так давайте же попробуем новый вид охоты.

С этими словами Тцлайлок помахал стражникам и солдатам. Те ввели в зал шестерых мужчин. Самого старшего из них он узнал по иллюстрациям, которыми были обклеены стены домов Миддлстила в те дни, когда в городе орудовал так называемый Вайнсайдский Душитель. Надо сказать, преступник отличался завидным здоровьем, если сумел выжить в Боунгейте все эти годы. На шее виднелись красные рубцы — его трижды приговаривали к повешению. Какой, однако, неразумный ритуал шакалийского правосудия. Выживи трижды на виселице и тебе отменят смертный приговор. Тцлайлок жестом дал понять, что преступников нужно подвести поближе к алтарю в центре дворика. В век Гидеонова Воротника неразумное правило утратило свою силу. Воротник работал безотказно — вторая попытка не предусматривалась.

— Нам сказали, что нас запишут в Третью Бригаду! — рявкнул Душитель.

— Эта честь зарезервирована для ваших собратьев по Боунгейту, — ответил Тцлайлок. — Что касается ваших

уникальных талантов, равно как и талантов ваших спутников, то мы найдем им достойное применение.

— Что угодно, лишь бы не назад в каталажку, — равнодушно ответил убийца.

— О, вы больше никогда не увидите стен своей камеры! — заверил его Тцлайлок.

Под протяжный речитатив жрецов дым над горой обугленных сердец начал принимать очертания челюстей гигантских насекомых. При виде шаманского священнодействия шестеро преступников принялись растерянно переминаться с ноги на ногу — облако колыхалось прямо перед их лицами, и они, словно загипнотизированные, смотрели на него, не в силах оторвать глаз от невиданного зрелища. Неожиданно, словно приняв для себя решение, облако устремилось к ним в ноздри, прокладывая себе дорогу в их черепные коробки. Дым жертвенного костра проник в тела несчастных, которые пошатывались, словно пьяные, распялив в немом крике рты.

Тцлайлок с удовлетворением наблюдал за происходящим. Шестеро здоровенных преступников выжили, несмотря на все ужасы пожизненного заключения в боунгейтской тюрьме, и вот теперь под действием Уайлдкайотлей их тела стали расти и раздуваться буквально на глазах. Тюремные робы на них затрещали по швам, словно то здесь, то там, под кожей у них начали вырастать огромные валуны.

Вайнсайдский Душитель повернулся к Тцлайлоку и посмотрел на него вращающимися зрачками.

— Я переделан.

— Верно, ты переделан. И ты знаешь, что тебе делать.

— Гексмашина не должна найти оператора. Если заделать трещины, я — мы — они — исчезнут. Оператор должен умереть.

— Да, — вздохнул Тцлайлок. — Молли Темплар должна умереть. Ради всех людей не дай ей первой добраться до Гексмашины. Опереди ее, если не хочешь из хищника превратиться в жертву.

Вайнсайдский Душитель посмотрел на груду горящих сердец, и его обуял жуткий голод — даже почище тех адских мук, что терзали его в прежнем теле, когда он сидел в Боунгейте.

— Мне не хватит питания.

— Потом получишь еще, — заверил его Тцлайлок. — Мы только приступили к процессу освобождения людей от старой несовершенной плоти. Будут и новые жертвоприношения — пока еще не все представители прогнившего режима болтаются на фонарных столбах. Я поручил моим жрецам приспособить Гидеонов Воротник под нужды сегодняшнего дня — я предлагаю

заменить стрелу обсидиановым лезвием, а также добавить когтистую лапу, которая будет вырывать сердца.

— Я им не доверяю. Всем этим машинам, — прошипел Душитель.

— Отлично тебя понимаю. Но теперь у нас прекрасный новый мир. И машины будут работать на нас. У жреца культа саранчи уйдет целый час, чтобы скормить тебе одну-единственную душу непродуктивной личности. Но как только мы усовершенствуем Воротник, мы сможем за час скормить тебе несколько сот таких душ.

Душитель стоял, разминая пальцы — прямо у него на глазах ногти превращались в крепкие когти.

— Плоть куда надежней. На нее можно найти управу. И главное, она всегда имеется в наличии. Постоянно плодится и размножается.

Тцлайлок улыбнулся. Уайлдкайотли были примитивными дикарями, ну прямо-таки как дети. Поставить себе на службу их силу — все равно, что подчинить своей власти саму природу. И теперь он — самый главный уорлдсингер, в чьем распоряжении имеются неисчерпаемые запасы энергии, по сравнению с которой ненадежные токи земли — что-то вроде крошечных капель утренней росы. Уайлдкайотли кормили чимеков на протяжении тысячи лет, и теперь они станут своего рода краеугольным камнем Всемирного Союза Общей Доли. Тцлайлок взял со стола перфокарту. Одно-единственное имя. Но почему именно оно?! Почему компатриот Темплар сбежала? Почему отказалась от судьбы, которую он, великий Тцлайлок, уготовил для нее?! Лидер мировой революции смял бумагу. Есть силы, которые не подвластны даже пламенным революционерам.

Не замеченная ни Тцлайлоком, ни его приспешниками, Медвежья Тень стояла в углу зала, кипя праведным гневом, но отнюдь не из-за того, какое жуткое количество энергии требуется, чтобы оставаться незамеченной в непосредственной близости от врага. Причина заключалась в другом: в имени на перфокарте. Имя это было вне привычного порядка вещей. По идее, его предшественнику следовало бы оставить ей записку, в которой бы говорилось следующее: приношу извинения за несанкционированное вмешательство.

Нет, это просто немыслимо. Существуют правила. Правила сами себя не меняют. Иначе все может обернуться безумием. И все-таки на карте стояло имя. Смотрящая просто не могла знать, как будут развиваться события внизу, какие вещи потребуют незамедлительного — несанкционированного — вмешательства,

причем весьма тонкого. Откуда ей было знать, что ему сейчас придется ждать, перебрать все нити? В общем, от предполагаемого удовольствия ничего не осталось, оно, можно сказать, упорхнуло в окно. Небольшим избиением врага теперь не обойтись. Придется пробраться во дворец и уничтожить все следы заигрывания с Уайлдкайотлями и той великой тьмой, которую те намерены привести за собой в этот мир. И вообще, какое все-таки удовольствие — обрывать насекомым крылышки.

И Медвежья Тень приступила к процессу стирания.

Черт побери, в любом случае им всем настал конец.

Глава 22

Коммодор Блэк пребывал в слезливом настроении с тех самых нор, как Оливер увел их от стен Ток-Хауса.

— Неужели до этого дошло? Неужели в моем доме поселили роту бездельников из Содружества Общей Доли? По всей видимости, теперь они только и делают, что опустошают мои винные погреба и воруют все более-менее ценное, набивают моими вещами свои походные мешки, чтобы было с чем вернуться домой.

— Они поджидали нас, — сказал Оливер. — Тцлайлок наверняка передал всем постам в Миддлстиле наши с тобой коды крови.

— Ах, милый юноша, только не говори мне этого! Давай сбежим с тобой к морю, и пусть Тцлайлок и его прихлебатели делают с Шакалией что хотят!

Оливер покачал головой. На какое бы расстояние они ни сбежали, спасения для них нет — Шакалия теперь во власти Уайлдкайотлей. В общем, им ничего другого не оставалось, как прокрасться мимо уборной в задний двор дома — одного-единственного дома во всей столице, где, по мнению Оливера, их могли встретить если не дружески, то хотя бы без враждебности. Он попробовал ручку двери. Заперто.

— Позволь мне, мой мальчик. У меня есть талант в обращении с замками.

С этими словами коммодор поднял с припорошенной снегом земли старый гвоздь и аккуратно ввел его в замочную скважину. — Слышишь, как внутри щелкает запорный механизм? Это, Оливер, куда лучший замок, чем та дверь, на которую его поставили.

— Не думаю, что от этого таланта вам была польза, когда вы плавали на борту подводной лодки.

— Бедный старый Блэки, его преследовали за благородное имя, и если что и светило ему в этой жизни, так только виселица или камера в королевской каталажке. Ты бы сам тоже в два счета подружился с замками, мой мальчик, окажись ты на моем месте.

Замок громко щелкнул еще раз, и дверь открылась. За ней оказалась темная комната. Место производило впечатление заброшенного, в нос бил лишь запах сока самострельных деревьев и ружейного масла.

— Шаг вперед, — раздался голос, — означает попытку к бегству, сделайте только шаг и я зарежу вас.

— Матушка, это вы? — удивился Оливер. — Это я, Оливер

Брукс. Сын Филеаса.

В следующее мгновение зажглась небольшая масляная лампа. Мамаша Лоуд сидела в кресле, нацелив на них огромный ружейный ствол, — точно такие пневматические ружья Оливер видел у рыцарей-паровиков Механсии. На большом расстоянии от них было никакого толку, зато с малого они били наповал.

— Где Гарольд?

Оливер пальцем указал наверх.

— Его схватили.

— Что ж, похоже, удача на сей раз изменила ему, — вздохнула мамаша Лоуд. — Впрочем, какая теперь разница.

— Мы сначала попробовали войти через переднюю дверь, матушка. Вывеска с твоей лавки сорвана, окна заколочены. Если бы я не видел той рекламы в газете «Филд энд Ферн», мне бы ни за что не отыскать вашего дома.

— Как ты думаешь, почему? Как только в город вошла солдатня, мой дражайший бездельник-муженек сбежал к морю. Подмастерьев тоже как ветром сдуло. Так что если я теперь на что и гожусь, то разве что гнуть спину у конвейера на каком-нибудь военном заводике.

Оливер вопросительно посмотрел на потолок.

— Я получила послание от сына буквально за минуту до того, как отключили кристаллосвязь. Всего с одной фразой. «Пора спать». Как ты думаешь, что это значит?

— Всемилостивый Круг! — воскликнул коммодор. — Оливер, эта демсон, к которой ты привел старого Блэки, совсем не та, о ком я думал. Она заодно с Небесным Судом, я правильно понял?

Мамаша Лоуд перевела взгляд на коммодора.

— А вы кто такой?

— Затаись и не высовывай носа, вот что говорится в вашем послании. Как та лодка, за которой охотится шакалийский аэростат. С той разницей, что на сей раз охотники — ваши соседи из Квотершифта. А прятаться от них вынуждены Ловцы волков и свистуны.

Мамаша Лоуд прищурилась.

— А откуда вам это известно? Да кто вы такой?

— Ах, моя милая, бедный старый Блэки не игрок в эти жестокие игры, в отличие от вас и ваших друзей. Он лишь бедный старый лис, загнанный Ловцами волков, и все потому, что имел несчастье появиться на свет не тем, кем нужно.

— Ну, милок, вместе с вами здесь теперь нас трое таких, кто не хотел бы, чтобы к нему пристали с расспросами где-нибудь на баррикаде или на улице… — Увидев, что Оливер снял куртку, она не договорила — взгляд ее был прикован к пистолетам у него за

поясом.

— У меня остался твой нож, — сказал юноша.

— Круг всемилостивый! — прошептала мамаша Лоуд. — Значит, они и вправду существуют!

Она протянула руку, и Оливер передал ей пистолеты. Взяв дрожащей рукой пистолет, женщина принялась любоваться зловещим отблеском ствола, восхищенно рассматривать серебряную гравировку, изображавшую львов Шакалии.

— Вот уж не думала, что мне когда-то в руки попадет такая игрушка. — Она подняла взгляд на Оливера. — Я не могу защитить тебя, мой мальчик. Даже ради светлой памяти твоего отца. В конце концов за тобой придут.

Оливер забрал у нее пистолеты и засунул за пояс.

— Насколько я понимаю, Гарри о них ничего не знал.

— Он не оружейник, — ответила мамаша Лоуд. — К тому же у него не было времени на какие-то там байки. Но в Небесном Суде оружейники есть. Причем из таких мест, какие ты даже не можешь себе представить. Они-то поймут, ведь им полагается знать. Они всегда все знают. — Думаю, у них сейчас и без того хватает дел, — возразил Оливер.

Не успел он договорить, как раздался громкий стук в переднюю дверь. Старая оружейница моментально подскочила со стула. Оливер обострил свои чувства и тотчас поник духом. За дверью стоял вражеский офицер в сопровождении роты уравненных. Коммодор Блэк заглянул в щелку между досками.

— В переулке позади лавки тоже полно солдат.

Мамаша Лоуд помахала в сторону полок с ружьями.

— Ну, кто бы мог подумать, что карлисты читают «Филд энд Ферн». Нам конец. Как по-вашему, какое наказание полагается тем, кто держит дома настоящий арсенал?

Оливер вынул из патронташа две стеклянные капсулы.

— Не думаю, что эти новые суды практикуют высылку осужденных.

— Это мы уже проходили, — сказала мамаша Лоуд и направилась в коридор. Труба-гармошка тянулась от ее пушки к самой печке. — Я слишком стара для подобных вещей.

— Открывайте! — рявкнул голос за дверью. — Во имя шакалийского Содружества Общей Доли!

— Не беспокойся, милок! — крикнула в ответ мамаша Лоуд. Ее гигантское ружье засвистело, словно закипающий чайник. — Одну минутку, сейчас открою.

Она нажала рычаг, и ружье завизжало, словно пила, с визгом и скрежетом вгрызающаяся в бревно. Дверь раскололась надвое, и всех, кто находился внутри, обдало дождем щепок. Мамаша Лоуд

ногой оттолкнула в сторону сиротливо болтавшиеся на петлях половинки двери, после чего вернула рычаг на прежнее место. Сработал заряд, и из дула гигантского ружья на бешеной скорости полетели металлические ядра.

Офицера отбросило на другую сторону улицы, его голубая форма тотчас превратилась в месиво окровавленных лоскутов.

— Добро пожаловать в Миддлстил, милок! — Она повернулась к колонне уравненных революционеров и вновь приподняла рычаг. — Что касается вас, то вы опозорили нашу страну!

— Матушка Лоуд, нет! Только не это!

Видя, что та даже не повела ухом, Оливер затащил коммодора назад в лавку. К счастью, вовремя. Потому что в следующее мгновение на революционеров обрушился железный ливень, и уравненных солдат отбросило назад. Металлические шары вспарывали их железные бока, рикошетом отскакивали от стен, поднимая облака кирпичной пыли. В соседних домах мгновенно повылетали оконные стекла. Затем неожиданно наступила тишина. Увидев, что демсон Лоуд лежит ничком на земле, Оливер бросился к ней и перевернул. Из сотни ран, нанесенных рикошетом, сочилась кровь. Храбрая женщина из последних сил пыталась не закрывать глаза.

— Перед тем, как отправиться по Великому Кругу, я, надеюсь, увижу твоего отца, милок, и все расскажу ему.

— Я вам верю.

Он едва слышал, что она говорит. Демсон Лоуд подняла окровавленную руку и положила ее на пистолет Оливера. Оружие словно подпитывало ее энергией, необходимой для того, чтобы прошептать последние слова:

— Не доверяй им. Никогда не доверяй Небесному Суду.

С этими словами она испустила дух. Оливер положил ее на мостовую. Снег под ней тотчас обагрился кровью. Блэк окликнул его. Солдаты, шнырявшие позади лавки, нашли проход, ведущий из-за дома на улицу. До Оливера донеслись свистки. Похоже на полицию, однако крайне маловероятно, что констебли из Хэм-Ярда ответят на призыв.

И он, шатаясь, направился назад в лавку. Коммодор Блэк решил заполучить оружие мамаши Лоуд, но для начала ему предстояло вырвать его из мертвых пальцев старой оружейницы. Подводник потащил нагнетатель давления и трубу назад в дом. По улице к ним бежали вооруженные пиками уравненные, которых вели за собой квотершифтские офицеры.

— Прости меня, паренек, — произнес коммодор. — Похоже, это наш с тобой последний бой.

Оливер вздохнул. Матушка Лоуд наверняка хранила в подвале рядом с инструментами стеклодува банки с соком самострельных деревьев. Так может, взорвать их, следуя примеру Стимсвайпа? Уж если уходить из жизни, то почему бы заодно не прихватить с собой целую роту революционного сброда?

— И вы меня простите, коммодор. Зря мы не бежали к морю, как вы предлагали, там мы могли бы легко затеряться в толпе беженцев.

Оливер чувствовал, что устал, ему отчаянно хотелось спать, да так, чтобы проспать тысячу лет, не меньше. Впрочем, еще пара минут, и в его распоряжении будет целая вечность.

— Никаких зря, никаких могли бы, мой мальчик. За тобой охотились, потому что в твоих жилах течет кровь меченого, точно так же, как охотились за мной, потому что в моих жилах течет старая аристократическая кровь. Так давай продадим нашу кровь подороже!

В руках у Оливера снова оказалось колдовское лезвие, оно выскочило словно язык у ящерицы. У юноши тотчас возникли смутные воспоминания об отце, когда за тем гнались преследователи. Коммодор Блэк проверил дымящийся нагнетатель давления на прилавке и взял на прицел вход в лавку. Боевые возгласы революционеров раздавались все ближе и ближе. Оливер еще раз убедился, что оба пистолета заряжены. От паровой пушки исходил устойчивый жар.

Гарри Стейв находился в тюремной камере. Его сознание — вернее, то, что от него осталось, — разодрано в клочья жестокими пытками. Стимсвайп и Лорд Уайрберн бродят по далеким залам Паро-Лоа. Оливер едва ли кожей ощущал за спиной их тени.

— Ничего, скоро встретимся!

Враг был совсем рядом. Солдатня заполнила всю улицу, все близлежащие переулки, ломилась в заколоченные окна бывшей лавки «Лоуд и Лок».

— Зовите сюда Третью Бригаду! — выкрикнул Оливер, пытаясь перекричать скрежет паровой пушки. — Зовите всех!

Молли и Слоустэк уже почти перешли мост — шаткую конструкцию из стеклянных кирпичей, соединенных серебряным канатом. Бездна, простирающаяся у них под ногами, была видна сквозь прозрачный настил как на ладони. Здесь, внизу, исходивший из глубин земли жар давал о себе знать — лава текла потоками, образуя целые озера, бурлящие реки наполняли туннели зловонными парами. Когда-то эти потаенные кладовые слышали, как в подземных коридорах раздается эхо шагов властителей империи, простиравшейся под целым континентом.

Увы, чимеки давно покинули арену истории. От их былого владычества остались лишь кристаллы и магия, питающаяся подземными токами, — лишь благодаря ей созданный ими подземный мир до сих пор наполнял жутковатый, мерцающий свет.

Видение появилось внезапно, без всякого предупреждения. Молли потеряла равновесие, но Слоустэк успел ее подхватить.

— Ты ее видела? — спросил он.

— Видела, — призналась Молли — призрачная фигурка маленькой девочки в дальнем конце хрустального моста.

«Они пришли», произнесла Гексмашина.

Молли заставила себя двигаться дальше по мосту, и по мере того, как она продвигалась вперед, фигурка удалялась все дальше и дальше.

— Я слышу тебя, — сказала Молли.

«Я говорю с тобой через твою кровь, Молли. Я приближаюсь к тебе точно так же, как ты приближаешься ко мне. Ты вибрируешь моей сущностью».

— Мы нашли мягкотелую Молли, — произнес Слоустэк. — Мы затащили ее как можно глубже в пневматические туннели, под защитный колдовской занавес, сотворенный нашими врагами, лишь бы только она не пострадала во время взрыва.

— Вы оба храбры и изобретательны, Сильвер Слоустэк. Но я вынуждена просить у вас большего. Уайлдкайотли вселились в шестерых представителей человеческого рода. Они не желают, чтобы я воссоединилась с оператором. Они несутся сюда, чтобы убить вас.

Молли дошла до другой стороны каньона, и паровик рукой-манипулятором перерезал кабели, державшие мост. Хрустальные кирпичи, сверкая в жутковатом подземном свете, обрушились в огнедышащую бездну.

— Пусть несутся по воздуху.

— В городах холодного времени много проходов, Сильвер Слоустэк, — произнесла Гексмашина, — много путей, чтобы подобраться к вам.

— Ты близко? — спросила Молли.

— С каждым часом я все ближе и ближе. Моя возлюбленная земля помогает мне. Я больше не пребываю в ее объятиях в центре мира. Ее жидкое пламенное сердце перенесло меня на многие уровни ее тела, на гигантской скорости подбросило меня своим биением ближе к тебе. Я пришла к тебе, Молли, и все равно враг настигнет тебя раньше, чем я успею к тебе.

— Я чувствую тебя в своих жилах, — ответила Молли. — Чем ближе мы друг к другу, тем сильнее я ощущаю перемены в своем

теле. Я чувствую биение пульса земли, сокровенные мысли мира.

— Земля — живое существо, Молли. Ее тепло, ее любовь дарили мне жизнь на протяжении многих столетий, даже тогда, когда все мои близкие, все мои друзья погибли. Она по-прежнему любит нас, хотя мы наносим ей шрамы и поглощаем ее ресурсы, крадем ее силы и вытягиваем магические песни из линий волшебства. Она любила нас даже тогда, когда чимеки проникли в ее глубины, прорыв в ней ходы, словно черви в яблоке, даже тогда, когда они осквернили ее камни кровью своих соплеменников, даже тогда, когда ваши умы и души породили злобных богов, которые запечатали ее кожу ледяной коркой.

Молли была готова сгореть от стыда.

— По мере приближения ко мне ты становишься сильнее, Молли. Вместе мы непобедимы, мы — меч Виндекса. Наши враги готовы на все, на любые мерзости, лишь бы этого не допустить. Те шестеро, что охотятся за тобой, разбились на три пары и идут по следам эха твоей души, осколки которого я разбросала по всему подземному городу.

— Они придут как вестники Ксам-ку, — произнес Слоустэк. — Они придут как вестники древних.

— Только не Ксам-ку. Пока что не его вестники. Великое воинство Уайлдкайотлей до сих пор находится за стенами мира в ожидании моей смерти, когда они до отвала наедятся человеческих душ, которые им намерен скормить Тцлайлок. Пока в Миддлстил проникли лишь тени Уайлдкайотлей. Твари, ведущие за тобой охоту, принадлежат к разряду меньших сил, это лишь крошечные жучки смерти, которые очищают кожу древних богов.

— Хороши жучки! — заметила Молли. — Мне бы их силы!

— Верно. Чего-чего, а силы им не занимать. Это злобные создания, и что самое главное, они оседлали самых гнусных, самых мерзких представителей твоего племени.

— Мы шли за тобой в наших снах, — произнес паровик, — когда еще были Сильвером Уанстэком, и мы пойдем за тобой сейчас.

— Тогда шагайте по моей тропе, мой верный металлический друг. А ты, Молли, беги, беги, сколько хватает сил. Беги, чтобы спасти собственное существование и надежду всего мира.

И они устремились вперед, словно позади них разверзлись врата ада.

* * *

Скрежет паровой пушки в руках коммодора заглушил другой звук, подобный морскому прибою в Шип-Тауне — такой громкий, что перекрывал свист металлических ядер, рикошетом отскакивавших от стен коридора. Коммодор Блэк убрал палец со спускового крючка, и в барабане медленно закружилось последнее оставшееся ядро. Снаружи доносились громкие крики — квотершифтские офицеры были только рады тому, что уравненные шакалийские революционеры своими трупами заблокировали коридоры.

— Ты слышал, приятель? — спросил коммодор у Оливера.

Тот перепрыгнул через разбитый прилавок.

— Это море, коммодор. Людское море.

Снаружи по улице бежала целая рота квотершифтских солдат. Шакалийские уравненные революционеры подняли рогатины, готовые насадить на них любого, кто подойдет близко. Потрясая каждая своим оружием, стороны сошлись в ближнем бою и обрушили друг на друга град безжалостных ударов. Уравненные были гораздо медлительнее, чем их не прошедшие уравнивания противники, вооруженные полемическими дубинками, однако их новые металлические тела позволяли им оставаться на ногах несмотря на многочисленные удары.

Блэк с восхищением наблюдал за ожесточенной схваткой.

— Вот уж никогда бы не подумал, что буду так рад увидеть свору парламентариев.

Два вида полемических дубинок выдержали натиск рогатин и легко раскраивали металлические черепа. Перед лицом врага уличные бойцы роареров и Движение Юных Пуристов объединили силы. Это был бой не на жизнь, а на смерть, никакой пощады не предполагалось, численное же преимущество оказалось, увы, не на стороне революционеров. Вскоре улица была усеяна металлическими телами. Лежа в снегу, некоторые из них продолжали дергаться, лязгая счетными барабанами. Из гуттаперчевых трубок на землю вытекали последние остатки крови.

Шакалийские уличные бойцы действовали как хорошо смазанный и прекрасно отрегулированный механизм. Оттащив тела уравненных в темные проулки между домами, они сорвали с мертвых квотершифтских солдат форму и взяли оружие, а сами трупы выбросили на помойку. К окну лавки подбежала девушка и, обмакнув в ведро с краской кисть, намалевала на окнах и стенах ряд перевернутых букв V.

— Зубы льва, — пояснил крупный мужчина, подходя к Оливеру и коммодору. — Лев Шакалии. Вы мистер Лок?

Коммодор покачал головой. Оливер указал на лежащее в

снегу тело старой оружейницы.

— Лок куда-то исчез. Демсон Лоуд мертва.

Человек поманил к себе уличных бойцов, и те принялись вытаскивать на улицу трупы уравненных. Расчистив коридоры лавки, они вернулись, но уже с охапками ружей и пистолетов, а также банками с соком самострельных деревьев.

— Вижу, она не одного забрала с собой, когда отправилась в странствие по Великому Кругу. Сразу виден настоящий патриот. А вы, сэр, вы тоже показали класс — сейчас такую технику редко где увидишь, настоящий классический бой. Мы слышали вашу стрельбу от самого Вайнсайда. Вы хартлендеры?

— Думаю, я просто независимая, свободно мыслящая личность, — ответил коммодор Блэк.

Оливер посмотрел на крупного мужчину — перебитый боксерский нос, редеющие волосы. Не удивительно, что его лицо показалось ему знакомым.

— Вы Первый Страж?

— Политическая обстановка в Шакалии уже не та, что прежде, — ответил Хоггстон.

Откуда-то с крыши донеслись крики. Это на дымовую трубу забрался дозорный.

— Кавалерия! Кавалерия!

Захватив с собой содержимое ружейного склада мамаши Лоуд, уличные бойцы устремились дальше, пока не скрылись из виду. Оливер однажды стал свидетелем того, как стоило в складе его дядюшки в Шип-Тауне зажечься лампе, и туча черных грызунов тотчас бросилась мимо тюков врассыпную — в считанные мгновения целая армия крыс исчезла, растворилась без следа буквально у него на глазах. Эти бойцы были куда проворнее.

Девушка, подавшая сигнал тревоги, соскользнула вниз по водосточной трубе.

— Экзоскакуны! Несутся сюда с севера!

— Должно быть, враги пробрались в конюшни Хэм-Ярда прежде, чем конюхи успели отравить животных, — произнес Хоггстон и посмотрел на коммодора и Оливера. — Умеют ли независимые личности бегать по переулкам?

Подводник кивнул.

— Еще как умеют!

До слуха Оливера донесся цокот копыт. С каждой минутой он становился все громче и громче. Вскоре всадники заполнили все переулки. Как-то раз, в Киккосико, юноше довелось видеть экзоскакуна. Клетку с животным поставили в лодку, и утлое суденышко заходило ходуном. Обычно животным давали

крабианское успокоительное. Перед тем как оседлать экзоскакуна, прием средства отменяли. Сделай это слишком рано, и в бою от животного не окажется никакого толку, оно будет и дальше спать на ходу. Стоит сделать это чуть позже — и такой скакун выкинет седока из седла и сожрет. Главное, правильно рассчитать время. Оставалось только уповать на то, что скакунов вовремя выпустили на свободу, однако клацанье когтей по мостовой убедило его в обратном.

Для человека, избалованного за последние несколько лет кулинарными изысками лучших миддлстилских поваров, Хоггстон бегал вполне прилично. Переулки сделались заметно уже, некоторые были настолько узки, что их еще не успело занести снегом. Всюду разбитые обшарпанные стены, ржавые трубы, бельевые веревки, на которых сушилось белье.

По закоулкам миддлстилских трущоб эхом разнесся жуткий вой.

— Их уланы не могут протиснуться в переулки! — пояснил Хоггстон, и при помощи полемической дубинки разворотил пирамидальную поленницу дров, заготовленную для чьей-то кухонной плиты. — А эти консервные банки, в которых они превращают людей! От них тоже почти никакого прока в этом муравейнике.

— Пехота, — произнес Оливер. — Впереди Третья Бригада.

— Квотершифтская солдатня не осмелится сунуть нос в эти закоулки, — возразил Хоггстон. — Здесь на каждом шагу можно угодить в засаду.

Топот солдатских сапог где-то впереди опроверг правоту его слов.

— У этого парня хороший нюх, Хоггстон, — вставил слово коммодор. — За версту чует всякие неприятности.

Все трое юркнули в какой-то переулок и помчались вперед. Вскоре они уже бежали вверх по грязным деревянным ступеням, затем по какой-то улочке, составленной из шатких помостов, на которую выходили двери дешевых трущобных домов. Снаружи ни души — узнав, что по улицам бродят вооруженные революционеры и квотершифтская солдатня, население Миддлстила предпочло запереть двери домов и не высовываться. Из какого-то переулка до беглецов донеслось пьяное пение. Таверна была по-прежнему открыта — видимо, кое-кто из обитателей местных трущоб решил: пока старые деньги еще в ходу, стоит прикончить все имеющиеся запасы джина. Прежде чем — в подражание своим соседям на востоке — Содружество Общей Доли Шакалии наложит запрет на производство, поставку и продажу горячительных напитков ввиду того, что потребление

жидких стимуляторов резко снижает производительность труда на народных предприятиях.

Хоггстон на секунду остановился, чтобы перевести дыхание.

— Им известно, где мы. Всякий раз, когда мы добегаем до улицы, ведущей из закоулков, они уже поджидают нас там.

Оливер кивнул. Все это ужасно напоминало шахматы, причем квотершифтские фигуры передвигались с поразительной ясностью. Не получай беглецы его предостережений о расположении солдатских позиций, они давно угодили бы в западню, если не в одну, так в другую. Коммодор Блэк, приставив ладонь козырьком ко лбу, чтобы глаза не слепило проглядывавшее в просветы между тяжелыми снежными тучами солнце, принялся разглядывать полоску неба над узкой улицей.

— Вон там!

Оливер посмотрел, куда указал коммодор, и увидел под облаками три треугольника из белого материала.

— Это не аэростат, коммодор.

— Небесный парусник, мой мальчик. Смотри, как он подает гелиопластиной сигналы своим друзьям на земле. Квотершифтские суда иногда посылают их парить над палубой, в тех случаях, если им кажется, будто их преследуют наши лодки.

Оливер открыл ствол одного пистолета и, достав из патронташа стеклянный заряд, сунул его в магазин.

— Отсюда тебе его ни за что не достать, — сказал Хоггстон. — Лучший стрелок, какой только найдется во всех наших полках, и тот не смог бы попасть в небесный парусник из длинноствольного оружия, не говоря уже о том, чтобы с такого расстояния подстрелить человека.

Оливер покрепче обхватил пальцем спусковой крючок. В мозгу его тотчас пронеслись призрачные образы: лошадь, взбирающаяся на далекую песчаную дюну. Стоило ему нажать спуск, и с нее слетел всадник. Женщина, бегущая по льдинам северного океана, — не более чем крошечная серебристая точка, поблескивающая на солнце. Грохнул выстрел и ее тело, описав в воздухе дугу, упало в ледяные воды. Оливер заморгал, отгоняя от себя наваждение.

— Я бы посоветовал вам закрыть рот, Первый Страж.

Он положил ствол на левую руку. Сначала было слышно, как треснул стеклянный заряд, затем, эхом отскочив от заклеенных рекламными плакатами стен, прогремел и сам выстрел. Потрепанные ветром и непогодой листки бумаги рекламировали напиток, который не продавался в Миддлстиле вот уже почти десятилетие. Вверху над их головами от небесного паруса отделилась серая точка и на головокружительной скорости

устремилась вниз, к земле. Оставшись без управления, гигантский воздушный змей, точно ястреб, тотчас взмыл к облакам.

— Да, управлять этими штуками нелегко, — произнес Оливер, выбрасывая отстрелянный патрон за мостовую, — особенно, если не пристегнуться.

— Разрази меня гром! — воскликнул Хоггстон. — А у вас, сэр, я смотрю, зоркий глаз.

— Теперь здесь полно патрулей, — ответил Оливер. — Наш небесный друг сделал свое дело.

— Я знаю, как нам поступить, — сказала девушка-дозорная. — Следуйте за мной!

И она бросилась в один из входов в лабиринт трущоб.

Вскоре стало ясно, что троим спутникам далеко до нее по части резвых юных ног. Постепенно их путь усложнился еще больше. Они достигли подвального уровня, где коридоры давно пользовались дурной славой. Большая часть их была заколочена досками, другие заброшены и стояли пустыми вот уже несколько столетий, с тех самых пор, как пресловутые шакалийские морозные зимы уступили место более теплому климату. Откуда-то из самых глубин, напоминая запах тухлых яиц, в нос била омерзительная вонь канализации. Запах был таким сильным, что Оливера чуть не вырвало.

Они нырнули в какую-то железную трубу и вскоре вышли на карниз. Перед ними по каменным ступеням каскадом стекала красновато-коричневая вода, впадая в бурный поток, в котором плавал самый разнообразный мусор. На противоположном краю карниза начиналась ржавая винтовая лестница, по которой можно было спуститься к стоявшей на приколе узкой барже. В кормовой ее части стояла бочка, с которой, подобно щупальцам кальмара, свисали гуттаперчевые трубки.

— Слава Великому Кругу, газосборная баржа на месте! — воскликнул коммодор.

— Она самая, — подтвердила девушка. — Мое детство прошло на газосборщиках. Надеюсь, вам известно, что газ горит ярче нефти, что особенно важно, если вы джентльмен или дама, и у вас есть библиотека.

— Вы трудились там в качестве подмастерья? — поинтересовался Хоггстон. — То есть, вы хорошо ориентируетесь в канализационной сети?

— При желании я могла бы пройти по этим каналам до самого Гримхоупа.

— Думаю, нас устроил бы дальний конец Вайнсайда, — сказал Хоггстон.

Девушка завела небольшой мотор, размером чуть больше чайника, и два весельных колеса пришли в движения, работая на газе, который добывала баржа. Блэк поднял якорь, и плоскодонное судно начало двигаться вперед по зловонной подземной реке. Хоггстон стоял на носу, сжимая в руке полемическую дубинку — этакий задумчивый паромщик в ожидании платы за переезд.

— Вам ничто не мешало сбежать, — сказал Оливер, обращаясь к Первому Стражу. — Например, в Катосианскую Лигу. Вы могли бы попробовать там набрать армию добровольцев.

— Я родился в комнатке бедной швеи рядом со станцией Спаутхолл и намерен умереть в особняке на Сан-Гейт. Насколько я могу судить, Третья Бригада — лишь горстка квотершифтского отребья, которую занесло к нам случайным ветром.

— Они не успокоятся, пока не поймают вас.

Хоггстон посмотрел на Оливера, затем на коммодора.

— А вы сами, во имя Великого Круга, кто такие? Вы стреляете, словно дьяволы, не боитесь вступать в бой с головорезами из Третьей, сколько бы их ни было. Кто вы такие? Дезертиры из особых полков, дуэлянты, ловцы уличного отребья, или же просто парочка ненормальных, сбежавших из сумасшедшего дома, когда город пал?

— Ну, как вам сказать, — произнес коммодор Блэк. — В общем, это долгая и жестокая история. Я всего лишь честный человек, чьи надежды на спокойную старость стали жертвой прихотливой судьбы.

— Насколько мне подсказывает мой жизненный опыт, честные люди, как правило, не трезвонят о своей добродетели. Вы же, сэр, стрелок. Я не вижу на вас татуировок уорлдсингера, а то, как ловко вы обходили патрули, пока мы шли по переулкам… все свидетельствует о том, что в ваших жилах течет дикая, необузданная кровь.

— Боюсь, я жертва все той же самой прихотливой судьбы, что и коммодор, — произнес Оливер. — У меня убили всех, кто хоть что-то значил для меня в этой жизни. И теперь я намерен отомстить им всем — и квотершифтской солдатне, и революционерам, и их мерзким древним богам. Я намерен сунуть их головы под набегающую волну и посмотреть, через сколько времени они захлебнутся.

— Думаю, мои первые впечатления меня не обманули, — отозвался Хоггстон. — Вы — два беглых безумца.

Оливер всматривался вперед — перед ним, освещаемый лучом газовой лампы на носу лодки, изгибался низкий туннель.

— Я чувствую их черные души.

— У меня тоже когда-то был точно такой же талант. Я, бывало, чувствовал, сколько голосов избирателей уже оказалось у меня в кармане, — отозвался Хоггстон и посмотрел вокруг. — Это старый пневматический туннель, вырытый еще в роялистские времена. С тех пор таких узких больше не рыли.

Они выплыли из тоннеля к развалинам станции. Железные болты в стенах — вот и все, что осталось от герметичной двери. Их юная проводница подвела баржу к шаткой лестнице, кое-как прибитой гвоздями к краю платформы.

— Конец маршрута, шкипер, — сказала она.

Коммодор Блэк помог ей привязать баржу. Хоггстон кое-как подтянул свою массивную тушу вверх по перекладинам лестницы и с громким стуком бросил полемическую дубинку на край платформы. Вскарабкавшись вслед за ним, Оливер увидел, как Первый Страж вытирает с кирпичной стены вековую грязь, под слоем которой оказалась мозаика, лишь слегка потускневшая от времени.

— «Скипетр», — произнес Хоггстон. — Станция «Скипетр». Здесь в течение пятисот лет, если не больше, пролегала пневматическая линия.

— Барышня, — проговорил коммодор, — вы доставили нас слишком далеко. Если я правильно помню старые карты, это место расположено на другом берегу реки, по ту сторону Гэмблфлауэрса. Здесь еще рядом с холмом стоит старый королевский дворец.

— Ошибаетесь, шкипер, — возразила девушка-проводник и, подойдя к железной двери, принялась вращать железное колесо. Надо сказать, что дверь подалась на удивление легко — не похоже, чтобы ее в последний раз открывали в стародавние времена, когда на троне Шакалии восседал абсолютный монарх.

— Я доставила вас туда, куда надо. Ни дальше, ни ближе.

Оливер потянулся за пистолетом. Увы, он почувствовал их присутствие слишком поздно. В следующее мгновение перед ними выросла шеренга вооруженных людей с пистолетами и луками наготове. Из-за их спин неожиданно выкатился в инвалидной коляске какой-то старик.

— Первый Страж, насколько я понимаю, вы сгорали от нетерпения, желая увидеться со мной.

— Бенджамин Карл! — прошипел Хоггстон. — Разрази вас гром! Провались вы в тартарары!

— Нет, лучше сначала вы, — произнес крестный отец карлизма. — Это вы плаваете по канализации с остатками пуристского мусора. Вы наконец обзавелись верными последователями, Хоггстон. Уважаемая демсон и джентльмены,

добро пожаловать! Добро пожаловать в революцию!

Капитан Флейр посмотрел на гвардейца — тот только что вернулся от квартирмейстера со списком необходимого снаряжения и провианта, чтобы с ним мог ознакомиться Бонфайр. Половина пунктов списка была вычеркнута.

— Ни за что не поверю, что у них есть лишь половина запрашиваемого количества зерна!

— Командир, неужели вы не видели, что творится в городе? — ответил гвардеец. — Люди отказываются работать, они боятся, что их схватят и отправят на уравнивание. Великий Круг, никто не знает, законно ли теперь вообще работать! Каналы замерзли, урожай под снегом, а Третья Бригада грабит все, что только попадется на глаза. Нам еще повезло, мы получили хотя бы половину.

— Нам нужен запас провианта для путешествия на юг, — произнес Бонфайр. — Тем более если учесть, что мы намерены основать там новый город.

— В квартирмейстерской сказали, что нужно подождать. В Гринхолле решили отрядить мусорщиков, чтобы те разбивали на каналах лед. Как только вторая и седьмая бригады перейдут границу, квотершифтские солдаты помогут нам с этим делом. В Содружестве сейчас пытаются снизить высоту проклятой стены. Сначала они хотели просто ее снести, но как только попробовали, то выяснилось, что уорлдсингеров, которые когда-то возвели эту стену, уже давно отправили в расход. Так что теперь они пытаются исправить дело при помощи старых колдовских книг.

— На это могут уйти месяцы, — произнес Флейр. — А где обещанный нам аэростат?

— С ним тоже возникла проблема, — отвечал гвардеец. — Есть одно судно, которым мы могли бы воспользоваться, сейчас пытаются собрать команду из авиаторов торгового флота.

— Торгового флота? А что, разве у нас не осталось военных пилотов?

— Похоже, мятеж в Шэдоуклоке прошел не так гладко, как мы рассчитывали. Флот наполовину подвергся чистке, но кто-то успел поставить в известность навигаторов и пилотов. Как только цитадель пала, выяснилось, что палубные офицеры куда-то исчезли. Люди Тцлайлока были вынуждены прогнать аэронавтов через Гидеонов Воротник, чтобы склонить к сотрудничеству тех, кому посчастливилось остаться в живых.

Флейр грустно покачал головой.

— Это наверняка вселило в них те же верноподданнические чувства, какие мы испытывали но отношению к ордену. Эти

идиоты не могут толком организовать праздник нового урожая, не говоря уже о самой революции. Разве так свергают тиранию! Где координация действий с Третьей Бригадой?

Бонфайр указал на происходящее под окном их комнаты.

— Кто-то их Бригады вас уже явно услышал.

Там, внизу, мимо тени Гидеонова Воротника, воздвигнутого здесь же, на дворцовой площади, в сопровождении своей свиты с царственным видом вышагивал командир Третьей Бригады маршал Ариндзе. Вскоре он уже входил в дверь, и капитан Флейр поспешил ему навстречу. Вслед за маршалом вошел и его любимец, Ловец волков в простой синей форме квотершифтской армии.

— Маршал, я понятия не имел, что вы имеете личное отношение к квартирмейстерской службе.

Ариндзе взял в руки лист с перечнем провианта, пробежал его глазами, после чего с презрительным видом передал одному из штабных офицеров.

— Отнюдь, компатриот капитан. Все ваши заявки было решено притормозить.

— Как это, притормозить? — искренне удивился Бонфайр, забыв о субординации.

Ариндзе пропустил его реплику мимо ушей.

— К сожалению, компатриот капитан, дела идут не так быстро, как мы надеялись. Миддлстил в наших руках, но повсюду в Шакалии силы тирании пытаются нам противостоять. Нам пока что не удалось поднять в воздух Королевский воздушный флот. Кроме того, разведчики доносят нам, что кое-кто, кому повезло остаться в живых, пытается сколотить вдоль южной границы шакалийские военные части.

— Это уже не наша забота, — ответил Флейр. — Снизьте высоту проклятой стены, перебросьте сюда по пневматическим туннелям подкрепление, отгоните канонерки в море Сепии и высадитесь с десантом на севере. Не мне вас учить, как проводить военные кампании.

— Первый Комитет Шакалии придерживается иного мнения! Это наша забота! — возразил маршал Ариндзе. — Если вы требуете себе отдельную территорию, то должны взять ее в боях.

— Взять в боях! — Флейр негодующе ткнул в Ариндзе пальцем. — Мы не какие-то там просители, пришедшие с протянутой рукой в дом призрения, маршал. Свободное Государство Феев — наше! У нас имеется договоренность с Тцлайлоком. Мы работаем вместе с ним, а не на него. Особая Гвардия не является подразделением неустрашимых, и пусть жители Миддлстила, которых вы пачками убивали на улицах

города, всего лишь жалкие хэмблины, они были и остаются подданными Шакалии.

Ариндзе щелкнул пальцами, и кто-то из офицеров протянул ему скатанный в трубку лист бумаги.

— Ко всем революциям прилагается счет от мясника, компатриот капитан. Пора и вам запачкать руки в крови. Вот вам приказ Первого Комитета.

Флейр сорвал восковую печать и быстро пробежал глазам написанное.

— Пройти маршем до нагорья под началом второй роты Третьей Бригады. Должен ли я понимать это как шутку? У меня имеется уговор, маршал Ариндзе. Получи мы такой приказ, мы бы подняли мятеж против вас, но нам было сказано, что нам не придется сражаться против своих же полков. Мы сделали все для того, чтобы, когда вы атаковали Шакалию, Королевский воздушный флот остался на земле. Мы сделали все для того, чтобы каждый гвардеец, каждый торговый лорд, каждая важная персона Шакалии была здесь, в Миддлстиле на церемонии коронации, когда вы войдете в город. Без поддержки со стороны Особой Гвардии остатки вашей армии уже давно бы ковыляли к себе назад в Квотершифт, вытаскивая из своих тел осколки сброшенных с аэростатов бомб.

— Еще ни один план битвы не остался неизменным после столкновения с неприятелем, компатриот капитан. Времена изменились. Изменился и уговор.

— К черту вас и ваш уговор! — выкрикнул Бонфайр. — С какой стати ты, грязный хэмблин, собрался изменить уговор! Давай посмотрим, устроят ли тебя мои условия!

Из кулака гвардейца вырвался язык пламени. На мгновение фигура маршала осветилась призрачным светом. Ариндзе, взревев от боли, рухнул на пол и забился в конвульсиях. Флейр оттолкнул руку Бонфайра, направляя огонь к потолку, а самого гвардейца, несмотря на отчаянное сопротивление, подтащил к себе, подальше от квотершифтских офицеров.

— Посмотрим, захочет ли Тцлайлок со своим комитетом пересмотреть условия уговора, когда я оторву тебе голову и принесу ему в мешке, ты, подонок! — не унимался Бонфайр.

Ариндзе поднялся на ноги.

— Поднять руку на офицера Третьей Бригады — преступление, влекущее за собой смертный приговор, компатриот гвардеец!

— Я не состою в твоей армии. Я вообще больше не отношу себя к расе людей.

— Убейте его! — приказал Ариндзе.

Из-за спины маршала вышли два уорлдсингера из числа его свиты и, читая нараспев заклинания, обошли Бонфайра кругом. Гвардеец разразился хохотом, однако уже в следующее мгновение на лице его возникло выражение неподдельного ужаса. Его тело прямо на глазах начало собираться складками, словно кто-то решил невидимым прессом сделать его плоским как лист бумаги. На серебряном торке Бонфайра засветились огни, с каждым мигом делаясь все ярче и ярче, громко втягивая в себя воздух, отчего сам торк загудел и засвистел, словно закипающий чайник. Конечности гвардейца начали трещать и лопаться, как будто под тяжестью собственного веса. Кожа покрылась трещинами, из которых хлынула кровь лопнувших кровеносных сосудов. Бонфайр искривился, словно штопор, поддерживаемый в вертикальным положении невидимым полем, так как от мускулатуры остались уже одни лохмотья. Затем оба уорлдсингера перестали петь, и кровавая масса, в которую превратилось тело гвардейца, с омерзительным шлепком свалилась на плиты пола.

Флейр машинально потрогал торк у себя на шее.

— Нашим уорлдсингерам пришлось хорошенько попотеть, прежде чем им удалось снять магические замки с ваших маленьких ожерелий, — заявил маршал Ариндзе. — Насколько мне известно, на это ушло три года огромных, невероятных усилий. И еще два года на то, чтобы оставить их на месте, но нейтрализовать курок. Неужели вы и впрямь думаете, что мы потратили столько времени и сил лишь на то, чтобы такая непредсказуемая сила, как Особая Гвардия, не знала на себя управы? Мы не стали нейтрализовать замки, компатриот капитан, мы просто внесли в них кое-какие изменения.

Флейр в ужасе отшатнулся.

— Что я наделал! Что я наделал!

— Не переживайте, компатриот капитан, обещанная вам территория на юге никуда от вас не денется. Но только после того, как вы отправитесь сражаться за нее; после того, как вы возьмете ее с боем. Вот увидите, вам понравится сражаться в составе Третьей Бригады. Мы не такие лицемеры, как компатриот Тцлайлок и его Первый Комитет. Никто в Содружестве Общей Доли не будет становиться в очередь на переделку тел, как сейчас происходит на ваших фабриках. Мы гордимся собственными телами, и чем они крепче, тем лучше служат делу революции.

Ариндзе пробежал пальцами по груди майора Вилдрейка.

— Ваши гвардейцы по праву гордятся своими сверхъестественными способностями, и эти способности сослужат нам хорошую службу. Мы заложим город феев, чтобы вы

плодились и размножались. В будущем ваши дети станут ударными частями революционных войск.

— Мы свободны, — произнес Флейр, словно, повторенные несколько раз, его слова станут истиной.

— Нет большей свободы, нежели верная служба своему обществу, — изрек Ариндзе. — За службу в рядах гвардии, за защиту правого дела полагается вознаграждение. Круговистские лицемеры нам не указ. Мы не вешаем наших солдат за то, что они насилуют женщин. Мы не вешаем их и тогда, когда они на вражеской территории воруют кур у крестьян. Мы поручаем сильным мужчинам делать то, что по плечу лишь сильным мужчинам, главное, мы делаем это во имя народа. Мы обязаны вселять ужас в сердца врагов, и потому дух наших бойцов должен быть столь же закален, как и сталь сабель, которые они держат в руках.

— Тебе, Флейр, сейчас нелегко, — произнес Вилдрейк. — Я сам шакалиец, кто, как не я, способен понять тебя. Но эти люди признают природу нашей расы. Они открыли мне глаза на принципы общества, показали, каким слабым и мягкотелым я стал, и насколько прогнила наша Шакалия.

— Порой, чтобы увидеть всю красоту нашего учения, лучше родиться не в Содружестве Общей Доли, а в другой стране, — заметил маршал Ариндзе. — А теперь, где король, которому не досталась корона? Я хочу сказать, где тот щенок?

— Алфей? — уточнил Флейр. — Зачем он вам понадобился?

— Лично мне он не нужен. В отличие от Тцлайлока.

— Принц Алфей помог революции свершиться, — произнес Флейр, едва сдерживая закипающий гнев. — Это благодаря его стараниям, когда вы вошли в Миддлстил, все нужные вам лица оказались на месте.

— Теперь компатриот Алфей послужит делу революции в очередной раз.

— Каким же образом? — поинтересовался капитан Флейр. Ариндзе подозвал к себе группу уорлдсингеров и солдат и распорядился обыскать дворец.

— Этот вопрос лучше задать председателю Тцлайлоку. Как я уже сказал, у ваших соотечественников немало странностей.

— Уговоры меняются, — пробормотал Флейр. Его глаза смотрели на уорлдсингеров в рядах квотершифтских солдат с нескрываемым омерзением. Странный мальчишка-фей, которого они тогда схватили, оказался прав. В конечном итоге они лишь поменяли одних хозяев на других.

Молли никогда не бегала так быстро — ни разу за всю свою

жизнь. Даже такой неутомимый ходок как Слоустэк, и тот едва поспевал за ней. Ее ноги буквально гудели, это была боль, которую мог заглушить лишь бег из последних сил. Казалось, будто каждая частичка ее крови закипала от близости к Гексмашине. И чем ближе она к ней подходила, тем сильнее менялось ее тело. Теперь Молли ощущала боль всей земли. Города и туннели чимеков были сродни шрамам старой зарубцевавшейся раны, гравированные кристаллы, что давали свет их городам, — сродни пиявкам, присосавшимся к источнику мировой энергии. Под землей силовые линии стали венами, по которым она струилась в колоссальном количестве. Скальная порода и магма кипели крошечными формами жизни — истечениями земли; ее мировой груз — душой земли. Ее дыхание, ее вздохи — все осквернено грубыми манипуляциями, которые древние боги осуществляли, проникая сквозь дыры реальности.

Но Молли чувствовала не только это — на поверхности, а не под землей, нечто страшное преследовало всю планету, чтобы растерзать ее на клочки. Это нечто пока не было видно, но как оно ни отгораживалось, как ни пряталось, для земли оно было сродни тому, как если бы по ее чувствительной коже полоснули острым ножом. Молли превращалась в бабочку, но ее тело, ее куколка, еще никуда не исчезла и служила напоминанием о страстях и желаниях человеческого племени. Так, например, Молли ощутила жуткий голод. Сама не отдавая себе в том отчета, она свернула с дороги, и они со Слоустэком покинули туннель, по которому шагали — он некогда соединял поместье чимекского жреца с одним из подземных городов, — и через трещину в стене вышли в пещеру.

С потолка прямо у них над головами свисали перевернутые ступенчатые зиккураты, похожие на гигантские сталактиты. По полу пещеры, высоко приподнятые над землей, тянулись каменные улицы, так хорошо сохранившиеся. Если не считать трещин и кое-где обрушившегося потолка, то можно было бы подумать, что чимеки покинули город лишь пару минут назад. В тени приподнятых мостовых произрастали, покачиваясь, целые поля каких-то растений с луковицеобразными головками. В центре каждого поля высилась хрустальная пирамида. Между их вершинами и осветительными кристаллами на потолке время от времени проскакивал электрический разряд, и тогда они вспыхивали ярким светом. Так вытягивалась энергия токов земли и при помощи пирамид рассеивалась между растениями.

Молли со всех ног бросилась по одной такой пустынной дороге к полям.

— Еда, Слоустэк! Целая пещера еды!

Паровик едва поспевал за ней, громыхая скрежещущими гусеницами по камням древней мостовой.

Молли указала в сторону углублений — стебли растений качались и подрагивали, втягивая в себя энергию пирамид.

— Эти поля ждали нас целую тысячу лет! И никто их не охраняет!

— Будь благоразумна, мягкотелая Молли. Прикоснись к этим стеблям своим сознанием. Почувствуй истинную суть этих растений, скрытую от глаз.

Молли вняла его совету и тотчас отпрянула, вздрогнув от омерзения. Ее едва не вырвало, а голод как рукой сняло.

— Если ты отведаешь этих растений, то уподобишься Тцлайлоку, мягкотелая Молли, потеряешь рассудок, и тебя будет вечно терзать неукротимый голод. Когда наступил период глобального похолодания, государства, которые впоследствии образовали империю Чимеков, кормили свое население при помощи самых изобильных ресурсов, какие только могли придумать их маги.

— Люди, — прошептала в ужасе Молли. — Великий Круг! Эти растения когда-то были людьми!

— Магам не составило труда при помощи черной магии превратить их в растения, — пояснил Слоустэк. — Тем более что на поверхности были миллионы людей, которые все равно умерли бы от холода. Имперские легионы воспринимали эти поля как своего рода дань тех наций, что остались жить на поверхности.

Теперь ей все стало понятно. Тело, ноги и руки — все это слилось в единое целое, превратившись в стебель. Вмятины и выпуклости на луковице — то, что когда-то было лицом. Сами люди оказались скрещены со мхом и лишайником. Отныне они размножались простым делением и потому произрастали в изобилии. На протяжении сотни поколений эти люди-растения росли здесь при искусственном освещении подземной империи, поглощая животворную энергию вращения планеты. Не все люди-растения произошли от человеческого рода, к которому принадлежала Молли. Были здесь и другие, например те, в которых явственно угадывались черты грасперов и крабианцев — похоже, чимеки достаточно часто разнообразили свое питание. Стоит ли удивляться, что Гексмашина покинула эту презренную расу, чтобы греть свое тело в центре планеты.

— Эти растения нельзя есть, мягкотелая Молли, а вода, которую они потребляют, поступает сюда из расположенных под морским дном хранилищ. Она очищается при прохождении через многочисленные фильтры. Думаю, нам, как и тебе, нужно пополнить запасы бойлерной системы.

Паровик повел за собой девушку по пандусу вниз с возвышавшегося над полом дорожного полотна. Молли передернуло от омерзения при мысли, что нужно спуститься в поле, однако жажда взяла свое. Ряд за рядом перед ней высились мясистые растения. Зеленую кожу стеблей покрывал легкий пушок. Луковицы венчал колос, похожий издали на желудь, однако стоило подойти ближе, как становилось ясно, что это сросшиеся плотным панцирем волосы.

Слоустэк отыскал распределительный кран, питающий ирригационную систему — им оказалась статуя в форме зеленого пузатого жука. Паровик открыл нагрудную панель и влил в себя столько воды, сколько уместилось в баках. До сих пор Молли утоляла жажду из внутренних запасов паровика, и вот теперь наконец смогла напиться вволю чистой воды. Жидкость была холодной и кристально-чистой — такой вкусной воды на поверхности Молли ни разу не пробовала. И уж точно, такая никогда не лилась из кранов общественных бань Миддлстила. Неожиданно под ее ногой что-то хрустнуло, и Молли наклонилась посмотреть, что там такое. Кстати, какой странный запах исходит от колосьев. Где она его уже встречала?

— Слоустэк…

Паровик оторвал внимание от крана и вопросительно посмотрел на Молли.

— Слоустэк, если мы здесь одни, то почему на земле валяются вылущенные колосья, причем рядом с водой?

— Боюсь, что успокаивающего ответа на свой вопрос ты не получишь, мягкотелая Молли. Пора уходить отсюда, и как можно скорее.

Слоустэк уже наполовину поднялся на пандус, когда мимо его груди пронесся мощный энергетический разряд, рикошетом отскочивший от соседней пирамиды. Дисперсионный механизм гудел гневом и поливал соседние растения электрическими разрядами. В другом конце пещеры по ступеням, что вели вниз с перевернутых зиккуратов, каждая в облаке жутких черных лучей Уайлдкайотлей, огромными прыжками неслись две фигуры. Охотники!

— Назад в трещину! — крикнул Слоустэк, вернее, звякнул голосовым аппаратом. — Бежим в туннель!

— Нет, Слоустэк! — возразила Молли и потянула паровика назад на пандус. — Если ты доверяешь мне, тогда следуй за мной.

И она со всех ног бросилась вдоль стены, и в следующее мгновение нырнула в ирригационный канал.

— Молли, мягкотелая Молли! Ты что, свихнулась?

Молли вылезла из ледяной воды. Одежда на ней промокла до

нитки.

— А теперь бежим через поле. Выйдем из пещеры на той стороне.

— Но это самый долгий путь отсюда.

— Знаю, — ответила девушка, хватая паровика за руку-манипулятор.

Стоило им нырнуть в гущу растений, как ступни Молли тотчас ощутили легкое покалывание — это энергия, что подкармливала людей-растений, щекотала ей пятки. По икроножным мышцам пробегали легкие судороги. Стебли тотчас распрямлялись, стоило паровику придавить их своими гусеницами. Над головой у Молли, потревоженные вторжением, в немой агонии раскачивались луковицы. Молли и ее спутник вскоре потеряли из виду стены пещеры и даже приподнятые мостовые, однако девушка доверяла чутью паровика, его умению ориентироваться, и потому не боялась сбиться с дороги.

Слева от них головки растений взорвались фонтаном мясистой мякоти — это черный кулак одного из преследователей испустил смертоносный заряд. Оба каторжника стреляли вслепую, так что основной удар пришелся по несчастным чимекским растениям.

— Берегись, девчонка! — крикнул один из них, хотя голос его явно доносился издалека. — Я смешаю тебя с грязью! Я стану терзать твое тело когтями и клыками!

Очередной удар, и рядом с беглецами вверх взлетело зеленое облачко.

— Быстрее, мягкотелая Молли! — Зрительная пластина паровика раскалилась; энергия ближайшей пирамиды грозила вот-вот вывести из строя его внутренний механизм.

— Кричите-кричите! — пробормотала себе под нос Молли. — Вам не помешает хорошенько раскочегариться!

Наконец растения остались позади. Значит, они наконец достигли задней стены поля. Слоустэк подхватил Молли и, неожиданно развив головокружительное ускорение, влетел на склон, а потом и вообще взмыл в воздух над приподнятым дорожным полотном. Еще секунда, и он с грохотом приземлился на мощеной дорожке, в гневе вращая гусеницами. Молли обернулась и посмотрела на плантацию людей-растений. Парочка каторжников пробежала примерно две трети поля. Не обращая внимания на покачивающиеся стебли, они неуклонно приближались к беглецам.

— Мягкотелая Молли, нам надо…

— Секундочку, — сказала Молли, стряхивая с волос воду.

От растений исходил шум, какое-то невнятное кудахтанье и

клекот. Неожиданно из самой их гущи выскочила стая белых лохматых остроклювое.

— Дикие остроклювы, — произнес Слоустэк, обернувшись на крик ящерообразных млекопитающих.

Привлеченные кровавым пиршеством откуда-то из соседних полей, стуча острыми когтями правой ноги о выложенную камнями дорогу, появились новые стаи подземных альбиносов. Они были умны, эти твари, куда умнее, чем полагали жители Гримхоупа. Молли тотчас поняла, что этот стук неспроста — в нем явно заложена какая-то информация. Остроклювы жили в туннелях и были почти слепы, однако они давно открыли для себя такой ценный источник пищи, как чимекские поля, и теперь никому не было позволено вторгаться на их законную территорию.

На плантации, из которой они только что выкарабкались, взорвалась волна энергии. Растения тотчас вспыхнули огнем; не выдержав жары, их головки быстро разбухали и трескались. Один из преследователей рухнул и забился в судорогах; обитавшие в нем Уайлдкайотли вырвались наружу. Что касается его напарника, еще пара минут — и он будет растерзан хищными подземными альбиносами.

Жара в подземных пещерах стояла невыносимая, и платье на Молли высохло очень быстро. Она почувствовала, что скоро снова начнет исходить потом.

— Надо поторапливаться, Слоустэк!

Глава 23

Не обращая внимания на крики принца Алфея, его подтащили к кресту и привязали ремнями к холодному камню.

— Не трогайте мои руки, у нас ведь был уговор! Я помогал вам, неужели вы забыли!

— Сейчас ты поможешь нам снова, — произнес Тцлайлок. — Тебе не нужно переживать по поводу рук, компатриот, мы не собираемся их отрезать. Это был лишь символический жест, нужный старому режиму, чтобы отвлечь толпу от насущных проблем. У нас есть куда более эффективные методы сдерживания чересчур ретивых соотечественников.

Принц попытался повернуть голову, чтобы лучше разглядеть стеклянный резервуар, в котором булькала кровь.

— Это еще что такое? Что вы делаете?

— Это линза, которая обостряет чувствительность нервных окончаний. А теперь ни звука, если тебе дорога жизнь. Вскоре нам понадобятся все твои силы. Впрочем, мне почему-то кажется, что ты протянешь не так долго, как моя милая маленькая барышня.

— Но ведь вы сказали, что освободите меня!

— Как я мог такое забыть? — переспросил Тцлайлок. — Ирония судьбы состоит в том, компатриот, что именно вы своей кровью освободите всех остальных людей.

— Во мне больше нет королевской крови! — рыдал Алфей. — Я отрекся от трона, как и обещал. Можете взять трон себе. Дайте мне уехать отсюда в свободное государство феев.

— Твоя королевская кровь мне не нужна, — ответил Тцлайлок. — Как странно, однако, что в Гринхолле нет официальных свидетельств того, что ваша ветвь и ветвь Виндекса когда-то объединились. Но есть и куда более странные вещи. До тебя не было ни единого случая, чтобы королевский отпрыск нес в своих жилах меченую кровь. Вот что происходит, когда вы, как грязные крысы, спариваетесь без надлежащего надзора.

— Меченая кровь? На мне нет никакого проклятия! Отпустите меня! Прошу вас, ради Великого Круга!

— Твоя роль в истории страны будет исполнена совершенно иным смыслом, — заявил Тцлайлок. — Нет, ты не доблестный ангел из рядов пролетариата, готовый отдать жизнь ради правого дела. Ты последний оплот тирании, который народ сверг, чтобы окончательно поставить точку на старом режиме и открыть врата прекрасному новому миру.

Жрецы культа саранчи привязали принца к каменному кресту

и кивнули председателю Первого Комитета.

— Позвольте мне уйти из дворца! — выкрикнул Алфей. — Я хочу покинуть Миддлстил!

— Вы больше не в Миддлстиле, компатриот. Когда мы закончим, мы найдем для вас подходящее место в музее, в виде чучела, рядом с каким-нибудь фабрикантом. Последний король Шакалии, который так и не был коронован.

— Прошу вас, ведь вы обещали мне!..

Тцлайлок посмотрел на жрецов культа саранчи.

— У меня к вам просьба, прекратите этот скулеж. У меня от него вот-вот заболит голова.

Жрецы проверили символы на панели управления, и в следующее мгновение подземное помещение наполнилось душераздирающим воем.

— Вот так лучше.

За спиной у принца, словно разделяя его муки, забулькал котел с кровью последних операторов. Тцлайлок удовлетворенно кивнул. Где-то далеко внизу эта чертова машина тоже сейчас корчится в муках. И даже если бедняжка Молли Темплар еще не отдала свою жизнь во имя правого дела, операторов осталось всего двое, и только на них двоих Гексмашина могла распространить свое влияние. Один из них сейчас в бегах, спасает свою шкуру, другой — того гляди расстанется с жизнью.

Стоило Тцлайлоку случайно увидеть в стеклянном сосуде свое отражение, как злорадство уступило место недовольству собой. За последнее время он слишком раздобрел. Он перевел взгляд на жрецов культа саранчи, и вынужден был отметить, что и те тоже прибавили в весе. Сказываются последствия уравнивания, а также урожай сердец, регулярно снимаемый при помощи Гидеонова Воротника. Уайлдкайотлям совершаются постоянные жертвоприношения, и как тут устоишь, как не попробуешь пищу, предлагаемую богам! На какое-то мгновение Тцлайлоку в голову закралась крамольная мысль: с его стороны и со стороны пастырей это знак неравенства, но она тотчас улетучилась из его головы. Вот ведь какую нелегкую ношу он взвалил на себя, вот каких сил требовала от него эта ноша! Не удивительно, что тело, чтобы оставаться крепким и сильным, нуждается в хорошем питании — таково требование революции. И все же странно: чем больше он ел, тем сильнее его мучил голод. Нужно переместить это чимекское приспособление на улицу, на Парламентскую площадь, подумал Тцлайлок. Куда приятнее будет наблюдать за мучениями последнего монарха Шакалии из окон Палаты Стражей.

В следующий момент помещение прорезал

душераздирающий вопль — это машина решила испробовать на принце один из своих многочисленных сюрпризов: изменила характер его болевых ощущений. Тцлайлок взъерошил несчастному волосы. Фу, какие короткие и жидкие волосенки, не то что пышные огненные локоны компатриота Темплар. Что ж, каждый делает, что может. У каждого в новом порядке своя цель, свое назначение. Даже у мерзкого роялиста.

Оставшись без оружия, Оливер, Хоггстон и коммодор Блэк сидели в помещении, которое — как ни странно, казалось даже по-своему уютным, если учесть, что это была лишь заброшенная станция пневматической линии. Лишь присутствие изгоев, вооруженных допотопными ружьями и луками — кстати, нацеленных на троих пленников, — говорило о том, что в данный момент они находятся не в библиотеке какого-нибудь почтенного джентльмена.

Бенджамин Карл вкатил себя на инвалидной коляске, и, лавируя между стульями, приблизился к столику, на котором стояла старинная масляная лампа с двумя рожками. Голова вдохновителя революции сияла в ее свете. Небольшая серебряная тонзура — вот и все, что осталось от некогда пышной шевелюры всемирно известного революционера.

— Послушай, приятель, — подал голос коммодор Блэк, — надеюсь, в твои планы не входит пытать нас? Я что-то не вижу на твоем столе пыточных инструментов.

— Пытать? Я всегда считал, что настоящая пытка — это когда приходится слушать предвыборные речи приятелей Хоггстона. Нет, я бы хотел предложить вам по чашечке каффиля. Демсон Бедбери, вы бы не согласились поухаживать за нами?

Девушка, которая выдала их карлистам, вышла из библиотеки, но вскоре вернулась с дымящимся кофейником и четырьмя чашками.

— Я смотрю, Карл, время тебя пощадило, — заметил Хоггстон. — Особенно если учесть, что, по-моему, ты был мертв еще пару недель назад. Не считая инвалидной коляски…

Бенджамин Карл ударил ладонями по спицам колес.

— Я здесь не по причине возраста, Первый Страж. Меня похитили политические авантюристы из числа тех, кто в дебатах чаще занимают вашу сторону. Пришлось прыгать с круглого черного аэростата, и, как вы видите, приземлился я не совсем удачно.

— Тайный Суд? А я-то всегда думал, что это старые парламентские сказки, нужные лишь для того, чтобы я не позволял себе лишнего. Тебе, Карл, всегда чертовски везло.

— Я ничего не придумываю. — Старый революционер указал на стены своего жилища. — А теперь и вы делите со мной мое везение, Первый Страж. В ваших нищенских лохмотьях, провонявших помойкой, в то время как по проспектам Миддлстила маршируют головорезы из Третьей Бригады.

— Содружество Общей Доли — твое детище, Карл. Неужели твое сердце не переполняется гордостью при виде их свершений?

Бенджамин Карл развернул коляску и вытащил с полки какую-то книгу.

— «Общество и общее дело», первое издание. Ей цены нет на черном рынке с тех самых пор, как вы запретили ее.

С этими словами он бросил книжонку Хоггстону.

— Скажите мне, вы, пуристский кретин, где в ней говорится, будто мы собираемся устроить лагеря, чтобы воспитывать в них детей, которых будем отбирать у родителей? Что будем выстраивать наших граждан под тенью Гидеонова Воротника? Что одна страна должна нападать на другую? Что поставим себе на службу банду головорезов, чтобы они пинками вышибали двери и тащили людей на переработку? Найдите в книге место, где я это написал!

Хоггстон поймал книжку и помахал ею в сторону Бенджамина Карла.

— Может, слов здесь таких и нет, Карл, но именно так и оно происходит. Так и происходит, стоит лишь навязать твой идеальный общественный строй людям, которые появляются на свет без чьей-то указки, умирают без чьей-то указки и живут свою жизнь как хотят, опять-таки, без чьей-то указки.

— Дорогой пурист, вы можете родиться на свет без чьей-то указки, но есть неумолимый закон природы, который закрепляет кусок земли или право рождения за тем, кто еще находится в пеленках. Мы все приходим в мир, который принадлежит нам всем в равной степени.

— Это заявление разбойника с большой дороги, Карл. Ваша пресловутая община — лишь повод для тех, кто прожил свою жизнь в безделье, заявиться к трудяге-фермеру, который гнул на полях спину до седьмого пота, и, приставив к его груди шпагу, потребовать справедливую долю его урожая.

— Похоже, я только понапрасну трачу с тобой время, пурист! — крикнул Карл.

— Верните мне, сэр, мою полемическую дубинку, и я преподам вам хороший урок, который ваши люди побоялись усвоить после выборов 1566 года.

Оливер — в каждой руке по пистолету — вклинился между обоими спорщиками. Изгой, который держал их вместе с

полемической дубинкой Хоггстона, растерянно заморгал: черт, ведь они только что были у него! Двое лучников посмотрели на свои стрелы, проверяя, на месте ли они. Оливер подбросил один из пистолетов в воздух, повернулся и увидел, как стрела с глухим стуком впилась в книжный шкаф. Вторую он также перехватил и с силой вогнал металлический наконечник в письменный стол, после чего вновь поймал в руку пистолет и разразился дьявольским хохотом.

— Самое время для чашечки каффиля, Бен Карл! — произнес он. — Как же так? Ты даже не потрудился привести сюда Первого Стража, чтобы обсудить с ним политическую философию.

— А ты кто такой, компатриот?

— Я и есть тот самый народ, во благо которого вы, два старых шута, якобы трудитесь!

— Вы же не хотите испортить народу настроение? — вставил слово коммодор.

— Ну, вы скажете! — ответил Бен Карл. — Мне показалось, что стороны вроде бы как забыли о разногласиях и решили работать заодно. А как вы отнесетесь к идее… расширенного союза?

— С вами? — спросил Хоггстон. — Великий Круг! Я думал, вы будете прыгать и хлопать в ладоши от радости. Довожу до вашего сведения — на тот случай, если вы не заметили — что это ваши люди сейчас расхаживают по поверхности.

— Якоб Вэлвин был блестящим ученым, Хоггстон, моим лучшим учеником. Когда мы с ним познакомились, это был скромный, застенчивый человек, который провел свои лучшие годы, обучая найденышей из работного дома грамоте. В возрасте шестидесяти шести лет он в течение двух недель подвергался избиению и пыткам в застенках политической полиции. Главное, заметьте, официального обвинения ему предъявлено не было. Ведь он попал в лапы к вашим хваленым юным патриотам. После того, как Якобу удалось бежать, цена за его голову уступала разве что цене за мою. Скажите, кто из нас преподал лучший урок человеку, который сейчас называет себя Тцлайлоком, вы или я?

— Ваши агитаторы едва не развязали в Шакалии гражданскую войну, — возразил Хоггстон. — По ту сторону границы Квотершифт в течение десятка лет купался в крови по вине вашего идейного наследия. Так по какой же причине, сэр, я сейчас должен заключать соглашение с дьяволом?

Карл наполнил одну из фарфоровых чашек и протянул ее Первому Стражу.

— По той же самой, что и я, компатриот пурист. Я отказывался сносить вашу тиранию, однако Тцлайлок превзошел

вас по части жестокости. Он тем более омерзителен мне, что пытается рядиться в перелицованные одежды коммьюнистской истины. Ни один из нас в одиночку не в состоянии сбросить его режим, а вот вместе… Скажите честно, Хоггстон, вы прочли мою книгу, прежде чем бросить ее в огонь?

— Ваша проклятая философия сродни чуме, — ответил Первый Страж. — Разумеется, прочел.

— Тогда скажите, какая в ней последняя строчка?

Коммодор Блэк взял со стола том и открыл последнюю страницу.

— Сила не имеет смысла, если ею не пользуются во благо слабых. Одну хворостинку переломить нетрудно, связка хвороста — это уже общество, а общество переломить невозможно.

— Союз с карлистом, — фыркнул Хоггстон. — Да после этого парламент сместит меня с должности. Сколько у вас приверженцев?

— Целый город, Первый Страж. Настала пора, чтобы голос народа был снова услышан.

Хоггстон поднял чашку.

— За народ, коммьюнистский пес!

— За народ, рабовладелец-пурист!

Оливер одобрительно кивнул и сунул в кобуру оба пистолета. Хоггстон посмотрел на него.

— Стрелок, это судьбоносный момент! Куда ты собрался?

— Куда еще можно уйти, когда власть переходит к безумцам? Пойду проведаю, как там дела в сумасшедшем доме.

Молли уже пожалела о том, что не выпила больше воды, когда у нее была такая возможность. С каждым часом жара становилась все более нестерпимой, она утомляла, отнимала последние силы. Единственное, что поддерживало Молли, что подпитывало ее и вселяло надежду — близость Гексмашины. Она пыталась ехать верхом на спине Слоустэка, но его металлический корпус раскалился как горячая сковородка. Молли подумала, что при желании она могла бы поджарить на нем яичницу.

Где-то рядом была вода, поступавшая по невидимым охладительным трубам чимеков. Близость воды угадывалась по легкой туманной дымке, висевшей в подземных залах. Кристаллы, обеспечивавшие охлаждение, здесь, в глубине, наверняка изношены куда сильнее, нежели те, что располагались на более высоких уровнях Глубин Дуицилопочтли. Некоторые из них расплавились, другие треснули, не выдержав испытания жарой, и стали похожи на скорлупу яиц, из которых только что вылупились цыплята. Полы тоннелей, по которым шли беглецы, были густо

усеяны осколками.

Молли замедлила шаг. На каменной стене тоннеля были вырезаны какие-то рисунки — овалы, а в середине каменные круги. Она почему-то подумала, что стена отделяет их от подземного резервуара с водой, такой же чистой и холодной, как и вода в ирригационной системе верхних уровней, орошавшая поля с растениями-людьми и поступавшая в города.

— Давай сделаем передышку, Слоустэк, нужно напиться, иначе мы вот-вот рухнем без сил, — сказала она и постучала по стене.

Паровик подошел к ней ближе; его труба раскалилась так, что светилась оранжевым светом.

— Мы понимаем тебя, мягкотелая Молли, но мы должны идти дальше. Осталось недалеко.

— Но ведь там вода! — Она вновь стукнула кулаком по стене.

— Нет, Молли, — возразил паровик и провел рукой-манипулятором по выгравированным на стене знакам. — Это не охладительная труба. Это отвод для давления магмы, которой в этих глубинах наполнено тело земли, жидкий огонь, мягкотелая Молли. Вот почему в разных местах устроены специальные каналы — на тот случай, если давления магмы будет грозить взрывом.

Молли простонала и опустилась на колени.

— Не понимаю, как только чимеки жили в таком пекле?

— Их охладительный механизм ничуть не пострадал от того, что тысячу лет за ним никто не следил, мягкотелая Молли. К тому же от жары была польза, причем немалая. В самые суровые годы глобального похолодания тепло можно было подавать наверх, тем самым ставя в зависимость обитавшие на поверхности народы. Ведь чтобы выжить, нужен был скот — и как рабская сила, и как пища.

Молли нехотя поплелась вслед за паровиком. Пещеры, через которые они шли, сделались заметно меньше в размерах, некоторые зиккураты и башни были брошены недостроенными — это произошло, судя по всему, в те годы, когда империя чимеков начала клониться к закату. Закату, который навлек на них один из ее далеких предков. Все чаще и чаще они натыкались на тупики — то где-то, не выдержав давления магмы, обрушились стены, то туннель приводил их в незаконченную пещеру.

В одной из таких тупиковых пещер они увидели груду костей, таких древних, что при первом же прикосновении те обратились в прах. Беглецы не обнаружили рядом с костями никакого оружия, никаких украшений или полуистлевших одежд, как то обычно бывало в подобных случаях, зато обнаружились звенья древних

кандалов.

— Каторжники, — сделала вывод Молли. — Копали новый город для своих новых хозяев.

— Мы подозреваем, что нет, — возразил Слоустэк. — Вперед прохода нет, нам нужно вернуться назад.

И он развернулся на гусеницах. Молли ничего не оставалось, как последовать за ним.

— Но ведь там цепи.

— Лишь верхние города возводились при помощи рабской силы, мягкотелая Молли. Тогда на поверхности земли обитало гораздо больше людей, и миллионы были брошены на рытье пещер. Кости, которые ты видела, не принадлежат строителям подземных ходов. Они — ритуальная дань, жертвенная пища, минералы в их теле служили лакомством для белой грызи, выведенной чимекскими магами. Белая грызь прокладывала туннели. А эти бедные мягкотелые — своего рода деликатес, принесенный ей в жертву.

— Скажи, а тебе приходилось видеть это создание в твою бытность Сильвером Уанстэком?

— Все самые лучшие копатели туннелей — особи женского пола, мягкотелая Молли. Перед тем как умереть, они делятся надвое. Старая половина умирает, а ее дочь продолжает начатое матерью дело. Но ты не бойся, Гексмашина отловила почти их всех ради своей возлюбленной, земли.

— Почти всех?

— Известен случай, когда уцелевшая белая грызь напала на Гримхоуп — она старая и хитрая, и потому сумела улизнуть от Гексмашины. Считается, что когда-то эта особа принадлежала к чимекской знати, однако за свое преступление — она убила собственную семью — была приговорена к превращению в червя-камнеточца. Согласно легендам изгоев, эта тварь почему-то возомнила себя бессмертной; ее постоянно мучил голод, и она решила, что переживет империю и все творения чимеков.

Молли рукавом рваного платья вытерла капли влаги со зрительной пластины паровика.

— Голод — ужасная вещь, мягкотелая Молли. Голодное существо забывает про разум, про мораль, про богов. В своем отчаянии голодное существо способно практически на все. Когда-то чимеки почти ничем не отличались от вас, людей. Такая жизнь вызывает только жалость. Массовый голод вынудил их совершить мерзкие преступления, заставил возносить молитвы гнуснейшим существам.

— Когда Гексмашина показала тебе, как можно сплавить вместе два ваших тела, думаю, она оставила в вас капельку себя,

Слоустэк.

— Она была с нами, мягкотелая Молли. Даже в те дни, когда мы были Сильвером Уанстэком, позором рода паровиков, прокаженным среди металлических людей. Теперь же мы позор вдвойне, и она по-прежнему внутри нас. Если мы переживем это испытание, металлический народ нам не поверит. Где это видано, чтобы святейшая из всех машин сделала осквернителя нашего племени своим инструментом!

— Вам поверят! — возразила Молли. — Я найму какого-нибудь щелкопера с Док-стрит, чтобы он написал про нас в бульварном листке, и потом отправил копии Королю-Пару. Вот увидишь, после этого в твою честь будут слагаться гимны.

— И как ты назовешь свое произведение?

— Ужас хрустальных пещер, — ответила Молли. — Только меня все равно неправильно поймут. Народ решит, что я такая храбрая, такая бесстрашная. Что ничего не боялась, не ведала усталости, а ведь, если сказать честно, ради глотка холодной воды я сейчас готова на все что угодно, даже махнуть рукой на наше с тобой дело. Все, о чем я расскажу в этой истории, будет происходить, потому что мне так захотелось, а не потому, что у меня не было иного выбора.

— У тебя был выбор, мягкотелая Молли, — ответил паровик, — и ты шла по своему пути, и оставалась ему верна. И нет в мире большего мужества, нежели это. Гексмашина позволила нам краешком глаза взглянуть на мир, в котором ты была иной, этот мир являл собой темное, холодное, мрачное место. Иногда судьба целой страны зависит от обыкновенных поступков самого обыкновенного человека.

— Я не уверена, Слоустэк, что я — самый удачный выбор. Почему именно я из всех людей, что живут в Шакалии, почему не кто-то другой, более достойный? Ведь я никто, подкидыш из работного дома. Все только и делали, что говорили, что я, мол, плохо кончу, буду слоняться по улицам, якшаться с городским отребьем. Уж лучше бы эта миссия выпала кому-нибудь вроде Эмили Харш или пилота аэростата. У меня нет родных, у меня нет занятия, чтобы зарабатывать на жизнь. Так почему из всех людей именно я?

— Так уж сплетены нити великого узора жизни, что таково твое место в нем, мягкотелая Молли, — ответил паровик. — В таких жилах бежит кровь Виндекса, причем не только в буквальном смысле — ты истинная наследница его дела. Из всех его потомков, в чьих жилах кровь поет свою песню, лишь ты одна достойна того, чтобы быть с нами рядом.

Последнее слово паровика неожиданно заглушил жуткий вой,

эхом разнесшийся по тоннелю.

— Это явно глотка мягкотелого, — сделал вывод Слоустэк.

— И не обычного представителя людского племени, — добавила Молли. — Этих существ оседлали дурные Лоа.

Молли обострила все свои чувства и тотчас уловила движение Гексмашины сквозь магму. Кстати, их с паровиком отделял от Гексмашины примерно час пути.

Молли и Слоустэк бросились прочь от приближающегося воя, однако Молли не торопилась, она то и дело ощупывала путь, словно пыталась что-то найти.

— Молли мягкотелая, что ты ищешь?

— Они совсем близко, Слоустэк! Догонят нас в считанные минуты.

— У меня нет оружия, способного дать отпор Уайлдкайотлям, — предупредил ее паровик. — Нет даже простой парочки боевых клонов. Скажи, ты уже подсоединилась к Гексмашине?

Молли покачала головой.

— Нам нужно поберечь силы. Мы должны остаться здесь и встретить их лицом к лицу.

— Скажи, а ты не чувствуешь присутствия еще одной стаи остроклювов?

— Единственные, за кем здесь стоит вести охоту, это мы с тобой, старый паровик. — С этими словами Молли подтянула его ближе к себе. — Встань со мной рядом, Слоустэк. И даже не пытайся прикрыть меня своей грудью. Мне ни к чему героические жертвы.

Дальше по коридору два каторжника обогнули поворот — вернее сказать, выкатились, словно две сферы черного света, повисшие над землей. Их руки трещали, извергая испепеляющее пламя. Увидев Молли и паровика, они с диким ревом устремились вперед. Впрочем, нет, даже не рев исторгали их горящие глотки, а оглушительный ликующий рык.

— Это хаос, — произнес Оливер.

На другом конце улицы солдаты Третьей Бригады дисциплинированно отходили назад. Первый ряд вел огонь, а тем временем те, что отступили на пару шагов, перезаряжали мушкетоны. На мосту Нагкросс восставшие хватали уравненных революционеров за металлические ноги и сбрасывали в воды Гэмблфлауэрса; политические борцы промчались мимо расположенных на мосту лавок, потрясая полемическими дубинками.

Коммодор Блэк разжился карабином одного из погибших

агрессоров и теперь вел прицельный огонь по солдатам Третьей Бригады; надо сказать, что с каждым выстрелом последних становилось заметно меньше.

— Спрячься за что-нибудь, юноша, — посоветовал он Оливеру, — твой меченый череп примет в себя пулю не хуже, чем любой другой.

К ним подбежал один из офицеров Бенджамина Карла; единственный знак отличия — красная повязка на рукаве.

— Рядом с воротами канализации строят заграждение. Наши люди не смогут туда прорваться.

— А другие мосты? — спросил Оливер.

— Охраняются даже лучше, чем этот.

Мост Нагкросс непременно следует захватить. Оливер посмотрел на ряды солдат на другом его конце. Он попытался найти укрытие позади деревянного редута — переносной баррикады, какие обычно возводились в неблагонадежных кварталах квотершифтских городов. У него на глазах появилась колонна солдат, присланная для укрепления позиций к северу от моста.

— Другая форма, — заметил коммодор. — Обрати внимание, шапки, а не кивера. Маршалу сейчас не до гордости, если он вынужден задействовать другую бригаду, лишь бы сломить сопротивление горожан.

На противоположной стороне моста показался старый паровик, поддерживаемый с обеих сторон юными политическими борцами из партии левеллеров.

— Страж Тинфолд, — пояснил карлистский офицер.

Тинфолд устало свистнул, и из-под металлических пластин его корпуса вырвалась струя пара.

— Я же говорил Хоггстону: мы не готовы для открытой борьбы. Лично я голосовал за партизанскую войну.

Оливер указал на квотершифтских солдат, загородивших собой северный край моста.

— Время их союзник, старый паровик, а не наш. Если мы не освободим Миддлстил прежде, чем рухнет проклятая стена, тогда вы получите партизанскую войну. Она вам гарантирована — поколение за поколением будут вынуждены сражаться на нагорьях.

— Ах, как все-таки ваша раса привыкла действовать сгоряча! — вздохнул паровик. — Что ж, в таком случае придется избавить Шакалию от нашей проницательности. Люди в городе отрезаны от остального мира. И нам нужно либо прорваться из окружения, либо признать, что мы попали в окружение и капитулировать. Мост Нагкросс должен пасть.

На другом конце моста квотершифтским солдатам поднесли новые ящики с боеприпасами. Это прибавило захватчикам боевого духа; они принялись яростно истреблять ряды уличных бойцов. Выбивая полемическими дубинками двери в домах, разношерстная вольница бросилась в укрытие.

Парочка смельчаков попыталась выбежать на мост и швырнуть ручные бомбы в северный конец моста, однако расстояние оказалось слишком большим даже для любителей игры в четыре шеста. Гранаты взорвались перед баррикадой, а вот стрелки Третьей Бригады мигом уложили отважных бойцов на месте. По старой традиции смутьяны наградили погибших товарищей бурей аплодисментов.

Услышав позади себя цокот копыт, Оливер обернулся, ожидая увидеть эскадрон экзокавалерии. Нет, это оказался обыкновенный кавалерийский отряд, такой же разношерстный, как и армия бойцов городского сопротивления. Здесь были и охотники с гор в красных куртках, которые вполне могли сойти за красные армейские мундиры; и кучера почтовых карет в черных шинелях, рядом с которыми мелькала синяя форма сельской полиции, но основную массу — их тут были многие сотни — составляла пестрая толпа бродячих цыган. Их знаменитые укротительницы огня ехали верхом без седла, полностью обнаженные, лишь с боевой раскраской на стройных, мускулистых телах. Во главе этой армии скакал офицер-конногвардеец из старейшего кавалерийского полка парламента.

— Джек Дибнах, — крикнул верховой офицер и поправил на голове круглый шлем. — Джек-Сорвиголова — для друзей. Уже давно веду охоту на шифтеров, если у кого-то из них хватит глупости сунуть нос в королевский округ Стейнфолк. До меня дошли вести, что здесь, в Миддлстиле, появились кое-какие нахалы, которых тоже пора обуздать.

Он указал на сотни лошадей позади себя, в основном шестиногов, тощих и запыхавшихся от долгого бега.

— Нерегулярный полк командира Дибнаха! На парад такой не выведешь, но если нужно поработать копьем или саблей, то всегда пожалуйста!

Одна из укротительниц огня выехала вперед колонны.

— Хватит болтовни. Нам обещана кровь шелудивых мерзавцев, что согнали нас с наших равнин!

Джек-Сорвиголова подмигнул коммодору и Оливеру.

— Как видите, никакой субординации. Но они у меня кобылки горячие! — Он посмотрел в сторону политика-паровика. — А вы из той компании, что расположилась бивуаком к востоку от города?

— Я — уважаемый представитель избирательного округа Уоркберроуз, юный мягкотелый, — с достоинством ответил Страж Тинфолд. — Какую компанию вы имеете в виду?

— Великий Круг! Да по ту сторону Гэмблфлауэрса стоит целая армия вашего брата-паровика!

— Значит, Король-Пар выполнил условия древнего договора, — ответил Тинфолд.

В эту минуту мимо шлема Джека-Сорвиголовы просвистели пули, но он лишь отмахнулся от них, словно это были не пули, а оводы, привлеченные запахом пота его шестиногого скакуна.

— Паровики нам бы здорово помогли, — заметил карлистский офицер. — Почему же они стали лагерем, почему не идут к нам?

— Король-Пар связан договором, — просвистел Тинфолд. — Никакая армия нашего Свободного Государства не имеет права перейти Гэмблфлауэрс, не получив предварительно приглашения от Палаты Стражей.

— Ваш король, он что, совсем из ума выжил? — вскричал коммодор Блэк. — В городе бесчинствует Третья Бригада! Если мы не прорвемся через мост на ту сторону, здесь скоро будет и их кавалерия, и их пушки. Вот тогда нам точно всем крышка!

— Я должен пойти к ним. Они должны получить от меня разрешение форсировать реку, — произнес Тинфолд и обернулся к Джеку-Сорвиголове. — Ваша лошадь меня выдержит?

— Если только вы сядете на телегу, старина паровик. Или не видите, что она напугана одним только вашим видом!

Оливер махнул рукой в стороны быстрых вод Гэмблфлауэрса.

— Вот что быстро доставит вас куда надо.

— Ты что, предлагаешь, чтобы уважаемый член Палаты Стражей плыл вниз по реке как какая-нибудь бочка? — спросил коммодор. — Беженцы успели захватить с собой даже самые утлые лодчонки, которые только могут выдержать такое сильное течение.

— Ну, скажем, не все.

Коммодор с ужасом посмотрел в ту сторону, куда указывал Оливер. На приколе у берега стояла превращенная в таверну баржа.

— Предлагаешь воспользоваться питейным заведением, юноша? И ты намерен, рискуя жизнью, плыть в этом корыте, которое не отчаливало от берега вот уже пару десятилетий?

— А если за штурвалом будет умелый шкипер? Что вы это скажете, коммодор?

— Нет, мой мальчик. Только не проси меня встать за штурвал! На мою голову хватило приключений! Мой дом

захвачен шифтерами, мои друзья и боевые товарищи погибли в кровавой схватке под землей, а теперь вторая половина квотершифтской армии пытается то же самое сделать с нами. Да стрелки, что окопались на северном конце моста, вмиг изрешетят это старое корыто, как только увидят, что мы пытаемся отчалить от берега!

— А если применить какой-нибудь обманный маневр? — предложил Оливер и посмотрел на кавалерию. — Я слышал, что лошади никогда не прыгают через штыки.

Стоявшая рядом цыганка презрительно посмотрела в его сторону.

— Ты, похоже, никогда не видел настоящих лошадей.

— Неужели ты никогда не бывал в настоящем сражении? — спросил у него Джек-Сорвиголова. — Что перескочить через изгородь, что перескочить через шифтеров, у которых на конце винтовок небольшой колющий инструмент, — не вижу большой разницы.

Оливер вскочил на спину цыганской кобыле и принялся размахивать колдовским лезвием.

— Удачи тебе, коммодор, ты только что был повышен в звании. Теперь под твоим началом остатки флота Шакалии!

— Ах, мой мальчик, когда ты наконец попадешь в сумасшедший дом, попроси, чтобы для тебя там приготовили отдельную камеру. Ведь ты вырыл старому Блэки могилу!

— Как может тот, кто ничего не понимает в лошадях, скакать без седла? — удивилась цыганка.

— Иногда меня выручает память.

Джек-Сорвиголова развернул своего скакуна и указал саблей на мост.

— Все, кто готовы скакать как свободные люди, все, кто готов скакать во имя Шакалии, — за мной!

И они поскакали — сначала рысью, затем карьером, затем галопом. Мост тотчас наполнился грохотом копыт и пронзительными криками цыганок. Правда, уже в следующее мгновение на другом конце моста грянули выстрелы, и многие из всадников полетели на землю. Падали и лошади — в них целиться было проще, а если пуля попадала в сердце, животное так и оставалось лежать на мостовой под смертоносным дождем пуль.

И все же с каждым мгновением баррикада становилась все ближе и ближе. Стрелки Третьей Бригады второпях перезаряжали оружие. Оливер на мгновение обернулся: коммодор Блэк направлялся к стоящей на приколе плавучей таверне. Вслед за ним едва поспевала горстка приверженцев Бена Карла, тащившая

вниз по ступенькам старого парламентария-паровика.

Вокруг рук цыганки, сидевшей впереди Оливера, взвихрились языки пламени.

— Крис! Крис. Крис! — кричала она. Нет, теперь это был не кавалерийский отряд, это был гром небесный, обретший телесную форму, и он летел на ряды квотершифтских солдат, сотрясая воздух топотом копыт и боевыми кличами.

Впереди вражеская шеренга ощетинилась штыками, словно гигантский дикобраз.

— Стена! — крикнула Молли паровику, когда два каторжника устремились в их сторону. — Испробуй на ней свой голос!

Слоустэк развернулся лицом к каменному проходу и прокричал на боевой частоте рыцарей-паровиков. От мощного крика сотряслась голосовая коробка, а стены начали покрываться паутиной трещин.

По проходу прокатился клубок черной энергии — это из человеческих глоток вырвался вой двух нечеловеческих духов. Трещины на стене сделались еще заметнее, еще крупнее. Сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее стена стала рушиться, не выдержав давления магмы, рвущейся наружу из глубин земли. В разные стороны полетели осколки зеленого камня, столь любимого чимеками, вслед за ними брызнул фонтан расплавленной скальной породы.

Молли заметила, что оба каторжника при помощи черного света пытались сдержать наступление магмы, однако были вынуждены отойти назад. Правда, в следующий момент прямо перед ней и паровиком с потолка обрушился кусок скалы, и преследователи пропали из виду. Магма, пойманная под нижним краем двери, начала с шипением остывать у их ног.

— Мягкотелая Молли, ты представляешь себе, чем мы рисковали? Что, если бы замок на двери не сработал?

— Тогда, если бы мы с тобой отправились в странствия по Великому Кругу, эти двое составили бы нам компанию. — Она указала на кристаллические наросты на каменном полу. — Пожарный сенсор сломан, я это чувствую. У него какой-то неправильный вид. Но вот тот, на другой стороне, похоже, исправен.

Слоустэк издал свист — частично от облегчения, частично от отчаяния.

— Давай проверим, смогут ли твои чувства привести нас к Гексмашине.

— У тебя хороший голос, Слоустэк. Тебе следовало бы быть рыцарем.

Паровик оставил без внимания ее слова. Туннели, по которым они теперь шли, стали другими: уже не грубо вырубленные проходы, а искусно украшенные коридоры. Потолок поддерживали дорические колонны, словно мастера бывшей империи нарочно решили показать свое мастерство там, где его никто не увидит, на самых глубоких уровнях. Что осталось прежним — так это нестерпимая жара и разбитые кристаллические приспособления на полу, которым по идее, будь они целы, надлежало охлаждать воздух. Иногда беглецам на пути попадался исправный охладительный кристалл. Он светился и, вибрируя от натуги, негромко гудел, пытаясь пусть немного, но все-таки охладить изнуряющий жар.

Беглецы прошли по подвесному мосту над бурлящей рекой магмы и очутились в помещении с темными маслянистыми стенами, уходящими куда-то в темноту. Молли в немом изумлении какое-то время рассматривала статуи богов Уайлдкайотлей вдоль стен пещеры, высеченные из черного материала, твердостью похожего на алмаз. Черный камень поглощал свет кристаллов, которые все еще мерцали в нишах на стенах и потолке.

— Она уже совсем близко, Слоустэк. Я вся дрожу, меня переполняет ее энергия.

— Вот на какую глубину простиралась чимекская империя, — произнес паровик. — Есть еще несколько тоннелей, которые могли бы вывести нас еще дальше, под ложе океана, но глубже дороги нет. Это пределы их территории. Такова глубина раны, которую они нанесли телу планеты.

На другом конце помещения виднелись груды костей, но уже не жертв ритуальных подношений белой грызи, а останки легионеров древней империи. Они были сложены ровными рядами перед четырьмя массивными дверями — в такие гигантские ворота без труда прошел бы любой шакалийский аэростат. Среди кучек пыли и осколков костей лежали черные доспехи, скрепленные сеткой, странные ружья, нечто среднее между каменными и хрустальными. Со стороны они казались игрушечными, словно их на скорую руку смастерил ребенок.

— Эти люди когда-то охраняли вход, мягкотелая Молли, до самого конца. Они умерли от голода, но не покинули свой пост.

Молли содрогнулась, но все-таки шагнула в прах, который когда-то был сердцами людей, беззаветно преданных своему делу. Они не сдвинулись с места, даже когда их товарищи один за другим падали от голода и жажды. Фанатики. Проложив себе путь среди древних останков, Молли прикоснулась ладонью к одной из дверей. Та оказалась металлической, и, как не странно,

прохладной на ощупь.

Кровь Молли имела свои собственные ритмы, свои тайные приливы и отливы. По ее телу пробежала судорога, и она негромко вскрикнула. Девушка попыталась что-то сказать Слоустэку, но вместо человеческого голоса из ее груди вырвался машинный грохот. Ее ладонь согревал золотистый свет, распространявшийся все дальше и дальше по поверхности двери. Он был так ярок, что слепил глаза. Молли зажмурилась, но и сквозь закрытые веки свет продолжал резать глаза. Она даже вскрикнула от этого неприятного ощущения. А потом свет куда-то исчез, оставив после себя головную боль. Молли открыла глаза. Двери тоже куда-то исчезли. Они с паровиком стояли на краю огромного кратера, наполненного чем-то вроде массивных черных кораллов. Стеклянные нити, миллионы стеклянных нитей, переплетенные в причудливые формы, вибрировали и раскачивались, живя своей, только им понятной жизнью.

— Машина! — произнес Слоустэк, охваченный благоговейным трепетом. — Но только не из металла.

Молли не сразу поняла, что в помещении царит холод. После нескольких дней изнуряющего жара она в буквальном смысле окоченела.

— Ты прав, старый паровик. Не из металла. Эти нити — не что иное, как кристаллическая кровь, выкачанная из тел детей чимекских властителей. Это их самая главная жертва своим богам. Выше уже ничего не могло быть.

Молли содрогнулась. Да, действительно омерзительное зрелище, Давала себя знать и близость к Гексмашине. Собственная кровь девушки тоже начала меняться, структуры ее тела перестраивались в нечто новое. Она была дочерью Виндекса, и раб-философ — Молли знала это наверняка — в свое время увидел эту же самую величественную картину. Он стоял точно там же, где сейчас стояла она, и испытывал те же чувства, то же негодование, которое и подвигло его поднять восстание среди наций-рабов.

— Мягкотелая Молли, каково назначение этого артефакта?

— Пока никакое, — ответила Молли. Прежде чем произнести эти слова, она услышала, как они эхом прозвучали в ее сознании. — Он построен лишь наполовину. Но будь он завершен, это была бы труба — труба, призванная исполнять гимн Уайлдкайотлям, чтобы в великом узоре возникла трещина, сквозь которую те призвали бы своих собственных богов. Мета-богов! Существ, превосходящих собой нашу хрупкую вселенную.

— Клянусь бородой Стилбала-Уолдо! — прошипел паровик. — У людей есть гимны, которые лучше не исполнять.

Имена, которые лучше не произносить вслух, дабы не навлечь на этот мир силы, против которых мы беспомощны. В том числе Уайлдкайотлей! Круг замкнется, великий узор исчезнет. Мы полагали, что Уайлдкайотли мечтают лишь о том, чтобы вновь заковать землю в ледяной панцирь, чтобы снова во всей своей мощи возродилась чимекская империя, чтобы она использовала все живое на поверхности в качестве пищи.

Молли покачала головой.

— Бедный Тцлайлок! Ему казалось, будто он прокладывает путь к идеальному порядку, но, увы, этот порядок ему не подвластен. Он подвластен его хозяевам Уайлдкайотлям — идеальная, холодная вечность, где все застыло, где царит полное совершенство гармонии, — ни хаоса, ни тепла, ни силы тяжести, ни движения, никаких перемен. Там все подчинено застывшей вечности мета-богов и воле Уайлдкайотлей. В этом смысле мы все будем равны — равны в нашем небытии, в нашей живой смерти внутри неразрывного круга вечности. Вот такое будущее увидел тогда мой предок. И восстал против чимекской империи.

— Мягкотелая Молли, ты меняешься прямо на глазах, — произнес паровик, и в его голосе слышалась тревога.

Он отъехал на гусеницах назад. Тот самый золотой нимб, который только что уничтожил дверь, теперь переливался и исходил от девушки волнами. На фоне этого подземного сияния чимекская машина разрушения казалась лишь миллионами алых звезд на черном небе. Корпус паровика тоже начал светиться, и золотая энергия наполнила его ощущением здоровья, как когда-то Слоукогса — до того, как они с Уанстэком слились в единое целое, осквернив тем самым великий замысел Создателя.

Молли простонала и прислонилась к перилам, протянувшимся вдоль края кратера, а затем и вовсе упала на колени, не в силах выдержать великих перемен, происходящих с ее телом.

Как только сияние слегка померкло, зрительная пластина Слоустэка вновь обрела чувствительность, и паровик увидел всего в нескольких футах за спиной Молли какую-то темную фигуру. Глаза чудовища сверкали черным огнем, а его злобный хохот отдавался от стен леденящим душу эхом.

Демсон Давенпорт с трудом поспевала за остальными — а все из-за того, что они прошли уравнивание гораздо раньше, чем она, и потому успели привыкнуть к своим новым невыразительным телам. Демсон Давенпорт постоянно тянулась, чтобы взять с верстака то одно, то другое, но, как правило, не находила, и часто сбрасывала нужные ей вещи на пол. А больше всего ей не хватало

чашки каффиля в конце рабочего дня. Кокса, который они засыпали в воронки своих бойлерных систем, хватало на несколько дней, но демсон Давенпорт по-прежнему помнила, что такое вкус пищи и что такое настоящий аппетит. Командиры трудовых бригад хвастали, что изжили в себе чувство голода. В принципе они не кривили душой, ибо так оно отчасти и было. А еще ей не хватало сна. В ее новом теле разрешалось передохнуть от силы час-другой, и когда демсон Давенпорт просыпалась, так и не увидев никаких снов, то не чувствовала себя по-настоящему отдохнувшей.

— Эй, поторапливайся, шагайте в ногу со всеми! — крикнул ей бригадир и для острастки больно ударил палкой по железной спине.

— Компатриот Давенпорт, вы всех задерживаете. Равняйтесь на компатриота Каркер! Посмотрите, какой она замечательный работник, какой прекрасный пример подает народу, которому служит!

Компатриот Каркер, судя по всему, научилась довольно ловко передвигаться в своем новом теле. Впрочем, ей не привыкать, она была из Гримхоупа и одной из первых прошла уравнивание. Более того, эта дурочка подверглась операции добровольно в числе первых подземных ренегатов, которым принадлежала идея создания фабрик по переработке человеческих тел.

Уравненных было сложно отличить друг от друга — лоялистов от тех, кого уравняли насильно. Приходилось постоянно следить за тем, что говоришь и кому. До этого демсон Давенпорт испытала на себе воспитательную дубинку лишь раз, и этого раза ей хватило, чтобы навсегда прикусить язык. Все слухи о сопротивлении и о контрреволюции бригадиры начисто отрицали. Но с другой стороны, зачем им тогда понадобилось прерывать изучение книги «Общество и общее дело»? Неужели лишь затем, чтобы сказать, что, мол, это все неправда? И пусть они изувечили ее, пусть засунули в уродливое металлическое тело, лишить демсон Давенпорт здравого смысла они все равно не смогли. И она видела страх в глазах неустрашимых, своими глазами видела перевернутые буквы V — львиные зубы, — которые чья-то рука нацарапала на стенах домов. Видела вдалеке клубы дыма и слышала грохот пушечных залпов.

— Стой! — крикнул бригадир.

Сейчас они были рядом с Круговистским собором на Либурн-роуд. Солдаты Третьей Бригады оцепили здание и никого не пускали в него. Интересно, что там внутри? — подумала демсон Давенпорт. Круговистские молитвенные собрания объявлены антинародной деятельностью; бригадиры дали это понять еще в

самом начале. Рядом с собором стояли подводы, десятки подвод, накрытых холстом, чтобы не был виден их груз.

— Стройся! — рявкнул бригадир, обращаясь к колонне уравненных рабочих. — По восемь человек на каждую подводу. Затем мы потащим их на Парламентскую площадь. После того, как доставим подводы на место, мы вернемся на эту улицу, где нас будут ждать новые подводы. Это наше новое задание. Когда мы его выполним, нас вернут назад, на пушечную фабрику.

Королевское «мы», подумала демсон Давенпорт, когда бригадир взобрался на одну из подвод. Его уравненные подчиненные послушно приступили к выполнению задания.

— Эти телеги предназначены для лошадей, — заметила демсон Давенпорт. Слова вырвались у нее прежде, чем она осознала, что говорит.

— Их съели, — прошептал голос у нее за спиной. — Я слышала, как неустрашимые жаловались, что их кормят одной кониной, потому что ничего другого в городе не осталось.

Демсон Давенпорт оглянулась по сторонам. Слава Великому Кругу, бригадир не услышал их контрреволюционных речей. Слухи и пересуды подрывают боевой дух — так им было сказано в самом начале. Подводы сопровождал смешанный конвой из солдат Третьей Бригады и неустрашимых с оружием наизготовку. В душе демсон Давенпорт блеснул лучик надежды. Если их охраняют, значит, в Миддлстиле еще есть, что охранять.

У Парламентской площади распахнулись ворота заграждения с торчащими наружу стволами пушек. В центре самой площади было возведено приземистое черное здание, его дымовые трубы изрыгали в затянутое снежными тучами небо маслянистый черный дым. Демсон Давенпорт обратила внимание на осколки разбитых статуй — их уничтожили для того, чтобы возвести новое сооружение. Правда, недавно добавилось нечто новенькое — высокий каменный крест. Его вогнали в землю напротив Палаты Стражей. К кресту был привязан человек, вопивший нечеловеческим голосом. Эти леденящие кровь вопли разносились по всей площади. Над человеческой фигурой виднелся сосуд, наполненный бурлящей алой жидкостью. Падавшие на него снежинки мгновенно превращались в пар.

Солдаты Третьей Бригады стащили с телег холщовое покрытие. Под ним оказались клетки. И тут счетный барабан внутри демсон Давенпорт заскрежетал от ужаса. Внутри клеток были люди. Некогда дорогая одежда была грязна и висела лохмотьями. Неудивительно — ведь людей затолкали в клетки в таком количестве, что свободного пространства между ними не оставалось. Уважающий себя шакалиец не посадил бы в такую

тесную конуру даже пса.

Здесь были целые семьи, старики и дети в школьной форме частных учебных заведений, грязной и мятой. Было видно, что они не снимали ее уже несколько недель. Но что самое странное — они вели себя на удивление тихо. Просто стояли, не проронив ни звука, словно покорившись судьбе. По идее, они должны возмущаться. Ведь они — представители лучших семейств города. Это они жили в самых красивых домах Миддлстила, это к их столу подавались самые изысканные блюда. И вот теперь от них остались лишь ходячие тени, не способные не то что постоять за себя, но даже пустить слезу по поводу собственной судьбы.

Солдаты отомкнули клетки и вытолкали пленников на площадь, после чего велели им выстроиться в очередь к приземистому сооружению. За спиной у демсон Давенпорт бригадир разговаривал с кем-то из неустрашимых. Когда разговор завершился, бригадир подошел к ней и отвел в сторону от остальной бригады.

— Вы замедляете движение подвод, компатриот. Вы еще не привыкли к своей прекрасной новой форме, поэтому я решил проявить к вам сострадание. Сегодня до конца рабочего дня вы будете обслуживать котел Гидеонова Воротника.

Воротника? Так вот как, оказывается, выглядит Гидеонов Воротник! Бригадир подвел ее к середине площади, к топке, расположенной позади приземистого сооружения. Изнутри доносился треск выстрелов. Раз в пять секунд. Быстро, безболезненно, гуманно. Такое по силам изобрести лишь самому прогрессивному в мире обществу. Демсон Давенпорт посмотрела на топливо, которое подкидывали в топку уравненные рабочие.

— Но ведь это книги, компатриот координатор!

— Запасы угля на исходе, компатриот Давенпорт, — ответил бригадир и указал на снег. — Однако ваша озабоченность делает вам честь. Хочу заверить вас, что книги — тоже отличное топливо, и главное, вы не найдете среди них ни одного экземпляра «Общества и общего дела».

Разумеется, теперь это была единственная книга на всю страну. Демсон Давенпорт взяла у бригадира лопату и стала вместе с другими уравненными рабочими кидать в пылающую топку книги. Она не чувствовала исходящего от топки жара, равно как не чувствовала и холода, хотя и знала, какая здесь температура. Тело подсказывало ей. Но она ничего не чувствовала. В следующий момент распятая на кресте фигура испустила душераздирающий вопль, и демсон Давенпорт едва не выронила лопату.

— Кто это?

Один из уравненных рабочих развернул голосовую коробку в ее сторону.

— Король.

— Король? Но ведь он же умер.

— Новый король.

— О боже!

Демсон Давенпорт посмотрела на корчащуюся на кресте фигуру. Должно быть, она пропустила церемонию коронации. Помнится, когда-то все с нетерпением ждали этого славного дня. Ради такого случая она даже припасла у себя в комнате небольшой запас гнилых яблок, чтобы было чем кидать в нового хозяина трона. Расстроенная в лучших чувствах, она вновь принялась бросать книги в топку Гидеонова Воротника.

Глава 24

Стеклянные гранаты, которые бросали всадники, разнесли в щепы возведенную на мосту баррикаду. Лошади прорвались за заграждение и влились в ряды тех, кто до этого преодолел заслон вражеских штыков в немыслимо высоком прыжке. Оливер не глядя кромсал врага колдовским ножом налево и направо — лезвие, словно понимая, что ему нужно, превратилось в острую кривую саблю. Сидевшая перед ним колдунья-цыганка хлестнула ближайшего солдата Третьей Бригады кнутом из огня. Почувствовав, что в него несется пуля, Оливер пригнулся, вытащил пистолет и мгновенно уложил стрелявшего. Одновременно слева от себя саблей отбил чей-то штык, после чего ударом сапога свалил нападавшего на землю.

Странное это, однако, ощущение — сражаться верхом; один вид его шестиногого скакуна вселял ужас в пеших солдат. С высоты их было удобно крошить на куски саблей. Но имелся и минус — сидя верхом, Оливер подставлял себя под вражеские пули. С криком мщения цыганка соскочила с коня и подобно огненной комете ввязалась в рукопашную схватку. Сообщество Общей Доли когда-то согнало ее с насиженных мест в Квотершифте, и теперь захватчики дорого поплатятся за попытку повторить кровавые чистки в Шакалии.

Оливер бросил взгляд через парапет моста: коммодор Блэк как ни в чем не бывало плыл на барже по зеленым водам Гэмблфлауэрса. Не раздумывая долго, Оливер стукнул пятками по бокам скакуна и устремился вперед. Он промчался дальше, мимо значительно поредевших позиций Третьей Бригады, где компатриоты пытались оттащить раненых товарищей за линию огня. Еще мгновение — и картина боя осталась далеко за его спиной. Вскоре он уже был в самом сердце Миддлстила. Окна в домах темные, в морозных узорах; завидев его, те немногие, кто еще оставался здесь, поспешили спрятаться в домах.

Оливер шепнул лошади на ухо несколько слов по-цыгански, и кобыла ускорила бег. Оливер носом уловил запах Хоклэмского приюта даже прежде, чем увидел — дым костра, запах проклятого занавеса на холме. Ветром на него относило снежинки, отчего воздух, казалось, был наполнен легким мерцанием. Сначала это была обыкновенная стена, призванная защитить граждан Миддлстила, которые могли ненароком забрести за уорлдсингерский барьер. Впрочем, прок от нее был невелик. Любой, кого не путало злобное завывание стены, мог спокойно ее преодолеть. Оливер обострил свои чувства, которые сначала

проникли за ворота приюта, а потом распространились по всему Хоклэмскому холму. По всей видимости, он перестарался, потому что вскоре почувствовал, что словно распадается на отдельные части. Усилием воли Оливер вновь собрал себя в единое целое, соединил разрозненные части картины. Он пощупал уорлдсингеров изнутри, изучил сознание каждого из них, отметил про себя тонкие различия. Шакалийский орден получил свежие силы в лице квотершифтских чародеев. Владение уорлдсонгом объединяло их крепче, чем принадлежность к одной расе, нации, государству. По всему Миддлстилу люди сражались за свободу, но здесь все шло своим чередом, словно ничего не произошло. Главное — не дать вырваться на волю меченым. Таково было соглашение обеих сторон.

В гневе Оливер не заметил, что преодолел забор, окружавший приют, и прошел сквозь проклятую стену, оставив после себя дыру в мерцающем барьере. Он тотчас ощутил гудение силовых линий земли, шесть великих потоков энергии, пересекавших вершину Хоклэмского холма. С самим холмом исстари — с тех самых пор как здесь поселились шакалийцы — были связаны самые разные суеверия. Древние возвели на нем вертикально стоящие камни, здесь проливалась кровь, здесь следили за танцем звезд, здесь хоронили вождей. Такова была мощная энергетика этого места.

Входная дверь приюта представляла собой металлический щит толщиной с корпус подводной лодки; Хоклэм запечатали с началом вторжения, чтобы никто из его обитателей не смог убежать, когда начнутся уличные бои.

Оливер постучал по двери рукояткой колдовского ножа, и в ней открылся глазок, в который в свою очередь можно было рассмотреть портал высотой в человеческий рост в более высокой черной стене.

— Как ты попал сюда? — спросил чей-то голос. — В ворота никто не проходил.

— Кому вы служите? — в свою очередь потребовал ответа Оливер.

— Что ты сказал? — Было слышно, что говорящий на той стороне сбит с толку.

— Я хочу знать, — ответил Оливер. — Орден уорлдсингеров изначально служил старым королям, затем перешел на службу Палате Стражей. В Квотершифте он служил монархии, затем переметнулся на сторону Содружества Общей Доли. Вот мне и хочется выяснить, есть ли хоть кто-нибудь, кому вы не станете лизать задницу, лишь бы сохранить свои привилегии.

Тюремщик оттолкнул караульного уорлдсингера и посмотрел

в глазок.

— Живо убирайся отсюда, юный идиот! Потому что если ты вынудишь меня открыть дверь, я живого места на тебе не оставлю, а потом вышвырну обратно на улицу.

— Что ж, я дам вам шанс проверить силу ваших кулаков, но только один, — ответил Оливер. — Приведите ко мне заключенного по имени Натаниэль Харвуд. Приведите прямо сейчас, или я заберу его от вас силой.

— Ох, ты сейчас получишь у меня, парень! — крикнул тюремщик и позвал подкрепление. — Неужели ты думаешь, что у нас тут что-то вроде Боунгейта? Тут свидания с заключенными не положены — мы не впускаем внутрь никаких любопытных, никому не позволяем глазеть на то, как заключенные за пенни исполнят вам танец в клетке.

— Я пришел не за тем, чтобы посмотреть, как он танцует, — ответил Оливер и колдовским лезвием прорезал в барьере дыру. Черная сталь издала шипение, и кусок металла со звоном церковного колокола упал на каменный пол. — Я пришел посмотреть, как затанцуете вы.

С этими словами он вошел внутрь и тотчас оказался в плотном кольце колдовских чар, заклинаний, проклятий и огненного вихря энергии, направленного в его сторону стоявшими полукругом уорлдсингерами. Оливер не стал сопротивляться, предоставив им возможность показать свою силу. Он стоял, чувствуя, как на него накатывают мощные волны извлеченной из глубин земли энергии. Впрочем, сила этих волн вскоре ослабла; гнев и уверенность уорлдсингеров в собственном величии сменилась недоумением, место которого в свою очередь занял страх — еще бы, ведь хохот Оливера заполнил собой вестибюль. Сопротивление тюремщиков было сломлено.

— Оливер Брукс!

По коридору ему навстречу спешила знакомая фигура.

— Инспектор Пуллингер. Я решил проведать одного моего друга, а вместо этого встретил сразу двух.

— Я был прав, — ответил Эдвин Пуллингер. — Я не ошибся относительно тебя.

— Я последовал вашему совету, инспектор. Я прибыл в Миддлстил, чтобы вступить в ряды Особой Гвардии. Но, судя по всему, они сотрудничают с агрессорами, так же как и вы. Выходит, что я последний честный гвардеец.

Тюремщики в заколдованных доспехах уже бежали к нему, вытаскивая из-за пояса дубинки.

— Я всегда знал, что ты мерзкий меченый мальчишка, — произнес уорлдсингер. — Из тех, на кого трудно найти управу.

— Мой отец был Ловцом волков, а мать — полубогиней, так что моя судьба принадлежит мне. Для вас я Карающая рука правосудия.

— Ты слишком опасен, чтобы расхаживать с торком на шее, — ответил уорлдсингер. Он вытащил табакерку и втянул ноздрей щепотку перплтвиста. — А поскольку Шакалия теперь живет по законам Содружества Общей Доли, нам нет необходимости придерживаться занудных ограничений, наложенных на нас хартией Палаты Стражей.

— По законам железного кулака, — уточнил Оливер с нескрываемым отвращением. — По законам полной вседозволенности. В таком случае мы с вами оба свободны от законов, которые раньше связывали нас. И ваш уорлдсонг мне не помеха. Такова моя сила, инспектор. Я не помечен гиблым туманом. Я и есть тот самый гиблый туман.

— И за это ты умрешь!

Тюремщики взяли наизготовку дубинки. Кстати, в вестибюль их набежало уже человек пятьдесят, не меньше. В правой руке Оливера трепетал колдовской нож; с обеих сторон лезвия стекал металл. Издавая треск ломающейся кости, рукоятка прямо на глазах меняла форму. Оружие по-прежнему было неестественно легким — даже когда превратилось в двойной топор. Та часть души его отца, что была впечатана в клинок, осталась довольна его выбором. Оливер попытался отключить зло в душах тюремщиков — их черные дела он воспринимал как боль — избиения, колдовские эксперименты, бои, которые они заставляли разыгрывать своих пленников, а сами тем временем делали ставки, не говоря уже о жестокостях, которые творили походя, даже не замечая их.

Лезвие, извивавшееся в его руке, знало, как отключить это зло.

— Давайте, гордые люди Хоклэмского приюта! Покажите мне, как я умру!

— Больше топлива! — вопил жрец культа саранчи.

Перед демсон Давенпорт Гидеонов Воротник ходил ходуном на установленных на платформу ногах; двигатель дьявольского устройства работал на пределе возможностей.

Каждые несколько минут квотершифтский рабочий в кожаном фартуке выбрасывал мешок, и тот с: глухим стуком падал в снег; неустрашимые подхватывали его и тащили дворец, оставляя за собой кровавый след.

Демсон Давенпорт уже не слышала криков юного короля, распятого на кресте. Сосредоточившись на подбрасывании книг в

топку, она старалась не смотреть на подводы, на которых на Парламентскую площадь доставляли все новые и новые клетки — целые семьи некогда нарядно одетых, а теперь грязных, оборванных людей. При помощи прикладов, рогатин и сабель пленников выстраивали в очередь на смерть.

Самый главный начальник — тот, кого называли Тцлайлок, — вышел из ворот парламента в сопровождении целой колонны гвардейцев и жрецов культа саранчи. Он на протяжении всего дня то входил в Палату Стражей, то выходил из нее, словно взволнованный ребенок в ожидании подарков во время праздника зимнего солнцестояния. Задумавшись, демсон Давенпорт едва не споткнулась о другого уравненного рабочего, который, как и она, обслуживал печь. Всего здесь их было шестеро — шестеро тех, кто непрестанно кидал книги в топку Гидеонова Воротника.

Тцлайлок подошел к одному из мешков с сердцами.

— Поживее, компатриоты. Мы уже близко.

Близко к чему? — удивилась демсон Давенпорт. Надсмотрщик подбежал к начальнику, и по их кивкам демсон Давенпорт поняла, что бригаде придется ускорить темпы работы по обслуживанию Гидеонова Воротника. Откуда-то из-за пелены метели на полном скаку подлетел офицер Третьей Бригады и своим появлением прервал проявления подобострастия со стороны бригадира. До демсон Давенпорт донеслись обрывки фраз. Контрреволюционеры, рыцари-паровики, подкрепление в лице Первой Бригады.

Тцлайлок взвыл от злости.

— Отменить приказ Особой Гвардии о марш-броске на юг! Привести гвардейцев в полную боевую готовность и живо привести ко мне Флейра! — гаркнул он во все горло, так, что его услышали даже уравненные рабочие. Вестовой ускакал, а Тцлайлока со всех сторон окружила свита; один за другим отдавались приказы; приспешники вождя, не мешкая, бросались их выполнять.

Неожиданно Тцлайлок с воплем рухнул на снег. Демсон Давенпорт подумала, что с ним случился удар. Неудивительно — вон сколько крика и суеты. Однако в следующее мгновение до нее дошло, что вождь революции корчится — нет, не в агонии, а в экстазе.

Раздался звук рвущейся ткани. В небе над Парламентской площадью образовалась трещина, и в это зияющее отверстие хлынули цвета, каких демсон Давенпорт никогда не видела за всю свою жизнь.

— Ксам-ку! — вопил Тцлайлок. — Ксам-ку!

Из трещины, извиваясь подобно гигантским змеям,

протянулись щупальца; падая на них, снег начал таять и превращаться в пар. Впечатление было такое, словно откуда-то из своего потайного логова наружу вылез огромный паук. Паучье тело менялось прямо на глазах — оно раздувалось и подрагивало по мере того, как его наполняла тьма из небесной расселины. Тцлайлока тоже била дрожь — но не по причине холода странной зимы, заморозившей Миддлстил в середине лета. Вокруг вождя революции и главы Первого Комитета жрецы культа саранчи пали на колени и читали молитвы, правда, на каком языке, этого демсон Давенпорт не смогла разобрать.

Тцлайлок обвел взглядом Парламентскую площадь — из глаз его струился черный огонь, а из глотки вырывался не то смех, не то клекот, а может, это холодный воздух наполнило щелканье чьих-то хищных челюстей. Демсон Давенпорт не знала, что поставили ей в металлическую грудь вместо сердца, но что бы это ни было, даже механический орган сжался от ужаса.

* * *

Коммодор Блэк слез с самодельного плота и подтолкнул его на фут вперед через камыши и ледяную воду к берегу реки Гэмблфлауэрс. Сжимая в одной руке полемическую дубинку, из которой получился отличный шест, Страж Тинфолд вступил на сухую землю. Запах дыма от горящей плавучей таверны преследовал их даже тогда, когда импровизированный паром пошел ко дну и скрылся в мутных водах реки.

Навстречу новым беженцам вышла целая шеренга металлических рыцарей.

— Дорогой млекопитающий, ваша циркуляционная система замерзнет вместе с водой в реке.

Коммодор Блэк поднял глаза от заснеженного берега.

— Коппертрекс! Великий Круг! Так ты спасся из Ток-Хауса!

— Как видишь, — ответил паровик. Свирепо сверкая зрительными пластинами, Коппертрекса окружили боевые клоны — гигантские, размером в два раза больше Остроруkого.

— Неужели ты не мог найти для себя более достойное плавучее средство, чтобы бежать из Миддлстила?

— Бежать! Мы пришли к вам, глупый паровик! Старина Блэки был вынужден тащиться вниз по реке, потому что дьяволы из Третьей Бригады использовали нас как плавучую мишень для своих пушек и ружей. Или ты не узнаешь Стража Тинфолда?

Клоны, столпившиеся вокруг Коппертрекса, почтительно поклонились известному политику.

— Страж Тинфолд, до меня дошли слухи, будто вы погибли, когда квотершифтские силы отрезали Стимсайд от остального мира и взяли в осаду населенный паровиками район города.

— Я был по делу в Уоркберроузе. К счастью, наши партийцы смогли пробиться сюда через канализационные сети, — ответил Тинфолд. — Я принес с собой предписание парламента. Кстати, где Король-Пар?

— Мы отведем тебя к нему.

Рыцари Свободного Государства расступились, уступая гигантской мортире дорогу к реке. Прокладывая себе путь по глубокому снегу, та величественно шагала, напоминая боевого слона. Коммодор Блэк и Тинфолд вскарабкались на нее и уселись поближе к жерлу. Ухватившись за пушку, они двинулись к лагерю паровиков. Впереди шагали Коппертрекс и когорта паровиков. Вместо палаток, какие можно было бы увидеть в лагере шакалийской армии, металлические люди принесли с собой железные шесты, которые, соединенные вместе, образовали шестиугольные остовы, поверх которых были натянуты гуттаперчевые полотнища. Со стороны могло показаться, будто заснеженные луга правого берега поросли темными кораллами.

Из горного королевства пришли не только боевые рыцарские ордена. Сквозь падающий снег в небо поднимались струи пара десяти тысяч рядовых паровиков. Железные воины, ранее не служившие в регулярной армии, прикрепили к своим рукам спусковые устройства. В их бойлерные системы были засунуты гибкие трубки; в барабанах грохотали ядра, а сами они, под руководством новых офицеров, использовали буквально каждую минуту для отработки боевого строя.

Тинфолда и подводника привели в середину лагеря. Здесь, нанизанные на боевые копья, на ледяном ветру развевались разноцветные знамена. Неподалеку стоял сам Король-Пар. Его рост достигал шестидесяти футов. Зрелище не для слабонервных. Две огромные, похожие на когтистые лапы, ноги, на которых крепилась сферическая масса пушек и ощетинившийся острыми шипами штыковой аппарат. Повелитель паровиков приблизился к ходячей мортире, и коммодор увидел внутри маленького, золотистого, похожего на ребенка паровичка, который при помощи конечностей-рычагов приводил в движение эту махину.

— Король-Пар! — обратился к нему Тинфолд, напрягая, чтобы перекричать ветер, изношенную голосовую коробку. — Я принес постановления Палаты Стражей королевства Шакалия. Я представляю волю чрезвычайного правительства от имени всех политических партий, армии сопротивления, левеллеров и всего населения избирательного округа Уоркберроуз. Вы признаете

этот документ законным?

— Признаю, — прогромыхал над берегом реки голос Короля-Пара. Коммодор Блэк почувствовал, как от этого трубного гласа у него все содрогнулось внутри. Таким мощным голосищем можно отдавать приказы самим горам, с которых они только что спустились.

— Тогда я обращаюсь к положениям договора от 980 года, подписанного Первым Стражем, лордом Изамбардом Киркхиллом и вами в Фульвен-Филдс и надлежащим образом ратифицированного Палатой Стражей. Парламент Шакалии призывает на помощь вооруженные силы Свободного Государства Паровиков и дарует разрешение форсировать реку Гэмблфлауэрс и войти в пределы столицы королевства Шакалии.

Боевая машина Короля-Пара приблизилась к исполинской мортире, чтобы монарх мог говорить от лица своего главного золотистого тела.

— Вы процветали в этой стране, Тинфолд Вы истинный гражданин Шакалии, однако духи Паро-Лоа гордились бы вашими успехами не меньше, даже если бы в качестве Стража от Уоркберроуза был избран сам великий Стилбала-Уолдо.

— Я не раз размышлял о том, что дух свободы подобен самому Лоа, ваше величество, и он обитает в душах многих жителей этой страны.

— Тогда пусть он поселится и в наших душах, — произнес Король-Пар и, развернувшись на шарнирах, обратился к своим офицерам, к боевым рыцарским орденам и всей своей железной армии.

— На войну! В бой на врага! Выступаем маршем на Миддлстил! — прогрохотал он.

В Палате Стражей члены Первого Комитета с ужасом наблюдали за тем, как Тцлайлок схватил вестового — им оказался уравненный революционер — и вышвырнул беднягу на улицу сквозь витражное окно галереи. Было слышно, как по камням внутреннего двора со звоном раскатились металлические части.

— Машины! — взревел Тцлайлок. — Гнусные машины!

Сначала члены Первого Комитета подумали, что председатель бросил эти слова в адрес уравненного вестового, однако затем до их сознания дошло, что он имеет в виду известие, которое принес несчастный, — о том, что к столице приближаются войска Свободного Государства Паровиков. От злости Тцлайлок едва не разнес в щепки круглый стол и не разбросал по залу карты Миддлстила и окрестностей. Он никогда

не чувствовал себя таким сильным, и вот теперь все вокруг рушилось — неблагодарные миддлстилские идиоты присоединились к контрреволюционному восстанию. Мало того, что половина города принимает участие в уличных боях, теперь в поддержку им движется целая рать паровиков — у металлических рыцарей хватило духу пересечь границу Шакалии и вмешаться во внутренние дела страны. Этот их хитрый король бросил силы на помощь своим прогнившим соседям, чьи рыла наконец оторвали от кормушек, а самих отправили на сало. Разве он, Тцлайлок, не насытил свой народ? Разве не скормил угнетателей Гидеонову Воротнику? Разве не установил Гидеонов Воротник во имя простых граждан Миддлстила?

Решив, что гнев Тцлайлока улегся, один из жрецов культа саранчи осмелился подойти к председателю на довольно близкое расстояние — почти вплотную к черному нимбу, отныне окружающему фигуру вождя. Сердце Тцлайлока возликовало. Этот жрец был бывшим оператором транзакционных двигателей Гринхолла. Он всегда приносил хорошие вести. Правда, вождь революции не замечал, что вследствие многолетнего опыта общения с мелкими начальниками Гринхолла, этот жрец в совершенстве овладел искусством приносить хорошие вести в нужный момент. Он тщательно взвешивал и просеивал их, чтобы они казались священным подношением богам.

Жрец что-то прошептал ему на ухо; Тцлайлок кивнул, поднял голову и гнусно усмехнулся. Вскоре революция накормит древних богов, накормит досыта, и тогда Гексмашине с ее колдовской паутиной ни за что не помешать их великим свершениям. Тцлайлок отдал жрецу распоряжения, которые тот моментально бросился выполнять. Вскоре жрец вернулся, но не один, а на пару с маршалом Ариндзе и его свитой. Спустя минуту к ним присоединился и капитан Флейр. Вид у особого гвардейца был понурый. Даже не верится, что человек, наделенный такой нечеловеческой силой, одновременно может быть настолько слаб духом. Уайлдкайотли в Тцлайлоке уловили, как капитан, проходя через площадь, внутренне содрогнулся. А ведь этот человек не раз проливал кровь на полях сражений. Кому как не ему знать, каких кровавых жертв требует война. Революции необходимо, чтобы состоялся последний и решительный бой. Победы нужно достичь любой ценой. Главное — навлечь на врага страдания и боль. Так уж устроен мир.

— С востока на нас движутся армии паровиков, — произнес Тцлайлок. — Что нового слышно от наших братьев в Квотершифте, компатриот маршал?

— Нашим компатриотам-уорлдсингерам удалось почти до

конца расшифровать заклинание проклятой стены, — ответил тот. — Они пообещали мне, что в течение предстоящей недели высота этого сооружения будет существенно снижена. Наши компатриоты разыскали в одном из трудовых лагерей строителя, который когда-то на ней работал. Думаю, мы получим от него ряд ценных сове…

— Мы не можем ждать неделю! — перебил его Тцлайлок. — Потому что в ближайшие часы под стенами Миддлстила уже будет стоять армия рыцарей-паровиков!

— Первая Бригада уже почти завершила переброску по пневматическим туннелям. Я уверен, мы сумеем удержать столицу до того момента, когда будет разрушена проклятая стена. Компатриот Тцлайлок, по ту сторону границы у нас уже двадцать дивизий. Этого достаточно, чтобы захватить любую деревню, любой крупный и малый город в Шакалии.

— А если разрушение стены потребует большего времени?

— У нас есть шахтеры, которые ведут под проклятой стеной подкоп. Им теперь никто не мешает в этом, шакалийских саперов в тоннелях больше нет. Жалкие трусы, оборонявшие раньше приграничные порты, разбежались. На границе не осталось ни одной роты красномундирников, ни одного пограничного отряда. Горные полки все еще несут службу, но не осмеливаются выступить против нас — боятся, что когда они вернутся на свои хутора, то обнаружат в собственных спальнях солдат калифа. Компатриот Флейр и его гвардейцы вполне могли бы обеспечить охрану наших южных пределов.

— Торопиться не надо. Возможность основать город меченых будет дарована гвардейцам чуть позже, — возразил Тцлайлок. — Сначала же они должны помочь нам разгромить войска Короля-Пара.

— Разгромить? — Маршал недоуменно посмотрел на вождя революции. — Миддлстил целиком и полностью в наших руках. Пусть только враг осмелится подойти к городским стенам! Мы выльем на него бочки кипящего масла!

Тцлайлок ткнул пальцем в точку на карте.

— Нет, мы выйдем им навстречу и сразимся вот здесь. Маршал Ариндзе посмотрел туда, куда был направлен указующий перст председателя Первого Комитета.

— Ривермарш? Но там ведь одни холмы, болота и пастбища. Прошу вас, компатриот Тцлайлок! Имея в своем распоряжении две бригады, мы сможем удерживать Миддлстил до середины зимы. С армией Механсии лучше не сражаться на открытой местности. Их рыцари превосходят нашу самую лучшую кавалерию! Они быстрее и сильнее, они лучше вооружены. Их

мортиры превосходят по убойной силе любые наши пушки. Я не могу гарантировать вам победу, даже имея десяток боевых бригад!

Тцлайлок протянул руку и схватил маршала за лицо, причем с такой силой, что тот рухнул на колени.

— За нами стоят боги революции! Уайлдкайотли сильны и час от часу становятся сильнее, по мере того как враги народа скармливаются им во имя общего дела! Что есть у этих живых железяк? Их Лоа — жалкие бесплотные тени, как тот вонючий дым, что изрыгают их трубы. Знаете, почему Шакалия так быстро сдалась революции? Она потеряла истинную веру. Не заставляйте меня думать, коротышка, что и вы утратили веру в правоту общего дела!

С этими словами он отпустил свою жертву, и маршал Ариндзе кое-как поднялся на ноги. Как и все прирожденные хищники, он признавал право сильного.

— Мы сделаем все так, как вы говорите, компатриот председатель!

Тцлайлок обернулся к Флейру.

— А вы, компатриот капитан? У вас имеются соображения по поводу предстоящего сражения?

Флейр стоял с мрачным видом, наблюдая, как квотершифтские уорлдсингеры помогают маршалу обрести вертикальное положение.

— Мы двинемся в горы. Дойдем до Ривермарша. Вы скажете нам, куда идти дальше, и мы подчинимся. Мы пойдем туда, куда вы нам укажете, и будем стоять до конца.

— Похвально, компатриот капитан! Первая Бригада отойдет к Гэллоухиллу и Спаутхоллу. Третья Бригада и части Особой Гвардии немедленно отправятся в поход вместе с нашими уравненными ротами революционной армии и дадут отпор агрессорам у Ривермарша.

Капитан Флейр не позволил, однако, меланхолии взять верх над военной сметкой. План председателя был безумием чистой воды.

— Вы отдаете более двух третей Миддлстила на милость военного ополчения оппозиционных партий. Даже если мы сокрушим силы Короля-Пара, не исключено, что мы вернемся в город, оккупированный врагом. У Третьей Бригады больше нет преимущества первого удара, внезапного появления в самом сердце столицы. Цена, которую мы заплатим за то, чтобы вернуть каждую потерянную улицу города в свои руки, лучше всего будет видна в палатках полевых госпиталей.

— Вот уж не думал, что вы столь высокого мнения о наемных

бандах, которые наспех сколотили кровожадные враги! — удивился Тцлайлок. — Они сполна получат за то, что пошли против народа.

На Флейра нахлынуло жуткое чувство. Боевой приказ Тцлайлока не имел никакого смысла — вернее, имел, но при одном единственном обстоятельстве. Неужели председатель Первого Комитета только что провозглашенного Содружества Общей Доли Шакалии отважится на *такое*?

— Принц Алфей, — произнес капитан Флейр. — Вы оставите его в городе?

— Компатриот Алфей служит революции самыми разными способами, — ответил Тцлайлок. — Ваша приверженность долгу делает вам честь, компатриот капитан. Однако защита народа от монархии больше не входит в обязанности Особой Гвардии. Вспомните, что когда-то кричала толпа перед дворцом в день побивания камнями. Нет республике с королем! Но если вы хотите, чтобы мы взяли с собой крест, потому что лично вам так спокойнее на душе, что ж, мы так и поступим. Думаю, мучения, которые терпит король, наполнят боевым духом революционные сердца, подвигнут народ на доблестные подвиги против армии железного врага.

Тцлайлок провел пальцами по расстеленной на столе карте; его ногти прочертили по соседним государствам черные следы.

— Да, компатриот капитан. Вы можете со спокойным сердцем оставить кровопийц на попечение Гидеонова Воротника. Наши помыслы устремлены вперед, а не назад. Победа за победой во имя народа — это стандарт равенства, которым мы принесем всему остальному миру.

Из глаз вождя революции на пол упали черные слезы, которые, подобно кислоте, прожгли в дубовом полу дыры. Каждое общество — упорядоченное гнездо, где уравненные граждане трудятся во имя общего дела, неотличимые друг от друга братья и сестры. Совершенные, черпающие радость и удовлетворение в бесконечном труде. Вот оно, светлое будущее облагодетельствованного человечества.

Перед Оливером последняя проклятая стена камеры номер восемь ноль девять визжала, словно свинья на бойне. Колдовская энергия извивалась и корчилась, обволакивая его со всех сторон, собираясь складками — вряд ли уорлдсингеры, когда-то сотворившие ее, представляли себе такое. Внутри нее посреди собственных экскрементов и крысиных скелетов лежал Шептун.

— Оливер! — прошипел он. — Твое совершенное тело… оно все в крови.

— К сожалению, я был вынужден остановиться и провести переговоры по поводу твоего освобождения, — ответил Оливер и отвернул нос от тошнотворного запаха.

— Они перестали выносить ведро, как только прекратили давать мне баланду, — пояснил Шептун. — Как ты попал сюда, в Хоклэм?

— Как попал? Прискакал верхом на лошади.

— Отлично, я так голоден, что съел бы целую лошадь!

Где-то рядом обитатели других камер выли в гневе и отчаянии. Оливер поднял Шептуна на ноги и вместо костыля дал ему винтовку одного из охранников.

— Я мог бы разбить замки и на них, — сказал Оливер, глядя на длинный ряд камер.

— Ты по-прежнему намерен вести нас за собой в землю обетованную, Оливер? В самую глубь гиблого тумана, чтобы мы пополнили собой зверинец Хозяйки Огней?

Оливер покачал головой.

— Ее больше нет, Натаниэль. А то, что заняло ее место, — оно не такое приятное в общении.

— Говорил я тебе, что настанет время и тебе понадобится моя помощь, приятель. Я рад, что теперь ты мыслишь так же, как и я. Что до остальных узников, можешь спокойно оставить их здесь. Тех, в ком осталась хотя бы крупица разума, забрала с собой Особая Гвардия. Им нужны люди, чтобы основать Свободное Государство Феев. Те, кто остался здесь, утратили человеческий облик, их опасно выпускать на свободу.

— А тебя?

— Это тебе решать, Оливер. Ведь ты, чтобы попасть ко мне, пролил кровь не одного десятка тюремщиков.

— Они сами выбрали смерть, — возразил Оливер. — Мне хотелось узнать, почему тебя замуровали так глубоко.

Шептун расхохотался.

— Признайся, ты ведь собрался на охоту, безумец! Ты намерен сразиться с богами!

— А разве не таков был твой собственный план?

— Вот уж никогда не думал, что ты согласишься. Учитывая то, как в последние две недели развивались события в Шакалии, боюсь, мне не оставалось ничего другого как согласиться на гиблый туман и место в зверинце Хозяйки Огней.

С этими словами Шептун вышел из камеры в тюремный коридор. Его тело менялось прямо на глазах. Казалось, оно делается сильнее и крепче. Впрочем, это не удивительно. Как только колдовской занавес пал, он вновь начал черпать силу из токов земной энергии.

— Вот так-то лучше. Теперь им ни за что не поймать меня вновь, Оливер. Я уже не тот мальчонка, которого родной папаша продал за бутылку джина. Я повзрослел и возмужал, как внешне, так и внутренне.

Оливер ступил сквозь зримо подрагивающий воздух. Стены камеры дрожали и изгибались — это Шептун черпал земную энергию для своего нового тела.

— Ты получил долгожданную свободу, Натаниэль. А теперь нам с тобой нужно убедиться, что мир, в котором этой свободой можно пользоваться, еще цел.

— Мы пойдем на восток, мой мальчик, — прошипел Шептун. — Прошлой ночью мне приснился сон, что я шагаю вместе с тысячей паровиков. Армия Механсии вышла на поле боя. В последний раз именно железное войско победило темных богов. Думаю, теперь будут сведены кое-какие старые счеты.

Оливеру почему-то пришли на ум обитатели горных городов, образы, запечатленные его сознанием, пока он сам бродяжничал, Стимсвайп и туманные воспоминания, что остались от других странствий по дорогам Свободного Государства — одни как враги, которых следовало найти и обезвредить, другие — как друзья. Вот он стоит на палубе аэростата, и горные пики пронзают клубящиеся облака.

— С тобой все в порядке? — спросил Шептун.

— В моей голове столько всего, что порой трудно собраться с мыслями.

— Со мной такое тоже бывало, когда я только учился ходить во сне. Кошмары половины страны проникали в мои сны. Ты должен научиться обращать их себе на пользу.

— Постараюсь, Натаниэль.

Вдвоем они прошли теми же грязными и зловонными коридорами, по которым Оливер проник сюда. Уродливые существа, отгороженные от внешнего мира проклятой стеной, ощущали его присутствие. Одни были охвачены злостью и мысленно бились головой о стену, пытаясь вырваться на свободу, другие молча затаились в своем логове, словно пауки, в надежде на то, что жертва сама по неосторожности попадет к ним в сети. Были и те, кто просто задумчиво наблюдал за ними. Только здесь Оливеру стало понятно, почему уорлдсингеры настаивали на том, чтобы держать меченых под замком или надевать им на шею торк. Некоторые из этих созданий скорее походили на силы природы, чем на людей. Человеческая часть их сознания была изъедена гиблым туманом и существовала в теле, плохо приспособленном для жизни вне проклятого занавеса. Многие из этих несчастных даже не подозревали, какое жалкое

существование влачат здесь, в Шакалии. Но потом Оливер вспомнил, с каким упорством орден пытался запереть в эти стены его самого, как уорлдсингеры пытались разъединить его тело и душу, вскрыть его, словно орех, и, удалив содержимое, выбросить за ненадобностью скорлупу. Стоило ему это вспомнить, и сочувствия к колдунам и их злокозненным замыслам как не бывало.

Они шли дальше, и тело Шептуна начало преображаться. Лишние руки засосало внутрь тела, костяные пузыри расправились и превратились в гладкую кожу, на голове выросло нечто вроде короткого меха. Вскоре от старого Шептуна ничего не осталось, а его место занял высокий воин с коротко стриженными золотистыми волосами, одетый в причудливую, старомодную военную форму. С его левого плеча свисал элегантный гусарский ментик.

— Я по-прежнему здесь, Оливер. Вот так бы выглядел я, не просочись в нашей деревне из-под земли гиблый туман. — Шептун потрогал свои новые волосы. Даже голос его звучал теперь по-другому, красиво и звучно, в нем больше не слышалось прежнего сипения, которое издавала уродливая глотка, служившая ему ртом. — То, что видят наши глаза, есть порождение нашего сознания, что касается мыслей — то они текучи, как вода.

— На тебе жутко старомодная форма.

— Она из той единственной книжки, которую я держал в руках, прежде чем меня посадили за решетку. «Дуэлянты Квотершифтского двора». Она было самым ценным, что у меня имелось. Отец купил ее мне в одну из тех редких недель, когда бывал трезв, хотя такое, должен сказать, случалось нечасто. По-моему, смотрится отлично, что ты на это скажешь?

— Еще как! Головорезы из Третьей Бригады наверняка решат, что король восстал из могилы, чтобы отомстить им за то, что они пропустили его через Гидеонов Воротник.

В открытые двери Хоклэмского приюта влетали снежные хлопья. Увидев на полу груды мертвых тел, Шептун довольно кивнул. Еще бы, ведь это были бренные останки тех, кто столько лет мучил и унижал его. Сколько раз во сне он уже видел эту сцену, и вот теперь узрел впервые — наяву! Оливер посмотрел вниз с каменистого холма, туда, где по ту сторону проклятой стены его поджидала лошадь. Он уже собрался было показать ее Шептуну, но внимание его спутника было приковано к чему-то еще. Оливер посмотрел в ту сторону, куда устремил свой взгляд Шептун. Южный край неба усеивали аэростаты, их черно-белые, в шахматную клетку, носы прокладывали себе путь сквозь снеговые

тучи.

Ветер с воем налетал на Хоклэмский холм, и Шептун был вынужден перейти на крик, чтобы Оливер его услышал.

— Воздушный флот вывели в небо! Вот только…

— Вот только кто? — закончил его вопрос Оливер.

Он простер свои чувства, простер внутрь жестких корпусов, внутрь холщовых газовых сфер, и… наткнулся на новенькие, с иголочки тела уравненных пилотов Шакалии. Биомеханических гибридов, рабов, покорных воле Тцлайлока, послушных штыкам неустрашимых и дисциплинарным дубинкам квотершифтских офицеров. Хорошая доза нервного огня, и любые попытки неповиновения будут уничтожены в зародыше. Еще бы! Ведь эта боль не шла ни в какое сравнение со старым добрым средством устрашения, что когда-то было в ходу в эскадрильях королевского воздушного флота — плеткой о девяти хвостах.

Оливеру не было нужды отвечать Шептуну, кто вывел в небо флот, поскольку свист падающих на Миддлстил зажигательных бомб говорил сам за себя. Черные замыслы новых властителей Шакалии — хозяев ее воздушного флота, ее неба — были видны, как на ладони. Под брюхом у воздушного исполина расцветал огненный цветок, и в следующее мгновение то там, то здесь в облаке пара рушилась очередная пневматическая башня, не способная более находиться в вертикальном положении. Миддлстил платил дорогую цену за неповиновение новым хозяевам. Те, кого раньше считали гарантами его свобод, теперь поливали город адским огнем, испепеляя эти самые свободы.

— Проклятие, они сбрасывают на Миддлстил зажигательные бомбы! — воскликнул Шептун. — Похоже, собрались израсходовать на город весь боезапас!

— Не весь, — возразил Оливер, поворачиваясь лицом на восток. — Им придется кое-что оставить, чтобы остановить наступление армии Короля-Пара.

Они вдвоем бегом бросились вниз с холма. Земля Миддлстила горела у них под ногами.

Глава 25

Вокруг Молли возник золотистый нимб; Вайнсайдский Душитель, который только что торжествующе хохотал, моментально взвыл от боли. Черное поле, окружавшее его руки, исчезло, а пальцы, еще мгновение назад тянувшиеся к ее шее, резко отдернулись.

Услышав крик Душителя, второй каторжник бросился ему на помощь, однако Слоустэк громогласным ревом тотчас преградил ему дорогу. От трубных звуков осколки чимекского оружия разлетелись в разные стороны. Каторжник отпрянул назад, но тотчас выбросил вперед руку и в следующее мгновение грудь паровика вспороли черные щупальца. Застонав от боли, бедняга Слоустэк рухнул, как подкошенный; через дыру в корпусе из мягких трубок вытекало машинное масло, а вокруг самого отверстия запузырилась и вспенилась черная энергия.

— Слоустэк! — растерянно вскрикнула Молли. Вайнсайдский Душитель тем временем вновь бросился к ней. Его черная аура на мгновение смешалась с золотистым нимбом девушки, когтистые пальцы попытались проникнуть под защитный кокон, обволакивающий ее тело.

— То, что я сейчас с тобой сделаю! — прорычал душитель, но не договорил, потому что язык его раздвоился на две костяные челюсти, из глотки пахнуло горелой плотью. Запах был столь омерзителен, что девушку едва не вырвало.

Собрав энергию внутри тела в золотую пружину, Молли покатилась с Душителем по полу.

— Помоги мне! — крикнул тот напарнику. — Придержи ей ноги!

Второй каторжник оставил паровика и, словно гигантский паук, переместился на восьми черных ворсистых ногах ближе к своему подельнику. В следующее мгновение Молли взорвала накопленный в теле заряд. Душителя тотчас отбросило прочь от нее, и он полетел в бездну чимекской машины смерти. Скатившись в самую ее глубь, он наконец остановился. Сверху его обдал ливень кроваво-красных кристаллов.

Ощутив энергию Уайлдкайотлей, машина загудела, послышался треск перемалываемых костей, отчего содрогнулись стены, а с потолка посыпались куски штукатурки. То была песнь земли, какую никто не слышал вот уже тысячу лет, музыка насекомых, жуткие короткие ноты, которые умирали, едва возникнув. Молли видела исходящее от машины свечение в том месте, где должны были располагаться недостающие компоненты.

В свое время у чимеков закончились родные и близкие, и было больше некого приносить в жертву во имя создания жуткой машины.

Молли не понадобились предостережения Слоустэка, тем более что тот прошептал их ей едва слышным голосом. Она обернулась и, словно лошадь за поводья, схватив второго каторжника за щупальца черной энергии, швырнула его туда же, куда мгновением раньше полетел Душитель. Внутри ямы Уайлдкайотли умерили свирепость обоих своих вместилищ из боязни повредить инструмент, который, как только его создание будет завершено, призовет мета-богов.

Чего нельзя было сказать о Молли. Видя, как оба каторжника пытаются вылезти из ямы и вновь подобраться к ней, она смело запустила внутрь машины руку. Та оказалась холодной на ощупь и непривычной, как сон саранчи. Но даже машина, созданная для того, чтобы вспарывать стены реальности, вынуждена функционировать по законам вселенной, по привычным правилам механики. Кровь закипала в жилах Молли, когда она формировала схемы, перебирала тысячи комбинаций кодов-замков, которые отомкнут смертельное оружие. Стоило ей добиться хотя бы небольшого успеха, как она тотчас шла дальше, подбираясь все ближе и ближе к активационному коду. Два убийцы вскарабкались уже почти к самому краю пропасти; глаза их были черны и смотрели рассеянным взглядом — это Уайлдкайотли временно смягчили их свирепые сердца. Они понимали, что пытается сделать Молли: восстановить соединения, привести в действие дремавшие доселе силы. Шершни будут истово охранять свое гнездо.

Только не смотри на них, делай свое дело! У нее была своя мелодия, и она намеревалась исполнять ее и дальше.

Наконец каторжники выбрались из пропасти и подняли руки, надеясь обрушить на девушку бурю адской энергии. Однако Молли изменила диапазон инструмента — она настроила его на Уайлдкайотлей, спрятанных внутри человеческих форм. За их спинами запульсировали потусторонние звуки, и коконы черной энергии, окружавшие обоих убийц, неожиданно истончились, стали полупрозрачными, словно туман над лугом, и древняя машина начала втягивать в себя этот туман. Духи Уайлдкайотлей поглотили человеческие тела. Лишившись черной силы, подпитывающей их мускулы и придающей крепость скелетам, оба каторжника забились в конвульсиях — столь невыносима была боль оттого, что бессмертные духи оставили их.

Молли повторила мелодию, с мрачным удовольствием наблюдая за тем, как темные призраки тают буквально на глазах.

— Ага, вам хочется поскорее встретить своих богов, гнусные тараканы! Когда увидите их, предайте привет от Молли Темплар!

Чимекский двигатель вибрировал как безумный — это в сотворенный из человеческой крови механизм затягивалось облако Уайлдкайотлей. Вскоре машина сменила диапазон издаваемых звуков, и под конец испустила едва ли не человеческий вздох. Рядом с краем пропасти на полу распростерлись тела двух каторжников — их кости обратились в прах, а сами они обуглились в тех местах, где Уайлдкайотли обожгли их пламенем. Вайнсайдскому Душителю больше уже никогда не стиснуть своих мерзких пальцев вокруг шеи очередной жертвы.

Из открытой двери в холодное помещение пахнуло теплом. Молли бросилась на помощь паровику. Нужно было вновь поставить его железное тело на гусеницы.

— Слоустэк, ты меня слышишь?

— Слышим, — прошептала голосовая коробка, вернее, натужно проскрипела, покореженная силой удара. — Мы также слышали твою мелодию. Она была отвратительна.

— Вот и Уайлдкайотли были того же мнения, — сказала Молли и оглянулась по сторонам — может быть, найдется что-то такое, что сошло бы за инструмент, с помощью которого можно починить пострадавшего паровика. Однако ничего подходящего не увидела. Это же надо! Она застряла в центре земли рядом с самой огромной машиной разрушения, какую только сумело создать за свою историю порочное человеческое сердце, зато под рукой у нее не оказалось даже обыкновенного молотка.

— Не бросай меня, Слоустэк. Не оставляй меня здесь одну, в этих жутких пещерах! Прошу тебя, не надо!

— Для нас настало время переместиться в другой зал, — произнес паровик. — Наша нить великого орнамента приближается к концу.

Молли крепко сжала железные пальцы руки-манипулятора паровика.

— Я не дам тебе умереть еще раз!

— Мы прошли деактивацию уже дважды, мягкотелая Молли. Это так просто. Куда сложнее та часть великого орнамента, которая называется жизнью. Не надо слишком долго скорбеть о нас.

— Мне страшно, Слоукогс, Сильвер Уанстэк!

— Не бойся за нас, юная мягкотелая. Если мы не страшимся тьмы до того, как нас запустят в действие, то почему мы должны страшиться ее после того, как нас не станет? Мы всего лишь ноты одной бесконечной мелодии. Каждая отдельная нота отзвучит, но

сама мелодия продолжается вечно.

Бойлер Слоустэка дал течь, и на пол вытекла лужица воды; свет на его зрительной пластине тоже начал меркнуть. Молли не могла сказать, сколько просидела рядом с пустым металлическим корпусом, из которого ушла жизнь, прежде чем почувствовала позади себя жар. Над полом подрагивала белая сфера размером с батискаф, верхушку которой венчал один-единственный глаз. Вскоре на гладком металле проступили детские черты, словно через волшебный фонарь кто-то показывал живую картину.

— Ты не можешь спасти его еще раз? — спросила Молли Гексмашину.

«Там, где есть жизнь и желание, я могу показать способ живому металлу. Увы, он уже вне моей досягаемости. Слоустэк переместился в гимны людей и живет в бросании шестеренок Гиэр-Джи-Цу».

Молли расплакалась. Вскоре рядом с лужей воды из пробитого бойлера натекла новая лужица, меньших размеров.

«В его грудной полости находятся две хрустальные платы, две души, слитые воедино. Выломай их оттуда, Молли Темплар. Слоустэк наверняка пожелал бы, чтобы их вернули в залы Механсии».

Молли поступила, как ей было велено, — вынула из механической груди мертвого паровика две хрустальные пластины, легкие как перышко. Интересно, когда он был жив, они тоже были такими же легкими, или же все-таки потяжелей?

«А теперь встань передо мной, дитя Виндекса! Тебе предстоит работа».

Окруженная золотым сиянием, Молли сделала шаг вперед. С ее груди стекали два световых потока. Скручиваясь, они образовывали спираль, которая вращалась между ней и Гексмашиной. Точно такие же золотистые лучи протянулись от сферы и, окружив спираль, сплелись с ней в радостном танце, после чего вернулись назад в Гексмашину.

«Ты признана оператором».

Растекаясь в стороны, словно ртуть, сфера обнажила отверстие — ослепительно белое пространство, словно скроенное по мерке Молли.

— Враг силен и коварен, — задумчиво произнесла девушка. — Когда-то нас было семеро, семь операторов Гексмашины.

«Верно, — отозвалась Гексмашина. — Но Уайлдкайотли за тысячу лет совсем не изменились, Молли. Они столь самонадеянны, что пребывают в уверенности, будто настолько совершенны, что готовы заморозить нас вместе с собой на целую

вечность, чтобы мы застыли как мухи в куске янтаря. Но мы с тобой способны к переменам, ты и я, чего наш враг боится больше всего на свете. Я провела целое столетие, слушая тайны земли, которые она нашептывала мне, и становилась сильнее, умнее, мудрее. И ты, Молли, замечательный человек. Думаю, на этот раз хватит одной Гексмашины и одного оператора».

Молли вступила внутрь Гексмашины, и за ее спиной тотчас закрылась дверь. Ощущение было такое, будто она парит внутри водяной сферы. Вскоре обе они — Молли и Гексмашина — слились в единое целое. Чувства Молли обострились настолько, что она стала видеть то, чего нельзя увидеть даже в самых удивительных снах: она ощущала на вкус звуки, видела цвет пульсирующих вен земли, крошечные детали в стенах пещеры, как будто кто-то положил их под окуляр микроскопа. Все вокруг вибрировало, музицировало и пело, исполняя песнь великого орнамента, о котором ей рассказывал Слоустэк. Но присутствовало и что-то еще. Безграничная боль. Гексмашина пыталась защитить от нее Молли, но, увы, слишком тесно были они сцеплены между собой, и теперь их тела — их общее тело — корчились в муках.

— Что это?

«Это еще один оператор, Молли. Тцлайлок пытает его, как когда-то мучил тебя, чтобы лишить меня сил и заманить в капкан к Уайлдкайотлям. Но пока что у меня два оператора, и мне есть между кем распределить мое сознание. Его работа приносит мне мучения, но она не в состоянии вывести меня из строя».

— На моем газоне вырос целый муравейник, подружка, может, попробуем растоптать его?

Из их сплавленных воедино тел к потолку устремился луч света. Гексмашина вздыбилась волнами жидкого огня и полилась на трубы чимекского органа, призванного оповестить мир о наступлении апокалипсиса. Как только море лавы заполнило пропасть, злокозненное устройство не выдержало и обрушилось; раскаленная магма, растекаясь дальше, через край, накрыла собой тела обоих каторжников и расплавила корпус мертвого паровика, который когда-то ходил по земле в образе Слоукогса и Сильвера Уанстэка.

Железо и расплавленный огонь с шипением соединились, и возлюбленная Гексмашины, земля, залечила шрам от старой-престарой раны, нанесенной ей в самое сердце.

Улицы, практически безлюдные, теперь были заполнены жителями Миддлстила. Трущобы и башни опустели — их обитатели, едва завидев в небе аэростаты, запаниковали и

бросились вон из зданий. Третья Бригада и гримпхоупские революционеры покинули город еще раньше, и теперь дороги были забиты беженцами. Оливер был даже рад, что Шептун сохранил человеческий облик. Случись ему въехать в город в своем истинном обличье да еще верхом на цыганской кобыле, паника была бы еще большей. На другом конце улицы появилась группа всадников — Джек-Сорвиголова и рота его нерегулярного полка. Оливер осторожно вел лошадь сквозь забитые толпами улицы; всюду царила давка, воздух оглашали громкие крики. Все это создавало при передвижении немалые сложности.

— Майор Дибнах! — крикнул Оливер. — Где наша армия?

— Отходит на новые позиции, — крикнул в ответ верховой офицер. — Страж Тинфолд доставил приглашение. Армия Свободного Государства Паровиков форсировала Гэмблфлауэрс и объединилась с силами парламента. Мы тоже идем вместе с ними. В Миддлстиле делать нечего, разве что забиться в старые пневмотуннели и трястись от страха, ожидая, пока все кончится.

Словно в подтверждение его слов над их головами пролетел аэростат. Беженцы со всех ног бросились в ближайшее укрытие. Раздались крики и визг, кто-то упал, поскользнувшись на разбросанном по мостовой мусоре.

— Болотный газ! — крикнул кто-то. — Болотный газ!

Джек-Сорвиголова развернул своего скакуна, и тот лягнул крикуна в голову. Высокая шляпа свалилась на землю, а вслед за ней на земле распластался и ее владелец.

— Безмозглый идиот! Никакого газа в бомбах нет! Какой от него толк против армии паровиков!

Оливер пришпорил лошадь и устремился в образовавшуюся в толпе брешь.

— За мной, майор!

— Молодец, парень! Первый Страж отдал приказ всем, кто остался, преследовать Третью Бригаду, которая движется на восток! Если удастся вступить с ними в схватку, аэростаты не смогут бомбить нас из опасений попасть в своих.

— Верно, — согласился Оливер. — Когда аэростаты покончат с городом, они возьмут курс на восток.

Джек-Сорвиголова поднял глаза к небу.

— Сегодня дела у них идут так себе. Не иначе как у штурвала там шифтеры. Но, так или иначе, не хотелось бы подставлять себя под удар, когда выйдем на открытую местность. Наши полки не привыкли, когда на них сверху бросают бомбы.

Тень аэростата уплыла дальше. Через пару минут улицы вновь были запружены толпами беженцев. Оливер оставлял город с тяжелым сердцем. Он ощущал, как на его родную страну давят

Уайлдкайотли, как по ее земле, громыхая сапогами солдат Третьей Бригады, идущих на битву с паровиками, марширует черное зло.

Сидевший позади него Шептун простонал с досады.

— Теперь мне понятно, почему ты не захватил седло. Ты не собирался скакать галопом, и оно было тебе ни к чему.

Шептун закрыл глаза и представил себе аэростат. Вот он парит над улицей, в его бомбовых отсеках пляшут темные, похожие на дьяволов существа, а сам он завис так низко, что его люки едва не задевают шпили Круговистской церкви. Беженцы с воплями ужаса бросились в укрытия. Кавалерийская рота растерянно оглядывалась по сторонам. Шептун не стал вкладывать эту иллюзию в сознание наездников, однако те все поняли правильно и, воспользовавшись моментом, устремились в освободившееся пространство.

— У меня такое подозрение, что аэростат будет преследовать нас всю дорогу из Миддлстила, — сказал Оливер, пустившись галопом вдогонку Джеку-Сорвиголове и его разношерстной роте.

Поскольку Шептун расчистил им путь, то они в считанные минуты доскакали до границы города. На востоке, ближе к Ривермаршу, из-за низких холмов в небо поднимались клубы дыма. Это армия паровиков начала наступление на квотершифтские легионы.

— Они оставляют позиции, — сказал Оливер, показывая на недавно возведенные редуты и свежие окопы, вырытые за городской чертой. Теперь они были пусты, ни единой души, куда ни глянь — снег.

Джек-Сорвиголова нахмурился.

— Тогда все верно. Особая Гвардия перешла на сторону шифтеров. Эти парни воюют куда лучше на открытой местности, чем среди городских переулков. Великий Круг, этого нам только не хватало! Теперь в распоряжении квотершифтских захватчиков две вещи, которые всегда обеспечивали нам победу — наши аэростаты и наша гвардия!

Посмотрев на лица своих бойцов, Джек понял, что озвучил сомнения, которые мучили не его одного в этой неравной войне. Было видно, что боевой дух солдат близок к нулевой отметке.

— У нас есть нечто такое, чего нет у них, — произнес Оливер как можно громче, чтобы его слышали все, кто был вокруг. — Мы сражаемся как свободные граждане Шакалии, а не как рабы короля, Первого Комитета или калифа.

Он вытащил из-за пояса один из пистолетов. Шакалийский лев на рукоятке оружия, казалось, вобрал в себя свет этого дня, притянув к себе солнечные лучи, и теперь слепил глаза

невиданным ранее сиянием.

— Мы не намерены страдать под пятой тирании, не преклоним колен перед злобными богами и не позволим злу безнаказанно разгуливать по нашей земле. Мы не двинемся покорно навстречу тьме, что готова поглотить нашу страну. Мы шакалийцы, и наши свободные души невозможно завоевать, пока остается хотя бы один-единственный шакалиец, которому хватит духу сказать «Нет! Я умею думать сам за себя! Я сам выбираю свое будущее! Я сам решаю, какому богу мне молиться, а мой закон — закон всего моего народа, а не прихоть кровавого тирана с саблей наголо, у которого чешутся руки снести голову предыдущему!».

В хвосте колонны одинокий голос затянул песню; слова ее были едва слышны на ледяном ветру. Но вскоре к первому голосу присоединился второй, затем третий, и вскоре это был уже хор голосов. «Лев Шакалии». Гимн. Песня звучала все громче и громче, перекрывая свист ветра, заглушая даже разрывы бомб за спинами у поющих и грохотание пушек у них впереди.

— Я умею делать так, что женщины, когда они смотрят на меня, видят человеческий облик. Я, словно глину, умею лепить их грезы, — произнес Шептун. — Но ты умеешь наполнить их души. Это не тот дар, что приходит вместе с гиблым туманом.

— Дотронься пальцами до земли, и ты найдешь в ней ответ, — сказал Оливер.

С юга донесся новый звук — жуткое завывание, словно на луну выла целая стая волков. Откуда-то из-за падающих хлопьев показались позиции, солдаты в красных мундирах, трепещущие на ветру килты из тартана в кричащую клетку. Первый ряд солдат наполнял воздух звуками волынок — пронзительными, режущими слух, — а ветер разносил их дальше.

— Горные полки! — воскликнул Джек-Сорвиголова. — Клянусь Великим Кругом! Вот уже никогда не думал, что моим ушам будет приятно слышать, как душат кошку!

Из головы колонны к ним прискакала какая-то женщина. За спиной у нее болтались три заряженные винтовки. Не какие-то там охотничьи игрушки, а настоящее боевое оружие регулярных шакалийских войск.

— Белл Макконнел. Страж Макконнел. Я собрала под наши знамена всех, кого только смогла наскрести по хуторам, от Брексни до Летнесса. Мы удерживаем позиции на границе с землями калифа, причем в нашем распоряжении нет никого, кроме необстрелянных новобранцев и представителей клана Макхокумчайлд. Но скажу честно, я лучше доверюсь хорю в курятнике, нежели положусь на Макхокумчайлда.

— Насколько я понимаю, вы хотели видеть капитана? — спросил Джек-Сорвиголова. — Вынужден вас разочаровать. Все поменялось, моя милая. Шифтеры расстелили одеяла для пикника у Ривермарша и ждут в гости Короля-Пара.

— Да мы и сами следим за дымком их пикника, приятель, — ответила Макконнел. — Мы идем маршем вот уже несколько дней и изрядно проголодались.

— Тогда давайте отведаем квотершифтского фарша, — предложил Джек-Сорвиголова. — А ваши волынщики, пока мы будем к ним ехать, могли бы сыграть нам что-нибудь веселенькое, приятное для слуха.

— Вы что, совсем рехнулись? — возмутилась представительница горного избирательного округа. — Волынки — инструмент скорби. Мы сыграем для Содружества Общей Доли и их местных прихлебателей похоронный марш. Вы уж извините меня за резкость.

— Ничего страшного. Я придерживаюсь того же мнения.

На то, чтобы пересечь холмы, у них ушло около получаса. К тому времени, когда спустились к Ривермаршу, темные воздушные левиафаны уже двигались вслед за ними, скользя поверх настоящего океана черного дыма — это внизу горел Миддлстил. Конь под Оливером испуганно заржал, как только перед ними открылось место предстоящей битвы. Третья Бригада и революционная армия Тцлайлока занимали западную часть поля, Король-Пар и остатки парламентской армии — восточную. Поле боя было все в дыму, кругом стоял оглушительный треск и свист — это винтовки солдат Тцлайлока отвечали на залпы паровых ружей железного противника. Заняв позиции на возвышенностях позади обеих армий, свой собственный огненный диалог вели мортиры паровиков и квотершифтская артиллерия. Едва ли не ежесекундно раздавалось уханье вражеских пушек; как только ввысь взмывал фонтан комьев промерзшей земли, солдаты тут же бросались врассыпную.

Дымовую завесу то тут, то там с шипением прорезали разряды — это обменивались ударами уорлдсингеры и части Особой Гвардии. Оливеру было видно, как пульсируют силовые линии земли — из вен планеты выкачивалась энергия. В дальнем конце долины метель кружилась подобно призракам, которые то появлялись, то исчезали, растворяясь в белизне снегопада. Увы, Паро-Лоа проигрывали битву Уайлдкайотлям. Оливер чувствовал их усталость; присутствие Тцлайлока в арьергарде ощущалось им сродни приступу мигрени. Лидер революции был совсем другой — он слился воедино со своими хозяевами. Это был муравей, раздавленный сапогом великана. Его ненависть к Шакалии,

питаемая их ненавистью, растекалась по полю битвы волнами нескрываемой злобы.

Оливеру было видно, как Тцлайлок манипулирует душами мертвых. Он черпал силы, отнимая их и у раненого шакалийца, кричащего от боли, потому что ему пушечным ядром оторвало ногу, и у уравненного революционера, который вслепую ходил кругами, потому что голова его была разбита ударом парового молота. Он черпал силы, глядя, как двое хохочущих солдат Третьей Бригады пронзили штыком парламентария, когда тот поскользнулся в луже крови своего товарища. Он черпал силы, глядя, как толпы беженцев бегут от рушащихся башен Миддлстила. Он черпал силы в слезах Бенджамина и Хоггстона, когда те кричали, отдавая приказы, отправлявшие в кровавую мясорубку все новых и новых людей. Он черпал силы в агонии капитана Флейра, гвардейцы которого рвали на куски свой собственный народ, а за его спиной, трепеща, как боевое знамя, на черном кресте корчился принц Алфей. Тцлайлок пожирал их силы, и урожай зла делался сильнее с каждой минутой. А как только прибудут аэростаты, чтобы с воздуха окончательно добить остатки шакалийской армии и их союзников, он разорвет стены этого мира и напустит на землю стаи голодных насекомых.

— Мы проигрываем, — сказал Шептун. — На их стороне численное преимущество и пушки.

Оливер протянул руку, схватил под уздцы лошадь без всадника, которая неслась куда-то, напуганная грохотом боя. Затем на скаку пересел в ее забрызганное кровью седло, а цыганскую кобылу оставил Шептуну.

— Ты знаешь, где находится мост, Натаниэль.

— Эй, вот он, наш фарш! — крикнула Макконнел своим горцам. Она вытащила из-под седла палаш и указала им в сторону правого вражеского фланга.

— Вот там мы их и возьмем! Давайте затягивайте песню, мои бравые ребятки! Сыграйте им «Истребление клана Макмейли!».

Рота Джека-Сорвиголовы перестроилась в две колонны и, встав по обе стороны горцев, под душераздирающие звуки волынок устремились вперед. Ополченцы горного полка стащили со своих инструментов чехлы и, подняв над собой, прикрыли ими головы — не столько для того, чтобы прикрыться ими от пуль, сколько для защиты от ядовитых испарений гиблого тумана, которые ползли сюда от проклятого занавеса. Импровизированные капюшоны делали их похожими на огромных уродливых птиц, и в сердце врага впервые закрался страх. Горцы шагали, зная, что идут на верную гибель, однако те, кто родился в горах, живут среди своих долин и озер, наслаждаясь куда

большей свободой, чем любой шакалиец. Лишь комья земли, брошенные на гроб, способны смирить их вольных дух.

Клубы дыма над полем боя постепенно становились все более плотными, превращаясь в серый лед; грохот сражения стихал, уступая место белому безмолвию.

— И все равно туннель они так и не взяли.

Оливер слез с замерзшей лошади. Перед ним стояла Медвежья Тень, вернее, сидела в пузыре застывшего времени и наблюдала за битвой.

— Это было бы слишком просто.

— Еще ни разу не было смысла спасать хотя бы горстку таких, как ты, — последовал ответ Медвежьей Тени. — Посмотри на свой народ. Посмотри, какой бедлам вы устроили. Даже когда удача, казалось бы, сама идет к вам в руки, вы не делаете того, чего от вас ждут. Скажи вам «Беги!», и вы останетесь на месте. Прикажи стоять, и вы пуститесь со всех ног. Честно говоря, тем, кто находится по ту сторону занавеса, вы не нужны. Ну какой от вас прок? Вы только и делаете, что размножаетесь и грызетесь между собой.

— Я был там, — проговорил Оливер. — И мы могли бы кое о чем договориться.

Медвежья Тень указала вниз, на массивную фигуру Тцлайлока, на попытки его хозяев Уайлдкайотлей прорваться в этот мир.

— Видишь? Вот оно, твое племя. А вот и типичный его представитель — змеиный клубок разрушения, злобы, бессмысленности. Моя предшественница вырвала с корнем всю сорную траву, а вы позволили ей прорасти вновь.

— Не мы, — возразил Оливер. — Мы тут ни при чем.

Узкая красная полоса, заменявшая Медвежьей Тени глаз, отвернулась от Оливера.

— Смотрю, они просто рвутся наружу и готовы лопнуть от нетерпения, твои Уайлдкайотли. Эти шершни просидели в банке почти тысячу лет и теперь хотели бы переписать картину мира так, чтобы от твоего портрета на холсте не осталось никаких следов. Я даже готова с ними согласиться, да одна беда. Нас на холсте они тоже не собираются оставлять, а это уже нечто такое, с чем согласиться никак нельзя.

— Я так и думал, что дело в чем-то совсем простом, — сказал Оливер. — Ты наблюдательна и умеешь делать многие вещи гораздо лучше моей матери, но с другой стороны, твои функции тоже довольно примитивны. И вообще, я бы предпочел, чтобы ты не читала мне нотаций по поводу склочного характера моего

народа. Признайся честно, сколько раз тебе доводилось уничтожать все вокруг, убивать всех без разбора?

— Поправка: я не убиваю без разбора, — ответила Медвежья Тень. — Это дело энтропии. Как можно убить того, кто бессмертен? Вы все так или иначе умрете. Днем раньше, днем позже. Не днем, так неделей, не неделей, так годом. Нет, я всего лишь включаю механизм заново. Точно так же, как ваши лесники жгут переросший лес, чтобы обновить его. Твои люди — это всего лишь мертвый лес, мой мальчик. Настало время идти дальше, очистить путь для тех, кто достоин жизни.

— Понятно, — ответил Оливер и вновь сел на своего продрогшего коня. — Правила, вечные правила. И ты ненавидишь, когда их нарушают. Интересно, что ты скажешь на то, если тебя тоже немного перекорежить?

— Тоже мне, нашелся праведник! — огрызнулась Медвежья Тень. — Правила существуют не просто так. Для них всегда есть причина. Не будь правил, задающих направление роста, вы слышали бы лишь тиканье пустых часов, чьи стрелки все ходят и ходят по кругу и никогда не касаются пены вселенной. Однако спасти тебя в моей власти. Я могла бы остановить для тебя время. Ты мог бы успеть спрятаться за проклятым занавесом, причем не один, а прихватив с собой парочку своих друзей-уродов.

— Как ты сама только что сказала: чем больше ты пытаешься заставить меня бежать, тем больше мне хочется остаться, — ответил Оливер.

— А куда тебе надо, дитя мое, Оливер? Чего бы ты хотел?

— Я хотел бы попросить Уайлдкайотлей оставить нас в покое. И когда я с ними покончу, я попрошу о том же самом и тебя.

Медвежья Тень фыркнула.

— Было бы забавно посмотреть, как ты намерен это сделать. Как только ты сегодня закончишь свои дела, я позволю тебе прожить ровно столько, чтобы ты увидел, чем все кончится.

Еще мгновение, и время возобновило свой бег. По небу со свистом пронеслось очередное ядро, и Оливер пришпорил коня вдогонку Шептуну.

— Мальчик мой! — воскликнул коммодор Блэк. — Ты жив!

Оливер заметил подводника. Тот стоял рядом с фалангой паровиков. Железные солдаты двигались плотным строем, распевая механическими голосами боевой гимн. На какое-то мгновение их окутало облако едкого порохового дыма, но Оливер вскоре оставил его позади.

— Коммодор, где командный пункт Короля-Пара?

— Сюда, мой мальчик, я провожу тебя.

Убедившись, что Шептун следует за ним, Оливер направился вслед коммодору.

— Вот видишь, ты сумел. Они прислушались к тебе и Тинфолду.

— Верно, да только какая от этого польза, Оливер. Дьявол Тцлайлок вынашивал свои черные планы долгие годы, тогда как силы парламента действуют бестолково, кто во что горазд. Собранные наспех ополченцы не привыкли сражаться бок о бок или хотя бы выполнять приказы командиров, которые требуют от них стоять насмерть. Да я не доверил бы этим необстрелянным горлопанам загарпунить острозуба, не говоря уже о пушках на боевом корабле. Они хороши, когда нужно огреть противника по голове полемической дубинкой, но как только дело доходит до атаки вражеской экзокавалерии, или если, на худой конец, нужно в течение часа удержать площадь, пока Третья Бригада поливает их огнем, куда только девается их бравада.

Оливер шагнул в сторону, уступая дорогу колонне паровиков. Их боевые знамена громко хлопали на ледяном ветру. Вскоре Оливер и коммодор уже были на командном пункте. Подлетев на полном скаку к штабу, верховые офицеры, не спешиваясь, докладывали обстановку шакалийским военачальникам, а затем, уже со свежими приказами, вновь уносились в пелену снега. В одном из шестиугольных куполов командного штаба Свободного Государства Паровиков, скрестив ноги и застыв как статуи, сидело их собственное командование, мысленно координируя действия механических клонов. В результате и рыцарские ордена, и наемная армия действовали сплоченно, как единое целое. В этом было существенное преимущество — стоило передним рядам дрогнуть, как из арьергарда в бой вступали новые силы. Любое наступление со стороны врага тотчас натыкалось на боевых рыцарей, которые словно по волшебству вырастали из снега. Если враг пытался обстреливать их позиции из пушек, установленные на холмах мортиры тотчас начинали поливать его ответным огнем.

Оливер проскакал мимо гигантского боевого тела Короля-Пара, но, заметив внутри нее крошечную детскую фигурку главы Свободного Государства, торопливо спешился. Были здесь и Хоггстон, и сидящий в инвалидном кресле Бен Карл — кстати, идеолога революции толкала та же самая девушка, что провела их по каналам миддлстилской канализации. На Хоггстоне был темный сюртук Первого Стража, который плохо вязался с яркими цветами офицерской формы действующих полков.

— Оливер мягкотелый! — воскликнул Король-Пар. — Значит, ты все-таки решил остаться и воевать вместе с нами! Отлично! И

ты пришел с тем, кто совсем не тот, кем кажется, — сказав это, король повернулся к Шептуну. — Ты выбираешь себе опасных союзников, Оливер мягкотелый. Ты выпустил на свободу Ткача Грез.

— Мы живем в опасные времена, ваше величество, — ответил Оливер. — А моих союзников можно пересчитать по пальцам. Стимсвайп и Лорд Уайрберн мертвы. Они отдали свои жизни, чтобы спасти мою… они умерли как герои…

— Не скорби по ним, дитя Шакалии. Хранитель Вечного Огня теперь пребывает в обществе великих Лоа, а честь Стимсвайпа восстановлена. Для воина нет лучшего конца. Они отдали свои жизни ради сохранения великого орнамента, и я слышу их голоса, мощные и гордые, в гимнах людей.

— Ах, ваше величество, — перебил его коммодор Блэк. — Похоже, скоро мы все закончим свое существование в гимнах. Взгляните! — Он указал в сторону холма, откуда прискакал Оливер. Над укутанными снегом холмами вынырнул нос аэростата, за ним еще один, затем еще.

— Приготовиться к обстрелу с воздуха, — скомандовал Хоггстон. Его офицеры бросились отдавать приказ, который еще месяц назад был бы просто немыслим для шакалийской армии.

— Пора, — произнес Король-Пар и передал распоряжения мыслителям в штабной палатке. — Отдать приказ заряжать мортиры!

Из купола вышел Коппертрекс и поклонился королю.

— Уже выполняется, ваше величество!

— Сила тяжести на стороне шифтеров, Аликот Коппертрекс, — заметил коммодор. — Мне доводилось видеть, как лодки обменивались огнем с аэростатами, и прежде чем пойти ко дну, принимали на себя жесточайшие удары.

Прозрачный мозг Коппертрекса потрескивал голубым пламенем.

— Уважаемое млекопитающее! Шакалия держала монополию на газ на протяжении нескольких поколений, но мы всегда готовились к худшему — что в один прекрасный день какая-нибудь страна обнаружит у себя собственные запасы. Мы заряжаем наши пушки не ядрами и, уж конечно, не какой-то там шрапнелью.

Мимо них бригады паровиков тянули на плоских платформах длинные серебристые снаряды. То, что груз тяжел, было видно уже потому, что из труб железных воинов в морозный воздух поднимались струи дыма. Оливер наблюдал за ними с любопытством. Неожиданно ему вспомнилась одна осада, когда гигантские мортиры словно раздутые жабы выплевывали снаряды

примерно тех же размеров. Нет, конечно, какой смысл обстреливать аэростаты шрапнелью.

Оливер показал на пришпиленные к складному столику карты.

— Когда я направлялся сюда, то увидел, как наши отступают на левом фланге.

— А, это там, где на стороне Содружества сражается Особая Гвардия, — ответил Хоггстон. — Большинство рыцарей Свободного Государства задействовано здесь, им приходится несладко. Гвардейцы Флейра не желают сдавать позиций, но у них есть поддержка в лице уорлдсингеров Содружества. Некоторые из гвардейцев отказались сражаться с самого начала битвы, и шифтеры казнили их прямо у нас на глазах.

— А что же уорлдсингеры Шакалии?

— У нас их несколько, — ответил Бен Карл из своего кресла. — Но большая часть ордена бежала, как только враг оккупировал столицу. Увы, должен сказать, что враг превосходит нас по всем статьям. У него больше пушек, а его солдаты, те, кто прошли уравнивание, хотя и медлительны, зато носят на себе броню. Третья Бригада — это закаленные в боях ветераны… — Карл не договорил. Его слова заглушили разрывы бомб, сбрасываемых на позиции рыцарей Свободного Государства.

— А еще у них теперь есть наш флот, — закончил его мысль Оливер. Он закрыл глаза, чувствуя, как земля дрожит под ногами. Уорлдсингеры Содружества вытягивали последние капли энергии силовых линий земли. Когда-то полные, те истончились и полностью пересохли. Он также чувствовал, как погодные ведьмы в рядах шакалийской армии пытаются усилить метель, чтобы лишить аэростаты обзора, однако жилы земли у них под ногами были практически пусты.

Оливер перевел взгляд выше, на склоны холмов. Медвежья Тень была по-прежнему там, с удовлетворением наблюдая за тем, как в наступление идет Третья Бригада, как шакалийские войска, увидев в хмуром небе аэростаты, дрогнули и поддались панике. Теперь разбить их на голову не составит особого труда. Оливер едва ли не кожей ощущал, что еще мгновение — и солдаты бросятся в бегство.

— Они вот-вот побегут, — произнес Шептун.

— Вижу. — Оливер развернул лошадь на восток и кивнул Королю-Пару. — Постарайтесь удержаться против аэростатов, я же попытаю счастья с мечеными.

И Оливер галопом поскакал через позиции войск Свободного Государства. Шептун бросился ему вдогонку. Натаниэлю Харвуду не составило труда убедить солдат — да что там, даже своего

скакуна, что он бог сражений. Но вот иллюзия того, что он заправский наездник, давалась ему с трудом.

Коммодор Блэк проводил взглядом двух всадников — те пронеслись сквозь ряды паровиков и вскоре исчезли за снежными хлопьями и развевающимися знаменами.

— А парню, я смотрю, храбрости не занимать, — произнес Хоггстон.

— Он заодно с дьяволом, — отозвался коммодор. — Нам повезло, что он на нашей стороне.

С этими словами Блэк поплотнее закутался в куцую шинель — когда-то, до того, как он снял ее с крючка в Миддлстиле, она принадлежала старому Лоуду. Судя по всему, покойник был малого роста, коротышка не выше граспера. Но материя, из которой ее сшили, оказалась чистой шакалийской шерстью, так что несмотря на размеры, этим странным морозным летом шинель помогала защититься от холода. Неожиданно карты на штабном столике затряслись, медная подзорная труба с грохотом свалилась на землю. Это, шагая на коротких ногах, на исходные позиции возвращалась артиллерия паровиков. Пушки размером с жилой дом покинули холм и теперь занимали позиции рядом с боевыми порядками рыцарей. Железные солдаты закатывали странные серебряные капсулы на транспортные платформы и подавали их к мортирам. Те затягивали их в себя. Мгновение — и серебристое яйцо исчезало в жерле пушки, после чего раздавался громкий треск — это лопались, выпуская сок самострельных деревьев, стеклянные заряды. Коммодор Блэк прикрыл уши. Грохот пушек оглушал еще тогда, когда они стояли на холме, обмениваясь залпами с артиллерией Третьей Бригады.

Казалось, будто по земле без устали бьет молотом незримый великан. Сначала в жерле мортиры расцветал огненный цветок, из лепестков которого, устремляясь к черно-белым подбрюшьям аэростатов, вырывались серебристые снаряды. Некоторые из них попадали в гондолы, разнося вдребезги и деревянные, и металлические конструкции. Другие проделывали дыры в корпусах, оставляя колышущиеся на ветру лоскуты ткани. Из продырявленного корпуса наружу выплыли несколько небольших воздушных шаров, наполненных газом, и вскоре исчезли из вида. Увы, это не остановило аэростаты, черно-белая стая продолжала кружить над Ривермаршем.

Блэк печально кивнул. История повторялась. Точно так же когда-то силы королевского флота нанесли удар по роялистам. Можно сколько угодно буравить их корпуса ядрами, пронзать шрапнелью, метать по ним огонь, но чертовы аэростаты все равно

остаются непобедимы. Летучий газ не горит, а каждый аэростат вмещает в себя тысячи баллонов, и каждая такая холщовая сфера размером в рост человека наполнена драгоценным веществом, которое, как известно, легче воздуха. Пробей один такой шрапнелью, и еще несколько сот останутся целы. А значит, аэростат можно спокойно вывести из-под огня противника.

Даже сверхмортиры паровиков оказались бессильны; недолго осталось ждать той минуты, когда армия железных людей будет сломлена. Скрыться отсюда некуда — до океана далеко, да и в его глубинах не спрячешься даже при всем желании. Подумав об этом, герцог Фернетианский проклял свою злую судьбу.

Тем временем на мостике воздушного судна королевского аэростатического флота «Горячая шпора» его революционный командир замахнулся дисциплинарным жезлом, намереваясь проучить биоробота, который когда-то был первым помощником капитана.

— Как я уже сказал, нам нужно подняться выше, компатриот Эварт. Мы должны бросать бомбы с большей высоты.

Дисциплинарная дубинка опустилась на металлическую грудь, и Эварт съежился от боли.

— Команде, обслуживающей бомбовый отсек, нужен обзор. Стоит измениться ветру, и мы начнем сбрасывать бомбы на головы своих же людей. Снег работает против нас, снижает видимость.

— Ваше нытье — не более чем пораженческое настроение и саботаж. Я не намерен выслушивать отговорки, компатриот. Я уже наслышался их от остальных членов экипажа.

С этими словами революционный офицер повернулся к солдатам. На борту аэростата находилось примерно столько же квотершифтских моряков и неустрашимых, сколько и уравненных, и все они только мешали друг другу и отдавали противоречивые приказы. Просто удивительно, что аэростат еще не сбился с курса, особенно если учесть, какой малочисленный экипаж приписан к каждому судну, не говоря уже о готовности к бою.

— Отведите компатриота Эварта и команду латальщиков в подъемный отсек. Мне нужна полная тяга — любой урон, нанесенный мортирами Свободного Государства, должен быть немедленно ликвидирован, иначе исполнителей ждут самые суровые наказания.

Подгоняемые четырьмя квотершифтскими моряками, неспособными отличить нос аэростата от кормы, Эварт и его команда под завывание ледяного ветра отправились латать

пробоину в корпусе. Чтобы его не снесло ветром, пока он будет ликвидировать последствия пушечного выстрела, Эварт обмотал вокруг своей железной талии веревку.

— Сколько заплат нужно наложить? — крикнул один из моряков.

— Порвана сеть, — ответил Эварт. — Нам надо…

Он не договорил, потому что обнаружил среди баллонов с летучим газом снаряд, зацепившийся за одну из опор жесткой конструкции.

Снаряд оказался цел, и Эварт слегка постучал по нему пальцами. Это был его последний шанс. Если он сумеет его взорвать, то с ним взорвется и весь аэростат. Если ему суждено погибнуть, то по крайней мере он захватит с собой еще десяток мерзкой солдатни. Правда, снаряд не стеклянный. Интересно, как же его сумели наполнить соком самострельных деревьев? Эварт пробежал пальцами по швам на корпусе снаряда. Неожиданно металлические пластины открылись, а его самого отбросило назад, к хлопающей на ледяном ветру холстине. Страховочная веревка дернулась, и Эварт, издав голосовой коробкой сдавленный крик ужаса, беспомощно повис в воздухе.

Глядя на него, квотершифтские матросы покатывались со смеху, полагая, что он потому свалился с корпуса аэростата, что не привык к своему новому металлическому телу и ему не хватило ловкости. Их гнусный хохот моментально прекратился, стоило им увидеть, как на ремонтную площадку приземлился паровик — сфера с шестью острыми, похожими на клещи, ногами и бронированным куполом вместо головы, из которой, словно гигантский комариный нос, торчал нагнетатель давления. Даже имея при себе винтовки, квотершифтские солдаты имели нулевые шансы — шесть смертоносных жерл принялись поливать их огнем, кромсая и разрывая на части. Изрешеченные пулями тела моряков полетели вниз, в баллоны с газом. Паровик переключил внимание на сами баллоны, открыв огонь по кожаным мешкам с летучим газом. Те моментально взорвались, и в холодное брюхо аэростата начал вытекать приторно пахнущий газ. После этого паровик — вернее, клон одного из быстродумов, находящихся внизу на земле — развернул нагнетатель давления в направлении хохочущего биоробота.

— Отличная работа, приятель! — похвалил паровика Эварт. — Мне, правда, не хотелось бы сбивать позолоту с твоего пряника, но все-таки скажу честно: тебе придется попотеть здесь целый день, если ты хочешь таким образом уничтожить аэростат.

На земле быстродум в мгновение ока проанализировал сложившуюся ситуацию. Уравненные шакалийцы были тяжелы,

аэростат с трудом удерживал в воздухе человеческий груз. Судя по всему, это были моряки, захваченные в Шэдоуклоке, а отнюдь не революционеры. Быстродум перевел сказанные биороботом слова — «сбивать позолоту с пряника», — это выражение, было в ходу у моряков и означало «отравлять радость». Управляемый с земли клон мгновенное принял решение. Неожиданно выбросив похожую на клещи руку, он разрезал железное тело.

— Так будет лучше, приятель. А теперь я дам тебе черного пса в обмен на белую обезьяну и покажу, где находится хвостовое управление, — произнес Эварт, поднимаясь с ремонтной площадки. — После чего мы можем зайти в бомбовый отсек и сбросить оттуда вниз, к их друзьям, еще с полдесятка шифтеров.

На земле мыслители в срочном порядке анализировали полученную с борта аэростата информацию — словно мотыльки, решения порхали от одного сознания к другому, после чего внедренным на аэростаты клонам, а также артиллерийским расчетам на земле было передано руководство к действию.

Уравненный пилот и паровик вместе исчезли в чреве аэростата. Им предстояло хорошо поработать.

Оливер гнал своего скакуна вперед. На заснеженной равнине, через которую он мчался, к небу взлетали фонтаны земли и языки пламени. Его новый конь, которого он тоже взял без спроса, принадлежал шакалийскому кавалерийскому полку, так что ни грохот орудий, ни царящий вокруг хаос не пугали его. А вот цыганская кобыла, на которой ехал Шептун, продолжала бег лишь потому, что впереди мелькал хвост другой лошади.

Аэростаты продолжали бомбардировку, вокруг царили шум и полная неразбериха. В такой обстановке трудно понять, где свой, а где чужой. Лишь ощущение близости меченых — бойцов Особой Гвардии — давало возможность сориентироваться. Оливер на полном скаку летел к восточному флангу.

Мимо него, шатаясь, прошел шакалийский солдат с боевым штандартом парламента. Знаменосец продолжал что-то выкрикивать, видимо, пытаясь воодушевить товарищей, однако за ним уже никто не следовал. Два мятежника из числа приверженцев Бена Карла тащили по снегу третьего. Как оказалось, в палатку полевого госпиталя. Оливер показал им дорогу, однако они пропустили его слова мимо ушей и тут же угодили под огонь пушек Третьей Бригады. Солдат, которого они тащили, был мертв. Оливер попытался крикнуть вдогонку его товарищам, но те уже исчезли среди клубов дыма.

Откуда-то из гущи кровавой кутерьмы показался отряд пехоты; судя по разноцветным киверам и мундирам, после

падения Миддлстила его наспех сформировали из разрозненных остатков шакалийских частей.

— Вы видели шифтерских экзоскакунов? — крикнул их офицер всадникам.

— Нет, нам они не попадались, — крикнул в ответ Оливер.

— Тогда будьте осторожны, их здесь целый эскадрон. Уланы.

Офицер хотел сказать что-то еще, но в следующее мгновение в него попала пуля, и он упал на землю. Шакалийцы с ужасом смотрели на поверженного командира. Откуда-то из-за снежной пелены донесся жуткий вой, после чего из метели вынырнула группа солдат — разумеется, бегущих с поля боя, а отнюдь не наступающих. Разумеется, шакалийских. Ковровая бомбардировка с аэростатов окончательно сломила их боевой дух. Несколько человек из отряда пехотинцев, махнув рукой, бросились вслед за дезертирами. И только красные мундиры мелькали среди снега — отличная мишень для улан.

— Стоять! — крикнул Оливер. — Всем стоять!

Солдаты не вняли его команде. Они вряд ли даже ее слышали, охваченные ужасом.

— Посмотрите на небо! — крикнул Шептун. — Посмотрите на небо!

Большая часть аэростатов прекратила бомбардировку. Их канаты были перерезаны, и они поднимались все выше и выше в небо. Однако не это поразило солдат, а то, что было ниже. Бегущие тотчас замерли на месте, разинув от удивления рты. Клубы дыма и снежные облака образовали нечто вроде гигантских призраков, с мечами в руках. Призрачные фигуры кружились вокруг аэростатов, рядом с ними проступали очертания бегущих львов. Казалось, небеса разверзлись, и оттуда на свободу наконец вырвалась душа Шакалии.

— Первые короли! — взревел Шептун. — Вернулись первые короли!

Повсюду на поле боя люди стояли, задрав головы, глядя, как в вышине потрясает мечами призрачное воинство. Верховые офицеры едва не соскользнули с седел. Солдаты, увидев в небе волшебные картины, в ужасе застыли на месте. У волынщиков перехватило дыхание, и пронзительные звуки их инструментов наконец смолкли.

Тцлайлок, стоявший рядом с маршалом Ариндзе метал громы и молнии, осыпая проклятиями солдат Третьей Бригады. Те стояли, уставившись на небо и совершенно позабыв о том, что им нужно заряжать пушки.

— Это все наваждение, компатриоты. Они не настоящие!

Кому сказано, вы, безмозглые чурбаны, они не настоящие!

Он схватился руками за голову.

— Прочь из моей головы! Немедленно!

— Наши воздушные суда прекратили бомбардировку, — доложил маршал Ариндзе, глядя вверх на темные силуэты, которые молча парили среди снежных туч.

Пораженный внезапным затишьем, он не заметил, что тело Тцлайлока увеличилось в размерах. Кожа председателя Первого Комитета Шакалии вспучилась массивными буграми, словно под ней отложили личинки какие-то насекомые.

Ариндзе щелкнул пальцами, и один из штабных офицеров торопливо подал ему подзорную трубу. В корпусах аэростатов зияли пробоины, однако такой урон воздушным судам не страшен. Сколько раз ему доводилось видеть, как шакалийские аэростаты, можно сказать, заглатывали свинцовые ядра, которыми их обстреливали с земли, и как ни в чем не бывало продолжали сеять смерть, нанося сокрушительные удары по наземным целям. Ариндзе давно сделал для себя вывод: аэростаты непобедимы, это парящие в воздухе шакалийские ангелы смерти. Всякий раз, когда Квотершифт ввязывался в войну со своим западным соседом, аэростаты королевского флота переламывали ее ход в свою пользу. Именно эта чертова непробиваемая летающая лавина не позволяла истинным хозяевам континента взять верх над проклятыми лавочниками и менялами. Имея в своем распоряжении мощную воздушную армаду, невозможно потерпеть поражение — таков неумолимый закон войны. Да что там! Закон самой природы.

Ариндзе повернулся к майору Вилдрейку, чьи мощные мускулы выступали из-под униформы подобно булыжникам.

— Скажите, майор, почему, по-вашему, смолкли аэростаты? Что могло заставить их замолчать?

Но Вилдрейк не слышал его. Как зачарованный, он наблюдал за тем, как по небу носятся призрачные львы. Сколько раз, будучи мальчишкой, он представлял себе эту картину, сколько раз рисовал ее на бумаге.

На восточном краю поля Оливер посмотрел на Шептуна.

— Слишком много голов, — прошипел меченый, и призрачное тело воина слегка дрогнуло. — Паровики, шифтеры, шакалийцы. И все такие разные.

Вокруг них шакалийские солдаты со слезами на глазах падали на колени. Им было стыдно, что они позволили страху взять над собой верх, превратились в трусов, позорно бегущих с поля боя.

— За родную землю! — крикнул Оливер. — За Шакалию!

Громкий хор голосов подхватил его боевой клич. Солдаты подбирали брошенные ружья и бежали назад, навстречу вражеским пушкам. Рядом с Шептуном энергия земли превратилась в невидимый вихрь — это его колдовские способности нарушили естественную гармонию силовых линий. Оливер ухватил поводья цыганской кобылы и повел их обоих прочь от кровавой битвы туда, откуда, по его ощущениям, исходило давление феев.

— Нет, — произнес Шептун. — Я лучше останусь здесь. Мне нужно сосредоточиться. Все должны это видеть, все до единого.

Оливер кивнул и ускакал прочь. Если удача вновь повернется к ним спиной и шакалийцев снова начнут теснить, Шептун был готов подставить себя под копье улана или штык солдата Третьей Бригады.

Восточный фланг утратил даже отдаленное подобие боевого порядка. Здесь не было ни колонн, ни рядов, ни отрядов, которые бы маневрировали в сложном общем движении артиллерии, пехоты и кавалерии. Вместо этого колыхалось железное море рыцарей-паровиков, посреди которого тут и там мелькали островки Особой Гвардии. Железные воины обменивались ударами с теми, кто когда-то был надеждой и опорой Шакалии. Чуть дальше от этой кровавой мясорубки шеренга отборных сил Третьей Бригады защищала своими телами уорлдсингеров Квотершифта. Как и их шакалийские собратья, эти также не были склонны пачкать руки в крови, покуда у них есть меченые рабы, которых можно отправить на смерть вместо себя. Колдуны были готовы привести в действие торк на любом гвардейце, который вздумает бежать с поля боя.

Впереди простирался жестокий театр военных действий. Голосовые коробки, вибрирующие гневом, воинственные кличи железных рыцарей, готовых стереть в порошок любого меченого воина. Знаменосцы подняли вверх над морем железных смертоносных машин штандарты Особой Гвардии. Паровики наступали волна за волной, стараясь захватить знамена, которые потом будут украшать залы воинской славы. Мимо Оливера прошествовал паровик, который вполне мог быть близнецом Стимсвайпа. В его железном боку зияла огромная рана. Привыкнув испокон веков сражаться бок о бок против общего врага, обе армии не имели стратегии на тот случай, если им придется столкнуться с бывшим союзником. Нечеловеческие возможности феев-гвардейцев против нечеловеческой силы железных воинов, выкованных специально для битв. Нет, это была не война. Это было чистой воды взаимное истребление.

Оливер знал, что ему делать. Решение пришло к нему само —

воспоминание о людях быстрого времени, причудливые тени страны по ту сторону гиблого занавеса. Его человеческое тело дрожало, наполненное силой того, иного мира. Та его часть, что принадлежала матери, восстанавливала и накапливала силу. Эта сила росла до тех пор, пока не достигала опасной величины. Уорлдсингеры, управлявшие гвардейцами, переполошились. Заметив, что по ткани бытия пробежала рябь, они указали в сторону Оливера. Каждый квадратный дюйм его плоти горел огнем. Измерения, каких не могло быть в Шакалии, собирались складками вокруг его тела, кружась в бешеном танце.

У ног Оливера корчился поврежденный паровик. Несчастный рыцарь оказался слишком близко к этому вихрю; энергия наэлектризовала его тело, и оно сотряслось безумной дрожью. Сквозь Оливера со свистом пронеслись пули, выпущенные снайперами Третьей Бригады. Они не причинили ему никакого вреда, ибо юноша находился в иной реальности. Изо рта Оливер вырвался мучительно громкий крик, и на Ривермарш обрушилась волна эфирной энергии. Растекаясь по полю сражения, она, подобно грому, прогрохотала над железным войском паровиков, сбивала с ног солдат Особой Гвардии, вырывала у них из рук сабли и пистолеты. Кое-как поднявшись на ноги, и паровики, и гвардейцы принялись искать взглядом, где же это прогремел взрыв.

Что-то изменилось. Руки потянулись к горлу, впервые за много лет ощупывая бледную нежную кожу. Торки исчезли. Проклятые ошейники рабства испарились с шей гвардейцев. Меченые обрели свободу. Свобода, которую обещал им Тцлайлок и которую украло Содружество Общей Доли наконец принадлежала им… Теперь это была свобода самостоятельно принимать решения, на чьей стороне идти и бой. Подобно псам, которых избивает злобный хозяин, они прежде всего обратили свой гнев на квотершифтские позиции. Напрасно испуганные уорлдсингеры пытались восстановить ошейники на их шеях. Увы, вскоре чародеям стало понятно, что их бывшие рабы навсегда сбросили с себя ненавистное ярмо.

Железные рыцари поразились этой перемене ничуть не меньше, нежели квотершифтские войска. На глазах у Оливера генерала паровиков подняли на наблюдательную платформу. Это был Мастер Резак, смертоносные конечности которого покрывала грязь и копоть. Такими грязными они не бывали даже в горных залах Механсии. Он указал на север, в самую гущу Третьей Бригады, и ветер разнес звуки боевого гимна над головами рыцарей. Один за другим железные воины подхватывали мелодию. Исполненные воодушевлением, паровики устремились

в самое сердце вражеских войск.

* * *

— Наше наступление захлебнулось, — доложил верховой офицер маршалу Ариндзе. — Особая Гвардия сорвала с себя торки и теперь сражается против нас.

Маршал посмотрел вверх, на черно-белые корпуса аэростатов. Те бесцельно плыли, гонимые ветром, роняя вниз — нет, не бомбы, а тела мертвых квотершифтских моряков и офицеров. Буквально минуту назад один такой труп упал с неба прямо на их пушки. Форма на нем была разорвана в клочья — сразу видно, что здесь поработал нагнетатель давления.

Маршал Ариндзе попытался знаком показать вестовому, чтобы тот говорил тише, но, увы, опоздал. Тцлайлок услышал его слова и, подойдя ближе, в гневе выхватил несчастного солдата из седла и ударом кулака размозжил бедняге голову.

— Никакого отступления! — взревел он и отшвырнул прочь бездыханное тело. — Сегодня мы торжествуем победу! Она начертана на лике земли!

С каждым новым рапортом председатель Первого Комитета раздувался все больше и больше, словно неудачи собственной армии подкармливали его. Ростом он уже мог сравняться с дубом, раздутые мышцы неестественно выпирали из-под ткани мундира, грозя в любую минуту разорвать его.

— Пусть будет так, как вы говорите, компатриот председатель, — сказал Ариндзе и, задрав голову, посмотрел на исполинское существо, возвышавшееся над ним.

Маршала охватил первобытный ужас. Одно дело призывать себе в помощь богов — сказать по правде, многие его солдаты тайком молились солнцу, пока офицеры делали вид, что ничего не видят, — и совсем другое — самому превратиться в божество. Идея потусторонней помощи настолько захватила Тцлайлока, что теперь было трудно понять, где кончается он сам, а где начинаются Уайлдкайотли.

— Приготовьте книгу! — отдал распоряжение Тцлайлок свите, состоявшей из жрецов культа саранчи. — Книгу Стингхуэтеотля!

— Разве недостаточно того, что мы призываем Ксам-ку? — робко спросил один из жрецов.

— Ксам-ку это я! — рявкнул Тцлайлок. — Или вы не видите, как я наполнен ее благодатью? Уайлдкайотлям пора доказать их верность нашему делу, поставить печать на судьбе прогнивших

лавочников и фабрикантов, а также их лакеев из Свободного Государства! Я призываю великих! Пусть они вновь шагают по залам чимеков вместе со своими революционными братьями!

Король-Пар обернулся к Коппертрексу и его боевым клонам.

— Приготовьте мое боевое тело. Момент настал.

— Предсказатели бросили шестеренки Гиэр-Джи-Цу, ваше величество, — сказал Коппертрекс. — Те легли странным образом, так что предсказания в лучшем случае можно считать невнятными, расплывчатыми. Паро-Лоа устали и многие из них покинули нас. Наша поддержка — это свет и порядок, но боюсь, что сегодняшний день — темный день.

— Тысячи наших деактивированных воинов лежат в снегах дружественной нам страны. Я не откажусь от света. Я не брошу тысячелетие гармонии и развития на произвол закона суеверий и злобной воли врага. Я ни за что не попрошу моих рыцарей отдавать жизнь за дело, в которое не верю сам. Старое зло рвется вновь топтать нашу землю, и, клянусь бородой Зака, Владыки Цилиндров, я намерен дать ему отпор!

Крошечный монарх Свободного Государства встал с платформы и поднялся в самое сердце своего боевого тела, оставив далеко внизу и ясновидящих, и придворных. Вокруг него с лязгом захлопнулась клетка. Его тотчас взяли в кольцо десяток клонов оставшихся внизу ясновидящих — проверили систему давления, наличие боеприпасов, смазали маслом многочисленные боевые конечности.

— Принесите мне оружие! — распорядился Король-Пар. — Мой меч и мой щит!

Чтобы принести и то, и другое, потребовалось три пары рыцарей. Щит был сделан из голубого хрусталя с металлическими шипами по краям, возле которых потрескивали электрические разряды. Королевский меч был высотой с четырех паровиков, вокруг его рукоятки крепились несколько пузатых бочонков. Рука-манипулятор взяла у рыцарей древнее оружие. Король-Пар несколько раз взмахнул мечом, пронзая метель, и на головы штабных офицеров посыпалась мелкое снежное крошево. Сделав свое дело, паровики отошли прочь от королевской боевой машины, оставив монарха лицом к лицу с врагом. Король-Пар развернулся, и земля дрогнула под его исполинской поступью.

В этот момент к нему подбежали Хоггстон и шакалийские офицеры.

— Ваше величество, что вы делаете? Ваше место здесь, в штабе. Кто, кроме вас, способен координировать действия?

— Первый Страж, прежде чем стать королем, я был

воином, — прогромыхал голосовой коробкой властитель механических людей. — А долг воина, как известно, защищать свой народ.

С этими словами он тяжелой поступью двинулся прочь.

Коммодор Блэк повернулся к Коппертрексу.

— Великий Круг! Аликот Коппертрекс, скажи мне, куда направил стопы великий король?

— Куда, коммодор? По-моему, на верную смерть.

Оливер нашел Шептуна лежащим в снегу. Иллюзорная внешность воина вновь уступила место реальности — изуродованному телу меченого. Цыганской кобылы и след простыл.

— Натаниэль! — крикнул Оливер и принялся трясти почти бездыханное тело. Наконец Шептун пришел в себя.

— Кто-то выбил у меня из-под ног почву, — прошипел он. — Я почувствовал, что с землей что-то не так, что-то неладное творится в ее жилах. По запаху было похоже, что это Хозяйка Огней, но только сильнее, гораздо сильнее.

— Это не Хозяйка Огней, — ответил Оливер.

А вот это уже было опасно. Судя по всему, в ход событий пыталась вмешаться Медвежья Тень. Ей так не терпелось завершить порученное дело, что она даже рискнула перейти на сторону тех сил, которые следовало нейтрализовать. Нахалка явно задалась целью обеспечить в этот день победу Уайлдкайотлям, чтобы те поскорее приступили к рождению своих собственных богов в мире, который был для них слишком тесен. Это дало бы ей право развязать тотальную войну.

— Говорил я тебе, что ее заменил кто-то другой, более свирепый и злобный, кто-то такой, кто мечтает о нашем поражении.

— Кто бы это ни был, я хорошенько поддал ублюдку, — ответил Шептун. — Ив отличие от Хозяйки Огней этот другой не слишком силен в деталях. Можно даже сказать — они его слабое место. Стоит вам стать деталью, как это сбивает его с толку. Все равно, как если бы на острозуба напала стая креветок.

— Натаниэль, — обратился к нему Оливер. — Если ты лежал без сознания, то тогда кто, по-твоему, сотворил вот это?

Шептун посмотрел в ту сторону, куда указывал Оливер. Небо по-прежнему было полно призрачных львов и древних воинов, фигуры которых он создал в умах обеих армий. Их бесплотные тени носились вместе с ветром под корпусами аэростатов.

— Разрази меня гром! — воскликнул Шептун. По его телу пробежала дрожь, и он вновь принял облик щеголеватого

дуэлянта.

Оливер сел верхом и помог Шептуну занять место у себя за спиной, но в этот момент перед ними из метели вырос капитан Флейр. Гвардейская форма висела на нем клочьями — судя по всему, рыцари-паровики не раз пытались насадить его на пику или продырявить выпущенным из парового ружья зарядом. На шее, там, где когда-то был торк, пламенел алый рубец.

Капитан гвардейцев посмотрел на Оливера и, кажется, узнал. Когда же он заметил Шептуна, глаза его удивленно расширились, на губах застыл немой вопрос. Каким-то чудесным образом капитан видел то, что скрывалось под маской иллюзии — видимо, глаза его были наделены той же нечеловеческой силой, что и его тело.

— Это кто, меченый? Великий Круг! Ни разу в жизни не видел, чтобы кто-то выжил в таком уродливом теле!

— А вам, красавчик, следовало не проводить время во дворце, а почаще наведываться в Хоклэмский приют.

Оливер потрогал шею.

— Больше никаких ошейников, капитан. И никаких приказов.

— Так это твоя работа? — изумился Флейр. — Да во всем мире просто нет нужного количества энергии, чтобы разбить все колдовские замки!

— В этом мире, может быть, и нет. И все же вы стоите передо мной, свободный человек, вот только как вы распорядитесь этой свободой?

— Мой сын! — ответил Флейр. — Мне нужен мой сын!

— Сын? — удивился Оливер. — Ведь вы не женаты, капитан. Бульварные книжонки всегда взахлеб писали о том, какой вы замечательный холостяк!

— Оливер, ну ты болван! — прошипел Шептун. — Вон он, его сын, трепещет, словно флаг, на ветру рядом с Тцлайлоком.

— Лишь немногие в Особой Гвардии посвящены в эту тайну!

— Я тоже в некотором роде ваш гвардеец, красавчик. Можно сказать, несу ночной дозор, — усмехнулся Шептун.

— Мы поедем с вами, — сказал Оливер. — Тцлайлоку давно пора сложить с себя полномочия председателя Первого Комитета.

— Трое меченых идут спасать Шакалию, — произнес капитан. — Да, немного нас.

— Думаю, этого хватит, — пошутил Оливер.

Тцлайлок и Король-Пар сошлись на поле битвы — два титана, у ног которых копошились Третья Бригада и верные парламенту войска. Председатель Первого Комитета Шакалии вдвое уступал в росте главе Свободного Государства Паровиков. Его тело

представляло собой комок извивающейся плоти, скопление бесчисленных существ с фасетчатыми глазами и костными наростами, куда более острыми, чем конечности крабианцев. Они едва ли ежесекундно раздавали удары, снося головы шакалийским солдатам и поедая разбросанные по снегу трупы. Оба лидера сражались, окутанные двумя завесами тумана. Монарха Свободного Государства поддерживали порядком ослабевшие Лоа. По сравнению с мощью Уайлдкайотлей толку от них было не больше, чем от дыма из печной трубы, в то время как их противники носились вокруг паровика, постоянно меняя очертания, словно рой шершней или стая черных рыб. Там, где их рой кружил над головами солдат у ног сражающихся титанов, воины падали, заткнув уши. Своим постоянно нарастающим гудением Уайлдкайотли, казалось, буравили своим жертвам мозг, у которых начинали лопаться барабанные перепонки. Несчастные парламентарии бились головами о скалы и катались в снегу, словно лед и холод могли избавить их от этой пытки.

От плеча Тцлайлока отделилось существо на четырех когтистых конечностях, давно утратившее всякое сходство с человеческим телом, и одним прыжком преодолело расстояние между ним и Королем-Паром. Воплощение Уайлдкайотлей впилось в боевое тело монарха, и, просунув когтистую лапу в командный отсек, попыталось, как орех, раздавить голову короля. Глава Свободного Государства увернулся из-под лапы, один раз, второй, третий. Уайлдкайотль продолжал размахивать острой, как лезвие, конечностью. Один из нагнетателей давления, установленный на монаршей груди, нашел подходящий угол и выпустил по противнику залп. Под шквалом огня когтистый зверь отлетел прочь.

Избавившись от одной конечности Тцлайлока, Король-Пар принялся размахивать мечом и отсек один из отростков мерзко извивающейся плоти. Упав в снег, щупальце раздавило своим весом какого-то солдата Третьей Бригады. Правда, в следующее мгновение у него выросли когтистые ноги, оно устремилось к ногам короля и кольцом обвилось вокруг стальной ноги. А в том месте, откуда оно когда-то росло, клацая челюстями, появилась голова саранчи, и, злобно вертя глазами, зашипела на Короля-Пара.

— Настало мое время! — изрек Тцлайлок. — Твое царствование закончено. Мне не нужны твои жужжащие железные игрушки, твои заводные рабы.

Король-Пар отступил от Тцлайлока. Вращающийся фонарь, установленный в передней части кабины, передавал ему множественные изображения председателя Первого Комитета

Шакалии.

— А мне не нужно твое мертворожденное видение мира. Ты превратился в злокачественную опухоль, Тцлайлок, в раковую опухоль на теле мира. Чтобы спасти мой народ, я должен ее удалить.

Угрожающе замахнувшись на противника щупальцами, Тцлайлок откинул голову назад и расхохотался; из открытого рта тотчас посыпались черные блестящие существа, похожие на жуков.

— Я установлю твою мастер-плату поверх груды покореженных болтов и шестеренок, что когда-то были твоими подданными! Мне ненавистно уже само существование твоей расы! Кто вы такие? Набор математических формул, ловкость рук техника и, ах да, еще железная руда и кристаллы.

Король-Пар был вынужден отключить обонятельные центры, чтобы не чувствовать зловония, которое ветер доносил до него из разверстой пасти Тцлайлока.

— Ты больше никогда не посмеешь выступить против моей расы! Никогда!

В ответ Тцлайлок метнул в него клубок когтистой плоти. Властитель Свободного Государства Паровиков поспешил отклониться в сторону. Отростками, которые когда-то были руками, Тцлайлок сделал в его адрес непристойный жест.

— Я смотрю, ржавчина еще не проела твои мозги, король железных игрушек! После того, как горы Механсии оденутся в ледяную корку, я полюбуюсь, как вы, мои стальные детки, будете пожирать друг друга и изо всех сил пытаться сдать друзей на переплавку!

Отразив щитом удары щупалец, Король-Пар обрушил на противника несколько залпов из пушки.

— А теперь послушай меня, Тцлайлок, послушай меня своим сердцем мягкотелого, что все еще сидит где-то в глубине твоего нового уродливого тела. Твои сообщники мечтают заморозить наш мир, но на сей раз это будет не просто лед. Они мечтают прорвать стену мира и навсегда прекратить танец времени и энергии. Какую бы философию ты ни исповедовал, какие бы планы не вынашивал для Шакалии, Уайлдкайотли не намерены помогать тебе в их осуществлении. Они предадут тебя! Твоя революция для них ничто, для них ты лишь тело, в которое мерзкие паразиты откладывают свои личинки, Они поглотят тебя с потрохами и посмеются над твоими планами.

— Ты лжешь!

Тцлайлок извивался и корчился, словно его жгло огнем. Каждый квадратный дюйм его гигантской туши дрожал и

пульсировал. Председатель Первого комитета ринулся вперед, пытаясь прорваться сквозь оборонительные устройства боевой машины.

— Тысячу лет назад они вознесли чимеков, сделали из них властелинов мира, спасли их от наступления ледников. Без их помощи человеческая раса уже давно бы вымерла. Сколько еще Уайлдкайотли будут поддерживать наше совершенное Содружество Общей Доли, где люди живут в совершенной гармонии друг с другом, не ведая ни зависти, ни конкуренции, беззаветно трудясь во благо общего дела? На сей раз не будет никакого восстания рабов, игрушечный ты мой, никаких хитроумных машин, затаившихся подо льдом, чтобы отравлять умы людей коварными мыслями о неповиновении!

Король-Пар ничего не ответил. Вместо него заговорил его меч. Четыре запальника возле его рукоятки, взорвавшись, выплюнули в грудь Тцлайлока ядра, наполненные ядом, полученным в Доме Архитекторов. Там, где ядра врезались в грудь председателя, с визгом и воплями на снег полетели мерзкие твари. Но уже в следующее мгновение от Тцлайлока к королю метнулась пара щупальцев. Одно обвилось вокруг руки, сжимающей меч, другое нанесло удар по нему самому, заставив пошатнуться.

Король с омерзением смотрел, как похожая на гусеницу конечность обвилась вокруг лодыжки, и, выделяя какую-то сложную кислоту, принялась прожигать себе путь сквозь его тело. Вскоре от ноги короля в разные стороны уже летели брызги расплавленного металла. Король-Пар словно трезубцем нанес удар рукой-манипулятором, намереваясь проткнуть гадину острыми зубьями но, увы, было слишком поздно. Нога его отделилась от туловища и осталась лежать в снегу. Сам он, потеряв равновесие, покачнулся и рухнул навзничь.

Падая, король в последней отчаянной попытке метнул в Тцлайлока свой щит. Вождь попытался увернуться, но всплески энергии, отлетевшие от острых шипов по краю щита, раскромсали ему лицо. Сам щит пронесся мимо и врезался в холм за спиной вождя революции. Тцлайлок бросил торжествующий взгляд на поверженного противника, к которому тотчас устремился черный рой Уайлдкайотлей. Король-Пар отчаянно отбивался, один за другим опустошая барабаны с зарядами, но, увы, тщетно. Председатель Первого Комитета Шакалии испустил победный вопль. Паро-Лоа устремились на помощь поверженному королю и образовали вокруг него нечто вроде щита, который, однако, не выдержав напора черных стрел Уайлдкайотлей, начал рушиться буквально на глазах.

И вдруг в следующее мгновение ситуация изменилась. Демоны Тцлайлока застыли на месте, сбитые с толку. Позади раненого короля, грохоча тяжелой поступью, от которой содрогалась земля, двигалась колонна боевых тел, управляемых крошечными паровиками, а вслед за ними на помощь своему королю поспешили и другие рыцари. Черное воинство Тцлайлока тотчас бросилось им навстречу.

— И сколько же у тебя клонов, заводная игрушка? — злобно прошипел Тцлайлок, глядя на поверженного противника. — Впрочем, какая разница. Я разорву их на части, после чего отправлю на переплавку. Из них изготовят изображения Уайлдкайотлей, которые я затем установлю во всех народных храмах.

— Тебе не видать триумфа, Тцлайлок.

— А ты что, заглядывал в будущее, коротышка? — со смехом спросил Тцлайлок. — Я открою новую страницу для тебя и твоего народа. Для всей Шакалии, и даже для всего мира за ее приделами. Неужели шестеренки в грязной луже машинного масла не предсказали тебе твою гибель?

— Предсказали, — простонал Король-Пар.

Тцлайлок, не скрывая злорадства, наблюдал за тем, как Паро-Лоа суетятся вокруг поверженного короля паровиков, затем перевел взгляд на приближающиеся боевые тела.

— В таком случае я не буду тебе мешать. Думаю, ты протянешь еще немного и увидишь, как остатки твоей армии будут втоптаны в грязь!

Золотистая ручонка Короля-Пара соскользнула с рычагов управления. Жить ему оставались считанные минуты. Но прежде чем покинуть поле битвы, ему надо было дождаться чего-то очень-очень важного. Он не стал отключать рецепторы боли на тот случай, чтобы отсутствие ощущений не усыпило его. Его время здесь завершилось, и страдать ему осталось совсем немного. И все же каждое мгновение боли было для него сродни вечности.

За спиной Тцлайлока трубачи маршала Ариндзе отдавали новые приказания. Солдаты Третьей Бригады образовали оборонительный строй. К ним на подмогу спешили колонны уравненных революционеров Гримхоупа, которых до того держали в резерве. Ариндзе не впервые сражался против Свободного Государства Паровиков — первый раз под флагом старого режима, второй — под флагом Содружества Общей Доли, а потому знал, что его ждет. Как, впрочем, знали и его солдаты. С подводы с боеприпасами выгружали канистры с похожими на

гарпуны крюками, выкатывали пушки.

К маршалу на полном скаку подлетел офицер.

— Мортиры, компатриот маршал. Они движутся на нас с востока.

— Скачите к батарее! — приказал Ариндзе. — Скажите капитанам расчетов, чтобы сосредоточили огонь на королевских боевых телах. Их нужно остановить прежде, чем они приблизятся к нашим позициям.

Артиллеристы навели пушки на новые цели и произвели пристрелку орудий. Лишь острый глаз, к тому же вооруженный зрительной трубой, смог бы заметить, что четыре боевые машины странным образом нечувствительны к острым крючьям. Или что взрывы, грохочущие на холмах к востоку, странным образом повторяют взрывы вокруг гигантских паровиков, как если бы заряды проникали сквозь боевые тела, не причинив им никакого вреда.

* * *

Капитан Флейр прыгнул на грудь умирающего монарха; стальные пластины прогнулись под тяжестью его тела. Оливер поспешил вслед за ним, карабкаясь по приваренным поручням. Шептун остался стоять рядом с поверженным телом, что-то бормоча себе под нос и изо всех сил пытаясь удержать иллюзию марширующих боевых тел паровиков; причем для наблюдателей в разных концах Ривермарша приходилось создавать отдельную картину, уже под другим углом. Увы, вскоре до него донесся злобный рык — это Тцлайлок наконец понял, что кто-то его хорошо разыграл.

Флейр бросил взгляд в сторону ужасного создания. Нет, это был не председатель Первого Комитета, не Якоб Вэлвин, не кто-то другой, с кем его могла связывать гвардейская присяга. То, что предстало его взору, не имело ничего общего с тем, кто предал надежды его расы на свободу. Капитан гвардейцев видел лишь монстра, который связал его собственного сына, словно тот был кролик, которого собрались освежевать, и использовал как приманку. Флейр спрыгнул с поверженного паровика и бросился к Тцлайлоку. Оливер мог поклясться, что от бега гвардейца содрогалась земля.

— Оливер!

Это вверх по боевому телу паровика карабкался Шептун; его истинное обличье то и дело проступало из-под дрожащего призрачного облика воина с книжной иллюстрации.

— Оливер!

Но нет, это не голос Шептуна. Это говорил Король-Пар. Вид у поверженного монарха был плачевный: правый бок смят, левый пронзен острыми конечностями Тцлайлока и весь изъеден кислотой.

— Ваше величество, ваши рыцари уже спешат к вам на помощь.

— Самое неприятное в жизни монарха — то, что ему известна дата собственной смерти.

— Ваши люди еще могут помочь вам.

Король-Пар его уже не слушал.

— Но разве можно иначе проложить дорогу новому королю?

Оливер попробовал подтянуть паровика, но тот был слишком сильно изранен. Так можно лишь еще больше навредить ему.

— Не пытайся спасти меня, мягкотелый! — прошептал Король-Пар. — Вместо этого лучше попытайся спасти свой и мой народ. Уайлдкайотли питаются душами и возносимыми в их адрес молитвами. Да что там! Всем живым, что есть на земле. Душами шакалийцев и душами жителей Свободного Государства. А еще им нужны токи земли, чтобы высасывать из них энергию. Когда ты начинаешь свой путь по кругу, ты движешься по жилам земли. Мы — песнь звездной пыли, Оливер, и как все насекомые, Уайлдкайотли слетаются на наше пламя. Загаси пламя…

Загаси пламя!

Вокруг капитана Флейра бесновалось море демонов Тцлайлока; от тела вождя отделялись все новые и новые монстры. Флейр наносил разящие удары направо и налево. Он был уже весь в крови и ошметках плоти жутких насекомых, что делало его похожим на алого голема, только что вышедшего из огнедышащей печи. Поле вокруг него было усеяно мертвыми Уайлдкайотлями. Живые же карабкались по грудам тел своих мертвых собратьев, чтобы с их высоты наброситься на гвардейца.

Увы, капитан Флейр сражался в одиночку, и вскоре силы начали изменять даже ему. Он наносил удары все реже и реже, и все больше Уайлдкайотлей пронзали ему тело своими острыми когтями.

Загаси пламя!

Оливер распростер свои ощущения по всему полю битвы и нащупал жилы земли. Правда, при этом ему пришлось сделать вид, будто он не замечает творящегося вокруг зла. Столкнувшись с вымуштрованными головорезами Третьей Бригады, парламентское ополчение дрогнуло — слишком мало было в его рядах профессиональных солдат и слишком много добровольцев

из числа уличных забияк и карлистских мятежников. Железные рыцари увязли посреди орды Уайлдкайотлей, а Третья Бригада вместе с резервными ротами уравненных наносила удары по остаткам Особой Гвардии — вернее, по тем из гвардейцев, кто еще не бежал с поля боя навстречу долгожданной свободе. И все-таки под всей этой неразберихой силовые линии земли, пусть слабо и едва заметно, но все же пульсировали энергией, которую беспрестанно выкачивали из них уорлдсингеры обеих воюющих сторон.

Вокруг бесформенной массы Тцлайлока силовые линии были искривлены и размыты — это Уайлдкайотли давили всем своим весом на поверхность земли, и казалось, что та скоро не выдержит и разверзнется гигантской пропастью. Оливер понял: боль и ужас войны проникают в жилы земли, и та словно губка впитывает их в себя, набухая, насыщаясь пролитой кровью и душами погибших. А потом Уайлдкайотли высасывают их, и каждая новая капля помогает все новым и новым их ордам прорываться сквозь трещины мироздания в этот мир. Дух Шакалии погибал, жарко сгорая подобно углю, который кидают в топку. Весь мир превратился в гигантский котел, в паровой двигатель, снабжавший силой безумную миссию, — призвать на землю нечестивых верховных божеств.

— Оливер, — прошипел Шептун. — Остерегайся врага.

В ногах у поверженного железного воина рой Уайлдкайотлей пытался приподнять его оружие. Увы, Оливер не услышал слов Шептуна, его внимание было приковано к узорчатой решетке силовых линий земли, он скользил вдоль них, не замечая ничего вокруг.

Шептун разразился проклятиями. Этих тварей невозможно провести. Силой своего нечеловеческого сознания они превратили тело Тцлайлока в гигантский улей, в котором плодились и размножались, вылетая наружу рой за роем. Их грезы — это не грезы людей, а грезы холодных, потусторонних существ. Шептун сосредоточился. Уайлдкайотли ощерились и когтями впились друг в дружку, раздирая на куски, а все потому, что видели перед собой не своего мерзкого собрата, а бойцов Особой Гвардии.

Оливер не обращал внимания на кровавую схватку, которая кипела у ног поверженного короля. Вместо этого он начал перебирать силовые линии на поле боя — переплетал, связывал оборванные концы, направляя в себя их силу. Сначала это был тоненький ручеек, но со временем он превратился в мощный поток. Лишившись источника магической энергии, уорлдсингеры обеих сражающихся сторон потеряли сознание, а их колдовские

чары и заклинания растворились в воздухе, не оставив следа. Теперь внутри Оливера имелся своего рода резервуар — бездонный источник, из которого он мог черпать силы. На краю поля он ощутил присутствие Медвежьей Тени — та бесновалась, разъяренная тем, что он посмел ей помешать. Так тебе и надо, подумал Оливер, меченый мальчишка знает свое дело.

Внизу бившиеся друг с другом Уайлдкайотли начинали ослабевать, измотанные бессмысленной схваткой. Тцлайлок осознал угрозу, когда личинки в толще его кожи, лишившись столь ценного источника питания, как поверженные шакалийцы, стали высыхать и трескаться, так и не дав жизнь новым Уайлдкайотлям. Взревев от злости, Тцлайлок, даже не глядя под ноги, двинулся вперед сквозь ряды паровиков и своего собственного, рожденного из его плоти воинства. Услышав его клич, Уайлдкайотли оставили в покое паровиков и тучей устремились к телу поверженного монарха. Позади них осталось лежать в снегу и тело капитана Флейра, растерзанное и окровавленное. Капитан Особой Гвардии был мертв.

Над Ривермаршем снежные тучи слегка разогнало, и выглянуло ясное небо, усеянное черными точками аэростатов. Лишенные управления, они беспомощно дрейфовали над землей, подгоняемые лишь порывами ветра. Ледяная хватка Уайлдкайотлей постепенно ослабевала по мере того, как источник их сил истощался. Вскоре исчезли и фантомы паровиков — это Шептун переключил свое внимание на движущееся в его сторону вражеское воинство. Уайлдкайотли то и дело спотыкались, чувствуя, как чья-то неведомая рука заталкивает их обратно в застывшую ледяную бесконечность, в которой они томились почти тысячу лет. Увы, их было слишком много — разве по силам одному фею сдержать целую армию?

Оливер подошвами ног ощутил, как дрогнуло тело поверженного монарха. Может, его вмешательство в силовые линии вызвало небольшое землетрясение? Непохоже. Ведь он, в сущности, делал то же самое, что и уорлдсингеры — то есть откачивал энергию земли, мешая ей осуществлять контроль за тем, что происходило на ее поверхности; а, как известно, в гневе земля способна взорваться едва ли не до небес. Перед Тцлайлоком взметнулся фонтан, да что там! — настоящий гейзер расплавленной магмы, огненный столб высотой с самого председателя Первого Комитета Шакалии. На воинство Уайлдкайотлей сверху обрушился ливень жидкого огня и раскаленных камней. Гора плоти, что когда-то носила имя Якоба Вэлвина, рухнула навзничь, обдав пламенем детей Ксам-ку.

Но происходило с землей и что-то еще, нечто такое, что

приближалось на волне ее ярости. Оливер чувствовал, как пульсируют вены земли. Еще мгновение — и восстановленные им переплетения силовых линий снесло вырвавшейся наружу мощной волной, а его самого отбросило в сторону. Цунами же понеслось дальше, чтобы обрушиться на кровавое пиршество Уайлдкайотлей. Переплетения силовых линий вернулись на поле боя, но уже в виде сложного, запутанного узора, вращающегося в безумном танце вокруг белой сферы, повисшей над головой Тцлайлока.

— Круг Всемилостивый! — ахнул Шептун.

Оливер почувствовал жжение на коже бедра. Оба его пистолета раскалились и пульсировали в одном ритме со сферой.

— Гексмашина!

— Да нет же! Ее друзья, разрази их гром! — воскликнул Шептун, указывая на облако черных шаров, несущихся к ним с небес. Аэросферы! Настоящий ливень аэросфер. Откуда-то из небытия древнего мифа вынырнул Воздушный Суд. Ловцы волков все-таки вышли на защиту своего стада.

Оливер вытащил заколдованный нож, готовясь дать отпор первой волне Уайлдкайотлей. Стая злобных тварей обрушилась на тело поверженного короля, чтобы расправиться с мечеными, осмелившимися прервать их кровавое пиршество. Появление Гексмашины не просто сбило их с толку — нет, повергло в состояние шока, и теперь они пытались выместить свою злость на Оливере и Шептуне.

— Вот вам и Судный день!

Слитая воедино с Гексмашиной, Молли Темплар ощущала, как битва идет на всех уровнях, как Уайлдкайотли пытаются обратить в свою пользу сплетения силовых линий. Они уже растеряли часть мощи; было видно, что их терзает голод. А еще она почувствовала присутствие странного юноши-фея, того самого, с кем судьба свела ее в подземной темнице Тцлайлока. Неестественное бесплодие поля битвы было делом его рук — это он сдавил противнику горло. А еще Молли чувствовала, как души погибших робко, на ощупь, движутся по жилам земли. Усилием воли она пробила им дорогу, чтобы они могли уйти туда, куда следует.

Превозмогая боль, передаваемую Гексмашине от второго оператора, она отбросила от себя налетевшую стаю Уайлдкайотлей, вернее, порвала ее, словно паутину, нить за нитью. А еще постаралась приглушить воспоминания о предыдущих конфликтах между Уайлдкайотлями и семью другими операторами, представителями иных рас —

воспоминания, которые Гексмашина постоянно вкладывала в ее сознание. Молли решительно выбросила их из головы и вместо этого сосредоточилась на Виндексе. Пусть память о нем станет ее путеводной звездой!

Пытаясь прожечь щиты Гексмашины, вокруг нее обернулось Ксам-ку, самое сильное божество пантеона Уайлдкайотлей. Ага, значит, оно пока еще не желает сдаваться. Выходит, Уайлдкайотли не вынесли для себя урока из тысячелетнего изгнания. И в этом их главная ошибка. Идеальный порядок роя требовал стазиса. А это значит, прощай, хаотичный рост древа жизни, здравствуй, мир, неподвижно застывший, словно муха в куске янтаря.

— Я вынесла урок, — прошептала Гексмашина, — урок длиною в тысячу Лет. Мне его преподала моя возлюбленная земля, и сейчас я поделюсь им с тобой.

Молли тоже вынесла для себя урок. Она изменила переплетение силовых линий, изменила несколько раз. Все быстрее и быстрее. И чем быстрее она меняла его, тем громче выли Уайлдкайотли, не успевая к нему приспособиться. И с каждым разом она отталкивала их все дальше и дальше в бездну, из которой они выползли.

Некое существо, сторонний наблюдатель из другого мира, темный ангел в углу поля, вибрировал на нечеловеческих частотах, видя, как возможность тотальной войны тает буквально у него на глазах. Молли — а может, это Гексмашина — почувствовала к Медвежьей Тени нечто вроде сочувствия. Та имела одно-единственное назначение, а какая, скажите, польза от бомбы, если она не взорвется?

Чувствуя, как позади них разверзлась бездна, Уайлдкайотли из последних сил цеплялись за жизнь, желая остаться этом мире. Им не хотелось возвращаться назад — в тысячелетия голода, бесконечного ожидания и напрасных грез о сытной пище. Они отчаянно отбивались, тщетно пытаясь ухватить в свои хищные пасти остатки энергии из жил земли. Пространство вокруг них было голым и бесплодным — спасибо мальчишке-фею из подземной темницы. Это он похитил у них энергию, это он не позволял им давить на землю своим чудовищным весом.

— Меч! — прошептала Молли.

Нырнув под колышущиеся щупальца одного из демонов Тцлайлока, Оливер принялся кромсать его колдовским лезвием.

— Щит!

Находившиеся между Оливером и Шептуном тяжелые канаты упали вниз. К поверженному телу Короля-Пара из аэросферы спускались три солдата.

Тело Натаниэля тоже стало другим — он нацепил маску бойца небесного десанта. На нем был черный кожаный капюшон, с обеих сторон которого угрожающе свисали резиновые трубки. Теперь Шептун стал совершенно неотличим от солдата боевого подразделения Небесного Суда. Он украсил свою грудь знаками офицерского отличия, которые отыскал в их сознании. Приземлившись, солдаты открыли огонь. Паровые котлы громко шипели, приводя в действие странное на вид оружие: тонкие металлические копья, присоединенные к резиновым поясам, заряженным стеклянными капсулами. Стреляли они с бешеной скоростью — впечатление такое, будто рядом с вами одновременно на мелкие осколки со звоном крошились тысячи окон.

Солдаты рассредоточились, ведя огонь по черной туче Уайлдкайотлей, которые в эти мгновения ползали по телу Короля-Пара. Во все стороны полетели ошметки мерзкой, сгнившей плоти и нечистой крови, оскверняя собой белизну снега и останки славного короля паровиков.

Прямо у них на глазах туша Тцлайлока разродилась очередным роем черных насекомых. Потусторонние твари тотчас взяли золотой нимб Гексмашины в плотное кольцо, но, увы, они проникли в этот мир слишком рано и уже начали уставать. По мере того как они растрачивали свою черную энергию, движения их все более замедлялись, и постепенно некоторые из монстров начали гаснуть и умирать. Одновременно с ними Якоб Вэлвин все больше съеживался, становясь все меньше и меньше, постепенно обретая человеческие очертания. Неестественная масса плоти сходила с него, словно вторая кожа, кружась вокруг тела в какой-то дикой пляске, словно кто-то невидимый бил по ней со всех сторон: ее терзали меченые, протыкали копья рыцарей-паровиков, кромсала в клочья шрапнель ружейных выстрелов. В самую гущу железного воинства приземлились десантники в черном. Ведя прицельный огонь с воздуха по войскам агрессоров, над полем боя повисли аэросферы Небесного Суда. Вскоре ряды противника дрогнули и бросились спасать свою жизнь.

Надрывая голосовые связки, маршал Ариндзе отдавал приказы артиллеристам, чтобы те перевели прицелы пушек, но было уже поздно. Маршал рассчитывал, что в этой битве воздушный флот будет целиком и полностью на его стороне, и вот теперь аэросферы Небесного Суда прямо на глазах уничтожают его артиллерию. Пехотинцы попытались дать отпор десантникам в черном, но вскоре были скошены прицельным огнем.

Маршал решил было дать приказ передовым позициям, чтобы

те перешли в арьергард и образовали нечто вроде прикрытия для отступления остатков его армии к Миддлстилу, но в эту минуту мортиры Свободного Государства Паровиков навели свои прицелы на штаб квотершифтской армии. На тающие с каждой минутой войска маршала Ариндзе обрушился железный ливень, и вопрос о том, удержала бы его армия свои позиции, останься она в Миддлстиле, приобрел чисто академический характер.

Оливер наконец вскарабкался на боевое тело короля паровиков и выпрямился во весь рост в помятой кабине. Король-Пар мертв, его тело пусто и неподвижно. Где-то в Механсии прорицатели горного королевства скоро бросят шестеренки Гиэр-Джи-Цу, чтобы обнаружить юного паровика, который станет новым воплощением их монарха. С высоты Оливеру было видно, как Гексмашина сражается с остатками Уайлдкайотлей. Ее золотой нимб прожигал им кожу, и они, словно тараканы, пытались забиться в щели бытия.

Оливер перевел взгляд на вражеские позиции, но те были подернуты завесой дыма. Крест, на котором распяли принца, был пуст! Флейр испустил дух на поле поя, а его сын куда-то исчез! Неужели кто-то из его гвардейцев выполнил последнюю волю капитана и спас юного наследника трона Шакалии?

Рядом с Оливером возник десантник Небесного Суда. Он снял с себя кожаный капюшон, и теперь резиновые трубки болтались у него в руках. Кто бы это мог быть? Пройдоха Стейв собственной персоной?! Впрочем, Оливер ничуть не удивился ему. Но если рядом с ним Гарри, то где же Шептун? В суматохе сражения Натаниэль куда-то исчез. У него были свои планы, и в них не входили ни Небесный Суд, ни уорлдсингеры, которые вновь упекли бы его за решетку Хоклэмского приюта.

— Демсон Григг говорила, что вы всегда возвращаетесь, как потертый пенс, Гарри.

— Потертый пенс, который знает, когда ему возвращаться, — невозмутимо ответил Стейв. — Главное, что шифтеров разбили в пух и прах.

— Да нет, похоже, они отступают к старым пневматическим туннелям.

— Что ж, в таком случае считай, им здорово повезло, старина. Наш брат уже нанес туда визит. Так что на родину для них открыт единственный путь — долгий пеший марш-бросок к границе, и пусть они возносят молитвы своему солнечному богу, чтобы их уорлдсингеры нашли заклинание-отмычку к проклятой стене.

— То есть, они все погибнут?

Гарри пожал плечами.

— Намек в твой адрес, Оливер. Если ты и дальше будешь совать свой нос в дела Шакалии, то не рассчитывай, что он долго задержится на твоем прекрасном лице.

— Насколько я понимаю, те из уорлдсингеров, которые знали, как снизить высоту проклятой стены, не просто так стали жертвами чисток. Это ваша работа, не так ли? Вам же, Гарри, никогда ничего не грозило.

— Стена защищает обе стороны. Грозило, еще как грозило! — ответил Стейв. — Охота за мной велась по-настоящему. Нам было известно, что в Небесный Суд проникли вражеские лазутчики. Единственный способ выяснить, кто они такие и как широко раскинули свои сети, — использовать меня в качестве наживки. Пусть в Квотершифте думают, будто мне известно про их планы, я пущусь в бега, и тогда посмотрим, кто бросится мне вдогонку. Все оказалось гораздо хуже, чем мы опасались. Радикалам удалось внедрить своих людей в Небесный Суд, в сеть свистунов, в Хэм-Ярд и Гринхолл, в сухопутные и морские войска. Они делали все, чтобы выследить нас, а мы, двигаясь по их цепочке, только в обратном направлении, сумели вычислить врагов.

— И в водах Гэмблфлауэрса всплыли новые тела, — ответил Оливер. — А в камерах Суда появились новые узники.

— Ничего не поделаешь, таковы правила игры.

Оливер бросил взгляд на поле битвы. Смеркалось. Неужели они сражались целый день? Оливер чувствовал, что смертельно устал; тело его болело от земной энергии, которую он пропустил через себя.

— Моя семья заплатила дорогую цену. Да что там! Наши союзники, наш народ, население Миддлстила. Мы все заплатили ее.

— Великий Круг! Неужели ты думаешь, мы не остановили бы этот кошмар, будь у нас такая возможность? — раздраженно воскликнул Гарри. — Ведь ради этого мы и существуем. Но мы ничего не знали ни про Шэдоуклок, ни про Особую Гвардию, ни про планы Тцлайлока вернуть старые времена. Когда я согласился выступить в роли наживки, я думал, что просто повторится 1581 год — горстка карлистских экстремистов, в карманах у которых позвякивает золотишко Содружества Общей Доли, задумала насадить на пику голову Хоггстона. Мы, Оливер, следим за тем, что творится внизу, но мы не всесильны. Мы не боги.

Оливер обернулся на остатки Уайлдкайотлей — те спасались бегством от сияния Гексмашины — и согласно кивнул.

— Ты прав, Гарри. Никаких богов для Шакалии. Никогда. Никогда.

— Твой дядюшка понимал, сколь велик риск. Мне, право,

жаль Титуса, от всего сердца жаль. Но что мне тебе говорить, ты лучше меня знаешь, что это был за человек. Будь у него такая возможность, ради Шакалии он отдал бы свою жизнь не один, а десятки раз.

Над полем Ривермарша раздались скрипучие звуки волынок, а где-то поблизости послышалось лошадиное ржание. В тени поверженного паровика стоял Джек-Сорвиголова.

— Ну, как охота, приятель? Надеюсь, неплохо?

— Так точно, майор! А где Страж Макконнел?

— Кусочек здесь, кусочек там. Чертова пушка снесла ей голову. Кстати, мне повстречалась одна цыганская ведьма. Знал бы ты, как она зла на тебя! Требует назад свою лошадь!

Оливер оглянулся.

— Похоже, лошадка сбежала.

— Да ладно, на то она и ведьма — пусть попробует приманить ее.

Джек-Сорвиголова укоризненно посмотрел на Гарри и других десантников Небесного Суда.

— А вы, ребята, я смотрю, тянули резину. Не иначе как флотские будете?

— Да нет, политические, — ответил Гарри и постучал пальцами по золотому льву на кожаной гимнастерке.

Джек-Сорвиголова хмыкнул.

— Дальше можете не объяснять.

— А я скажу, что Содружество терпит поражение, — добавил Оливер.

Джек-Сорвиголова развернул своего скакуна, готовый броситься вслед за бегущими солдатами Третьей Бригады.

— А как иначе? Мы — шакалийцы, а это наша земля. Эх, дел нам предстоит невпроворот. Вон сколько деревьев отсюда до границы. Представляете, сколько веревок понадобится, чтобы перевешать эту сволочь?

— Удачной охоты, майор!

Пришпорив коня, бравый кавалерист умчался догонять отступающие войска Квотершифта.

— Нам нужно поговорить, Оливер, — сказал Гарри.

Тот кивнул.

— Мне почему-то тоже так кажется.

Мамаша Лоуд была права. У Небесного Суда явно имелись свои собственные оружейники.

Глава 26

Коммодор Блэк загородил дорогу двум фигурам, пытавшимся скрыться с поля боя. Один из двоих был настолько слаб, что второму в буквальном смысле слова приходилось тащить его на себе.

— Гляжу, Джейми, ты попал в такую же переделку, что когда-то и я.

Джейми Вилдрейк посмотрел в его сторону.

— Кого я вижу! Герцог Фернетианский!

Подводник указал на бесчувственное тело, которое Вилдрейк волочил на себе.

— Сейчас, когда за тобой гонятся твои дружки, Ловцы волков, ты, похоже, решил податься в роялисты!

Вилдрейк уронил тело принца Алфея на снег.

— Вот увидишь, Палата Стражей отвалит за него хороший куш. Я готов поделиться с тобой.

— Ты лучше скажи лучше, чего стоит король? Столько же, сколько и моя голова? Столько, сколько и старый морской волк Самсон Дарк? Неужели тебе предложат такие же деньги, как и за флот изгнанников? В наши дни король — редкая вещь. Ответь мне, сколько людей с королевской кровью в жилах ваш брат компатриот пропустил через Гидеонов Воротник?

Вилдрейк схватился за рукоятку сабли.

— Похоже, один еще остался и гуляет на свободе! Скажем так, за благородную родословную полагается награда, особенно после того, как Стражам станет известно, сколько народа королевских кровей прошло через Воротник. А теперь убирайся с моей дороги, толстяк!

Коммодор вытащил саблю.

— У тебя есть повод опасаться за свою шкуру, Джейми! По всему Ривермаршу валяются безжизненные тела уорлдсингеров. Глядя на их лица можно подумать, что они пытаются высосать сок из сухих ягод. Ты сражаешься на бесплодной земле, Джейми. Но даже без колдовских штучек ты все еще имеешь накачанные мышцы. Давай, покажи мне, чего они стоят!

Вилдрейк без предупреждения первым нанес удар, но коммодор ловко отбил его.

— Ну как, неплохо для толстяка? — спросил он. — Королевский флот не привык суетиться, да мы и не могли себе этого позволить. Ведь наши суда набирали команды отовсюду. Надеюсь, ты не забыл об этом?

Его противник нанес рубящий удар, однако коммодор в

очередной раз оказался на высоте, легко отведя клинок Вилдрейка. Такой стиль поединка помогал экономить силы в условиях тесных коридоров подводной лодки.

— Конкорция, Катосианская лига, Священная империя Киккосико — у них у всех свой боевой стиль, вот и берешь что-то у одних, что-то у других.

Вилдрейк обрушил на Блэка град ударов, пытаясь пробиться сквозь защитные приемы коммодора за счет превосходства в физической силе.

— Я бы сказал, что фехтовальщики Небесного Суда испытывают на себе сильное влияние Востока.

Вилдрейк переложил саблю в левую руку и сделал выпад. И вновь лязгнула сталь, однако вряд ли кто услышал этот звук, за исключением разве что распростертого на снегу принца Алфея.

— Один удар, и противник мертв! — прокомментировал коммодор. — Быстрый удар, смертельный, ловкий. Вот чем привыкли восхищаться там, наверху. Ты, как я погляжу, мастер своего дела, Джейми.

— Заткнись! — рявкнул Вилдрейк. — Взялся сражаться — сражайся!

— Будь осторожен со своими желаниями, дружище.

Коммодор сделал резкий выпад, но Вилдрейк его отбил. Правда, Блэк успел разрезать Ловцу волков рукав. По белому шелку заструился красный ручеек крови.

— Джейми, тебе следовало остаться в куртке. Какая-никакая защита, — поддразнил его коммодор. — Впрочем, мне понято, почему ты предпочел ее сбросить. Военная форма Содружества Общей Доли никогда не пользовалась в этих краях популярностью. Теперь в Миддлстиле ее будут носить разве что самые бедные после того, как мародеры разденут твоих бывших дружков, вернее, их трупы. А прачки с Хэндсом-лейн перекрасят снятые мундиры в приличный зеленый или коричневый цвет.

Вилдрейк сделал ответный выпад. Затем, быстрым движением переложив саблю в правую руку, замахнулся, надеясь рассечь предплечье коммодора и точно таким же манером, как и тот ему, нанес рану.

— Смотрю, герцогская кровь на вид не отличается от моей, — усмехнулся он и медленно обошел вокруг Блэка.

— Понятно, тебя обучали сражаться и как левшу, и как правшу, — произнес коммодор, отступая на пару шагов. — Там у вас, за облаками, народ ушлый, знает, что делать. Прошло столько лет, а твоим друзьям все еще мерещится призрак Киркхилла.

Вилдрейк оскалился и несколько раз перебросил саблю из

руки в руку.

— По крайней мере тебе от них никуда не скрыться, Самсон Дарк.

Вилдрейк сделал очередной выпад, топнув с такой силой, что обдал брюки противника снегом. Вечернюю тишину нарушал лишь лязг клинков. Блэк дважды короткими, экономными движениями отвел от себя удар. Раненая рука дала о себе знать тупой болью, ведь именно ею ему приходилось держать оружие. Накачанная мускулатура давала его противнику существенное преимущество — если не по части ловкости, то по части выносливости. Чертов выскочка Вилдрейк наверняка часами тренировался перед зеркалом, невзирая на боль и усталость, учился держать клинок ровно и при этом явно любовался своим отражением.

— Так сколько же, по-твоему, предложит парламент за принца Алфея? — прохрипел коммодор, размахивая саблей.

Вилдрейк ухмыльнулся.

— Вижу, ты тянешь время, толстяк, пытаешься восстановить силенки, верно? Тебе следовало меньше времени проводить в кладовке, набивая брюхо жратвой, и вместо этого побольше закалять тело.

— Верно, Джейми, следовало. Но тебе не кажется, что старому пирату просто не дает покоя мысль, сколько можно получить за голову этого парня?

Вилдрейк попытался нанести удар, но Блэк на долю секунды его опередил.

— Хочешь предать одного из своих, я правильно понял? Не думаю, герцог, что ты готов пойти на такое. Ты человек сентиментальный, все вздыхаешь по временам, которые ушли в небытие еще до того, как мы с тобой появились на свет.

Коммодор сделал выпад левой ногой, но замахнулся вправо. Его клинок скользнул под саблей Вилдрейка, поймав ее в капкан. После этого он ловким движением выбил оружие из руки Ловца волков. Сабля отлетела в сторону и вонзилась в припорошенную снегом землю.

— Я, по идее, должен дать тебе точно такой же шанс, какой ты дал нашим кораблям, когда подставил нас под аэростаты Королевского воздушного флота, — произнес коммодор. — Но ты прав. В душе я неисправимый романтик, Джейми.

Коммодор отступил на шаг и, указывая кончиком своего клинка на застрявшую в снегу саблю, отвесил шутливый поклон.

Вилдрейк покачал головой и, не спуская глаз с подводника, со злобной ухмылкой вытащил из снега оружие.

— Не иначе, как ты шутишь, Дарк! Раньше за тобой такого не

водилось. Нет, из тебя никогда бы не получился Ловец волков!

— Ты такой же бесчувственный, как и твои друзья, Джейми. Я имею в виду и твоих дружков по Содружеству, и по Небесному Суду. Ты никогда не понимал, что кусок металла в твоей руке чего-то стоит, лишь когда в груди у тебя бьется человеческое сердце. У тебя есть все — техника, сила, крепкие мышцы, но они не заменят тебе сердца. Ты лишь оружие, Джейми, вот ты кто — разящий меч, но, увы, кривой и грязный от рук убийц, которые использовали тебя в своих интересах.

— А ты ископаемое, Дарк! Последний из королевских каперов! Музейный экспонат из давно ушедших времен! Тебя бы набить, словно чучело, и выставить в музее Миддлстила рядом с фигурами твоих возлюбленных монархов!

— То, что я там еще не стою, еще не значит, что этого не пытались сделать! Ты разбил мое сердце, Джейми, когда я узнал, что ты был шпионом Небесного Суда на наших кораблях, что именно ты уничтожил наш флот. А ведь из тебя вышел бы превосходный капитан! Для этого нужно было лишь починить твою душу — и ты обязательно покрыл бы себя славой!

Взревев, Вилдрейк ринулся на противника, однако подводник ловко увернулся и серией коротких, молниеносных, обманчиво легких ударов — раз! два! три! — парировал выпад Ловца волков. Его клинок порхал, как бабочка. Однако с каждым таким порхающим движением металла Блэк подступал все ближе и ближе, и наконец едва ли не с нежностью пронзил грудь предателя, поразив его прямо в сердце.

— Это тебе за старые времена, Джейми, за старые времена!

Вилдрейк, не веря глазам, уставился на торчащее в его груди лезвие.

— Я такой крепкий, мои мышцы… они как сталь, а ты… ты весь дряблый, как тряпка…

Блэк ударом сапога выбил у него из рук саблю.

— Джейми, ты самовлюбленный, хвастливый фанфарон, вот ты кто!

Вилдрейк рухнул в снег. Коммодор Блэк тем временем поднял с земли бесчувственное тело принца Алфея и указал на поле битвы, над которым все еще клубился дым.

— Ты ведь один из нас, Джейми. Шакалиец, в чьих жилах течет королевская кровь. Скажи, зачем тебе все это понадобилось?

— Я просто устал, старина. Устал от грязи, пошлости и страданий. Суд был слишком слаб. А у Содружества было все, чтобы изменить мир к лучшему. Я бы мог… я бы мог сделать из нашей страны идеальное государство.

— Мы с тобой слишком слабые люди, Джейми, чтобы

воплощать в жизнь совершенные идеи. А сейчас, похоже, я оказал Суду неоценимую услугу — им больше не придется за тобой охотиться. Так что я беру парня себе в качестве платы. А теперь позволь откланяться.

— Они тебя все равно найдут.

Блэк подмигнул, и, хромая, пошел прочь, волоча за собой принца.

— Вспомни, разве не ты убил Самсона Дарка? А бедный старый Блэки — кто он такой? Герой войны 1596 года, сражался плечом к плечу с Первым Стражем в битве у Ривермарша. Разве не так? Ты убил Самсона Дарка, и теперь я отдал тебе услугу за услугу. Думаю, теперь мы с тобой квиты.

Когда Ловец волков наконец обнаружил тело Вилдрейка, обвинение в адрес Самсона Дарка, которое он, прежде чем испустить дух, кровью нацарапал на снегу, успело растаять и впитаться в зеленую луговую траву.

Молли не знала, сколько времени она простояла на заснеженных холмах Ривермарша, когда до нее неожиданно дошло, что под ней тает снег. Несмотря на наступление ночи, стало гораздо теплее, чем днем. Времена года Шакалии возвращались назад. Ощущение тела тоже было довольно странным — трудно сказать, где заканчивалась она сама, а где начиналась Гексмашина. Такое впечатление, что земля по-прежнему оставалась ее частью.

Единственным свидетельством того, что ей ничего не приснилось, была прорытая в земле нора, уходившая куда-то вглубь. Значит, Гексмашина вновь вернулась в объятия своей возлюбленной. Уайлдкайотлей и след простыл, они канули в небытие, словно эхо в колодце. Мир окутала тьма. Неподалеку от основания холма по равнине двигались несколько факелов — это мародеры искали, чем бы поживиться. Главным образом их интересовали монеты и крепкие солдатские сапоги, которые можно было снять с трупов. Но были там и солдаты, которые искали павших товарищей, и жены с детьми, выкрикивающие имена мужей и отцов, не вернувшихся домой после сражения, а также несколько санитаров. Они неслышно двигались между тел, прислушиваясь, не раздастся ли где слабый стон раненого.

На восточной части неба высыпали звезды, но большую их часть пока что закрывал поднимавшийся от Миддлстила дым. А вот языков пламени не было видно, судя по всему, пожары все же удалось потушить. Впервые за всю свою жизнь Молли не знала, что ей делать. Она оставила тепло родных душ, когда соединилась с Гексмашиной — тепло души коммодора, меченого

мальчишки, даже Коппертрекса. Вдруг они сейчас сидят в Ток-Хаусе, если, конечно, тот еще цел после устроенной Содружеством бомбардировки. Молли с удовольствием провела бы в их обществе час-другой. Она бы… да что угодно! Ведь теперь за ней никто не охотится, никто не жаждет ее крови. Даже работный дом, в котором прошла ее юность, и тот разрушен! Великий Круг! Даже само свидетельство ее существования на этом свете — транзакционный двигатель — сейчас наверняка валяется разбитый вдребезги под руинами Гринхолла.

Но в душе Молли по-прежнему оставалась обычной девчонкой из Миддлстила. И она направилась через равнину туда, где дымились развалины столицы.

Она брела по холмам Ривермарша подобно бесплотному духу. После того, как Молли провела какое-то время, слившись с Гексмашиной, все вокруг казалось ей плоским и скучным, лишенным того разноцветья красок, каким дарила ее древняя машина. Нет, это был дурной сон, кошмар. Завывание жены, только что обнаружившей на земле тело мужа, порубленное на куски вражеской саблей. Многорукий паровик, попавшийся ей на пути, уныло бродил между останков деактивированных рыцарей и груд тел уравненных солдат; вода вытекала из его котла, подобно слезам. Бедняга оплакивал павших товарищей. Молли подарила командованию войска паровиков мастер-плату Слоустэка в обмен на обещание, что душа ее друга вернется в пределы Свободного Государства. Она сомневалась, что осквернённые останки найдут последнее успокоение в залах славы мертвых. Но кто знает, вдруг плату очистят, отполируют и вставят в новое тело — такое ведь часто случалось. Одному Кругу известно, какое количество железа будет доставлено на переплавку в горное королевство на протяжении последующих недель. Нужны целые караваны, чтобы перевезти туда тела павших паровиков. Этого металла с лихвой хватит на то, чтобы создать новое поколение железных людей.

Молли брела верх по холму, когда заметила впереди фигуру в кресле-каталке — кто-то медленно толкал сам себя вверх по склону. Земля была влажная, и колеса то и дело застревали в грязи.

Молли ухватилась за ручки и помогла выкатить коляску на вершину холма.

— Боюсь, старина, вам нужно проявлять осторожность. У паровиков тут выставлены заслоны против мехомантов, чтобы те не оскверняли их могилы. Они не станут вас слушать, если вы скажете, что позарились на вражескую саблю, чтобы продать ее потом на блошином рынке, или на голосовую коробку павшего паровика.

— Спасибо, компатриот, но к галкам и воронам я не имею никакого отношения, — ответил человек в инвалидной коляске. — Я искал друга, моего бывшего ученика.

— И вы его нашли?

— Да, вернее, то, что от него осталось. Он погиб в сражении. Иногда полезно взглянуть на мертвое тело, чтобы вспомнить человека.

Молли принялась толкать кресло в объезд павшего экзоскакуна. Вокруг мертвого зверя лежало кольцо мертвых шакалийских солдат — наглядное свидетельство его свирепости.

— Сегодня здесь погибло много людей.

— Разве это не правда?

Человек притормозил кресло, и вместе они прислушались к крикам умирающих и раненых, что все еще доносились с поля боя.

— Помните, как говорят здесь, в Шакалии? У каждой долины своя битва, у каждого озера — своя песнь. Интересно, что будут говорить про это место лет через сто?

— Будут рассказывать про львов в небесах и мертвых врагов в снегу. Но нам не нужно ждать сто лет. Вот увидите, уже к концу недели в Роттонбоу будут продаваться грошовые книжонки с балладами об этом славном дне.

— Вижу, вы настоящая шакалийка. А не взяться ли вам самой за сочинение таких баллад? Найдите печатника, договоритесь с ним — и вскоре вы с ним завалите рынок этим добром. Главное, не упустить подходящий момент.

— А знаете, я, наверно, воспользуюсь вашим советом, — ответила Молли. — А вы вернетесь к преподаванию?

— У меня есть приглашение, — ответил ее собеседник, — от некого Тинфолда. Он предложил мне баллотироваться в парламент.

— Этот старый свистун? — фыркнула Молли. — Да ведь он радикал! У левеллеров не было в парламенте большинства вот уже сотни лет!

— Вы так думаете? А мне всегда казалось, что они только и делают, что мутят воду. В любом случае, мне придется отстаивать заведомо проигрышные программы. — Калека показал на труп, мимо которого Молли толкала его коляску. — Не думаю, что после всего этого шакалийцы будут и дальше уповать на то, что, мол, все разрешится само собой. Миддлстил придется отстраивать заново; большая часть Особой Гвардии в бегах, торков у них больше нет. Наверняка будут раздаваться требования подвергнуть Квотершифт разрушительной бомбардировке с воздуха. С этими идеями тоже придется

бороться. Тысячи наших людей превращены в биороботов, им тоже потребуется помощь. Если нам что-то и нужно, так это перемены. А вы? Вы уже достаточно взрослая, чтобы голосовать?

— В Гринхолле мою кровь зарегистрировали год назад, — ответила Молли. — Возможно, я буду даже голосовать за вас. Правда, не знаю, пойдет ли вам на пользу мой голос.

— Я по-прежнему умею держать в руках полемическую дубинку. — С этими словами он шлепнул ладонями по бокам кресла. — А главное, могу легко нанести удар ниже пояса, где больнее всего.

— Значит, в Миддлстил?

— Да, — ответил Бенджамин Карл. — Домой.

Гарри столкнул со стула мертвого офицера Третьей Бригады. На небольшой ферме к северу от Ривермарша ее арьергард держался до самого конца, упорно отказываясь сдаваться. Увы, месть потрепанных остатков новой парламентской армии все же настигла их.

— Он ему все равно не нужен, — пояснил Гарри, поймав на себе взгляд Оливера.

— Похоже, у вас было для меня предложение, Гарри.

— С чего ты взял? — удивился Стейв.

— Иначе зачем ты здесь? Хорошо, попробую угадать. Сейчас вы скажете мне, что говорили с кем-то, кто хорошо знает их оружие. Или их историю. Либо и то, и другое.

Гарри вздохнул.

— Да, эти твои два пистолета. За ними тянется довольно темная история. Чертов проповедник, ну как я тогда не догадался, что у него на уме!

— Они часть земли, Гарри, часть этой страны.

— Что довольно странно, Оливер, потому что я собираюсь забрать их вон туда. — И он ткнул пальцем вверх.

— Со мной или без меня?

Гарри подмигнул.

— Можно так, и можно и этак.

— Вряд ли из меня получится хороший Ловец волков.

— А по-моему, Суд это интересует меньше всего. Старый проповедник подсунул нам хорошую головоломку. Раньше такого за ним не водилось. Я поначалу считал, что за всей этой катавасией стоит именно он. Но, оказывается, ошибался. А я нечасто готов сознаться в подобных вещах.

— Вот и я о том же. У вас имеется план, вы — часть системы. Все это ваше бесконечное наблюдение, подсматривание, расчеты, все эти ваши игры, вечная перестановка фигур на доске, блеф

перетасовки, обманные ходы.

— Твой отец был мастер играть в такие игры, Оливер.

— Но я не он, я совсем другой человек.

— Суд не жалует свободных агентов. Это мешает ему предугадывать ход событий, вносит элемент непредсказуемости, я бы даже сказал, хаоса.

— Вы правы, Гарри. Эти два пистолета не имеют четкого плана действий. Но когда они при тебе, ты способен видеть зло, видеть его цвет, чувствовать его присутствие как реальную физическую силу.

— Нам нужно верховенство закона. Тебе никогда не приходило в голову, что эти два пистолета потому чувствуют зло, что они сами и есть зло? То, что творил твой проповедник, бегая по Шакалии, в своих действиях он не ведал никаких границ. То есть, он сам стал тем, за кем вел охоту.

— А вы считаете, что раз убийца короля составил хартию, нацарапав на куске окровавленной бумаги, украденной им из дворца, и передал Небесному Суду, то ваши собственные действия есть воплощение справедливости? Третья Бригада набирала добровольцев в свои ряды примерно таким же образом. Кто нужен Небесному Суду? Ловцы волков или убийцы, послушные его приказам?

— И те, и другие.

— И вы, Гарри, тоже были и тем, и другим, когда к вам пришел мой отец?

— Не понял?

— Я ведь чувствую зло, Гарри. И мне не нужны эти два пистолета, чтобы понять всю глубину вашего раскаяния.

— Эй, ты на что намекаешь, приятель?

Пистолеты за поясом у Оливера начали светиться.

— «Утренняя песня», источник ваших доходов. Признайтесь честно, сколько судов на канале принадлежит вам? Имея в своем распоряжении ресурсы Суда, можно держать целую армию контрабандистов. А если вдруг случится неувязка, ее всегда нетрудно исправить. Когда вы только начинали, найти оправдание не составляло особого труда — мол, все налажено, сети свистунов всегда пригодятся старые контакты, но с каждым годом это все больше и больше стало походить на настоящую банду. Такую цену вы платили за то, что покрывали проповедника, за то, что отказывались сдать его своим товарищам. Ведь именно он работал на вас в Шэдоуклоке, или я не прав? Не он возил контрабанду, а вы. Когда же мой отец узнал об этом, он дал вам шанс. Он не стал выдавать вас Суду, просто велел вам прикрыть лавочку.

— Я бы не стал рисовать жизнь исключительно в черно-белых тонах, — возразил Гарри. — Посмотри на меня. Я спас Шакалию. Я выявил карлистов, окопавшихся в Небесном Суде и Гринхолле. Да что там, в коридорах практически всех государственных учреждений. А сколько раз я спасал твою жизнь? Это я возглавил воздушный десант, который решил исход битвы. Великий Круг, да я настоящий герой! Обо мне впору слагать легенды и гимны!

— Герой, который, между прочим, разбирается в аэростатах. Иначе как так случилось, что судно, на котором летел мой отец, вдруг ни с того, ни с сего рухнуло на землю вблизи от гиблого занавеса?

— Все мои дела служат делу процветания Шакалии, — ответил Гарри. — Разумеется, есть свои издержки, но если бы не они, ей не просуществовать так долго.

Оливер выложил пистолеты на стол.

— Возможно, нам обоим суждено превратиться в тех, за кем мы ведем охоту. Небесный Суд дал вам три варианта выбора. Вернуться с пистолетами, вернуться с пистолетами и со мной, либо…

— Оливер, не вынуждай меня…

— Люди из Небесного Суда, которые следовали за нами по пятам, истинные мастера своего дела. Было почти невозможно догадаться об их присутствии. Но и они вынуждены тащить на себе тяжесть своих грехов. И никакой уорлдсингер при всей своей ловкости не в силах это скрыть.

— Даже если бы я приказал им, они бы не дали тебе просто так уйти.

Оливер рассмеялся, и от этого смеха Гарри Стейву сделалось не по себе.

— Меня нелегко запугать, Гарри. Не в моих привычках повиноваться чьим-то приказам или просить у кого-то разрешение. А принимая во внимание мою кровь, Суд — если относительно меня у него имеются какие-то планы — спит и видит, как бы до конца моих дней упрятать меня за решетку.

— Оливер, пойми, сейчас эту ферму держат на прицеле как минимум десяток снайперов, и парочка десантных рот готова в любое мгновение взять ее штурмом.

Оливер подался вперед.

— Ради Шакалии вы в свое время спасли меня, Гарри. Так и быть, на сей раз я тоже сохраню вам жизнь. Но больше не позволяйте им этого делать. И не советую вам охотиться за мной.

— Ты меня не слушаешь, приятель. Если ты не сдашь эти два пистолета, то охотиться будет уже не за кем.

— У меня есть пара слов для Суда. Если им нужны

пистолеты…

— То?

— Тогда им придется прийти и взять их у меня.

Смех Оливера остался звучать в комнате, но сам он исчез, растворился в воздухе. Дверь распахнулась, и внутрь ворвались солдаты в черной форме. Увы, их встретили лишь последние отзвуки сатанинского хохота.

Покинув сознание Гарри, Шептун одновременно отключил свое внимание от небесных наблюдателей. Черт, ну и холодина у них там наверху! К тому же некоторые из наблюдателей довольно трудно поддались влиянию. Сказывалось действие эликсиров, которые они принимали, чтобы ненароком не уснуть и не утратить бдительность.

— Старый греховодник был прав в одном, — произнес Натаниэль. — Они не успокоятся, пока не поймают тебя или не убьют.

Оливер пожал плечами и покрутил в руках пистолеты, прежде чем снова засунуть за пояс.

— Сначала за мной охотились, потому что я меченый, теперь — из-за этих вот игрушек. Велика ли разница? Ты лучше скажи, какие планы у тебя?

Шептун вернулся в обычную форму, махнув рукой на все попытки придать себе человеческое обличье.

— Пойду, поищу себе лес и пещеру, Оливер. Стану жить как отшельник, как можно дальше от этих хэмблинов. Какое мне до них дело? Мне нужно душевное спокойствие, а оно приходит лишь вместе с одиночеством.

— Это как в твоей камере в Хоклэме? Тогда не вижу особой разницы, — заметил Оливер.

— Да, но только там я буду по своей собственной воле. В этом вся разница, самая главная разница в нашем мире — тебе тоже не мешало бы это уяснить для себя. Но я просил бы тебя об одной услуге…

— Проси. Я и без того тебе многим обязан.

— Первым я спас себя, затем тебя, потом всех меченых, и в последнюю очередь Шакалию. И теперь хотел бы обойтись без твоих проделок, Оливер Брукс.

— Я не стану тревожить твоего одиночества, Натаниэль. Если же дела пойдут наперекосяк, я всегда найду, где мне спрятаться. Щелей хватит. Так что за меня можешь не переживать.

Шептун расхохотался, вернее, его шипение означало смех.

— Переживать за тебя? Великий Круг, и они еще считали меня угрозой своему государству! Прощай, Оливер, и не продавай

свою жизнь задешево!

С этими словами он направил стопы к зарослям, и вскоре звук его шагов затих в лесной чаще. Оливер еще какое-то время смотрел ему вслед. Было тихо, лишь время от времени ухали совы.

— Прощай, Шептун, прощай, дружище.

Не успел Шептун скрыться в зарослях леса, как рядом с Оливером возникла Хозяйка Огней.

— Если хочешь, Оливер, я могу удалить пятно с твоей души.

— Только больше не надо никаких предохранителей, хорошо?

— Его время прошло. Боюсь, он исчерпал себя.

— Думаю, это моя вина, ведь я подначивал его. Что касается моей души, то я — это я. Часть твоего существа какое-то время тоже была человеческой — настолько, что ты взяла себе в возлюбленные смертного мужчину. Но ты должна помнить, что ничто не стоит на месте. Все меняется.

Хозяйка Огней описала в воздухе круг — сверкающие мотыльки, быстро померкнувшие на фоне крошечных звезд, которые вращались вокруг нее.

— Устройство системы таково, что она способна принимать перемены. Перемены, даже в самом конце всего сущего — вот единственная истинная константа.

— Надеюсь, я не разочаровал тебя.

— Нет, Оливер. Как раз наоборот! — Хозяйка Огней улыбнулась. — Ты меня поразил!

— Мы встретимся с тобой снова?

Но она уже исчезала из виду, сквозь бледный ее силуэт виднелись деревья, проникал лунный свет.

— Лет через тысячу, вполне может быть. Твой народ не может жить, не навлекая на себя бед. Он вечно верит в то, во что верить не стоит.

Оливер вздохнул. Через тысячу лет его самого уже не будет. В отличие от Шакалии и шакалийцев. И его пистолетов. Уж они-то наверняка будут его помнить.

Мастер Резак шагал вместе с главой совета ясновидящих; их разговор эхом отдавался по коридорам главного дворца Механсии. Они уже почти дошли до воспитательных палат. Было слышно, как поблизости резвятся юные паровики — приятное разнообразие на фоне бесконечных забот, которые несла с собой должность регента.

— В этом решении ошибка исключается, — произнес Мастер Резак.

— Ее не допустили бы Паро-Лоа, — ответил глава совета. —

Шестеренки Гиэр-Джи-Цу вот уже несколько недель подряд ложились в одном и том же порядке. Я сам обращался к Заке, Владыке Цилиндров, и Аджасу-Расту, и они сходятся во мнении. Так что нет никаких сомнений в том, какое тело выбрал себе на этот раз Король-Пар. И такой старый и заслуженный боец, как вы, непременно должен увидеть его.

— Хорошо, — ответил Мастер Резак. — Древние в зале мертвых шепчут его имя. Ясновидящие находят его разбросанным по всему великому узору, когда их начинает одолевать информационная хворь. Просто удивительно, как это имя до сих пор само не проскользнуло в гимны, которые распевает наш народ.

С этими словами он кивнул воспитателю, который встретил их у дверей, ведущих в детскую. Мимо прошмыгнули двое юных паровиков; на мраморном полу их гусеницы то и дело заносило в сторону. Озорники так увлеклись игрой, что даже не заметили присутствия взрослых.

— Подожди мы еще немного, и я уверен, что так оно и будет, — отозвался глава совета. — Ага, вот и он. Какой серьезный ребенок!

Ясновидящий, воспитатель и регент остановились. Юный паровик, о котором шла речь, сидел за столом. Перед ним был расстелен лист бумаги. Будущий король горного королевства был так увлечен его изучением, что не замечал ни вошедших взрослых, ни играющих вокруг него сверстников.

Разумеется, у регента имелись сомнения. Потрескавшуюся мастер-плату, которую юная мягкотелая вручила ему четыре года назад на поле кровавого побоища при Ривермарше — ту самую, что ранее принадлежала осквернителю, — полагалось стереть и отправить на переплавку. Во имя бороды Зака, Владыки Цилиндров, хотелось бы знать, в чьем теле она все-таки, в конце концов, оказалась.

— Как называется то, чем он сейчас занят? — поинтересовался Мастер Пила.

— Это форма визуальной репрезентации, — ответил воспитатель. — Как, например, письмо или архитектурный чертеж. Ее приходится какое-то время внимательно изучать, но стоит присмотреться, как начинаешь вникать в ее смысл, и из разрозненных на первый взгляд штрихов и пятен начинает складываться рисунок. Он и других детей учил, как правильно это делать.

Что ж, Король-Пар всегда был особой эксцентричной, со своими причудами.

— Мягкотелые тоже этим занимаются?

— Да, мастер, — ответил воспитатель и протянул регенту лист бумаги. — Они называют это живописью.

Мастер Резак посмотрел на бумагу, пытаясь соединить калейдоскоп цветовых пятен и контуров в целостное изображение.

Нет, конечно, здесь что-то есть, вот только что? Он попытался представить какой-нибудь текст, нечто из иконографии паровиков, что могло бы помочь ему извлечь из всего этого смысл. Да, нелегкое дело, что тут скажешь!

— На наших ясновидящих это произвело впечатление, — с гордостью сообщил воспитатель. — И даже на наших сограждан в Шакалии, которые более привычны к подобного рода вещам. Мы обнаружили точно такие же репрезентации на полу и стенах дворца. Возможно, в прошлом у нас также существовала эта форма искусства, однако позже, во время глобального похолодания, была утрачена.

Ребенок оторвал взгляд от бумаги и посмотрел на взрослых. Наконец он заметил их присутствие.

— Мои картинки цветные.

Мастер Резак нежно погладил его по головке.

— Это я вижу, юный паровик.

Лист бумаги регент забрал с собой. Он будет каждый день по несколько минут смотреть на него. Паровик-рыцарь решил внять совету, который он сам постоянно давал другим: если постоянно упражняться, то со временем можно разгадать любую головоломку. Что ж, подождем немного, и все прояснится.

Флэддок перешагнул через тело старика, чтобы выглянуть в зарешеченное окно на проплывавшие мимо лодки жителей Нью-Олбанса. То, что в Шакалии к власти недавно пришло правительство левеллеров, никак не отразилось на количестве каторжников, приговариваемых к высылке из страны морем, как, впрочем, и на его собственной судьбе. Месяц в прогнившей плавучей тюрьме, что качалась в темных водах Гэмблфлауэрса, после чего долгий путь в Конкорцию в вонючем трюме какого-нибудь торгового судна.

В большинстве своем заключенные были примерно вдвое младше его — уличные беспризорники, воровавшие, чтобы не умереть с голоду. Легкая добыча для миддлстилских легавых — малолеток, таких, как они, поймать куда проще, нежели профессиональных преступников. Единственный, кто был старше — проворовавшийся торговец зерном, спавший у его ног. Не считая его, Флэддок был в камере самым старшим по возрасту из тех, кто ждал, когда за ним придет какой-нибудь фермер и купит

его бумаги. С тех пор как Флэддок попался на неудачной попытке стащить в Хогтсвуд-Филде чужой бумажник, он старался не терять бдительности. Восемь лет каторжных работ и высылка — и все из-за какой-то ерунды. Подумаешь, его пальцы дотронулись до дорогой кожи туго набитого деньгами кошелька, принадлежащего какому-то расфуфыренному франту. Разве это справедливо?

— Ну что, расскажешь нам очередную историю? — спросил у него Галлон.

Флэддок кивнул уличному парнишке. Кто бы мог подумать, что такое простое умение, как чтение, сделает из него официального тюремного библиотекаря? Он выбрал порванную газетенку — одну из тех, что какой-нибудь сердобольный прохожий, возможно, сам бывший заключенный, просунул сквозь прутья тюремной решетки — и разгладил верхнюю страницу. «Миддлстил иллюстрейтед» четырехнедельной давности; вся в пятнах от соленой воды. Не иначе как повалялась в трюме какого-нибудь клипера, стоявшего на приколе неподалеку от Нью-Олбанса.

Лично Флэддок предпочел бы местную газету — что ему Миддлстил! — но, как говорится, нищему не пристало вертеть носом. А что касается ссыльных — то тем более.

— Скажи, Галлон, какую историю тебе почитать? — спросил он у мальчишки.

— Что-нибудь про танцы и про то, как живут богатые! — подала голосок Луиза Ловкие Ручки. — Вроде той, в которой рассказывалось про бал в Сан-Гейте!

— Тоска зеленая! — возразил Галлон. — Не лезь, девчонка. Не слушай ее, Флэддок, читай лучше, где говорится, кого на чем застукали и на какой срок осудили. Это самое интересное!

— Здесь в конце есть стоящая вещь, — отозвался Флэддок. — Не просто новости, а что-то вроде романа. Называется сериал. Что-то вроде тех ужастиков, что продают на бульварах всего за пенни.

— Можешь мне не объяснять, что такое сериал, — ответила Луиза Ловкие Ручки. — Но какой от него толк? Начала мы не знаем и вряд ли кто из нас когда-нибудь прочитает конец. Ведь что нам с вами светит? Торчать под солнцем на поле, гнуть спину на какого-нибудь дармоеда.

— Эх, жаль, что вы не хотите ее слушать — вздохнул Флэддок. — Я сам прочел ее не далее как вчера, и скажу честно, ничего лучше мне в последнее время не попадалось. Народ называет это небесными сказками. Речь идет о группе аэронавтов, которые на воздушном корабле путешествуют к одной из наших

лун и обнаруживают там совершенно неизвестных существ. Действие происходит в Шакалии, а сочинила историю какая-то женщина.

— Женщина? — удивилась Луиза Ловкие Ручки. — А можно на нее посмотреть? Там есть ее портрет?

— Нет, портретов автора обычно не печатают, — пояснил Флэддок, но страницу все-таки показал. — Есть лишь имя — М. У. Темплар. Если вам попадается история, чей автор вместо полного имени подписывается инициалами — можно держать пари, что это женщина… а все потому, что книжонки раскупаются лучше, если публика не знает, что их сочинила женщина.

Флэддок умолчал про то, что знаком с автором лично. И это точно женщина.

— Читай лучше подлинную историю, про грабежи и убийства, — настаивал Галлон.

— Опять? — вздохнул Флэддок. — Ладно, слушай, если тебе так хочется, про грабежи и убийства, но только при условии, что после этого я прочту для Луизы сериал. С какой истории мне начать?

— Про то, как шулер получил в брюхо нож после того, как его застукали на жульничестве, — предложил один из заключенных, юный крабианец, у которого не хватало одной руки.

— Нет, — возразил Галлон, и его осунувшееся лицо приняло серьезное выражение. — Лучше историю про Гуда с Топких Болот. Ту, в которой он убегает от двадцати легавых после того, как прикончил владельца шахты. Этот кровопийца оставил рабочих умирать под обвалом, а все потому, что их спасение, видите ли, требовало слишком много денег.

— Ты сущий болван, Галлон! — пискнула Луиза Ловкие Ручки. — Нет никакого Гуда с Топких Болот. Это все выдумки! Просто радикалы пользуются этим именем, когда им нужно по-настоящему запугать народ.

— Неправда! Никакие не выдумки! — не сдавался Галлон. — Про него всегда пишут в газетах. Говорят, у него есть два пистолета, которые по ночам светятся дьявольским огнем, когда сам он становится невидим. Говорят, стоит легавым выйти на его след, как на его свист с неба слетаются лэшлайты, чтобы его спасти.

— Мой дедушка, бывало, рассказывал мне истории про Гуда с Топких Болот, которые в свою очередь ему рассказывал еще его собственный дед, — не унималась Луиза Ловкие Ручки. — Он что, постоянно жует леааф, этот ваш Гуд? Или он — привидение? Ты еще скажи, что веришь в Мать Белую Лошадь, которая приносит подарки в день зимнего солнцестояния. Смотри, Галлон, вдруг

тебе завтра и впрямь что-нибудь перепадет.

Их чтение было прервано лязгом ключей в замке, после чего вместе с порывом свежего ветра в затхлую камеру вошел надзиратель.

— Живо всем подняться, мои красавчики! К вам гости, причем очень даже уважаемые. — Он оглянулся на старого крабианца, стоявшего у него за спиной. — Ну, или довольно уважаемые. Двум джентльменам требуется дополнительная пара рабочих рук. Заключенный Флэддок, ты здесь?

Флэддок встал.

— Считай, что тебе сегодня крупно повезло, приятель. Тут одна колонистка, проглядывая списки подлежащих высылке, наткнулась на код твоей крови. Почему-то она решила, что ты ее не то троюродный брат, не то двоюродный племянник или типа того. В общем, она выкупила твой контракт.

— Везет дуракам, — пробормотал кто-то.

Флэддок кивнул и потрогал щетину на подбородке. Давно пора. Код его крови был не более реален, чем имя. Не более реален, чем его лицо, которое до сих пор при каждом прикосновении казалось изуродованным и опухшим. Он не переставал удивляться. Неужели другие заключенные и впрямь не видят сквозь эту маску, которую он носит после визита к одному сговорчивому уорлдсингеру. А вот фермерша, выкупившая его документы, вполне может приходиться ему родственницей. Роялисты давно уже видели в широких равнинах и густых лесах Конкорции удобное и, главное, безопасное для себя место.

Неужели еще долгие годы после визита к уорлдсингеру лицо коммодора Блэка тоже было точно таким же на ощупь? Флэддок с радостью спросил бы его, знай он, какие его ждут последствия. Но в одном хитрый лис был все-таки прав. Пока силы старого режима не могут успокоиться и упорно продолжают трясти дерево, в надежде, что оттуда свалится принц Алфей, самый верный способ выскользнуть из Шакалии — нарушить закон. И тут уж, как говорится, комар носа не подточит. В архивах Гринхолла появятся подлинные документы, подтверждающие содеянное преступление, после чего — бесплатная высылка на борту корабля, идущего в колонии, — и все это под носом у господ легавых. Они объявили, что предыдущий король мертв. Не хотелось бы их разубеждать.

Надзиратель повернулся к старому крабианцу.

— Сколько рабочих рук вам нужно, мистер Кауард?

— Лишь те, что находятся в этой камере, — ответил тот.

Надзиратель простонал.

— Опять! Так дальше нельзя, сэр! Тем самым вы создаете

напряженность между землевладельцами. Эти парни здесь для того, чтобы до седьмого пота вкалывать на полях, а не прохлаждаться, ловя рыбу в ваших ручьях. Мне тут в городе рассказали, будто у себя в Вокстион-Вэлли вы даже наняли для этого отребья пару учителей. Моих ребят нужно учить молотить зерно и валить лес, а не осваивать буквы. Вы хотя бы отдаете себе отчет в том, какая здесь у нас нехватка рабочей силы? Сколько еще денег вы готовы потратить? Ведь тем самым вы только взвинчиваете цены на рабочие руки.

— Думаю, у меня еще осталась горстка ваших чудных шакалийских пенсов, — ответил Кауард.

Надзиратель невольно вздохнул и жестом велел Флэддоку выйти из камеры. Снаружи молодого человека уже поджидала повозка, которая должна была доставить его в порт.

Флэддок встал и протянул потрепанную газету Галлону.

— Сохрани ее, Галлон. Прочтешь, когда освоишь буквы.

Надзиратель положил в карман символическую сумму, присланную новой хозяйкой Флэддока, и обернулся к крабианцу.

— Да, теперь не то, что в старину, мистер Кауард. Тогда можно было месяцами ехать верхом и не встретить ни одного из своих соседей. В те времена можно было дышать полной грудью, ощущать себя по-настоящему живым. Я родился в те времена, и скажу, что хорошие это были годы! Вот только были, да прошли.

Шагнув на яркое солнце, Флэддок заморгал и, обернувшись к сокамерникам, со счастливой улыбкой согнул и разогнул руки. Мгновение — и он скрылся из виду.

— Да, — произнес Кауард. — Вы совершенно правы. Времена уже не те. Но и они неплохи.

notes

Примечания

1

Фамилия Темплар (Templar) образована от слова «Темпл» (temple) — по-английски «храм». — *Примеч. пер.*